МИХАИЛ ХАРИТ

РЫБАРИ и ВИНОГРАДАРИ

МИХАИЛ ХАРИТ

РЫБАРИ и ВИНОГРАДАРИ

МИХАИЛ ХАРИТ

Рыбари и Виноградари

MIKHAIL KHARIT

PISCATORES ET VINITORES

МИХАИЛ ХАРИТ

РЫБАРИ И ВИНОГРАДАРИ

РОМАН

Москва
2016

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х20

Харит, М. Д.

Х20 Рыбари и Виноградари / М. Д. Харит. — М. : РИПОЛ классик, 2016. — 720 с.

ISBN 978-5-386-09513-0

Что произойдёт, если туманные и абстрактные предсказания Апокалипсиса вдруг начнут сбываться в реальной жизни? Скорее всего, человечество не заметит. Люди привыкли жить среди постоянных проблем: то эпидемии, то войны, то землетрясения…

Заметят лишь специалисты. Но и они не впадут в религиозный экстаз, поскольку привыкли решать сугубо практические задачи. Раз есть проблема, существует её источник. И группа суперагентов получает задание — найти и обезвредить Зачинщика. Можно сказать, достать из-под земли или с того света.

Новая книга Михаила Харита «Рыбари и Виноградари» — фантастический роман-приключение, где есть мистика, философия и много юмора.

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Харит М. Д., 2016
© Хачатурян Е. В., иллюстратор, 2016
© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик» издание, оформление, 2016

ISBN 978-5-386-09513-0

КНИГА I

КОРОЛЕВА ПРИНИМАЕТ ПО СУББОТАМ

Все события и персонажи являются вымыслом.

Любые совпадения следует считать случайными.

Хотя! Некоторые из дотошных друзей автора, читавших рукопись в черновом варианте, утверждают, что скрупулёзно проверили даты, имена и события, упоминаемые в книге, в доступных или малодоступных архивных материалах и, конечно, в необъятном информационном пространстве интернета. Эти педанты утверждают, что совпадения с реальными историческими фактами абсолютны. Ну что ж, каких только случайностей не бывает. Мир полон чудес...

Ходя же при мори Галилейстем, виде Симона и Андреа, брата Симона, вметающа мрежи в море, беста бо рыбаря.

И рече има Иисус: приидита вслед мене, и сотворю вас быти ловца человеком.

Евангелие от Марка
на старославянском. 1. 16-17

Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнёс его оградою, выкопал в нём точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился.

Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды.

Евангелие от Матфея. 21. 33-34

Помни день субботний. Чтобы святить его.

Библия. Исход. 20.8

ПРОЛОГ.

ИБО ПОЛОЖЕНА ПЕЧАТЬ, И НИКТО НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ...

26 декабря 2004 г., Таиланд

Почему мы не властны над ночными кошмарами? Бывают отважные люди, способные войти в горящую избу, остановить коня на скаку, побороться с медведем. Словом, погибнуть красиво. Но даже они хоть раз в жизни просыпались, вздрагивая от ужаса.

Анна не желала геройской смерти и была напугана, когда очнулась от тягучего страшного сна. Тело дрожало, волосы взмокли от липкого пота. Перед глазами стояло жуткое видение: огромный шампур, покрытый хлопьями сажи и крови, протыкал знакомое голое беззащитное тело. Звук, с которым ломались кости в разрываемой плоти, всплыл из глубин сновидения. «Крак-крак-крак». Кажется, она кричала. Но что? И кому? Сон ускользал, растворяясь как туман. Ощущение ужаса не проходило. Сжавшись в комок, боясь шевельнуться, Анна напряжённо вслушивалась в тишину комнаты. Она знала, что рядом притаилось нечто страшное и лишь ждёт её неосторожного движения. Любое безмолвие наполнено звуком. Бежит кровь, стучит пульс, гудит прибой в барабанных перепонках, как в морской раковине. С этим можно мириться. Это родное. Главное, нет ничего постороннего, чужого, пришедшего из другого,

неведомого мира. Но почему так сводит мышцы живота, почему она вся — перетянутая струна, готовая лопнуть?

Враньё, что секс — основной инстинкт. Страх — правит человеком. Мы ежесекундно боимся за себя, за своих близких. Никакой оргазм не сведёт мышцы в такой дикой судороге.

Что это? Нет. Показалось. Тихо. Кажется, ничего не происходит. Может, обойдётся. Говорят, страх создан эволюцией, чтобы спасать во время опасности. Смертельно напуганный человек способен совершать действия за гранью возможностей. Домохозяйка, спасаясь от бешеной собаки, перепрыгнула двухметровый забор. Мировой рекорд! Но страх бывает разный. Существует жуткий, парализующий волю и действия. Тут эволюция ни при чём, ведь в большинстве случаев результатом становится смерть. Может быть, такой ужас приходит не из этого мира? Нечто из другой реальности хочет тебя убить. И душа знает, что можно только замереть и бояться, надеясь, что там, в потустороннем мире, передумают. Чаша сия минует.

Но нет. Она вздрогнула и вновь покрылась холодным потом. Похоже, не обошлось...

Совсем рядом явственно раздалось кошмарное «крак-крак». Закусив губу, она сдержала желание вскочить, закричать, броситься сломя голову куда-то в кромешную темноту спальни. То, что пряталось во мраке, только этого и ждало.

Надо перестать паниковать. Рома спит рядом. Она чувствовала тепло его тела, различала дыхание с так раздражающим рычащим храпом. «Давай рассуждать. Сейчас зловещий хруст не был похож на треск костей, скорее на стук по полу. Отбросим вариант, что это феи в хрустальных башмачках танцуют вальс. Вернёмся в реальность. Когда живёшь в бунгало среди джунглей, загадочные тревожные звуки означают одно: очередная ядовитая тварь из леса забралась через открытую балконную дверь». От ужаса перехватило дыхание. Она боялась шевельнуться, чтобы зверь не обнаружил добычу. Пусть уж лучше бросится на Рому. Будет знать, как беззаботно храпеть. Намордник в другой раз наденет.

Сколько раз она требовала закрывать окно на ночь, но натыкалась на баранье упрямство. Мол, надо наслаждаться свежим воздухом океана и ароматами тропического леса. Кретин, утверждающий, что только идиоты дышат воздухом кондиционеров с миллиардами бактерий. А она-то хороша! «Как скажешь, любимый». Решила, что не будет проявлять характер до свадьбы. Когда тебе уже сильно за тридцать, не стоит капризничать по пустякам.

Стук затих. Тишина с беззаботным мужским храпом казалась нелепой. Будто ты сидишь на электрическом стуле, а рядом сморкаются и чихают.

Три дня назад обнаружила в ванной паука размером с ладонь. У того было мохнатое тело, заросшее чёрными ворсинками, и скрюченные когтистые лапы, которыми зверь пытался дотянуться до её горла. Рома убил страшилище ботинком. Срочно вызванный сотрудник отеля на вопрос, является ли такой паук ядовитым, лишь потупил глаза, словно невинная девушка перед дотошным врачом.

«Крак-крак!» — донеслось с пола. Разум вновь захлестнула паника. Сердце бешено колотилось, холодный пот покрыл лоб и ладони. По животу и спине метались противные мурашки.

Наверняка это огромная змея с хищной пастью, полной ядовитых зубов. Почему она сама не сдохнет, отравившись? Хитрая. Наверное, прикидывает, как прыгнуть на беззащитную девушку, и нервно бьёт чешуйчатым хвостом. Хотя, хвостом бьют кошки и собаки. Делают ли это змеи, Анна не знала. Она попыталась глубже зарыться в спасительное одеяло и осторожно толкнула Романа. То страшное, что было на полу, похоже, услышало это движение. Стук вновь прекратился. Храп тоже затих, и от этого стало ещё страшнее.

— А? Что?

— Тихо. Там кто-то прячется, у журнального столика, — в ужасе прошептала Анна, борясь с подступающей истерикой.

Мужчина нащупал выключатель у изголовья кровати. Яркий свет на мгновение ослепил.

— Ничего нет, — привычно выговорил Роман. — Лишь труп горничной. Можно я закопаю её утром?

— Прекрати паясничать. Там точно что-то есть. Проверь, пожалуйста.

Мужчина, недовольно ворча, встал, надел тапки. И тут опять застучало, и что-то большое, размером с волейбольный мяч, шевельнулось в тени крышки стола.

Анна в ужасе закрыла глаза.

— Это краб, — услышала она. — Большой. Древесный, не морской. Такие живут в лесу.

Рома всегда поражал эрудицией. Ум — вот его главное достоинство. Как ей надоели тупые самцы, кичащиеся своими литыми бицепсами, трицепсами и клеточками пресса! Богатые толстячки тоже раздражали. У самой денег с избытком — таких дизайнеров, как она, в России единицы. А Роман был другим. Писатель-драматург. Забавно, когда у писателя имя Роман. Шесть книг уже вышло. Может, семь. Или пять. Немудрено, что от таких переживаний всё вылетело из головы.

Опять же, у будущего мужа прекрасная семья: папа — театральный режиссёр, мама — знаменитая актриса. Отличная партия. Хотя подчас потенциальный жених бесил изрядно. Особенно своим неуёмным желанием завести кучу детей. Надежды юношей питают. У неё были на этот счёт свои взгляды. Родительский инстинкт — обычная ловушка, которую подсунула коварная природа в наш мозг. Размножаться любой ценой требует сидящая в нас животная сущность. Любая нормальная здравомыслящая женщина знает, что беременность — это опасная болезнь, имеющая кучу осложнений. Намного страшнее, чем грипп. Зачем соглашаться на такое по доброй воле? Даже при благоприятном исходе уход за младенцем крадёт слишком много времени и сил. Жизнь коротка. Стоит ли тратить её, чтобы вырастить неблагодарных эгоистов, которые доставят больше проблем, чем все злодеи мира?

Анна открыла глаза. Теперь она разглядела за ножкой стола коричневое панцирное тело с выставленными колючими клешнями. Краб грозно щёлкал ими, и от этих движений шёл знакомый звук.

— Ну что, маленький, испугался? Обидела тебя тётя, — ласково разговаривал с ним Роман.

— Выкинь эту гадость прочь!

— Надо найти какую-нибудь палку. У нас есть щётка?

— Возьми вешалку из шкафа.

Роман вышел в прихожую, оставив её один на один с чудовищем, выглядывающим из своего укрытия.

Секунды тянулись, отсчитываемые щёлканьем разверстых клешней.

Наконец мужчина появился и вступил в борьбу с лесным зверем. Анна в ужасе зарылась в одеяло. Слышалось напряжённое дыхание и звонкий звук удара дерева о кость. На секунду привиделась жуткая картина, где восставшие из гробов скелеты остервенело бьют друг друга палками. Потом сражающая группа переместилась к балкону. Скрипнула штора.

— Всё. Я выкинул его наружу. Правда, он унёс вешалку.

Анна осторожно выглянула. Роман включил наружное освещение, и было видно, как по полированному настилу уличной веранды тащится краб с трофейной вешалкой.

Яркий свет не разогнал темноту ночи, а лишь отодвинул на несколько метров. Виднелась беседка у бассейна, диваны с мягкими разноцветными подушками.

«А вдруг сейчас там спит какое-нибудь чудовище из джунглей? Их королева. У неё тело пантеры, лапы паука, а глаза краба...» — с ужасом представила Анна.

Тьма стояла плотной стеной. За ней, в жутком мраке, из джунглей ползли тысячи новых тварей, чтобы броситься на ярко освещённый и такой беззащитный домик.

Где-то тревожно заухала птица, ей в ответ из джунглей истошно запричитали и зарыдали, истерично всхлипывая и подвывая. То ли хрип, то ли рык раздался со стороны бассейна. Ответом ему был противный лающий хохот.

— Немедленно закрой окно! — взвизгнула Анна, изо всех сил стараясь не представлять себе всех вопящих снаружи существ.

В этот раз мужчина не стал спорить. Он задвинул стеклянные витрины огромных окон и запахнул плотные занавески. Теперь в спальне стало безопасней.

— Давай спать.

— Зачем он приходил к нам? — растерянно спросила Анна.

— Может быть, он искал убежище от чего-то страшного, наступающего снаружи. Хотел предупредить об опасности... — пошутил Роман. Но по расширившимся глазам девушки понял, что шутка получилась неудачной.

Торшер в углу гасить не стали. Она долго не могла уснуть, пытаясь прогнать мерзкое ощущение, будто по телу ползает что-то щекотное и липкое, похожее на противных маленьких букашек. На всякий случай приняла обжигающе-горячий душ, тщательно продрав кожу жёсткой мочалкой. Лишь после этого воображаемые насекомые ушли, хотя теперь потревоженная кожа зудела. Пришлось вновь подниматься и мазаться кремом.

Разбудил запах кофе. Рома уже встал и вновь настежь распахнул окно. Анна подумала, что любое обычное утро на самом деле — неповторимое и единственное, и такого не было и уже никогда не будет. Но просыпаться не хотелось. Оживляющий поцелуй прекрасного принца не намечался. Рядом сновал лишь покрытый утренней щетиной, знакомый до боли мужчина.

В проспекте отеля было обещано, что «вас ждёт райское уединение среди романтического безмолвия тропиков». Наверное, текст писал глухой, поскольку шум вокруг стоял немыслимый. Как безумные, верещали птицы. Исступлённо пилили лес цикады. Иногда они дружно замолкали на минутный перекур. Потом вновь принимались за старое. С ними соревновались тысячи насекомых. Стрекотали, жужжали, скрипели, трещали. Далеко в джунглях лаяла заблудившаяся собака. Ветер недовольно шипел на пальмы, а потом вдруг осерчал и звонко отшлёпал их по тугим глянцевым листьям. Океанский прибой долбил будто японский барабанщик. Чайки изобретательно орали; по сравнению с ними хор мартовских котов напевал колыбельную.

Если любишь тишину и покой, домик на природе недопустим! После беспокойной ночи Анна чувствовала себя разбитой, а тут ещё утреннее солнце осторожно, словно опытный вуайерист, заглянуло в спальню. Сияющий любопытством взгляд бродил по спальне, набираясь дерзости, и наконец от-

важился коснуться щеки. Не получив отпора, всё смелее щекотал и ласкал обнажённую кожу шеи, затем попытался было скользнуть ниже. Но манёвр не прошёл. Девушка раздражённо отодвинулась:

— Задёрни шторы. Я не выспалась и провалялась бы до обеда в постели. Ещё сон кошмарный приснился.

— О чём?

— Ерунда. Тебя насадили на шампур и собирались поджарить.

— Хороший сон. Видимо, к барбекю на пляже. Пойдём купаться.

— Я устала.

— Мы же только проснулись.

— Я всю ночь воевала с чудовищами.

— Воевал я, — не согласился Роман. Потом решил всё же смягчить сказанное: — Но ты умело руководила сражением. Выпей кофе. Пойдём на пляж, поплаваем, тебе станет лучше.

Анна молчала, понимая, что не будет спорить. Пусть думает, что и после женитьбы всё будет так, как он скажет.

Деятельный характер будущего мужа не давал шанса на ленивую утреннюю негу. Но что-то в глубине разума отчётливо шепнуло ей, что именно сегодня надо повести себя ленивой дурой, захныкать и ни за что не выходить из спасительной постели. Словно чьи-то руки бережно, но крепко держали, не давая подняться. «Лежи! Никуда не ходи!» — требовало подсознание. Вновь по коже побежали мурашки. Вспомнила подругу, утверждавшую, что вселенная всё время разговаривает с нами и любое событие что-то означает. Даже укус комара. Сначала страшный паук, потом кошмарный сон. Жуткий краб, зачем-то притащившийся из леса. К чему бы это? Может, следует внять совету из недр разума? Хотя, если всё время следовать неведомым голосам, замуж не выйдешь никогда. Кому нужна сбрендившая дура...

Анна решительно сбросила наваждение и поднялась.

— Ну хорошо, сейчас буду готова. Думаю, на море приду в себя.

— Конечно, на воздухе тебе сразу станет лучше. Солнце, воздух и вода, — пропел Роман.

Анна поморщилась. Любимый пел скверно.

Прохладный душ и животворящий вкус кофе возродили интерес к жизни. На пляж идти уже хотелось. Действительно, не просыпать же такой замечательный день! Она подошла к окну.

Любителям аскетичных дам с мальчишеской фигурой Анна не понравилась бы. В её фигуре было много волнующих выпуклостей, чарующих ямочек и прочих плавных линий, ценимых знатоками другого типа женщин.

Солнце освещало её сзади, и неожиданно она показалась Роману ангелом, сияющим в ареоле слепящего света. Хотя кто-нибудь наверняка бы с ним не согласился. Вряд ли ангелы — голые невыспавшиеся брюнетки, имеющие шоколадную от загара кожу со следами от купальника.

Роман не принимал попытки близких очернить Анну. Мол, она старше, себе на уме и не ставит его ни в грош. Всё не так. Она красива, нежна, тонко чувствует его душу, обожает детей и животных.

— Любовь затмила тебе разум. Ты, как наркоман, не видишь правды, — говорила мама.

«Нет, — думал он, — любовь открыла моё сердце, изменила сознание. Как всякий влюблённый, я перестал быть махровым эгоистом».

— Пожалуй! Девочка из виноградника, возлюбленная Соломона... — задумчиво теребил подбородок папа, погружённый в заоблачные сферы драматургии. — Для влюблённого не имеют значения реальные черты предмета поклонения. Идеальный образ создаётся в душе. Анна может быть любой, но твоё счастье — от возможности дарить ей радость. В конце концов, для меня неважно, какой зритель сидит в зале. Творец радуется удовольствию, которое дарит другим.

Отец всегда переводил любой разговор на себя. Потом вспоминал, что Бог —тоже Творец. Можно сказать, они с Богом — сотоварищи по профессии. И дальше рассуждал от лица обоих: «Влюблённый человек подобен Всевышнему. Создатель любит всех — добрых и злых, красивых и уродливых. Од-

нако всё проходит. Что будет, когда чувства угаснут? Солнце остынет, галактики разойдутся, Господь охладеет к своему творению...»

Роман прогнал воспоминания, любуясь подругой. Крона пальмы за окном качнулась от дуновения океанского бриза, и на мгновение его ослепил солнечный луч, прокравшийся сквозь узор листа. В глазах вспыхнула радуга, и показалось, что рядом с ангелоподобной Аней появились два херувима: маленькие девочки, Машенька и Олеська. Он мечтал о детях, а счастье — не такая уж недостижимая вещь. Вот приедут в Москву. Закатят свадьбу. Если завалиться в постель прямо сейчас, то об Олеське можно будет подумать безотлагательно. Хотя... лучше вечером. «Устроим романтический ужин при свечах... Закажем розового шампанского...» Роман улыбнулся своим мыслям. Писательская фантазия не желала уходить. Машенька будет младшей и, наверное, самой любимой. Болезненной и ласковой. Сколько бессонных ночей проведут они с бесконечными простудами! Он сочинит у её постели сотни сказок. И в какую же красавицу вырастет! Выйдет замуж за хорошего парня, который станет известным хирургом. Нарожает кучу очаровательных детишек — непоседливых, вечно путающихся под ногами внуков.

Олеська будет весёлая и бойкая, озорная хулиганка. Изведёт и родителей, и школьных учителей. Рано выйдет замуж. Сразу разведётся и, вернувшись в родительский дом, останется на всю жизнь.

Но тут произошло непонятное. Сердце сжалось от какого-то странного и страшного предчувствия, желудок исчез, образовав пустоту в животе. Где-то стучал пульс, словно бухающий барабан. Ему показалось, что в комнате стало холодно и тихо. Но это продолжалось пару секунд. Вновь за окном пели тропические птицы, а волны зноя от разгорающегося дня проникали в комнату сквозь распахнутое окно.

— Возьми фрукты, — попросил он, зябко поёживаясь и укладывая полотенца в пляжную сумку.

Дорога к уединённому заливу занимала минут двадцать. Бухта спряталась между скал в стороне от главного пляжа оте-

ля. Большинство отдыхающих даже не знали о ней. Роман и Анна часто приходили сюда пораньше, пока идти было не жарко и редкие парочки, любившие, как и они, это дивное место, ещё завтракали.

Дорожка спускалась с холма сложным зигзагом, обходя крупные неизвестные деревья, обвитые разнообразными лианами. Среди них было несколько гигантов с персональными рощами из многочисленных побегов, спускавшихся от кроны и пустивших корни у земли.

На прямых участках по краю тропы росли группы молодых пальм. Между их ажурными листьями сновали розовые и жёлтые цветы, которые при ближайшем рассмотрении оказывались пичугами. Другие «цветы» — пурпурные, синие и дымчато-кремовые — заполняли поляны между деревьями. Но стоило отвести взгляд, и они начинали взбираться сначала на кусты, оттуда на деревья, а затем взлетали беззаботно порхающими бабочками и птицами.

Взгляду открывались дивные панорамы. Океан словно поднимался над островом, полукругом охватывая пространство. На изумрудной плоскости тёмные и светлые пятна гнались за бегущими облаками, будто компания расшалившихся псов за вальяжно планирующими альбатросами. Многочисленные яхты спешили на облюбованные участки океана, ничем не отличающиеся от соседских. Их вспененные следы рождали орнамент загадочной тайнописи. Там, где воды упирались в сияющее небо, возникала тайна ровной полосы горизонта, разделяющей наш мир пополам.

Романа неожиданно охватило чувство всеобъемлющего счастья. Ощущение было настолько острым, что, суеверно испугавшись, он подумал: «Вдруг кто-то недобрый на небесах подслушает и позавидует...»

Придя на место, расстелили полотенца у любимой пальмы, дававшей тень даже в полдень. Лагуна с белоснежным песком и лазурным океаном раскинулась почти правильным полукругом между двумя поросшими тропическим лесом скалами и выглядела как будто её только что создали. А они — первые люди на земле, и весь этот эдемский рай был тщательно подготовлен

именно к моменту их появления. Даже гладкий, с замшевой поверхностью, песок был тщательно выглажен ночным приливом — никаких человеческих следов, никаких повреждений или царапин.

Утреннее солнце — снисходительно-ласковое. Оно искоса смотрит на крошек-людей, удивляясь, как быстро бежит время. Всего-то миллиард лет назад крохотная амёба зародилась в первозданном бульоне, и надо же — уже выросла и пришла загорать.

Анна плескалась на мелководье, прыгала в пушистые волны, теряющие силу у берега. Она категорически отказывалась забираться глубже, поскольку с детства боялась утонуть.

Роман плавал в одиночестве далеко за линией прибоя. Здесь огромные волны были пологими холмами. Тело невесомой пушинкой висело между небом и землёй, поднимаясь и опускаясь, как на огромных качелях. Он лёг на спину и отдался этому ласковому и непрерывному движению. Тёплые струи мягко массировали мышцы, кожа впитывала омолаживающую морскую соль, лёгкие наслаждались живительным воздухом. Лучше, чем в спа-салоне!

Вдруг что-то изменилось. Что-то стало не так. Он быстро огляделся вокруг, но не заметил ничего подозрительного.

Роман был отличным пловцом, и в океане доверял интуиции, даже если разум не подавал никаких тревожных сигналов. Это не раз выручало.

Вот и сейчас он быстро направился к берегу и, почувствовав под ногами песок, встал, всматриваясь в океан. Что же такое заставило его так стремительно выскочить из воды? Вроде бы всё было хорошо. Солнце, бухта, пляж. Но что-то говорило ему, что нет, всё нехорошо. И это «нехорошо» стремительно увеличивается.

— Милый, всё в порядке?

— Всё в порядке, не волнуйся — ответил Роман, в то время как инстинкт кричал в его теле, что всё совсем не в порядке. Какое-то древнее сложное чувство овладело им; здесь не было ничего рассудочного, только дрожь от осознания того, что сейчас может произойти всё что угодно. Мир перестал быть знако-

мым, в мгновение он стал враждебно-безжалостным, управляемым чьей-то таинственной и непостижимой волей.

Роман сделал несколько шагов к Анне и вдруг понял, что вода стремительно уходит из-под ног, обнажая песчаное дно.

«Беги! — кричали клетки его тела. — Хватай Аню и беги!»

Но разум продолжал пытаться понять происходящее. Вдруг наступила тишина, странная и страшная. Прибой затих, птицы не пели. Мир замер в ожидании чего-то невероятного. Роман вновь взглянул на океан. Полоса песка перед волнами стремительно увеличивалась. Казалось, происходит гигантский и крайне быстрый отлив. Вот обнажилась скала, над которой он обычно плавал.

Анна, тоже почувствовав неладное, подошла к нему.

И тут разум, упрямо продолжавший анализировать ситуацию, исчез. Его место занял хронометр, который принялся чётко и неумолимо отсчитывать секунды.

«Один... Два... Три...» Мозг теперь принадлежал только инстинкту, который управлял телом и отдавал команды мышцам.

Не сговариваясь, они бросились на берег, даже не вспомнив об одежде, понимая, что та пара мгновений, которая потребуется, чтобы взять её, скоро очень пригодится.

«Шесть... Семь... Восемь...» Пересекли пляж, вбежали на пригорок, где начиналась дорожка.

Но инстинкт, уже уверенно командующий в мозгу, закричал, что сюда нельзя. В стороне, в нескольких метрах за кустами, начиналась почти отвесная тропа, уходящая в скалы.

Так же молча, ничего не обсуждая, полезли по тропе. Голые, босиком, они двигались как первобытные люди, управляемые неведомыми силами.

«Двадцать три... Двадцать четыре... Двадцать пять...»

Бухта была уже под ними, но тело продолжало упрямо стремиться вверх.

«Сорок два... Сорок три... Сорок четыре...»

И тут они услышали шум, будто со стороны океана к ним двигался огромный локомотив.

Прошло меньше минуты, как в их размеренную жизнь ворвалось нечто невероятное, будто где-то на небесах нажали

красную кнопку. И теперь они увидели, что было уготовано изобретательной судьбой.

Огромная стена воды с бешеной скоростью неслась из океана. Приближаясь к берегу, она вздымалась всё выше и выше. Океан постепенно вставал на дыбы, сворачиваясь в гигантскую трубу, катящуюся на остров.

Вот волна достигла берега и обрушилась на него всей своей необъятной массой. Пляж и пальмы исчезли. На их месте теперь бушевал безумный водоворот из поваленных деревьев, водорослей и песка. Расправившись с пляжем, вода устремилась вверх по склону, сминая и уничтожая всё на своём пути.

Анна и Роман упрямо лезли вверх, понимая, что каждый оставленный позади метр может спасти жизнь. Но, видимо, тот, кто играл с ними на небесах, не желал лёгкого окончания игры. Путь перегородил свежий обвал. Видно было, что он случился совсем недавно, может быть, этой ночью. Мелкие камни перекатились через тропу, но один, огромный, почти в человеческий рост, намертво закрыл проход. Роман не был тренированным тяжелоатлетом, но мгновенно приподнял Анну и закинул её на верхушку валуна. Он поразился, с какой лёгкостью это проделал. Казалось, женское тело не имело веса. Анна протянула сверху руку. Какая отважная! Не впадает в истерику, а действует. Если упереться ногой в эту выемку, можно будет влезть наверх.

В этот момент он почувствовал, как что-то коснулось его ног. Обернуться не успел. Месиво из колючих стволов, веток и мусора толкнуло в спину тяжестью многотонного грузовика. Он услышал хруст собственных костей. Огромный сломанный ствол пальмы своим острым концом легко проткнул мягкое тело насквозь.

Анна завизжала, страшно и дико. Ночной кошмар снился неспроста. Предупреждали! Надо было капризничать и валяться в кровати до обеда. Глядишь, выжили бы.

Роман умер не сразу. Нанизанный на огромный шампур, уже не испытывая боли, увидел двух ангелочков: Машеньку и Олеську. Они тянули к нему детские ручки и жалобно плакали по своей несостоявшейся судьбе.

Волна играючи подхватила его мёртвое тело и безжалостно потащила, раздирая об острые скалы. А затем, словно устыдившись своего поступка, схлынула вниз, забирая жертву с собой.

Анна с удивлением обнаружила, что жива. Чудовище-цунами не достало вершины камня, лишь обрызгало девушку голодной слюной. Она потерянно лежала в грязной луже, медленно подсыхающей под тропическим солнцем, разглядывая безразличное пронзительно-синее небо. Наступила реакция. Где-то под сердцем образовалась сосущая пустота. На душе было спокойно и даже беззаботно. Какие уж теперь заботы! Ну почему жизнь постоянно подсовывает гадкие сюрпризы? Ох, как не везёт с замужеством! Вот и очередного жениха корова языком слизнула. Мысль показалась смешной. Она засмеялась. Удивлённые чайки группой расселись на склоне и вдруг принялись подражать ей. От этого стало ещё смешнее. И вот уже будто толпа безумцев орала, давилась хохотом, всхлипывала вперемежку с подвыванием над осквернённой, грязной и изломанной бухтой, ещё недавно бывшей райским садом.

В тот день индонезийское цунами, обрушившееся на Таиланд, убило около трёхсот тысяч человек. Все новостные агентства мира обсуждали это событие целую неделю... Потом ещё полгода в прессе время от времени вспоминали о трагедии, и даже был снят фильм.

* * *

8 августа 2006 г., Италия

Проводить свой отпуск на яхте в открытом море — совсем не то, что гулять на коротком поводке у гида, осматривая достопримечательности.

Для Андрея и Ирины это было первое самостоятельное путешествие под парусом. Андрей выглядел настоящим морским волком: девяносто килограмм тренированных мышц, голова лысая и круглая, мощный обветренный нос, маленькие, вечно прищуренные глаза.

Он с детства рос вспыльчивым и неуправляемым. При рождении наорал на акушерку, и так и жил, взрываясь при первой

возможности. Выражение «кроткие наследуют землю» было явно не про него. Отец Андрея, работавший по дипломатической линии в МИДе, понимал, что из сына вряд ли получится дипломат. Поэтому в четырнадцать лет он отдал его в мореходку, решая тем самым две задачи: хоть немного дисциплинировать подростка и открыть для него возможность заграничных вояжей. Во времена СССР моряки были одной из немногих каст, имеющих доступ за границу.

В училище Андрей научился пить водку и жестоко драться. Развал СССР застал его на одной из морских баз Владивостока в стадии глубокого депрессивного запоя. Собственно, это было нормальное, можно сказать, рабочее состояние большинства офицеров, живущих по философскому принципу «Я пью, значит, я существую». Но запои Андрея вошли в историю части золотым фондом. Ещё долго о них тоскливыми зимними вечерами старшие офицеры с гордостью рассказывали молодым курсантам.

Демобилизовавшись, не без помощи всесильного папы, Андрей уехал в Москву перекраивать судьбу на гражданский лад. Сначала новая жизнь не удавалась. Он быстро отгулял все заработанные на службе Отечеству деньги. В этот период лучшие московские клубы боролись за право выставить его за дверь, а несколько авиакомпаний включили в чёрный список пассажиров, которых не рекомендовалось допускать на борт. Но затем произошло неожиданное. Андрей никогда не рассказывал, почему в один день он бросил пить. Совсем. Трезвый и злой, он занял у отца приличную сумму денег и ушёл в бизнес, открыв туристическую компанию.

В фирме он установил практически военный порядок. Приучил сотрудников на все указания отвечать «Есть», не договариваться с клиентами на стороне и работать допоздна.

На первых порах очень пригодились международные связи отца. Дела шли в гору. Бог, неуклонно пекущийся о достойных, явно благоволил к нему. К 2005 году Андрей имел одну из лучших туристических компаний в Москве и открыл несколько филиалов по России. Работа отнимала много сил и нервов, которые он восстанавливал в спортзале, где и познакомился с Ириной — тренером по фитнесу.

Ира, высокая, стройная, с короткими рыжими волосами, выжимала лёжа семьдесят килограмм и не любила романтической чепухи. Когда в первый раз осталась ночевать в холостяцкой квартире Андрея, сказала:

— Только не больше трёх подходов. Я сегодня устала.

Она легко укротила Андрея с его необузданным характером, и впоследствии закономерно стала женой. Друзья считали, что он находится под каблуком у супруги, по её команде прыгает через обруч и слизывает кусочки сахара, которые кладут на нос. Он в ответ только посмеивался. Хищника приручить нельзя. Дрессировщик может запихивать свою голову в зубастую пасть лишь пока лев считает это забавным.

Свой первый совместный отпуск они провели в горах Тянь-Шаня. Потом был сплав по горной речушке Урала, где все чудом остались живы. И вот вторую неделю плыли на парусной яхте по Средиземному морю. Сегодня собирались к вечеру добраться до острова Понца, что в двадцати километрах от западного побережья Италии, напротив мыса Сан-Феличе-Черчео.

Погода полностью соответствовала прогнозу: на безоблачном небе вовсю жарило солнце. Дул устойчивый юго-западный ветер, они шли бейдевиндом плавными галсами, стараясь держать яхту максимально остро к ветру, что позволяло набрать приличную скорость.

— Хорошо идём! — крикнула Ира. — И ветер классный.

— Мне всегда хочется придушить козла, желающего попутного ветра. Сам бы попробовал при ветре в жопу поработать с парусами.

Мужчинам свойственно разговаривать с женщинами, думая о своём. Андрей вполуха слушал Иру, отмечая, что обстановка на море начала меняться. Ветер вдруг заленился. Только что бодро, до звона, надувал выбеленную ткань парусов, а тут вдруг утомлённо вильнул вбок, пытаясь уклониться от работы. Когда грот окончательно провис, хлопая от небольших дуновений, Андрей решил завести мотор. Паруса были убраны, и яхта поплыла прямым курсом.

«Сглазила, — подумал про жену. — Морская примета: женщина на судне — не к добру».

Тут и погода стала заметно портиться. С запада появились перистые облака. Андрей понимал, что прогнозирование погоды — это тоже наука, только очень неточная. Поэтому неожиданная перемена не удивила. Даже если бы сейчас пошёл дождь, это было бы не самое плохое. Самое плохое было намного хуже. Например, странная стена тумана, неожиданно появившаяся в полукилометре перед ними.

Ирина тоже с изумлением смотрела на загадочное природное явление.

— Может, не стоит туда влезать? Поплыли к материку, — предложила она.

— До пляжей Террачины ещё тридцать километров, а до уютного ресторана на острове осталось от силы два. Я голоден как пёс.

— Я бы тоже поела.

— Вот. Плывём прямо, тем более что навигатор не боится тумана.

На воде бывает, что, казалось бы, правильные решения приводят к неожиданным последствиям. Мы плохо знаем моря, они слишком стары. Цивилизации приходят и уходят, а моря остаются. Они снисходительно терпят снующие по ему кораблики, как старый волк относится к играющим под ногами щенкам. Но сколько неожиданных способов удивить наивных и самоуверенных младенцев таят они под своим покровом!

Яхта вошла в плотную стену тумана. Сразу стало темно, и липкая прохлада коснулась разгорячённых тел. Равномерно гудел двигатель. Кроме этого звука — вокруг ничего, лишь белая плотная вата, за которой могло прятаться всё что угодно. Реальный мир исчез, и, казалось, неведомые потусторонние существа таятся совсем рядом; они обступили лодку по периметру, пытаясь дотронуться своими холодными щупальцами до живых, тёплых людей. Хорошо знакомое море превратилось в безжизненное молоко, слегка дымящееся, словно в гигантской кастрюле, которую только что сняли с огня. Ничего не происходило. Только отвратительное ощущение, что они находятся в начале неведомых событий.

Ирина зябко поёжилась, накинула ветровку прямо на купальник и уселась перед светящимися экранами приборов, корректируя курс.

— На нас что-то движется с запада, — неожиданно сказала она.

— Корабль? — спросил Андрей.

— Нет. Радар не определяет это как корабль.

— Что тогда?

— А я знаю? Это большое. Метров сорок-пятьдесят.

— Ну, значит, всё-таки корабль, — с облегчением сказал Андрей. — Обойдём справа?

— Нет. Эта штука только что пошла направо. Может быть, они нас заметили и обходят.

— Сколько до него?

— Около километра.

— Мы расходимся?

— Нет. Опять идёт на нас.

У обоих крепло убеждение, что то, что двигалось в плотной стене тумана, — крайне опасно. И что встречи избежать не удастся...

— Он что, поменял курс? — нарочито спокойно спросил Андрей, выгоняя из сознания призраков, пытающихся туда войти.

— Похоже, да.

— Странно. Хорошо, я ухожу влево.

Несколько минут тишины. Ровно гудящий мотор пытался успокоить взбудораженное сознание. Наконец Ирина сказала:

— Мне это всё не нравится. Эта штука опять меняет курс и идёт на нас, — в интонации её голоса прозвучал страх.

— Что за фигня? — начал заводиться Андрей. Беспокойство уверенно перерастало в тревогу. А там и до страха рукой подать. Андрей не любил трусов. И никогда бы не признался, что в глубине души боится моря. Наверняка есть пожарники, бледнеющие от запаха дыма, врачи, готовые упасть в обморок от вида крови, боксёры, боящиеся противника. Слабый человек в таких случаях ломается, а сильный лишь умножает силу.

В такие минуты в нём просыпалась отчаянная злость, душившая неуверенность и сомнения. Лучше быть вспыльчивым вулканом, чем дрожащей тварью.

Не зря говорят, что реальность отражает состояние души. Море тоже начало беситься. Только что вокруг них было неподвижное марево, но вдруг всё начало двигаться, покачиваться и трястись. Гигантскую кастрюлю, в которой они плыли, поставили на огонь, и содержимое стало закипать. Творилось что-то невероятное: все чувства Андрея орали, как обезумевшие болельщики на футбольном матче. Неожиданно белая пелена превратилась в хлопья, которые ветер, усиливающийся с каждой минутой, раскидал в стороны. Туман исчез, и вокруг вновь появилось море, но как отличалось оно от того, в котором они плыли всего десять минут назад! Тёмные тучи заволокли небо. Появилось волнение, к счастью, пока небольшое. Но ветер был теперь весьма ощутимый, и с каждой секундой продолжать свирепеть будто пёс, звереющий от своего лая. Хорошо, что они вовремя свернули паруса.

Но самым неприятным было то, что они наконец увидели загадочный объект менее чем в километре от яхты. Это был огромный, бешено крутящийся столб, своей вершиной касающийся туч. Тонны воды, вопреки всем законам тяготения, улетали в небо, словно кто-то включил огромный насос и решил перекачать вскипевшее море, которое было сейчас совершенно белого цвета. Волны раздирали свои пасти, откуда валила пена, как у эпилептического больного, бьющегося в судорогах и конвульсиях. В воздухе стоял непрерывный грохот, будто гигантские жернова перетряхивали и мололи сухие орехи. Всё вокруг ревело, завывало и бесилось, а яхта, вдруг ставшая крохотной и беззащитной, в ужасе взвизгивала металлическим стоном.

— Смерч! — закричала Ирина, хотя Андрею это было и так ясно.

— Я обойду его слева! — проорал он сквозь свист и вой ветра, который к этому времени разгулялся во всю мощь, неистово нападая на всё, что попадалось под руку.

Яростная потасовка между взбесившимся ветром и припадочным морем создавала обстановку сумасшедшего дома, где

неожиданно отключился свет и буйные больные занервничали. А может быть, так празднуют Хэллоуин в аду...

Андрей добавил газу, и яхта, взлетая и проваливаясь на волнах, стала обходить двигающийся столб. Вибрирующая палуба, залитая белой жижей, то вставала на дыбы, то опрокидывалась под ноги.

Ирина вцепилась в поручни, изо всех сил удерживая себя за вторым штурвалом.

Скоро смерч оказался в стороне. Ещё через несколько томительных минут Андрей уже было вздохнул с облегчением. В глубине души он сдержанно, по-мужски поблагодарил Николая Чудотворца, покровителя моряков, за хорошую работу. Рассказать друзьям — не поверят.

Но тут столб опять двинулся в их сторону, словно живое существо, чующее добычу.

Андрей знал, что смерч не может их видеть, что он движется управляемый сложным сочетанием движений воздушных масс.

Пришла странная мысль, что кто-то на небесах решил сыграть с ними в смертельную рулетку. Надо угадать, куда двинется столб дальше. Влево — вправо. Красное — чёрное. Жизнь — смерть. Ошибка не допускается, второй попытки не дают. Шансы стремительно тают. Если выберет красное, то выпадет чёрное, а если чёрное, то выпадет красное. У стихии, так же, как в казино, всё рассчитано так, чтобы клиент проиграл. Выиграть можно только если владелец заведения не против.

Гадкое ощущение страха и беспомощности пыталось проскользнуть в мозг.

Пинка под зад мерзким лазутчикам — трусливым мыслям! Пришло время бесшабашного и отмороженного бешенства. Ничего не бояться, никого не просить, ничему не верить.

Он разъярённо оглядел смерч — и выбрал «зеро». Направил яхту прямо в пекло. Ирина в ужасе закрыла глаза. Но тут Андрей увидел, что, похоже, угадал: решение было правильным.

Смерч словно испугался бешеной ярости Андрея и стал уходить вправо, как хищник, заглянувший в глаза безумному охотнику. Дорога освобождалась. С каждой минутой расстоя-

ние между ними увеличивалось. Вот уже показались берега острова.

— Вот так, а ты боялась! — скалясь, прокричал Андрей то ли Ирине, то ли себе.

Вдруг он услышал, как она что-то сказала.

— Что? — переспросил Андрей. За грохотом бури он не расслышал её слова.

— Дело дрянь, — неожиданно охрипшим голосом повторила Ирина. — Оглянись, он опять развернулся и идёт за нами, — её голос предательски дрожал. Она нервно повела головой и плечами, и Андрей увидел, что она плачет. Он никогда бы не догадался, что Ирина способна на такую слабость, и теперь был напуган по-настоящему. Взглянув вокруг, он понял жуткое коварство стихии. В пылу манёвров они оказались в юго-западной части острова. Здесь берег щерился изломанными рёбрами скал, перед которыми таились коварные рифы. Бури, нападающие с юга, превратили камень в хаотичное нагромождение острых и крепких копий, шипов и лезвий, выступающих из воды в самых неожиданных местах. Всё, что было мягким и хрупким, давно раздроблено и безжалостно смыто.

Беглого взгляда достаточно, чтобы понять, как здесь опасно. Нет, скорее невероятно, чрезвычайно, смертельно опасно!

Смерч, как опытный охотник, выводящий добычу на засаду стрелков, загнал яхту в ловушку. Собственно, идти было некуда: кругом гибельные камни, появляющиеся и исчезающие в крутящихся волнах, словно зубы в открытой пасти моря.

А смерч подходил уже вплотную. Его основание было ещё в сотне метров, но сама вершина, расходившаяся грибной шляпкой, висела прямо над ними, превратив небо в чёрную пропасть.

«То, что мы до сих пор живы и невредимы, просто невозможно, — очумело подумал Андрей. — Везёт же дуракам».

Раздался жуткий хруст. Это яхта, поднятая очередной волной, со всего маху села на острую скалу, легко пробившую прочную обшивку корпуса. В разверстую рану тут же хлынула вода, своим весом ещё больше осаживая судно.

И тут подошёл смерч, беснуясь, как обезумевший боксёр. Его кулаки молотили вокруг без разбора. В одно мгновение всё, что могло быть сломано, оказалось разнесено в щепки. Части яхты и всевозможные предметы словно нехотя расставались с палубой, улетая в неизвестность.

Ирина мёртвой хваткой вцепилась в поручни. Мышцы онемели, плечо пронзила острая боль. Потом отказала перегруженная кисть правой руки. Она почувствовала, как слабеющие пальцы скользят по мокрой стали.

Андрей увидел, как её лицо перечеркнуло полосой. Это какой-то металлический штырь с лёту, легко, будто стрела, воткнулся ей в щёку. Кровь струилась по коже вниз, за воротник куртки.

— Не надо!!! — страшно закричал Андрей. Кому орал, он и сам не мог бы сказать, но продолжал бессмысленно повторять эти слова, из последних сил удерживая бесполезный штурвал. Что-то покатилось по палубе. Придавленная нога хрустнула гадким звуком раздробленных костей, различимым даже в окружающем гвалте. Боль острыми клыками вцепилась в тело, раздирая его. Вихрь, уходящий в небо, тащил судёнышко вверх. Море, словно страстная любовница, обвивало и обволакивало, пыталось удержать в себе.

Раздался треск, потом ещё. Яхта разваливалась. Стихии наконец договорились и теперь вместе пожирали лодку и людей, из последних сил цепляющихся за её останки.

Андрей закричал, но из горла вырвался то ли всхлип, то ли протяжный хрип.

Затем наступила полная темнота. И лишь далеко-далеко светилась одинокая звезда, но до неё ещё надо было долететь...

А Ирина лишь удивилась, что нестерпимая боль исчезла. Ощущение было слишком быстрым, и всё кончилось до того, как она успела порадоваться.

Днём позднее по местному телевизионному каналу было сообщено, что смерч разрушил несколько домов у городка Террачина на западном побережье Италии, снёс рыбацкую деревню. Около десяти человек получили ранения. Двое русских туристов на яхте, арендованной в Хорватии, пропали без вести.

Фотография огромного водяного столба, уходящего из бушующего моря в небо, сделанная с пляжа, несколько лет висела за стеклом в будке спасателей, пугая впечатлительных туристок. Потом и она исчезла.

* * *

Наши дни. Швейцария

Совсем стемнело. Молодой месяц хвалился похудевшей талией. Озорные звёзды подмигивали, кокетничая напропалую.

Он отошёл от окна. Первый шаг отозвался в ступнях привычной болью. Следующие дались легче. Сбросить бы лет этак пятьдесят и поехать на вечеринку, плясать до утра, чувствуя ладонями, грудью, животом горячие, потные девичьи тела. Впрочем, они сейчас танцуют по-другому. Почти не касаясь друг друга. Каждый сам в себе. И сексом, наверное, так занимаются. По интернету.

Уселся в кресло, ощущая мягкое тепло, охватившее спину. Горничная беззвучно пододвинула столик с бокалом красного вина и тарелочкой мелко нарезанных фруктов.

— Спасибо, Лейла.

— Вам включить телевизор?

— Я сам. Иди, отдыхай.

— Доброй ночи, месье Базан.

Какой у неё тёплый голос, словно гладишь мех. Ласковый зверёк из далёкой саванны.

Лёгким нажатием пальца совершил будничное чудо: загорелся огнями чёрный квадрат экрана, и в комнате появилось ещё одно параллельное пространство. Там неземная блондинка томно облизала микрофон и запела, имитируя безумную страсть.

Она же неспособна любить. Хотя, если только деньги... Сколько таких прелестных созданий, влюблённых в его кошелёк, порхало здесь в разные годы...

Нажал кнопку. Программа поменялась.

Слава Богу, здесь не поют. Просторная студия в ослепительно-белых тонах. За массивным столом прячутся говорящие го-

ловы, вставленные в разноцветные рубашки. Умники, наслаждаются своей эрудицией, спорят, поддакивают, возражают, поучают. Лишь бы повысить свою самооценку и понизить вашу.

Чуть было не переключил канал, но тело само остановило руку. Палец соскользнул с кнопки и завис в неуверенности, слегка подрагивая. Лишь затем мозг переварил слова ведущего, безошибочно узнаваемого по развязной манере общения:

— Старость и смерть — неизбежный финал всего сущего. Но сегодня в студии человек, который даёт людям надежду на бессмертие. По крайней мере, на существенное продление жизни. Это так, доктор?

Ведущий — неприятен. Что этот красавец с целлулоидным лицом, которое миллионы домохозяек вспоминают, прикрыв глаза во время секса с мужем, знает о старости? Что он вообще знает, кроме актрис, которых тискает в гримёрной, и начальства, которое имеет его и тех же самых девиц?

— Мы способны продлить человеческую жизнь лет до ста двадцати. И это не предел. Не за горами рубеж в сто пятьдесят и даже триста лет.

Отвечавший привлёк внимание. Голос мягкий, но с той скрытой силой, которую хочется уважать. Надо надеть очки, чтобы разглядеть лицо... Опять камера вцепилась в кретина-телеведущего.

— Вам уже больше девяноста, но вы продолжаете делать тончайшие операции. Поделитесь секретом.

Интересно! Торопливо открыл бордовый кожаный футляр с очками, быстро нацепил, вглядываясь в экран. Неужели ему столько? Врут. А вдруг нет? Выглядит неплохо. Волосы совсем седые, мелкие частые морщины на лбу и вокруг глаз, но взгляд подвижный, словно у озорного ребёнка. Такой ещё и спляшет, пожалуй. Ага. Судя по надписи внизу экрана, доктор медицины Л. Нэйман, лауреат всех существующих наград, почётный член... Это понятно.

— Старость наступает от повреждений, накапливаемых в цепочках ДНК. Мы уже частично умеем чинить отдельные поломки.

— Когда наступит эра вечной жизни?

Почему ведущий перебивает? Зачем улыбается? Мерзкий тип, сошедший со страниц глянцевого журнала. Ему кажется, что жизнь и так вечна. Уж помолчал бы, что ли...

— Я отвечу неожиданно. Люди умирают совсем не от старости. Большинство гибнет по другим причинам. Уверен, со старостью мы совсем скоро справимся. Ведь в Библии говорится, что человек может жить до девятисот лет. Данные современной медицины это допускают. Наш организм способен на регенерацию и постоянное омолаживание. Надо только запустить эти процессы. Проблема в другом.

Кажется, ведущий растерян. Даже не перебивает. Неужели у них всё заранее не договорено? Но, действительно, диковинные вещи говорит этот неподвластный времени лауреат...

Он сделал крохотный глоток вина из пузатого бокала и аккуратно поставил на столик. Свет, идущий от телевизора, зажёг внутри жидкости рубиновое сияние. Розовые отблески шустрыми зайцами скакнули по коже рук, халату, прыгнули за кресло, оттуда к двери. И сейчас, возможно, уже мчались по коридорам.

Доктор Нейман в ином, параллельном, мире вдруг пристально взглянул сквозь стекло экрана. Показалось, что человек из телевизора видит эту комнату. Между их взглядами тонкой натянутой паутинкой возникла связь. Невесть где существующая студия оказалась соединённой с этой гостиной, будто переплелись разные вселенные.

Учёный отвёл взгляд. Паутинка лопнула.

— Проблема в том, что людей убивает не старость, а нелепая и преждевременная случайность, фатальный рок. В мире ежеминутно уходит из жизни чуть больше ста человек. И лишь четверть из них умирают от немощи или продолжительной болезни. В основном все гибнут от разного рода непредвиденных случайностей.

Не может быть! Никогда бы не подумал. Хотя, действительно: дочь — мышка-норушка, пампушка-хохотушка, единственная настоящая любовь — ушла так рано... Заплетала в волосы кукол разноцветные ленты, завязывала бантики. Склонит голову, улыбнётся: «Красиво?». Он и вправду не видел ничего пре-

краснее. Зачем вспоминать то, что даёт боль... Почему от всего, к чему прикасается память, щемит душу? Все умерли. Друзья, соседи. Даже Элвис Пресли...

Вновь пригубил вина. Подержал во рту. Кровь Христова — пейте её в воспоминание. Память обжигает. Жизнь стоит за спиной тысячами вариантов: если бы не ушёл, зачем обидел, почему поторопился, отчего разозлился, надо было ехать, следовало остаться, просить, разрешить, проверить, предусмотреть... У прошлого нет сослагательного наклонения. Нельзя ничего изменить, и тоска грызёт. А будущее? Шорох идущих мгновений — словно чужие шаги в пустом доме. С ужасом ждёшь их. Ближе. Ближе... Кто там? Тишина. Никто не знает, кто там. И что там. От этого тоже нерадостно. Можно выжечь и прошлое и будущее алкоголем, сексом, наркотиком. Тогда останется настоящее, с ноющей поясницей и слабеющими ногами.

Вот и доктор тоже полез за очками. Щиплет глаза дымка-слезинка. Всё-таки от возраста не убежишь. Достал из рукава листок. Словно фокусник. Собирается что-то читать.

— Каждую минуту два человека гибнут на войне или от рук убийц и террористов, и столько же совершает самоубийство. Плюс ещё троих уносят из жизни природные катаклизмы, а четверых — автомобильные катастрофы и производственные травмы. — Доктор оторвал взгляд от листка. — Эти смерти никак нельзя связать со старостью. — Вновь уткнулся в текст: — Ежеминутно двадцать человек умирает от голода, и столько же детей в возрасте до пяти лет гибнет вследствие самых неожиданных причин. А ещё десятки людей преждевременно уходят из жизни от гриппа, инфарктов, инсультов, рака, вызванного курением...

Ведущий наконец спрятал свою дурацкую улыбку. Наверняка курит, и теперь прикидывает, сколько ему осталось. И поделом. Кара за грехи предусмотрена Библией.

Мужчина поставил бокал. Поясница отозвалась застарелой болью. Тяжела ноша...

— Недостаточно одной медицины, чтобы дать человеку бессмертие или хотя бы существенно продлить жизнь. Нужно убрать злой рок, который методично и преждевременно убива-

ет сотни миллионов здоровых людей. Положим, можно запретить курение, повысить иммунитет. Но как запретить землетрясения, цунами, ураганы, войны, смертоносные эпидемии и несчастные случаи?

И то верно. Ураган не отменишь. Протянул руку и взял несколько ломтиков манго. Терпкий кисло-сладкий вкус с оттенком хвои. Почему Лейла не срезает кожицу? Пусть оставляет нежную мякоть. Получается, что распространённое мнение, будто люди умирают от старости, ошибочно. Это — хорошая новость. За спиной насыщенная жизнь, но хотелось бы и дальше жить долго и счастливо. Отчего перестали делать удобные кресла? И книги печатают всё более мелким шрифтом. А инструкции на лекарствах — вообще невозможно прочесть. О-хо-хо. Хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Люди умирают внезапно, со своими планами на завтрашний день, мечтами и надеждами. Судьба...

Ведущий вдруг ожил:

— Вы считаете, что дату смерти каждого человека определяет висящий над ним рок, судьба?

Подслушал мысли? Или это единственное, что приходит на ум? Что же ответит доктор?

— Вы неправильно меня поняли. Судьба здесь ни при чем. Попробую пояснить на простом примере. Если бы цветок умел думать, он бы считал внезапной и преждевременной смертью момент, когда его срезали для букета. Но мы понимаем, что на то была воля садовника, которую несчастный цветок никогда не поймёт. Так и у людей. Думаю, их смерть в большинстве случаев связана с чьей-то непостижимой волей. И то, что семьдесят пять процентов людей умирает внезапно, лишь подтверждает это фантастическое предположение.

Эко куда повернул этот необычный доктор! Воля Всевышнего. Говорит как священнослужитель. Ему бы проповеди читать. Кстати, в воскресенье, кажется, разбиралась похожая притча... Память стала подводить... Сначала уронил листок с текстом псалмов. Потом лазил доставал из-под юбки соседки. Еле отдышался, пыльно там. Вспомнил! Пастор приводил слова Иисуса, как один трудяга собрал большой урожай и задумал построить

новый амбар для зерна. Но в ту же ночь горемыка умер. Внезапно. Без видимой причины. Как и говорит этот доктор. В чём смысл такой несправедливости? Пастор объяснил: мол, человек не может знать, когда придёт смерть, лишь Бог решает, забрать или оставить жизнь. И не нам, грешным, лезть в планы Господа.

Вновь на экране серьёзное лицо ведущего:

— Итак, вы, учёный, считаете, что смерть от старости — исключение, а не правило. По-вашему, некая высшая сила создаёт для каждого из нас обстоятельства, ведущие к гибели, и любой несчастный случай подстроен на небесах? Тогда по какому принципу делается выбор, кого убить, а кого нет? Может быть, наказываются грешники?

А он неглуп. Когда не улыбается, выглядит вполне вменяемым. Интересный вопрос задал. Что же ответит наш доктор?

— Принцип неизвестен. Помните мой пример про растения сада? Лишь садовник знает, почему выдирает одно растение и оставляет другое. Нет ему дела до моральных качеств сорной травы. Может быть, побег, который был безжалостно удалён, в своей среде слыл праведником, а сохранённый росток известен распутством и бросал семена куда ни попадя. Садовнику нет дела до морального облика цветов и их оргий с пчёлами. Он руководствуется своими соображениями, которые растения никогда не постигнут.

Ну, всё! Вот что узнала наука на деньги налогоплательщиков! Праведник или грешник, молодой или старый, конец — непостижим. Мы знаем, что ничего не знаем. Как там в Евангелие: «Будут двое на поле: один берётся, а другой оставляется». Строчки из Библии сами всплыли в памяти. Это хорошо. Не такой уж склероз...

Камера вновь остановилась на поумневшем лице телеведущего. Похоже, собирается сказать что-то мудрое.

— Вы, доктор, нарисовали грустную картину и для верующих, и для атеистов.

— Всё не так пессимистично. Ежедневно умирает около ста шестидесяти тысяч людей, но и рождается триста шестьдесят тысяч. Так что баланс пока явно в пользу человечества...

Почему он остановился? Что-то недоговаривает. Молчит. Задумался.

Не отрывая взгляда от экрана, потянулся к тарелочке с фруктами.

— Доктор, о чём вы задумались?

— Видите ли... Меня самого пугает один страшный вопрос. Что если непостижимая воля Всевышнего задумает выключить все человеческие жизни, одновременно и сразу? И произойти это может самым неожиданным образом...

От удивления поперхнулся. Фруктовый сок обжёг гортань и, кажется, попал в лёгкие. Надо лишь прокашляться. Но вздохнуть не удалось. Проклятый ломтик манго намертво закупорил трахею. Он слышал свой натужный, сдавленный хрип. Голова тяжёлела, наливаясь кровью и готовая лопнуть. Глаза вылезали из орбит, словно им вдруг стало тесно в черепе. Попытался вскочить, зацепился за подлокотник кресла и рухнул на ковёр. Столик опрокинулся, фрукты разлетелись яркими брызгами. У лица оказался поваленный бокал, чудом не разбитый. Кровавая жидкость вылилась, сразу окрасившись в чёрное вместе с окружающим миром. Спину прошила немыслимая боль. Тело дёргалось в конвульсиях, пальцы судорожно царапали безучастный ворс ковра. И тут что-то сдвинулось. Кусок проскочил в горло, царапая слизистую своей шкуркой, ставшей острой и шершавой. Он жадно вздохнул, ощущая, как живительный воздух проникает в лёгкие, насыщяет кислородом кровь. Какое счастье! Просто дышать! Похоже, смерть, убралась восвояси, словно грозный пёс, которому скомандовали «Фу!». Кто-то на небесах решил, что этому старику ещё рано помирать?

Мужчина лежал на полу закрыв глаза и тихо повторял одну и ту же фразу, казавшуюся ему самому бессмысленной: «Почему, Господи?».

Об этом случае никто не узнал. Горничная Лейла удивилась, когда обнаружила пятно от вина на ковре. И молча выслушала указание впредь чистить фрукты от кожуры.

ЧАСТЬ I.

МАКСИМ

ГЛАВА 1.

В КОТОРОЙ МАКСИМ НИКУДА НЕ ТОРОПИТСЯ И ЗНАКОМИТСЯ СО СТРАННЫМ МАЙОРОМ

Лифт стремительно летел вверх. На семьдесят втором этаже двери открылись с тяжёлым выдохом, будто запыхавшись от подъёма. Максим быстро прошёл по пустому коридору, уходящему куда-то вдаль, и остановился у своего кабинета. Войдя, как всегда, задержался у огромного, во всю стену, окна. Он всё ещё не мог привыкнуть к ошеломляющей панораме.

Полюбовавшись видом, уселся в большое комфортное кресло за рабочим столом и прямо поверх стопки бумаг обнаружил красивую карточку пастельного цвета с золотыми вензелями и милыми, слегка розоватыми ангелочками. Такую обычно присылают как приглашение на свадьбу. Но Максим знал, что это — зов на ковёр к начальству. Причём явиться следует срочно, учитывая неординарный характер шефа.

Почти бегом Максим выскочил в коридор и через несколько мгновений тихо постучал в элегантную белоснежную дверь, украшенную скромной табличкой:

Руководство Администраций (РАЙ).
Начальник департамента.
Моисей

Начальник сидел, погрузившись в думы. Наконец он поднял глаза и невнятно пробормотал:

— Максим. Вот, садись. Что сказать я должен тебе? Послушай.

Максим знал, что начальник был не речист, вдобавок голос говорящего был слегка приглушён бородой. Поэтому он постарался сконцентрировать внимание.

— Решение получено, — возвестил начальник. — Теперь исполнять следует. Хорошая весть: тебе премию дают. Там сказали, что службой довольны. Да и весь отдел хвалили. Слава Богу! Щедр и милостив Господь! Многотерпелив и многомилостив! — Моисей возвёл глаза долу. Сообщив благую весть, он удовлетворённо смотрел в лицо Максима. Пауза затягивалась.

— Славно, — согласился с начальством Максим. — А в чём подвох? — спросил он, зная логику поступающих распоряжений. Обычно за жизнеутверждающей первой частью следовала вторая, значительно более проблемная.

— Перепись народов не понравилась, — подумав, продолжал начальник. — Много грешников, мало праведников, велико развращение человеков. Да и поступки у них, знаешь ли. Зверей убивают не ради пропитания, природу портят, — словно оправдываясь, произнёс он.

В комнате опять повисла пауза.

— И что? — осторожно спросил Максим, пытаясь заполнить наступившую тишину.

— И всё. Похоже, раскаялся Господь, что создал человека на Земле. Можно сказать, восскорбел в сердце Своём. Земля, говорит, наполнилась от них злодеяниями... — голос начальника окреп, словно он говорил на многолюдном собрании. Теперь он уже почти кричал: — Истребит Он с лица Земли всех, которых сотворил. А заодно и скотов, и гадов, и птиц небесных...

Неожиданно Моисей замолчал и задумался. Дума была явно горькая. Уже обычным, тихим и совсем неофициальным голосом он произнёс:

— Слушай, Максимушка. Он ведь и нас истребит. Зачем мы Ему без людей-то? Чего нас, бюрократов, держать?

Его грустные и умные глаза вопросительно смотрели куда-то в потолок, словно там должен был появиться ответ.

Максим сочувственно смотрел на шефа: «В сущности, он ведь очень стар. Просто невероятно стар. Наверное, мысль о смерти должна казаться ему непривычной...»

Не дождавшись ответа от потолка, начальник предположил:

— Может, в отпуск отправит? Как думаешь?

— Вряд ли, — честно ответил Максим. — Если сильно воскорбел, то точно всех истребит.

— Надо, чтобы кто-то из ваших встал перед лицом Господа и возопил пожалостнее. Мол, неужели погубишь праведного с нечестивым?.. И лбом об пол... И голову пеплом...

Максим с сомнением покачал головой:

— Думаете, сработает?

— У Авраама получилось.

— Так то у Авраама. К нему особое отношение было. Да и не попасть сейчас к Самому на приём. Это же раньше, когда человечество было Его любимой игрушкой, вы, уважаемые, могли запросто говорить с Господом. А сейчас... Кто такой чести достоин? — задал риторический вопрос Максим.

Моисей горестно кивнул.

— Да. Времена изменились, — он яростно взбил бороду. — Думаю, всё равно, Он только ваших и послушает. Традиция, прецедент, опять же. Господь чтит прецедентное право, — с внутренним сомнением произнёс Моисей и продолжил, не давая мыслям скатиться в пессимизм: — Ну, иди, подумай. Выход должен быть. — тут он уже слегка воспрял духом и залихватски ввернул явно не каноническую фразу: — Где наша не пропадала!

Затем кривая настроения начальника снова упала вниз, он махнул рукой и напоследок добавил:

— Только недолго думай...

Максим осторожно вышел. Прикрывая за собой дверь, услышал нежные и грустные звуки арфы. Все знали, что руководство любит этот инструмент и старшему звену не возбраняется наигрывать мелодии даже в рабочее время. Считалось, что это способствует концентрации.

Похоже, времени было в обрез. Как только Максим сел за свой стол, зазвонил телефон. Максим схватил трубку. Красивые белоснежные облака за окном его уже не радовали.

— Аналитический Департамент беспокоит, — прозвучал в трубке хорошо знакомый хриплый прокуренный голос. — АД то есть...

— Фёдор, ты, что ли? — на всякий случай спросил Максим.

— Я. Только новости у меня плохие. И первая, и вторая, и третья — всё одно и то же.

— Ну?..

— Хана человечеству, — мрачно объявил Фёдор. — Начальство сегодня на ковёр вызывало.

— Сердилось? — сочувственно уточнил Максим.

— Орало... — подтвердил Фёдор. — А потом сказало. «Всё, — сказало. — Хана. Достали», — сказало.

— Как? — опять не понял Максим.

— Пыхнуло огнём. И выгнало. Теперь душа горит, — продолжал страдающий Фёдор. — У тебя есть чем огонь залить?

Максим знал, что телефон могут прослушивать. Поэтому осторожно сказал:

— Вам к нам нельзя. Пропасть между нами великая установлена. Не подняться. Каждый день код у лифта меняют. Да и занят я сейчас. Книгу главную читаю, — многозначительно произнёс Максим.

— А какой стих? — быстро уточнил догадливый Фёдор.

— Глава два. Стих тридцать семь.

— Ага, — повеселел Фёдор. — Побежал грехи замаливать. Я быстро...

Трубку повесили.

И почти сразу телефон вновь зазвонил.

— Опять ты? Что непонятно? — возможно, даже слишком резко спросил Максим.

— Это сервисная служба, — проворковал нежный женский голос. — Департамент Чистилища. Нужен ваш отзыв по качеству уборки.

— Нормальная уборка... — начал было Максим.

— Это я, Мадлен. Слушай, Макс, у нас здесь такое творится... — вдруг зачастил женский голос. — Слух ходит...

Неожиданно связь прервалась. В трубке раздались короткие и тревожные гудки. Максим понял, что они звучат в такт ритму сердца.

«Пип... Пип... Пип...»

Он проснулся. Трезвонил телефон. Его беспокойные звонки звучали продолжением сна. Наконец трель умокла.

Сон был живой и яркий. Максим сел на кровати и на всякий случай оглядел комнату, чтобы удостовериться, что в углу не затаился Фёдор, прибывший прямиком из своего Ада, то есть Аналитического Департамента.

Занавески чуть заметно колыхались в такт свежему дыханию, тянущему от окна. Он нащупал ногами мягкие тапки и, пройдя несколько неуклюжих со сна шагов, отдёрнул шторы. Вопреки прогнозу, погода обещала быть отличной. На лазурном небе ни тучки. Птицы спешно завершили утреннюю спевку и грянули что есть силы могучим хором: «С добрым утром тебя!» Бабочки, похожие на цветные фантики, чередовали плавное скольжение с резкими вывертами. Получалось замысловатое танго. Вежливые тени неслышно, словно английский дворецкий, вошли в комнату в такт движению тронутых лёгким ветром сосновых веток.

Максим прошлёпал в ванную.

Когда тебе уже за сорок, начинаешь внимательно вглядываться в своё отражение, ища изменения. Загорелое лицо, туманный спросонья взгляд, лёгкая седина в волосах, рельефные тренированные мышцы, плоский живот, ну, или почти плоский, если не смотреть в профиль. Перемены заключались в основном в отросшей за ночь щетине. Но это как раз вопрос решаемый. Своей внешностью он остался доволен.

В формуле «Возлюби ближнего как самого себя» Максим полагал вторую часть ключом к успеху. Многие себя не любят, постоянно недовольны, и даже когда всё хорошо, мечтают сбросить пару килограммов. Чувство неудовлетворённости собой обычно не исчезает с достижением нужного результата, а распространяется на соседа, родственников, знакомых. У ближних

обнаруживаются тонны недостатков. Максим себе нравился и с чистой совестью применял заповедь ко всем остальным: людям, животным и растениям. Но, поскольку человечество было легче любить издалека, предпочитал одиночество.

Только нанёс ароматный гель для бритья на щёки, как телефон зазвонил вновь. Кто-то упорствовал в намерении до него дозвониться. Максим взял трубку, висевшую на стене.

Разговаривать с пеной на губах было неудобно. В зеркале он был похож на эпилептика, решившего вызвать себе скорую помощь.

— М-м-м? — сказал он, пытаясь одновременно протереть лицо.

— Не мычи, пожалуйста, — раздался знакомый голос Софии. — Петушок пропел давно.

— Это в ваших краях, — наконец смог внятно ответить Максим. — У нас ещё дрыхнет вовсю.

Она не стала спорить.

— Как спалось?

— Нормально, — соврал Максим, понимая, что София звонит совсем не для того, чтобы поинтересоваться качеством его сна.

— Я что звоню, — даже за тысячи километров чувствовалось, что она нервничает. — Тут совещание объявлено. Срочное. Мне только что звонили от дедушки Анри. Всех собирают к 19:00.

— По поводу чего?

— Не говорят.

— Они сбрендили? За пару дней нельзя было сказать? У меня что, нет своих планов? — из ноздрей Максима возмущённо повалила пена для бритья.

— Видимо, нельзя. Самолёт в 12:10, посадочный талон на твоей почте. Целую и до встречи, — торопливо продолжила она. — Извини, Максим. Дел невпроворот. Вечером увидимся, поговорим.

— Пока-пока, — задумчиво ответил Максим, соображая, что делать в первую очередь. Во-первых, не дёргаться. Он не мальчик, чтобы сломя голову мчаться к дедушке, поманившему кон-

феткой. Конечно, лететь придётся, но без суеты и паники. Что у них там стряслось? Скорее всего, ничего хорошего.

Он неторопливо добрился. Тщательно почистил зубы. Десять движений от десны. Сверху, сбоку, внутри. Пригладил волосы колючей щёткой. Не понравилось. Слишком аккуратно. Взлохматил пятернёй. Так лучше.

Утренней йогой поступиться нельзя. Что бы там у них ни произошло. Заведённый распорядок сродни магическому ритуалу. Поставь иначе зубную щётку — где-то умрёт бабочка, а там и самолёт, не приведи Господи, упадёт... Всё успеется. «Суетный труженик лепит суетного бога», — говорится в Библии.

Облачившись в светлые шорты и майку и захватив свёрнутый в трубочку резиновый коврик, он сбежал по ступенькам особняка, белеющего в оправе сосновой рощи. Это его рукотворная вселенная, созданная умом и трудом. Красивая, добрая, безопасная. Здесь мир сомкнулся в прочную сферу, и Максим был её центром.

Прошёл по извилистым дорожкам, кивая, словно старым знакомым, золотистым стволам. Те в ответ приветливо шевельнули где-то в вышине пушистыми игольчатыми лапами, отчего сразу вкусно запахло воском и мёдом. Юная, озорная, стройная сосенка запустила в него шишкой. Уже больше восьмидесяти лет, а ведёт себя как дитя!

Птицы закончили славословие и теперь озабоченно обсуждали текущие проблемы. Вторая половина лета, птенцы давно покинули гнёзда, и пора думать о зимней эмиграции. Молодая белка, худая и подвижная, каждое утро ждала встречи. Наверное, была в него влюблена. Хвост, пушистый и прозрачный, как ёршик, занимал большую часть тела. Чистые аккуратные ушки венчали милую мордочку с чёрными бусинками восторженных глаз. Максим подмигнул симпатяге. От восторга та чуть не свалилась с ветки и тут же, смущённая, умчалась. Сверчки скороговоркой трещали, восторгались прекрасной погодой, сплетничали. Кузнечики, как обычно, целеустремлённо соревновались в прыжках. Синицы и малиновки неистово подбадривали спортсменов. Ворона, каркнув, строго предложила всем заткнуться: «Не видите, человеку надо сосредоточиться!»

Психиатр наверняка бы удовлетворённо хмыкнул. Но психиатры здесь не водились.

На своей любимой поляне, оборудованной настилом из шлифованных дубовых досок, Максим расстелил мягкий коврик и уселся в позу покоя, закрыв глаза. Трижды неторопливо пропел: «Ом-м-м...». Звук тянулся мягко, словно возникая сам собой на выдохе, и так же незаметно замирал. Вот так и Бог когда-то с выдохом сотворил этот мир. Насекомые старательно подпевали. Особенно усердствовал чёрный шмель, басивший, как дьякон в церкви. Через несколько секунд мозг привычно отключился. Теперь, когда разум перестал тарахтеть, как спортивный комментатор во время футбольного матча, всё изменилось, наполнилось глубокой тишиной, лишь подчёркиваемой галдящей реальностью.

Земля раздалась вширь и вдаль, любая травинка, каждый звук обрели своё главное предназначение: обрамлять безмятежный покой, возникший у него в голове. Предметы не слились в безликую массу, а, наоборот, обрели ещё большую индивидуальность, стали значимы.

Так мы сидим в театре. На сцене гремит хор, воспевая сражающихся героев, но в зале царит трепетное безмолвие. И зрители готовы шикнуть на невежду, негромким шорохом конфетного фантика нарушившего волшебную тишину.

Максим из туманного зала застывшего разума отрешённо наблюдал картину «Утро в лесу», правда, без резвящихся медведей.

Постепенно в плоть вплелись волны окружающей энергии, исходящей от воздуха, земли, деревьев и всего прочего, известного и неизвестного людям. Он поддался этой силе, слился с ней. Послушные мышцы гибко и мягко перетекали от одной позы к другой. Он превращался то в потягивающуюся собаку, то в раскрывшую крылья бабочку, то в готовую к броску змею. Становился деревом и посохом, мостом и ручьём, а в конце стал трупом. Многие полагают, что в позе «Шавасана» нужно просто лежать неподвижно с закрытыми глазами. Но приходится годами тренироваться совсем не для того, чтобы правильно выглядеть после смерти. Это одна из сложнейших асан, позволяющая достичь состояния глубокой медитации.

В этот момент к Максиму приходили неведомо откуда берущиеся знания. Проблема была лишь в том, что, с его точки зрения, часто информация предназначалась кому-то другому. Максим несколько раз видел чертежи странных подводных лодок и загадочных летательных аппаратов, а как-то узнал знакомую таблицу Менделеева. Во всех случаях, вернувшись в тело, он вежливо указывал Богу на его ошибку и просил уточнить адрес поступающей корреспонденции.

Сегодня потусторонние почтальоны не стучали в двери разума, писем не было. Максим одиноко висел во внутренней тишине. Он исчез и стал всем: ветром, щекочущим иголочки сосен, облачками, бегущими наперегонки по синему стадиону неба, землёй, солнцем, галактикой, Богом. А ещё он стал точкой, существовавшей где-то глубоко внутри. Эта никогда не дремлющая точка и пробудила его тело ровно через десять минут.

Максим сложил коврик и отправился завтракать.

Приятно, когда ритуал не нарушен. Душа довольна. Дух, наверное, тоже. Тело — вообще пылало от восторга.

По дороге зашёл в небольшой флигель, стоящий в парке. Там жил Володя, Владимир Иваныч, прежде работавший врачом-патологоанатомом в госпитале ФСБ. Выйдя на раннюю пенсию, он с удовольствием оставил романтику таинственных смертей. Молчаливый, высокий, жилистый и очень крепкий, выполнял функции охранника, шофёра, садовника, ремонтника и ещё бог знает кого. В домике у Володи вкусно пахло деревом, табаком, яблоками, свежим чесноком, складываясь в запах, который Максим определил для себя формулой «русский дух».

— Доброе утро. Погода, похоже, намечается классная. Как дела? Всё нормально. Вопросы есть? Вопросов нет, — Максим остановился, заметив, что разговаривает сам с собой.

Володя это тоже заметил. Отвечать было необязательно.

— Уезжаю в командировку. Буду готов через сорок пять минут. Отвезёшь меня в аэропорт.

Володя никогда не задавал вопросов, полагая, что всё необходимое для дела ему уже сказали. А лишняя информация лишь «умножает скорбь». Вот и сейчас лишь молча кивнул.

Максим не доверял поварам. Поварихам тем более. Поэтому завтрак готовил сам. Слегка подогрел свежее молоко, привезённое утром, и залил овсяные хлопья. Нарезал тонкими ломтиками мягкий сыр с бархатной белоснежной корочкой. Вежливо кашлянув, тостер выдал два кусочка ржаного поджаристого хлебушка. Кофемашина, ворча словно бабушка, приготовила ароматный капучино. Всё. Обед будет уже в Париже.

После завтрака Максим зашёл в уютную библиотеку, погружённую в обычную дремоту.

— Охраняйте дом без меня, — сказал неизвестно кому.

Словно в ответ, за окном закричала ворона, выдохнуло «ох-х-х...» кожаное кресло, легко скрипнул паркет. И стало тихо: дом горестно застыл, словно щенок, понимающий, что хозяин сейчас уедет и оставит его.

Надел светлые брюки и белую рубашку. Закатал рукава. Брать пиджак? Пожалуй, барону Анри всё равно, но баронесса... Лучше взять. Выбрал неформальный, светло-бежевый, с мелким, почти невидимым тёмно-серым ромбом. Такой сойдёт и за куртку.

Бросил в коричневую полётную сумку всегда готовую косметичку. Пару рубашек, бельё, побольше футболок. Во Франции сейчас жарко. Напоследок положил мягкие замшевые ботинки. Кто знает, что там случилось. Вдруг придётся задержаться? Както всё же неспокойно на душе.

Володя уже вывел машину из гаража.

До «Шереметьево» доедем быстро. В начале августа пробок в Москве почти нет. Все разъехались. Соберутся к первому сентября. Жёны, загоревшие на далёких морях. Дети, предвкушающие первую драку в школе. Пенсионеры, вернувшиеся с дач. Депутаты, бизнесмены...

Он подрёмывал на заднем сиденье, когда машина резко тормознула.

— Собачка дорогу перебегала, прямо под колёса бросилась. Жаль было давить глупую, — словно оправдываясь, пробормотал Володя.

Максим выглянул в окно. Убогой собачки давно и след простыл, зато был заметен необычного вида человек, голосующий с обочины: плотный мужчина в кителе майора с двумя десятками ярко сверкающих орденов и медалей. На могучей груди залихватски высовывалась потёртая тельняшка.

— Подожди-ка, — непонятно почему скомандовал Максим. И сам удивился, зачем сказал. Словно чёрт за язык дёрнул. Лицо знакомое? Нет, вроде бы. Загорелая обветренная кожа. Глаза чуть навыкате. Нос картошкой. Типичный вояка. «Никогда не заговаривай с незнакомцами», — учил классик. Но было поздно. Человек уже неспешно приблизился к остановившемуся джипу. Максим приспустил стекло.

— Ну, никто не берёт попутчика, — как давнему знакомому, объяснил мужчина.

Голос спокойный, без внутреннего напряжения или наглого нажима. Уехать, не сказав ни слова, теперь было бы странно. Взять и подвезти? Почему нет? Потому, что слишком много случайностей. Пёс решил покончить с собачьей жизнью и бросился под колёса. Редко кто станет давить невинное животное, обязательно притормозит и остановится. И рядом, будто по волшебству, обнаружится этот тип.

— Что случилось, майор?

— Праздник сегодня, день ВДВ. Слышали? Подвезите до Москвы хотя бы.

— Тебе куда надо?

— В «Шереметьево». Аэропорт. Там друзей требуется встретить. Уже совсем опоздал...

Ещё одно совпадение. Максим не верил в случайности, но доверял случаю. Может ли встреча быть подстроена людьми? Наверное. Трассы, по которой мог бы ехать, всего две. Собаку выпустить — плёвое дело. Если бы шофёр не тормознул, впереди мог бы быть другой сюрприз. Но что-то в глубине мозга говорило, что это не так. Значит, очередная шутка мироздания, от которой не стоит отмахиваться. Максим привык использовать такие случаи как подсказки судьбы. Это приносило удачу.

— Повезло тебе, — безмятежно улыбаясь, сказал Максим. — Я тоже в аэропорт, думаю, через полчаса будем.

Майор проворно запрыгнул в машину. Мягко хлопнула тяжёлая дверь, и джип рванулся вперёд. К удивлению, от могучего тела нового пассажира не пахло ни водкой, ни потом. Тот уселся, словно медведь в тесноватой берлоге.

— Бизнесмен? — наконец уточнил попутчик, оглядывая роскошный кожаный салон.

— Нет.

— Ну, значит, комитетчик, — поставил диагноз майор.

— Вроде того, — не стал спорить Максим. — Тебя как зовут?

— Пётр. Апостол такой был у Иисуса. Помнишь?

— Помню.

— Ну, стало быть, память хорошая, — удовлетворённо произнёс майор. — А тебя как величать?

— Максим.

— Летишь куда?

— Во Францию. В командировку. Времени в обрез.

— Успеешь?

Вопросы у Петра были непредсказуемые. Но Максим, в общем-то, и ожидал таких.

— Должен. Разница во времени. Приземлюсь почти в то же время, что и взлечу.

— Тебя это не удивляет?

Опять странный вопрос. Попутчик больше не ёрзал, расслабленно держал руки ладонями вверх на коленях. Словно демонстрируя, что неопасен.

— Да нет, — честно ответил Максим. — Земля круглая, вращается...

— В школе сказали? А вдруг они врут?

— Что врут?

— Ты проверял, что она круглая? Тебе сказали, что какой-то мужик, Гагарин, видел Землю круглой из космоса. А ты знал Гагарина? Или ещё кого, из древних греков, кто утверждал, что Земля — шар?

— Интересно излагаешь, — сдержанно улыбнулся Максим. Он внимательно прислушивался к собеседнику, ища в словах скрытый смысл. Зачем-то же случай свёл их ...

Пётр тоже вежливо растянул губы, затем убрал улыбку и продолжал:

— Вот ты думаешь, что знаешь, почему горит свет в твоём доме или как работает телефон, компьютер или этот грёбаный телевизор. Ты так думаешь потому, что какой-то хрен сказал, что существует электрический ток, радиоволны и прочая фигня...

— Но они же действительно существуют.

— С какого перепугу ты это решил? Ты трогал электрон, смотрел в глаза фотону?

— Ну, я тебя тоже никогда не видел, однако ты здесь сидишь.

— Так ты меня видишь, вот я и сижу, — уточнил майор.

— Что, час назад тебя не было?

— Для тебя — нет. И ведь ты нормально жил без меня.

— Это точно, — усмехнулся Максим.

— Вот и люди неплохо жили без всяких фотонов. Мир был плоским. Солнце и звёзды вращались вокруг него. И всех это устраивало. Потом кто-то изменил мир. Сразу объявили, что Земля круглая и вращается вокруг Солнца. — Майор замолчал, разглядывая что-то за окном.

— Ну... — подтолкнул его Максим. Кажется, разговор подходил к нужной точке.

— Вот и дочка моя, Светка, — грустно и вроде бы совсем невпопад продолжал майор. — Пока была маленькая и плоская, думала, что весь мир вокруг неё вертится. Теперь выросла. Столько приятных округлостей появилось, и выяснила, что миру на неё насрать. И вертеться надо самой, вокруг всех...

— Да. Подростком быть нелегко.

Они помолчали.

— А у тебя дети есть? — спросил майор.

— Нет.

— Что ж не завёл?

— Не с кем заводить.

— Да ладно. Парень ты видный. Богатый, похоже. Работа, поди, заедает...

— И работа тоже, — согласился Максим. — Так что ты говорил про Землю? Мол, сначала считали её плоской, потом круглой...

Майор вернулся к теме:

— Завтра мир опять поменяют, и нам объявят, что наша планета вообще не имеет формы, что это лишь один из миров в череде параллельных вселенных.

Максим напрягся. Нечаянный гость оказался слишком умным. Зачем подобрал? И что же там случилось, во Франции? И как этот странный человек со всем этим связан? Болтлив, однако, попутчик.

— Ты, Пётр, философ.

— А то... — подтвердил тот, подмигнув. И уверенно продолжил: — Человечество сначала лупило друг друга палками и мечами, потом автомат Калашникова придумали, скоро лазерами начнём пулять. Под сложный мир подгоняется сложная наука. Когда мир был прост, говорили, что материя состоит из атомов.

Сидит тихо. Опасности не чувствуется. Только заходит както совсем издалека. От царя Гороха. Впрочем, время есть, пусть излагает свою теорию...

— Потом техника стала другой. Сказали, что атомы — ерунда. Вот элементарные частицы — это да. Мудрёные слова придумали. Антивещество обнаружили, мать его. Дыры чёрные, всё в себя засасывающие... — Пётр задумался. Потом опять вроде невпопад сказал: — Засосёт такая дыра нашего брата — всё, считай, кранты. Ох, попили моей кровушки эти дыры чёрные. Только из одной выберешься, опять ведь тянет туда, ох, тянет...

Максим подумал, что он, кажется, понимает извилистый путь мысли собеседника. Поэтому не стал уточнять.

Тот продолжал:

— А сейчас цивилизация словно взбесилась. Техника появляется такая мудрёная, что учёные не успевают теории новые придумывать. Прикинь, только Эйнштейн объявил о теории относительности, а уже нет, говорят, устарело. Придумали квантовую теорию, которая перевернула всё вверх тормашками. Там получается, что без тебя нет меня, « без наблюдателя нет

объекта наблюдения». А что это значит? — строго спросил майор, в упор глядя на собеседника.

— Ну, например, что без человека нет Бога, — ответил Максим. Кажется, становилось горячо. Судьба готовилась сообщить что-то важное. Вот-вот...

— Ну, ты на лету схватываешь. Круто... — похвалил майор.

Возникла пауза. Тихо шипели шины по ленте убегающего назад шоссе. Впереди машин почти не было, асфальт потел в ожидании жаркого полудня, воздух дрожал над дорогой, и казалось, что шоссе покрыто водой.

— Так и это уже устарело, — продолжал Пётр. — Теперь появилась теория голографической вселенной, когда всё является всем, и каждая частица знает всё о космосе в целом, и для космоса одинаково важны прыщик у меня на... носу и взрыв солнца. И, наконец, не к ночи будь помянута, появилась теория струн, о которой лучше вообще не рассуждать всуе.

— Интересно рассказываешь, — немного наигранно восхитился Максим, решивший поддержать разговор. Может быть, так скорее проявится суть. — Я тоже думаю, что наука запуталась. Тогда остаётся религия. По мне так история непорочного зачатия реалистичнее, чем идея квантовой механики, что кот в чёрном ящике наполовину жив, а наполовину мёртв.

Теперь майор внимательно слушал. В глазах его появилось весёлое удовлетворение, словно именно такой реакции он ждал от собеседника.

Максим неторопливо продолжал:

— Наука утверждает, что пятнадцать миллиардов лет назад из ничего возник взрыв, который сначала тоже был ничем, потом это ничто преобразовалось в фотоны, а потом — в материю, а потом — в живую материю, а та совершено случайно стала мыслить и создала эту теорию. Чем эта идея лучше или хуже утверждения Библии, что «вначале сотворил Бог небо и землю»?

За окном было уже Ленинградское шоссе. Оставалось минут семь. Если мироздание, судьба или удача решили сообщить что-либо — самое время.

— А по мне, и наука, и религия морочат голову, — не спешил майор.

— Что, у тебя есть какая-то иная теория? Коварные инопланетяне, наверное! — Максим неожиданно заскучал. Вдруг всё же глупая случайность? Никакого смысла в этой встрече нет, просто эрудированный и болтливый попался майор.

Однако ответ вновь заставил прислушаться.

— Вот представь. Ты — Бог. И создал ты что-то вроде компьютерной игры, где много разных персонажей, а декорация — планета Земля. Сначала Господь играл в простейшую цивилизацию. Люди бродили по пустыне, воевали, строили города. Потом надоело. Решил игру усложнить. Дал нам порох, машины, компьютеры, оружие всякое...

Руки майора вздрогнули, и пальцы слегка сжались.

Максим почти неуловимым движением быстро опустил подлокотник, барьером отделивший его от собеседника, и повёл шеей, разминая застывшие мышцы.

Пётр с пониманием раскрыл ладони и невозмутимо продолжал:

— Как компьютерный персонаж может объяснить, почему у него вместо меча в арсенале появилась лазерная пушка? Он же не чувствует, что эта пушка просто появилась из ничего, нажатием клавиши Игрока.

— Да он может вообще не задуматься об этом, — смиренно предположил Максим. Теперь он был готов к потасовке. Если что...

— Так большинство и не задумывается. А для тех, кто всё же думает, в Игре есть «учёные». Им дают команду: «Фас! Объясняйте». Те и стараются.

— Ну почему, — возразил Максим. — Мы знаем, откуда появляется новая техника. Японцы многое разработали, Билл Гейтс что-то придумал, — он вдруг сам почувствовал, как неубедительно звучат его слова.

— Ты сам-то понял, чего сказал? — весело спросил майор. — Японцы, Билл Гейтс... Это просто слова. На самом деле никто не знает и не задаётся вопросом, откуда появились компьютеры, мобильные телефоны и спутниковая связь. А может, их просто «вбросили» в нашу цивилизацию через мозги какого-нибудь Билла? Кто-то нашептал ему в разум, как тому же Менделееву? В школе проходили...

Максим не выпускал из виду рук Петра. Тот по-прежнему держал ладони открытыми, не двигал ими и даже не пытался жестикулировать.

— Вот у нас в армии появляется техника, которая просто не может быть создана в нашей стране. Мы ведь мобильник или планшетник не можем сделать. Что там мобильник — один нормальный отечественный легковой автомобиль, чтобы втереть мозги президенту, — и то не смогли.

— И что, ты первый об этом догадался? Или у вас вся рота такая? — серьёзно спросил Максим.

— Думаю, есть люди, которые это хорошо знают. Очень хорошо, поскольку они созданы Главным Игроком для прикрытия самого факта Игры. Они — «другие». Не такие, как мы. Мы — просто фишки, управляемые простейшими программами. Вот я, например. Родился в семье военных в богом забытом гарнизонном городке. Всю жизнь воевал. Умею стрелять, пить и драться. И ты думаешь, у меня в жизни был выбор?

Максим понимал, что вопрос риторический, и молча слушал.

— А те имеют более сложные программы. Свобода выбора есть, наверное. Ими и управляет кто-то сверху напрямую.

— Бог, что ли? — не удержался и спросил Максим.

— Нет. У Него есть свои личные персонажи: Иисус Христос, например. Поэтому и называют его «живое воплощение Бога — Сын Божий».

— Понятно, — кивнул Максим, которому действительно было понятно. — Эти, «другие», что делают?

— Их функция — подгонять мир под Игру и вешать нам лапшу на уши. Это они придумывают науку, телешоу, политику и всё остальное. Это они дают команду «Фас!» учёным, политикам, телевизионщикам.

— Теория заговора? — вновь уточнил Максим, скорее на всякий случай.

— Не, — серьёзно ответил Пётр. — Теория заговора предполагает заговор людей. А это — просто дымовая завеса, которую создаёт Бог в наших мозгах. Руками своих людей, разумеется... Как думаешь, я прав?

Пётр смотрел на Максима с простецким выражением в больших, круглых и слегка навыкате, глазах.

Ох как непрост этот вояка. Он почувствовал, что согласиться сейчас с Петром было бы неправильно, и поэтому неопределённо пожал плечами.

Они подъехали к аэропорту.

— Вот, успел, даже ещё минут десять запаса, — констатировал Пётр.

Странно. Просто болтал человек. Вселенная так ничего и не сообщила. Или всё же информация была, но он не услышал?

— Ну, бывай, майор. Приятно было познакомиться, — пожал руку Максим. — Ты после аэропорта куда?

— В парк Горького. Подерёмся, в фонтане искупаемся. Праздник! ВДВ! Какой у меня выбор! Едрёныть! И тебе удачной командировки. Ты береги там себя... А лучше вообще не улетай. Поехали со мной водку пить, целее будешь.

Вот! Его предупредили. Холодок скользнул по позвоночнику. Ну и что это значит? Взорвут самолёт? Но кто? Спецслужбы, террористы, дедушка Анри? Да и зачем? Хотели бы убить, давно попытались бы. В конце концов, дали же благополучно доехать.

Пётр козырнул и быстро пошёл к зданию аэровокзала. Максим ошеломлённо смотрел вслед.

Впрочем, времени на обдумывание уже не было. Удача не подведёт. Надо лишь быть осторожнее.

Посадка прошла без происшествий.

Уже в самолёте попытался проанализировать события нескольких последних часов. Странный сон. Ещё более загадочный «Гарри Пётр» в тельняшке. Да вдобавок таинственное совещание, ради которого надо мчаться через полсвета. «Всё чудесатее и чудесатее», — говорила девочка Алиса в Волшебной Стране. Похоже, что-то произошло, и перемены многих всполошили. Люди привычно страшатся неизвестных событий. А зря. Изменчивость — свойство этой вселенной. В мире нет ничего вечного, кроме нас...

ГЛАВА 2.

В КОТОРОЙ ПРИОТКРЫВАЮТСЯ НЕКОТОРЫЕ ТАЙНЫ БИОГРАФИИ МАКСИМА И ВЫЯСНЯЕТСЯ, КАК ВОЛШЕБНИКИ ВОСПИТЫВАЮТ ВНУКОВ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧАЕТСЯ

Максиму лететь три часа сорок минут до Парижа. Потом ещё почти полтора часа до Бордо местным рейсом. У автора есть время рассказать о своём герое.

В 1966 году произошло два события, в которых мир опрометчиво не разглядел того значения, которого они заслуживали. Впервые в США чёрный американец Роберт Уивер был назначен министром правительства. Никто не мог ожидать, что через сорок два года в Белый дом сядет чернокожий президент. Но было ещё одно, не менее важное явление, также с трудно прогнозируемыми последствиями. В московском роддоме родился младенец, которого нарекли в честь деда Максимом.

В событиях, которые нас окружают, трудно выделить то, что даст самый значимый в истории результат. Невозможно определить во вьющейся мошкаре комара, который укусит. Как выделить из играющих детей того, кто станет Гитлером, Эйнштей-

ном или Серафимом Саровским? Никогда неизвестно, что станет главным через десятки, и тем более сотни лет. Поэтому летописцы не заметили Иисуса Христа. Лишь Иосиф Флавий посвятил малоизвестному проповеднику пару строчек.

В 1966 году самым значимым событием казалась война США во Вьетнаме. Тёплым июльским утром мрачные бомбардировщики где-то в далёкой Азии сбрасывали свой смертоносный груз над полыхающими джунглями.

В это же время академик Максим Иванович Михайлов самолично нёс по тихой утренней московской улице голубой свёрток с орущим комочком новой жизни. Дед держал внука с такой молчаливой гордостью, словно сам родил, и не выпускал ребёнка из рук, пока семья ехала из роддома на чёрной служебной «Чайке».

Первая неделя была для Максимки тяжёлой. Живот пучило, а поскольку ничего кроме маминого молока не ел, то покусывал нежную грудь, призывая тщательнее следить за качеством продукта. Мама плакала, но тайком норовила съесть колбасу и шпроты.

Между тем Китай неожиданно обвинил не только Америку, но и СССР в намерениях захватить коммунистический Вьетнам. В Советском союзе обиделись, выслали всех китайских студентов, и отношения стран подошли к крайней черте.

В семье Михайловых больше других возился с новорождённым дед. Купал, рассказывал сказки, качал кроватку, когда внук орал как резаный.

Любовь, так же, как и ненависть, заразна. Стоило деду съездить в служебную командировку во Францию, как президент страны Шарль де Голль неожиданно тепло отозвался о Советском Союзе, который посетил с дружеским визитом, после чего предложил распустить блок НАТО и убрать военные базы со своей территории.

Расстановка сил в мире в одночасье поменялась.

Время неумолимо делало своё дело — бежало. Подросшему Максимке полюбилось одиночество, когда можно было не торопясь мазать кроватку какашками. Он с упоением водил пятернёй по простыням, изучая результат.

А в далёком коммунистическом Китае размазывали по стенке собственную интеллигенцию. Ведь перед большой войной необходимо приучить людей ко вкусу крови.

Уже в три года Максим был уверен, что дедушка работает волшебником. Во-первых, у того была белая борода, мягкая и шелковистая на ощупь. Во-вторых, вокруг деда всегда творились чудеса. Нет, конечно, его называли академиком, генералом и ещё какими-то неизвестными для ребёнка званиями, но мальчик твёрдо знал, что это маскировка.

Как у всякого чародея, у деда было собственное заколдованное королевство, где жила их семья. Королевство гордо располагалось в центре Москвы, прячась от шумных улиц за высоким бетонным забором. Здесь, в тени вековых лип и тополей, стояло два старинных особняка. В первом, простом двухэтажном деревянном здании, они жили. Во втором, одноэтажном белокаменном доме с колоннами и окнами из разноцветного стекла, работал дед — великий советский учёный и маг.

Чтобы выйти на обычную шумную улицу Москвы, нужно было пройти через тесную будку, где сидели строгие охранники с одинаковыми пустыми глазами, похожие на деревянных солдат Урфина Джюса. Мир из-за забора сюда не впускали. Поэтому друзей у маленького Макса не было. Семь лет, до самой школы, он не знал, что можно гонять в футбол, играть с другими детьми или даже драться с мальчишками. Но от этого не грустил, поскольку тоска приходит лишь с утратой. А в его жизни потерь пока не было.

Единственным другом мальчика был дед. Всю жизнь, вспоминая его, младший Максим чувствовал, как внутри грудной клетки появляется тёплая волна, пробегает по позвоночнику и уходит куда-то в мозг, заставляя закрыть глаза и вновь ощутить себя маленьким мальчиком, с восторгом внимающим великому волшебнику.

Был ли тот добрым? Пожалуй, если не злить. Скорее, он был разным — иногда строгим, иногда ласковым, но всегда непостижимым и знающим тайны, неведомые всем остальным. Он рано научил Максима читать и сам подбирал ему кни-

ги. А сказки даже придумывал специально для внука. Например, такую:

«Жил-был волшебник, которого звали Бог. Однажды он решил пойти в кино. Но ничего не было: ни фильмов, ни кинотеатров, ни актёров. Даже Земли не было. И сотворил Бог небо и землю. Потом людей. И стали они делать для него кино. Писатели придумывали небылицы, актёры играли роли, кинооператоры снимали».

— Кто такие кинопираты? — спрашивал Максим, удивлённый незнакомым словом.

— Это очень ленивые художники, — объяснял дед. — Для них придумали машину, которая сама рисует всё, что видит.

— Всё-всё? — уточнял поражённый глубиной чужой лени Максим.

— Всё, — подтверждал дед. — Потом эти рисунки складывают вместе и быстро показывают. Получается кино.

Дед рисовал в блокноте смешных пляшущих человечков, а потом начинал быстро пролистывать страницы, и казалось, что фигурка сама двигает ножками и ручками.

— Волшебство... — понимал Максим, а дед продолжал свой рассказ:

«Скоро люди научились делать кино очень хорошо. Богу нравилось. Фильмы становились всё интереснее. Люди уже не могли жить без выдуманных ими сказок, где принцы и разбойники были настолько настоящими, что начинали жить своей жизнью. В нарисованном мире жили вымышленные персонажи и тоже сочиняли истории. В итоге всё запуталось...»

Максим не всё понимал в этих сказках, но ему нравилось вслушиваться в неторопливую речь, сжимать сильную руку, покрытую выпуклыми тёмными венами, похожими на древесные корни. На ладони деда было множество морщин, они шевелились вместе с движением пальцев, образовывая узоры и даже буквы. Отчётливо виделась большая «М». Дед обещал, что со временем и у него появится такая же буква, ведь он тоже Максим Михайлов, но пока ладошки внука были розовыми и гладкими.

В «Дом с волшебными окнами» — так они с дедом называли особняк, где работал академик Михайлов, — Максим первый раз попал, когда ему исполнилось четыре года.

Это было мечтой, ожившей сказкой. Сколько раз, засыпая, он видел, как в далёкой темноте за стволами старых тополей сияют сказочные окна, словно узоры в калейдоскопе.

И вот вспотевшая от волнения ладошка — в твёрдой сухой руке деда. Часовой у входа кивнул. Дверь, похожая на ворота, распахнулась. Огромная прихожая ослепила ярким светом. С неба спускались тысячи сияющих льдинок. Но самое удивительное было прямо перед ними — волшебная лестница. Ступеньки шли среди перил, похожих на раскидистое чудо-дерево. Тополя в палисаднике на улице были прямыми и росли вверх. Но это дерево стелилось вдоль ступенек, а ветки и листья были жёсткими и блестящими. Дед останавливался, объяснял, показывал, разрешал трогать и разглядывать. Среди бронзовой листвы прятались добрый единорог со злым драконом, ворчливые жар-птицы, смешные белки, бабочки, неизвестные звери с козлиными телами и головами страшных старцев. Мальчик мог бы играть здесь целый день, но лестница кончилась, и они вошли в красивый зал, где висело множество картин. Дед принялся рассказывать о том, что на них нарисовано. Было так интересно, что в тот день они не пошли дальше. Но постепенно дом открывал мальчику свои тайны. Максиму казалось, что картины живые, и стоит отвернуться, как нарисованные люди начнут шевелиться, словно в кино. Поэтому он становился боком, делая вид, что смотрит в другую строну, и в тот момент, когда краем глаза замечал движение, резко оборачивался. Но фигуры успевали замереть. Хотя их взгляды становились строже: нельзя вести себя так неприлично! Макс показывал язык, строил рожи, но те лишь выкатывали возмущённые глаза. Однако была одна картина, перед которой он никогда не кривлялся. Маленькая девочка в розовом воздушном платье смотрела на Максима, приложив палец к губам, как будто бы просила хранить тайну, известную только им двоим. «Никому не расскажу, что ты живая», — обещал мальчик.

Часто дед с внуком ездили в цирк животных «Уголок Дурова». Максима Ивановича там хорошо знали и встречали как званого гостя. Они пили чай с шоколадными конфетами и ходили в разные комнаты, смотреть на забавных зверушек, которые вели себя как люди. В одно из таких посещений на мальчика надели странную и неудобную шапку, похожую на кастрюлю с проводами. Внутри плохо пахло, и было жарко. Но тут дед сказал: «Попробуй командовать той крысой. Её зовут Гитлер. Представь, что она твой солдатик». Белая крыска сидела в клетке напротив, быстро шевелила забавной усатой мордочкой, и на голове у неё красовалась такая же кастрюля, только крохотная, игрушечная. Какой-то шутник пририсовал на симпатичной умной мордочке, прямо под розовым носиком, чёрные усы. «Шагом марш! Стой! Налево! Направо!» — командовал малыш, и крыса послушно подчинялась. Взрослые хохотали, поздравляли друг друга, пожимали руки, словно наступил праздник. Смеялся и Максим, которому нравился послушный Гитлер. По случаю неведомого праздника мальчику подарили учёную кошку с мохнатой рыжей шерстью и печальными синими глазами. На розовом ошейнике золотыми буквами было написано: «Маруся».

— Она умеет говорить, — улыбнулся дед.

— Почему же молчит? — не поверил внук.

— Ждёт, — непонятно ответил дед.

Нельзя сказать, что маленький Максим полюбил загадочную Маруську. Скорее относился к ней настороженно, словно в бездонных небесных зрачках скрывалась жуткая тайна. Кошка постоянно тренировалась, тянула лапы, выгибалась дугой — наверное, на тот случай, если когда-нибудь возьмут в цирк. Ох, не доверял он ей. И, как оказалось, не зря.

Однажды произошло нечто ужасное. Возможно, он мог умереть или, что ещё хуже, сойти с ума, став весёлым коротышкой, катающимся на трёхколёсном велосипеде в Солнечном Городе всю оставшуюся жизнь.

И, как часто бывает с ключевыми событиями, детали и подробности забылись. Произошедшее вспоминалось как туманное отражение зыбкого сна. Он много раз пытался восстановить в памяти тот день, но видел лишь эпизоды.

Была весна. Листья тополей только раздирали свои оковы, и липкие почки устилали землю. Он помнил, что играл с Маруськой в саду, щекотал ей пятки, но та не смеялась, а потом вдруг как-то странно мяукнула, словно поперхнувшись в конце, отчего получилось не «мяу», а «м-я-а-к-с». Она сказала «Макс», вдруг понял Максим. Как и обещал дед, кошка заговорила. Та кивнула головой, соглашаясь с догадкой, и вдруг аккуратно прикусила зубами его штаны и потащила за собой. Мальчик зачарованно поднялся и сразу увидел деда с мамой, направлявшихся к «Дому с волшебными окнами». Туда было запрещено ходить одному, но, ведомый Маруськой, он прошмыгнул внутрь, понимая, что сегодня особый день и правила можно нарушить. Потом кошка привела в одну из комнат. Там было пусто, лишь стояло мягкое кресло, будто приготовленное именно для них.

Он забрался на сиденье, Маруська вспрыгнула следом. Максим уткнулся в тёплую мягкую шерсть и вроде бы даже задремал, убаюканный появившимся невесть откуда сладким и дурманящим запахом, совсем непохожим на горьковатый запах тополей.

Внезапно он проснулся от резкой боли в правой руке. Он заплакал, обнаружив, что какое-то чудовище, покрытое колючей, жёсткой и длинной шерстью, пытается его съесть.

Для своего шестилетнего возраста Максимка был храбрым. В его пока ещё маленькой жизни было лишь две вещи, которых он по-настоящему боялся.

Первая — пылесос. Этот завывающий шланг, похожий на змею, гонялся за ним, пытаясь засосать в свою ненасытную утробу, а потом, затаившись, подкарауливал в кладовке.

Вторая, не менее кошмарная, — рисунок шляпы из книжки «Маленький принц», которая на самом деле была удавом, съевшим слона. Максим не видел в этом ничего забавного. Он представлял несчастного слона, но ещё ужаснее была доля удава, живот которого превратился в жуткий вспученный мешок. Только дети могут понять ужас, когда тебя пучит слоном. Этот кошмар приходил к нему во время болезни. Когда температура на градуснике переходила критическую отметку, после которой

мама клала ему на лоб мокрые салфетки, откуда-то из красного тумана на него наваливался живот удава, который страшно пыхтел (ведь ему было тоже несладко) и пытался раздавить Максима, не давая дышать.

«Живот...» — в отчаянии стонал он, пытаясь объяснить маме суть проблемы, но та в ужасе считала, что у ребёнка болит живот.

Вас не сажали на горшок при высокой температуре с сопящим удавом на голове? Тогда вы не знаете жизни.

Сейчас на него обрушились оба кошмара.

У страшилища не было глаз, только острые, как иголки, зубы, а за ними — мрачная чёрная дыра, куда затягивало, словно в пылесос. Укусив за руку, откуда сразу обильно потекла кровь, незнакомый зверь отодвинулся, словно примериваясь, куда вцепиться на этот раз. Жуткая морда загадочного чудовища начала увеличиваться. Она сделалась размером с мальчика, шерсть исчезла, и теперь это была огромная шляпа, внутри которой бесновался пылесос. Но на самом деле это был удав, съевший слона, в пасти которого плясал язык, похожий на гофрированный шланг. Серая и бесформенная масса медленно и неумолимо вдавливала мальчика в кресло, не давая вырваться.

Он задыхался, пытался вопить. Но крика не получалось, из горла выходило лишь бессильное бульканье. И вдруг он увидел завязший в гадкой серой плоти знакомый розовый ошейник с золотистой надписью «Маруся».

«Это не чудовище, это же моя кошка!» — умирая, сообразил Максим. И, может быть, это невероятное, невозможное осознание спасло его. Кошка не пылесос, и тем более не удав. На мгновение он пришёл в себя и вырвался из объятий монстра.

Некогда было смотреть по сторонам. Он побежал, со всхлипом втягивая воздух и крича изо всей мочи: «Мама!! Мама!!!». Страшно преображённая кошка, завывая, мчалась за ним. Максим влетел в незнакомую комнату, размазывая по щекам слёзы. Там мамы не оказалось, а стояла чужая раздетая тётя, словно её только что собрались купать, но ванночки рядом не было. Зато кругом горели свечи — наверное, ей было холодно. Сильно пах-

ло какими-то цветами. Потом вдруг стало темно, и он упал. Кто-то пронзительно заорал:

— Здесь ребёнок!!!

— Перекройте газ! Проветрите помещение! — раздался голос деда.

Но мальчик уже ничего не видел, он вместе с удавом, пылесосом, Маруськой и всем окружающим оказался проглочен безжалостной шляпой. Внутри было абсолютно темно. Где-то далеко нежный женский голос шептал незнакомые слова.

Потом он долго болел. Обмороки сменялись жуткой рвотой. Тогда живот выворачивало наизнанку, словно тело стремилось избавиться от чего-то инородного, проникшего внутрь. Дед часами сидел у его постели, поил волшебным сладким киселём и, когда мальчику становилось совсем плохо, ложился рядом, обнимая своими сильными руками. Часто приходили врачи, похожие на ангелов в своих белых халатах.

Детские ночные кошмары изменились. Удав, обожравшийся слоном, наконец уполз. Появился другой, часто повторяющийся и противный сон: он сидел в белом тумане на берегу реки и бамбуковой удочкой одну за другой доставал из воды белёсых сонных рыб. Мальчик складывал их кучей и знал, что за спиной стоит кто-то, наблюдая за монотонной рыбалкой. Мёрзли и зудели пальцы, исколотые об острую чешую. Иногда невидимый надзиратель брал добычу. Максим видел лишь руку, одетую в медицинские резиновые перчатки, и острый кухонный нож, который мягко вспарывал серебристое брюхо. Наружу вываливались розовые кишки, похожие на шланги от капельниц. Было страшно, но он знал, что оборачиваться нельзя. Тихий голос сзади повторял: «Со мной пойдут лучшие из рыбарей».

Максим скорее ощущал, чем видел, что на берегу в серебристом тумане с удочками сидело много народу. Он угадывал смутные силуэты, но знал, что там и дети, и взрослые, и мужчины, и женщины. И возьмут лишь лучших. От этого становилось тревожно: вдруг он не справится, окажется недостоин? Берут отличников, а двоечников и в школу не примут. Так и будешь сидеть никчёмным малышом, не вырастешь, не женишься, не станешь пионером.

Просыпался с головной болью. В затылке стучало, перекатывалось и рычало грозное «р-р-рыбар-р-ри». В упор глядели нечеловеческие глаза с узкой чёрной полосой зрачка. «Р-р-р-р» — звук шёл от кошки. Та норовила забраться на постель во время сна. Глаза в глаза, дыхание в дыхание. Ох и недобрый был у неё взгляд! Мальчик просил убрать животное, но, когда просыпался, вновь обнаруживал, что ничего не изменилось. Кошмар тянулся, как надоевшая до слёз овсяная каша.

Как проникала кошка в закрытую детскую комнату? Почему не заболела, надышавшись ядовитого газа в доме с волшебными окнами? Заколдованная, что ли?

Однажды он понял страшную истину. Маруська сама была ведьма. Попытался скинуть фурию, но сил не хватило. Из мягких лапок выросли острые когти, которыми та прочно вцепилась в одеяло, не давая себя сбросить. Ужас наполнил тело, как дым комнату — ни вздохнуть, ни закричать. Он бился, стряхивая кошку, как мерзкое, прилипшее к одеялу чудовище. Наконец та лёгким движением спрыгнула и исчезла. Ещё несколько минут мальчик лежал, приходя в себя.

Теперь он твёрдо знал, кто виноват в кошмарном происшествии. Конечно, коварная Маруська, злая ведьма, заманила в запретный дом, где шли опыты. Он помнил её страшный оскал, острые зубы, шипящее дыхание. В сказках зло всегда бывало наказано. А добро побеждало, потому что оно сильное. На то оно и добро.

Лето он пропустил, лёжа в ставшей уже ненавистной постели. Картины мести чередой носились в воспалённом мозгу. Когда ему стало лучше и разрешили выходить в сад, землю устилали скрюченные жёлтые и бурые листья. Они кружились в воздухе, словно бумажные самолётики. К тому времени хитроумный план наказания злой колдуньи созрел до мелочей.

У угла дома под трубой стояла бочка, наполнявшаяся дождевой водой. Сейчас она была почти полной. Вечером Максим стащил из кладовой мешок из-под картошки, положил туда кирпич и большой кусок докторской колбасы, припасённой с завтрака. Заманить Маруську в ловушку оказалось просто.

Кошка с неохотой залезла в мешок, но манящий запах колбасы пересилил опасения. Быстро схватив лакомство, она попыталась выскочить наружу, но было поздно. Мальчик стянул края кулька приготовленной верёвкой и, с трудом подняв ношу, опустил в бочку. Мгновенье казалось, что ничего не происходит, потом поверхность вскипела. Кошка билась, наверное, целую минуту. Мальчик стоял и смотрел, тяжело дыша, ведь после болезни он был ещё слаб. Наружу выплеснулись ручейки, тёмными подтёками, словно кровью, окрашивая проржавевший металл. И всё затихло. Максим понял, что вместе с водой вылетела жизнь кошки. В бочке, как в пыльном зеркале, отражалось лишь хмурое небо и кусок жёлтой стены.

Он победил, и от правильности поступка почувствовал радость. Жаль, что рядом не было деда, который наверняка одобрил бы его храбрость.

Максим Иванович появился вечером, как обычно, зайдя в спальню.

— Кошка не виновата, — тихо сказал, заглядывая в глаза внука. — Она лишь выполнила мой приказ и привела тебя в нужное место. Не следует наказывать исполнителей.

Максим не удивился, что тот знает о происшедшем. На то он и волшебник.

— Наша Маруська была заколдованной ведьмой. Но я оказался сильнее, — попытался объяснить мальчик и вдруг осознал слова деда. — Ты приказал ей убить меня?

— Не убить, а лишь привести.

— Но это то же самое. Я же чуть не умер, — от возбуждения попытался встать, откинул одеяло, но наткнулся на твёрдую руку.

— Хочешь, завтра утопим меня, — невесело улыбнулся дед. — Хотя бочка понадобится побольше.

Максим опешил, соображая, почему признание деда не вызывает в нём гнева. Наоборот, он вдруг ощутил тоскливый стыд за бессмысленное, жестокое убийство. Оказывается, некоторые поступки нельзя исправить. Даже если извинишься. Мёртвая Маруська уже никогда не простит. Вдруг стало противно спокойно, будто внутри что-то перегорело.

Казалось, дед понял его чувства.

— Не трави себе душу. В жизни ещё будет много и плохого, и хорошего. Так уж мы устроены: переступаем с добра на зло, будто шагаем. Левой-правой. Хороший поступок — и сразу плохой. Так и живём...

Но Максиму стало ещё хуже от этих слов. Хотелось зарыться в подушку, спрятаться от всех и умереть. И остаться мёртвым на всю жизнь.

— Зачем ты это сделал? Решил избавиться от любимого внука? — в голосе звучал упрёк, но скорее по инерции.

— Ну что ты. Я хотел, чтобы ты изменился. Стал другим. Сильным, умным и неуязвимым. Потому, что очень люблю тебя, — Максим Иванович бережно поправил одеяло и прижал внука к себе.

Мальчик попытался оттолкнуться, но был ещё слишком слаб, и только тяжело дышал в объятиях старика.

— Я теперь сильный? — с горечью спросил Максим, у которого от привычной болезненной слабости кружилась голова.

— Подожди. Пока ты червячок, но станешь бабочкой. В таких делах без жертвы не обойтись.

— Непонятно, — выдохнул мальчик.

— Это нормально. Всё в жизни, что кажется понятным, на самом деле совсем иное. Когда живёшь в темноте, будь готов к тому, что на свету всё станет другим. Только настоящий волшебник знает: то, что ночью видится каретой, днём обернётся тыквой. И наоборот. То, что мы считаем мусором, на свету окажется драгоценностями.

— Почему? Разве мы живём в темноте?

— Весь этот мир спрятан в темноте. Здесь всё искажено. Когда уверен, что видишь истину, скорее всего, ты ошибаешься. Разве плоха идея сделать всех счастливыми и довольными?

— Конечно, нет.

— Только сделали мы это по-дьявольски: убили и посадили всех недовольных, — Максим Иванович закрыл глаза, словно прислушивался к чему-то, и губы дёрнулись, как от внезапной боли.

Но внука сейчас занимало другое.

— Значит, когда я думаю, что ты меня любишь, это неправда? — Максим неожиданно осознал, что его разум вдруг стал необычно большим. Словно распахнулись створки закрытых дверей. Теперь он значительно лучше понимал мудрёные слова деда.

— Любовь неподвластна темноте. Она сама — как горящий фонарик в твоей руке, — дед остановился, подыскивая слова, и открыл глаза.

Максим вдруг увидел, что тот очень стар. И ему трудно говорить. А глубокие складки на лице — это не просто морщины. В них история жизни. Как сказал дед, за хорошим поступком следует плохой. Получается морщинка. Сколько же их? Неужели он тоже топил кошек? А может, даже и людей? Сейчас роскошная борода не казалась белой, а была лежалая, спутанная, тусклая. В глубоко запавших глазницах светилась ночь.

Внук просто обнял сухую ладонь и прижался к ней щекой, а когда поднял взгляд, увидел, что глаза деда непривычно влажно блестят россыпью мерцающих звёздочек.

— Дедушка, почему мне так грустно?

— Грустинка пришла.

— Снился сон странный. Там я рыбу ловил.

— Это хороший сон. Мы ещё сходим на рыбалку. Вот поправишься совсем. Я озеро знаю под Москвой, там и порыбачим. Костерок разведём. Палатку поставим. Ты, поди, не ел картошечку, печённую в углях? С солью?

— Мы будем рыбарями?

Дед удивлённо посмотрел на внука:

— Откуда ты это взял?

— Из сна. Там дядька один так сказал.

— Какой дядька?

— Не видел. Тот сзади стоял.

Дед закрыл глаза. Помолчал, нежно погладил горячую голову внука.

— Давным-давно жил человек, которого звали Иисус Христос. Как то встретил он рыбарей — так в старину рыбаков на-

зывали — и сказал им: «Следуйте за мной». Те бросили всё и стали его учениками. Потом их назвали апостолами.

Максим вспомнил резиновые перчатки на руках незнакомца. И острый нож. Лезвие было длинное. Оно струилось серебристой лентой всё дальше и дальше, над костром с пляшущими угольками, сквозь рой светлячков-искр, в тёмный лес, где ветер тихо пел свою колыбельную песню послушным деревьям, кустам, травинкам... Глаза слипались.

— Спи, — хрипловато проговорил дед, разбудив задремавшего внука. — Утро вечера мудрёнее. Грустинка ушла?

— Нет.

— Ну, значит, во сне уйдёт. — Он побледнел и провёл рукой по лбу.

— Дедушка, ты не заболел?

— Что-то мне нездоровится. Пойду прилягу.

Вновь погладил по голове и поцеловал в лоб, оставив ощущение, словно к коже прикоснулись тёплым влажным полотенцем.

Максим не мог заснуть, лежал и горько беззвучно плакал, сам не зная, почему.

В эту ночь дед умер.

На рабочем столе осталась последняя, очень короткая сказка, которую тот написал для внука за несколько часов до смерти. Почерк не был похож на обычный, ровный и чёткий. Буквы плясали, строки ползли вниз, словно руки дрожали и не слушались. На белом листке было написано:

«Сказка о добре и зле.

Однажды собрались Воины Света и отправились на битву с силами Тьмы.

Долго длилось сражение, но добро, как и должно, победило зло.

Усталые, возвращались Воины добра домой; одежды почернели от грязи и крови.

Пришли, а люди не узнают их, кричат: „Прочь, силы сатанинские!“

С грустью убили неразумных людей, чтобы не путали добро со злом».

Внизу была приписка: «*Хотели как лучше, получилось как всегда. Не воюй ни на чьей стороне. Ни белых, ни красных. Следуй за Луной. Она найдёт тебя!*»

Максим не был на похоронах. У него поднялась температура, и мальчика оставили дома. Он глотал солёные слёзы, тёр кулаками воспалённые мокрые глаза, но твёрдо знал, что дед не умер, а лишь живёт теперь в другой, волшебной, стране. Может быть, там больше света и меньше тьмы...

Он спрятал под подушку записку деда и много раз перечитывал. Почему Луна? Наверное, деду было совсем плохо.

Скоро бумага истрепалась в клочья.

Потом пришли перемены. «Дом с волшебными окнами» обнесли забором, и отец объяснил Максиму, что теперь там будет музей. Проходную перед домом убрали, исчезли и два вечно хмурых деревянных солдата, которых домработница Нюша называла «Тюха и Матюха, да Колупай с братом».

А уже осенью Максим пошёл в школу. Он не испытывал страха перед новым миром, не боялся других детей, незнакомых правил общения. Это было неудивительно, поскольку подросток просто не знал безжалостной реальности, обожающей кушать белых и пушистых пришельцев из тёплых маминых гнёзд. Но произошло невероятное. Мир принял его — наверное, потому, что мальчик не был «белым и пушистым». Он был иным — неизвестно, опасным или нет, словно дельфин, выпущенный в океан из вольера, где вырос. Рыбы резвились сами по себе, акулы наблюдали, киты не встречались. Появились новые друзья-приятели. Как правило, те были заводилами в своих компаниях. В тени их авторитета Максим оказался под надёжной защитой. А уже через полгода парень и сам освоил правила игры. Акулы определились: этого трогать не надо. Почему? Об этом следовало бы спросить самих акул, но вряд ли те смогли бы объяснить.

Максиму не хватало деда и его волшебной реальности. Както пришло в голову, что окружающая жизнь похожа на поездку

в вагоне метро. Кто-то занял лучшие места, а другие теснятся в толпе; один читает, другой спит, а он стоит у двери, готовый выйти. Потому что знает, что есть другой мир — просторный, светлый и сказочный. Там мраморные полы, хрустальные люстры и витражные волшебные стёкла, словно из детского калейдоскопа. Поезд тормозит у станции, дверь вот-вот откроется. Он уже не в толпе, но и не на перроне.

Он — свой среди чужих. Чужой среди своих. Иной. Он пока червячок, но станет бабочкой, как и обещал дед.

От таких мыслей становилось одиноко. Максим любил своих папу и маму, но и они принадлежали к обычному миру, где жили простые люди. Папа работал профессором в медицинском институте, и ничего, кроме «ферментов, ускоряющих клеточный метаболизм», его не интересовало. Иногда его охватывала беспричинная яростная раздражительность. В такие минуты этот обычно тихий и вежливый человек начинал громко кричать, ругать Максима, маму, весь этот проклятый мир, погрязший в ханжеском невежестве. И хотя отец никогда не шлёпал его, мальчик чрезвычайно боялся этих вспышек.

Став старше, он понял, что отец орал не на них с мамой, а на что-то в окружающей жизни, раздражающее и пугающее. Ощущение собственной слабости и бессилия выводило этого человека из себя. Но гнев отталкивал в сторону разум, и доставалось тем, кто был рядом.

Мама работала на кафедре вместе с отцом. Она была очень красива, и Максим гордился её красотой перед сверстниками, ощущая почти взрослое мужское чувство причастности к владению прекрасной женщиной. Но как он ненавидел те страшные минуты, когда родители ссорились: лучшие люди на земле вдруг начинали кричать друг на друга, выдвигая всевозможные обвинения. Постепенно мама всё больше погружалась в мир успокоительных таблеток. Максим замечал, что, выпив «лекарство», она переставала реагировать на окружающих, а со слабой блуждающей улыбкой сидела в кресле и смотрела фигурное катание или фильмы «про любовь». Позже, когда на телевидении появились трехсотсерийные романтические фильмы, она уже не расставалась с их героями и совсем ушла в далёкий мир сладких грёз.

Скрываясь от грозного папы и не замечаемый погрязшей в мечтах мамой, Максим забирался в домашний кабинет деда, сохранившийся почти нетронутым и наверняка бывший волшебным. Кроме понятного запаха кожи и бумаги, там всегда пахло свежими цветами сирени и горьковатым ароматом первых листьев. Загадочным образом тополиный пух иногда оказывался в кабинете даже зимой. Тогда Нюша, третий раз за день протирая мокрой тряпкой пол, ворчала: «Ишь, опять Голбечник мусорит». Она никогда не отвечала на вопрос, кто этот таинственный «Голбечник», лишь поджимала губы и выкатывала глаза, словно партизанка на допросе, всем видом показывая, что умрёт, но секрета не выдаст.

Стеллажи с бесчисленными книгами закрывали почти всё пространство стен. Лишь над письменным столом из коричневого дуба оставалось свободное место со старыми фотографиями в бурых от времени деревянных рамках. Максим подставлял маленькую лесенку и доставал с полок очередной загадочный фолиант, с трепетом листал пожелтевшие страницы с рисунками животных, географическими картами или чертежами незнакомых устройств и механизмов. Он был уверен, что здесь спрятаны книги по колдовству с заклинаниями на все случаи жизни.

Сколько хороших дел можно было бы совершить! Например, превратить в жаб пару придурков. А ещё наколдовать сто порций мороженого, или ананасового компота...

Но чародейских книг не находилось. Как узнать, волшебная это книга или нет? Он пытался вчитываться в содержание. Рисунки были хоть как-то узнаваемы, но смысл текста ускользал. Скорее всего, книги были заколдованы.

Скоро Максим привык делать уроки в кабинете деда, а после третьего класса родители молчаливо отдали комнату сыну. С годами слова в книгах стали яснее, и отдельные фрагменты — понятнее. Он укладывался на огромном кожаном диване из тёмного резного дерева с массивной вертикальной спинкой и пытался постигнуть первую фразу в толстенном томе с многообещающим названием «Тайная Доктрина»: «С появлением в Англии теософической литературы стало обычным называть это учение „Эзотерическим Буддизмом“». Через полчаса отча-

янных попыток продраться сквозь дебри непонятных терминов Максим засыпал, придавленный тяжёлой книгой. Тогда знакомые с детства фотографии на стенах оживали. Иногда он слышал голос деда, который словно объяснял ему что-то. Обычно он не помнил этих снов, но, когда просыпался, вдруг оказывалось, что загадочные фрагменты текста делались понятными, ну, или почти понятными. Кожа дивана осторожно скрипела, боясь потревожить тонкую нить догадок, появлявшихся в голове. Таинственный цветочный запах успокаивал нетерпеливый разум, шепча: «Не торопись. Всякому овощу своё время. Ты и так быстро учишься».

В тринадцать лет он уже знал, кто были все эти люди на выцветших карточках в кабинете. Вот на фото дед что-то изучает на огромной карте, разложенной на столе. А рядом — Николай Рерих. Его книги будоражили Максима непонятными названиями: «Священный дозор», «Врата в будущее», «Цветы Мории». Там было написано: «Не опоздайте с изучением психической энергии. Не опоздайте с применением её». Что это значило? Слова тревожили. Может быть, время уже упущено? Что за карту они рассматривают? Схему маршрута в сказочную страну Шамбалу, которую столько лет искала Гималайская экспедиция? Нашли ли? Из «Дневников» Рериха это было непонятно.

На другом снимке дед и В. Бехтерев стоят в лаборатории. За их спинами — научные приборы, угадываемые по стрелкам, шкалам и цифрам на передних панелях. Подпись гласит: «Профессора В. Бехтерев и М. Михайлов проводят опыты по изучению мозга и психической деятельности человека». Профессора внимательно смотрят в объектив, словно изучают психическую деятельность снимавшего их фотографа. Но в голове мальчика звучали сухие строки лабораторных отчётов: «Электроды погружались в живой мозг неизлечимо больных пациентов. На них подавали электрические разряды и изучали реакции тела. Пациенты не страдали, поскольку мозг не имеет болевых окончаний». Что же обнаружили они там, в глубинах человеческого разума?

А вот на этой старой карточке деда почти не узнать, он закутан в меховую шубу и что-то показывает вытянутой к горизонту рукой другому такому же меховому человеку. И лишь

подпись под фото проясняет, что это «Г. Седов и М. Михайлов в экспедиции на Новую Землю. 1910 г.». К тому времени Максим уже прочитал фантастические романы Обручева.

Может быть, в Антарктике действительно затерян вулканический остров с горячими источниками, где живы доисторические динозавры?

Рядом, на соседнем фото, тоже экспедиция, но люди на снимках не в шубах, а в кожаных плащах; на заднем плане видны лошади. «В. Вернадский и М. Михайлов. Урал в 1911 г.». Максим, конечно, не понял теорий Вернадского, читая машинописные статьи, переплетённые в отдельную брошюру, но одна идея потрясла его воображение: «Земля — разумный живой организм». Неужели планета мыслит, испытывает радость, ощущает страдание? Рада ли она людям, протыкающих её шахтами? Больно ли ей, когда лесорубы пилят деревья? Если у человека выкачивать кровь, он умрёт. Но люди непрерывно качают нефть, добывают уголь и минералы. Что будет, если Земля закричит от горя, заболеет?

Когда люди болеют, у них поднимается температура. Выдержит ли наша цивилизация горячку и лихорадку целой планеты?

Другой снимок Максим помнил с детства, потому что полагал, что на нём изображён писатель Горький. Но теперь-то он знал, что это совсем не «буревестник революции», а неизвестный участник калужской группы «Вестник знания». Зато в первом ряду на траве сидят рядом неизменный профессор М. Михайлов и ещё молодой Константин Циолковский, утверждавший, что во вселенной есть множество других разумных существ.

Конечно, всё это было интересно, но Максим искал другое. Где колдовские книги с рубиновым кристаллом на обложке? Где рецепты волшебных зелий?

Новая идея пришла внезапно. Наверняка в комнате есть тайник. День за днём, разделив кабинет на квадраты, он метр за метром обыскивал пол и стены. Он вытаскивал книги и простукивал пространство за ними, прощупал каждую паркетину, исследовал плинтус.

6 ноября 1979 года, в канун всенародного праздника Октябрьской Революции, утомлённый поисками, он вновь задремал на любимом диване и проснулся, как обычно, ощущая в сознании туманные обрывки сновидений. За окном монотонно барабанил дождь. Завтра на демонстрации все вымокнут до нитки. Почему в ноябре праздник Октября? Каждый раз после сна в кабинете он замечал, что привычные вещи вдруг требуют объяснений. И вдруг его осенило. Как он мог не видеть того, что было совсем на поверхности? Диван — волшебный. И тайник должен быть внутри. Максим бросился ощупывать резные завитушки, украшавшие массивную спинку и подлокотники. Наконец обнаружил, что сердцевина резного деревянного цветка нажимается, как кнопка. На несколько секунд мальчик замер. Мозг вскипел от радости. Сейчас главное не спугнуть удачу. Кнопка должна открывать тайник с колдовской книгой, волшебной палочкой и кто знает чем ещё, а не быть просто отломившейся и чудом державшейся деталью узора. Он нажал ещё раз. Ничего не происходило. Тогда, повинуясь какому-то наитию, нажал и одновременно повернул деревянный цветок. Раздался щелчок и скрежет. Откуда-то сбоку выскочила перепуганная мышь и бросилась наутёк. Но Максим не смотрел на неё, он с восторгом рассматривал открывшуюся дверцу в боковой панели.

Вот он, вожделенный тайник, хранящий тайны колдовства и могущества. Сердце колотилось, как барабан на параде. Впору маршировать. С трепетом заглянул в манящую темноту потайного ящика. Внутри лежало две папки и потёртая тетрадь, на которой почерком деда было написано: «Сказки для внука».

Максим сразу раскрыл и прочитал первую:

СКАЗКА О ПРИНЦЕССЕ, КОТОРАЯ ИСКАЛА СЧАСТЬЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ, В КОТОРОЙ ПРИХОДИТ ДОБРЫЙ ВОЛШЕБНИК

В тёмной-тёмной комнате жила-была прекрасная Принцесса. В этой комнате не было окон, электрических лампочек или света свечей, однако, живя в полной темноте, Принцесса

не испытывала страха, ведь она давно привыкла к такой жизни.

У неё был огромный мешок бриллиантов, с которыми она играла и даже разговаривала:

— Ты прекрасна, у тебя голубые волосы, — говорил один волшебный камень.

— И великолепное золотое парчовое платье, — добавлял другой.

Принцесса иногда даже рыдала от счастья, слушая слова своих бриллиантов.

— Как я вас люблю! — от всей души восклицала она.

И хотя жилось Принцессе неплохо, часто она грустила о большом солнечном мире, находящемся снаружи её комнаты. Она слышала, что там светит яркое жёлтое солнце, кругом изумрудная трава, синее небо и кристальные озёра.

Иногда она молилась Богу, прося его показать всю эту красоту.

Однажды во время особо жаркой молитвы дверь в тёмную комнату отворилась, и в луче яркого света (принцесса никогда не видела ничего подобного) появился Волшебник. Может быть, это был даже прекрасный принц, ведь он весь светился, а его волосы, казалось, были посыпаны серебром. Он нежно взял Принцессу за руку, и они вышли на улицу.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПРЕКРАСНЫЙ МИР

С трудом открыв глаза от слепящего света, Принцесса вскрикнула от восхищения — вокруг всё было именно так, как она представляла. Они стояли на изумрудной поляне перед озером с хрустальной гладью, а высоко над ними, в пронзительно-синем небе, светило ярко-жёлтое солнце.

«Боже! — воскликнула Принцесса. — Как это великолепно!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. НОВАЯ ЖИЗНЬ

Принцессе очень нравилась её новая жизнь. Она бегала по изумрудной траве, играла с солнечными зайчиками, и даже забыла о своём любимом мешке с бриллиантами.

Но как-то, когда жёлтое солнце скрылось за набежавшей тучкой, она уселась под деревом и развязала мешок. И — о боже, что это?

В мешке вместо великолепных сверкающих камней лежали обычные придорожные камешки, кусочки битого стекла и даже комки крепкой высохшей глины.

В ужасе Принцесса горько заплакала.

— Не плачь, — услышала она голоса своих ненастоящих бриллиантов. — Это не мы такие некрасивые. На самом деле это неправильный мир, куда тебя затащил твой Волшебник. Посмотри вокруг внимательно.

Принцесса оглянулась. И вдруг она увидела, что трава, на которой сидела, совсем не изумрудная. А просто зелёная. И состоит из множества некрасивых травинок. Некоторые были даже поломаны и какого-то бурого, пожухлого цвета. Принцесса в ужасе провела по траве рукой и увидела, что снизу просвечивает грязная земля. Она даже испачкала свои красивые пальцы, когда коснулась её.

По-новому взглянув на окружающий мир, Принцесса вдруг поняла, что и небо, и солнце имеют вполне заметные изъяны: здесь не хватает синевы, там хромает форма...

Да и озеро оказалось совсем не хрустальным. В нём была налита простая и даже немного мутная вода, в которой она увидела своё отражение. Кошмар!

Она обнаружила не Принцессу с голубыми волосами в золотом парчовом платье, а обычную девушку в джинсовом костюме. Это было ужасно...

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, В КОТОРОЙ ВОЛШЕБНИК ОКАЗЫВАЕТСЯ НЕНАСТОЯЩИМ...

Волшебник нашёл горько рыдающую Принцессу на берегу озера.

— Ты совсем не прекрасный принц! — плача, закричала несчастная. — Во всех сказках принцы женятся на Принцессах.

— Ты права, — грустно ответил принц. — Ведь моя работа — вытаскивать прекрасных принцесс из тёмных комнат, и их так много, что я не могу на всех жениться.

— Ты и не волшебник!

— И здесь ты права, — ещё более грустно отвечал разоблачённый Волшебник.

В его руке неожиданно, как будто из воздуха, появился огромный носовой платок. Им он промокнул Принцессе глаза и вытер нос.

Затем ещё раз махнул рукой, и на траве появилось блюдо с фруктами и хрустальный бокал с какой-то тёмной жидкостью.

— Это отравленное вино, — обречённо произнесла Принцесса, удивляясь своей проницательности и тому, что было совсем не страшно.

— Это валериана... — сказал Волшебник.

ГЛАВА ПЯТАЯ, В КОТОРОЙ ПОЯВЛЯЕТСЯ НОВЫЙ ГЕРОЙ

После того как девушка выпила и поела, ей стало немного легче.

— Что ты сделал со мной? — спросила она Волшебника (будем по-прежнему называть его так). Где мои голубые волосы и золотое парчовое платье?

— Твои волосы лучше голубых, — тихо ответил Волшебник. — Они русые и золотятся на солнце. А в этом джинсовом костюме ты очень мила.

— А что случилось с моими прекрасными бриллиантами?! — вскричала Принцесса.

— Прости меня. Настоящих бриллиантов очень мало. И именно поэтому они такие дорогие, — ещё более грустно сказал Волшебник...

Принцесса не до конца поняла его слова, и почему-то ей стало от этого ещё грустнее.

Неожиданно из-за холма раздались громкие звуки, будто кто-то быстро барабанил в ржавое корыто, и появился удивительный человек. Он сидел на огромном хромированном мотоцикле, в чёрных кожаных сапогах, кожаных брюках и кожаной безрукавке, на которой белым готическим шрифтом было написано слово «Негодяй».

Человек на мотоцикле остановился рядом и громко закричал:

— Приветствую, моя красавица! Я давно искал тебя. Бросай своего фальшивого принца и поехали со мной.

— А ты кто? — спросила Принцесса.

— Я — Негодяй, — ответил незнакомец. — Я буду бить, обижать и унижать тебя. Я запру тебя в тёмной комнате. И там будешь плакать, жалея, что ты, такая прекрасная, в таком красивом парчовом платье и с целым мешком великолепных брильянтов, вынуждена жить с таким негодяем, как я. Поехали скорее! Время уходит.

Принцесса испуганно взглянула на ненастоящего Волшебника с его мало понятными речами и насквозь фальшивым (как она теперь понимала) миром. Разве может быть настоящим мир, где она не принцесса, а обычная девушка? Стараясь не глядеть в глаза Волшебнику, она быстро сбегала за своим мешочком бриллиантов и, счастливая, взобралась на огромный мотоцикл, крепко прижавшись к сильной спине нового друга.

Мотоцикл вновь страшно зарычал, выпустив тучу вонючего дыма, и Принцесса с Негодяем уехали.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА

Говорят, что Негодяй полностью сдержал свои обещания. Он запер Принцессу в страшной тёмной комнате, где она и прожила всю свою жизнь. Но, умирая, старая, больная и некрасивая женщина, лежащая в лохмотьях в грязной кровати, продолжала считать себя прекрасной принцессой с голубыми волосами и золотым парчовым платьем. И была по-своему счастлива...

А Волшебник продолжал жить в своём прекрасном мире, который он создал для людей. Но как же мало людей там было! Большинство предпочитало возвращаться в тёмные комнаты своих иллюзий и наслаждаться придумываемыми небылицами.

Так получались: «Былины о Великом Вожде», «Повести об отважных революционерах», «Басни о светлом будущем».

Или наша «Сказка о прекрасной Принцессе»...

Максим сразу понял, что здесь нет никаких заклинаний. Конечно, он хотел почитать истории, которые придумал для него дед. Но это успеется, посмотрит потом. Сейчас надо найти секреты колдовства. Главное, не суетиться, чтобы не испортить что-нибудь волшебное. Он нарочито неторопливо развязал красные тесёмки следующей папки. Внутри лежали обычные машинописные документы. От застоялого запаха картона и бумаги хотелось чихать. Осторожно перевернул первый лист и замер, разглядывая грозный штамп «Секретно». Буквы плясали перед глазами. «За выдающиеся заслуги перед Советской Родиной... оставить академику Михайлову М.И. два родовых особняка в центре Москвы...». Внизу подпись: «СТАЛИН».

Так. Это не то. В школе сказали, что Сталин сажал людей в тюрьму и сделал «культ личности», что, конечно, недопустимо для коммуниста. Посмотрим следующий лист? Сердце вновь ёкнуло. Теперь печать гласила «Строго секретно».

«...Для охраны бесценной художественной коллекции прикомандировать четырёх сотрудников НКВД в распоряжение академика М.И. Михайлова».

Вообще не то. Что здесь секретного? Все видели часовых на старой проходной. Те совсем не секретно охраняли выход на улицу. И вход охраняли.

Перевернул бумагу. Опять «Строго секретно».

«...совместно с биофизической лабораторией Московского Политехнического института (зав. тов. Барченко А.) организовать лабораторию паранормальных явлений и психофизического воздействия (зав. академик Михайлов М.)». Подпись: «Начальник Особого Отдела ВЧК-ОГПУ Глеб Бокия».

Что такое «паранормальные явления»? Может быть, раздетая женщина в круге из горящих свечей? Или когда родной дед травит любимого внука с помощью чокнутой кошки? Это было уже интереснее. Запахло колдовством. Однако последние бумаги в папке разочаровали. Опять ничего не значащие «секретные» письма из «Института мозга» от В. Бехтерева и «Института крови» от А. Богданова.

Не так-то просто найти тайные заклинания. Сердито хромая, по коридору прошла Нюша. Дождался, пока стихли шаги.

Нераскрытой оставалась последняя папка. С золотой тесёмкой!

Осторожно развязал тугой бантик и, не открыв обложку полностью, заглянул внутрь. Так делал папа, когда играл с друзьями-докторами в преферанс на деньги. Он чуть-чуть сдвигал сложенные стопкой карты и разглядывал лишь крохотный уголок. Чтобы не спугнуть удачу.

Секунду Максим тупо разглядывал столбцы цифр. Ничего! Цифры, цифры. Несколько графиков. Опять цифры. Если здесь и были заклинания, то надёжно зашифрованные. Нормальному человеку не понять. От разочарования мальчик чуть не заплакал.

Он довольно тщательно перечитал сказки. Они были написаны простым языком, хотя смысл по большей части ускользал. И ни слова о колдовстве.

Может быть, паранормальные явления и есть магия? Забрезжила догадка. «Дед проводил опыты с волшебным газом, способным изменить человека, сделать его всемогущим. Кажется, перед смертью он говорил, что из червячка я превращусь в бабочку. Может, мы с кошкой нанюхались и стали такой ненормальной парой, — подумал Максим. — Кошка трагически погибла, а я нет. И теперь начну превращаться в волшебника, могучего и страшного! Ого-го-го!»

Надо попробовать, не появилась ли в нём сила. Максим пробежал на кухню, где Нюша жарила котлеты, подскочил сзади и попытался приподнять грузную домработницу.

— Ох ты, батюшки! — завопила Нюша, уронив фарш на пол. — Совсем спятил? Девку тебе пора завести.

Похоже, силы в нём не прибавилось. Разочарованный, Максим убрался восвояси и, лёжа на любимом диване, пришёл к выводу, что жизнь — странная штука, где всё происходит вопреки нормальной логике. Видимо, дед-чародей не пользовался волшебной палочкой и не имел колдовских книг. Его волшебство было особым, тайным и невидимым для посторонних — паранормальным. Что бы это ни означало!

В «Энциклопедии Брокгауза и Эфрона» загадочного слова не обнаружилось. Там была только «паранойя» — «состояние

извращённого ума. Характерная форма помешательства под названием первичного сумасшествия». Пришлось обратиться к отцу, хотя лишний раз беспокоить вспыльчивого родителя было всё равно что таракану выйти на Нюшину разделочную доску, просто чтобы поздороваться. Но иногда приходится рисковать.

— Где ты вычитал такое? — отец отложил газету и с непонятной тревогой уставился на сына.

— В книге, у деда в кабинете.

— В какой?

— Уже не помню. Слово просто непонятное. Запомнилось почему-то. А что?

Максим врал складно, не краснея.

Но отец успокоился. Строгие глаза, вооружённые старомодными очками с круглыми стёклами, расслабились. Похоже, грозы удалось избежать. Чёрная туча подозрения ушла.

— Параномальное — то, что наука пока не в состоянии объяснить. То, что за гранью нормы.

— Гипноз?

— Нет. Гипноз уже нашёл свою нишу в лечебной практике психиатров. Так всё же, в какой книге ты это прочитал?

Грозовое облако возвращалось. Максим понял, что пора улепётывать.

— Кажется, в «Капитале» Маркса. В школе задавали.

Отец потерял несколько драгоценных секунд, прикидывая, где у классика могла бы встретиться подобная ссылка, а когда поднял глаза, сына уже не было.

Полученная информация показалась важной. Сверяясь с томиками фантастики, Максим составил список способностей, пока не изученных наукой:

«Чтение и внушение мыслей на расстоянии;

- левитация, возможность полёта, как у Ариэль в романе Беляева;
- жизнь без сна;
- человек-амфибия, способность дышать в воде;
- путешествия во времени».

Список оказался коротким. И ни в одном из пунктов он пока не преуспел.

Осень оказалась на редкость дождливой. Солнце простудилось и сидело на больничном, не выходя на работу. Облака застилали небо слоями. В верхнем — неподвижная серая плоскость, в нижнем — чёрные, спутанные комки дождевых туч. Дачники заколачивали двери на зиму, закрывали деревянными щитами окна, чтобы лихой народ не баловал в опустевших домах. Казалось, Подмосковье готовится к войне.

Поддавшись общим настроениям, отец с сыном съездили в Малаховку, походили по сырому, холодному, опустевшему деревянному домику, крашенному зелёной военной краской. Отключили воду и электричество, вычистили холодильник, оставив его открытым. Забрали отсыревшие одеяла и подушки. Максим взял несколько забытых книг.

Обратно ехали уже поздно. Максим дремал на заднем сиденье, как вдруг автомобиль остановился. Двигатель заглох с предсмертным вздохом. Отец раз за разом пытался завести, но слышался лишь противный скрежет стартера. Профессор Дмитрий Максимович Михайлов ненавидел внезапные поломки. Не любил ужасную российскую погоду, дождь, ветер, бестолковых автомехаников, их тупое неумение работать, отсутствие горячего ужина, холодные бутерброды с жирной колбасой, грязные руки, пустое шоссе, чёрта, дьявола, мать их обоих... Объяснив всё это сыну, он вышел на шоссе и поднял руку, пытаясь остановить редкие машины, проезжающие мимо. Бесполезно. Кто будет останавливаться ночью?

Наконец отец решился, отчаянно засучил рукава коричневого пиджака и открыл капот. Галстука не снял. Профессор носил этот важный атрибут власти на работе и дома. Не надевал только на пижаму. Максим понимал: галстук вроде меча у рыцаря — у кого он есть, тот и главный. Не случайно оба предмета одной формы.

— Выкручу свечу, посмотрю, есть ли искра. Заведи стартёр, когда крикну.

Максим молча взял ключи и сел на водительское место. Он плохо представлял, что тот сможет сделать, кроме как посмо-

треть. Перспектива провести ночь в холодном автомобиле с пышущим яростью папой не радовала.

Прошло немного времени. Явление профессора из недр мотора было неожиданным.

— В рот компот! — орал он страшным голосом. — Ключ, собака, сорвался! Не подходит!

Отец замолк, облизывая палец, ободранный псом-ключом.

Дальше Дмитрий Максимович рассказал правду об устройстве мира, подверг сомнению родословную свечей зажигания. Затем досталось тучам, проклятой сырости, ненормальной стране, автоинспекторам, которые попрятались в норы, вместо того чтобы патрулировать шоссе. Мальчик вздрагивал от слов, как от ударов. Где-то внутри возникали кровавые следы, которые ещё не скоро зарубцуются. Криком можно разбить бокал. Что если и мир взорвётся, как лампочка, и осколков уже не соберёшь?

Наконец Дмитрий Максимович устал. Наступившая тишина показалась ещё страшнее, и перепуганный насмерть ребёнок отчаянно повернул ключ, надеясь на спасительное чудо. Машина с первого раза послушно завелась. Отец изумлённо уставился на сына:

— По щучьему велению? — подозрительно переспросил он, потом торопливо добавил: — Быстро перелезай на своё место, пока не заглохла. Да постригись наконец! Зарос весь, ходишь как хиппи.

Они поехали. Максиму было приятно видеть убегающие назад тени тёмных деревьев. Он старался сидеть тихо, исчезнуть, слиться с сиденьем, чтобы вновь не разозлить отца. Мотор ровно урчал. Дождь заканчивался. На западе тучи расползались, словно ветхая ткань; между лохмотьями виднелось небо. Оно было багровым. Дворники укоризненно метались туда-сюда, словно не одобряли ничего из происходящего. «Так-так, так-так, всё вокруг один бардак», — истерично скрипели они.

— Ты похож на деда, — вдруг устало произнёс отец. — Вокруг него тоже постоянно происходила всякая чертовщина.

Максим ничего не говорил, не будучи уверенным, что приступ прошёл. Папа отходил так же быстро, как и взрывался, на-

до было только выдержать паузу. Давясь, мальчик проглатывал вопросы и слова, как в детстве манную кашу. Наконец любопытство пересилило.

— Он же был военный, учёный, — Максим понял, что пришло время разобраться в запутанных вопросах семейной истории. — Почему же тогда «чертовщина»?

— Придворный чародей Сталина, — невесело усмехнулся отец, словно ждал этого вопроса.

— Я не понял...

— Ф-ф-ф-ф... — тот тяжело выдохнул, показывая, как трудно объяснять некоторые вещи подростку. — Многие правители любили играть с магией. Они окружали себя кучей чародеев и алхимиков. Кровь лилась рекой, ведь колдовства не существует без убийств. Чужие страдания питали их силу, а страдания целых народов кормили потусторонние сущности, которые, как они думали, стояли за ними. Это кончалось катастрофами и опустошающими войнами.

— Сталин был такой? — спросил Максим.

— И Сталин, и Гитлер. Они считали себя великими магами. И миллионы погибли за их бредовые идеи.

— При чём здесь дед?

— У Сталина было целое управление, занимавшееся исследованиями в потусторонних областях. Многие известные учёные и экстрасенсы вроде Мессинга волей или неволей помогали ему в этом. Другие, вроде твоего деда, координировали эту работу и ставили магию на службу государству.

— Магия на службе государства! — Максим был потрясён. — Разве такое возможно?

Отец замолчал. Видно было, с каким трудом он старался говорить спокойно. И наконец продолжил:

— Об этом не пишут в учебниках, но красная звезда на флаге — это древний мистический символ. А ещё на первом гербе молот и серп были переплетены с волшебным рыцарским мечом. Ты слышал про Александра Богданова?

— Нет, — соврал Максим, не желая рассказывать о папках из тайника деда.

— Этот человек был идеологом революции и создал новый оккультный орден большевиков, где каждый должен причаститься кровью своего товарища.

Богданов считал, что истоки такого обряда завещал Христос апостолам на Тайной вечере, когда предложил испить своей крови. Просто церковь его слова не поняла и исказила, решив, что сладкое вино вкуснее.

— Так поступают вампиры в книжках, — нерешительно заметил Максим.

— Ты про кого? Про Богданова или Христа? — строго спросил отец. Помолчав, он продолжал, с удовольствием давая волю раздражению: — Не люблю дилетантских суждений. Как ты можешь делать выводы по одной фразе из моего рассказа? Хочешь что-то понять — читай Библию, читай труды Богданова, тогда и поговорим.

Максим молчал, не решаясь что-либо сказать. Любое слово могло спровоцировать новую вспышку гнева. Отец тем временем продолжал — похоже, разговор зацепил что-то в его душе, и остановиться он уже не мог:

— Большевики вели себя как типичная религиозная секта и прежде всего уничтожили своих конкурентов — церковь, затем ввели революционные песнопения взамен церковных гимнов, создали собственные святые писания из сочинений Маркса, Энгельса, а потом и Ленина.

— Почему в учебниках не пишут про Богданова?

— Он не выпячивал себя. Всегда был в тени. Он не был членом реввоенсовета или ЦИКа. После революции тихо возглавил созданный им загадочный «Институт крови». Там проводились исследования по продлению жизни за счёт вливания молодой крови в тела стариков.

— Он получил «эликсир молодости»?

— Неизвестно, поскольку умер, когда вводил себе кровь молодого парня...

— Так волшебство существует или нет?

— Кто знает. Всегда существовали отдельные люди, о которых другие говорили, что они чародеи. Мне однозначно не нра-

вятся времена, когда колдовство делается государственной программой. Ни церковь, ни тем более магия не должны быть придворными слугами.

— Почему? — спросил Максим.

— Слишком дорого это обходится человечеству. И, боюсь... — отец замялся.

Пауза затягивалась. Ночь уже вступила в свои права, и свет встречных фар слепил широко открытые глаза Максима.

Кроваво-красное небо над дорогой быстро темнело, словно из него тоже выпускали кровь.

— Почему ты не договорил? — тихо спросил мальчик.

— Мне кажется, вновь наступают времена, когда магия начинает быть государственной. Вновь спецслужбы интересуются работами Рериха, Гурджиева, Блаватской. Опять выплывают копии древних манускриптов с печатью «Для служебного пользования». Из гробов встают кровопийцы с холодным сердцем, горячими от чужой крови руками и чистым от совести разумом. Или их дети...

— Но ведь учёные должны помогать своей стране? Тем более если они волшебники, — пытался понять мальчик. Он уже совсем запутался и чувствовал себя фокусником, который достал из шляпы не кролика, а тигра, и теперь ошеломлённо пытается понять, что с этим делать: кланяться залу или бежать.

— Учёный не должен быть генералом КГБ. Патриотизм и тем более религиозность способны оправдать всё что угодно. Твой дед наверняка убедил бы Бога создать дьявола, — отец язвительно скривился. — Сначала просто чтобы «посмотреть, что получится», а потом успокоил бы Создателя, что «всё удалось на благо людям и во Славу Божью», и вручил бы орден.

Идеи гуманиста Вернадского помогли сделать ядерное оружие, а романтик Циолковский подсказал, как можно отправить бомбу в другое полушарие. Кстати, твой любимый «Уголок Дурова» — одна из первых советских лабораторий по созданию биологического оружия в виде животных, подчиняющихся дистанционным командам.

Отец мрачно замолчал — возможно, он уже жалел, что слишком разоткровенничался с сыном. Максим тоже сидел молча.

Беседа давно вышла за рамки его понимания. Он размышлял не о загадочных большевиках и вампирах, не о дьяволе и Боге с орденом, он думал об отце: «Интересно, когда я вырасту, стану ли я таким же взрывающимся по пустякам и готовым наорать на своих детей?» И, конечно, пришёл к выводу, что нет, не станет.

«Ш-ш-ш...» — шуршали шины по шоссе убаюкивающую песню дороги.

«Р-р-р...» — ритмично рыча, подпевал им мотор.

Максим задремал.

Домой приехали поздно. Ужина не было, поскольку на мерцающем голубом экране происходили невероятные события: рабыня Изаура в этот вечер расставалась с доном Педро.

— Я буду вечно любить вас, но вы должны уехать!

— Вдали от вас я умру! — обещал Педро.

Мама, тихо улыбаясь, заворожённо смотрела в телевизор. Кажется, она даже не дышала.

Максим, впрочем, и не хотел есть. Поэтому он не стал дослушивать темпераментный диспут отца с открытым холодильником («Приходит муж домой, а в холодильнике нет даже любовника!..»). У себя в комнате он быстро разделся, залез в тёплую пижаму и нырнул под одеяло. Слишком много новой информации. Мысли переполняли голову, словно вскипающее молоко — кастрюлю.

Было трудно представить деда злым колдуном. Он был уверен, что отец неправ в своих рассуждениях. Пусть Сталин плохой, но дед-то однозначно был хорошим, добрым. Слова отца лишь подтвердили догадку, что дед был не просто волшебником, а ещё и секретным учёным, создававшим мощь нашей страны перед лицом всяких гитлеров.

С этой успокоительной мыслью мальчик уснул, заодно решив завтра прочитать Библию, чтобы отец никогда не считал его глупым дилетантом.

Утро следующего дня началось с появления смущённого папы, который требовал чуда. Машина опять не завелась, и он опаздывал на работу. Мальчик взял ключи, но второй раз фокус не удался. Почему-то отец не стал, по обыкновению, ругаться, а вроде бы даже обрадовался и поехал на такси.

Библия, имевшаяся в кабинете деда, оказалась объёмной и непонятной книгой. Но Максим упрямо и методично взялся за её изучение. Сначала она показалась ему написанной на каком-то иностранном языке, и смысл ускользал полностью. Потом заметил первый положительный эффект: Святое Писание отлично помогало от бессонницы. Но уже через пару месяцев с удивлением обнаружил, что понимает прочитанное. Теперь Книга казалась сборником занимательных исторических рассказов. Но вскоре он догадался, что за словами прячется что-то иное. Так за нотными значками скрыта музыка. Иногда чувствовал ускользающую тайну. Словно что-то неведомое прикасалось к сердцу, или мозгу, а может быть, к коже. Но ощущения были слишком смутными. Однако интерес возрос. Вдруг это и есть та волшебная книга, которую он так долго искал?

Он решил больше не обсуждать с отцом спорные вопросы биографии деда, а тот, похоже, тоже не очень рвался продолжать сложную тему. В логике отца Максим обнаружил существенную прореху. Большевики не могли руководить дедом. Во всех книжках короли подчинялись волшебникам. Кто же захочет превратиться в мерзкую жабу? Дед был чародеем задолго до Сталина, и даже до Октябрьской революции, пережил две войны и умер на тридцать лет позже, чем Вождь народов. Великого мага никто не смог бы заставить совершать плохие поступки. Для себя Максим решил, что станет, как дед, могучим добрым волшебником и будет работать на благо своей страны. Наверное, Леонид Ильич Брежнев лично вручает таким людям награды! Максим был не против красивых блестящих орденов, с ними можно было бы ходить в школу или даже на работу.

Случай с машиной показал, что дед сказал правду. Пусть это было пока единственное чудо, но способность к волшебству скоро проявится. Бабочки не сразу появляются из гусениц. Всему своё время. Время разбрасывать камни, и время их собирать, как сказано в Библии. Надо только подождать. В одной из сказок деда он прочитал: «Время — как коварный зверь. Ступает чуть слышно, идёт незаметно и не любит, когда его убива-

ют». Поэтому надо готовить себя уже сейчас. Учиться лучше всех, тренировать мозг и тело. И следить, чтобы никто не догадался... Последнее правило показалось ему важным, хотя не смог бы объяснить, почему.

Максим стал делать по утрам зарядку и записался на самбо. Он тщательно сжигал черновики домашних работ и записывал телефоны одноклассников без имён и фамилий.

К восьмому классу действительно стал одним из лучших учеников, и преподаватели закрывали глаза на некоторые странности отличника. Например, он подписывал сочинения псевдонимом «Денисов» и протирал парту, когда выходил из класса. На самом деле Максим стирал отпечатки пальцев.

Незаметно детство, которые многие считают лучшим периодом в жизни, сменилось юностью. Которую другие, не менее справедливо, полагают самым замечательным возрастом. Взросление подкралось с неотвратимостью смены времён года. Словно где-то повернули переключатель, и жар охватил мироздание: текут ручьи, орут коты, весна идёт, весне дорогу. В нём проснулись невиданные силы, те, что заставляют непримечательную ветку покрываться яркими цветами, благоухать, сыпать пыльцу, втирать байки пчёлам.

В десятом классе начались любовные романы. Максим чувствовал, что в девушках спрятана магия, собственно, они и созданы из волшебства. Чего стоило необъяснимое могущество даже над самыми сильными и агрессивными одноклассниками. Почему их взгляд смущает, будто ты уже совершил что-то постыдное? Почему они вроде бы прячут свои тела, но так, что одновременно выставляют напоказ? Открыв первую тайну, натыкаешься на другую. Словно идёшь по коридору с бесчисленными закрытыми дверями и, приоткрыв одну, обнаруживаешь, что вновь попал в тот же коридор. А ещё он подумал, что женщины сговорились и разделили великую тайну между собой; каждой достался лишь фрагмент, кусочек, и, лишь овладев всеми, можно сложить мозаику. Возможно, здесь прячется секрет ненасытного мужского влечения. Может быть, поэтому в Библии о связи мужчины с женщиной говорится: «Он вошёл, открыл и познал...», словно речь идёт о жгу-

чей загадке или великом открытии. В этом следовало разобраться, и будущий великий волшебник переквалифицировался в Дон Жуана.

Одноклассницам он нравился — возможно, помогали магические способности. Изучение прекрасного пола затянулось и вместе с ним поступило в физтех. Там в одном из залов висел портрет его деда. Как здорово, если бы и его портрет красовался рядом! Хорошо быть секретным физиком, академиком и гордостью государства, пользоваться любовью партии, правительства и нежных дам. Листая учебник Льва Ландау, он поставил задачу потеснить уважаемого научного мэтра с пьедестала главного ловеласа среди учёных.

Институт пролетал незаметно. Максим учился хорошо, почти не прикладывая к этому усилий. На первом курсе уже отлично справлялся с самыми сложными пуговицами женского гардероба. И слыл авторитетом у своих многочисленных последователей в студенческой среде. Хотя большинство единомышленников к этой теме добавляли серьёзные исследования сочетаемости различных спиртных напитков. Особенно тщательно изучался коктейль из смеси портвейна и пива.

Преподаватели, в свою очередь, стремились завладеть сердцами студентов. Их томила идея привить тягу к знаниям, наполнить лохматые головы чудесными идеями, смелыми теориями и выпустить в мир, ожидающий пополнения гениев. На лекциях декан с упоением излагал озарения, посещавшие его ночами. Но большинство дремало, в глубине спящей души стыдясь своего несовершенства. Трудно внимать великому, если лёг под утро. Конфликт интересов постепенно сглаживался взаимным привыканием. Затем наступила фаза привязанности, сменившаяся со временем тихой любовью. Студенты и не догадывались, что при финальном распределении глаза суровых профессоров будут блестеть нечаянной слезой.

К последнему курсу Максим понял, что изучение женщин более-менее завершено. Тайны ушли одна за другой, загадки нашли ответы. Параллельно закончил штудирование Библии

и решил взяться за «Бхагавадгиту» и Коран. Тут, словно по волшебству, подвернулась секта, называвшаяся «Кружком изотерических исследований», под руководством крепкого мужчины, похожего на Карла Маркса из-за бурной растительности, окружающей горящие расчётливым безумием глаза. В эзотерическом кружке он впервые увидел стопку затёртых машинописных листов высотою в метр, на первом из которых было написано непонятное слово «Зогар». Максима захватил текст в силу его абсолютной непостижимости и загадочности. Он читал с восторгом, упиваясь полным непониманием сущности происходящего. Это было круто.

«Братьев» в секте было мало. В основном «сёстры» — разведённые оккультные барышни в возрасте тридцати пяти — сорока лет, которые с восторгом восприняли появление Максима. От них он познал поэзию Серебряного века:

«Ангелы опальные,
Светлые, печальные,
Блески погребальные
Тающих свечей; —
Грустные, безбольные
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсветы лучей; —
Взоры полусонные,
Нежные, влюблённые,
Дымкой окаймлённые
Тонкие черты; —
То мои несмелые,
То воздушно-белые,
Сладко-онемелые,
Лёгкие цветы».

К поэзии прилагался изысканный тантрический секс и лёгкая гонорея.

К счастью, у мамы нашлась хорошая подруга, известный врач, специализировавшаяся по любовным недугам.

«Студент без триппера — что корабль без шкипера», — жизнерадостно сообщила она, всаживая болезненный укол в ягодицу.

«Изнемогает плоть моя...» — со стоном изрёк Максим, разглядывая своего поникшего «отца тысяч».

Когда он учился на последнем курсе, всех арестовали — и «Карла Маркса», и оккультных дам, и Максима. Следователем оказался весёлый молодой человек, который с ходу предложил парню два варианта. Первый — заниматься духовным просветлением сидя в тюрьме. Второй, предложенный из уважения к его заслуженному деду, — сотрудничать с органами.

Максим испытывал чувство унижения от того, что испугался не на шутку.

Этот развязный тип, сидевший напротив, был так уверен в своей прозорливости и считал себя столь невероятно умным... Трудно было придумать что-нибудь более нелепое, чем грубая вербовка человека, который всю жизнь готовил себя к секретной работе.

От сознания неуместности происходящего было досадно до крайности. Совсем не так он представлял себе вступление в ряды защитников государства. Где фанфары и хвалебные речи? Где скупые слёзы восхищения родителей? Где зависть друзей?

Следователь принял его размышления за сомнения и принялся с юмором описывать детали тантрических секс-практик, принятых в тюрьме.

Но Максим уже не боялся. Он молча подписал предложенный документ. Не хотелось расстраивать следователя, но он запомнил его фамилию, и когда-нибудь растопчет весельчака. Максим не чувствовал себя злопамятным, просто память хорошая, да злой в папу. «От смеха болит сердце», — говаривал мудрый царь Соломон. Наверное, про тех, кто смеялся не над клоунами, а над царями и магами.

Институт он закончил с красным дипломом и без судимости.

В результате был направлен в секретный НИИ. Работа оказалась скучной, а неприятнее всего были частые командировки

на отдалённые полигоны, где осуществлялись испытания новой техники.

Там была лишь тусклая пустота. Нет, сначала военные заводы казались кипящими деятельностью людскими муравейниками. Кумачовые транспаранты, улыбчивый директор, сверкающая новой краской техника, увлечённые своей работой энтузиасты. Но через несколько часов вдруг становилось ясно, что всё на самом деле не так.

В детстве они с дедом ездили смотреть Бородинскую панораму. В первый момент мальчику показалось, что они оказались в поле, где кипит сражение. Максим крепко схватил за руку деда, чтобы не потеряться. Но затем стало понятно, что на самом деле они стоят в совсем небольшом зале, а люди, пушки, лошади и даже само поле с далёким лесом — лишь рисунок на картоне. А потом они прошли за кулисы. Там была лишь серая стена, уходящая по кругу, пыльные деревянные подпорки и много грязных проводов.

— Такова наша реальность, — сказал дед загадочную фразу.

В командировках Максиму показалось, что он понял эти слова.

Каким-то другим зрением он видел, что промышленные гиганты — лишь заброшенные свалки с грудой металлолома. Цветные краски давно сбежали из этих унылых мест, и мир мерещился одноцветным. Всё казалось плоским и нарисованным карандашом. Жизнь отсутствовала. Во рту ощущался сухой вкус пыльного картона. Эта бесцветная атмосфера высасывала силу. Тела людей таяли, будто их стирали ластиком, и чудилось, что он один, а все давно ушли по случаю затянувшегося на годы обеденного перерыва. В пустых цехах что-то гулко ухало и шумело. Монотонно вращались огромные колёса — возможно, их просто забыли выключить. Где-то струилась вода. Казалось, что вокруг суровый потусторонний ландшафт, всплывший из тяжёлого сна. Звуки, хотя и были громкими, усыпляли, а точнее, не будили. Хотелось зябко перевернуться на другой бок и плотнее закутаться в одеяло.

Туземец-проводник с лицом директора вёл московскую комиссию по цехам и монотонной скороговоркой вещал о трудовых былинных подвигах. Чудилось, как от стенда «Ударники

производства» беззвучно отделялись призраки передовиков. Они убегали куда-то вдаль, наверное, чтобы догнать и перегнать Запад и победить время, превратив «пятилетку» в три года. А может, просто убегали...

За стеной невнятно слышались безнадёжные стоны, и зубовный скрежет мающихся душ, и плач аккомпанирующей им гитары.

— Самодеятельность репетирует... — объяснял директор. — Гордость района!

Максиму казалось, что он существует в крохотном лучике света, который отбрасывает его тело, затерянное в этом тусклом мире. Там, куда падал отблеск, карандашный рисунок раскрашивался, и вновь казалось, что завод живой. Но за пределами света царила тьма.

«Что-то неладное творится с моей страной, — ловил он неожиданную мысль. — Словно исчезла некая одушевляющая энергия, подпитывающая реальность. „Дух Святой“ ушёл», — вдруг подумал он, и от этой мысли стало страшно. Колесо крутилось, но белка давно умерла.

Максим чувствовал себя усталым. Огонёк, живущий внутри него, требовал подпитки, словно костёр — свежих дров. Тогда он говорил, что «отойдёт на минутку», и быстро шёл в сторону высокого бетонного забора, покрытого рядами колючей проволоки, свешивающейся вниз, словно оплывающие свечи на картинах Дали. В заборе зияли многочисленные дыры. Максим выбирал ту, где сновало меньше потусторонних теней. Задержав взгляд, он видел, что это рабочие, растаскивающие что-то с территории завода, словно трудолюбивые муравьи. Их лица были серьёзны и сосредоточены, они искренне считали, что день, когда ничего не украдено, прожит зря.

Он протискивался в узкий лаз, стараясь не зацепиться за торчащую ржавую арматуру. Снаружи мир вновь вспыхивал красками.

«Может быть, это со мной что-то не в порядке?» — вновь появлялась странная мысль.

За забором млела под солнцем берёзовая роща с зелёной бархатной и тёплой травой, неторопливо текла речка.

Как приятно было вновь чувствовать жизнь, просыпаясь от кошмарного сна! Странно, но при этом он всегда начинал безудержно зевать. Челюсти сводило, мышцы шеи ныли, как перетруженные верёвки. Он ложился на высоком берегу, уставившись в бездну неба. С облаками лениво проплывали мысли: «Бездна — это то, что не имеет дна. Не имеет... Нищий... Блаженны нищие духом, ибо их есть царствие небесное». Тело автономно всасывало энергию с жадностью комара, выбравшегося из недр пылесоса, куда его коварно затянули.

Через час, повинуясь долгу, он вновь пролезал в дыру забора, возвращаясь в туманное сновидение.

Цех по-прежнему был пуст. Своих не наблюдалось, словно он вернулся на поле боя, а фронт ушёл. Но Максим знал, куда идти. В конце тёмного тоннеля-коридора всегда светилось окошко парткома. Там заседал штаб. Ведь запуск новой техники редко удавался с первого раза. Аккуратно прикрыв за собой дверь, Максим садился на свободное место, наливал в заботливо подвинутый стакан шипучий «Боржоми». Казалось, его отсутствия не замечали, словно он был тенью. «Может быть, и другие тоже находятся в этом жутком потустороннем состоянии», — думал он. Совещание шло по раз и навсегда заведённому сценарию:

— Наказать! Партбилет на стол!

— Виноват. Я докладывал. Смежники подвели. Пётр Степаныч в курсе...

— Строго наказать!

— Всё будет исправлено немедленно...

— А что скажет наша наука?

— М-м-м-м-м-м-м-м, это если не интерполировать... — мямлил заведующий центральной лабораторией. Остатки волос на его голове сиротливо жались друг к другу, пытаясь прикрыть расползающуюся плешь.

— А если... полировать?

— М-м-м-м-м-м-м-м, в среднем...

— Понятно. Когда исправите?

— Завтра.

Прибегали чудо-молодцы, в основном говорившие на старославянском и поэтому старавшиеся молчать.

— Справитесь до завтра?

— Ето. Будем стараться! Ага...

— В ночную смену чтоб пахали.

— Дык... На...

— На?!

— На!!!

Через пару дней происходил повторный запуск. Если что-то опять не ладилось, начинался очередной «разбор полётов». Иногда ситуация растягивалась на неделю-другую. Момент счастья наступал, когда можно было поставить подпись под актом успешной приёмки, выпить сто грамм и ехать домой. Каждую поездку Максим мечтал, чтобы испытания скорее закончились.

Однако и в Москве он стал замечать, что мир вокруг потихонечку терял яркость, угасал, съёживался и тускнел. Максим даже сходил к окулисту, проверил зрение. Всё было нормально, но реальность вокруг продолжала обесцвечиваться. Отдельные люди стали уже совсем серыми, но многие ещё держались. Вокруг цветных людей существовали островки ярких красок. Поэтому в институте одни помещения казались раскрашенными, там кипела работа. Но всё больше становилось серых комнат, где уныло двигались безликие тени сотрудников, которым было неинтересно вкалывать, говорить и даже жить.

Серые зоны Максим обходил стороной, поскольку чувствовал, что те выкачивают энергию. С каждым днём их становилось больше.

Одной из ярких цветных зон был вроде бы обычный кабинет недалеко от парткома. На двери отсутствовала табличка. Повинуясь подписанному в студенческие годы грозному обязательству, Максим регулярно раз в неделю открывал неприметную дверь. Там обитал капитан КГБ, товарищ Снегирёв. Его внешность соответствовала фамилии. Среднего роста, подвижный и плотный, рано лысеющий шатен с красноватой пушистой грудкой, выглядывающей из вечно расстёгнутых верхних пуговиц рубашки. Крохотный нос не был приплюснутым, а острым

клювиком выделялся на округлом лице с яркими весёлыми глазами. На его плечи зачастую была накинута лёгкая тёмно-синяя куртка, концы которой свисали словно сложенные крылья. Тогда Максиму казалось, что в кабинете хозяйничает симпатичный снегирь, который угощал гостя вкусным чаем с ванильными сухариками. Капитан знал сотни анекдотов и умело вставлял их в беседу, отчего та превращалась в дружеский весёлый стёб. Практически юмористическую программу. От этого всё происходящее казалось несерьёзным.

Нет, не так представлял Максим работу суперагента. Не хватало многозначительных долгих взглядов, сдержанных слов, фотографий, пришпиленных к чёрной доске. Даже карты мира с разноцветными флажками не наблюдалось.

Капитан ни разу не приговорил хриплым полушёпотом: «В Сингапуре собираются главари преступных синдикатов. На острове Пхукет тебя ждёт яхта с радисткой Кэт...».

Максим был согласен поменять Сингапур на Ялту, а волнующую азиатку Кэт в бикини — на крашеную блондинку Катю в глухом чешском купальнике. Но даже этого не предлагалось.

Хотя в целом жаловаться было грех. Со Снегирёвым было весело, пусть мир и спасал кто-то другой.

Однажды далёкий океанский бриз донёс в эти заурядные встречи своё слабое дуновение:

— Мир надо спасать, — пряча улыбку, сказал капитан практически хрипловатым полушёпотом. Видя удивлённые глаза Максима, пояснил: — Ракетную установку «Мир», имею в виду. Ерунда какая-то творится в вашем заведении. Новая техника с блеском проходит испытания. Кое-кто получает ордена. Но при первых же боевых учениях выясняется, что всё работает не совсем так, как ожидалось. Ракеты непредсказуемо летят в разные стороны... Из окружения выходить удобно, но в остальных случаях — не очень...

Максим оторопело молчал.

А капитан Снегирёв продолжал:

— Тут простые граждане звонили в ракетную часть. Темпераментно кричали в трубку: «Мы насчёт школы!!!» — «Вы не ту-

да попали», — вежливо отвечали военные. «Это вы не туда попали!» — резонно возмущались люди.

Максим улыбнулся.

— Реальная история. Хорошо, в школе никого не было. Только сторож погиб, — невесело закончил капитан, отхлебнув горячего чаю.

— Я-то что могу сделать? На испытаниях же действительно всё работает нормально. Может, кто-то портит аппаратуру после? Шпион? — потрясённый масштабом задачи, Максим был готов немедленно приступить к выполнению операции.

Капитан цепко взглянул исподлобья.

— Может, и шпион, а скорее, электроника хреновая. После первого раза вылетает. Говорят, раньше вместо всей электроники будильник ставили. Надёжно работало. Вот я и хочу твоё мнение. Где у ваших установок слабые места. Наверняка какую-нибудь микросхему делает, гад, не помыв руки, с мечтой о перекуре. Найди, Максим, врага. А мы уж скрасим суке досуг, — проникновенно закончил товарищ Снегирёв.

Очередное испытание прошло как обычно. Отлично прошло. И потом опять была авария. Максим честно пытался понять возможную причину. Он переговорил со всеми членами комиссии, появились кое-какие идеи, которые следовало бы ещё проверить.

Последнее испытание, завершившееся, как всегда, благополучно, показалось Максиму странным. Он не мог определить, что было не так, но чувствовал, что «не так» было всё.

Он знал: что-то должно случиться, и, когда событие произошло, внутренне был уже готов. Всё началось с очередного сна, где была рыбалка, но вместо рыбы он вытащил змею, которая пыталась укусить его. Проснувшись, подумал, что сон неспроста. Когда вышел к своей машине, собираясь ехать на работу, и увидел двух крепких парней, поджидающих его, понял, что не ошибся. Хотя радости от своей проницательности не испытал. Встречающие предъявили красные удостоверения и вежливо, но настойчиво попросили сесть в «Волгу».

— Я арестован? — на всякий случай поинтересовался Максим.

— Вам всё объяснят,— уклончиво ответили те.

В машине Максим тоскливо анализировал сон: «Змея вроде бы не укусила. Может, обойдётся».

Проехали Лубянку и остановились у отеля «Метрополь».

Затем Максима провели в какой-то номер. По напряжённым лицам сопровождающих и их отстранённому молчанию Максим понял, что встреча будет необычной.

В шикарном гостиничном люксе за кокетливым столом от румынского гарнитура сидел массивный человек в светло-сером костюме. Коротко стриженные волосы, заурядное одутловатое лицо, узкие губы и насмешливо-внимательный взгляд умных и жёстких глаз. На секунду человек отвёл глаза, усаживаясь поудобнее в массивном кресле, которое всё равно было ему мало. И вновь перевёл взгляд на Максима. Он был похож на режиссёра, приготовившегося к премьерному прогону спектакля. С одной стороны, рутина, но вдруг чем-нибудь да удивят.

— Садись, — он кивнул на кресло.

— Добрый день, — неуверенно ответил Максим.

Во время долгой и неприятной паузы человек продолжал разглядывать Максима словно некий причудливый образец под микроскопом. Изучив атомы и молекулы грешного тела, прищуренные внимательные глаза обыскали одежду собеседника. Наконец, словно приняв какое-то решение, протянул руку и представился:

— Генерал Дмитриев, Игнатий Петрович.

Рукопожатие было крепким, можно сказать, беспощадным. В этой силе чувствовалось ещё столько запаса, что от мысли, что он может увеличить давление пальцев, кисть сразу заныла. Наверное, она уже представляла себя упакованной в капсулу из гипса.

— Максим, из колена Михайловых.

— Наслышан.

Каждое слово ложилось в тревожную пустоту.

Максим не мог уловить настрой собеседника. В нём не было ни дружелюбия, ни враждебности. И это пугало, как всякое непонятное. В щемящей тишине слышно было, как пролетела муха. Она опрометчиво уселась на стол и тоже с интересом уста-

вилась на Максима. Раздался шлепок; генерал задумчиво посмотрел на свою ладонь.

— Шпиона поймал, — невозмутимо, то ли утверждая, то ли спрашивая, сказал он. Затем оторвал у мухи крылья и, стряхнув чёрненькое тельце в пепельницу, поднял глаза.

«Наверное, это вопрос», — догадался Максим и зачастил:

— Так я докладывал, в испытаниях участвует много разных людей, и есть ненадёжные электронные узлы...

— Тра-та-та, мы везём с собой кота, чижика, собаку, Петькузабияку, обезьяну... Кто там у них ещё?

— Попугай, — подсказал Максим, решив, что, поскольку генерал больной на всю голову, не стоит ему перечить.

— Те, которых я пугаю, долго не живут, — не согласился собеседник.

Максим запутался.

— Видишь, какая штука интересная получается, — Игнатий Петрович вынул из пепельницы мёртвое насекомое и тщательно принялся отрывать ножки, укладывая их в ряд на чистый листок бумаги. — Муха по полю пошла, муха денежку нашла, а потом та муха получила в ухо, — приговаривал он, обращаясь к столу. Повторно с увлечением переложил оторванные лапки, образовав из них треугольник. Потом вдруг резко щёлкнул по кучке ногтем и сказал:

— Весь сыр-бор из-за тебя был. Ты разбойник, ты злодей, ты тот самый Бармалей.

Максим опешил. Ему показалось, что в номере душно. От неожиданности сердце подскочило, как циркач на батуте, и, ударившись о свод черепа, рухнуло вниз. Глаза генерала неприятно жгли кожу. Он почувствовал, как струйки пота катятся по затылку за воротник светлой рубашки. Мысли в голове носились как муравьи в горящем муравейнике. Почему-то он подумал, что рубашку придётся стирать; кстати, и хлеба надо купить, с утра собирался. Потом сообразил, что думает совсем не о том. Кажется, у Достоевского описано: когда осуждённого ведут на казнь, в голову лезет всякая ерунда. Обувь трёт, на лице палача гадкая бородавка. Все мысли мелкие, и жалко тратить на них драгоценные мгновения. Неожиданно на охваченный

пожаром муравейник вылили ведро воды: «Если бы хотели арестовать, не привели бы к генералу», — сообразил он. Тревога не ушла, но паника исчезла.

— Вы думаете, что я латинский шпион?

— Почему латинский? — удивился генерал.

— Дед рассказывал, что в тридцать седьмом за знание латыни в обвинениях писали такую формулировку.

Максим неслучайно упомянул деда. А вдруг его собеседник забыл или не знал о его великом родственнике?

Игнатий Петрович первый раз улыбнулся, поскрёб рукой затылок и перешёл на прозу:

— Внучка у меня, четыре года, всё требует: «Почитай, дедушка, сказку». Вот они ко мне и прилипли, — он заговорил каким-то простым, домашним голосом, отчего сразу стал совсем не страшным. — Непростая вещь эти сказки. Особый мир. Тщательно подобранные, выверенные слова: «Карабас-Барабас», — медленно выговорил генерал. — Прямо заклинание какое-то.

Неожиданно Максиму показалось, что в комнате стало темнее, да и холодом повеяло. Генерал был очень странный.

— А старые народные заговоры — там вообще жуть. Сам посуди: «Алфёна! Тугай! Лефтихий! Абракумлятум!.. И крови младенца, и шкурку жабью, и дюжину крысьих хвостиков, да полчаса отварить. Добавить настой полыни пополам с лебедой. Взболтать, но не смешивать...», — генерал прикрыл глаза, словно рассказывал изысканный кулинарный рецепт.

«Господи! Да он безумец, — вдруг подумал Максим. — Может, просто придуривается? Сам нормальный, а манера разговаривать такая. Или ещё круче: нормальный псих, прикидывающийся сбрендившим безумцем».

Он попробовал поискать ответ в лице собеседника, но лучше бы этого не делал. Точно почувствовав его взгляд, Игнатий Петрович открыл глаза и произнёс:

— Мы тут проверку сделали своеобразную. Тебя щупали. Приборы, которые принимала ваша комиссия, были испорчены моими сотрудниками. Они просто не могли работать, по определению. Представляешь, как все удивились, когда сло-

манные образцы включились и отлично пахали всё время, пока ты находился рядом. Когда ты ушёл, всё встало, как у директора на секретаршу. Можешь это объяснить? — душевно спросил генерал.

Максим растерялся, никак не ожидая такого поворота.

— Нет, — наконец честно признался.

— А я могу...

Повисла томительная пауза.

«Сейчас опять стихи начнёт читать», — догадался Максим. Он почти угадал.

— По щучьему велению, по моему хотению, — заявил безумный генерал. Он вопросительно посмотрел на Максима, словно экзаменатор, дожидающийся от бестолкового студента правильного ответа на произнесённую подсказку. Не дождавшись оного, досадливо мотнул головой и продолжил: — Ты — «везунчик», который умеет заставить окружающую реальность прогнуться под себя. Наверное, хотел, чтобы испытания прошли быстро и успешно? Домой хотел?

Максим молчал. Сейчас наилучшей стратегией было попытаться понять, что происходит. Уж слишком странно оборачивалась ситуация.

А тот продолжал:

— Мы прокрутили всю твою жизнь — тебе всегда неправдоподобно везло. Думаю, если бы я сейчас выстрелил в тебя, оружие дало бы осечку.

— Будете проверять? — неуверенно пошутил Максим.

— Уже проверили, — устало сказал генерал. — Мы много чего узнали, прежде чем состоялся этот разговор. Уж поверь.

Максим подумал, что решение касательно его судьбы принято.

— Не пробовал играть в казино? — спросил генерал.

— Нет.

— Давай сейчас попробуем, — неожиданно предложил тот. Достал обычный игральный кубик. — Если у меня сейчас пять раз подряд выпадет шестёрка, завтра тебя назначат заместителем директора НИИ.

Кубик с лёгким стуком покатился.

Максим замер. До него постепенно доходил невероятный смысл происходящего. «Может, это розыгрыш или психологический тест? Но зачем генералу разыгрывать комедию? Интересно, он обманет, если выпадет шестёрка, или действительно сяду в начальственное кресло? Это легко выяснить: пусть будет шестёрка».

Кубик как заговорённый послушно остановился шестёркой вверх.

— Вот! — удовлетворённо хохотнул Игнатий Петрович. — Осталось четыре раза.

Шестёрка послушно выпала ещё четыре раза. Максим сидел, вытирая пот со лба, удивлённый не менее кубика.

— Теперь ты начальник. Хочешь получить Государственную премию?

Максим ошалело молчал.

— Давай играть дальше. Жалко, карт нет. Сбросились бы по маленькой. Ну, ещё пять раз, но «тройку», например.

Тройка выпала только четыре раза.

— Тоже неплохо. Видимо, устал. Получишь Премию Ленинского комсомола, — усмехнулся генерал.

«Как это у меня получается? — разум взрывался, перебирая возможные варианты происходящего. — В столе магнит, меня гипнотизируют, наркотики подсунули, но ведь ничего не пил». Догадка, локтями расталкивая дурацкие мысли, уже пробиралась наружу его мозга и остановилась, ожидая слов генерала, чтобы в последний момент крикнуть: «Ну вот, я же знала!»

— Вот это и будем изучать. У меня в отделе. Мы специализируемся на экстрасенсах. Знаешь, что это такое?

Максим выдохнул. Он всё понял. Слова генерала, словно магические «Сезам, откройся!», распахнули потаённую пещеру его разума. Там были ответы.

— Конечно, у меня дед занимался этими вопросами, — Максим уже вполне контролировал ситуацию.

— Да знаю я, — согласился генерал. — Великий человек был твой дед. Думаю, а не взять ли внука в свой отдел. Пойдёшь?

Максим понял, что на этот вопрос можно не отвечать, всё уже решено. Но для порядка сказал:

— Конечно.

«Так вот какой дар достался мне по наследству».

Восторг смешивался с разочарованием. Расслабившиеся после безумного напряжения нервы провисли, и мысли путались в них, как матросы в оборванных снастях после шторма. У великого волшебника получился внук-везунчик. Гора родила мышь, у великана родился мальчик-с-пальчик, у лебедя — гадкий утёнок, у козы — семеро козлят. Хотя, козлята здесь ни при чём.

«Соберись! — скомандовал он себе. — На самом деле всё отлично. Я тоже волшебник, хотя и другой, не такой, как дед. Зато в жизни везло. И пусть всё получалось не от великого ума, а от простого везения. Какая разница. Главное — результат. Знакомые билеты попадались на экзаменах, и получал пятёрки. Вот и сегодня оказался в нужном месте в нужное время с нужным человеком — и в двадцать пять лет стану заместителем директора НИИ. Зарплата, водитель, секретарша... А может, я вообще перехожу работать в другое ведомство. Интересно, есть у них звание «полковник-экстрасенс», чтобы на погонах три больших звезды и маленький православный крестик сбоку, а на голове — чёрная остроконечная шляпа вместо фуражки?..»

— Везение — это огромная сила, — словно прочитал его мысли генерал. — Лишний ум умножает скорбь, а против «удачи» интеллект бессилен.

— Это из «Экклезиаста»? — спросил Максим.

— Наверняка, — ответил генерал и продолжал: — Пока продолжай работать в своём НИИ.

— Вы же сказали, что я перехожу к вам, — не понял Максим.

— Да, но об этом никто не должен знать.

Выходя из кабинета, Максим был слегка разочарован. Он ещё не понимал, почему его оставили в родном НИИ. И лишь спустя годы узнал, что только благодаря этому осторожному решению генерала остался жив. Ему опять повезло.

Через неделю действительно был назначен заместителем директора, и ещё через полгода получил Премию комсомола. Игнатий Петрович слово сдержал.

Однажды в повторяющемся сне про загадочную рыбалку возник новый сюжет. Сначала Максим, как обычно, ловил рыб, и кто-то невидимый сзади вспарывал им брюхо. Гора дымящихся внутренностей ложилась у ног. Скоро кровавые потроха достигли колен, и ногам стало горячо. И тут Максим увидел, что тот, кто всегда стоял за спиной, продвинулся вперёд и знакомым голосом произнёс: «Надо заканчивать ловлю. Есть у нас немного рыбки и семь хлебов. Пора кормить народ». Перед ним стоял дед, молодой и здоровый, и улыбался весело и озорно, словно капитан Снегирёв. Резиновый фартук, высокие сапоги и руки в медицинских перчатках искрились от крови, смешанной с чешуёй. Блестящие частички прилипли к лицу и застряли в волосах, и он был словно осыпан сияющей пудрой, как новогодняя игрушка. Разглядев лучезарного деда, Максим тоже засмеялся. Теперь они вместе покатывались от хохота и не могли остановиться.

Проснулся в отличном расположении духа. Как и обещал дед, бабочка вылезла из кокона и теперь расправляла крылья.

У всех жизнь полна поворотов. Так уж устроено. Только что тебя почитали царём — и вдруг прибивают к кресту. И лишь у очень везучих людей зигзаги судьбы относительно плавные. Во всяком случае, их не выбрасывает на обочину с перспективой нескольких кувырков и безжалостного столкновения с массивной преградой.

У Максима такой поворот происходил в щадящем режиме. Вроде бы совсем ерунда — сначала изменились сны. Вместо бесконечной рыбалки стал сниться странный мир, где жил вроде бы он, но в то же время не совсем, а другой человек, которого тоже звали Максим. Это было трудно объяснить. Словно подглядывал за собой же, но живущим в потустороннем мире, населённом библейскими персонажами и ангелами. Другой Максим ходил на работу в загадочный офис, располагавшийся в огромном здании размерами с хорошую страну — сотни этажей вверх и сотни этажей вниз, под землю. Над входом висела огромная, в несколько этажей, вывеска — «Администрации управления мирами (А.У.М.)». Тысячи отделов (администраций) и миллионы сотрудников управляли реальностью нашей

Земли, координировали движение истории, прогресса, войн и технических открытий.

«РАЙ», или «Руководство администраций», занималось общей стратегией. Его сотрудники доносили указания, поступающие «сверху», от кого-то Главного, до отделов, разработчиков реальных ситуаций. Главного никто не видел, но считалось, что это — Бог. «РАЙ» занимал верхние этажи бесконечного офиса, где руководил пророк Моисей, считавшийся у мужской части персонала либералом, а у женской — просто душкой. Работы было не много, и все мечтали попасть сюда.

«Аналитический департамент» — «АД» — занимался анализом событий в нашем мире. Для этого сотрудникам приходилось в режиме реального времени просматривать всё происходящее на Земле. Они были похожи на кинокритиков, бесконечно смотрящих в тёмном зале документальные ленты. Хотя некоторые, вуайеристы по характеру, были весьма довольны. Отдел был перегружен делами. В силу своей специфики, требующей тёмных помещений, он был расположен в нескольких сотнях подземных этажей. Начальник, Вельзевул, имел отвратительный характер, и по форме, и по сути был чистый дьявол. Поэтому в отделе было трудно работать.

В свободное время жили и развлекались как хотели. Это и являлось зарплатой. Небесный Максим, например, проживал в уединённом замке на скале над морем. Пил вино, читал книги. Здесь можно было выбрать не только изданные сочинения, но и все истории, рассказы или стихи, когда-либо просто придуманные людьми за много тысячелетий. Время от времени к нему в гости заходили красивые барышни из отдела дизайна реальности. Они занимались изысканным сексом и обычно оставались довольны друг другом.

Его приятель Фёдор, работавший в «АДу», любил весёлые компании, простых девчонок и выпивку. Вечера проводил в шумном баре, где всего этого было в избытке. Но «норму» знал и старался строго соблюдать — 330 грамм водки. До критической отметки был нормальный человек, но после Фёдор начинал читать стихи Бродского и Губермана, декламировал часами, громко, с выражением, иногда умудряясь всплакнуть

от особенно удачной строчки. Затем от перевозбуждения падал и засыпал. Это происходило в диапазоне от 330 до 470 грамм. Далее была недопустимая красная зона. Максим лишь раз видел, что происходило за её загадочным порогом. Фёдор перешёл на стихи малоизвестного революционного пролетарского поэта Демьяна Бедного, требовал сдать зерно для голодающих Поволжья. Продразвёрстка закончилась некрасивой дракой, в которой Фёдору выбили два зуба.

О жизни руководства было известно мало, только слухи и сплетни. Говорили, что над руководством есть ещё много высших существ. О тех, от греха, даже и не сплетничали.

Утверждали, что когда-то сообщение между отделами было свободным, и все проводили большую часть времени, заходя друг к другу в гости, распивая чаи или просто болтали. Это сказывалось на качестве работы, и начальство установило запрет на бесцельное шатание. Каждый отдел получил коды, которые менялись ежедневно, и лифты поднимались на требуемый этаж только после введения трёх секретных цифр.

О своих сумасшедших снах Максим никому не рассказывал. Тем более что толку от этих снов не было никакого. Максим реальный и Максим из сна никак не взаимодействовали. Казалось, что он просто смотрит фантастический фильм.

Сотрудничество же с генералом развивалось.

Часто в институт приезжали молчаливые крепкие ребята и везли в подмосковный дом отдыха, охраняемый как военный объект. Там с Максимом беседовали вежливые люди в белых халатах, предлагали решить всевозможные задачи и тесты.

Постоянное отсутствие в рабочее время почему-то не замечалось. У него появился толковый помощник, Николай Владимирович, который отлично справлялся с производственными вопросами. Возможно, даже намного лучше.

Максиму нравилась такая двойная жизнь. Он воспринимал мир спецслужб как яркую романтическую сказку. Пусть, кроме доброй Василисы Премудрой, там водились Соловьи-разбойники и даже Кощей Бессмертный, но это-то и интересно.

19 августа 1991 года в СССР случился государственный переворот. В шесть часов утра средства массовой информации объявили о введении в стране чрезвычайного положения, о неспособности президента Горбачёва выполнять свои функции по состоянию здоровья и о переходе всей полноты власти в руки Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП).

Страна вздрогнула. Каждый решал для себя, что лучше: вампиры или зомби. Хрен редьки не слаще. Искуплённым кровью крови не жалко. Народ, имеющий пословицу «Бьёт — значит, любит», привычно ждал ночных арестов, грабежей и погромов, а совсем не демократии по западному образцу. Звуки балета «Лебединое озеро», появившиеся сразу после утренних новостей, действовали словно электрический сигнал на собаку Павлова. Все ждали открытия магазинов, чтобы броситься запасаться солью, спичками и крупой.

Утром Максиму позвонили. К этому моменту он уже успел напугать себя грядущим славным будущим.

Снимая трубку, искал глазами пакет, куда можно будет положить смену чистого белья, хлеба, чая и чего там у них ещё разрешено брать с собой в казённый дом. Официальный голос, явно из нерядового секретариата, предупредил: «Сейчас с вами будут говорить». На всякий случай Максим ждал стоя.

— Взвейтесь кострами, синие ночи, — по-отечески прозвучал низкий баритон Игнатия Петровича.

Максим живо представил костры с корчащимися телами еретиков. Папа Иннокентий III дал лучший рецепт ведения гражданской войны: «Убивайте всех, Господь отличит своих от чужих». Кровью омывали душу — душ для души. Тела жгли — пламя для плоти. Что было, то и сейчас есть. Возможно, поэт, большевик-ленинец, писавший этот пионерский гимн, имел в виду такие костры.

Генерал на другом конце провода словно услышал мысли Максима:

— Дрожишь? Зря. Ты пока не волнуйся. Специалисты вроде тебя нужны любой власти. Так что, как бы ситуация ни повернулась, тебя она не коснётся.

— Да я, в общем-то, ещё и не начал волноваться. Информации же пока толком нет, — начал было Максим.

— Ну и хорошо. Так что — выпей водки. Мы победим.

Максим промолчал, решив не уточнять, кто такие «мы». Любопытство кошку сгубило, а жену Лота закатало в соль.

— Кстати, — продолжал баритон, — есть работа по специальности. Надо в этой суматохе выкинуть семёрку на кубике, даже если её там нет. Вот это я понимаю, прогнуть судьбу. Если финал будет успешным, получишь орден «За удачу на пожаре». Пригодится.

Максим молчал, прикидывая, что не слышал о таком ордене, но он не успевал за резвой мыслью генерала.

— Ты ведь не хочешь гражданской войны? И я не хочу. Но многие жаждут. Там человека надо одного привезти с юга. Я хочу посадить тебя в самолёт, чтобы в полёте ничего не случилось. Взрыва какого, вынужденной посадки и прочей незапланированной ситуации. Привези его в Москву в целости и сохранности. Пришлю за тобой комсомолку. Она даст все инструкции. Слушай её, девочка способная. Позвонит, скажет, что от «деда».

Максим ощущал, что безумие Игнатия Петровича заразительно. И в этом был его гений. Искусство лидера заключается в способности свить смерч из индивидуальных безумий участников команды. Тем самым сделав всех единосущными. Затем лишь остаётся направить получившуюся силу в требуемое место.

«Чужая воля мнёт мой разум. Да будет воля твоя», — Максим понимал, что собеседник не ждёт от него ни возражения, ни согласия.

Неистовый генерал продолжал:

— Самое время вписать себя в историю. Водки лучше потом выпей, когда вернёшься. Ну, давай, успехов. — На том конце повесили трубку.

«Его слова кусают, будто змей, который, желая погубить, обещал: будете как Боги...» Максим занервничал. Он понимал, что каким-то образом попал в переплетение сложных политических взаимосвязей, и любое неосторожное движение может толкнуть костяшку домино.

Ожидание звонка от таинственной комсомолки превратилось в пытку. Сначала убивал время, смотря путаные новости и транслируемый большую часть времени балет. Кликуши по телевизору пугали, требовали и честно признавали. «Гнать, держать, зависеть...» Другие обличали и звали до последней капли крови. «Видеть, слышать, ненавидеть...» И все дружно призывали: «А ещё страдать, терпеть...»

«Доколе?» — зло думал Максим.

Во всём происходящем была какая-то странная нелогичность. В Москву вошли войска. Танки толкали спешащие на работу «Жигули». У Белого дома простые москвичи по зову сердца и Егора Гайдара строили баррикады, несмотря на объявленное чрезвычайное положение и комендантский час. Им никто не мешал, не арестовывал. Армия и спецслужбы себя не проявляли, при том что все полагали: бойня вот-вот начнётся.

Московский быт приобрёл новую окраску. Жёны под музыку из балета «Щелкунчик» готовили ужин (котлеты с жареной картошкой), а мужья, истомлённые скукой брежневского застоя, тусовались на баррикадах у Белого дома. В этом была определённая тревожная романтика, вроде походов в горы и песен у ночных костров для шестидесятников.

Труднее всего приходилось политикам. В связи с полной неразберихой они путались в своих привязанностях и постоянно дрейфовали из лагеря в лагерь. Ни минуты покоя.

Сообщали, что президент Горбачёв находится в резиденции Форос в Крыму, где то ли отдыхает, то ли болеет. Эта информация показалась Максиму совсем нелепой: «С таким же успехом могли бы известить, что он улетел со стаей гусей на юг, подобно Нильсу». Несколько раз звонил телефон, но это были лишь взволнованные знакомые, пытавшиеся выяснить, что происходит и когда начнутся аресты. Тревожно позвонила мама, которая обнаружила, что очередная серия «Рабыни Изауры» не вышла в эфир. Как такое могло случиться? Они там что, совсем? Максим, как мог, успокоил.

На второй день томительного ожидания Макс выключил надоевший телевизор и принялся листать знакомую с детства книгу «Легенды и мифы древней Греции». Потом решил взяться

за первоисточники и, начав с Гомера, отправился в путешествие с хитроумным Одиссеем. Почему-то древние греки успокаивали. Он заснул с томиком Аполлония Родосского, убаюканный изрядной долей коньяка и мерным плеском волн под вёслами аргонавтов.

Знакомый мир исчез, и его место заняла страшная потусторонняя галлюцинация. Он стоял привязанный к мачте плотными, царапающими тело канатами. Вокруг вились истошно вопящие сирены. Как назло, забыл вставить предусмотрительно заготовленные затычки для ушей и теперь безнадёжно держал их в крепко связанных руках. Корабль трясло и бросало, словно безумный великан взялся укачивать беспомощного малютку. Тело коченело под пронизывающим ветром и ледяными волнами. Вкрадчивый голос генерала Дмитриева прорёк из спустившегося к палубе иссиня-чёрного облака: «Привезёшь мне золотое руно — выйду за тебя замуж...»

Утро 21 августа выдалось паршивым. Кружилась голова, першило в горле.

«Похоже, подхватил грипп, — обречённо подумал Максим. — Не к добру был сон».

В чёрном списке лиц, которых не хотелось бы увидеть в сновидении, Игнатий Петрович стоял сразу после дьявола. Максим понимал, что больничный не поможет. Даже если он сейчас умрёт, загадочная комсомолка потащит хладный труп с собой.

Перетряхивая аптечку в поисках настойки календулы, которую мама считала лучшим средством от любой ангины, понял, что именно сейчас раздастся тот самый телефонный звонок. И поэтому совсем не удивился, услышав однообразную трель. Собрать рассыпанную горсть лекарств и одновременно поспешить к телефону удалось плохо. Уронил ртутный градусник и с ужасом смотрел на серебристую каплю, угрожающе шевелившуюся на полу.

Всё шло наперекосяк. В голове всплыли слова приятеля, работающего врачом на скорой помощи: «Ртуть — невероятно ядовитое вещество. У человека, вдыхающего её пары, вскоре откажет печень, почки и наступит мучительная смерть. Поэтому, если градусник разбился, надо немедленно покинуть поме-

щение, а дом сжечь». Телефон трезвонил как сумасшедший. Мучительный спазм сжал виски. Что делать? Осторожно обойдя зловещую серебристую каплю, словно ядовитую кобру, Максим снял раскалённую трубку. Его «Алло» прозвучало хриплым, надтреснутым басом.

— Это Максим Михайлов? — осторожно спросил женский голос.

— Да... — интимным шёпотом ответил Максим, чувствуя, что воспалённое горло не позволяет говорить иначе.

— Пьёшь? — понимающе сказали на другом конце провода.

— Ангина.

Собеседница задумалась.

— Я от деда, племянница из Ростова, — наконец пояснила она. — Через час заеду.

Час прошёл кошмарно. Максим осторожно собрал ртуть мокрой тряпкой, стараясь не делать вдохов и по возможности не дышать вообще. Затем трижды протёр пол бумажными салфетками. Заметил, что руки трясутся, и понял, что знобит. Похоже, поднялась температура, но измерить её было нечем. Он заставил себя сложить ядовитую тряпку и ошмётки салфеток в целлофановый пакет и отнести в мусорный контейнер на улицу. Вернувшись, долго тыкал ледяным ключом в окоченелый замок и, наконец, дрожащий от холода, лёг в кровать, накрывшись с головой ватным одеялом. Через минуту в дверь позвонили.

«Комсомолка» оказалась молодой, высокой, спортивной шатенкой и выглядела бы довольно симпатично, если бы перестала вибрировать, раздваиваться и зловеще скалить зубы, делаясь похожей на сирен из ночного кошмара. «Возможно, в её задании есть пункт пристрелить меня в финале», — устало подумал Макс, затем спрятал эту мысль в тёмном чулане своего подсознания. Дверь запер, ключ съел, поперхнувшись от боли. Горло саднило всё больше. Было так плохо, что он подумал, что теперь уже всё равно.

— Марина, — представилась она. — Паршиво выглядишь. — Приложила ладонь к его лбу. — Ого, тридцать девять, похоже,

есть. Ничего, горе не беда. Сейчас тебя поправим. И канареечка снова запоёт.

Марина метнулась на кухню. Вернулась со стаканом воды и горстью незнакомых таблеток. Он послушно принял лекарство и тупо глядел на толпу деятельных Марин, скачущих по его квартире. Они вели себя так, словно знали его тысячу лет, и разговаривали голосом то ли матери, то ли жены, которая развелась с ним, чтобы усыновить. «Мать» нашла большую спортивную сумку и положила туда термос с горячим чаем, «жена» добавила несколько пар трусов, тёплые носки и кофту, закрыла окна на кухне и выключила газ.

— Далеко едем? На сколько дней? — прохрипел забытый в сторонке Максим, обращаясь к обеим дамам.

— Думаю, завтра вернёмся. Летим на юг, в Форос.

У Максима кружилась голова, перед глазами мелькало бушующее море, разорванные паруса, братья-аргонавты, бешеные сирены, грозные скалы. Загадочное греческое слово «Форос» будило в нём ассоциации с чем-то недавно увиденным или прочитанным.

— Экспедиция за золотым руном? — устало кивнул он, пытаясь прогнать навалившуюся на плечи тяжесть. Голова отказывалась работать.

Марина сочувственно посмотрела на вялого напарника:

— Ну, за руном, так за руном. Зевс приказал взять тебя как талисман. Вот твои документы.

Развернул непослушными пальцами протянутый ею паспорт и служебное удостоверение на имя Денисова Максима Михайловича, майора ГЭТУ КГБ.

«Неужели Ясон и аргонавты служили в КГБ? — бредил разум. — Вот и древние греки туда же... Денисов Максим — это же мой школьный псевдоним», — вдруг вспомнил он. Реальность путалась, вплеталась в воспалённое сознание.

Потом была поездка на обычных «Жигулях» по предвоенной Москве, мимо колонн бронетехники, мимо военных постов и заслонов. Голова немного прояснилась. Наверное, действовали таблетки. Погода для августа оказалась довольно холодная. Сквозь пелену то проглядывало унылое солнце, то принимался

накрапывать ещё более унылый дождь. Всё вокруг виделось каким-то серым, словно сошедшим с чёрно-белой фотографии, пылившейся в старом шкафу. Бесцветными были лица солдат, плотно сидевших в грузовиках с брезентовыми крышами и с каким-то обречённым безразличием выглядывающих оттуда. Серыми были случайные прохожие. Мокрый асфальт, мрачные дома. Город затих и затаился, со страхом ожидая развития событий.

Машина выскочила на кольцевую, потом на Щёлковское шоссе. Марина вела уверенно, держа руль левой рукой. Вдоль дороги замелькали деревенские хибары. Максим прикорнул в уголке, стараясь согреться, но мороз проникал в него. Вновь появился озноб, тело трясло. Ледяные щупальца обвили ноги, пробрались к голове и затылку, проползли за воротник рубашки, отбирая последнее тепло у позвоночника. Он дрожал от их липких прикосновений; мышцы и кожа, ощерившаяся мерзкими мурашками, вибрировали, и не было возможности остановить эту тряску непослушного и словно чужого тела. Чтобы не лязгать зубами, пришлось крепко сжать челюсти.

На незнакомом аэродроме их ждали. Машина подъехала к небольшому самолёту, стоящему на лётном поле.

В мозгу Максима под сводами черепа, словно в амфитеатре, прочно обосновался древнегреческий поэт, заунывно декламировавший явную ахинею:

«Взошли герои на корабль,
сели по трое на каждую лавку.
Милость Афины, покровительство Геры были с Ясоном,
Но иные могучие боги смерти героям желали.
Чаша весов колебалась,
Боги взирали на них, словно чего ожидая...»

Максим почувствовал, что его усаживают, укутывая в невесть откуда взявшееся жёсткое и колючее шерстяное одеяло. На грани сознания виделись аргонавты, почему-то одетые в пятнистую камуфляжную форму цвета лишайника.

Он задремал, убаюканный стихами неуёмного поэта:

«Как птица, нёсся вперёд небесный корабль.
Сверкали волны облаков, будто море.
Розовым светом красил крылья его лучезарный Гелиос.
Внимали командам Марины герои,
словно стадо послушное — звукам свирели.
Если бы Ясона не было с ними,
Все бы уже утонули...»

Проснулся от сильного толчка, с которым «Арго» причалил к гавани. Ветер и волны смирили свой грозный рёв. Пахнуло свежестью травы и цветов — тем неповторимым и хорошо узнаваемым запахом, которым земля встречает мореходов. Местные жители в сопровождении нескольких шестируких великанов встречали прибывших в чёрных колесницах, куда Максим был бережно перенесён другом Гераклом. Вновь отправились в путь аргонавты.

В дороге случилось просветление. Сначала он обнаружил, что совершенно взмок от испарины. Озноб прошёл, теперь стало жарко. Он сидел в чёрном джипе зажатый между Мариной и хмурым спецназовцем. И вдруг сообразил, что такое «Форос». «Господи, куда же я вляпался!»

Истекающий потом Максим осознал, что желания всегда сбываются, хотя часто совсем не так, как хотелось. Да и не вовремя. Вот и сейчас: он едет освобождать президента и спасать мир. Всё как мечтал. Но какой-то шутник на небесах расплавил ему мозг высокой температурой, превратив тело в беспомощную тряпичную куклу. Поэтому и роль такая странная — талисман, вроде плюшевого мишки, которого Марина за лапу тащит по лестнице, а он бьётся башкой о ступеньки. Бух, бух, бух. Выдержал бы череп Джеймса Бонда такое испытание?

Последние пару километров ехали по дороге со свежеуложенным асфальтом и остановились у массивных ворот. Глядя на забор, увитый стальной колючкой, подумал, что древние греки до такого не догадались, а проволоку с шипами изобрели

уже в Средневековье монахи, как аналог тернового венца. После недолгой проверки документов (всех чужестранцев здесь почитали бродягами) въехали на территорию. Мрамор, античные вазы, кипарисовая аллея, священная роща.

Здесь, в чудо-дворце, зачарованный празднествами и пирами, томится в пышных чертогах пленённый правитель, храня от недругов золотое руно. Максима вновь начало трясти. В разум грубо постучали, и после третьего удара дверь упала. Ворвался знакомый древнегреческий поэт, сменивший тогу на маскировочный халат. В воздетых руках он держал автомат и громко орал, так, что эхо металось внутри черепной коробки:

«Но предчувствовала Марина-Медея опасность великую,
героям грозившую.
Не могла найти покоя и шептала тайные заклинания.
Так и есть. Явился страшный дракон, изрыгая пламя.
„Стоять!“ — приказал он голосом громогласным...»

На дорожке появилась группа неприятельских воинов в доспехах кевларовых, с автоматами.

«Угодили в засаду», — с ужасом понял Максим.

«Кулачный бой!» — вопил в мозгу поэт.

Призвала Марина могучего бога-покровителя в укреплённую на плече рацию. Герои схватились за оружие и выскочили из колесниц, разворачиваясь в цепь. Приготовились воины. Назревала схватка великая, кровавая, беспощадная.

«Сейчас кто-то первый ударит врага, и начнётся бойня, о которой напишет свою поэму летописец прикормленный», — с обречённым безразличием думал Максим.

Время застыло, словно рассматривая то, что ещё не произошло, и размышляя, какой из вариантов следующего мгновения оно примет.

«И замерли боги на высоком Олимпе.
Кто поможет героям?
Гибель грозит аргонавтам».

— Дай мне руку, — услышал Максим слова Марины.

«Взмолилась она о помощи.
Сжала неистово рукою трепещущей палец героя.
Словно дитя, ухватила за лапу своего медвежонка.
Внезапно чудо случилось:
Ветер поднялся от моря.
Голос раздался, топот.
Появился муж быстроногий и отдал короткий приказ.
Успокоились воины, опустили мечи.
Боги смирили сердца нападавших.
Узнали они, что с братьями чуть не схватились.
Радовались аргонавты, что избежали опасности страшной.
Но медлить было нельзя;
Как стрелы, мчались колесницы, минуя засаду.
Что за удача! Слава богам!»

— Нам повезло. Один-ноль в твою пользу, — улыбнулась Марина-Медея.

Максим бредил и спорил с Богом. Во рту стоял привкус крови — возможно, он прикусил губу.

«Господи! Почему люди так безжалостно истребляют друг друга и всегда готовы убить, причинить боль, унизить? Говорят, всё в руках Божьих, и мало кто осознаёт, что Ты действуешь нашими руками. Получается, что мы — Твоё самое страшное орудие. Может быть, Тебе нравятся убийства, и кровавые жертвенные ритуалы древности действительно ублажали Тебя? Ты постоянно ставишь человека в такую ситуацию, когда ему кажется, что кроме насилия нет иного выхода. Солдат обязан убивать. А маньяк, режущий в парке женщину? Ведь это Ты вскипятил его мозг до такого состояния! Муж убивает жену, с которой прожил десяток лет, религиозный фанатик взрывает себя на автобусной остановке. Они что, с детства мечтали о таком? Обычно в суде адвокат бьёт на жалость, объясняя, что подзащитного привело к черте трудное детство, плохое окружение, психическая болезнь, но ведь это всё по воле Твоей. Ты, управляя нашим разумом и телом, ставишь нас в ситуацию,

когда убийство кажется единственным возможным логичным поступком. И при этом даёшь заповедь „Не убий“? Типичная подстава. Мы, созданные Тобой нервными и психически неустойчивыми, действуя по воле Твоей, оказываемся виноватыми перед Тобой же. Так в древности на флоте матросов в отсутствие скоропортящейся воды поили ромом, но наказывали за пьянство.

Взгляни на созданную Тобой вселенную. „Звериная жестокость“ — вот её главная характеристика. Животные без жалости поедают друг друга. Для многих из них нормально, когда родители жрут детёнышей, а те — родителей. Даже трава полевая войной завоёвывает чужие территории, уничтожая более слабые виды. А в космосе „чёрные дыры“, словно циничные рейдеры, захватывают ближайшие звёзды. Энтропия и смерть непрерывно сражаются с жизнью.

Если человек есть Твой образ и подобие, то почему Тебя считают добрым и милосердным? Разве мы такие? Есть какая-то несостыковка. Либо мы не образ и подобие, либо в Тебе присутствует любовь и ревность, злоба и доброта, жестокость и милосердие.

Ты говоришь людям: „Меняйтесь! Станьте лучше! Взрастите в своём сердце всепрощающую любовь!“ Начни с Себя! И вселенная изменится, ведь всё вокруг, включая нас, — и есть Ты...»

Занятый горячим диспутом, Максим пропустил момент, когда подъехали воины к широким ступеням, ведущим в величественный дворец Форосский. Самое время совершить подвиг, но парню было не до геройства. Перед глазами плыли вертикальные полосы тёмно-красного цвета. Они спускались со лба и неровными размытыми струями обтекали глаза, отчего окружающее казалось размытым. Туманная реальность вздрагивала, повинуясь тяжёлому ритму глухого барабана, методично ухающего где-то вдали.

«Это мой пульс», — прислушивался к ударам Максим, не замечая, как его выгружают из машины.

Он провёл остаток дня в закрытой комнате, похожей на обычный номер дешёвой гостиницы. Призрачная женщина

в бесцветном халате сделала укол. Почти весь день спал, просыпаясь только чтобы выпить лекарство и сменить мокрую майку. Во сне он мужественно сражался с птицами, покрытыми медными перьями, потом ослепительно-сияющий небесный посланец запоздало доставил письменный ответ на его претензии Богу. Читать Максим не стал, к тому времени он пролез в смрадную пещеру, где в кромешной темноте срубил чью-то некстати подвернувшуюся голову.

Через несколько часов проснулся, чувствуя себя значительно лучше. Горло не болело, кровавый туман в голове рассеялся. Неистовый античный поэт собрал свои листки и нехотя убрался из разума.

Максим подошёл к единственному окну, за которым был виден парк с куском лестницы, обрамлённой белой балюстрадой. Кое-где стояли деревянные скамьи с чугунными ножками. Рядом виднелись странные тёмные, почти чёрные, вазы с мясистыми багровыми, словно облитыми кровью, цветами. Тени были ещё короткими, но полдень уже миновал, и темнота притаилась и ждала, когда слабеющее солнце покатится в тартарары, а она вырастет, напьётся силы и пойдёт на штурм дома и всех в нём живущих, чтобы потом слиться с громадой черноты, ведущей свою армию из-за гор. С улицы пахло терпким хвойным можжевёловым ароматом, заглушавшим даже запахи моря. Окно пришлось прикрыть, поскольку стремительно влетевший с улицы голодный комар впился в запястье. Механически поскрёб руку, где волдырём пух укус. От этого зуд усиливался, но хотелось чесать ещё больше, раздирая кожу ногтями. Удовольствие и страдание всегда рядом, не сразу отличишь одно от другого.

Телевизор не работал, по экрану бежала лишь белая рябь.

Вновь появившаяся медсестра сделала укол и напоила пряным горячим отваром.

Поздним вечером зашла Марина с затуманенными от забот очами, но в голосе звучало торжество.

— Выглядишь значительно лучше. Это хорошо. Всё идёт по плану. Скоро полетим обратно, — удовлетворённо сообщила она.

Внутри разума Максима царило полное единодушие: здравый смысл, отмороженная храбрость и отчаянная трусость сошлись во мнении, что домой следует лететь как можно скорее.

— Я у тебя посижу минуту, — сказала Марина. Она присела к столу, быстро пробежала глазами страничку с машинописным текстом. Сделала несколько правок.

— Летопись пишешь? — скорее для формы спросил Максим. Слова давались с трудом. Оказывается, для того, чтобы шевелить губами и языком, требуются силы.

— Вроде того. Текст речи... — задумчиво ответила та. — Всё неплохо...

С уходом Марины вновь пришло беспокойство. Вокруг дома зажглись фонари, высвечивая ближайшее пространство, но дальше под деревьями — сплошной мрак. Разум рождал чудовищ. Казалось, что в кромешной тьме кто-то затаился и вглядывается через прицел ружья на хорошо видимую в освещенной комнате цель.

Он задёрнул шторы и, повалившись в мокрую от пота кровать, задремал.

Во сне бухающий барабаном пульс вновь вернулся в мозг. С ним зашёл и знакомый поэт, с порога прорёкший:

«Негодным стал корабль „Арго“.
Чары на нём колдовские.
Надо Ясону запомнить:
Падёт корма корабля и похоронит в обломках героев».

Максим метался в постели. Коварные властители плели хитроумные заговоры. С грохотом рушился взорванный «Арго».

Громом ударила распахнувшаяся дверь, откуда появилась Марина в одеянии тёмном с волосами распущенными:

— Вставай со своего ложа. На сборы три минуты. Всё отлично. Летим домой.

Максим пытался понять, что он видит: сон или реальность. По ряду косвенных признаков решил, что проснулся. Его вновь знобило, хотя, конечно, всё было не так остро, как утром. Спеш-

но собираясь, пытался вспомнить нечто очень важное. Воспоминание ускользало. Кипящий разум метался, выхватывал случайные мысли, спешно отбрасывал их в сторону, выбирал новые и с отчаянием понимал, что гора ненужного мусора уже давно похоронила то, что надо найти.

Некогда было медлить. Спешно расселись по чёрным машинам и одинокой колонной помчались по пустынному шоссе. Фары высекали тоннель в беспросветном мраке. Сбоку скалы прикрывали звёздное небо, отчего казалось ещё темнее.

Марина шепнула:

— Декорация идеально соответствует сюжету. Ночь. Освобождённый президент. Группа сподвижников. Впечатлительные барышни будут падать в обморок. Неплохо бы ещё погоню, но обойдёмся без неё. Целее будем. Взрывы и диверсии нам ни к чему.

Искомый фрагмент недавнего сна вспыхнул в мозгу Максима.

— Нам надо сменить самолёт, — быстро выпалил он. — Ни наш, ни президентский не годятся...

Марина очень внимательно посмотрела ему в глаза и, ничего не спрашивая, поднесла к губам рацию. После короткого разговора кивнула.

— Самолёт сменят.

Максим был рад, что девушка не стала ничего уточнять. Не объяснять же ей бред про греческого поэта. Тем более что теперь, после того как всё решилось, он не был уверен в своей правоте.

Через час они оказались в знакомом аэропорту. Его вместе с Мариной первыми отвели в заднюю часть обычного «ТУ-134», где отдыхали после подвигов братья-аргонавты. Марина опять превратилась в деятельный смерч и отдавала приказы, одновременно говоря с кем-то по рации. В иллюминатор он видел, как охранники помогали нескольким женщинам выйти из машины. За ними показались две девочки, лиц которых не было видно из-за широких мужских спин. Но Максим был уверен, что это семья президента. В отдельной

машине подъехал сам Горбачёв. Он улыбался, словно видел вокруг что-то забавное.

Рядом с Мариной вился какой-то тип, похожий на известного кинорежиссёра, но без своей обычной вальяжности и гламурной расслабленности. А может, это и был он?

Марина напористо втолковывала:

— Не похожи они на беженцев. Дайте ему свитер какой-нибудь вязаный и синяки под глазами нарисуйте. Человек же из плена возвращается, не с курорта. Да и девчонок как-нибудь пожалостнее изобразите.

— Понял, упустил, — тряс головой «режиссёр». — Закутаем в плед, типа холодно, а надеть в спешке было нечего.

— Хорошо, — согласилась Марина. — А эту сестрёнку-хохотушку вообще из кадра уберите. Испортит всё...

Максим видел, что Марина напряжена, хотя, казалось, всё шло неплохо.

— Ждёшь проблем?

— Конечно. Когда задействовано столько политических сил, трудно обойтись без неожиданностей. Обычно большинство гениально придуманных операций срывалось из-за нелепой случайности. Поэтому твоё везение необходимо.

«Что такое везение? — подумал Максим. — Может быть, из каждого момента времени, в котором мы находимся, веером расходятся вероятности того, что будет дальше? Там есть и благополучный исход, и самый неблагоприятный. Можно сказать, будущее соткано из этих нитей, а удача — когда ты выбираешь желаемый вариант развития событий. Но кому даётся право вытащить свою единственную нить из этой плотно сплетённой пряжи? И что происходит с оставшейся частью? Она самоуничтожается, распадаясь, как распускается вязаный свитер, из которого выдёргивают нитки? Или остаётся где-то в параллельной реальности, где другой „везунчик“ выбирает свой шанс? Может быть, право выбрать свой вариант будущего даётся „избранным“?»

Максим вспомнил евангельскую притчу о «званых» и «избранных», и вновь захотелось подискутировать с Богом. Сейчас он уловил в этой истории совершенно новый смысл. Иисус го-

ворил, что приглашённые Богом «званые» на пир не явились, потому что у каждого нашлась уважительная причина не идти. Но ведь эти события в их жизни были даны им именно свыше. Кто-то в этот день женился, другой оформлял купленную землю. Получается, что Бог пригласил «званых», заведомо зная, что они не придут. А пришли другие, «избранные». «Много званых, но мало избранных». Всегда считалось, что воля «избранных» была — прийти на пир. Но ведь они называются «избранные», а не «принявшие приглашение». Не могли они не явиться, поскольку давно не ели, и не может голодный пропустить обед. Получается, что всё было подстроено. «Званых» позвали, но создали условия, чтобы те не пришли. А «избранных» выбрали по неведомому принципу, совсем не из лучших, а может быть, даже случайно. Тогда зачем нужны «званые»? Может быть, только для того, чтобы создать у «избранных» иллюзию свободы воли?

— Я тебя поэтому первым посадила в самолёт, — продолжала Марина. — Вдруг случай задержал бы тебя по дороге, а все бы оказались запертыми в этой консервной банке-ловушке. Лучше, когда ты рядом. Твоё везение хранит. Давай палец!

— Кто-нибудь ещё здесь знает обо мне? — осторожно спросил Максим.

— Конечно, нет. Только я.

Самолёт пошёл на разгон. Марина сжала его руку. Максим подумал, что зачастую проблемы случаются сразу после взлёта. Похоже, Марина тоже думала об этом:

— Если в нас ухнут какой-нибудь долбаной ракетой или взорвётся бомба, спрятанная в багажном отсеке, скорее всего, мы этого даже не заметим. Раз, мгновение темноты — и нас нет. Может, наоборот: чья-нибудь оторванная голова будет секунд десять падать вниз, таращить выпученные глаза и недоумевать, почему всё вертится. Дурацкое состояние, когда остаётся надеяться лишь на твою удачу.

Странно, но слова Марины действовали успокаивающе. Максим понимал, что она тоже боится. И сознание этого прибавляло ему храбрости. Если он избран, то ничего не должно

случиться. Бог уже столько с ним возился, что нет смысла убивать. Хотя... Что если внутри Бога борются разные силы? Одни считают, что он, Максим, — то что надо, а другим он не нравится. И они готовы убить его, чтобы найти другого избранного на свято место. Своего, по протекции. Такой пример есть в Библии, когда Бог поручает Моисею, убедить фараона отпустить народ израильский из египетского плена. Не простое задание! Любому понятно, что предприятие чревато неприятностями. Но что поделать, и бедолага, отринув сомнения, тащится к фараону. Но ночью неожиданно приходит сам Господь, чтобы убить своего посланника. Почему? За что? А далее еще непонятнее. Жена Моисея Сепфора странным магическим обрядом убедила Всевышнего оставить мужа в живых. Казалось бы, бред, что-то здесь не сходится, но противоречие исчезает, если допустить, что внутри Бога интригуют многочисленные небесные кланы.

Вскоре прибыли в родную гавань «Внуково-2». Самолёт осторожно подрулил к площадке, где, как по волшебству, оказались прожектора многочисленных съёмочных групп.

По трапу спустился усталый Горбачёв в стареньком домашнем свитере. Сзади — заплаканная жена с одной из внучек, укутанной в плед. Душераздирающее зрелище.

Максим с Мариной вышли, когда встреча закончилась и главные действующие лица разъехались.

Всё прошло на удивление гладко. Окончен был подвиг. Повезло. Да и чувствовал он себя, на удивление, почти здоровым. Более того, несмотря на глубокую ночь, мир вокруг снова был цветным, насыщенным жизнью. Словно всё вокруг — аэропорт, беззвёздное небо, пустынное шоссе, спящую страну — подключили к новой батарейке.

Дома он оказался под утро. Было темно, ночь ещё не покинула Москву. Спать не мог.

Болезнь, вплетённая в стрессовую ситуацию, казалось, что-то изменила внутри него. И хотя физически он чувствовал себя вполне сносно, душа маялась, расслабление не приходило.

«Странный был грипп, однодневный. Вдруг президент не должен был прилететь? Несчастный случай, внезапный ин-

фаркт, авиакатастрофа, в конце концов. И кто-то могучий на небесах уже утвердил такое развитие событий. И, чтобы не путался под ногами со своим везением, наслал грипп. Однако безумная воля генерала Дмитриева затянула „избранного“ в центр событий. В результате ситуация сложилась по-иному. Получается, что планы Бога могут быть изменены?» — думал Максим, шалея от собственных мыслей.

Эгоистичная воля случайно «избранного» поворачивает историю так же произвольно, как игральный кубик выбрасывает неожиданную комбинацию. Может быть, «избранные» и служат этой цели — двигать игру Бога по неожиданному сценарию? Господь получает наслаждение от непредсказуемости собственного сюжета. В этом и заключается феномен отдельных личностей в истории человечества.

Тысячи, а может, миллионы «избранных», словно игральные кости или стрелки вращающейся рулетки, произвольным образом всё время направляют движение Игры вперёд. Вот он, Максим, провернул вариант, когда президент целый и невредимый вернулся в Москву. Сейчас кто-то другой, неведомый, такой же случайно «избранный», определяет, что произойдёт с Россией дальше: гражданская война, репрессии, новая революция, демократическое присоединение к США или распад советской империи на автономные княжества. А там — следующий выбор. И так до бесконечности. «Интересно придумано», — искренне восхитился Максим то ли своей версии, то ли гениальности Божьего плана.

Пытаясь унять нервное возбуждение, он выпил целую бутылку водки в одиночку перед выключенным телевизором. Алкоголь не брал, поскольку пришла новая крамольная мысль: «Кто задумывался над простым вопросом: что первично? Жестокая бесконечная Игра, идущая по воле творений Господа, или Бог, создавший эту Игру?

Если принять невероятную мысль, что мы, люди, творим Игру, где существует бесконечная вселенная и даже сам Всемогущий Господь, то, чтобы получить „доброго“ Бога и милосердную вселенную, нам самим следует стать добрее и милосерднее. Кажется, святой Серафим Саровский сказал: „Меняйся

сам, и мир изменится". Неужели святой подразумевал, что мы можем менять Бога? Что если Господь развивает себя нашими руками?..»

Максим сидел трезвый и смотрел на мёртвый экран. Неожиданно краем сознания где-то сбоку он ощутил движение света. Словно кто-то зажёг и быстро выключил торшер. Потом вдруг по комнате пробежал яркий луч, и вдруг этих лучей стало много. Мир взорвался беззвучной вспышкой и волшебным образом преобразился. Максим с изумлением огляделся вокруг.

Комната перестала быть помещением с набором мебели и вещей. Предметы распались на крохотные светящиеся частицы, каждая из которых имела сложную и совершенную форму, похожую на разнообразные снежинки, которые дети вырезают из цветной бумаги. Только насколько великолепнее было то, что он видел сейчас. Дух захватывало от красоты узоров разнообразных кристаллов, сияющих радужными переливами ярких и чистых цветов. Кристаллы переплетались своими лучами и выступами, образуя тонкую кружевную ткань. «Эта ткань и есть материя нашего мира», — понял Максим. Каждая молекула, каждый атом были тем единичным мазком кисти, лёгким касанием гениального Творца, совокупность которых складывалась в общую картину мироздания. Точки вибрировали, словно крылья нежных бабочек на солнце, и от этого весь мир дышал, и было неоспоримо ясно, что каждый элемент здесь — живой, что материя не бывает мёртвой, что вся она пропитана животворящим духом.

Максим поднёс к глазам ладонь и увидел, как сияет, переливаясь искрами, его кожа; под ней ярким рубиновым потоком текла кровь, омывая радужную палитру клеток мышц.

Это продолжалось несколько мгновений, но даже когда сияние исчезло и комната вновь приобрела привычный вид, новые ощущения не ушли. Что-то произошло в сознании. Будто кто-то раздвинул тяжёлые пыльные шторы с окон разума. Окружающая вселенная перестала быть загадочной, огромной и чужой. Это был его мир, за который он, Максим, нёс персональную ответственность. И теперь не имело смысла предъявлять претен-

зии Богу на несправедливость и несовершенство этого мира. Словно повзрослевший ребёнок, он вдруг понял, что родители ждут от него не детских капризных требований и подростковой критики, а соучастия в повседневных делах семьи. Он с восторгом осознал всей душой, всей внутренней крепостью, всем сердцем своим, что Всемогущий Бог и он, Максим, — одна семья, одна сущность. И одно не существует без другого, и всё заключено во всём.

И показалось, что он слышит далёкий знакомый шёпот, словно слабое дуновение лёгкого ветерка: «Сие есть сын мой возлюбленный. В нём моё благоволение...»

ГЛАВА 3.

В КОТОРОЙ МЫ УЗНАЁМ, ЧТО МАКСИМ УСПЕЛ ВОВРЕМЯ НА ТАИНСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ ВО ФРАНЦИЮ, А БАРОНЕССА ВАЛЬМОНТ НАШЛА ДОСТОЙНОЕ ЗАНЯТИЕ ДЛЯ МУЖА

Разница во времени между странами иногда создаёт парадоксальные ситуации.

В то время, когда Максим заканчивал завтрак, барон Анри Вальмонт ещё не знал, что вечером у него большой приём, точнее, совещание, на которое соберутся гости со всего мира.

Ранним утром он произвёл конный объезд ровных километровых виноградных рядов, выстроившихся будто солдаты перед военачальником. Нарушители строя отсутствовали, количество листьев соответствовало уставному, ягоды имели правильный окрас. Удовлетворённый, коротко отсалютовал построению и, вернувшись в замок, как всегда, появился в спальне баронессы верхом. У каждого есть вполне позволительные привычки, которые постороннему могут показаться странными. Средневековые лестницы зачастую вместо ступеней имели лишь выступающие рёбра, чтобы копыта не скользили. То есть допускалась возможность после конной прогулки

заскочить поприветствовать заспавшуюся жену. В древние славные времена так поступали многие.

Но баронесса Селин не была согласна с этим. Мало того, что ей приходилось мириться с грубостью, вспыльчивостью и невоспитанностью мужа, но терпеть это ещё и от лошади, имевшей такой же необузданный характер, она не собиралась.

Барон утверждал, что появление в спальне жены конным — вековой обычай их рода.

Традиции, конечно, — дело святое, но каждое утро было невыносимо просыпаться под грохот сносимой с петель двери, видеть восторженные глаза хозяина и коня, терпеть забрызганные грязью копыта и сапоги на чистых коврах, слышать их одинаковый смех, точнее ржание. А запах...

Сегодня она встретила сладкую парочку проснувшаяся, умытая, полностью одетая и категорически настроенная хотя бы временно покончить с вековым безобразием. Само мироздание было на её стороне. Информация, полученная ранним утром, говорила, что во вселенной явно не всё в порядке. Если муж займётся возникшими проблемами, то хоть на время оставит близких в покое. Какие же тут скачки в спальне жены, когда мир ждёт, чтобы его спасли? «И наступят времена добрые, когда можно будет блаженно выспаться, не страшась опустошителя лютого и гласа неурочного...»

— Тебе обзвонились, — строго сказала она Анри.

Традиции были смяты, предки с ужасом перевернулись в гробах, вековые обычаи умерли. Конь споткнулся. Барон с удивлением взглянул на жену. Потом легко для своего возраста спрыгнул с лошади.

— Иди, подожди меня в саду, — шепнул он коню.

Тот кивнул и задумчиво вышел, понимая, что происходит нечто неординарное. Но всё же не удержался и в дверях неодобрительно фыркнул, показав своё отношение к изменению заведённого уклада.

— Что случилось, дорогая? — спросил Анри, дружески погладив руку баронессы. Даже сквозь грубую перчатку он чувствовал нежную шелковистость её кожи.

Баронесса привычно достала из туалетного столика заживляющую мазь и, смазав новую царапину на руке, сказала:

— Получена информация, что там, наверху, решили уничтожить человечество!

— Такое бывало, — невозмутимо заявил Анри, стягивая с рук перчатки. — Вспомни хотя бы Всемирный потоп, и это, как его... — барон запнулся, мучительно вспоминая следующий пример.

— Ну?.. — не облегчила ему задачу баронесса.

— Ну, это. Что-то вылетело из головы. Память...

— Другого примера нет, — заявила Селин. — Тот случай был единственным. Более того, Сам обещал, что подобного более не повторится.

— «...Не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живого...» — процитировал Анри слова из Библии. Похоже, память к нему вернулась.

— Верно, — одобрила точность цитаты Селин. — Но, похоже, Всемогущий передумал. И получается, что у человечества серьёзные проблемы.

Барон задумался. Он почесал заросший жёсткой щетиной подбородок.

— Дела так плохи?

— Хуже не бывает, — подтвердила Селин. — Тебе надо срочно бриться, потом мыться. И — мне страшно даже подумать об этом — тебе следует постричься, причесаться и надеть костюм.

— Господи! — простонал барон.

— Не поминай Его всуе. Сейчас это не поможет. Я лично окроплю тебя туалетной водой. К вечеру соберутся гости. Все уже едут.

Барон тоскливо подошёл к окну спальни и выглянул в парк, залитый розовым светом восходящего солнца. В глазах его стояли слёзы. Рассвет был красив. Конечно, не так, как вчера, но чувствовалось, что солнце старалось.

— Рожер тебя подождёт, — поняла его невысказанную мысль Селин. — В стойле. Боюсь, у тебя в ближайшее время будет слишком много дел.

Анри склонил голову, опустился на одно колено и поцеловал руку Селин.

— Если бы ты благоволила пронести чашу сию мимо меня... — грустно молвил он. Затем решительно поднялся и двинулся к выходу, разрывая на груди рубаху. — Веди меня в ванную. В руки твои предаю дух мой...

Селин с нежностью смотрела на мужа. Он был красив. Годы совсем не портили его сильное тело, волевое лицо. Они лишь украсили кожу мелкой вязью таинственных иероглифов. Кто-то сказал бы, что это просто морщины. Но Селин понимала, что так скажет лишь глупец, который вдобавок заявит, что белое облако, окружающее голову барона, — просто копна растрёпанных седых волос.

Она вздохнула и вызвала секретаря.

— Вечером у нас приём. Проследите, чтобы барон выглядел должным образом. Гости начнут собираться к семи. Ужин должен быть человек на пятьдесят. Меню утвердите у меня.

— Конечно, мадам, — почтительно произнёс тот, понимая чутьём вышколенного референта, что хозяйка хочет добавить что-то ещё.

Пауза затягивалась. Наконец баронесса нарочито небрежно произнесла:

— И дайте Рожеру чего-нибудь вкусненького. Он любит гренки с солью. Шепните, что от меня... — она слегка покраснела, а возможно, это рассветные лучи так окрасили её лицо.

— Конечно, мадам, — повторил секретарь и поспешно вышел.

«Ближайшие несколько часов обещают быть суетными», — подумал он.

Но даже умный и проницательный секретарь ошибался. Грядущие события нельзя было определить таким заурядным словом. Сюда подходило бы что-нибудь более мрачное и патетическое. Да и вообще, речь шла не о часах, а, скорее, о вечности...

После полудня стали собираться приглашённые.

Максим не любил приезжать в числе первых. Атмосфера вежливых разговоров, вызванная необходимостью убить пару

часов, утомляла. К тому же кое-кто из гостей умел проникать в чужие мысли, что требовало постоянного самоконтроля.

К шести часам вечера он сменил два самолёта на арендованную в аэропорту Бордо машину. Ещё через полчаса оказался на подъезде к заросшему лесом холму. Юго-запад Франции, райские места. Многие считают, что всё вокруг быстро меняется, но только не здесь. Вообще-то мир не так уж склонен к переменам, особенно человек. В библейские времена страдали, боялись, завидовали, вожделели. Что изменилось? Образование и доступ к интернету? Но и в Средневековье подростки целыми днями заворожённо слушали заезжих менестрелей и любовались казнями на площадях. Живое аутодафе, да ещё в реальном времени, круче ролика про драку на гей-параде.

Поля, холмы, виноградники, дорога с многовековыми платанами существовали здесь всегда. Цивилизация проявилась лишь в том, что аллею заасфальтировали. Без этой инородной чёрной полосы определить эпоху было бы невозможно. Появись сейчас средневековые всадники, зыбкая реальность не моргнула бы глазом.

Максим свернул на обочину у огромного пня. Здесь в ряду деревьев был просвет, похожий на пустоту выпавшего зуба. Вокруг неподвижно застыли огромные платаны с неестественно гладкими светло-зелёными стволами в бурых пятнах, будто в подсохшей крови. В тени жара всё равно ощущалась. Он открыл дверь машины, вдохнул воздух, пахучий и густой, словно вино, напоённый запахом сотен трав и цветов, разомлевших на солнце. Слабый ветерок внёс сюда тонкий оттенок недалёкого моря и разогретой сосновой смолы. Клетки тела восторженно избавлялись от синтетической атмосферы самолётных кондиционеров.

Максим вышел из машины и присел на пень, стараясь ни о чём не думать, просто впитывая окружающий пейзаж, звуки и запахи. Он пропустил сквозь пальцы жёсткую метёлку густо-зелёной травы. Смял её, ощутив клейкий сок. Вдохнул пряный аромат, похожий на маринад к мясу.

Далеко на вершине холма чёрным размытым пятном среди янтарных стволов и тёмно-зелёных крон угадывались башни

замка. Отблески вечернего солнца вспыхивали на далёких окнах и каменной слюде черепицы.

Посидев минут пятнадцать, просветлённый духом, с сожалением вновь забрался в машину. Скоро дорога упёрлась в высокие металлические ворота. Максим кивнул видеокамере. Тяжёлые створки неторопливо и беззвучно распахнулись. Асфальт сменился гравием.

Обыденный мир с идеалистическим пейзажем французской провинции остался позади. Вокруг темнел мрачный дубовый бор, заросший подлеском из колючего вечнозелёного кустарника с мелкими и острыми, как бритва, листьями. Прогуляться по такому лесу можно было бы разве что в латах. В чащобе истерично взвыл незнакомый зверь; совсем рядом захрустели сучья. Максим поднял стёкла и порадовался, что никакая тварь снаружи не заберётся. Мощные дубы нависали над машиной, разглядывали гостя, что-то шептали, протягивая корявые лапы.

Неожиданно на ветровое стекло упал бурый лист, похожий на высохшую ладонь с растопыренными пальцами и засохшими скрюченными когтями. Царапнув по стеклу, неохотно соскользнул.

Через сотню метров показалась первая скульптура. Мраморный пёс размером с человека застыл в неустойчивом равновесии, готовый к нападению. Он был укреплён на массивном обломке скалы, опасно торчавшей над дорогой. Зверь безмолвно скалился, демонстрируя острые клыки. Максим ждал этого появления, но, как всегда, возникло неприятное чувство, будто монстр может грохнуться как раз в тот момент, когда будешь проезжать мимо. Правил безопасности здесь явно не соблюдали. Максим подмигнул. Чудовище не ответило. Каменные глаза смотрели строго.

За очередным поворотом мрачные заскорузлые дубы расступились, в просветах между листьями появились золотые пятна сосен. Чуть посветлело. Здесь подлеска почти не было, поэтому в глаза бросались обвалы огромных камней и острые куски вздыбленной породы, сквозь которые непонятно каким чудом прорастали деревья.

Машина медленно поднималась на холм, минуя один поворот за другим. На каждом зигзаге стояла новая скульптура собаки. Они были разные, но везде неистовый скульптор мастерски передал посетителю ощущение грозящей опасности.

Проезжая пятую, Максим заметил ворону, которая с истошным воплем пролетела перед машиной и уселась на голову пса, словно говоря: «Полюбуйся, кто к нам пожаловал». Замерев, каменный пёс и живая ворона недоброжелательно уставились на Максима.

«Фу», — мысленно скомандовал он обеим на всякий случай.

Впереди показалась высокая, сложенная из замшелых валунов крепостная стена.

Максим помнил, как в свой первый приезд с удивлением обнаружил, что в какой-то момент дорога пошла вниз, и он вновь оказался у подножия холма, в месте, откуда начал своё путешествие. Чтобы проехать дальше, нужно знать секрет.

Притормозил, ища глазами шестую скульптуру. Очередная псина сидела у ног угрюмой каменной девушки, явно злоупотреблявшей бодибилдингом. Одной мускулистой рукой спортсменка придерживала зверя, а другой, бугрящейся бицепсами, подзывала гостя. Возможно, скульптор увидел этот характерный жест, сопровождаемый зловещим «Сюда иди!», ночью в трущобах Марселя.

Здесь надо было аккуратно съехать на обочину, обогнув брутальную барышню сзади. В зарослях ежевики начинался невидимый с дороги тоннель. Максим проехал сквозь крепостную стену, потревожив спокойствие спящих лиан. И оказался в ухоженном парке с живописными группами кипарисов и обширными зелёными лужайками, где гуляли мраморные нимфы. По мере приближения к замку нимф становилось больше, словно они жались к родным стенам, опасаясь забираться далеко от дома.

Наконец машина, недовольно вздрагивая на неровных булыжниках, преодолела каменный мост надо рвом, где в тёмной, покрытой зелёной ряской воде кипела неведомая жизнь, давая о себе знать рябью и громкими всплесками. За мостом начиналась парковка, присыпанная красным толчёным гравием. Макс

отдал ключи охраннику и пошёл к воротам, ведущим во внутренний двор. Он хорошо знал, куда идти.

Замок издалека производил гнетущее впечатление, но вблизи он выглядел ещё более зловеще. Жилище — это одежда, подогнанная под фигуру владельца. В данном случае зависимость была бесспорной.

Множество башен и башенок возвышались повсюду. Они пристально оглядывали местность своими многочисленными амбразурами, тайными окнами и узкими тёмными смотровыми щелями, ясно давая понять, что любой незваный пришелец будет немедленно обнаружен и уничтожен.

Каждый, кто подступал к этим огромным зубчатым стенам, понимал, какой он маленький и ничтожный, и что у него совсем нет грозных башен и колючих решёток. Тот, кто отваживался задирать голову, обнаруживал немигающие взгляды каменных горгулий с огромными разверстыми челюстями. Когда-то сквозь эти жуткие пасти лилась кипящая смола, а тысячи разящих стрел летели из каждой неприметной щели.

Максим знал, что грозная сила замка не осталась в прошлом и строение защищено надёжней многих современных военных объектов. А кипящая смола и зазубренные стрелы, вырвать которые из тела невозможно, — лишь милые детские шалости по сравнению с последствиями изуверской жестокости современных ловушек.

Из посторонних увидеть замок могла бы только птица. Хотя вряд ли она поделилась бы с кем-нибудь своими наблюдениями. Впрочем, кто их знает, этих птиц...

Пройдя внутренний двор, Максим кивнул охране, стоящей у главного входа, и повернул в боковую арку, ведущую в сад. За готической балюстрадой виднелась площадка. Там слышался смех, доносились обрывки разговора. Несколько каменных ступеней — и он оказался в толпе на открытой террасе, соединённой со столовой огромными дверями, распахнутыми по случаю хорошей погоды.

Большинство гостей были Максиму хорошо известны. В толпе сразу заметил баронессу Селин Вальмонт, в элегантном вечернем платье, с гроздью серебристого жемчуга на шее, и воз-

вышавшегося над всеми барона, одетого в чёрный смокинг с орденом Почётного легиона в петлице.

— Добрался-таки, я уже думал, что тебя, наконец, пристрелили в дороге, — Анри хлопнул Максима по спине так, что позвоночник хрустнул.

Голос гремел даже среди шума толпы; барон стоял, гордо выпятив грудь, потряхивая седой гривой и слегка раздувая ноздри. Глубокие морщины иссекали готическое лицо, отчего хозяин был похож на ухмыляющуюся горгулью. Сходство с аналогичными особями на стенах замка уводило мысль в запутанные дебри. Его безумие было весьма поверхностным и носило скорее имиджевый характер. За всем этим театральным образом скрывался острый ум, несгибаемая воля и ещё много чего острого и несгибаемого, так что смертельно порезаться об этого человека ничего не стоило.

— Я рад вас видеть, — вежливо ответил Максим, пожав руку барону и прикоснувшись губами к гладкой коже пальцев баронессы.

Глядя на эту эффектную женщину, каждый понимал, как должна выглядеть аристократка, род которой идёт сразу от грехопадения Адама.

— София тебя уже искала, — негромко сказала та. — Она где-то там, — баронесса кивнула в сторону парка.

— Ты не знаешь, какие есть праздники второго августа? — поинтересовался Анри. — Годовщину образования ООН отмечать скучно.

— В России сегодня день ВДВ, — вспомнил Максим утреннего попутчика.

— «Ве-Де-Ва» — какой-нибудь языческий праздник? Со странными ритуалами и безумствами... — оживился барон.

— Вроде того. Все напиваются и купаются в фонтанах и бассейнах. Радуются и веселятся, яко мзда ожидает изрядная.

Барон просиял:

— Это нам подходит. А наряды? Есть что-то специальное? Повязки из травы или прозрачные туники...

— Туники есть, только не прозрачные, а полосатые. Морские тельняшки сгодятся, — серьёзно поддержал Максим.

— А что пьют? — уточнил Анри.

— Водку, лучше русскую.

Барон что-то шепнул подбежавшему лёгкой иноходью секретарю. Тот мгновенно ускакал.

— Ты — молодец, — хозяин вновь одобрительно хлопнул по спине Максима, но в этот раз тот сумел сгруппироваться, смиренно выразив непротивление насилию словами:

— Аминь, Аминь...

— Ещё успеешь потрепать парня, — обратилась Селин к мужу, притормаживая пылкие попытки того продолжить наносить увечья гостю. — Человек устал с дороги и наверняка хочет поговорить с Софией.

Максим понял намёк, раскланялся и двинулся в указанном направлении. Прихватил бокал шампанского с подноса ближайшего официанта и шёл среди знакомой толпы, кивая мужчинам, прикасаясь скулой к нежным щёчкам дам и стараясь думать только о погоде.

Тепло раскланялся с восточным мультимиллиардером Измаилом Хасифом, владельцем нефтяных скважин, самолётов и танкеров. Измаил выглядел как Джеймс Бонд, злоупотребляющий загаром и маскирующийся под арабского шейха: элегантная рубаха-джалабея полностью закрывала тело, белоснежная куфия обрамляла голову.

Рядом стояла чета знаменитых американских врачей. Он — великий хирург. Жгучий брюнет с тонким породистым лицом, похожий на театрального Мефистофеля. Демонический взгляд проникал вглубь любого тела, оказавшегося рядом. И сразу видел, что следовало бы отрезать. Это знание добавляло в улыбку долю снисходительного сострадания.

Жена — знаменитый гинеколог. Максим даже не пытался представить, о чём думала она, глядя на случайного собеседника.

Поздоровались. Обнялись. Недавно Максим был на свадьбе их дочери. Поэтому первый вопрос был о молодых: всё ли у них хорошо? Естественно, всё было великолепно. Кто бы сомневался.

Популярный итальянский министр Бенедикто Стефаньоли хлопнул Максима по плечу. Эксцентричность того граничила

с хулиганством и шутовством. Интернет пестрил скандальными роликами, газеты публиковали разоблачительные статьи. Около десятка судебных процессов постоянно были связаны с его именем. Но тот всегда выходил сухим из воды, лишь укрепляя свой рейтинг, питаемый поддержкой простых граждан.

Максим знал, что скандалы вокруг Стефаньоли тщательно срежиссированы им самим. Политики — те же блондинки. Сколько ума требуется, чтобы выглядеть настолько изобретательно-глупыми и изощрённо-пошлыми! И всё ради любви миллионов. Никто не знал, каков он на самом деле. И правильно. Политик, пытающийся показать своё истинное лицо, похож на эксгибициониста в парке. Ничего, кроме гнева общественности и ужаса юных школьниц, он не получит.

Наконец, выбравшись из толпы, у балюстрады он заметил Софию.

— Максим, — выдохнула та. — Как я рада тебя видеть. Все старательно делают вид, что ничего не происходит. Но мне страшно... И предчувствия очень плохие...

— Всё будет хорошо, — соврал Максим. Он был совершенно в этом не уверен. Поэтому собрался угнездиться у куста ароматных роз, где можно было ни о чём не думать, просто стоять и нюхать.

В этот момент раздался звук охотничьего рожка. Это означало, что собранию пора плавно переместиться в обеденный зал.

Комната со столом размером с небольшое государство выглядела величественно. Солнце было ещё высоко, и стрельчатые двери, ведущие в сад, оставили открытыми. Оттуда доносились обычные звуки тёплого вечера — трели птиц, стрёкот и жужжание насекомых.

Противоположную от сада стену занимал камин гигантских размеров. Там во весь рост, наверное, могли бы встать человек двадцать, а если потесниться, то и все пятьдесят. В центре из стволов деревьев, распиленных на двухметровые брёвна, была сложена поленница, которая сейчас не горела, но вполне подошла бы, чтобы хорошо поджарить компанию ведьм. Сбоку лежал запас таких же брёвен, на случай, если чертовок окажется больше, чем планировалось. Над кострищем на массивных бал-

ках были укреплены вертела, и это наводило на мысль, что всё же речь идёт не о ведьмах, а скорее о тушах ягнят, оленей или кабанов.

Снаружи сооружение было щедро облеплено отрубленными головками ангелочков и древних философов.

Свободные от камина стены зала украшали мрачные фигуры древних богов. Они высовывались в самых разнообразных местах, имели малосимпатичные, можно сказать, зверские лица и, неодобрительно хмурясь, поглядывали на гостей.

В углах прикорнули муляжи рыцарей в металлических доспехах. Делали вид, что им совершенно неинтересно происходящее за столом.

Приглашённые расселись, вдыхая аромат, имевший, несомненно, съедобную природу и доносившийся из соседнего помещения. Когда дверь приоткрывалась, виднелись снующие официанты в белоснежных мундирах с крайне озабоченными лицами.

Барон, восседавший на троне во главе стола, поднялся. Первые слова были традиционны:

— Я пригласил вас сюда, чтобы сообщить пренеприятное известие.

Максим подумал, что не исключено, что тот читал Гоголя. И это совсем не удивляло.

Анри Вальмонт буднично продолжал:

— Объявлен Апокалипсис.

— По телевизору? — ахнул кто-то.

Барон строго глянул на аудиторию и пояснил:

— Человеческой цивилизации пришёл конец...

ГЛАВА 4.

В КОТОРОЙ МЫ ВНОВЬ ОТПРАВЛЯЕМСЯ В ПРОШЛОЕ МАКСИМА, ВЫЯСНЯЕМ, ЧТО ЗА ИСПЫТАНИЯ ПРЕОДОЛЕВАЛ ОН, И УЗНАЁМ, КАК СОСТОЯЛОСЬ ЗНАКОМСТВО С БАРОНЕССОЙ СЕЛИН ВАЛЬМОНТ

В 1992 году россияне проснулись в другой стране. Теперь вместо сияющего коммунизма за недосягаемым горизонтом у каждого появилась конкретная цель — почти рядом. Только протяни руку. И рук тянулось много, целый лес требовательных, жадных, изголодавшихся по благам. Одни начали отталкивать других. Веселье и ликование быстро перешло в массовое побоище. Каждый формировал потребности и по способности воевал за них. Кто-то тянулся к металлургическому заводу, а кто-то — к импортному холодильнику. Одни пытались получить в собственность целые регионы, другим хватало малогабаритной квартиры.

Максим видел, как новая энергия заполняла бесцветную реальность целой страны, выжатой досуха за семьдесят пять лет. Всё стало ярким, как на экранах импортных телевизоров, поя-

вившихся в каждой семье. Отвыкших от бурных эмоций россиян затянуло в неистовые миры боевиков и триллеров.

Для многих поступившей из космоса энергии оказалось с избытком. Они перегорали, как лампочки от высокого напряжения. Жизнь била ключом, до крови. В стране шла невидимая война. Сколько народу гибло ежедневно в бандитских разборках, от поддельной водки или просто от нервной перегрузки — сказать не мог никто.

Впрочем, Максима всё происходящее почти не касалось. Оберегаемый везучей судьбой, он жил словно в другом измерении, вроде бы скрылся из грешного суетного мира в чистой пустыне, но там поджидали могучий, лукавый и сумасшедший генерал со своей верной Мариной. Те крепко взяли его в ежовые рукавицы и безжалостно воспитывали большого мальчика, подсовывая всевозможные дьявольские испытания.

Марина стала персональной Мэри Поппинс в чине майора. У этой молодой девушки были утомлённые жизнью глаза, как у стариков на картинах Рембрандта. Там светилась тысячелетняя мудрость, усталость и безразличие. Он боялся этих глаз, но в них хотелось смотреть. То, что Максим ощущал к своей наставнице, было похоже на Стокгольмский синдром — так психиатры называют чувство болезненной привязанности, которое испытывают заложники к захватившим их террористам, когда сознание жертвы, спасаясь от психологических ран, вспарывает реальность, удаляя из неё опасность, как хирург вырезает смертельную опухоль. После чего мучитель кажется несчастным человеком, жаждущим своей доли счастья и блуждающим по жизни с болью, спрятанной в сердце.

Говорили, что Марина — любовница генерала. Как не сочувствовать несчастной, взвалившей на себя такое страшное бремя? Сострадание — это шаг к дружбе или полшага к любви. Мы любим то, чему сочувствуем. Или думаем, что любим...

Между тем, «несчастная» девушка не давала покоя. С утра — пробежка и двухчасовая йога. Потом — поездка в институт, где можно было немного отдохнуть, а вечером — опять в спортзал. Домой Макс приползал только чтобы завалиться спать. В конце недели был запланирован подвиг с сопутствующими сюрприза-

ми. По словам Марины, в выходные «тренировали удачу», и то, что происходило, показывало, как далеко они все зашли в своём безумии.

Максим не мог понять, почему соглашался на все мучения, которые готовили ему неистовая Марина с коварным Дмитриевым. Единственное, чем он мог оправдать свою сговорчивость, — тем, что вряд ли кто-нибудь в мире жил так интересно. Может быть, самым острым наслаждением в жизни является возможность рисковать ею.

В пятницу вечером он приезжал в ставший родным санаторий. Теперь к нему не прикрепляли датчиков вежливые люди в белых халатах, а просто вкусно кормили, давали отдохнуть и выспаться. Сон приходил, избавляя от недельной усталости. Утром в субботу появлялась деятельная Марина, и начиналось безумное приключение, приготовленное неистощимым на сюрпризы генералом.

Однажды Максим проснулся в незнакомом месте, которое оказалось просторной клеткой. Похоже, в вечерний чай подсыпали сильное снотворное. Напротив лежал лев, притворяясь спящим. Судя по острому запаху, зверь был настоящим. Лев поднял огромную, утопающую в густой гриве, небритую и потёртую морду, будто уже который день предавался запойному пьянству, и с печальным недоумением взглянул на пришельца. Бесцеремонное вторжение незваного гостя в священное пространство клетки удивляло, и, похоже, царь джунглей тоже ждал, чтобы его ущипнули.

Максим вспомнил, как вчера Марина упоминала экскурсию в «Уголок Дурова», но представлял это по-другому.

Сообразив, где находится, принялся успокаивать себя предположением, что животное подчиняется мысленным командам дрессировщика, и, скорее всего, большой опасности нет.

Между тем зверь перевёл взгляд на руки посетителя.

«Ищет хлыст или дары», — догадался Максим.

Не обнаружив ни первого, ни второго, лев медленно и значительно приподнялся. Его глаза обшаривали человека тяжёлым, гнетущим взором. Дыхание окрасилось хриплым басом. Мышцы лениво вздувались и перекатывались под золотистой,

словно замшевой шкурой. Ощупывающий взгляд вдруг стал отрешённо-меланхоличным и даже мечтательным.

«Представляет грядущую кровавую трапезу и хочет посмаковать восхитительный момент, — с ужасом пытался читать мысли животного Максим. — А может быть, он сыт? Обожрался настолько, что не способен съесть ни кусочка», — пришла в голову спасительная идея.

Лев отрицательно мотнул головой и принялся неторопливо обходить жертву по кругу.

В левом углу была видна дверца. Но как далеко она оказалась! Рядом медленно и иступлённо колотил бубен. «Это моё сердце», — понял Максим.

Он вспомнил мышку Гитлера из своего детства. Лев, кажется, собирался прыгать.

— Стоять! — что есть мочи заорал Максим. — Налево марш!

Лев от удивления присел.

— Налево, сука! — орал ему обезумевший парень.

В глазах животного показалась паника. Бедолага поднял лапу, заслоняясь от психа, оккупировавшего его клетку, и, кажется, зажмурился. Максим сделал шаг вперёд.

— В глаза смотреть! — строго приказал он.

Зверь прятал взгляд, видимо, не желая видеть страшное чудовище, бесновавшееся перед ним.

Спасительная дверца была совсем рядом. «Вдруг она заперта?» Но раздумывать было некогда. Максим пнул несчастное животное, отчего лев расслабленно повалился на спину, притворившись трупом. Обойдя труса, победитель открыл дверцу. Слава Богу! Засов оказался отодвинут.

Прежде чем ступить наружу, Максим обернулся и угрожающе произнёс:

— Я ещё вернусь!

Мученическая улыбка опустилась на чело зверя.

Марина стояла в темноте в паре метров от клетки, с интересом наблюдая за происходящим.

— Это было круто! — восхитилась она.

— Лев, наверное, зомбирован и запуган дрессировкой, — мужественно предположил Максим.

— Не знаю, — сказала Марина, — его только привезли. Сказали, что дикий.

Максим очумело посмотрел на девушку.

— А если бы он меня съел? Ты что, стояла бы и смотрела?

— Конечно, нет. Я бы визжала, — ответила та. — Но ты здорово напугал льва. Пожалуй, он теперь станет вегетарианцем.

Максиму показалось, что её улыбка несколько наиграна. И она лишь делает вид, что стоять безоружным и со всех сторон окружённым голодными львами — пустяковое дело. «Марина была совсем не уверена в благополучном исходе испытания», — вдруг пришла догадка.

«И был Он в пустыне, искушаемый Сатаной, и был со зверями. И ангелы помогали Ему», — вдруг вспомнил Максим строки Евангелия. И стало приятно и одновременно страшно. Теперь, когда напряжение ушло, с плеч будто сняли тяжёлый плащ. Он стоял чуть пошатываясь, а Марина неожиданно обняла и поцеловала в щёку, словно давая лекарство. Максим вдруг подумал, что у неё хрупкие плечи и нежные руки, и даже хотел погладить по волосам, но вовремя вспомнил, что девушка запросто бьёт его в тренировочных поединках.

Зима, словно неугомонная туристка, путешествовала по земному шару; вот она пересекла экватор и, наконец, добралась до России. Утреннюю пробежку заменили лыжи.

Как-то Марина предупредила, что в выходные они поедут кататься в горы.

По её нарочито небрежному тону и убегающему взгляду Максим понял, что испытание будет нешуточным.

В Сочи они прилетели обычным самолётом, а там пересели на вертолёт, который через час выгрузил одинокого лыжника на заснеженную вершину, вылизанную холодным шершавым языком ветра. От этой ласки всё живое здесь давно погибло. Вокруг виднелись хребты со стёртыми и покрытыми белым налётом клыками. Морозный воздух, насыщенный снежной пылью, обжигал лёгкие. Редкие снежинки, словно разведчики грядущей бури, осторожно крутились в воздухе. Марина не выходила, лишь крикнула:

— Я жду тебя внизу! С горячим обедом. Долго не задерживайся, обещали снегопад!

Вертолёт начал улетать. Максим запустил в него тяжёлой ледяной глыбой, пытаясь сбить. Не попал. Холодное мутное солнце равнодушно подглядывало из-за облаков. Долина внизу казалась ямкой, оставленной ложкой в банке скисшей сметаны.

«И возвёл его дьявол на весьма высокую гору», — вспомнились строки Евангелия.

Макс обречённо поискал участок склона, по которому можно было бы проехать. Скат недобро горбился буграми чёрных каменных мышц. Сначала всё шло неплохо. Довольно быстро спустившись с открытой вершины, он оказался перед армией мрачных елей, стоявших плотными шеренгами. Здесь снег был глубже, и быстро ехать не удавалось. Подоспел обещанный снегопад. Ветер горстями швырял в лицо холодный ледяной пух причудливых снежных птиц. Видимость снизилась до пары метров. Двигаться приходилось очень осторожно, поскольку стволы деревьев неожиданно выскакивали из-за белёсого кисейного занавеса, готовые к беспощадному поединку.

«Если чего-нибудь сломаю, неважно что — себя или лыжи, — выбраться отсюда самостоятельно уже не удастся». Он не давал панике охватить сознание, но страх вместе с холодом медленно пробирался под одежду.

«Обалдели они там все, что ли?» Это было уже слишком даже для сдвинутой психики его наставников. «Если благополучно спущусь, то прибью Марину, ударюсь в бега, спрячусь за Уралом, найду затерянную деревушку староверов, заведу семью... По утрам буду пить парное молоко...» Желудок заурчал. Максим вспомнил, что с утра не ел. Вот-вот. Марину он не просто убьёт, но ещё и съест.

Через час лес кончился. Куда ехать, было непонятно. В воздухе висела плотная завеса. Максим притормозил, прикидывая направление: «Кажется, летели с юга, но где здесь юг...»

Остановился он вовремя, потому что под правой палкой, похоже, была пустота.

Не хватало ещё свалиться в пропасть. Осторожно присел, стараясь не делать резких движений, но вдруг снежный наст под ним сдвинулся и рухнул вниз. Максим не успел вспомнить всю свою жизнь, на память пришёл лишь факт рождения из ма-

теринского чрева. Падение было коротким. Наверное, меньше метра. Но теперь он боялся шевелиться, чувствуя неустойчивость опоры.

«Спокойно, пока ничего не произошло, всё ещё хорошо, — уговаривал он себя, но сердце предательски трепетало. — Кажется, приехал, — зло подумал он. — И где она, хвалёная удача?»

Удача явилась незамедлительно. Снегопад внезапно прекратился. Вслед за последней снежинкой появился пейзаж.

«Как красиво!» — Максим задохнулся то ли от восторга, то ли от морозной снежной пыли, но скорее всего, от страха, поскольку обнаружил себя сидящим на краю заснеженного обрыва, как озябшая сосулька на карнизе. Если бы небо не расчистилось, неминуемо свалился бы в пропасть. До низа, кажется, было метров двести. Попытался аккуратно забраться наверх, но от первого же движения снежный покров осел вместе с человеком ещё на пару метров. Неожиданно он успокоился.

«Если ты сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам своим заповедую спасти тебя», — всплыли слова Евангелия.

Максим легонько подпружинил ногами, будто собирался подпрыгнуть, но тяжёлый слежавшийся наст вновь сполз вниз. Надежда ожила, кокетливо улыбнувшись ему. Он принялся легонько подпрыгивать, сдвигая послушный снег. За этим интересным занятием провёл почти час.

«Ничего сложного», — подумал Максим, когда увидел, что пологий склон близко. Удача засмеялась: «Не искушай Господа Бога твоего». Снежная стена ухнула вниз вместе с лыжником, мягко пролетевшим в пушистом коконе оставшийся десяток метров.

Ещё через полчаса испытание закончилось.

— Только не бей меня, — восторженно заявила Марина, протягивая ему тарелку с горячим бифштексом.

— Отойди от меня, сатана, — то ли серьёзно, то ли в шутку буркнул Максим.

— Цел? — встревоженно спросила она, впиваясь беспокойным взглядом.

Максиму показалось, что её нижняя губа чуть заметно дрогнула.

— Нормально, — он подумал, что вряд ли в глазах девушки блеснула слеза, скорее всего, тают снежинки на пушистых, словно поседевших, ресницах.

— Ты изменился... — Марина отвернулась. Там, сзади, куда она смотрела, наверное, было что-то очень интересное.

Через полгода таких приключений герой действительно изменился — заметно окреп, и теперь напарнице с трудом удавалось лупить заматеревшего ученика на тренировках по рукопашному бою. Но главное, он поверил в свою удачу и был абсолютно убеждён, что с ним ничего не может случиться. Если бы генерал велел прыгать с самолёта без парашюта, наверное, сделал бы и это.

Теперь к учёбе добавились и «теоретические» занятия. Поскольку свободного времени уже не было, пришлось потеснить работу.

В институте полагали, что молодой перспективный заместитель директора встречается с симпатичной девушкой из околоправительственных кругов. Эта легенда позволяла Максиму уезжать на «свидания» в рабочее время. Верный Николай Владимирович надёжно прикрывал тылы.

Максим не знал, что ему больше нравилось: безумие выходных или волшебная сказка будней, когда он посещал особый зал Ленинской библиотеки. Там командовал странный библиотекарь, похожий на всклокоченного сердитого домового в трёпаном джемпере. В холодные дни костюм дополнялся жёлтым шарфом, так что казалось, что на шее у того сидит питон. «Домовой» Вадим Михайлович, ворча и чмокая губами, выдавал одинаковые чёрные кожаные папки с грифом «Строго секретно». Все любят тайны, но Максим не мог понять, почему вместе с переводами древних оккультных трактатов, сборниками магических заклинаний, текстами по теософии и каббале секретными оказались обычная «Бхагавадгита», Тора и Коран. Тяга к волшебству сидела в нём как стрелка компаса, всегда указывающая в одном направлении, и сейчас ему казалось, что он вновь попал в детство и в очередной раз ищет на дедовых пол-

ках сборник заклинаний, дающий власть над миром. Однако сейчас чародейские книги оказались совсем другими, словно их заново переписали понятным языком. Максим впитывал реки информации, которые попадали в тихие омуты мозга; ночами там что-то отфильтровывалось и оседало на дно твёрдым остатком. Разрозненные образы слагались в систему. В итоге он осознал невероятные вещи — например, что обычная для большинства людей иллюзия причастности к религиозной жизни равносильна первому классу в математической школе. А существует ещё алгебра и тригонометрия. А там... Господи, что будет, когда он доберётся до высшей математики!

За окном занимались привычной арифметикой: отнимали и делили. Здесь математика была высшей настолько, что, овладев ею, делить и отнимать не требовалось. У Бога было всего в избытке, и требовалось лишь правильно попросить. Всё богатство мира, безграничная власть, прекрасные женщины, по идее, должны были приходить сами. Как в сказке: «По щучьему велению, по моему хотению...»

«И молитва, и заклинание, и любая колдовская формула — лишь телефонный аппарат прямой связи с секретариатом Бога, — думал Максим. — Все они устроены по одному принципу. В начале как бы указан номер отдела, куда мы направляем просьбу, затем челобитная, а в конце „С уважением...“ Всё как в жизни. Чтобы тебе вежливо ответили, надо лишь соблюдать правила духовного „этикета“».

Зачастую увлечённый Максим забывал поесть, но голодное тело взывало. Тогда на ум приходили образы, связанные с едой.

В ресторане можно кушать комплексный обед, но можно сделать и индивидуальный заказ, который специально приготовит повар. Наверное, то, что мы называем «судьбой», — и есть такой комплексный обед. И большинство людей, получив его, лишь горестно вздыхают — мол, «от судьбы не уйдёшь» или «из двух зол выбирают меньшее». Магия позволяет не выбирать из любезно предоставляемого жизнью списка зол, а заказывать себе нечто особенное и потому вкусное. У хорошего повара много блюд, а у всемогущего Бога — бесконечное коли-

чество сценариев жизни. С помощью волшебства каждый вправе жить здоровым и богатым, а не бедным и больным.

«Кстати, и сытым быть неплохо», — напоминало тело.

Максим ронял слюну на древний манускрипт.

Заметив, что посетитель взалкал, сердобольный Вадим Михайлович приносил из буфета кофе и бутерброды. Наверное, он считал, что чародеев, даже начинающих, не следует морить голодом. Могут невзначай съесть...

«Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим от Бога», — слабо отнекивался он от угощения.

Пока довольное тело впитывало протеин, беспокойные мысли продолжали вечеринку.

Почему большинство людей не занимаются духовными практиками и не заказывают себе индивидуальную жизнь? Почему, получив свою комплексную судьбу, стараются отобрать блюдо у соседа? Можно забраться на вершину жизненного успеха не ползя по отвесным скалам, изо всех сил цепляясь ногтями и попутно ещё отталкивая других людей, а спокойно поднявшись на вертолёте в белом, незапятнанном чужой кровью костюме. Странно, что другие этого не понимают... Почему? Может быть, просто не могут? Физически не могут, как не способно животное составить меню своего ужина и передать хозяину в красивом конверте: «Щедрому и Милостивому Иван Ивановичу от его возлюбленного Шарика». Голодный пёс способен лишь отобрать еду у слабого. Именно это происходит сейчас в стране. Но почему одни могут, а другие нет?

В древнем каббалистическом трактате Максим прочитал, что человеческих душ было создано лишь около двух миллионов! Может быть, это ответ? Людей-то — семь миллиардов. Человек без божественной души — лишь разумное животное.

— Получается, что у большинства людей души нет? — попытался уточнить он у «домового».

Библиотекарь задумался. Достал из-под стола начатую бутылку коньяка и налил себе и Максиму в аккуратно протёртые свитером стопки.

— Пей, — сказал он. — Иначе не постигнешь.

После третьей рюмки Максим созрел для принятия откровений.

— Божественная душа есть у каждого, — веско говорил «домовой», закусывая шарфом. — У некоторых она спит. У кого-то просыпается и теребит, орёт и плачет. Ну как дитя малое. Дети-то есть?

— Я не женат пока, — отвечал Максим.

— Не вижу логики. В огороде бузина, а в Киеве — дядька. Я же про детей, а не про жену, — удивлялся Вадим Михайлович и продолжал: — Ну, в общем, плачет душа, спать не даёт. Требует ухода, пищи специальной. Не колбасы копчёной, а духовного молока. Пищи духовной. Плохо делается человеку, беспокойно, с душой-то... Поэтому многие так и живут. Бездетно, бездуховно. Поживёт, поживёт — да и умрёт, не открыв в себе частицу Бога.

— Но человечество быстро множится. Что же, Бог постоянно создаёт новые души, или плодятся старые?

— Выпей ещё, — советовал «домовой», а потом разъяснял: — Наши души — частички тела Бога. Клетки. Он растёт, и нас становится больше...

Максим был не всегда согласен с парадоксальной логикой «домового», но старался не злоупотреблять вопросами, понимая, что иначе сопьётся.

С Мариной они занимались «практической магией». Он уже многое умел, хотя кое-что не удавалось. Например, почти год Марина учила его созданию своего энергетического двойника. Это умение высоко ценилось руководством, поскольку носило прикладной характер. Действительно, полезно иметь сотрудника, способного силой мысли проникнуть на любой охраняемый объект или услышать разговор, ведущийся за тысячи километров.

Сначала всё казалось просто. Максим быстро научился впадать в медитативный транс, повторяя однообразную молитву-мантру. Он уже мог отделять сознание от тела и наблюдать за собой, будучи в глубокой медитации. Хотя со стороны выглядел как-то глуповато. Мужик, сидящий в позе лотоса в чёрной майке и чёрных облегающих спортивных трусах, с закрытыми гла-

зами и молитвенно сложенными мускулистыми волосатыми руками, выглядел глубоким кретином, снятым с соревнования по причине полного идиотизма.

Обычно на этом этапе мысли Максима ускользали, и отождествить себя с бесплотным духом, парящим где-то под потолком, не удавалось. Марину бестолковость ученика раздражала.

— Природа не терпит козлов, на них вешают грехи мира и побивают камнями, — говорила она, вновь и вновь заставляя Макса часами сидеть в полной неподвижности.

Иногда что-то получалось. Но оказалось, что требуемое состояние подобно чёрной кошке в тёмной комнате: трудно найти, но ещё труднее удержать.

Видимо, на каком-то этапе Марина оказалась довольна промежуточным результатом.

И однажды она принесла с собой кальян.

— Это должно существенно облегчить задачу. Совершенно волшебный состав!

И Максим неожиданно узнал запах, тот самый, из дома деда, с таинственной женщиной в круге свечей. Говорят, что наш мозг лучше всего помнит именно запахи. День, когда шестилетний Максим чуть не умер, мгновенно всплыл в его памяти. Голова разболелась, словно сдавленная обручем.

— Что это за вещество? — спросил он.

— Это совсем новое психотропное средство.

— В советские времена с ним не работали? — пронзила мозг Максима неожиданная догадка.

— В 70-е годы и у нас, и в Штатах пытались создавать, как это тогда называли, «сенситивных двойников», но стимулирующий экстрасенсорные способности препарат был несовершенен; большей частью мозг испытуемых погибал, не выдерживая нагрузки.

Максим понял ещё одну загадочную страничку своего детства. Но легче не стало. Голова разболелась ещё больше. Возможно, поэтому в тот вечер ничего не удалось. Да и впоследствии запах вызывал в памяти детский шок и блокировал мозг.

Впрочем, постепенно стало удаваться отделять своё сознание от тела и хоть как-то управлять им. Хотя результат был слаб и нестабилен. Если бы о его «успехах» узнал Сталин, он бы неодобрительно хмыкнул.

Внешне их специфические отношения напоминали дружбу, хотя Максим подозревал, что дружелюбие Марины, вопреки отстранённой холодности генерала Дмитриева, — лишь веками отработанная схема: «добрый» и «злой» следователь, Милосердный Бог и бессердечный дьявол.

Иногда мерещилось, что между ним и девушкой скачут искры привязанности. Пока они лишь жалят, но могут и разжечь в сердцах пламя. Что получится в результате: согревающий костёр или разрушающий пожар? С искры началась вселенная, но ею же она и закончится.

Он уже отважно подумывал о сложном романе, где в роли Отелло был бы страшно подумать кто. Словно уловив эту мысль, Марина нашла для него невероятно красивую и покладистую секретаршу.

Тайной стороной жизни Максима, о которой он никому не рассказывал, оставались загадочные сны. Про себя он называл их «снами о райской жизни». Работа в «небесном» офисе напоминала службу в научно-исследовательском институте. Совещания, планы, собрания и даже своя стенгазета «У нас в Раю».

Как-то начальствующий Моисей поручил написать заметку на тему «Сотворение мира». Вызвал Максима и прорёк:

— Вот, народ приходит ко мне с вопросами. Мол, разъясни, что написано в Пятикнижии.

— Логично, — согласился Максим. — Кто, как не автор, даст правильный комментарий.

— Измучил себя я, разъяснять между теми и другими уставы Божьи и Законы Его. Уже и шесть дней творения просят разъяснить. Что непонятно?

— Всё непонятно, — честно признался Максим.

Моисей вздохнул.

— Будешь ты для народа посредником. Почитай текст. Подумай. Изложи своими словами. Просто и коротко. Как сам поймёшь...

У Максима получились стихи «Сотворение мира» (из книги Максима, не вошедшей в Пятикнижие Моисеево).

«Я был один... Я просто был...
Я был уже Себе не мил...
Чтобы скуку разогнать,
Решил Себе тебя создать.

Ты — безвидна и пуста.
Ты — невинна и чиста.
Я тебя наполнил Мною,
Все укромные места.

Великий взрыв, дающий жизнь,
К утру произошёл.
Мне было очень хорошо.
День первый отошёл.

Утром следующего дня
Восхищаешь ты Меня.
Ты в любви Моей сияешь,
Светом вся озарена.

День второй прошёл
Тоже хорошо.

Мы наполнены любовью.
Я был один, теперь нас двое.
Раз за разом, вновь и вновь,
Я отдаю тебе любовь.

Третий день прошёл
Очень хорошо!

Четвёртый день настал,
Я от тебя чуть-чуть устал.
Про дела свои я вспомнил,
Ведь про них не забывал.

Чтоб не утомлять Себя,
Отделяю ночь от дня.
Ночь Я провожу с тобою,
День же — только для Меня.

Пятый день прошёл
В целом хорошо.

Утром узнаю Я новость,
Что в тебе живёт Мой Сын,
Что теперь нас будет трое,
Что теперь Я не один!

А всего-то день шестой.
Во как хорошо...

Утром седьмого дня
Благословил тебя.
Всё было очень хорошо!
А Я пошёл...»

Моисей прочитал стихи два раза. Потом поднял на Максима умные и усталые глаза:

— Это сатира? — спросил он.

— Моё понимание сюжета, — ответил Максим, удивляясь своей храбрости и живо представляя, что, возможно, уже завтра придётся работать в другом департаменте, вместе с другом Фёдором.

— Нехорошо ты это делаешь, — задумчиво молвил Моисей.

— Что нехорошо? — уточнил Максим.

— Стихи — барахло. Иди работай.

Больше Максим не получал заданий написать что-либо в газету. И в другой отдел переведён не был. Чему был искренне рад.

В реальном же мире один сумасшедший год сменился другим. Как всегда, спецслужбы отчаянно боролись за сферы влияния. Эта борьба борьбы с борьбой стала особенно беспощад-

ной, тем более что внешний враг временно потерялся. Кто-то стрелялся или прыгал в окно, кто-то стремительно богател. Шальные деньги быстро вывозились за рубеж, в западные банки. Но «табачок» был врозь. В одном уважаемом английском банке лежали деньги одной спецслужбы. В другом, не менее уважаемом, швейцарском, — другой.

В стране была полная разруха.

Странно, но на фоне всеобщих громких разоблачений никто не задался вопросом: а на чём же делались состояния в тот момент? Ведь нефть, газ, металл и прочее появилось значительно позднее, по мере подъёма экономики.

Однажды Максим оказался втянут в загадочную историю, которая приоткрыла дверку в таинственный мир, в который, возможно, лучше было бы и не соваться.

В тот день Марина позвонила ему на работу:

— Срочно надо увидеться. Лучше у тебя дома.

— Соскучилась? — спросил Максим, заметив заинтересованный взгляд Николая Владимировича.

— Ага, — не возражала Марина. — Даже трусики не надела, горю вся, аж пылаю.

— Сейчас приеду, — опешил Максим от темпераментной речи подруги. «А вдруг? — прокралась игривая мысль, расталкивая скептичных соседей. — Попытка не пытка! Хотя, в данном случае, это не факт».

Но Максима уже научили ничего не бояться. Похоть — отважное чувство, не выстраивающее логических цепочек с трусливым вопросом в конце: «А что будет потом?» Херувимы в душе не пели, они замерли, охваченные вожделением. Струны лопнули. Наверное, искры, пляшущие между ними, наконец столкнулись, и костёр вспыхнул. Цепи порваны, предохранители сгорели. Он заставит Марину кричать от наслаждения, сломает её броню, вытащит живую девушку из застёгнутого на все пуговицы кителя. «Мы тоже умеем мучить, и силы во мне не меньше, чем у вас всех вместе взятых...» В нём проснулось что-то цыганское: выдав неожиданное коленце, Максим хлопнул себя ладонями по бёдрам и выскочил из кабинета, напевая про страстные чёрные очи, сводившие с ума.

Мысли путались. Приехав домой, поспешно застелил посудомойку, запихнул грязную посуду в кровать, тщательно побрился расчёской и даже успел принять душ. Последнее пришлось делать быстро, так, что это походило на обряд крещения. На журнальный стол прыгнула сияющая золотистой фольгой бутылка шампанского с двумя рассыпающими звёздный свет фужерами, а из прикроватной тумбочки томно звала коробка презервативов.

Дверной звонок грубо прервал тонкую нить смелых фантазий.

— У нас боевое задание, — объявила Марина с порога. Она вдруг остановилась, внимательно вглядываясь своими древними волшебными глазами в лицо напарника, его мокрые волосы и романтично горящие глаза.

Максим испугался, что она улыбнётся, словно нанося жалящий удар в челюсть. И этим в очередной раз возьмёт верх, без усилий, а так, играючи.

Но когда Марина заговорила, её лицо прикрыла лёгкая тень боли, словно страдала сейчас именно она:

— Извини. Похоже, я неудачно пошутила, — произнесла тихо и грустно. — Я не нужна тебе. Всё это позади. Летом не помнят о первых ландышах, а рвут розы.

Трудно постичь женскую логику. Максим не уловил, о чём она говорит, но ориентировался на интонацию и понял, что секса не будет. И они не поругаются. Можно сделать вид, что ничего не происходит, и даже не разыгрывать замешательство. Он ждал Офелию, а пришла сестрица Алёнушка, предупредить братца Иванушку, чтобы не был козлом. Максим безмолвствовал, смотря в пол и заслоняя спиной предательское шампанское.

Иногда лучший ответ — это молчание. Тогда вроде как будто ничего и не было.

Марина, похоже, поддержала такую версию, во всяком случае, заговорила как всегда:

— Времени в обрез. Торопилась. Чуть каблук не сломала. Пришла бы сейчас хромая, в одной туфле. А тут ты, такой печальный, как айсберг... Бобик в гостях у Барбоса. А потом бы

явился дедушка и выдрал нас плёткой, — она невесело улыбнулась.

Максим тоже усмехнулся. Намёк был понятен. Оказывается, костёр не вспыхнул, а, наоборот, остывал тлеющими искрами.

— Мы должны куда-то поехать? — соображал Максим, прикидывая, в какой Форос они сейчас рванут.

— Нет, — Марина быстро прошла в комнату. — Помоги.

Она буднично убрала злополучную бутылку и сдвинула журнальный столик, освобождая центр.

— Сегодня будет встреча наших «смежников» с американскими. На высшем уровне. Необходимо услышать, о чём они говорят. Мы будем наблюдать за всем из твоей квартиры. Мысленно. Не зря же я тебя столько учила.

— Ты имеешь в виду, создадим сенситивных двойников? — сообразил Максим.

— Ага. Не понимаю, какой от тебя будет прок, но генерал настаивал, чтобы ты участвовал.

— Где будет встреча?

— В Швейцарии, в Монтрё, такой райский городок на берегу Женевского озера. Поскольку будем в медитации долго, надо улечься удобно. Всё, хватит болтать, время не ждёт. Можешь надеть пижаму, я не буду подглядывать...

— Батюшка сказал «в Рай», значит, в рай, — грустно молвил остывший напарник.

Они постелили одеяла на пол, положили подушки под голову и колени, накрылись тёплыми пледами. В йоговской «позе трупа» можно находиться несколько часов практически в бессознательном состоянии.

Максим не стал надевать пижамку, лишь снял жёсткий ремень с брюк. Он привычно дал команду телу на расслабление. Горячая волна охватила ступни, ноги, спину, голову. Глаза провалились в недра черепа и там удобно перевернулись и улеглись. Ритм дыхания замедлился.

И вдруг понял, что всё идёт не так.

Он увидел себя не под потолком комнаты, а в кабинете небесного офиса, разглядывающим знакомую карточку с ангелоч-

ками, на которой рукой шефа был написан совсем не библейский короткий приказ: «Дуй ко мне!» Максим понял, что спит.

Он не мог проснуться или изменить ситуацию. Мог только пассивно наблюдать.

Между тем небесный Максим резво побежал в кабинет начальника.

Моисей был деятельно-кипуч.

— Радуйся! — коротко приветствовал он сотрудника.

— Величит душа моя Господа! — смиренно ответствовал Максим.

— Боевое задание у тебя, — возвестил шеф, руками поправляя бороду. — Вижу я страдания народа российского, знаю скорби его.

Он заглянул в лежащий на столе белоснежный свиток, по слогам прочитал: «ваучеризация», «приватизация», «неучтённая наличка» и, не к ночи будет помянуто, «крышевание бизнеса». Начальник строго взглянул на Максима, словно тот был виноват во всём вышеперечисленном.

— Хочу избавить я лучших сынов от угнетения, коим угнетают их, и от гибели в неправедной братоубийственной войне.

— Что, там уже и война идёт? — смиренно спросил Максим.

— Пока нет. Но Вельзевул пытается её устроить. Говорит, что приказ на это имеет. Сверху, — Моисей кивнул на потолок. — Врёт, наверное...

— Может, не врёт? — предположил Максим.

— Неисповедимы пути Господа, — уклончиво согласился начальник. — Вот я и хочу разобраться. Для этого встречусь с Господом и спрошу Его о судьбе народа.

— С самим Господом?! — восхитился Максим.

— Ну, не с самим, — замялся шеф, — а с Ангелом Его. Но Вельзевул не должен знать об этих переговорах. Ты будешь рядом со мной и, если заметишь вражьего соглядатая... — Моисей задумался и наконец сформулировал: — ...действуй по обстоятельствам.

— Это официальное распоряжение? — осторожно уточнил Максим.

— Всё, — бросил начальник поспешно. — Некогда говорить. Мы пред очами Его!..

Максим вдруг обнаружил, что стены кабинета исчезли. Теперь они стояли в ухоженном парке на берегу озера. Вокруг цвели красные, розовые, белые и синие цветы. Дорожки из светлой плитки петляли среди ухоженных клумб. Неожиданно куст перед ними полыхнул ярким пламенем. Ветки и листочки покрылись огненными языками, которые весело плясали. Отчего куст стал похожим на новогоднюю ёлку, увешанную гирляндами и бенгальскими огнями. Сияние ослепляло.

— О Господи! — вырвалось у Максима. Он воочию увидел, как выглядело библейское чудо «неопалимой купины», и, честно признаться, зрелище впечатляло.

Моисей, несмотря на возраст, проворно пал на колени. Вокруг огня метался белоснежный голубь, пытаясь не опалить крылья от нестерпимого жара.

— Говори! — раздался громкий глас из недр пылающих.

— Восхвалю Господа, всей душой, всей крепостью, всем сердцем своим... — зачастил было Моисей.

— Три минуты у тебя, — прервал куст.

— Дозволь вывести лучших сынов из земли российской в земли, текущие молоком и мёдом.

— В Израиль, что ли? — донеслось из недр пламени. В голосе явственно звучало сомнение.

— В Европу и Америку, ну, и в Израиль тоже.

— Сколько?

— Пятьдесят миллионов лучших сынов. Учёных, музыкантов, писателей.

— Много. Тридцати хватит. И дщерей красивых не забудь, — в голосе появилась неожиданная эмоциональность. — Генофонд надо сохранить, — разъяснил куст свои чувства. — И золото в этот раз пусть не вывозят. Нечего разорять страну...

— Благодарю, Господи, — Моисей проворно воздел руки. Чувствовалось, что он не рассчитывал на такую удачу. — А с войной можно повременить?

Максим понял, что шеф куёт железо, пока оно, можно сказать, пылает.

— Повремените, — согласился куст и мгновенно погас.

Сияние пропало, от этого вокруг всё как-то потемнело, словно наступили сумерки, и Максим вдруг заметил тёмную фигуру, появившуюся откуда-то сбоку, со стороны берега озера. Складки бесформенного балахона продолжались чем-то длинным, похожим на ребристый хвост рептилии.

«Змей!» — догадался Максим. Думать было некогда. Он быстро метнул пару молний в лазутчика и, упав на землю, стремительно перекатился в сторону, ожидая ответа.

— Сдурел, что ли? — раздался возмущённый голос.

Максим поднял голову и встретился взглядом с пожилым ангелом, из ноздрей которого от возмущения валил пар.

— Нет, ну развели хулиганов! Даже в райских кущах проходу от вас нет! Какой гад куст поджёг? — ангел сорвался на крик.

Максим опешил. Теперь стало понятно, что тот, кого он принял за змея, был местным садовником, тащившим пожарный брандспойт. В подтверждение догадки из сопла хлынула вода. Мстительный ангел щедро окатил ледяной струёй лежащего у его ног Максима, а лишь потом принялся заливать тлеющие ветки.

Мокрый и злой как чёрт Максим вновь оказался в кабинете небесной канцелярии.

Только теперь он был не единственным посетителем. Напротив благообразного Моисея сидел неприятный тип в чёрном костюме — Вельзевул. На плече начальника «АДа» сидел белоснежный голубь.

Начальство неодобрительно взглянуло на промокшего Максима. Голубь что-то проворковал на ухо хозяину. Тот недобро усмехнулся.

— Дошло до меня, уважаемый патриарх, что интриги вы тут плетёте разные. С Ангелом Господним в частном порядке встречаетесь... — Вельзевул говорил негромко, но каждое слово звучало весомо и зловеще.

Моисей настороженно глядел то на грозного посетителя, то на Максима.

— Почему так думаешь, уважаемый? — наконец спросил он.

— Вот, Марианна всё сама видела, — Вельзевул пощекотал горлышко голубки. Та довольно закурлыкала.

Только сейчас Максим понял, кто на самом деле был соглядатаем на тайной встрече. Получается, что он позорно провалил задание...

— Сын человеческий, выйди пока, — излишне ласково произнёс Моисей.

Сконфуженный, Максим вышел в коридор, плотно прикрыв за собой дверь, и... проснулся.

Он перевернулся на бок и взглянул на Марину. Та лежала совершенным прахом и, кажется, даже не дышала. Она очнулась только через два часа. Сдвинула тяжёлую надгробную плиту и выбралась на поверхность.

— Да, чудны дела твои, Господи, — негромко произнесла, механически стряхивая неизвестно откуда взявшееся на одеяле пёрышко.

— Я, если честно, всё проспал, — признался Максим, не желая рассказывать о чудном сне. Он украдкой разглядывал странное перо. «Не поймёшь, то ли просто из подушки выпало, то ли голубиное», — подумал он, а вслух сказал:

— Что ты видела?

Марина молчала.

— Что случилось? Ты не говоришь уже две минуты.

— Думаю.

— Ужас. Теперь я по-настоящему напуган.

— Не паясничай. Похоже, узнала нечто очень необычное.

— Так о чём шла беседа? — осторожно спросил Максим, боясь, что уже знает ответ.

— Это как раз не самое главное. Тут всё просто — наши торгуют мозгами и телами. Есть программа по «продаже» российских специалистов за рубеж. Вывозятся учёные, инженеры, просто толковые люди. Для этого им специально создают трудности здесь, но не препятствуют с отъездом туда. Кроме толковых мужчин, вывозят красивых и здоровых женщин. Для этого устраиваются всевозможные модельные агентства. Средняя стоимость одного человека — пять тысяч долларов. Как ты думаешь, о каком количестве людей идёт речь?

— Тридцать миллионов, — мрачно предположил Максим.

— Молодец, угадал, — Марина подозрительно посмотрела на собеседника, но, победив сомнения, продолжала: — Программа действует с 87 года и предусматривает вывоз в Америку, Европу и Израиль около тридцати миллионов человек за пять лет. Теперь умножь пять тысяч на тридцать миллионов, и ты поймёшь, о каких деньгах идёт речь. Это больше нынешнего бюджета страны...

— Подожди, если это не главное, то что главное?

— Главное — кто это организует? Ведь процесс идёт не в интересах какой-то отдельной страны, а в интересах человечества в целом. Мозги и генофонд! Кто-то заинтересован в его бережном сохранении. И у кого-то есть такие деньги...

— И кто это? — Максим опустил глаза, поскольку знал правильный ответ. Но подруга оказалась весьма проницательна:

— Ну, первая версия — Господь Бог. У Него деньги есть. Вторая версия — более реалистичная. Существует единая международная организация, которая руководит всеми спецслужбами. Очень могучая структура. И средств немерено. Хотя вторая версия не противоречит первой.

Максим задумался. Получалось, что «теория заговора» верна, но совсем не так, как думалось многим. Если верить сну, главными «заговорщиками» оказались потусторонние силы во главе с Богом, что давно утверждали мировые религии.

— Выходит, что церковь всегда была права: Бог «присматривает» за человечеством, как мама за ребёнком.

Марина кивнула:

— Наверное. В последнее время произошло слияние военных и религиозных исследований на эту тему. Ко мне попали материалы Всемирной конференции по исследованию будущего, которая проходила в Ватикане в 1973 году. Американский доктор Джон Калхун предсказал вымирание людей на Западе в ближайшие пятьдесят лет. Его работа первоначально была секретной и финансировалась НАСА, но сенсационные выводы попали в прессу.

— Мрачный прогноз.

— Знаешь какие животные наиболее близки человеку по складу ума и социальному поведению? — вроде бы невпопад спросила Марина.

— Наверное, обезьяны.

— Не угадал. Учёные считают, что крысы. Поэтому на этих зверушках часто ставятся опыты. Так вот, Джон Калхун провёл эксперимент над огромной популяцией крыс, получивший название «Вселенная-25». Он создал для них просторное помещение, где могли бы счастливо жить около трёх тысяч грызунов. Там была хорошая еда, чистая вода, много места, комфортная температура, безопасность.

— Этакий крысиный рай, — усмехнулся Максим.

— Именно. Поэтому, когда туда поместили первые четыре пары, они начали стремительно размножаться. Секс стал любимым занятием райских обитателей.

Довольно скоро в этой вселенной жило уже около шестисот особей. Приятным сюрпризом стало увеличение продолжительности жизни почти на двадцать процентов. Но тут начались фантастические неожиданности. Взрослые крысы начали агрессивно вести себя по отношению к молодёжи, постепенно переходя от морального давления к откусыванию хвостов. Появились «отверженные», которые жили в стороне хулиганствующими бандами. Их вылазки встречали жестокий отпор общества. Тогда стратегия подрастающего поколения изменилась. Теперь они старались не конфликтовать. Для этого жили тихо, изолированно, дистанцируясь от окружающих и не привлекая внимания старших. Исследователи называли таких крыс «красивыми», поскольку те выглядели очень симпатично: хорошо упитанные, ухоженные, с гладкой блестящей шёрсткой. Но при этом «красивые» перестали спариваться, а жили, наслаждаясь собой и своим внутренним миром. Они ели, пили, вылизывали себя, но не желали реальных половых контактов. И с каждым днём таких нарциссов-индивидуалистов становилось всё больше.

Рост мышиной вселенной прекратился. Нарциссирующие самцы и уединившиеся в уютных дальних норках самки потеряли желание и социальную способность спариваться. Обще-

ство рухнуло. Рай превратился в ад — все крысы умерли. Учёный повторял свой опыт многократно, но результат был одинаков: на определённом этапе за взрывом активности следовал период агрессии и насилия, затем равнодушное счастье, падение рождаемости и самоуничтожение. В итоге вся популяция гибла.

— Удивительно.

— Сейчас во многих западных странах похожая ситуация. Комфортная жизнь. Избыток еды и питья. Нет опасностей. Выросла продолжительность жизни. И наблюдается загадочное уменьшение рождаемости. Всё, как в эксперименте «Вселенная-25». Женщины не хотят рожать, мужчины не желают заводить семью. Получается, что для сохранения цивилизации в такие страны нужно привозить эмигрантов из неблагополучных регионов. Здоровых и умных.

— Ты хочешь сказать, что людей из России специально перевозят на Запад?

— Вполне возможно. Кстати, не только из России. Если эта гипотеза верна, в ближайшее время в Африке и арабском мире вспыхнут свои «перестройки», и поток активных эмигрантов направят в умирающую Европу. Об этом можно подумать, но сразу забыть...

В тот день они не обсуждали этот вопрос. И на следующий день тоже, поскольку у Максима был «выпускной экзамен». По просьбе Марины, он оформил отпуск и был готов ко всему.

Как всегда, то, что произошло, было далеко за рамками его ожиданий.

— Ты поедешь на войну, — заявила Марина.

— Настоящую?

— Вполне.

Максиму стало обидно, что фантазия Дмитриева всегда превосходила его предположения. Он быстро попытался прикинуть горячие точки планеты.

— Югославия? — наконец молвил он.

— Сербия, — подтвердила Марина, — хотя было мнение, что Сомали подошло бы лучше.

— Что-то мне страшно.

— Это нормально. Боятся все, но храбрый человек может преодолеть свой страх, а трус — нет.

Через два дня Максим оказался в маленькой деревушке, состоящей из трёх десятков покосившихся домиков с выгоревшими ставнями и миниатюрной церквушкой, среди оливковых и кипарисовых рощ. Идеалистически пейзаж не выглядел. Всё вокруг было пропитано тревогой. Жители отводили взгляды, надрывно лаяли собаки. Даже козы, бродившие вдоль каменистой дороги, смотрели настороженно раскосыми жёлтыми глазами.

Он угодил в разношёрстную компанию головорезов, среди которых были не только сербы, но и двое русских, француз, немец, и даже неизвестно как попавший к ним американский чёрный здоровяк, похожий на героя боевиков.

«Всего двенадцать — великолепная дюжина великого Учителя».

Лачуга, где он ночевал с напарником, русским пареньком Володей, была очень стара: стены из нетёсанного камня, соломенная крыша, очаг с открытым огнём, давший приют чудовищному чайнику. Ночами дом стонал от ветра, задувавшего в прогнившую солому, раздражался сухим, хрустящим старческим кашлем. Но ещё хуже были внезапные громкие удары и щелчки, будто от простреливающих суставов. Тогда Максим в ужасе просыпался, нащупывая рукой автомат, доверчивым щенком прикорнувший рядом, и лежал, тревожно вслушиваясь в темноту, наполненную шорохами, гулкими вздохами, посвистом.

Он толком не понял, на чьей стороне они сражались. В них стреляли. Они стреляли. Если ты не убиваешь, значит, убьют тебя. Многому приходилось учиться с нуля. Институтская военная подготовка оказалась никчёмной. Там не ждёшь пули в спину от безобидного крестьянина. Не вслушиваешься в ночные шорохи, ожидая гранату в окно. Да и стрелять по живому человеку — совсем не то, что пулять по мишени. Оказалось, он совсем не готов убивать. Слава Богу, поначалу бои заключались в вялой перестрелке, когда абстрактный противник угадывался лишь по далёким выстрелам. Но потом война неумолимо при-

близилась. Его вырвало, когда увидел, как напарнику Володьке оторвало ногу миной-ловушкой. Несколько секунд тот неистово кричал — удивительно, что люди способны так сильно орать. Ужас сковал Максима, обернув в липкие объятья, словно в мокрую простыню. Он не мог дышать, судорожно подавившись воздухом. Следующие два дня — то ли от постоянного страха, то ли от местной инфекции — желудок отказывался принимать еду. Пил только виски, глуша разум алкоголем.

Пожалуй, никогда в жизни он столько не молился, ежеминутно, ежесекундно. Молился Богу и ненавидел Дмитриева с Мариной.

Страх прошёл однажды ночью, когда на их спящую деревню напали. Тишина взорвалась хаосом беспорядочных звуков. Через окно Максим выпрыгнул во двор из мгновенно вспыхнувшего дома. Каменная крошка скрипела на зубах. Вокруг метались тени обезумевших людей. Крики, вопли, мат на всех языках. Где свои, где чужие, понять невозможно. В темноте Максим зацепился ногой за какой-то кабель, свалился, оказался в мокрой вонючей канаве. Рядом над головой взорвалась граната. Осколки просвистели тысячами пчёл. Одна ужалила в плечо. Больно не было. Не знал, ранен ли, а если да, то насколько серьёзно. Он ничего не мог сделать.

Захватившая мозг паника вдруг схлынула, как отступившая волна. Там, за волной, оказалась спокойная темнота безразличия к смерти. Теперь он мог соображать. Вспомнил, что где-то рядом был крохотный каменный мост. Змеёй прополз по канаве и втиснул тело в прохладную нишу с твёрдым намерением защищать убежище от кого бы то ни было.

Трудно сказать, сколько времени просидел, выставив автомат в стрекочущую очередями и сверкающую белыми сполохами темноту. Минуту или час? Неожиданно услышал топот многочисленных ног: к нему бежали люди. Они были уже совсем рядом. Ничего не видно. Не думая, нажал на спусковой крючок и начал поливать пространство перед собой очередь за очередью, очень надеясь, что не лупит по своим.

Ночной бой закончился так же неожиданно, как и начался. Зажглись фонари, послышались знакомые голоса. Максим вы-

брался из убежища. В ручье валялось несколько тел, похожих на сброшенные в канаву грязные мешки с картошкой. С облегчением Максим понял, что это чужие.

В этом бою он приобрёл авторитет, и главное, остался цел, если не считать лёгкой царапины на предплечье.

Вторую половину месяца было легче. Человек может приспособиться ко всему.

За день перед отправкой домой появилось подкрепление. Среди группы новых парней Максим увидел знакомое лицо. Сразу узнал следователя, который вербовал его в студенческие годы. А тот, похоже, не разглядел в загорелом наёмнике интеллигентного мальчика из профессорской семьи. Сколько таких юнцов в своё время он ломал об колено!

После ужина беседа всё же состоялась. За столом уже никого не было, лишь следователь угрюмо курил, уставившись на пепельницу, сделанную из куска мины, так, словно хотел выжечь её взглядом.

— Не узнаёшь меня? — спросил Максим, подсаживаясь рядом.

Тот поднял хмурый взгляд. Но вдруг глаза удивлённо расширились:

— А, сектант? Вот уже не думал тебя здесь встретить, — казалось, он не знал, как себя вести, хотя в словах сквозило послевкусие насмешки.

Максим молчал, испытывая глубинное удовлетворение. Теперь следователь был на его территории, и весь свой развязный сарказм мог засунуть в глубокое тёмное место.

— Какими судьбами? — спросил Максим, наслаждаясь ситуацией, как щенок, превратившийся в грозного пса и решивший поквитаться с обижавшим в детстве котом.

— Братьев-славян приехал защищать, — в голосе собеседника чувствовалась неуверенность. Сейчас он не казался значительным, а был весь какой-то потерянный и притихший. На скулах набухли желваки, словно он очень медленно пытался прожевать новую мысль, вязкую и жёсткую. Слишком привык быть уверенным в своей силе, точнее, всемогуществе организации, которую, как думал, олицетворяет. И вдруг понял: под-

держки за спиной нет, никто не защитит. Попытавшись собрать остатки мужества, произнёс:

— Как воюется?

— Нормально, — ответил Максим.

В голове у него звенело. Разум понемногу закипал, в пене раздражения бешено крутилась мысль: «Вот кто во всём виноват!» Максим не пытался анализировать, почему так решил. Но мысль нравилась. Он вынул тяжёлый десантный нож и принялся рисовать на столе что-то острым кончиком. В комнате повисла тишина, прерываемая противным скрипом лезвия. Казалось, между ними натянуты нити, только у Максима они собраны в кулак, а у человека напротив воткнуты острыми крючками в кожу.

В глазах собеседника рядом с растерянностью появился страх. Теперь Максим чувствовал к нему только презрение. Он бы сидел ещё долго, рисуя таинственные узоры страшным лезвием и наслаждаясь презрением как доказательством своего превосходства, как вдруг его что-то словно толкнуло под руку.

«Немедленно уходи! — услышал он голос своей удачи. — Быстрее!!!» После безумных тренировок, придуманных генералом, Максим научился хорошо чувствовать эти подсказки и подчинялся не раздумывая. Быстро поднялся и, не попрощавшись («Сейчас этот хлыщ не стоит внимания»), почти бегом выскочил наружу. «Быстрее, бегом», — гнало его везение. Максим побежал. Сзади раздался знакомый завывающий звук летящей мины. Обернулся и, падая на землю, успел увидеть, как хибара с грохотом превратилась в стремительно расцветающий бутон из смеси камней, дерева и стекла. Где-то среди этого мусора розовыми отблесками затесались куски человеческой плоти. Взрывная волна хлопком прошла над землёй, и вновь стало тихо.

Он не винил себя за смерть следователя, тому просто не повезло. Вдвоём они бы не успели выскочить, потеряв драгоценные мгновения на объяснение необъяснимого.

На следующий день Максим уехал; его война закончилась. Влез в вертолёт с чугунной сковородкой в руке, на которую

уселся. «Бережёного Бог бережёт!» Нет ничего хуже, чем в последний момент получить случайную пулю снизу. Пилот не улыбнулся, он давно привык к странностям опытных бойцов и понимал, что раз те до сих пор живы, это не придурь. Дураки долго не живут.

Чувствуя задницей холодный металл, Максим смотрел на проплывающие снизу горы в кудрявых завитках пышной растительности, похожие на макушки албанских пареньков, разглядывающих что-то под ногами. Солнечные лучи смешивались с дыханием растений и, отражаясь от камней лёгкой дымкой, укутывали спящие долинки. От этого пейзаж казался видением, тайной, пещерой Али-Бабы, внезапно открытой случайному путнику расступившимися горами. Петли ручьёв смеялись на солнце. Деревья, склонившись над водой, разделяли их на бусинки, а затем складывали в ожерелья из мелкого жемчуга. Бесчисленные озерки лежали сияющими бриллиантами в оправе золотого песка. Сокровищам не было дела до ползающих крохотных букашек-людей с их ничтожными заботами, страхами, злобой, войной.

На скалистой площадке глиняной статуэткой показался затерянный монастырь, словно отставленный кем-то в сторону, на подставку, подальше от людских глаз. Поблекшие от времени кресты упрямыми перстами тянулись к вертолёту, наставляя словами Писания: «Показал ему Искуситель всю красоту царств мира и сказал: всё это дам Тебе».

Родина встретила новым путчем. Опять в Москве были войска. Но теперь многое изменилось. Очень многое.

Новому руководству надо было решать сугубо прагматические задачи. Малопонятные эзотерические программы понимания не встречали. Финансирование закрывали, люди уходили. Отдел генерала Дмитриева расформировали. Кажется, никто этого не заметил. Особая секретность этому весьма способствовала.

Марина исчезла, в один день и без всяких объяснений. Вместе с ней пропали и все остальные из таинственного экстрасенсорного управления. Включая самого генерала. Иногда Максим думал: а не приснилось ли ему всё произошедшее?

Однажды он обнаружил в своём почтовом ящике конверт с коротким обратным адресом: «На деревню, Д.». Письмо начиналось стихами, и Максим сразу понял, от кого оно.

«Земную жизнь пройдя за половину,
В лесу я наступил на мину.
Прости, забрал с собой Марину...»

Потом ещё несколько торопливых строк прозой: «Вся информация о тебе стёрта. Поменяй работу. И живи... Везунчик».

Внизу стояла подпись: «Дед, ученик твоего Деда».

На следующий день Максим уволился. Ветер перемен сметал прошлое в кучу, которую быстро убирали метлой новые, молодые коммерсанты. Он занялся бизнесом. Учитывая благоприобретённые способности, побеждать в финансовых боях было несложно. Прилично заработав, закрыл свои фирмы, купил шикарный особняк на Рублёвке и уехал путешествовать в качестве корреспондента популярного журнала.

Связь с прежними событиями таяла, и через несколько лет Максиму стало казаться, что вселенная поглощена своими делами, спецслужбы забыли о нём, а мир совсем не плох, лишь слегка скучноват.

Жизнь похожа на паутину. Находящемуся внутри кажется, что вокруг хаотичная путаница нитей судьбы, которые оплетают самым произвольным образом. И только со стороны видно, что эта хаотичность имеет строгий узор, созданный по замыслу того, кто притаился в углу, и с интересом наблюдает за нашими движениями в липкой трясине, совершаемыми в соответствии с полной свободой выбора.

Прошлое не исчезает, а зачастую, как паук, таится и терпеливо ждёт своего момента.

Летним утром 2005 года Максим оказался в аэропорту острова Миконос, откуда собирался лететь на Санторини. И далее, куда душа потянет. Статья о греческих курортах — отличный повод для путешествий.

Пять дней на Миконосе прошли в поисках интенсивной ночной жизни, которую обещали туристам все путеводители. Ут-

верждалось, что остров —настоящий сумасшедший дом, где толпами бродят техасские миллионеры, магараджи, новорусские олигархи, итальянские и французские плейбои, знаменитые артисты, известные кутюрье, топ-модели, политические деятели, звёзды эстрады... Уф-ф-ф... Редактор журнала, где Максим работал, осилил этот список до конца. Затем потребовал красочного репортажа.

Описать великолепную ночную жизнь трудно, если она отсутствует.

Максим обошёл все бары, пляжи и дискотеки. Ничего интересного обнаружить не удалось. Вместе с ним по тому же маршруту бродили толпы страждущих, пытавшихся найти нечто экстраординарное. Возможно, это движение в итоге и создавало большую тусовку, о которой рассказывали путеводители.

Единственное, что Максиму понравилось, — пеликаны, которые опекали тот или иной рыбный ресторан. Группами они собирались к открытию кухни и ломились в дверь. Получив еду, покидали пост до следующего вечера.

Люди у стойки регистрации в аэропорту были похожи на возбуждённых пеликанов, которым рыбы не досталось. Толпа напирала, возмущалась, требовала. Мужчины грозно щёлкали челюстями. Всё потому, что полёт на остров Санторини по техническим причинам откладывался на неопределённый срок. Маленький самолётик, курсирующий между островами, летал раз в неделю: получалось, что следующего рейса следует ожидать лишь через семь дней.

Сотрудница, принесённая в жертву авиакомпанией, принимала на себя волну народного гнева и механически повторяла одну и ту же дежурную фразу:

— Попробуйте взять билет на паром.

Взвинченная толпа ярилась. Слышались выкрики:

— Она издевается. Сегодня штормит. Уболтает вусмерть.

Максима укачивало даже в колыбели. Возникло неприятное ощущение, что с удачей что-то случилось. Вдруг она заблудилась и сейчас выспрашивает дорогу у редких прохожих, которые недобро глядят, прикидывая, как присвоить чужое добро? Перспектива остаться здесь ещё на неделю не радовала. Скучно.

Внезапно он почувствовал в происходящем какую-то замаскированную целесообразность. Вдруг всё к лучшему? Ведь удача всегда исправно приходила в нужный момент. Наверняка и сейчас события стоят наготове, ожидая лишь выстрела из стартового пистолета.

Он не слишком удивился, когда появился незнакомый мужчина:

— Доброе утро. Вы Максим Михайлов?

Несмотря на уличную жару, незнакомец был одет в тёмный костюм со светлой рубашкой. Слишком аккуратный, слишком белая рубашка, чересчур невыразительное лицо и пронзительно пустые глаза. В каждом выверенном движении читалась безукоризненная вежливость и некая отстранённость от происходящего. Обычно так выглядят шофёры или охранники, облик которых передаёт легко прочитываемый сигнал: «Я есть посланник Сильнейшего, идущего за мной».

— Здравствуйте, — осторожно ответил Максим, который не любил, когда незнакомые люди проявляли осведомлённость в его делах.

— Баронесса Селин Вальмонт приглашает вас на борт частного самолёта, который через час летит на Санторини, — благовествовал посланник.

— Чем заслужил такую честь? — искренне удивился Максим.

— Это вы спросите у неё. Я провожу вас.

В голову галдящей толпой полезли доводы, почему не следует идти. Хрупкое детское воспоминание в коротких штанишках и полосатой моряцкой маечке, теснимое взрослыми мыслями, громко и отчаянно вскрикнуло: «Мама предупреждала: не слушать чужих мужчин, особенно если в руке у них шоколадное мороженое». Другие рассудительно бубнили: «Разберут на органы. Похитят. Арестуют. Съедят...»

Максим оглядел незнакомца. Шоколадного мороженого не наблюдалось. Так что мамин завет не нарушался.

Блаженны алчущие и жаждущие приключений на свою голову... Тем более что везение — вещь нерациональная, не внимающая расчётливым доводам, имеющая свою логику, пусть

даже сумасшедшую. Пытаться понять её бессмысленно. Остаётся поверить. что удача примчалась строго ко времени, топчется и ждёт ответа.

— Я иду за вами, — сказал Максим с беззаботной улыбкой, наверняка вызвав у приглашавшего убеждение, что перед ним идиот.

Формальности заняли несколько минут, и вскоре он оказался в опьяняюще роскошном салоне лайнера. Внутренняя отделка напоминала старинный английский кабинет. Панели из резного дуба, ковры на полу, картины на стенах. Сводчатый потолок в стиле позднего Средневековья был удачно вписан дизайнером в естественную форму корпуса.

В салоне стояли мягкие кожаные кресла. В одном из них сидела красивая женщина того типа, о котором говорят: «не имеет возраста». Ей могло быть и тридцать лет, и, с таким же успехом, пятьдесят. Безупречно правильные черты лица, ровная, слегка загорелая кожа, светлые, гладко уложенные волосы, косметики не видно, хотя наверняка есть. Костюм защитного цвета из мягкой ткани, похожей на замшу.

Баронесса внимательно смотрела на Максима, словно инвентаризируя его. Она сидела в полутени, что подчёркивало её красоту, убирая лишние детали и давая свободу воображению дорисовывать то, что ему нравилось. Охранник топтался рядом как влюблённый пёс, готовый завилять хвостиком от единственного приветливого взгляда.

— Здравствуйте, месье Михайлов, давно хотела с вами познакомиться, — заговорила баронесса по-французски и изящным движением указала на кресло напротив.

Голос был негромкий, мягкий и музыкальный, но Максим сразу почувствовал, какая невероятная сила исходит от собеседницы. Он неплохо говорил по-французски, а вот с этикетом были пробелы. Надо поцеловать руку, или достаточно просто поздороваться? Времени на размышления не было, поэтому остановился на втором.

— Здравствуйте, мадам, — он постарался придать голосу светскую учтивость. — Просто из любопытства: откуда вам известно моё имя?

— Я много знаю о вас. Бокал вина?

— С удовольствием.

— Красного или белого?

— Красного, пожалуй.

На столике перед ними появились огромные пузатые бокалы. Охранник обладал многими талантами. Превратившись в сомелье, сноровисто откупорил бутылку с блёклой этикеткой и бережно разлил нечто густое и бордовое.

— У мужа виноградники в Бордо. Сорт — «Мерло». Знатоками весьма высоко ценится.

«Наверняка вино невероятно дорогое и эксклюзивное. Надеюсь, пригласила не для того, чтобы продать?» — думал Максим, чувствуя знакомый зуд грядущих приключений. Ему давно наскучил продолжительный обеденный перерыв, тянувшийся в жизни. Уже несколько лет в окружающем мире всё было слишком буднично, предсказуемо, и он ждал этой встречи. Не верил в невероятные случайности и знал, что это знакомство изменит скучноватую повседневность. Было немного страшно. И очень этого хотелось. Осторожно сделал глоток.

— В продажу не поступает. Только для друзей.

Попытался вспомнить, когда успел попасть в число друзей баронессы Селин Вальмонт.

Самолёт пошёл на взлёт. Подъём был совсем незаметен. Жидкость в бокалах даже не качнулась. Мотор гудел негромко и ровно.

— Вкус действительно великолепный.

— Вы тоже летите на Санторини?.. — то ли спросила, то ли констатировала баронесса.

Промолчал, замысловатым движением рук изобразил согласие с этим утверждением. Вино мягкой волной прокатилось по телу, нежно погладило желудок и мягким вкрадчивым шёпотом обратилось к мозгу: «Вот оно, начинается. Наводила о тебе справки». Его бокал, словно по волшебству, оказался вновь наполненным.

Баронесса пригубила кровавую жидкость, продолжая препарировать собеседника взглядом.

— Закаты Санторини считаются красивейшими в мире. Одно из самых мистических мест планеты, — немного загадочно сказала она.

— Невероятно! — нельзя сказать, что Максим был сильно впечатлён, но чувствовал, что именно такая реплика сейчас уместна.

Он сидел неподвижно, но мысли возбуждённо скакали. «Ну, давай, удиви меня. Скинь с самолёта! Позови льва, пантеру, удава, наконец!»

Мадам улыбнулась.

— Три с половиной тысячи лет назад была крупнейшая в истории катастрофа. Вулкан взорвался, и остров провалился в тартарары.

Одна часть Максима вела светскую беседу, другая украдкой разглядывала собеседницу, как котик, пытающийся незаметно съесть хозяйское печенье. Красивые у неё туфли. И ноги. Помнится, один принц увлекался примеркой хрустальной туфельки на сотни женских ступней. Фетишист. Может быть, его мечтой было работать в магазине женской обуви?

Женщины — знатоки мужских слабостей. Баронесса передвинула ноги в тень, отчего те стали ещё краше.

Максим подумал, что следует сказать что-нибудь умное:

— Об этом катаклизме упомянуто в Ветхом Завете: «И была густая тьма. И вода превратилась в кровь. И пепел в небе».

Он чувствовал себя уверенно на благодатной почве Святых Писаний. На обычных женщин это производило впечатление. Но сейчас был явно другой случай.

— Вы правы. События, описанные в книге «Исход», вызваны извержением вулкана Санторина, — подтвердила баронесса. — Гигантская волна цунами, прокатившаяся по Средиземноморью, на двадцать минут обнажила дно Красного моря, и Моисей успел провести два миллиона человек. Затем пучина захлопнулась, поглотив войско египтян.

Максим внимал. Красивая аристократка оказалась эрудированной.

Мадам, между тем, продолжала:

— Утверждают, что Санторини — та самая загадочная Атлантида. Раскопки сейчас ведутся. Это вообще отдельная исто-

рия, полная тайн и загадок. Вам надо обязательно посетить археологическую зону.

Максим решил вернуться к более романтической теме, а то беседа стала напоминать урок истории.

— Красота закатов тоже имеет какое-нибудь невероятное объяснение?

— Здесь — чистая физика. Остров похож на разбитую и перевёрнутую чашу, у которой нет дна. Центр вулкана провалился в бездну, а периметр остался, образовав современный Санторини. На месте бывшего кратера возникло внутреннее море с тёплой водой и небольшим островком нового кратера. Смешивание воздушных потоков создаёт невероятный эффект для лучей заходящего солнца.

Максиму было трудно сидеть спокойно. Он взвинтил себя ожиданием приключения, и адреналин в крови бушевал, как в девятибалльный шторм. А разговор по-прежнему тянулся жевательной резинкой. Похоже, начался урок физики.

Он было заскучал, но вдруг понял, что нечто странное уже происходит. Он не может просчитать или понять женщину. Она отвечала на невысказанные мысли и говорила необычные вещи. Максим не увлекался детективами, поскольку по первым страницам угадывал убийцу. Когда смотрел фильм, мог вычислить, что будет в следующей сцене. Сейчас не мог предугадать будущей фразы собеседницы. Стало интересно. О чём заговорит дальше? Сменит тему?

Баронесса вновь улыбнулась, словно услышала то, что хотела:

— Говорят, если закрыть глаза, вкус вина меняется.

Максим прикрыл глаза и сделал глоток. Действительно, ощутил что-то новое. Но не только во вкусе. Казалось, какие-то забытые воспоминания вклинивались в его мозг. Нежный голос, женщина в круге свечей. Дурманящий запах. Не может быть...

— Ну как?

— Интересно, — Максим по-прежнему не открывал глаза, пытаясь поймать ускользающие ощущения. Краем сознания слышал неспешные слова баронессы:

— Органы чувств — лишь крохотное окошко к познанию мира. Информация приходит множеством других путей. Уже не-

сколько лет в России один молодой врач учит слепых людей видеть окружающее. И оказалось, что те способны делать это лучше зрячих, различая даже спрятанные за преградой предметы.

— Удивительно, — он отвечал автоматически. И вдруг сообразил, что напротив, за спиной женщины, висит знакомая картина из далёкого детства. Осторожно приоткрыл веки. Так и есть. На холсте маленькая девочка в розовом воздушном платье приложила палец к губам, как будто бы просила хранить тайну.

Баронесса невозмутимо продолжала:

— Органы чувств перебивают друг друга, как спорщики во время диспута. Когда мы хотим сосредоточиться, то закрываем глаза и уходим в тихую комнату. Верно! Это та самая картина! Выкупила у Московского музея.

Похоже, она закончила изучение Максима и выглядела удовлетворённой, словно врач, нашедший подтверждение своему диагнозу.

Поставила бокал на стол.

— Я действительно много знаю о вас. Наверное, почти всё. Знаю, как вы работали в спецотделе КГБ. Знаю ваши способности. Знаю всё о вашем выдающемся деде, даже то, что, наверное, неизвестно никому. Знаю о случае, когда вы в возрасте пяти лет наглотались газа, стимулирующего экстрасенсорные способности.

Знаю о Марине. Кстати, скажу то, что неизвестно тебе. Она погибла в 1997 году. Вместе с генералом Дмитриевым, который перед этим уничтожил всю информацию о Максиме Михайлове в архивах спецслужб. Он был другом и учеником твоего деда и обещал тому сберечь внука...

Мир вокруг застыл, как будто кто-то взял и сжал его в ладонях. Прошлое ворвалось в мозг, как вода в пробоину подводной лодки. Секунду назад здесь было буднично и спокойно. Сейчас всё перевернуло бушующей стихией, безжалостно и мощно сметающей остатки прежней безмятежности.

— Как они погибли? — наконец спросил он.

— Автокатастрофа, которую организовали ваши паучки. Одна банка стала для них слишком тесной. Выпей коньяку, — почти приказала она.

Максим послушно выпил из появившегося невесть откуда бокала с золотистым напитком. Залпом. Горло обожгло.

— На самом деле, мы уже давно работаем вместе, — продолжала баронесса. Это по моему заданию ты ездил в Форос.

Максим уже ничему не удивлялся, даже тому, что к нему обращаются на «ты».

— Теперь спроси, почему я тебе всё это рассказываю.

— Почему? — согласно кивнул головой Максим.

— Я хочу пригласить тебя на работу.

Мысли в голове Максима помчались с лихорадочной скоростью, словно участвовали в странных соревнованиях, где вслед за спортсменами стартовали гончие псы. Нельзя сказать, что он был сильно удивлён. Эта сцена разыгрывалась испокон веков. Иисус Христос встретил Симона и Андрея. Те тащили сети из моря, поскольку «были рыбари». И сказал им: «Идите за мной».

— Что за работа? — Максим пришёл в себя и тихо процитировал Библию: — «И рече има Иисус: приидита вслед мене, и сотворю вас быти ловца человеком».

— Вот именно. И ты в полной мере сможешь применить свои необычные способности. И платить будут очень хорошо.

«Поверить не могу, что я сейчас соглашусь», — подумал Максим.

— Бессмысленно спрашивать, к какой разведке вы принадлежите? — всё же уточнил он.

— Я не принадлежу к разведке, как, впрочем, и к любым другим спецслужбам. Я сама их назначаю. Всех...

Невероятный ответ не показался ему бредовым. Был уверен, что баронесса говорит правду и, казалось, понимает, о чём идёт речь. Может быть, не он сам, а другой Максим, из сна, затаившийся где-то внутри мозга.

— И сколько мне будут платить? — поинтересовался скорее потому, что надо было что-то сказать. «Кто даёт ответ, не выслушав, тому стыд и тот глуп...» — говаривал царь Соломон.

— Десять миллионов евро ежемесячно, — буднично ответила мадам Вальмонт.

— Вы это серьёзно?

— Почему всегда задают один и тот же вопрос? — засмеялась баронесса. Теперь её смех прозвучал по-настоящему весело и задорно.

— Наверное, потому, что сумма большая, — ответил Максим, которому пока не было смешно.

— Я могу перечислить вам аванс. Сейчас. На ваш офшорный счёт.

— Надо диктовать номер, или он тоже известен?

Баронесса молча кивнула стоящему за спиной мужчине. Тот поспешно вышел из салона.

Если бы он не согласился на загадочную работу, был бы похожий кивок, и его бы уже упаковывали в целлофан.

— Вы сделали правильный выбор, — подтвердила его мысли мадам. — Тем более, уверена, что это та работа, о которой вы мечтали. Уже давно.

Посланник вновь появился в салоне. Обмен кивками продолжился.

— На вашем счету пять миллионов, — сообщила баронесса. — Проверите?

Максим был уверен, что всё именно так, как она говорит. Поэтому решил хоть что-то сделать не так, как делают все...

— Не сомневаюсь, что всё хорошо. Посмотрю потом, в гостинице. Я понимаю, что зачислен и служба началась... Так в чём мои обязанности?

— Одна из моих сотрудниц — кстати, вам предстоит работать вместе, — получила информацию, что в ближайшее время на острове Санторини будет катастрофа. Возможно, планетарного масштаба.

В груди что-то ёкнуло. Давно бы так. Пощекочем удачу за ушком. Он чувствовал себя как наркоман, наконец-то получивший вожделенную дозу после долгого воздержания. Требовалось усилие, чтобы говорить спокойно. И не вскочить, не сплясать вприсядку, не расцеловать, не подраться с охранником.

— Вновь взорвётся вулкан?

— Вряд ли. Сейсмологи говорят, что нет никаких тревожных данных.

— А что ещё здесь есть взрывоопасного?

— В том-то и дело, что ничего. Ракетных баз нет, атомных электростанций тоже. Пляжи, рестораны, гостиницы, археологические раскопки — вроде бы нет ничего страшного.

— Может быть, террористы?

— Может быть. Эта линия отрабатывается другими людьми. Но я почти уверена, что дело не в этом.

— Какая вероятность, что информация верная? — уточнил Максим.

— Примерно девяносто пять процентов.

— И что должен сделать я?

— Вы вдвоём с напарницей должны найти этот потенциально опасный объект и нейтрализовать причину катастрофы.

— Что за напарница?

Баронесса откинула голову и мечтательно покачала ею, словно вспомнила о чём-то романтичном:

— Хорошая девушка, красивая, умная. Тебе понравится. Я познакомлю вас сегодня вечером. Для романтики — на закате. Будут сюрпризы.

— Где мы встретимся?

— Я пришлю приглашение с адресом в отель.

Тут Максим вспомнил, что ещё кое-что не уточнил.

— А если мы не выполним это задание?

— Скорее всего, погибнете во время катастрофы. Сожалею... — серьёзно сказала баронесса.

— Когда она должна произойти? — подумал, что, возможно, продешевил с зарплатой.

— Послезавтра, — ответила Селин Вальмонт так доброжелательно и спокойно, как другие говорят «Добро пожаловать».

Самолёт разворачивался над аэропортом. Солнце, ворвавшись в иллюминаторы, залило салон неземным сиянием. Невидимые ангелы тонко трубили длинную напряжённую ноту.

Максим осознал, что впервые за последние несколько лет ему стало интересно жить. И перед ним новый мир. Словно расступилось море, пропустило и сомкнулось позади, смывая всё, что было раньше. На новом берегу Моисей оказался в пустыне, взошёл на гору и получил заповеди. А прошедший искушения

Иисус спустился с горы, вышел из пустыни и обрёл крест. По всему миру в эту секунду тысячи новорождённых покинули материнские тела, крича от радости, а может быть, от горя. Как узнать, что приготовила своим любимцам милосердная судьба? Землю, текущую молоком и мёдом, или распятие?

И вдруг он вздрогнул от внезапного прозрения. Селена — так называют Луну, по имени древнегреческой богини. Селин Вальмонт. «Следуй за Луной. Она найдёт тебя!» — было написано в предсмертной записке деда.

— Я нашла тебя, — просто сказала баронесса.

ГЛАВА 5.

В КОТОРОЙ В ЗАМКЕ У БАРОНА АНРИ ОБСУЖДАЮТ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, А МАКСИМ НЕПРИЛИЧНО НАПИВАЕТСЯ И ВСПОМИНАЕТ СТАРУЮ СКАЗКУ ДЕДА

Нельзя сказать, что после слов барона за столом наступила тревожная тишина; никто не посыпал пеплом головы свои, не вопил, плача и рыдая. Чувствовалось, что ситуация — рабочая. Анри Вальмонт объявлял апокалипсис примерно раз в год, хотя сейчас график был явно нарушен. Всего полгода назад всем миром боролись с эпидемией Эболы. Лихорадка с сыпью и кровотечением из дёсен, с точки зрения барона, в точности соответствовала апокалиптическому пророчеству Иоанна. Он взбудоражил страны и правительства, организовал срочный поиск вакцины. Обошлось.

Текущий конец света, видимо, был внеочередным.

Официанты быстро заполнили паузу тарелками с закуской. Сегодня это были несколько сортов устриц, лежавшие на серебряных подносах со льдом, и моллюски «Сен-Жак» фламбе с лёгкой глазурью из сладкого бальзамика и кальвадоса в соусе из лимонной травы и тропических фруктов. К ним было предложено белое вино из виноградников замка. Вино, разумеется, было великолепно и после пары бокалов стало ещё лучше.

Апокалипсис, конечно, — дело серьёзное, но и обед никто не отменял. Судя по тому, как энергично зазвенели столовые приборы, гости полностью разделяли этот тезис. Вновь раздались оживлённые голоса, кто-то требовал салфетку, у кого-то упала вилка. Да и барон уже о чём-то весело препирался с Селин.

— Нет, — услышал Максим её уверенный голос, обращённый к официанту явно многолетней выдержки, одетому в белоснежный костюм с какими-то фирменными пуговицами и нашивками и поэтому похожему на морского адмирала. — Воды не надо, водой моют руки. Только вина...

Никто не унывал. Похоже, плохие новости, принесённые бароном, заставили вздрогнуть лишь впечатлительную вселенную. С моря поднялось облако тумана и взвешенными в воздухе белёсыми кружевами принялось укутывать холм с замком. Предметы исчезали, растворялись, словно белое марево глотало их. Сначала туман съел деревья в парке, террасу, балюстраду и вазы с цветами. Затем принялся за розовеющее вечернее небо, которое быстро теряло краски. Сразу похолодало и стемнело. Но хотя солнце померкло и белёсая тьма покрыла землю, это никого не взволновало. Двери на террасу закрыли, зажгли свечи.

Баронесса обожала живой огонь, поэтому многие помещения замка не имели электрического света, а освещались канделябрами. Воздух стал густой и золотистый, как на старинных картинах; появился запах воска и ароматических трав. Похоже, большинство присутствующих разделяли пристрастия Селин Вальмонт.

Многим было весьма уютно в такой обстановке, но не Максиму. Он наблюдал, как армия теней появилась в зале, выйдя из глубокого мрака в углах и развёрстой чёрной пасти камина. Воины этой армии то убегали назад, то вплотную приближались к столу. Тогда в зале темнело. Ложась на предметы и людей, мрак принимал причудливые очертания. Казалось, чьи-то огромные скрюченные пальцы тянулись к сидящим за столом. Воображение, прояснённое алкоголем, отчётливо понимало, что где-то в мрачной глубине этой набегающей темноты жили чудовища. Подкравшись ближе, одна из чёрных теней неожиданно прыгнула, замахнувшись своим крылом, ставшим похо-

жим на топор. Пламя свечи колыхнулось, и фантом отлетел, словно получил увесистый пинок под зад.

Председательствующий громко кашлянул. Установилась тишина. Все тревожно и с удивлением посмотрели на Анри. Непохоже было, что тот простыл. Выглядел он, конечно, немолодо, но с учётом возраста — просто великолепно. Многие помнили барона ещё министром в довоенном правительстве Шарля де Голля. Тогда он выглядел хуже. Возможно, работа утомляла.

— Итак, — сказал барон, — предлагаю выпить за человечество. Хорошие в целом были люди.

Молчание прервал господин в иудейской кипе, рав Штейн, знаменитый каббалист, наставник многих американских звёзд и русских олигархов, выглядевший экстравагантно со своей семитской внешностью, пышной бородой и густой белоснежной шевелюрой. Он был похож на патриарха Авраама, появись тот перед гостями в светлом костюме от «Бриони».

— Что случилось в этот раз? Говорите, не томите. Вне замка уже пустота? Звёзды осыпались, реальность растаяла?

Все осторожно посмотрели в сторону террасы. Там прямо за стеклом стоял белёсый туман. Свет с улицы почти не проникал, а тот, который просачивался, был слабым, бледным и болезненным. Снаружи — ни стрёкота, ни чириканья, ни жужжания. Пёстрые компании птиц, словно по команде, прекратили свой дебош и затаились. Полчища насекомых укрылись. Рыбки уснули в пруду, звери, если предположить их наличие, затихли в саду. Разговоры за столом смолкли, словно все ждали, что будет дальше. Белая стена заслонила зыбкую реальность. Закутанный в туманную пену замок был похож на ёлочную игрушку, обёрнутую в вату и оставленную на чердаке вселенной.

Максим поёжился от назойливых мурашек, ползущих по спине. Неприятная тишина завладела сознанием, на краю которого тонкая пронзительная нота, застрявшая в ушах, высверливала мозг. Возможно, это репетировал Архангел, готовясь к выступлению с Трубным Гласом.

Довольный произведённым эффектом, барон пояснил:

— Это лишь туман. В жаркие дни такое здесь случается часто.

— А я полагал, что Апокалипсис давно уже наступил, — как ни в чём не бывало продолжал неуёмный рав Штейн, сверкнув глазами, где жила тайна библейского народа. — За последние три года от стихийных бедствий, болезней и войн пострадала треть населения земли — около 2,7 миллиардов.

— «И освобождены были три Ангела, приготовленные для того, чтобы умертвить третью часть людей», — проговорил мужчина, одетый в простую чёрную сутану — отец Антоний, один из наиболее влиятельных людей в Ватикане.

— Четыре ангела, — тихо поправил его сидевший рядом.

— Три, — не глядя на оппонента, настаивал Антоний.

— Пусть будет три с половиной ангела, — примирил спорщиков барон.

— Помню, в Средневековье чума выкашивала пол-Европы. Все тоже кричали, что наступил Апокалипсис, — произнёс древний старец, сидящий в группе таких же почтенных гостей.

Те выглядели как трупы и дремали, закрыв глаза, открывая их только навстречу новой порции алкоголя. Наверное, смерть давно махнула на них рукой.

Максим подумал, что Гоголь был прав, и некоторым лучше не поднимать веки, чтобы не обнаружить, что мир намного загадочнее и страшнее, чем мы его обычно представляем. Их руки, лежащие на столе, не хотелось разглядывать. Он вообще не любил все эти колдовские штучки со сплетением перстов в магические фигуры. Тем более он видел, на что способны эти на первый взгляд немощные старики, увешанные древними цепями с амулетами и перстнями, надетыми на тонкие узловатые пальцы с длинными острыми ногтями.

Дети помнят отголоски этой древней магии. Они показывают недругу «фигу», когда хотят, чтобы тому чего-то не досталось. Они скрещивают за спиной пальцы, чтобы их ложь осталась тайной. И только дети знают, что это колдовство — работает. Став взрослыми, мы забываем о всяких глупостях, как забываем труднообъяснимые и неприятные события.

— Всё так. Человечество не раз переживало скверные времена, — согласился барон Анри. — Можно не обращать внимания на растущее с каждым годом количество землетрясений,

ураганов, наводнений и эпидемий. Забудем, что в результате сдвижек земной коры в ближайшее десятилетие может исчезнуть Япония, а возможно, и часть Северо-Американского континента.

— Бог с ней, с Японией, — устало согласился старец.

Барон задумчиво взглянул на него, но ничего не сказал и продолжил:

— Не будем обращать внимания на стремительно меняющийся климат. В конце концов, в Средние века в Европе зимой всегда были заморозки и снег. Как говорил царь Соломон, всё, что есть, уже было.

— В чём проблема? — спросил рав Штейн, так, что все сразу поняли: проблема есть.

Тут барон Анри обвёл всех взглядом. Глаза его сияли.

— Пора катить каталку в морг, — счастливо объявил он. Заметив, что не все уловили смысл, пояснил: — Мир давно болен. Кряхтит, охает, жалуется. Мы привыкли, лечим. Помните, когда повысилось давление внутри земной коры и планета готова была расколоться, а Америка рухнуть в бездну, — мы сделали удачную клизму? Вулкан, как бы это деликатнее выразиться, взорвался. И всё стало хорошо. Недовольны были только некоторые авиакомпании, которым закрыли небо из-за пепла в атмосфере.

— Разве в наше время дождёшься благодарности от человечества? — проворчал один из старцев.

— Сейчас ситуация изменилась. Больной умирает, а симптомы спутаны. Хороший врач предположил бы, что пациента кто-то планомерно травит ядом. Как расплодившихся крыс. Только в данном случае речь идёт о цивилизации. Это ощущение появилось у меня пару недель назад. А вчера эта информация подтвердилась...

Отец Антоний многозначительно кивнул:

— Говорят, что наверху... — он возвёл глаза к потолку, вступил в невидимый диалог с люстрой и перекрестился, — ...объявили, что человечество решено уничтожить.

Анри Вальмонт тоже взглянул на потолок. Не углядев ничего подозрительного, продолжил, но теперь слова звуча-

ли грозно и торжественно, словно каждое было с большой буквы:

— Со вчерашнего дня связь с высшими мирами потеряна. Человечество оказалось брошено Создателем.

Заговорили все разом:

— У Иова поначалу тоже не всё заладилось. Потом обошлось.

— А у Иисуса не обошлось.

— Но он воскрес.

— «Чаю воскресение мёртвых...» — запел незнакомый бас.

— Кто ел из моей тарелки?!

— Аминь, — провозгласил барон. — Тут некоторые считают Господа шутником. Мол, промурыжит, да и простит. Мы не склонны упрощать.

— Срок объявлен? Сколько у нас времени? Пару минут, а может, месяц или год, а может, несколько тысячелетий? В последнем случае всё не так уж и плохо... — подал голос Стефаньоли.

— То, что у Бога — один день, у людей — тысячелетие, — поддержал его отец Антоний. Говоря это, он сложил вместе кончики пальцев, словно собирался помолиться.

— Можно мне? — Максим поднялся.

— Говори, — милостиво кивнул Анри.

— Я тут с пророком Моисеем беседовал, — скромно сказал Максим, удивляясь идиотизму, с которым звучали эти слова. — И у меня не сложилось ощущения, что решение принято окончательно. Может быть, речь идёт просто о сокращении численности населения. Тут много вариантов. Например, уменьшение рождаемости...

Неожиданно Максима поддержал мрачный парень с гладко выбритым черепом, сидевший напротив. Кажется, его звали Вадим. Рассказывали, что он — безжалостный маг с чёрной душой. Понятно, человека с такой причёской не разжалобишь, даже если ты сирота, твой папа — спившийся наркоман, мама — балерина со сломанной ногой, а бабушка одиноко живёт в лесу без горячих пирожков.

— Сейчас людей около семи миллиардов, — заявил парень. — «Сверху» идёт информация, что людей должно быть как минимум в два раза меньше.

— Это понятно, — поморщился барон. — Все знают, что мы работаем над понижением численности. Стараемся сделать это мягко, без глобальной войны, чумы или холеры. Локальные войны, регулируемые эпидемии. Снижение рождаемости, как правильно заметил месье Михайлов...

— Такими темпами вы будете это делать столетия, — угрюмо добавил Вадим.

— Значительно быстрее, — возразил похожий на Мефистофеля хирург. — Прививки, которые мы ввели в Африке, практически убивают способность к деторождению.

— Одновременно увеличивают продолжительность жизни, — не согласился Вадим.

Стефаньоли поддержал его:

— Синьор Кротов прав. Надёжнее — пропаганда безопасного секса и однополые браки.

Максим не любил эти рассуждения о регулировке популяции. Конечно, человечество размножилось. Более того, уничтожило биологическое равновесие планеты. Но судить о людях как о стае подопытных животных... В душе разгорался протест, который в данном случае уместно было затушить большой порцией алкоголя.

Откуда-то из внутренних комнат замка вышла собака, породистая и старая. Она долго выбирала место, обходя гостей, потом уселась рядом с Максимом. Внимательно посмотрела ему в глаза и кивнула, давая понять, что полностью с ним согласна. Взгляд умной псины был грустный. Наверняка она понимала, что опоздала к обеду.

В разговор вступил Джеральд Стражевски, высокий элегантный мужчина. Его длинные, густые, слегка вьющиеся волосы с серебристой сединой придавали облику определённый артистизм. Он был известен как страстный любитель классической музыки эпохи барокко, спонсировал несколько музыкальных коллективов, играющих на оригинальных инструментах того времени. В США владел радиостанцией, передающей классику. Сам неплохо играл на виолончели.

И мало кому было известно, что в прошлом он, высокопоставленный офицер ФБР, повидал много такого, что и не сни-

лось иным меломанам. Затем обнаружил, что зависимость «где серьёзное преступление — там сотрудник ФБР» справедлива и в обратном порядке... После какой-то запутанной истории умыл руки, ушёл в отставку и купил виолончель. Жил одиноко — все друзья давно убиты или в тюрьме. Только очень внимательный человек мог заметить в глазах этого признанного в мире музыкального мецената острые ледяные клинки. Наверное, таким взглядом можно было бы проткнуть металлическую кольчугу.

— Если прав наш уважаемый месье Анри Вальмонт, а он всегда прав, — церемонно начал Джеральд Стражевски, — то дискуссия о снижении численности не имеет смысла. Не может ли господин барон пояснить, что ещё ужасного происходит в мире. Почему возникло мнение, что дни человечества сочтены?

— Конечно, — согласился барон. — Молитвы обычных людей не получают никакого ответа. Причём для нас с вами высшие силы закрылись с сегодняшнего утра, но для обычных верующих эта история началась уже более двух недель назад.

— И об этом никто не сообщил, — темпераментно завёлся Стефаньоли, который, похоже, забыл, что здесь не итальянский парламент. Но, взглянув в добрые глаза барона, сразу вспомнил и принялся, ворча и похрюкивая, доедать что-то с тарелки.

— Думали, что это явление носит случайный характер, — сухо молвил барон. — Но потеря связи и нами говорит, что происходит нечто серьёзное и глобальное. Последние дни большинство мест силы начинают резко менять свои свойства. В Лурде гибнут больные, приехавшие за исцелением. На озере Лох-Несс произошла череда несчастных случаев. Несколько человек подхватили неведомую болезнь в Стоунхендже. В Иерусалимском храме Гроба Господня только за вчерашний день зафиксировано восемь инфарктов. В Тибете вообще случилось такое, что к ночи лучше не рассказывать.

— В Божьих храмах и святых местах творится невозможное, — подтвердил отец Антоний. — Священники предаются противоестественному разврату. С отроками...

Отец Антоний всегда произносил именно эту фразу, которую присутствующие слышали не раз. Возможно, такие слова говорили вереницы его предков от первосвященника Каифы, завещав благочестивому потомку. Все благожелательно выслушали знакомый тревожный монолог. Действительно, нравы портились. С этим не поспоришь.

— Не может быть! Уже полмесяца! — негромко сказал Вадим.

Гости сделали вид, что не расслышали.

Отец Антоний невозмутимо продолжал:

— Верующие ищут чуда и не могут обрести. Чудотворные иконы, святые мощи, мироточивые образа — всё вдруг перестало работать. Паства ропщет.

— Какой ужас, — опять негромко сказал Вадим.

Барон строго на него посмотрел. Он благосклонно терпел вольнодумство, если не очень зарываться. Сидевшая рядом с Вадимом девушка — кажется, её звали Ольга — дёрнула того за рукав.

— Очень плохие прогнозы у астрономов. Откуда-то из недр вселенной выныривают крупные метеориты, траектория которых пересекается с Землёй. Часть удастся сдвинуть взрывом на подлёте... Но всё это ненадёжно. Приближается комета, которая веками норовит зацепить нашу планету, — сказал известный астрофизик, до этого не привлекавший к себе внимания.

Неожиданно в разговор вступила баронесса Вальмонт:

— Возможно, что у высших сил есть несколько вариантов судьбы человечества. У них часто нет единодушия в своих решениях. Например, полное уничтожение в результате космической катастрофы, что-нибудь вроде столкновения земли с астероидом. Но может существовать и «мягкий» вариант — частичное уничтожение в результате природного катаклизма, эпидемии, глобальной ядерной войны, на пороге которой мы уже стоим.

Максим сделал очередной глоток из бокала. Собака укоризненно посмотрела на него. Видимо, хотела сказать, что он выпил вина столько, что можно было бы отравить половину Франции, и пора заканчивать. Подвинув салфетку, Максим заметил,

как кто-то проворно юркнул из-под неё и спрятался за тарелкой. Похоже, собака была права. Из-за двери, из мрачных каменных галерей, послышался чей-то вскрик. Или это был стон, а возможно, просто таинственный шорох. Воображение, отодвинув в сторону трезвый разум, поспешно искало на ковре хотя бы один труп. Не найдя его, пришло к выводу, что труп только что спрятали, а кровь смыли.

София, сидевшая рядом, к еде не притронулась. Грустно видеть, как трезвый человек сидит в стороне от доступных наслаждений.

— Радуйся, благодатная, — обратился к ней Максим. — Хлебнём терпкого вина...

— Ты уже много выпил.

Максим задумался, пытаясь определить, куда девушка клонит. Наконец понял и аргументированно возразил:

— Гости приходят трезвыми, а уходят пьяными. Это вселенский закон, такой же незыблемый, как то, что солнце всходит на западе, а заходит на востоке.

— Ты догадываешься, для чего мы здесь?

Он не уловил смысла вопроса. Женская логика часто непостижима.

Максим давно уже потерял нить дискуссии. Кто-то с кем-то спорил. Кого-то в чём-то убеждали. Всё это суета сует. Главное уже было сказано. Гораздо интереснее было наблюдать за таинственным прытким существом, прячущимся то за ломтиком лимона, то за краем тарелки. Собака тоже с интересом следила за этими стратегическими манёврами. Неожиданно он поймал взгляд Ольги:

— Вас, кажется, зовут месье Максим Михайлов. Вы — тоже из России. Рада познакомиться.

Максим сообразил, что обращаются к нему. К тому времени они с собакой уже поймали таинственную юркую тварь, накрыв её блюдцем для хлеба. Осталось только аккуратно приоткрыть. Однако пришлось оставить «юркого» в покое. Из-под салфетки донеслось тихое «Аллилуйя». Сфокусировав взгляд на собеседнице, Максим подтвердил, что считал минуты до встречи.

Ольга выглядела очень заурядно, но лишь до тех пор, пока ей не заглядывали в глаза. Наверное, для многих этот момент прозрения был последним мигом в жизни. И, кажется, работает в паре с Вадимом, тоже убийца и боевой маг. Порядочная ведьма, говоря по-простому. Не прибавилось ли у него седых волос за тот миг, когда их глаза встретились?

— Свет внутри меня приветствует твой свет, — на всякий случай заявил он.

— Наверное, имелось в виду приветствие джунглей: «Мы с тобой одной крови, Я и Ты», — улыбнувшись, девушка показала острые крупные зубы, отчего стала похожа на неотразимую пантеру. — Но, так или иначе, формула любезности принята. Хотя полагалось бы добавить жертвоприношение в виде буйвола.

Пока Максим разыскивал на столе буйвола, ужин плавно подошёл к той точке, когда от устриц остались только пустые раковины. Их унесли, вино сменили. Теперь это был мускат, кажется, с южного побережья. К нему подали лимонный шербет, призванный очистить вкусовые рецепторы перед вторым блюдом.

Разговоры стали тише. Мускат оказался вкусным, но крепким. Максим продолжил активную дегустацию, поскольку не хотел принимать участия в дискуссии, когда полсотни решали судьбу семи миллиардов. Или делали вид, что решали. Алкогольное опьянение — отличное алиби и возможность сохранить мнение при себе. Тем более что это можно документально подтвердить, ведь в замке осуществлялось сканирование каждого из присутствующих. Автоматическая система фиксировала параметры психологического состояния человека: частоту пульса, температуру, тепловую картину тела, интенсивность потоотделения и множество других факторов. После чего создавался цветовой образ эмоций. Похожей системой безопасности оборудованы некоторые аэропорты. Зелёная аура говорила, что человек находится в обычном состоянии повседневных забот. Мелочи жизни забивают его мозг, как грязная вода сетку фильтра. Неординарные поступки сюда не просочатся. Жёлтая указывала, что пассажир сильно нервничает, но не представляет опасности для окружающих, поскольку это связано с повы-

шенной возбудимостью, свойственной самому объекту. Он вечно недоволен миром, в котором находится. Вокруг слишком много идиотов. Ярко-жёлтая, с красными сполохами, намекала на добрую старую шизофрению, которая встречается в повседневной жизни сплошь и рядом. И это нормально.

Оранжевая аура обозначала возбуждение сексуального характера, но опасаться следует лишь дамам в чёрных чулках и коротких юбках. Специалист мог прочитать практически любую эмоцию на основании спектра её цветов. Опасность для окружающих представляли два цвета — красный и тёмно-фиолетовый. Красный подсказывал, что в эмоциях человека преобладают страх и агрессия. Конечно, возможно, что человек взбешён тупостью таможенников, жены, детей и сейчас он способен на неадекватный поступок. Фиолетовый говорил, что к агрессии и страху добавлена целеустремлённость, действие по заранее разработанному плану и готовность к смерти. Именно в фиолетовый цвет обычно окрашены эмоции террористов. Поскольку в замок ни шпионы, ни террористы не попадали, то система служила в основном для информирования барона и баронессы об эмоциях гостей во время дискуссии.

Ярко-синяя аура Максима сообщала, что он пьян и безразличен к окружающему.

Невелик грех. Максим жалел людей, особенно в конце первой бутылки. Жизнь их была трудна и полна несчастий. И вдобавок их безжалостно гнали по лабиринту судьбы... Все это чувствовали, и каждый был уверен, что судьба именно ему даёт по шее. Тезис «на всё Божья воля» не радовал. Поэтому Церковь придумала догму, из которой следовало, что всемогущий Бог не вмешивается в дела этого мира. Миром правит «дьявол». Люди восприняли новость с энтузиазмом. Приятно довериться специалистам. Ура! Царь — добрый, лишь бояре — воруют. Со временем версия «дьявола» обросла милыми подробностями. Его приспешниками оказались таинственные масоны, ужасные инопланетяне, злобные иноверцы или тайные общества, объединяющие бизнесменов и политиков...

По мнению Максима, единственное, что было верно во всех этих сказках, — миром управляли не только люди.

Однажды ему показали хранящийся в археологическом музее Иерусалима древний манускрипт. Этот свёрнутый в рулон пергамент из козьей кожи был найден в глиняном сосуде в пещере на берегу Мёртвого моря. На свитке была описана структура управления нашей цивилизацией. Лист изобиловал схемами и мудрёными названиями, разобраться в которых на трезвую голову было непросто. Другое дело сейчас.

Припомнилась непонятная сказка из посмертной тетради деда. Кажется, Иван-царевич куда-то ходил. Нет. Не царевич, а просто Иван. Максим попытался вспомнить детали и вопрошающе посмотрел на собаку. Та подняла мудрые глаза и, показалось, прошептала человечьим голосом: «В некотором царстве, в тридесятом государстве...» И вдруг Максим понял, о чём была эта сказка. Эзоповым языком дед изложил структуру управления мирозданием. Получается, что формула колдовства всё-таки имелась. Но чтобы понять её, требовалось повзрослеть, многое узнать и, вдобавок, встряхнуть мозг алкоголем. Отяжелевшие веки прикрылись сами собой и аккуратные строчки поплыли перед глазами:

КАК ИВАН ХОДИЛ К БОГУ СЧАСТЬЯ ИСКАТЬ

В некотором царстве, в тридесятом государстве жил-был Иван. Вроде бы не дурак, но, что бы ни делал, добра не нажил: не судьба. Вот и лежал на печи. Коза сдохла, корову воевода забрал. Бока сам отлежал, а плешь жена проела. День и ночь твердила: «Хватит на печи прохлаждаться. Сходил бы куда, денег попросил или пособие по безработице. Изба вон совсем развалилась, ремонтировать надо».

Долго ли, коротко ли, взял Иван у последней курочки последнее яичко и пошёл к священнику. Вдруг божий человек совет даст, где денег взять, а заодно и счастья добыть.

Святой отец яйцо взял, Ивана перекрестил. «Иди, — говорит, — к царю. У того денег видимо-невидимо. Даже воду из колодца не пьёт, а купцы привозят заморскую. Может, сжалится и тебе отвалит...»

Пришёл к царю. Начал издалека. Так, мол, и так. Всё вроде бы и ничего, но жена беспокойная досталась. Денег ей не хватает. Избу чинить. Дай, Христа ради! А?!..

Закручинился царь. Понял, что плохо Ивану. Вызвал воеводу.

— Деньги где? — строго спросил царь. — Вот, Ивану не хватает!

— Так третьего дня сдал, — изумился воевода.

— Кому сдал? — ласково поинтересовался царь.

Глаза воеводы сделались глупыми и стеклянными. Вытянулся он во фронт, каблуками щёлкнул, аж эхо по дворцу пошло:

— Виноват, вашбродь! Забыл, кому! Дурак, извините!

— Ну, иди, — милостиво разрешил царь. — Видишь, Иван, нет денег.

— Эдок как... — понял Иван.

Царь вдруг огляделся и, понизив голос, произнёс почти шёпотом:

— Про теорию заговора слышал?

— Не-а... — опешил Иван.

— Есть люди тёмные. Называть нельзя. Все деньги у них. Тебе к ним идти следует.

Закручинился Иван, буйну голову повесил. Пришёл к жене. Рассказал, мол, как оно, эта, вышло. Где тех людей, которых нельзя называть, искать?

А жена говорит:

— Не печалься, не тужи. Ложись-ка на свою печь. Утро вечера мудрёнее. А я схожу к Бабе-Яге. Уж она-то любое диво ведает.

Утром, только Иван проснулся, а жена тут как тут. Довольная, смеётся. Даёт Ивану клубок волшебный. «Иди, — говорит, — Иван, за клубком, он сам тебе путь-дорогу к людям тёмным укажет».

Собрал Иван котомку, за клубочком пошёл. Шёл лесами густыми, горами высокими и пришёл в страны заморские. Там, на озере волшебном, где вода словно зеркало, стоял дворец сказочный Чародея великого, называть которого нельзя.

Бухнулся Иван к нему в ноги:

— Скажи, где счастья взять? Живу плохо, коза сдохла, корову воевода забрал, жена денег просит. Помоги, мил человек.

Посмотрел на него Чародей глазами тёмными, всю жизнь Иванову, как в книге, прочитал да молвил:

— Знаешь почему царство «тридесятым» называется?

— Нет, — изумился Иван.

— Потому что трое внизу: церковь, царь и мы — чародеи. А над нами — десять сильнейших. Твоё счастье у них наверху спрятано.

— Кто же такие «сильнейшие», что над всеми вами власть держат

— Сам Владыка Бог со дружиною своею. Десять ликов Его живут на десяти небесах.

— Что за лики? — изумился Иван.

— Как бы тебе объяснить, чтобы ты понял...

Задумался Чародей, глядя в окно, и, наконец, спросил:

— Жена-то у тебя хорошая?

Удивился Иван извилистой мысли Чародея, но всё же ответил:

— Хозяйственная, в доме порядок. Огород справно держит. А крыша течёт, но это моя вина, — самокритично поправился Иван. — Что ещё... Кошку завела, когда коза издохла. Деньги требует, — вспомнил он.

Чародей довольно потёр руки:

— Ты сейчас рассказал про первый лик твоей жены. А расскажи, какая она, красивая?

— А то! Статная, ладная. Лицо нежное, розовое. Руки гладкие. Кожа бархатная. А коса... — Иван закрыл глаза, вспоминая суженую.

— Понятно. Сейчас мы говорим о втором её лике. Теперь расскажи, что она любит.

— Меня, наверное, — задумался Иван. — Детишек ещё хочет, но пока Бог не даёт. Любит, когда спинку ей щекочу. Вот так...

— Не показывай. Я понял, — отодвинулся Чародей. — Вот мы ещё один её лик узнали. А сердится как?

— Страшное дело. Бывает, подзатыльник даст, аж звёзды из глаз. Рука больно тяжёлая.

— Ещё один лик, — загибал пальцы Чародей. — Так и Бог: Добрый и Злой, Милостивый и Беспощадный, Безрассудно Любящий и Взвешенно-Расчётливый. Одним словом, Разный.

— Понял, — сообразил Иван.

— Да нет, не понял, — возразил Чародей. — Чтобы стало понятно, мы ещё о ней поговорим. Ладно?

— Чего же не поговорить.

Чародей посмотрел в окно. Небо с горами в озеро зеркальное гляделись, отчего казалось, что два мира перед глазами — один обычный, а другой перевёрнутый.

— Она — человек. Замужняя женщина. Ещё она может стать мамой твоему ребёнку, — начал быстро перечислять он. — Кроме того, крестьянка. Вдобавок, наверное, неглупая. Что ещё?

— В любви искусница, — не без гордости подсказал Иван. Он понял, сколь сложна и многолика его Варвара, простая, казалось бы, баба. А Бог! Голова закружилась.

Чародей остановился, давая собеседнику возможность осознать величие Божье. Потом добавил, вздохнув:

— Не стоит понимать мои слова как высшую мудрость. Я сам не уверен в правильности того, о чём говорю.

— Где же тогда Истина?

— Что есть Истина? — поправил Чародей.

— Где же те десять небес? Как попасть туда? Да и на котором счастье моё спрятано? — вернулся к сути Иван. — Вразуми, помоги...

— Помогу. Мил ты мне. Пять небес пройдёшь, а там налево, недалеко. Спросишь, словом... — ответил Чародей. Достал большой серебряный молоток да и тюкнул Ваню по башке.

Умер Иван. Да сразу и очутился перед вратами, где муж могучий да грозный стоял, ключом поигрывал.

— Куда путь держишь? — спрашивает.

— К Богу, счастья искать, — отвечает Иван.

— Ну, проходи.

Двери распахнулись.

А там — зала огромная, и народу видимо-невидимо. Сразу подскочил к Ивану кто-то резвый да такой быстрый, что разглядеть его никак невозможно. Только взгляд направишь — а того и нет уже. Рядом стоит. Туда смотришь, а он вновь пе-

редвинулся. И давай Ивану вопросы задавать. Мол, как зовут? Какого роду-племени? Отец? Мать? Брат? Был ли судим? Есть ли запрещённые к ввозу предметы? Цель визита?

Отвечал Иван честно, как на духу. И потому допущен был на небо первое, где размещалось «Королевство Исполнителей».

Небо там фиолетовое, а ангелов видимо-невидимо. Толкутся и жужжат, как шмели, только и слышно — «ж-ж-ж». Курьеры, курьеры. Тридцать пять тысяч одних курьеров. Иной раз и министр какой ангельский: «Ж-ж-ж...». Некогда им всем.

— Есть тут Бог? — спрашивает Иван.

Не отвечают. Лишь бегают кругами.

Спровадили Ваню на следующее небо, в «Королевство Приказов». Чинно и благородно всё устроено, столы сукном зелёным застланы, стены бархатом изумрудным крыты. Вежливо друг с другом переговариваются: «Будьте любезны, передайте распоряжение от 1278.67, А111АА-777. Если вас не затруднит. Сердечное спасибо». Ваня здесь не стал задерживаться, уж больно все важные.

Пошёл он дальше, в «Королевство Вечных Истин». Воздух там жёлтым искрится, тёплый, тяжёлый. Сидят мудрецы, книги читают, полотна да холсты расписывают, надписи сочиняют. Заглянул Иван через плечо одного мудреца, а перед ним картина нарисована, где человек с глазами огромными, то ли от испуга, то ли от счастья. А рядом подпись:

«Боитесь соловья-разбойника, Кащея Бессмертного и лиха окаянного? Хотите жить — не тужить? Пожалуйста! Все молитвы находят ответ. Только для вас. Мухоморы, трава-мурава да зелье заморское...»

Подошёл к другому, а у того ковёр белым выткан, а в середине квадрат чёрный и надпись:

«Не хотите видеть грешного мира? Обратитесь к нашим специалистам. Все молитвы находят ответ. Лишь слепота куриная даст избавление...»

Не дочитал. Тряхнул головой. Ничего не понятно.

— Бог-то где? — закричал Иван громко.

Сразу к Ване подскочили, строго так под локотки взяли:

— Чего орёшь, работать мешаешь?

— Помогите, нелюди добрые, — взмолился Иван. — Отправила меня жена к вам. Деньги ей нужны для ремонта дома...

— Не печалься, Иван. Не вопрос. Изволь, исполнена молитва. Твоя жена сейчас как раз страховку по смерти кормильца получает...

— Эх. Всё не так вы сделали, — сказал в сердцах Иван, пасмурней прежнего.

— Думай, о чём просишь.

— Я жаловаться буду. Челобитную Господу напишу, — скандалил Иван.

— Ступай. Пиши, — ответили и отправили Ивана на четвёртое небо, в «Королевство Гармонии».

Там в золотом тереме сидела Василиса Премудрая. Увидела Ивана, усадила за стол, выслушала, амброзией сладкой угостила.

— Да, — говорит, — бюрократы наши ангелы, черти такие. Нет времени, видите ли, вникнуть, понять суть молитвы. Норовят поскорее ответить, да и с глаз долой. Ты, Иван, правильно сделал, что ко мне пришёл.

Выпил Ваня напитка райского, чистого как слеза, весело стало. Поел, сплясал, на дуде сыграл. Потом сомлел. И чудится, что не Василиса перед ним, а мама его, Авдотья Егоровна — женщина строгая, правильная.

А то кажется, что басурманский хан перед ним. Улыбается в усы золочёные, а на голове шапка серебряная.

— Ты уж, добрый молодец, как-нибудь определись, — молвили все разом. — Кого видишь? Чего хочешь?

— Поцелуй меня, красна девица! — набравшись храбрости, отчаянно попросил Иван Василису. — Счастья очень хочется.

Та не устыдилась, прижала Ивана к сердцу, чмокнула в щёку так, что звон по хоромам пошёл. А потом загрустила и вздохнула:

— Почему вы все счастья ищете? Не обещали вам, что жизнь — блюдо с малиновым вареньем.

— И ничего нельзя сделать? — спросил упавший духом Иван.

— Пробуй... — туманно ответила та.

Только поблагодарил Иван девицу за хлеб-соль, за угощенье и слово доброе, как оказался на пятом небе, в «Королевстве Правосудия».

Никого нет, лишь весы огромные посреди красного макового поля стоят. На одной чаше грехи Ванины горою грязной свалены, на другой дела добрые лёгким пухом трепещут. Тяжела чаша грехов, перевешивает. Дурманит запах цветов кровавых. Испугался Иван, побежал дальше, поскользнулся, упал, очнулся в кровати белоснежной. Доктор рядом добрый, в костюме синезелёном. Повязку мокрую на лоб кладёт.

— Где я?

— В «Королевстве Милосердия». За тобой, Ваня, здесь ухаживать будут, а то, что неправедно жил, — не беда. Кто не без греха...

— А долго ль лечить будут? — ужаснулся Иван.

— Да сколько захочешь, хоть вечность...

Улучил Иван момент, когда доктор отвернулся, да и сбежал, как был, в одной рубашке белёхонькой. Бежит коридорами, да вбежал в комнату чёрную-чёрную. Видит, сидит там писарь за столом, в одеянии тёмном, траурном, голову патлатую смоляную клонит. Грамоты бумажные разглядывает да переписывает, а на Ивана не смотрит.

Оробел Ваня. Вдруг это и есть сам Господь всемогущий? Долго стоял, вечность, наверное. Наконец писарь поднял усталые красные глаза, и понял Иван, что это баба:

— Вам назначено?

— Чего? — совсем испугался Иван.

— Пропуск есть?

— Чего? — повторил Иван.

— Бюро пропусков внизу, — ответила и вновь погрузилась в бумаги.

Иван испугался, что будет стоять ещё вечность. И оказался прав. Наконец баба подняла усталые красные глаза, словно увидела просителя впервой:

— Вам назначено?

— Я к Господу, — зачастил Иван, — за счастьем! Коли хочешь меня палачом казнить, так я уже умер. Позволь лишь Самого узреть. Бог есть?

— Бога нет.

— А когда будет?

— Он Пребудет Вечно.

— А сейчас есть?

— Нет.

— Как нет?

— Не знаю, — утомлённо сказала. — Он Непознаваем, Непостижим, Есть и Нет, Всегда и Никогда, Тут и Нигде, Всё и Ничто...

— Господи, помоги! — взмолился Иван и заплакал горючими слезами.

Пала слеза на бумаги, и заверещала женщина:

— Грамоты не порть! Казённые! Иди к Главным, в «Королевство Чудес».

— Слава Богу — обрадовался Ваня — А где Главные?

— Здесь, — кивнула на странно сияющую в дальнем углу чёрной комнаты белоснежную дверь, перламутром да брильянтами украшенную. — Только там заперто. Всегда.

Неожиданно из-под двери показался кусок пергамента. Женщина-писец подскочила и принялась вытаскивать, проворно таща за край. Скоро у неё в руках оказался объёмный свиток.

Она бросила быстрый взгляд на текст и пробормотала смущённо:

— Иди уже, мил человек. Мне ещё переводить с басурманского. Понять бы ещё. Ведь и я по-ихнему не очень. Ох уж эти трудности перевода да разночтения...

Ваня на цыпочках подошёл к двери. И ничего не услышал.

Зато вдалеке увидел лестницу белокаменную, в высь уходящую. Как же он её сразу не приметил? Осторожно пошёл Иван по ступенькам вверх, и никто его не остановил.

Долго шёл Иван. Вокруг облака, ветер сказки нашёптывает. Ночью звёзды мигают. Наконец дошёл до двери царской, золотой, с узорами иноземными. Кажись, буквы написаны басурманские: точечки, палочки да загогулины. И даже объяснять не надо, что дверь эта — Главная, и Всемогущий там сидит.

Тихо, на цыпочках, подошёл Иван ближе, и дверь распахнулась. Оттуда — сияние яркое, без цвета и красок. Или, наобо-

рот, все цвета в нём собраны. Пусто в комнате, лишь трон королевский, да стол перед ним накрыт на три прибора. На тарелках лежат три хлеба. Откусил он от каждого хлеба по маленькому кусочку да и спрятался за дверь.

Вдруг прилетел орёл, за ним сокол, за соколом — голубка. Сели за стол кушать. И говорят между собой по-птичьи. Ничего Иван не понимает. Может, заметили, что хлеб почат. А может, о своём о чём толкуют. Вдруг видит: орёл ему крылом машет. Подошёл Иван. Опять ничего не разумеет: щебечут птицы, клювы разевают, головами вертят. «Чирик-чирик. Курлык-курлык. Тчщ-тчщ. Йуд-хей-вав-хей...»

Не умеют по-нашему. Рассерчал Иван, решил показать неразумным, как люди говорят. Сел на кресло царское, кулаки в стол, да и закричал в голос. Страшно получилось, сам себя испугался:

— Счастья пришёл искать! А его нет!

Испугались птицы, вспорхнули, улетели.

Сидит Иван на троне небесном, в сиянии грозном, из глаз молнии сыплются:

— Где тут Бог?!! — кричит. — Зря, что ли, я умер?..

И вдруг понесло его куда-то. Вокруг красное, чёрное, белое, липкое, кровавое. И закричал Иван:

— А-а-а-а!!!

И родился ребёнок, наследник у царя-батюшки. Иваном-Царевичем назвали.

Максим нарисовал вилкой на бесценной скатерти таинственный узор.

— Вот оно какое — загадочное «Дерево сефирот», — шепнул он собаке.

В это время человек, похожий на Авраама, опять нарисовался на фоне алкогольного тумана и с лёгкой улыбкой полных, слегка изогнутых губ внятно произнёс:

— Если я правильно понял, конкретных опасностей, грозящих мирозданию, не замечено?

В самых простых замечаниях рава Штейна чувствовалась ирония. Вдобавок, в силу национальных особенностей, он всег-

да формулировал вслух то, что у других пряталось на задворках ума. И этим изрядно возбуждал ситуацию.

Стараясь сделать это незаметно, барон бросил быстрый взгляд на жену, как запутавшийся артист с надеждой вглядывается в окошко суфлёра. Чем тут же привлёк всеобщее внимание к баронессе.

— То, что не проявляет себя явным образом, намного страшнее, — веско заметила мадам.

— Конечно. Вы абсолютно правы, — облегчённо согласился рав Штейн, кивнув официанту на свой опустевший бокал.

Многие последовали его примеру. После новых разъяснений обстановка стала совсем непринуждённой. Каждому хотелось внести свою лепту в планы спасения человечества.

Поэтому решили приступить к главному блюду: стейку из тунца минутной обжарки в сезамовых семечках и крупной морской соли. Сытый главнокомандующий — залог успеха военной компании.

После поддержки жены барон вновь обрёл уверенность, как военачальник, обнаруживший, что война чудесным образом выиграна:

— Предлагаю поручить разобраться с ситуацией оперативной группе в лице мадам Ольги Меретовой и месье Вадима Кротова.

— Поскольку реальной угрозы нет, группа должна быть усилена, — решительно заявил рав Штейн.

Барон внимательно взглянул на того, пытаясь обнаружить сарказм. Несколько секунд они не мигая разглядывали друг друга, словно дети, играющие в гляделки. Никто не дрогнул. Первой сдалась кукушка в часах. Она нервно выскочила и прокуковала ничью, затем повторила восемь раз для глухих.

Гости вздрогнули. Привыкнуть к страшным звукам механического чуда было невозможно. Да и выглядела птица ужасно: взъерошенные перья на голове, похожие на петушиный гребень, клюв, острый, как у дракона, длинный раздвоенный змеиный язык и глаза навыкате. Её «ку-ку» отдавало замогильным кашлем, а где-то в глубине механизма стонали, скрипели и рыдали поджариваемые грешники.

Немецкий часовщик Кеттерер, создавший подобные часы в начале XVIII века, первоначально задумал сделать главным действующим лицом петуха. Однако хриплое «ку-ка-ре-ку», похожее на кашель из утробы устройства, пугало посетителей. Пришлось делать более миловидную и простую в звучании кукушку, а часы с чудовищным петухом остались в единственном экземпляре в коллекции барона. Ему нравилось.

Прокашлявшись, птица сверкнула напоследок рубиновыми глазами, обещая страшную кончину всем присутствующим, и сгинула.

Девять часов. Максиму вспомнилось: «И сделалась тьма по всей земле до часа девятого, и померкло солнце, и земля потряслась, и камни раскололись, и гробы отверзлись, и многие тела усопших святых воскресли... и явились многим». Вновь взглянул на загадочных старцев. Те, похоже, дремали и не собирались своим явлением пугать живых.

Неожиданно баронесса горячо поддержала рава Штейна:

— Действительно, ситуация крайне серьёзная, и группу надо сделать максимально боеспособной. А ты, — обратилась она к мужу, — будешь лично контролировать всё происходящее. Это, конечно, потребует массу сил и времени, но кто говорил, что ноша твоя легка...

Барон заслушался жену.

— Усилим группу. Добавим мадам Софию Берзон и месье Максима Михайлова. Командир группы — мадам Берзон. Получается русскоговорящий коллектив, что, безусловно, поможет взаимопониманию. Пусть поедут в некоторые наиболее проблемные места. Разберутся. Попытаются восстановить связь с высшими силами.

В тишине, наступившей вслед за этими словами, все разглядывали избранных с состраданием и любопытством, как смотрят на безнадёжно больных.

Максим взглянул на пса. Тот пожал плечами. Новость не переваривалась. Мозг пытался отмахнуться от назойливого звонка будильника, возникшего на краю сознания. Речь барона казалась слишком сложной, лишь набор имён был смутно знаком. Проснувшийся разум не дал покоя. Он громко и настойчиво

стучал в сознание, словно подгулявший пьяница. Дебошира впустили, но потребовалось время, чтобы понять следующие слова Софии, пытавшейся что-то уточнить:

— Послушайте, в сказках такие задания называются «пойти туда, не знаю куда, и сделать то, не знаю что...»

— В принципе, так, — ответила за мужа Селин. — Привлекайте любую необходимую помощь. Можно сказать, что вся человеческая цивилизация — ваш действующий резерв. Когда дело касается высших сил, неизвестно, как может обернуться то или иное действие. Но что-то же делать надо. Возможно, вам надо просто «шевельнуть» систему. Когда это «не знаю что» случится, будем решать, что делать. Исходя из обстоятельств...

У Максима тоже имелись возражения. Хмыкнул. Вспомнил два-три слова, которые хотел немедленно применить. План был полон прорех, в каждую из которых можно было всунуть не только иголку, но и затолкать верблюда. Собака толкнула мокрым носом в колено, говоря «не связывайся». Максим промолчал и в благодарность за совет передал псине сыр со стола. Он стремительно трезвел.

— Полагаю, что это опасно, — вдумчиво молвил Бенедикто Стефаньоли, так что всем стало очевидно, как глубоко он вник в ситуацию. — Сделать то, не знаю что... Угадать правильные действия — непросто. Мы можем спровоцировать события только к худшему.

— Например? — спросила баронесса.

— Немедленный Страшный Суд и прочие малоизученные события, — ответил синьор Стефаньоли.

Барон Анри мрачно оглядел собрание.

— Если бы Бог ожидал от нас пассивной реакции, Он бы нас не создавал. Все присутствующие должны выполнять некую миссию. Выполнять, а не сидеть в тихом ожидании руководящих указаний. Мы никогда не узнаем логику «Высшего». Но существующая практика показывает, что присутствующие призваны участвовать как активная сторона.

Слова Анри звучали весомо и, словно молот, били в разум каждого.

— Я поддерживаю активные действия, — веско прорёк отец Антоний.

— И я, — отважно поддержал его рав Штейн и ещё несколько человек с противоположного края стола.

— Ну что, похоже, большинство считает, что группа должна приступить к заданию. А мы все будем помогать. И ждать, когда что-то прояснится...

— Будем надеяться, что к тому моменту человечество ещё будет существовать, — задумчиво произнесла Селин.

ГЛАВА 6.

В КОТОРОЙ МЫ ВНОВЬ ВОЗВРАЩАЕМСЯ В ПРОШЛОЕ (2000-Е ГОДЫ) И УЗНАЁМ, КАК МАКСИМ ПОЗНАКОМИЛСЯ С СОФИЕЙ И СПАС МИР

Остров Санторини плыл по водам, как уцелевший кусочек шоколадного торта, присыпанный сахарной пудрой из белоснежных домиков. Большая часть исчезла, взорвалась, улетела в небо, растаяла или была съедена злым и голодным великаном более трёх тысяч лет назад. Следы от мощных зубов тёмными расщелинами виднелись на вертикальных торцах трёхсотметровых скал.

Выеденное место, где образовался гигантский кратер, теперь захватило море. Там прятался вулкан-великан. Он дышал струйками пара и выглядывал чёрным глазом небольшого острова. Взгляд был недобрый, и все понимали, что рано или поздно очередной приступ ярости монстра, сидевшего под водой, всё же наступит. Временами великан вылезал и откусывал новый кусок суши. Тогда море бурлило, вспенённое зловонным дыханием, скалы пучились; осыпались в бездну выбеленные домики с синими ставнями.

Последний кровавый десерт случился в 1950 году. Жители знали, что однажды трапеза повторится, и вряд ли их известят любезным приглашением с указанием времени и формы одеж-

ды. Однако человек — великий оптимист. Совершенно точно зная, что умрёт, каждый с маниакальным упорством и детской верой в чудо надеется, что его-то судьба пощадит. Бог не выдаст, дьявол не съест.

Островитянам казалось странным, что другие люди, живущие на материках, не чувствуют, что смерть — это и есть конец света, приходящий индивидуально к каждому. Тогда гибнет вселенная, существующая в нашем разуме: леса, поля, закаты и восходы, друзья и близкие. Иисус говорил апостолам, что каждый из них узрит конец света. Эти слова часто вменяют христианам как несбывшееся пророчество. Однако, возможно, Сын Божий был, как всегда, точен и просто не обещал ученикам бессмертия в этом мире.

На острове слова молитвы «Да минует меня чаша сия» приобретали вполне конкретный смысл, поэтому каждый благополучно прожитый день завершался своеобразным ритуалом — мистерией заката. Солнце, бесстыже палившее весь день, к вечеру обычно стеснялось, краснело и норовило сбежать с небосвода. Тысячи людей собирались в орлиные гнёзда сотен баров, словно в церковь на вечернюю литургию. Висящие над обрывом террасы были обращены на закат, туда же смотрели глаза всех собравшихся — как на неведомый лучезарный алтарь. Но вместо священника прямо перед алтарём из моря поднимался чёрный глаз вулкана. Он недобро глядел на людей, попыхивая своим смрадным кадилом.

Церковным хором звучала музыка. В каждом баре она была особая. Для закалённых ветеранов звучала бессмертная классика. Для взвинченных юных душ — нью-эйдж с ритмикой бьющегося сердца и трепетом натянутых нервов. Для анархистов-пофигистов включали старый добрый рок. Иные предпочитали любовные стоны саксофона.

Самое высокое кафе острова, где сидели Максим и Селин, висело почти у Престола Господня, чудом прилепившись к отвесной скале. Наверно, здесь собирались только ангелы и демоны. Максим взглянул на собеседницу, пытаясь понять, к какой категории они принадлежат. Та пригубила «Королевский Кир» из шампанского со смородиновым ликёром.

Глаза скрывались за солнечными очками, на шее невесомой паутинкой клубился белоснежный шарфик. Не определившись, отвёл взгляд.

Столик стоял прямо у парапета. Виноградные лозы увивали террасу ажурным сводом с тяжёлыми гроздьями чёрных ягод. Среди них странно сияли маленькие отблески заката — красные лепестки роз. Чёрное и красное. Жизнь и смерть. Розы были отданы людьми на заклание. Вредители-насекомые поедали нежные цветы, не трогая виноград. Невинные агнцы жертвовали собой ради будущего вина — «Крови Христовой». Наверняка для них найдётся место на райских клумбах.

Вспыхнул прощальным золотом далёкий крест на синих куполах маленькой церквушки. За ним открывалась пугающая и завораживающая панорама моря, от которой захватывало дух и хотелось присесть поближе к надёжному полу, чтобы не оказаться унесённым туда, в эту бездну, у которой действительно не было дна...

Преображённая мистерией реальность выглядела необычно. Даже горизонт, этот недосягаемый ориентир, прямой и неизменный, всегда на своём месте, вдруг запрыгнул куда-то ввысь и висел прямо перед глазами, словно только что отхлебнул из всех бокалов собравшихся гостей. Вслед за ним и море встало дыбом, отчего око вулкана на маленьком острове было не где-то далеко внизу, а страшным образом разместилось почти напротив, не мигая уставившись глаза в глаза. Кто первый моргнёт? Явно не баронесса.

Несмотря на вечер, было жарко, и Максим с удовольствием чувствовал морозную свежесть и сладкий вкус любимого коктейля «Александр». Мир, в который нас запихнули, был бы совсем неплох, добавь Господь больше шоколада в рецепт вселенной.

— Вообще-то это женский коктейль, — прервала молчание Селин. — Он был придуман для королевы Англии и назывался «Александра». Но почему-то полюбился многим мужчинам, после чего имя чуть подправили.

Закат наступал, меняя краски, успокаивал, смягчал цвета и контрасты. Тени удлинялись и таяли в общей дымке. Дневная

тревожность под воздействием алкоголя уходила. Казалось, мир постепенно прятали за старинное золотистое стекло.

Максим подумал, что в драматургии перед кульминацией происходит момент расслабления. Возможности нервной системы не безграничны. Поэтому натянутые нервы следует слегка отпустить, прежде чем безжалостно затянуть вновь.

Тысячи людей любовались закатом, а из невидимых песчаных часов неумолимо утекало время. Каждую секунду. Оставалось уже менее тридцати часов до катастрофы. Почему Селин ничего не предпринимает?

Солнечный диск неумолимо приближался к горизонту. Вселенная приступила к развязке. Из динамиков зазвучала тревожная скрипка, к ней добавились всхлипы флейты. Музыка обволакивала, возбуждая трепещущие клетки тела. Наконец солнце коснулось моря. Мир вспыхнул оранжевым сиянием, воды превратились в жидкое раскалённое золото. На поверхности заплясали бусины жемчужной ряби, рассыпались на миллиарды искр и затем медленно растворились в лаве расплавленного металла.

Зрители замерли, перестав говорить, смеяться и даже шевелиться.

«Что произойдёт сейчас? — подумал Максим. — Море вздуется ослепительным огненным пузырём, земля содрогнётся, звёзды осыплются, и галактики раскалённой россыпью побегут друг от друга?»

Взрыва не случилось. Алый диск солнца безвозвратно утонул в темнеющем море. Жизнь продолжалась. Вновь зажужжал многоголосый людской хор. Люди делились друг с другом пережитыми ощущениями. Раздались аплодисменты. Как в театре после окончания спектакля. Но солнце на бис не появилось. Оно уже помолилось и легло спать, погасив свет и подоткнув одеялко.

Быстро темнело. Вокруг зажигались разноцветные огоньки. После заката пейзаж стремительно менялся. Луна запаздывала на работу. С ярко освещённой террасы бара море казалось просто бархатной темнотой, загородившей полнеба. На сцену опустился чёрный занавес, расшитый блёстками звёзд.

Но Максим был уверен, что за занавесом что-то готовится. Первое действие закончено, начинается второе.

Свет от мечущегося прожектора на мгновение ослепил. Возникло чувство, будто за ним наблюдают. Так и есть. У столика кто-то появился. Девушка, невысокая, хрупкая и пропорционально сложённая. Худенькое гибкое тело, точёные округлости которого сразу уводили от мысли, что перед тобой подросток. Даже беглый взгляд ловил женственный изгиб бедра, волнующие линии стройных ног. Её волосы были ярко-золотого цвета, как уцелевший кусочек скрывшегося солнца. Простое бежевое платье, чудесные белые зубы. Детские веснушки около тёмных умных глаз рано повзрослевшего ребёнка.

Максим подумал, что момент её появления был выверен идеально. Он оценил профессионализм режиссёра: смертельная опасность в качестве завязки, немного алкоголя, успокоившего напряжённые нервы, музыка и романтичный закат. И встреча с прекрасной незнакомкой.

«Она играет жизнью и людьми», — подумалось о Селин. При этом он понимал: цель достигнута, если в её театре было задумано, чтобы девушка произвела впечатление.

— Обещанный сюрприз! София, — представила незнакомку баронесса.

— Привет, — произнесла София. Её голос был вполне обычным.

Максим привстал, помогая подвинуть свободный стул.

— Максим Михайлов, из России.

— Ух ты! Очень приятно познакомиться, — она улыбалась, беззастенчиво разглядывая нового знакомого.

Рядом со столиком появился официант, так быстро, словно весь вечер просидел в засаде.

— Что будете пить? — любезно уточнил он тем особым тоном, которым говорят официанты всего мира.

— «Пина Коладу», — заказала девушка, не заглядывая в меню и забавно сморщив лоб. Потом повернулась к Максиму: — Как остров?

— Приглядываюсь.

— Здесь первый раз?

— Да, сегодня прилетел с Миконоса. Мадам Вальмонт любезно предложила мне место в самолёте, — произнёс Максим и сразу понял, что ей это известно.

«Наверняка многое обо мне знает. Сейчас мы просто говорим обязательные вежливые реплики. А если уйти от сценария?» — подумал он и произнёс, глядя в наивно-ангельские глаза:

— Вам не страшно? Подвергать себя смертельной опасности, такой молодой и красивой?

Похоже, попал. Такой бестактный вопрос не был предусмотрен. В спектакле случилась заминка.

— Всё будет хорошо, — наконец произнесла девушка, удивлённо вскинув брови и глядя не на Максима, и даже не на Селин, а в сторону, словно за столом сидел кто-то ещё. Улыбнулась, словно возможность умереть показалась забавной.

Теперь все ждали его следующих слов. Мир вокруг попал в водоворот ожидания. Музыка повторяла уже звучавшую мелодию, мужчина за соседним столиком в который раз давился лающим смехом, словно кукушка в сломанных часах. Так бывает, когда актёр вдруг забыл слова и заполняет возникшую паузу какими-то ничего не значащими репликами. Но и артисты, и зрители ждут от него той единственно правильной фразы, после которой сюжет пойдёт дальше.

София подпёрла подбородок обеими руками каким-то детским движением и сидела, капризно надув губы, смотря мимо.

«Зачем валяю дурака? — подумал Максим. — Хулиганю в театре мироздания. Пьеса уже написана, у семи миллиардов комедиантов утверждены роли. Что будет, если я начну портить спектакль, ставить подножки актёрам, изрекать чужие реплики? Подскочит пара демонов и выведут во тьму внешнюю. Чур меня, ведь игра так интересна. Пора говорить правильные слова».

— Закат был красив, — значительно, словно пароль, произнёс он.

— Жаль, что я опоздала, — отозвалась София, как будто сообщая отзыв.

Мир ожил. Спектакль продолжили с прерванной сцены. Сосед наконец пролаялся, и заиграла новая мелодия. Официант принёс поднос с коктейлем и графин со льдом. Не поднимая глаз, проворным движением поставил всё на стол, зажёг свечу, укрепив в глиняной подставке, и, обозначив вежливый поклон, вновь исчез. Бокал был украшен ломтиками ананаса и присыпан по краю, словно инеем, стружкой кокоса.

София провела соломинкой по взбитой пене и облизала её. Получилось довольно сексуально.

— Откуда вы приехали? — спросил Максим.

— Я? Из Израиля, но родители из России. Они эмигрировали в восьмидесятых, а меня аист притащил прямиком в иудейскую пустыню.

— Говорите по-русски?

— Конечно. Хотя, честно, так-сяк, я не ощущаю русский родным языком.

— В России бывали?

— Пару раз. Понравилось, хотя многое непонятно.

— Что именно?

— Понимаешь, у вас в людях есть какой-то постоянный надрыв. Вы не живёте, а собираетесь жить. Потом. Когда закончится борьба с врагами, с болезнью, с нерадивым начальством, просто с дураками, которые везде, или ещё с кем-то или чем-то. И эта борьба отнимает всё время и не кончается до самой смерти. У вас даже пенсионеры ведут последний отчаянный бой...

София замолчала. Потом добавила, виновато улыбнувшись, словно извиняясь за свою откровенность:

— Лучше всех умеют жить французы. Они понимают, что неурядицы — и есть жизнь. С ними не надо бороться, а следует наслаждаться, пока они есть. — Она сделала глоток и добавила: — Даже когда чувствуем боль, нужно радоваться тому, что у нас есть тело, способное ощущать. Тогда эти неприятные воздействия превратятся в экзотические переживания.

Максиму показалось, что последняя фраза несколько оторвана от беззаботного образа, который создаёт её внешность.

Снова пауза. Крохотные мотыльки и мошки отчаянно сражались с колеблющимся огнём свечи.

— Где работаете сейчас?

— Ой, где только не работала. Сейчас в одной компьютерной фирме.

Чуть заметный ветерок принёс с моря прохладную свежесть. Видно было, что обе женщины наслаждаются тёплым вечером и вкусными напитками. В часах упало ещё несколько песчинок.

Максим подумал, что надо быть совершенно уверенным в возможности предотвратить катастрофу, чтобы вот так спокойно радоваться жизни. Может быть и наоборот: так смакуют каждую секунду именно перед смертью. Он запутался.

Селин сидела, слегка наклонившись в его сторону.

— Время — понятие сложное. Если нужен результат, ничего не надо делать впопыхах.

Переходу на новую тему недоставало логики, если не знать, что мадам читает чужие мысли.

— Всему своё время, — между тем спокойно продолжала Селин. — Время пить коктейль, и время спасать мир.

— Когда начнём вторую часть? — поинтересовался Максим.

— Давай завтра, — ответила София.

— С чего начнём? Может быть, с вулкана?

Баронесса задумалась, а затем решительно сказала, словно подводя итог:

— Начните с археологической зоны в местечке Акротири. Это на юго-западной оконечности острова. Там и встретитесь, у входа, часов в десять. А сейчас всем лучше отправиться отдыхать.

— Можно назначить встречу пораньше, — то ли спросил, то ли предложил Максим.

— Завтра понадобится свежая голова. Надо выспаться. Бывает, что на новом месте плохо спится.

Максим подумал, что эта женщина привыкла командовать, потому что все кажутся ей подростками не старше десяти лет.

Когда он добрался до своей гостиницы на плоскогорье в центре острова, было уже около полуночи. Колдовское время, ког-

да всякая нечисть торопится на работу. Вампиры оставляют уютные гробы. Ведьмы накладывают последний макияж, сидя на мётлах. Проспавшие вурдалаки звонят начальству, сообщая, что застряли в пробках и будут с минуты на минуту. И лишь порядочных людей отправляют спать, даже если до мировой катастрофы осталось чуть больше суток.

Максима поселили в небольшом одноэтажном домике, состоящем из гостиной, спальни и открытой террасы с джакузи. Тихое место в стороне от центральной части отеля. Говорили, что в этом номере останавливалась Анджелина Джоли во время съёмок фильма «Лара Крофт: Расхитительница гробниц». Её фотография стояла на комоде в прихожей.

Просторную террасу обнимала невысокая изгородь из стриженых кустов, за которой днём можно было видеть бескрайнюю, заросшую травой пустошь. Но сейчас любоваться было нечем. Луна и звёзды попрятались. Вокруг царила непроглядная мгла, лишь лёгкий ветерок доносил загадочный и тревожный запах незнакомых цветов. Где-то далеко мерцал единственный огонёк, похожий на слабый свет карманного фонаря. Огонёк не двигался. Значит, его владелец стоял неподвижно.

Максим представил актрису здесь ночью. Одну. Отважная, должно быть, женщина.

Неожиданно в углу террасы послышался неприятный шорох. Не было бы преувеличением назвать его зловещим. Такие звуки преследуют героев фильма ужасов во время ночной прогулки по кладбищу. Он не боялся призраков, даже если те шумели громче обычного. Давно понял, что опасность исходит от людей. Но в сгустке теней, определённо, кто-то был. В темноте сверкнули глаза. Максим тихо отступил к стене и, стараясь не делать резких движений, нащупал клавишу выключателя. Свет, загоревшийся на террасе, на мгновение ослепил. На бортике джакузи сидела рыжая кошка. Показалось, что видит знакомый розовый ошейник. Нервы натянулись. Во рту пересохло, желудок свело спазмом.

«Маруська!» — с ужасом подумал он.

Кошка тяжело вздохнула и красноречивым движением поднесла лапу к голове.

«Конечно, не она, — сообразил Максим, — труп Маруськи выглядел бы сейчас намного хуже».

Непонятно, что происходило. Чужие страхи были навязаны извне. Словно остров пытался заговорить с ним, но почему-то решил для начала попугать. Так бывает, когда знакомятся мальчишки.

Кошка с интересом наблюдала.

— Пришла в гости? К сожалению, у меня нет молока, а коньяк из бара ты вряд ли будешь пить.

Огорчённая гостья мягким и грациозным движением соскользнула на пол и исчезла в кустах, темневших за террасой.

Вернувшись в дом и уже засыпая, вспомнил, что хорошо бы взглянуть на план острова и отыскать место завтрашней встречи. Накинул халат и прошёл в гостиную. На круглом столе с симпатичной вазочкой и букетиком голубых цветов лежала карта и карандаш с остро отточенным грифелем. Зона археологических раскопок оказалась совсем рядом. Обвёл искомое место и уже было собрался вновь ложиться, когда в номер постучали. Чертыхаясь, подошёл к двери. Кого это принесло глубокой ночью?

Под дверь подсунули сложенный вдвое листок. Максим развернул. Бумага была пуста. С обеих сторон. Выглянул наружу. На слабо освещённой дорожке никого. Странно.

Запер дверь и потащился в спальню. Краем сознания ему показалось, что в комнате произошли изменения. Что-то неуловимо сдвинулось. Стало просторнее, что ли, или меньше мебели.

Засыпающий разум предложил разбираться с загадками утром. Максим повернулся набок, спиной к террасе, и почти мгновенно уснул, убаюканный мерным стрёкотом цикад, доносящимся с пустоши.

Просыпаться можно по-разному. Можно лениво лежать с закрытыми глазами, давая время окружающему миру вспомнить свою форму и приобрести очертания. Можно бодро вскочить, не слушая капризного ворчания заспанных мышц. Можно полежать минутку, вспоминая виденный сон. Вариантов много.

Максим проснулся наихудшим образом, потому что его кто-то душил накинутым на голову одеялом. Тело реагировало са-

мо: резкое движение назад — и затем бросок через себя, продолжавший встречное движение невидимого врага. Но ничего не вышло. С таким же успехом можно было сдвинуть дом. Непомерная тяжесть сдавила рёбра. Мышцы свело от напряжения. Сердце колотилось. Лёгкие тщетно рвались в отчаянной попытке получить глоток воздуха. Неожиданно под ладонью оказался какой-то стержень — наверное, тот самый карандаш с очень остро отточенным концом. Зажав его, Максим освободил из-под одеяла руку и изо всех сил ударил назад, туда, где у нападавшего должно было быть лицо. Удар не встретил препятствия, но тяжесть исчезла. Его отпустили. Содрал с головы одеяло и, яростно озираясь, вскочил.

За спиной — пустая комната. Сделал несколько шагов и с ужасом осознал, что не может дышать. Тщетно пытался сделать вдох. Где-то рядом раздался хрип, похожий на рычание. Это хрипел он сам, пытаясь набрать воздуха в безжизненные лёгкие. Наконец с неимоверным усилием удалось сделать крохотный вдох, затем выдох, затем вдох чуть больше — и тут заслон словно прорвало. Он задышал и... проснулся в смятой и мокрой от пота постели.

Максим поднялся, пытаясь унять бешеный пульс. За окном сияла луна. Её свет был враждебен, холоден и отдавал трупной синевой. Вышел на террасу, оглядел залитую странным светом пустошь. Картина была страшной и неестественной. Затем прошёл в гостиную, присел в кресло и пару минут посидел, глубоко дыша и закрыв глаза. Доктора утверждают, что кошмары обычно снятся от трёх до пяти ночи. И именно в это время люди чаще всего умирают во сне.

Посмотрел на часы, мигавшие неоновыми цифрами под телевизионной панелью. Было 04:04 — самое время. Налил в стакан воды из стоящего на журнальном столике графина и подошёл к окну. Но выпить не успел, потому что понял: сзади кто-то стоит. Прямо за спиной. Он не слышал никаких звуков, никакого движения, но уверенность, что за спиной кто-то прячется, была абсолютной. Своим ощущениям надо доверять. Максим резко присел, ударил локтем назад, развернулся и обнаружил, что в комнате один.

Он услышал тихий голос, который как будто бы звал его, но в глубине мозга что-то неведомое завопило, что отвечать нельзя. Этот истерический вопль из глубины сознания напугал больше, чем таинственный зов. В гостиной послышались шаркающие шаги. Хотел было пойти и посмотреть, кто там, но не смог.

Тело отказывалось двигаться, поскольку оказалось, что он вновь проснулся и по-прежнему лежит в мокрой от пота кровати. «Ну вот, это — паранойя», — пришёл диагноз.

Он был готов посмеяться над собой, если бы мог открыть глаза. Это не удавалось. Веки были заклеены чем-то липким и вязким. Стоило неимоверных усилий, чтобы кожа поддалась, отлипая, словно резина, с болью растягиваясь и расползаясь кусками. Наконец глаза удалось продрать.

Максим сел. Колыхались занавески, светила луна, её свет действительно был какой-то синий, кварцевый. В ладони лежал острый карандаш. По лопаткам побежал знакомый озноб. Неожиданно подумал, что карандаш в руке и синий свет луны говорят, что он по-прежнему спит. И сейчас кто-то нападёт. И всё это — непрерывный кошмар, и надо немедленно проснуться.

Но ведь он вроде бы не спит. Максим встал и включил свет. Прошёл в ванную. Сполоснул лицо холодной водой, потом стал пить её, наливая в горсть сложенных рук. Это совсем пробудило его. Выйдя в ярко освещённую комнату, убедился, что она уютна и безопасна. Но тут в ужасе осознал, что комната пуста — мебели нет. Только голые стены, кровать и шевелящиеся занавески. И синий свет, идущий из окна. Древний животный страх вползал в его сознание, холодный пот струился по спине.

Он не мог вернуться в реальность. Перспектива провести остаток жизни в пустой комнате, залитой безжизненным светом, отбиваясь остро заточенным карандашом от неизвестных убийц, не радовала. Мозг пульсировал, пытаясь вырваться из чьих-то цепких лап. Тугие нити кошмара оплели сознание. Он боролся из-всех сил и наконец неимоверным усилием разума вырвался: узы лопнули, потусторонние объятия разжались.

Он вновь лежал на развороченной кровати. Как узнать, наяву это или нет? Если сейчас вызвать кого-нибудь из персонала

гостиницы, не явится ли синяя горничная с длинными змеиными щупальцами вместо рук? Но постепенно липкий ужас отступал. Реальность тысячами признаков говорила, что сейчас он в настоящем мире. Карандаша в руке не было, что почему-то убеждало окончательно.

Откуда вообще известно, что, просыпаясь, мы оказываемся в прежнем мире? Может быть, каждый раз во время сна мы переходим в какую-то параллельную реальность, чуть-чуть отличающуюся от предыдущей? Может быть, во сне наш разум, словно компьютер, получает «обновление»? Поэтому в новой, слегка подправленной жизни встречаем незнакомых людей, которые кажутся нам знакомыми. Или знакомых, которые кажутся нам другими. «Как он изменился», — тогда говорим мы. Максим почувствовал, как по телу побежали мурашки. Возможно, он уже давно находится в другой реальности и с каждым днём уходит всё дальше.

Вышел на террасу. Ночь обняла нежной прохладой: «Хочешь, расскажу сказку?» Разноголосый шёпот манил. Дурманили ароматы невиданных цветов. В далёкой пустоши по-прежнему подмигивал одинокий фонарик. Остров что-то пытался сказать. А мозг не понимал, приняв информацию за нападение. Мы часто не можем правильно услышать то, что говорит нам вселенная. Максим устало поёжился. День был насыщен приключениями, вечер полон сюрпризов, а ночь кишела неожиданностями. Для одного человека норма перевыполнена. Интересно, баронесса предвидела такое развитие событий, когда советовала выспаться перед завтрашней встречей? Всем нужен отдых, даже удаче. Утро вечера мудрёнее.

Максим плотно закрыл террасные двери, задёрнул шторы, зажёг все лампы в обеих комнатах и даже включил телевизор, затем выпил рюмку джина из бара и лёг досыпать, оставив свет включённым.

Ему снились семь коров тучных и семь тощих. Все были рыжие и требовали спасать мир.

Утром, толком не выспавшись, приехал в археологическую зону и на автостоянке сразу увидел золотистые волосы Софии. Лёгкий розовый сарафан невесомой паутинкой облегал тело.

Можно сказать, что от нескромных взглядов она была прикрыта лишь массивными солнечными очками. Максим заметил, что чужие взоры тонули в прозрачной белизне её кожи, щедро присыпанной веснушками, но приглушённой смуглой восточной кровью, отчего тело казалось загорелым даже без тонирующего слоя солнечных поцелуев. Античная статуэтка, снисходительно позволяющая любоваться собой.

Максиму приходилось бывать на многих греческих раскопках, которые шли довольно вяло. Обычно энтузиазм исчезал в первые дни, вместе с наиболее привлекательными для воров экспонатами. Лишь потом появлялись учёные мужи, восхищаясь чем-то недоступным разумению и сокрытым от взгляда. Вокруг объекта натягивали бечёвки, служащие ограждением, тем более что охранять уже было нечего. В качестве рабочей силы использовались студенты-волонтёры, полагавшие основной своей задачей интенсивную сексуальную жизнь. В свободное время они вдохновлённо гладили кисточками уцелевшую от грабежей колонну. Иногда случалось неожиданное. Под слоем слежавшегося каменистого грунта вдруг открывалась древняя амфора или ещё более невероятное — скульптура. Студенты разглядывали линию бёдер статуй, приходя к философскому выводу, что всё, что было, то и сейчас есть. Учёные спорили о роли открытия для мировой археологии. Местные крестьяне сокрушённо чесали затылок, недоумевая, как могли проморгать такую ценную вещь.

Здешняя археологическая зона не была похожа ни на что виденное Максимом ранее.

Бетонный забор с рядами колючей проволоки надёжно прикрывал периметр. Сверху территория защищалась стальной крышей на металлических колоннах. На входе кучковалась вооружённая охрана в камуфляже. Злобных овчарок не видно, но они наверняка выходили на охоту в ночную смену. Максим сразу оценил расчищенную асфальтированную площадку вокруг и мощные прожектора, укреплённые на мачты забора. Незамеченным диверсанту не подобраться. Военная база? Секретный полигон? Дача депутата?

Внутренний цензор предложил не задавать вопросов. Нечто страшное неумолимо надвигалось вслед за чёрной тенью,

скользившей по циферблату. До катастрофы оставалось четырнадцать часов.

Вход внутрь вёл через проходную, где суровый боец внимательно изучил пропуска, которые предъявила София. Вопреки ожиданиям, он не велел приготовиться к досмотру, раздвинуть ноги и положить руки за голову, а милостиво кивнул, разрешая пройти.

Они вошли через проход, прикрытый брезентовой занавеской. За ней открылся древний город. Конечно, за три с половиной тысячи лет время изрядно его потрепало, но воображение немедленно дорисовывало недостающие части зданий, водружало на место упавшие колонны, разгребало завалы. Получался мрачноватый городок из двухэтажных домов — чуть обнови, и можно продавать смельчакам, не боящимся призраков, как коттеджный посёлок в пяти минутах от моря, в экологически чистом районе: «Никто не переживёт наше качество, проверенное временем».

Узкая деревянная тропа вела сквозь руины. Довольно скоро неприятное впечатление усилилось. По мере продвижения вглубь становилось темнее. С мраком боролись лишь редкие прожекторы и синий свет кварцевых, словно больничных, ламп. Теперь древний город в безжизненном трупном сиянии выглядел жутко. Воображение подсовывало крадущиеся за спиной тени, сжимающие в полусгнивших костлявых пальцах истлевшие куски одеяла, для злостного удушения пришельцев. Максиму показалось, что он вновь попал в свой ночной кошмар. Но карандаша в руке не было. Значит, сейчас он не спал. Наверное.

София не торопилась с объяснениями. Она невозмутимо пробиралась по тропе, указывая дорогу. Максим шёл на полшага сзади. Заметил, что девушка оставляла рядом с собой немного места, словно был ещё один спутник, очень маленький. Странно. Впрочем, сейчас главное другое. Синий свет был в его сне неспроста.

— Что тут дезинфицируют? Тысячи лет эти руины поливал дождь, жарило солнце. Археологи лишь убрали верхний слой вулканического пепла, как в Помпеях, в Италии. Но там нет кварцевых ламп.

— Знаешь, раньше здесь постоянно болели чем-то вроде гриппа. Теперь гриппа нет, слава Богу. Хотя иной чертовщины хватает, — охотно отозвалась девушка.

— Как это? — наэлектризованный ожиданием мозг жадно впитывал информацию.

— Слушай. Тут так всё странно. Постоянно происходят несчастные случаи. Руководителя работ раздавило обвалившейся стеной. Прямо на глазах сотрудников. Все так переживали. Потом — опять беда. Будешь смеяться. Его заместитель свалился в яму и раскроил голову о кусок колонны. Кровищи...

Максим представил. Смеяться не хотелось.

— Так, — загибала девушка пальцы, — два лаборанта в обеденный перерыв пошли к морю и утонули. Кто-то ещё, уже не помню. Кажется, все, кто начинал раскопки, погибли. Причём вроде бы случайно. Помнишь, похожая история была с гробницей Тутанхамона в Египте? Там тоже все, кто распечатывал захоронение, в течение нескольких лет умерли.

— «Проклятие фараона». Читал, но говорили, что факты подтасованы в погоне за сенсацией.

— Ну да. А как должны были написать? «Фараон обиделся и наказал осквернителей могилы. Горе вам, люди! Вы ничего не знаете о мире, в котором живёте...»

Максиму мешала мысль о необходимости торопиться. Она беспокоила разум своим лихорадочным вскрикиванием и нетерпеливым бормотанием: «Вот! Ещё минута прошла! А что сделал ты?» От постоянного пришпоривания мозг сбивался. Если бы выкинуть всё из головы... Трудно не думать о часе назначенной смерти.

София между тем объясняла:

— Понимаешь, обычные раскопки не дезинфицируют, потому что там уже всё умерло. Здесь не так. Это место не мёртвое. Рабочим страшно, сбегают через неделю, наслушавшись историй о движущихся камнях, которые нападают на людей. Помнишь роман Стругацких «Пикник на обочине»? Здесь тоже странная зона.

— Пришельцы?

— Ты серьёзно? Конечно, нет, — замялась София, но её ответ прозвучал как-то неуверенно.

Они медленно продвигались вглубь. Здесь дома сохранились лучше и выглядели на удивление современными. Кое-где попадались неплохо оборудованные ванные комнаты. Максиму показалось, что он видел ванную и биде практически современных форм, но им было много тысяч лет. «Ничего не знаем о мире, в котором живём...» — вспомнил он слова Софии.

— Зачем над зоной металлическая крыша? — человеческий голос звучал серо среди мёртвого молчания руин, словно прислушивающихся к разговору.

— Защищает от подглядывающих из космоса спутников. Слишком много любопытных. Американцы, русские... Как говорят в Израиле, все хотят чуточку тёти Сары. Вот и приходится создавать камуфляж — мол, просто древнее минойское городище. Странное немного и с хорошей охраной. Не нужен лишний ажиотаж. Как вокруг Антарктиды...

Они помолчали. Максим понимал, что она имеет в виду. Антарктида была сплошной аномальной зоной, или, скорее, бельмом на глазу у многих стран. Борьба за обладание её тайнами давно превратилась в постоянно идущую войну, о которой большинство людей не подозревало.

— Поэтому сюда пускают экскурсантов, — догадался он.

— Да-да, хотя это небезопасно.

Вокруг всё было ненастоящим, словно кто-то умело прятал правду, подсовывая ерунду. Туристы бродили в аномальной зоне среди кварцевых больничных ламп, убивавших что-то в тысячелетних руинах. Антарктида. Пришельцы. Бред какой-то. Ещё краны стоят многотонные, как в порту...

— Что они здесь поднимают? — кивнул Максим на мощную технику. — Амфоры?

— Вот-вот. Ты заметил. Это самое интересное. Здесь найдена какая-то непонятная геологическая аномалия. Её называют просто «объект» — поскольку никто не знает, что это. Просто безумное переплетение кристаллов и металлизированных пород естественного происхождения. В мире не встречали ничего подобного.

— Огромный, должно быть, «объект»?

— Ну, как сказать. Десять метров в длину и около двух в ширину и глубину. Аккуратно откопали по периметру, собирались вытащить, но пока поступил приказ не трогать. Все чего-то боятся.

Максим пытался уловить сигналы, идущие из подсознания. Там было беспокойно. Мысли и образы метались словно пассажиры, бегающие по перрону в попытках сесть на нужный поезд, который, как только что было объявлено, уже ушёл с другой платформы.

— Мы можем это посмотреть?

— Да-да. Селин предупредила, что ты наверняка захочешь. У меня есть специальный пропуск.

— Ты уже видела «объект»?

— Конечно. Стояла любовалась. Жуть как интересно. Сейчас всё поймёшь сам, — София загадочно повела глазами, обещая нечто уникальное.

Пройдя ещё немного по дорожке, они подошли к неприметной деревянной загородке со стандартной надписью «Только для прохода персонала». Вошли в помещение, похожее на складской сарай с несколькими громоздкими ящиками. За ними обнаружилась металлическая дверь с грозной вывеской «Ядохимикаты. Опасно. Не входить». София приложила к электронному замку карточку. Что-то лязгнуло, преграда ушла в стену. Обычный офисный тамбур, пустой, безо всякой мебели, озаряемый холодным синим светом.

Максим был ошеломлён. Ночное видение повторялось почти точь-в-точь. Ладони покрылись испариной. Надо быстрее соображать. Время убегало, как кокетливая девчонка.

Нужна неимоверная удача, чтобы поймать, остановить эти салочки-пятнашки. Сейчас он явно не догоняет...

Противно пахло дезинфицирующим раствором. В каждой из четырёх стен виднелась новая дверь, уже безо всяких надписей.

— Эй, нам сюда, — негромко позвала София.

Опять щёлкнул замок. Лифт с единственной кнопкой. Показалось, что спускались долго, секунд десять. Вышли в огромную, слабо освещённую пещеру. В центре, занимая большую часть, лежало нечто громоздкое, прикрытое старой мешкови-

ной. Вокруг примостились обычные строительные леса. Людей не видно. София нажала какой-то выключатель. Загорелись прожектора. Слава Богу, с обычным жёлтым светом. На свету стало понятно: то, что казалось мешковиной, — просто застарелая грязь, такая же, как и на стенах пещеры. Рядом на стеллажах стояли неизвестные приборы, провода терялись где-то в поверхности «объекта». Если это был он.

Неожиданно. Скромненько. Где фантастический ангар и люди в скафандрах, которые, рискуя жизнью, изучали бы сверкающую неземным блеском поверхность таинственного артефакта?

— Крутая грязная глыба. Кто бы мог подумать. Обалдеть! — наконец произнёс он, с трудом скрывая разочарование.

— А вот и нет. Зря иронизируешь. А грязь — потому что нельзя ничего трогать и тем более чистить.

— Почему?

— Селин считает, что этот «объект» играет важную роль в мироздании.

— Она здесь главная?

— Как тебе сказать... Она везде главная, — София говорила очень серьёзно.

Максим подошёл ближе. Похоже, здесь мастерски навострились морочить голову. Кстати, почему он так безоговорочно доверяет словам баронессы про вселенскую катастрофу? Может, всё вокруг — лишь очередное испытание, вроде выдумок генерала? Только безумие масштабнее. А может быть, и нет. У тех тоже фантазия работала. Впрочем, паршиво доказывать правду ценой жизни. Поэтому лучше найти источник опасности, даже если его нет.

— Я могу коснуться?

— Попробуй, если не боишься. Я — трогала.

На ощупь глыба была самая обычная. Хотя нет. Максиму показалось, что между ним и шершавым куском минералов вдруг возникла какая-то связь. Словно в него воткнули штекер и теперь настраивали доступ. Всё было так аккуратно и незаметно, что только взвинченные нервы ощущали чужое вторжение. Показалось, что мир вокруг стал зыбким, как бывает на экране

компьютера при включении. Когда чернота пустого экрана уже исчезает, а загрузки изображения ещё не произошло.

Рука отдёрнулась сама. Ничего не происходило. А может, привиделось?

София очень внимательно следила за его реакцией.

— Вот-вот. Мне тоже было неприятно, — чувствовалось, что хотела ещё что-то добавить, но потом не стала, а тряхнула плечом, словно скидывая чью-то назойливую руку.

— Аллилуйя! Пойдём наверх, — попросил Максим.

— Бежим или тихо отступаем?

Максим молчал, вспоминая штопор, на мгновение ввинтившийся в мозг. Идей не было. Удача не явилась — наверное, где-то досыпала.

Они прошли к выходу и, миновав проходную, оказались на парковке среди раскалённых машин, изнемогающих от полуденного зноя. Шум в голове стих. Свежий морской воздух радовал лёгкие. Очень хотелось пить и есть.

— Ну, что будем делать? — спросила София.

Максим молчал. Жуткий синий мир из сна всё ещё стоял у него перед глазами. Но что это всё значило? Зона была необычна. Загадочная аномалия вообще непонятна. Даже вспоминать не хотелось. Но «объект» никто не собирается трогать. Краны тихо стоят. Всё спокойно. Понятно, что всё здесь не то, чем пытаются представить. Но в мире столько вранья, что это уже давно есть наша реальность. И лишь правда может грозить катастрофой. А здесь всё нормально. Кругом сплошная ложь. Где же угроза?

Ему показалось, что ответ потихоньку всплывает в сознании, но очень медленно, словно аквалангист, опасающийся декомпрессии. Пока видны только пузыри.

— Поехали на вулкан, вдруг опасность исходит оттуда, — наконец сказал он. — Но сначала надо перекусить. Здесь есть место, где найдётся пять хлебов ячменных и две рыбки? Мама категорически не разрешала гибнуть на голодный желудок.

Хорошо, что София не лезла в душу. Не торопила. С ней было комфортно, словно с хорошим приятелем. Он привык, что знакомство с красивой женщиной — всегда психологический бой,

где собеседники применяют отточенные приёмы подавления противоположного пола. Напарница почти не пользовалась разнообразным арсеналом женского вооружения, которым девочки учатся владеть чуть ли не с пелёнок, а то немногое «почти» было даже приятным.

— Маму надо слушать. Война войной, но обед по расписанию. Есть тут одно классное заведение на берегу. Рыбу готовят — пальчики оближешь. До вулкана пятнадцать минут на катере. Вызову катер к ресторану. Так мы почти не потратим времени.

Какое блаженство — сидеть за столиком прямо у кромки воды и пить минералку со льдом, ожидая нескольких ближайших событий: повара, лодки и конца света.

— Селин рассказала, что это ты предсказала катастрофу...

— Ой. Так и сказала? На самом деле, Нострадамус не я, а компьютер. Лишь программа моя.

Максим оценил скромное «лишь».

— Весёлый такой алгоритм. Запихнула туда всё, что нашла в холодильнике, как в яичницу. Тысячи факторов состояния мироздания: положение звёзд и планет, электромагнитное поле Земли, активность Солнца, климатические факторы, политические и ещё кое-что.

Смотреть на умную девушку было приятно. Её щёки золотились даже в тени, словно свет излучала кожа.

София заметила его взгляд и, кажется, покраснела. По шее пробежала розовая волна. Сняла тёмные очки, аккуратно коснулась салфеткой лба и продолжала:

— Представь, я не первая это придумала. Древние жрецы умели поразительно точно предсказывать катастрофы, используя вместо компьютера внутренности животных.

— Ты серьёзно?

— Какие тут шутки. Зарежут живого барана и уставятся внутрь, как на монитор. Понимаешь, мироздание — единый живой организм. Что у барана на сердце, то и у вселенной на языке.

— Так нарушения в клетках человека отражаются на жизни тела, — сообразил Максим. — Известный магический принцип: «Что внизу — то и наверху, что наверху — то и внизу».

— Вот-вот. Надо в программу закинуть ещё и гадание на кофейной гуще.

— Шутишь?

— Отчасти. Между прочим, на раскопках не найдено ни одного скелета человека или животного. Все успели собрать манатки и отчалить до извержения вулкана. Даже тётю Фиру забрали, хотя она всем не нравилась. В Помпеях было не так. Тысячи трупов, никто не спасся. Похоже, здесь жрецы заранее знали точную дату события.

— Но если новая катастрофа предопределена, что можем изменить мы?

— Понимаешь, вероятность события — девяносто пять процентов, а в оставшихся пяти можно порезвиться на славу. Нам нужно лишь что-то изменить в организме вселенной, и болезнь исчезнет. И это может быть самая неожиданная вещь, то, что никто сейчас не может вообразить.

— Пустяковая задача...

Скоро на металлическом блюде появилась огромная рыбина с торчащими в разные стороны грозными колючками и шипами, безжалостно запечённая поваром в дровяной печи.

— Мало ресторанов, где хорошо готовят, — удовлетворённо промурлыкала София, когда на блюде, как на былинном поле боя, остались лишь белые обглоданные кости, страшная драконья голова с выпученными глазами и лохмотья рыбьей шкуры, похожие на куски заржавелых лат.

— Едящие сие не умрут, а будут жить вечно... — согласился Максим.

После греческого кофе наступило сладостное время, когда реальность перестала быть нервной, покой и умиротворение прокрались в душу. Ничто не дрожало и не вибрировало, волны плескались строго по уставу, вперёд и назад, раз-два. Птицы угомонились, ветер не свистел.

«Жить всем осталось меньше десяти часов. Хорошо-то как!» — лениво думал Максим, пытаясь удобнее пристроиться к пластиковому стулу.

Однако рано или поздно всему приходит конец. Гибнут вселенные, исчезают цивилизации, заканчивается обед. Реаль-

ность вновь хныкала и требовала заботы, словно блондинка в лапах грабителя.

Катер ожидал их с нетерпеливой дрожью белоснежных боков. София надела шляпку с бежевыми и розовыми полосами. Широкие поля прикрывали её лицо и шею от беспощадного полуденного солнца.

«Будет жарко, как в преисподней, — запоздало сообразил Максим. — Иисус Христос, Спаситель мира, тоже спускался в ад...»

Вулкан оказался похожим на загробный мир, описанный Данте. Мрачный лунный пейзаж дышал жаром. Ни травинки, ни цветочка, лишь оплавленный дочерна грунт. Безжалостное, пышущее огнём светило казалось ближе обычного. Однако, несмотря на яркое солнце, от преобладания чёрного цвета и ядовитых испарений вокруг будто царил сумрак.

Неожиданно он увидел птицу. Та с изумлением оглядывалась вокруг, словно недоумевала, за какие грехи здесь оказалась, затем судорожно взмахнула крыльями и полетела прочь из гиблого места.

Данте оказался прав: ад был плотно заселён. По чёрным склонам, словно присыпанным толчёным углём, вереницей шли толпы вечных странников — туристов. Прежде чем оказаться здесь, их неприкаянные души уже успели изрядно помотаться по планете в поисках возбуждения для зрения и ума. Теперь одни гигантским хороводом торопливо бродили под палящими лучами — куда они спешили? Что искали? Другие, напротив, застыли на ржавых трубах старой пристани, пережёвывая засохший бутерброд. Над причалом висел выцвевший плакат с греческими буквами, где, без сомнения, было написано: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». Почему они не прячутся в тень? Им хорошо? Думают, что нежатся в аду? Как у Данте:

«И каменная куча так щербата,
Что для идущих сверху поселян
Как бы тропинкой служат глыбы ската,
Таков был облик этих стран;
А на краю, над сходом к бездне новой,
Раскинувшись, лежал позор критян...»

Вулкан был жив. Об этом говорили струйки дыма, похожие на раскачивающихся привидений, ноги которых прятались в трещинах и разломах. Пахло серой, асфальтом, горелой резиной и ещё какой-то гадостью.

Максим присел и приложил руку к тёплой поверхности: она слегка вибрировала, будто бок спящего монстра. Провёл рукой по пористому камню, словно придирчивый клиент, проверяющий качество уборки. Пыли было изрядно — остров давно не протирали. Но это явно не тот вывод, которого от него ждала напарница. Рядом раздались леденящие, душераздирающие крики — это один из туристов требовал от своих многочисленных детей немедленно отдать спички и перестать поджигать вулкан. Когда все перестали бегать и визжать, участников оказалось намного меньше, чем виделось до этого.

Максим попытался прислушаться к ощущениям. Несмотря на общую враждебность окружающего мира, он не чувствовал немедленной опасности. Видно было, что в ближайшие годы, а уж тем более дни, от вулкана не следует ждать подвоха.

— Что скажешь, эксперт? — заинтересованно спросила София.

— Пока ничего. Мрачно тут, грязно и накурено.

— Слушай, ты настоящий профессионал. Восхищена. А ещё что-нибудь добавишь?

— Истинно говорю: я не чувствую опасности от вулкана, — он помолчал, подбирая слова. — Немедленной опасности. Вот лет через десять...

София кивнула:

— Ага. Я тебя понимаю. Давай для очистки совести ещё пройдём к самому кратеру.

Они двинулись вглубь острова. Почти в его центре виднелась полузасыпанная воронка, похожая на след от авиационной бомбы.

София спустилась на дно, попросив Максима не сопровождать. Он с удивлением заметил, что девушка оживлённо разговаривала с кем-то невидимым. Совещание было недолгим. Наконец вылезла, потопала ногами, стряхивая чёрную пыль.

— И не надо со мной спорить! — обернувшись, крикнула вулкану. Заметила удивлённый взгляд Максима и продолжила: — Думаю, мы можем уезжать. Ты прав, проблема не здесь.

— С кем ты беседовала?

— Знаешь, люблю поговорить сама с собой. Лучше собеседника не найти. Хотя иногда ругаемся.

Максим не стал больше спрашивать. В конце концов, каждый имеет право на персональную странность, тем более что чудес в окружающем мире хватает. Надо торопиться. Судьба уже разматывала бикфордов шнур, поглядывая на хронометр. Оставалось восемь часов.

Катер вернул их к другой бухте, отсюда канатная дорога подняла к главному городку острова. Его нарядные узкие улочки были заполнены разношёрстной толпой. Вкусно пахло шоколадом и булочками. Словно по волшебству, они вознеслись из ада в значительно более приятные области мироздания.

— Мороженого хочешь? — спросил Максим. Он просто не знал, что сказать, а молчать, слушая тиканье невидимых стрелок в мозгу, было невыносимо.

София посмотрела на него с удивлением. Её лицо проиграло целую гамму чувств. Сначала она хотела о чём-то спросить, потом, наверное, решила напомнить о том, чем они должны заниматься. Затем передумала, промолчала и просто кивнула, при этом ещё умудрившись покраснеть.

Они сели на лавочку в ажурной тени пальмы, у кромки обрыва. Спутница, успокоившись, болтала ногами, словно маленькая девочка. Недалеко беззаботно щебетал фонтан. Лёгкий ветерок приятно холодил разгорячённую кожу.

Все варианты ада и рая уже есть в этом мире, и неотъемлемое право каждого — выбирать, где ему находиться. Миротворцы ищут своё счастье в войнах во имя мира. Охотники за любовью — убивают её изменой (спутницей поиска) и ревностью (сестрой счастливого обладания). Правдолюбы рубят правду, так, что щепки летят, и достаётся всем. Отче наш, как разнообразны дети Твои.

— Думаю, проблема в зоне раскопок, — неожиданно произнёс Максим, хотя он совсем не был в этом уверен. Он не собирался ничего говорить, по крайней мере, ближайшие несколько минут. Тем более так серьёзно. Наблюдать, как София облизывает мороженое, было намного интереснее. Фраза выскочила сама, созданная его высокоморальным подсознанием. Или, наоборот, сознанием.

«Сосредоточься и не будь идиотом», — услышал Максим противный голос совести. Человеческий мозг не может сфокусироваться только на одном. Поэтому Максим отвёл взгляд от голых ног Софии и попытался слушать.

— Да-да. Все так думают. И Селин, и я. Проблема в том, что «объект» и раскопки стоят уже много лет...

— А катастрофа будет сегодня, — продолжил её мысль Максим.

— Вот именно. Странно. За эти годы ничего не изменилось. В чём подвох?

— Хочешь, чтобы я прямо сейчас ответил?

— Ну да. Селин мне говорила, что ты необыкновенный... Не в том смысле... — она улыбнулась, мотнула головой, чуть не уронила мороженое. Наконец продолжила: — Обладаешь редкой способностью.

— Какой? — Максим был польщён.

— Тебе везёт. У тебя всегда всё получается, и ты умеешь выйти сухим из воды в самой невероятной ситуации. Отсюда вывод. Чтобы найти верное решение, тебе надо просто сказать, что бы ты сделал сейчас. Не задумываясь.

— Ты уверена, что я должен произнести правду?

— Боишься правды?

— Нет. Блаженны алчущие и жаждущие правды. Прямо сейчас я хочу пригласить тебя в свой номер, — честно признался Максим, потому что понятия не имел, как избежать катастрофы. — Хоть умрём с удовольствием...

«Стареешь. Падок стал на молоденьких девчонок», — гадко прошамкала совесть. «Заткнись. Может, это любовь», — ответил ей Максим и вдруг почувствовал, как защемило сердце. «Умолкаю», — согласилась совесть.

София серьёзно смотрела на Максима и, казалось, что-то решала.

— Хорошая идея. Новая. Ну что же, поехали, — наконец сказала она. — Уверена, что вселенная не даст тебе погибнуть.

Максим прислушивался к неожиданным ощущениям, поселившимся внутри груди. Там разливалась горячая волна, словно он только что принял яд. Голова кружилась, глаза туманились.

Несмотря на распространённость явления, природа любви изучена недостаточно. Физики намекают на сочетания тонких запахов и электрохимические процессы в клетках тела. Медики говорят об игре гормонов. Психологи вспоминают о детских переживаниях, образах родителей и родовой памяти. Религиозные люди убеждены в богоданной любви, объединяющей разрозненные половинки души.

Все согласны, что в этом чувстве много патологии, иными словами, того, что не свойственно человеку как виду «хомо сапиенс». Влюблённый перестаёт быть эгоистом. Он живёт не ради себя, а ради другого. Невероятно! Невозможно! Ведь эгоизм — даже не основной инстинкт, это и есть человек. Рушатся основы, падают принципы. Природа поджимает губы: она столько сделала для выживания вида, что, в конце концов, это даже неприлично! Ликуют только ангелы и поэты. В общем, все, кто не от мира сего. «Бог есть любовь», — утверждают эти чудаки, поэтому в любви человек подобен Богу. Вот так так!

Максиму было больно, приятно и страшно. Он даже забыл о надвигающейся катастрофе, прислушиваясь к новым ощущениям. Волнение. Влечение. Возбуждение.

Так или иначе, дорога пролетела незаметно. Солнце было ещё высоко.

— Ух ты! Милое место. Романтика!.. — восхищённо отметила София, входя в его апартаменты.

Провёл гостью на террасу. При свете дня пустошь оказалась совсем не мрачной. Мошки беззаботно крутились в солнечных лучах, словно яркие искорки. Разноголосо пели птицы. С травяного моря дул ветерок, принося переменчивые пряные запахи,

будто кто-то невидимый составлял новый парфюмерный аромат «В память о погибшей Земле».

На миру и смерть красна. Погибать в компании всего человечества — совсем не страшно. Никто не сможет сказать, что у него дела хуже, чем у других.

Неожиданно Максим вспомнил про таинственный ночной огонёк и попытался отыскать место, где видел его ночью. Удивительно, но нашёл. Там, среди травы, вереска и низких степных кустарников угадывался какой-то провал, на противоположном крае которого виднелся холм с тёмным пятном посередине: то ли пещерой, то ли дверью. Вглядываясь в расстилавшуюся перед ним равнину, обнаружил ещё пару похожих расщелин. И везде виднелся вход куда-то внутрь, под землю.

Максим попытался представить себе назначение этих странных сооружений. Непохоже, чтобы они использовались для жилья или сельскохозяйственных целей.

— Эй, — позвала София, — ты ещё здесь?

— Не знаешь, что это?

— Догадываюсь... А ты о чём? Ах, о равнине...

— Ну, вот те пещеры.

— Какие? — прищурилась, разглядывая. — А, это. Страшилка острова. Местные забивают баки туристам. Говорят, что в таких тёмных-тёмных пещерах живут оборотни-вампиры. А ночью превращаются в чёрных-чёрных кошек. Приезжие обожают подобные легенды.

— Там ночью свет горел.

— Какие вы, мужчины, непредсказуемые. Хочешь поговорить о вампирах? Селин предупреждала, что ты необычный.

— Извини, пойду открою шампанское. Тут на балконе есть джакузи. Забирайся. Там халат, там ванная.

Максим прошёл в комнату и подошёл к бару. Он чувствовал давно забытое волнение, словно опять школьник и готов увидеть невероятное — нагую девушку. Руки предательски дрожали. Яд, похоже, добрался до мозга. Достал из холодильника шампанское и вдруг почувствовал прикосновение к ногам. Он опустил взгляд и увидел рыжую кошку. Подумал, что она очень

похожа на ночную гостью. Та потёрлась о брюки, затем грациозным движением скользнула по направлению к террасе.

— Ты вампир или вампирша? — впрочем, мысли сразу свернули в новое русло: — Мальчик или девочка?

Какое это имело значение, Максим не знал. Раньше он бы сказал, что кошки похожи на девушек, потому что снаружи они мягкие и пушистые, а внутри прячутся острые когти и несокрушимая воля. Но сейчас он лишь наблюдал, как киска зевнула, показав острые клыки, и мотнула головой, словно приглашая следом.

Когда он вышел, София, по-прежнему одетая, стояла у парапета. Рядом на каменном поручне сидела неугомонная кошка, что-то энергично объясняя его спутнице громким мурлыканьем, похожим на ночной храп. Девушка гладила рыжие бока и, казалось, соглашалась.

— Как бы тебе сказать... Извини. Давай отложим романтику. Нас зовут, — сказала София.

— А шампанское? — запоздало напомнил Максим.

— Чуть-чуть отложим, ладно? Оно же не портится. Сделаешь «Бах!» попозже. Вдруг это судьба? Ты предложил первое, что приходило в голову, и вот результат. Нас зовут... Не обиделся?

— Хорошо. Сходим взглянем, — нехотя согласился Максим, чувствуя, что напарница права.

Появилось ощущение, что везение всё-таки явилось. Самое время. Возникло знакомое лихорадочное возбуждение, совсем другое, чем от любовной горячки. Клетки кожи вибрировали, словно по ним водили массажной щёткой. Он уже хорошо изучил свою мадам-удачу, знал её приёмы, стиль и повадки. Теперь главное не спугнуть грубой эмоцией, излишней радостью. Лишь лёгкая искренняя улыбка ни к чему не обязывающего ритуала: «Как приятно видеть вас, мадам! Как поживаете?» И не торопить. Вежливо пережить слова встречного ритуала: «Всё хорошо. Сожалею за непредвиденное опоздание». И ждать, пока мадам сама будет готова услышать: «У меня есть маленькая проблема...»

«Иди за кошкой», — шепнула удача шелестом тронутой ветром травы. Птицы звали призывными трелями, кузнечики ис-

ступлённо колотили в крохотные походные барабаны. «Вперёд! Время не ждёт!»

— Так-так. Тик-тик. В машине есть кроссовки. Я сейчас, — сказала девушка кошке.

Кошка кивнула, распластавшись на тёплом парапете; её хвост подрагивал в знак того, что следует поторопиться.

София вернулась в синих спортивных ботинках, джинсах и с небольшим рюкзачком за плечами.

— Видишь, взяла воду, ну, и кое-какие мелочи.

Пушистый рыжий комок, перепрыгнув невысокую изгородь, скрылся в траве. Путь по пустоши был лёгким, несмотря на отсутствие тропинок. Низкая, выгоревшая от солнца растительность не мешала ходьбе. Кошка уверенно вела их, похоже, прямо к загадочному ночному огоньку.

Ложбинка, куда они вскоре пришли, была похожа на аккуратный кратер с серыми пологими стенками из осыпи вулканического камня. В расщелине не было места послеполуденному солнцу, вокруг топтались сумрачные тени. В противоположной части виднелся тёмный вход, загороженный ветхой, осевшей и дырявой деревянной дверью. Кроме этой двери, никаких следов человеческой деятельности видно не было. За пригорком истошно завыли, вопль перешёл в плач, сменившийся лаем.

Все, включая киску, вздрогнули.

— Наверное, койоты, — предположил Максим, совсем не уверенный, что они здесь водятся. — Вчера вечером именно здесь горел свет.

— Странно. Непохоже, что здесь кто-либо был последние несколько лет, — удивилась София.

Они подошли ко входу. Дверь еле держалась и, когда Максим попытался открыть её, просто упала. Кошка нырнула в темноту. София достала из рюкзачка фонарик.

— У тебя в машине полный походный комплект, — заметил Максим.

— Понимаешь, у любой женщины должна быть с собой всякая нужная мелочь.

Максим не был уверен, что фонарик относится к нужным женским мелочам, но спорить не стал. Вошли внутрь.

Коридор, выдолбленный в мягкой породе, уходил куда-то вниз и вглубь холма. Стены и пол тоннеля были чёрные и рыхлые, как очень грубая пемза. Свет фонаря вяз в них, не отражаясь. Слой пыли под ногами показывал, что здесь давно никто не ходил, кроме крыс или кошек. При входе валялось несколько ящиков, скособоченных и частично развалившихся от времени.

Они быстро шли, аккуратно наступая на неровный пол, почему-то стараясь не шуметь. Воздух не был затхлым. Максим догадался, что через систему выходов на поверхность, замеченных им с террасы, тоннель проветривался. Кошка неторопливо шествовала впереди.

Через полчаса внутри стали попадаться какие-то строения, угадываемые по фрагментам каменных стен, пола и аркам. Путь пересекали другие подземные коридоры. Чувствовалось, что катакомбы не рады пришельцам. Зловеще шептались пауки среди беспорядочно спутанной и пыльной паутины, похожей на сцепившиеся снасти парусников.

— Мы не заблудимся? — спросил Максим.

— Чур тебя. У меня с собой навигатор, да и она знает дорогу, — кивнула София в сторону рыжей посланницы удачи.

В пещерах, вырубленных в мягкой пемзе, стояли винные стеллажи с грязными бутылками и не менее пыльными бочонками. С потолка свисали керосиновые лампы, древние и, наверное, неработающие. Там, где бочки подтекали, вкусно пахло вином. Кое-где попадалась домовая утварь, сваленная в кучу. Взгляд искал место, не заваленное всякой всячиной. Винные пещеры чередовались с лабиринтами коридоров. Везде вверх вели ступеньки, оканчивающиеся деревянными дверями. Видимо, подземелье служило сараями и погребами для местных жителей.

Теперь им часто приходилось лезть через каменные завалы или что-то похожее на разрушенные двери.

— Судя по общему направлению, мы приближаемся к зоне раскопок, — сказал Максим.

— Совсем рядом. Можно сказать, попали в десятку, — София взглянула на светящийся дисплей.

Время поджимало. Именно такие моменты он любил больше всего: адреналина в крови с избытком, тело сильно и невесомо, страха нет. Кажется, можно полететь, пройти сквозь скалу или, в конце концов, прогуляться по водам, яко по суху. Облако удачи окутывает и хранит. Упоительные ощущения. Единственное не нравилось — действия сильно опережали разум. Это создавало неудобство.

Продравшись сквозь узкую каменную щель, оказались в очередной пещере. Высокие сумрачные своды тонули в темноте. В противоположном конце Максим уловил какое-то движение. Там кто-то замер. Света от их фонарика было так мало, что, казалось, его можно было бы собрать в рюкзачок Софии.

Кошка остановилась, зашипела, выгнула спину и вдруг прыгнула и исчезла, растаяла в темноте. Не попрощалась, не пожелала удачи. Привела и бросила.

Но Максим уже не думал о невежливом поведении животного. Он различил высокого худого парня в светлой рубашке, настороженно и недоброжелательно смотрящего на них.

Парень был смугл и черноволос, глаза возбуждённо горели страхом и безумием. Рот кривился, словно тот собирался заплакать или закричать.

— Привет, — миролюбиво сказал Максим.

— Я не говорить по-английский, — ответил парень. Его глаза бегали в луче фонарика.

— Великий Боже! Надо же. Вот и хвалёная охрана, — горько заметила София. — Оказывается, в секретную зону легко попасть снизу. Только не говори, что ты привёл с собой весь класс...

— Что здесь делаешь? — спросил Максим. Он заметил в руках у парня довольно увесистый свёрток.

— Я не говорить по-английский, — повторял тот.

— Эй! Я вызываю охрану.

Парень тревожно встрепенулся.

— Бинго! Кажется, ты отлично знаешь английский язык, — обратилась к нему София.

Неожиданно малый ринулся куда-то в сторону и исчез в темноте. Там в стене был прорублен узкий тоннель. Потревожен-

ная пыль взвилась в воздух. Максим заморгал, София закашлялась, прикрывая лицо руками, словно от пыли можно было загородиться.

— Я лезу первым.

Максим нырнул в тесный лаз, который через пару метров закончился. Вывалился вперёд, ожидая удара чем-нибудь тяжёлым. Обошлось. Место оказалось знакомым. В центре пещеры виднелся «объект». Рядом с ним суетился странный подросток. Кажется, он пытался что-то отколоть молотком.

— Замри! — закричал Максим страшным голосом.

Он подскочил к парню, молниеносно выбив молоток у того из руки. Но, похоже, было поздно. Тот уже успел ударить по грязной тёмной поверхности.

Появившаяся София зажгла свет.

Подросток поднял руки и быстро заговорил на неплохом английском:

— Не трогайте меня. Мой отец — в охране.

— Археолог долбаный, зачем сюда лез? — строго спросила София.

— Здесь рубины. И бриллианты. Отец сказал, минеральная жила, — голос дрожал, переходя в истерику. Похоже, ему было лет пятнадцать.

— Дурак. Какие бриллианты? — Максим поднял с земли крохотный отбитый камешек. — Это апатит — железная руда.

— Вы врёте! — дурным голосом орал мальчишка.

— Тихо! — вдруг закричала София.

Все замерли.

Неожиданно Максим почувствовал какую-то вибрацию, поднимающуюся от земли. Затем раздался неприятный скрежет, идущий сверху. Звук усиливался и звучал теперь отовсюду. Посыпался вулканический пепел. В нескольких местах стены принялись оседать, словно раздавленные неимоверной тяжестью. Где-то далеко кричали люди, завыла сирена.

— Скорее вниз, сейчас рухнет! — крикнула София, увлекая Максима к лазу в стене.

— Беги к нам! — проорал он парню, но тот пятился, отчаянно мотая головой.

Порода в пещере рухнула. Максим успел нырнуть в тунель, сзади клубилась пыль, её сухие пальцы царапали горло. Глаза запорошило, кашель рвал лёгкие. Вывалился в соседнюю пещеру, хватая ртом воздух. Откашлялся. Здесь пока ещё ничего не рушилось. София отряхивала серые от грязи волосы.

— Не ранена?

— Да нет, наверное...

Они бежали, не глядя по сторонам, и остановились, когда поняли, что вокруг тихо. Ничего не сыпалось и не грохотало.

— Мир ещё цел? — спросил Максим.

София куда-то позвонила. После недолгих переговоров спросила:

— С каких новостей начинать?

— С плохих.

— В зоне серьёзные обрушения. Рухнула крыша. Есть жертвы.

— А хорошие есть?

— Ну, как сказать... Мир, похоже, уцелел. Мы подоспели вовремя. «Объект» аккуратно завален обрушившейся породой. Похоронен. Пусть и дальше спит с миром! И земля ему будет пухом. Ты такой молодец! Селин в восторге.

— А если объяснить чуть поподробнее? — попросил Максим, не потому, что действительно не понимал, а просто было приятно слышать похвалу.

— Начну сначала... Вначале земля была безвидна и пуста...

— Сотворение мира пропусти.

— Хорошо, потом египтяне, греки...

— Тоже пропусти.

— Тогда совсем коротко. Всё произошло из-за того маленького осколка. «Объект», похоже, — важная деталь мироздания. Представляешь, что бы было, если бы дурень отколол солидный кусок, что он, собственно, и собирался сделать? Планета вздрогнула бы. Мы появились секунда в секунду. Твоя удача, как всегда, вовремя.

— Я везунчик, — скромно согласился Максим, но всё же усомнился: — Неужели те несколько кусков, которые мог бы отколоть сумасшедший пацан, колыхнули бы Землю?

— Послушай. Ты бы дёрнулся, если бы какая-то букашка забралась внутрь и отгрызла кусочек твоего сердца или селезёнки? — София остановилась, потом негромко, словно размышляя, добавила: — Впрочем, может быть, дело в другом...

Она не окончила. Принялась отряхивать покрытую пылью одежду. Достала из рюкзачка мокрые салфетки. Одну дала Максу. Протёрла лицо, сразу ставшее золотисто-розовым.

— Напомни, что ты пел про джакузи и шампанское. Самое время сделать пробкой «Бах!». Только не говори, что устал и мама велела тихо спать после обеда.

Лишь через пару часов, когда они откинулись друг от друга и устало отдыхали на влажных простынях, Максим запоздало вспомнил:

— Ты сказала, что дело, может быть, совсем не в парне и его намерении разрушить «объект»...

— Не только в этом, — поправила София. Похоже, она тоже помнила свои слова. — Помнишь, я предположила: чтобы избежать катастрофы, нам надо что-то изменить в мире.

— Разве мы совершили что-то, изменившее мироустройство?

— А ты не догадываешься? — София нежно провела кончиками пальцев по его бедру и вновь уже знакомо покраснела.

ГЛАВА 7.

В КОТОРОЙ В ЗАМКЕ БАРОНА АНРИ ОТМЕЧАЮТ ВЕСЁЛЫЙ ЯЗЫЧЕСКИЙ ПРАЗДНИК «ВЭ-ДЭ-ВЭ», А МАКСИМ С НОВОПРИОБРЕТЁННЫМИ ДРУЗЬЯМИ СОРЕВНУЕТСЯ В БОГАТСТВЕ ФАНТАЗИЙ

В замке за обеденным столом возникла напряжённая тишина, которую явно требовалось чем-то заполнить. Сострадание во взглядах исчезло. Теперь все смотрели на избранную четвёрку не только с интересом, но и с удивлением и настороженностью, как смотрят на туристов, гуляющих глубокой ночью в порту Марселя. Даже у металлических рыцарей забрало заметно отвисло.

Но барон Анри не дал паузе затянуться.

— Мы закончили с официальной частью, — провозгласил он, оглядывая всех бедовыми мальчишечьими глазами. — И переходим к весёлой и неофициальной. Сегодня — большой праздник.

— Какой? — послышались вежливые голоса.

— «Вэ-Дэ-Вэ». Языческий праздник Древней Руси.

Судя по возникшей тишине, большинство не было знакомо с этим замечательным праздником.

— В этот день полагается пить водку, веселиться и купаться в водных источниках, надев на себя полосатые туники.

В руке барона оказалась тельняшка, поданная материализовавшимся у него за спиной секретарём.

— Все желающие принять участие в празднике могут получить спецодежду и переодеться.

Лёгкая возня, возникшая вокруг секретаря, показывала, что желающие есть. Но потасовки не случилось, хотя утончённое собрание стремительно теряло свой лоск.

Откуда-то появилась тройка усатых гитаристов, облачённых в сомбреро и тельняшки. Они принялись играть залихватское фламенко, где вместо традиционного «Ал-ла...» употреблялось менее известное «Уй-ё...». Всеобщее возбуждение нарастало. Струны дребезжали, женщины негромко взвизгивали, даже древние статуи рвались станцевать зажигательные па. Чувствовалось, что сцены скандального характера уже не за горами.

Люди исчезали, чтобы появиться в новом, неведомом обличии. В просторной столовой от обилия полосатых туник сделалось тесно. Новообращённые рвались на террасу, а оттуда душа вела их к голубой чаше сияющего пятна бассейна. Там шум и неразбериха усиливались.

Кто-то громко смеялся, кто-то кричал, и, наконец, раздался долгожданный всплеск, означавший падение первого тела в воду. Становилось всё увлекательнее.

Максим почувствовал, что София куда-то его ведёт. Усатый гитарист орал в ухо. Последним, что он видел, было богоподобное существо в тельняшке, похожее на барона. Над головой существа виднелся тёмный нимб с двумя лучами, падающими на лицо. Максим сообразил, что это бескозырка, надетая задом наперёд.

— Ступай, добрый молодец, выполни моё задание. А не выполнишь — голову потеряешь, — прорекло существо.

— Батюшка, привези мне цветочек аленький, — капризно потребовал Максим, отбиваясь от сильных рук, влекущих его прочь, во тьму внешнюю.

Затем мир выключили.

Когда его включили снова, вокруг была пустота. И темнота. И ночь. Он лежал и пил чистый воздух. После третьего стакана Максим очнулся.

Темнота уже не была такой чёрной. Вокруг объявились звёзды, многие из которых дружелюбно подмигивали. Слева и справа ощущал горячие бёдра, которые внутренним чутьём идентифицировались как женские. Лежал он на чём-то мягком, тёплом и податливом.

С трудом повернувшись на правый бок, Максим протянул руку и обнаружил гладкую ткань, под которой угадывалась округлая грудь неплохой формы и объёма. Затем знакомый голос Софии воззвал:

— Отвяжись, пьянь.

— Где мы? — спросил Максим.

— На дюнах в Аркашоне.

— Как сюда попали?

— Приехали.

Максим перевернулся на другой бок и ощупал скрытый во мраке предмет по левую сторону. Там тоже оказалась женщина.

— А ты кто? — поинтересовался он.

— Ольга, — отозвалась незнакомка. — И прекрати меня тискать.

— Здесь ещё много народу? — на всякий случай уточнил он.

— Полна горница. Здесь ещё Вадим, — прояснила Ольга.

Максим вспомнил угрюмого, налысо бритого колдуна и решил больше никого не ощупывать.

С трудом сел. По мере прояснения разума темнота тоже расступалась. В ней появились предметы. Непроглядный мрак раздвигался, будто сама ночь светлела. Теперь он видел силуэты спутников. Видно было, что они лежали на высоченной дюне, можно сказать, на песчаной горе, за которой начинался пляж и море. Максим не предполагал, что бывают такие огромные горы песка. Казалось, что они расположились на облаке, которое приземлилось у моря. Другие облачка тоже пытались присоседиться. Они крались совсем рядом, по бездонному, насыщенному звёздами небу. Их движение угадывалось по тёмным пятнам, за которыми то появлялась, то исчезала половинчатая луна.

Мягкий песок отдавал телу накопившееся за день тепло. Гладкие песчаные барханы были похожи на волны, которые решили поиграть в «Замри».

Максим любил песчаные пляжи. Единственное, что в них не нравилось, — мелкие песчинки, которые норовят забраться под одежду и в волосы.

— Зачем мы сюда приехали? — спросил он.

— А что было делать? — отозвалась София. — Ты братался с бароном, пытался выпить на брудершафт с Селин и заявил, что уйдёшь с цыганами ловить вольный ветер. Мы пообещали, что отвезём тебя в табор, и свалили сюда, от греха.

— А-а... — только и мог сказать Максим. Кто-то куснул его изнутри. Наверное, раскаяние. А может, коварный песок пробрался-таки под одежду.

Между тем на пляже, раскинувшемся далеко внизу, у подножия дюны, шла своя жизнь. Там горел костёр и мелькали смутные силуэты.

— Который сейчас час?

— Около трёх.

Максим повалился на спину и предался живительному сну.

Минут через сорок его разбудил вкусный запах. Он открыл глаза. Вадим, Ольга и София сидели рядком, что-то поедая. В песок были воткнуты несколько свечей, пламя которых слабо трепетало — возможно, просто по привычке, поскольку ветра не ощущалось. Было тепло. Под ложечкой предательски засосало. Сглотнул слюну, нарочито бодро приподнялся и хотел было произнести что-нибудь светское, но голос предательски сорвался.

— Дайте кусочек... — попросил охрипшим голосом.

Переданный Вадимом кусок ветчины привёл в восторг. Жизнь стремительно возвращалась в тело, да и место оказалось уютным. Огоньки свечей бросали золотистые отблески на песок. Где-то вдалеке слышалась музыка.

— Здесь красиво, — сообщил Максим обществу. — Днём, наверное, полно народу, а ночью сюда никто не приходит...

— Разве что спьяну, — невинно подтвердила София.

Максиму почудился в её словах скрытый намёк, но он решил не отвечать на провокации.

— Ты был в ударе. Успех полный, — уважительно произнесла Ольга, протягивая ему бутылку с вином.

При мерцающем свете Максим прочёл этикетку: «Шато Марго. 1964 г.».

— Где ты её украла?

— Вадим собирал корзинку, — уклончиво ответила Ольга, не отвечая на вопрос.

— Как можно пить антикварное вино?

— Прямо из горлышка. Бокалов нет.

Они доели закуски, запивая бесценным вином, передавая бутылку по кругу из рук в руки.

Спать совершенно не хотелось. Хотелось сохранить в душе беззаботное состояние, вызванное алкоголем и усталостью. Он редко напивался. И сейчас наслаждался ощущением отсутствия реальности, с её постоянными заботами, беспокойством, хлопотами... В этом параллельном мире, так хорошо знакомом пьяницам, всё было снисходительно-приветливым, отстранённо-дружелюбным, немного забавным. Здесь каждый становился центральной точкой мироздания, а не крохотной букашкой на периферии вселенной. Даже Бог казался приятелем-собутыльником, с которым можно приятно поболтать о том о сём. Как там на небесах? В целом, без деталей?

Поскольку ответа не поступило, решил обратиться к тем, кто под рукой:

— Чем займёмся? Надо скоротать время до рассвета.

— Интересно, что происходит там, на пляже, у костра, — проговорила, не отвечая на вопрос, София.

— Молодёжь веселится, — ответил Вадим.

— А вот и нет. Это пираты, — задумчиво продолжала София. — Их шхуна села на мель, они вытащили на берег бочонок с ромом, коротают время и ждут прилива.

Словно в подтверждение её слов на море загорелся десяток огоньков, образующих линию. Там действительно был какой-то кораблик или яхта. Огоньки ритмично вспыхнули несколько раз и погасли.

— Смотрите, с борта подали условный сигнал, — прокомментировала София. — Запахло жареным. Да-да, там что-то случилось.

Суета у костра усилилась. Тени, которые при тщательном всматривании казались более чёткими, метались вокруг огня. Максиму показалось, что у берега, у кромки воды, виден силуэт лодки или шлюпки. Неожиданно раздалось несколько громких хлопков.

— Ага, теперь понятно. Команда взбунтовалась, — продолжала София. — Одноногого капитана Сильвера застрелили. Новый главарь шайки — тот ещё поц, предлагает зарыть сокровища. С ним не все согласны. В результате — пара трупов с пылу с жару. Порядок установлен.

Группа у костра зажгла фонари и двинулась в сторону дюн.

— Ага! Идут прятать сокровища. Хитрые. Вряд ли они будут это делать в песке. Нужна скала, ориентиры. Подойдёт группа деревьев.

Тут на корабле опять замигал свет. Там тоже что-то происходило. Лучи нескольких прожекторов метались, освещая воду за бортом.

— Не томи. Что случилось в этот раз? — поинтересовалась Ольга. Похоже, всем нравилась игра.

София на секунду задумалась, а затем увлечённо продолжила:

— Душераздирающая история. На шхуне была женщина. Заложница. Её похитили в Марокко, требуя выкуп. Теперь пленница выбралась из запертой каюты и пытается спастись. Прыгнула за борт и плывёт к берегу. Старается делать это бесшумно. Пираты на борту потеряли беглянку из виду. Сейчас помощник капитана звонит на берег, сообщая ситуацию.

— У них что, есть мобильники? — поинтересовался увлечённый Максим.

— Конечно, это же современные пираты.

В это время группа на берегу действительно остановила своё движение к дюнам. Они собрались, словно что-то обсуждая. Затем пятнышки фонариков растянулись в цепь и двинулись к берегу.

— Решили не терять инвестиции. Хотят встретить беглянку у воды, — рассказывала София.

Все зачарованно смотрели на пляж, поглощённые зрелищем, разворачивающимся перед мысленным взором.

— Красотка видит фонари, понимает, что здесь её ждёт ловушка. Цветов и поздравлений с удачным заплывом не будет. Решила плыть вдоль берега. Но силы кончаются. Несчастная уже хлебнула солёной воды и закашлялась. Пираты услышали — по воде звук разносится отчётливо. Вот разбойники спешат туда, где задыхается беглянка. Заметили несчастную...

— Нет, всё не так, — вдруг заявил Максим. Ему понравилась история. Но хотелось внести свою лепту. Немедленно. Хотя бы чтобы показать, кто здесь главный.

— Истинно говорю вам. Это инопланетяне, — весомо начал он.

— Что так? — удивилась Ольга.

— Видишь, судя по отблеску прожекторов, корабль стоит не на воде, а висит над морем. Метрах эдак в двух.

— Странно. Вообще-то, и правда похоже, — согласился Вадим.

Максим всё увереннее продолжал:

— Конечно. Обычная летающая тарелка. Коварные зелёные человечки решили захватить группу туристов, устроивших пикник на пляже.

— Ну ты скажешь. Почему обязательно зелёные? — ревниво поинтересовалась София.

— Доллары любят, — предположил Вадим.

Но Максим не дал увести себя в сторону от истины:

— Они получают энергию от солнца, и, подобно растениям, их кожа содержит хлорофилл. Объясняю всё сначала. Люди у костра заметили странный объект, подкрадывающийся к ним со стороны моря. Всё стало понятным, когда тот зажёг бортовые огни. Вы видели, что огни образовывали полукруг?

— Вроде бы да. Но мы подумали, что это шхуна, — возразил Вадим.

— Где ты видел круглую шхуну? Когда люди разглядели летающую тарелку совсем рядом, они осознали опасность и бросились бежать в дюны.

— А мы-то, наивные, подумали, что это пираты отправились прятать клад. И ведь всё казалось таким обыденным, — с иронией сказала Ольга.

— Вы слышали хлопки? И после этого лучи фонарей на берегу забарахтались. Мне сразу показалось, что по воздуху мелькнула какая-то тень.

— Честно говоря, я тоже видел тень, но подумал, что это облако заслонило луну, — поддержал Вадим.

— Сейчас уже нет облаков. Это с тарелки выстрелили липкой сетью. Ну, вроде гигантской паутины. Та накрыла несчастных, пытающихся убежать.

— Во врёт! Откуда ты это знаешь? — возмутилась София.

— Это их обычный приём, — отмахнулся Максим и увлечённо продолжил: — Пойманные, словно мухи в ловушку, туристы попытались выбраться. Мы видели, как мельтешили лучи их фонарей. София ошибочно решила, что это драка за место нового главаря.

В это время на берегу происходило что-то действительно странное. Костёр вдруг вспыхнул ярким зелёным светом. Столб пламени взвился высоко вверх, осветив на мгновение чёрную плоскость пляжа. Там действительно металась группа людей, словно пойманная в тиски какой-то огромной сетью. А из моря на берег выползало нечто огромное, с уродливо извивающимися длинными чёрными щупальцами.

Пламя упало, и вновь наступила темнота, после вспышки особенно пронзительная.

Все ошеломлённо смотрели на берег.

— Что это было? — прошептала Ольга.

Максим победоносно смотрел на спутников. Те изумлённо уставились на него. Глаза у женщин были огромные, словно их только что стукнули.

— Эй, Копперфильд! Давай без гипноза. Здесь все так умеют, — окликнул его Вадим.

Максим встрепенулся коньком-горбунком. Как невежливо встрял этот лысый тип!

Можно, конечно, возразить. Хотя, по совести говоря, он прав. Увлёкся чуток.

— Слушай, это нечестно, — поддержала София. — Давай придумывать так, чтобы мир прогибался под фантазию добровольно. Без всякой магии и гипноза.

— Я попробую, — неожиданно заявил Вадим. — Инопланетяне — бред. Это обычные игры хиппи. Сегодня же третье августа. В первую неделю августа в Аркашон всегда приезжает команда ветеранов семидесятых. Их даже полиция не трогает — традиции всё-таки. Всё как обычно: костёр разожгли, сплясали, дурь покурили. Купаться вон ходили, там ещё платформу у берега привязывают, чтобы не утонули все. Потом кого-то вставило, мол, эра новая наступила, и с дурью надо кончать. Вот он в костёр запасы и бросил. Может, и бензину плеснул — они там на мотоциклах многие. Дым и пошёл.

Максиму вновь стало весело. Неплохо придумано. Отличный парень этот лысый. Вот так, без всяких фокусов, запросто перерисовал реальность. Знай наших! Поднял глаза к небу. Это не ваши волшебные штучки. Люди тоже кое-что умеют. Весело улыбнулся Вадиму, мол, продолжай, чего там...

Вадим нахмурился:

— Кстати это жуткое, чёрное, клыкастое — не гипноз нашего приятеля, а мотоциклы в дыму.

— А сеть? — заговорщицки подмигнул Максим, давая другу возможность объяснить.

— Да обычная рыбацкая сеть. Они же голые там скачут. Вот и обматывают себя, так, чисто поржать.

Отлично! Молодец! Максим в восторге хлопал себя по коленкам. Казалось, что весь мир радуется вместе с ним.

Темнота таяла. Небо посерело. Вдалеке появилось море цвета мутной стали.

Неожиданно Ольга подняла руку, привлекая внимание.

— Моя очередь.

— Давай, — милостиво разрешил Максим.

Показалось, что из-за проявившихся силуэтов барханов раздался тяжёлый низкий звук, похожий на стон. Потом ещё. Пожилое мироздание устало дышало, запыхавшись. Трудно угнаться за творцами, которые каждую секунду перекраивают мир противоречивыми командами своих мыслей и слов. Как

невозможно самой воспитанной собаке выполнить сотню приказов одновременно: «Сидеть!», «Лежать!», «Стоять!», «Голос!»... Стоять враскоряку, частично сидя, слегка лёжа и при этом лая. Ужас. Хорошо, что у большинства людей команды звучат неразличимым шёпотом. Но не у «избранных». Те орут полноценно. Как не вздрогнуть.

— Всё! Хватит валять дурака! — действительно рявкнула девушка.

Все изумлённо повернулись. Максим вдруг почувствовал, что происходит что-то незапланированное.

— Пора принять правду. Мы умерли. Всё, что вокруг, — бред затухающего разума.

— О чём ты? — удивился Максим.

— Уже забыл? Ты же сам пригласил на бой тех страшных старцев за столом.

— Не помню... — ответил Максим, борясь с чем-то липким, прокравшимся за воротник.

— А зря. Похоже, они восприняли тебя всерьёз. Чёрное пространство вокруг видишь? Цветовые отблески?

— Эй, прекрати. Ты про что? — тревожно спросила София.

— Наш разум пытается нарисовать знакомую картинку. А на самом деле вокруг лишь тёмный туннель и блики теней.

— А вот и нет, — возразила София. — Уже светлеет. Темноты почти нет. Чуток запоздала...

Ольга тяжело повернулась:

— Ты бывала в том туннеле?

— Слава Богу, не приходилось.

— А я была. Поверь, всё так. Лишь сначала полная тьма, а потом мир словно рождается заново. Очень похоже на рассвет.

Все замолчали, вглядываясь в медленно проявляющуюся картинку реальности.

Максим смотрел на розовую полоску, появившуюся над дюнами. Вокруг пока не было красок, лишь безжизненная стальная серая плоскость со слабо различимыми очертаниями берега. Но краски стали потихоньку проникать неизвестно откуда, со строгой очерёдностью цветового спектра. Вот песок окра-

сился чёрно-красным, а на небе небе высветилась оранжевая туманная дымка. Море послушно поменяло цвет на жёлтый. Возникли тёмно-зелёные пятна сосен. Небосвод над горизонтом на западе стал голубым, затем ярко-синим. А там, где должно было появиться солнце, запылали фиолетовые сполохи.

— Не забыли про свет в конце туннеля? — удовлетворённо спросила Ольга. — Ещё минут десять — и вы прикоснётесь к невероятному.

— А потом? — спросил Максим.

— Сейчас узнаешь. Ложись поудобней. Так. И закрой глаза, — почти приказала та.

— Стоп! — вновь встрял Вадим. — Мы же договорились. Без шуточек. Остановись.

Но Максим уже прикрыл веки. Стало темно и тихо. Он проваливался в эту засасывающую трясину, где маячили неясные чёрные тени. Они сплетались в почти невидимые узоры, а потом и это исчезло.

— Эй, проснись! — услышал он голос Софии. — Уже утро.

Максим открыл глаза. Слепило от цветов и красок. Солнце поднялось над дюнами и уже вовсю пробовало свою силу, трогая кожу горячим дыханием. Бирюзовое море щекотало золотистый пляж. Инопланетяне, пираты и все остальные ушли. Лишь одинокие бегуны целеустремлённо совершали свой каждодневный ритуал.

— Позавтракаем в кафе в Аркашоне, — София и Ольга собирали остатки ночной трапезы в корзинку.

Мироздание вновь приняло своих детей. Только неизвестно, то же самое или чуть-чуть другое.

ЧАСТЬ 2.

ОЛЬГА

ГЛАВА 1.

В КОТОРОЙ ГЕРОИ ИЩУТ ЗНАМЕНИЯ И ОБРЕТАЮТ НОВОГО ТОВАРИЩА

Утро начиналось трудно, как и должно быть после бурной и весёлой ночи. Голова у Ольги болела от колен и выше. Отчаянно хотелось есть. Они сидели в уличном кафе на маленькой пешеходной улочке Аркашона, одним концом упиравшейся в набережную, откуда долетал всегда узнаваемый дух моря: смесь йодистого запаха водорослей со свежестью огромной массы воды. Лёгкий ветерок доносил плач чаек. Появились ароматы утреннего города: нотки ванили, свежего хлеба и кофе, щедро приправленные пыльным, даже слегка заплесневелым привкусом старых каменных городских домов. Откуда-то пробирались запахи цветов и сосновой смолы, тронутой солнечными лучами. В целом всё это складывалось в знакомую атмосферу приморского курорта.

Глядя на булыжную мостовую, Ольга подумала, что наверняка в этом букете присутствовали почти не улавливаемые обонянием миазмы старой канализации, проникающие через щели люков, и далёкие выхлопы автомобилей, но они делали общие ощущения лишь более достоверными. Так опытный парфюмер в приятный аромат добавляет неожиданные тона, чтобы получить шедевр. А лицо красавицы требует крохотного изъяна, чтобы стать неподражаемо совершенным. Так устроен этот мир. Нам нравится лишь то, в чём есть смесь Бога и дьявола. А пропорции? У всех свои вкусы...

Часть столика оказалась на солнце, и там сидели мужчины, Максим и Вадим. Они выглядели слегка помятыми, хотя утренняя небритость добавляла обоим определённого шарма. Ольга с Софией уютно устроились в плетёных креслах, прикрытых от ярких лучей полосатыми сине-белыми маркизами.

Растрёпанный официант принёс всем кофе, мятный чай, который отдельно заказала Ольга, апельсиновый сок, воду и корзинку хрустящих круасанов.

Максим преломил булочку так, словно благословлял трапезу. Ольга подумала, что он ведёт себя чересчур театрально. Даже напивается. Она поспешно сделала несколько глотков кислого ледяного сока. Язык защипало, скулы свело, но в голове слегка прояснилось, и стало видно, что за прошедшую ночь мир существенно не изменился.

Прохладное утро постепенно сдавалось настойчивости жаркого дня. По улице шли оптимистичные и жизнелюбивые граждане, как обычно, наслаждающиеся задаром полученной жизнью в райском уголке вселенной. Французы умеют и любят радоваться текущему моменту. Поэтому подолгу занимаются сексом не меняя позы — и так хорошо! В день Страшного суда они с удовольствием отправятся смотреть на бесплатное шоу, прихватив бутылочку вина.

— В целом, отдохнули хорошо, — улыбнулся Максим. — Странно, но на песке я неплохо выспался. Признайся, перед восходом ты меня загипнотизировала.

— Не я. Алкоголь. Он знатный гипнотизёр.

— У тебя бледноватый вид. Тебе плохо? Могу чем-то помочь?

— Организуй мне похороны за свой счёт, — с больной головы Ольга подозрительно относилась к проявлениям всякого рода дружелюбия, альтруизма и прочей любви к человечеству. Почему пьяным в стельку был Максим, а голова болит у неё? Отбойный молоток в затылке вновь принялся долбить по венам. Показалось, что его лицо расплывается, приобретая неприятный язвительный оскал. Может, только притворялся, что пьян? Несмотря на тёплое утро, руки покрылись гусиной кожей. Улица вдруг перестала казаться такой безмятежной, и,

вроде бы, даже потемнело. Посмотрела в небо, которое попрежнему было чистым: никакое случайное облачко не заслоняло яркого солнца. Лишь злобно причитали чайки.

— Мы видим мир таким, каким нам его показывают. Они... — Ольга мрачно кивнула куда-то в небо. — Сидят себе на облаках. И проигрывают в наших мозгах свои фантазии.

София бросила на Ольгу внимательный взгляд, который та не могла истолковать, и кивнула.

— Вот-вот. Я согласна. Наш мир — это чистый лист, на котором не существует ничего без нашего воображения. Мы включаем свою фантазию, и — о чудо! — реальность появляется там, где только что было пусто.

София потёрла переносицу и вдруг спросила:

— Кто вспомнит, какое первое задание Бог дал людям?

— Ты имеешь в виду по Библии? — спросил Максим.

— Ну да.

— Сразу не соображу.

— Давай дневник, и с родителями в школу. Всевышний поручил человеку дать имена всем существам на земле. И стало так. Назвал Адам нечто «львом» — и стал лев.

— А из «червяка» получился червяк. Слово творит мир, — задумчиво продолжил мысль Максим.

— Точно. Получается, что мы решаем, что существует вокруг нас. Львы или червяки...

Максим улыбнулся:

— А что делает Бог?

— Почти ничего. Лишь даёт нам команду включить фантазию. Может, и того круче: просто вкладывает определённые мысли в наши мозги. А мы их думаем и создаём реальность. Такая цепочка...

Ольга молчала. До вчерашнего вечера она не была знакома ни с Максимом, ни с Софией, хотя, конечно, слышала о них. Ребята совсем не простые. Вадима она знала как облупленного, и здесь не могло возникнуть ничего неожиданного. А каких сюрпризов ждать от новых, внезапно навязанных напарников? София, казалось, не имела никаких магических свойств. Странно, учитывая, что именно её назначили командовать группой.

Это бесило. Зачем опытным боевым магам начальство в лице рыжей простушки?

Ольга часто ассоциировала женщин с растениями. Одна похожа на ядовитую лиану, другая — на пышную розу, прячущую колючие шипы. София казалась кувшинкой в тихой заводи, именно той, где черти водятся. Казалось бы, простой цветок, ничего особенного, но стебель уходит куда-то в неведомую глубину, сквозь мутную воду и чёрную донную тину. А ещё кувшинка — это маскирующийся под простачка лотос, на листьях которого сидел Будда.

Загадка настораживала и беспокоила, словно заноза, способная причинить массу проблем. Ох уж эти шустрые канцелярские крыски с затуманенными мозгами от ядов, щедро разлитых по их тёмным норам! Только полный псих мог возглавить группу, целью которой было «пойти туда, не знаю куда». Наверняка злая, все худые женщины — стервы. Пожалуй, только волосы и красивые. Сейчас начнёт командовать...

Словно в ответ на её мысли Соня бодро произнесла:

— Что-то тихая у нас компания утром. С чего начнём-то?

— Назовём нашу миссию «Операция Ы», — серьёзно ответил Максим.

— Смешно, — краем сознания услышала реплику Софии.

Понятно: они в близких отношениях. Теперь придётся выслушивать их шуточки и любовную перебранку. Ах как мило...

Ольга наблюдала за пожилой женщиной, одетой не по погоде в длинную вязаную кофту, шерстяную шапочку и грубые армейские ботинки. Та шла по затенённой стороне улицы и везла за собой маленькую тележку, набитую каким-то тряпьём. Старуха уже прошла мимо, как вдруг остановилась, обернулась и, отыскав глазами Ольгу, спросила: «Холодно?» И, не дожидаясь ответа, двинулась дальше. Странно, но действительно было зябко. Она передвинула стул на солнце, но теплее не стало.

Судя по общему молчанию, план действий не появлялся, с чего начинать — неясно.

Ольга понимала, что все ждали друг от друга каких-то слов. Но слов не было. Все прощупывали друг друга. При этом каж-

дый, на всякий случай, поставил защитный экран на свои мысли. Неизвестно, кто здесь на что способен. Зачем показывать, что в шкафу не просто скелет, а целое кладбище?

— Обычно, когда не знаешь, с чего начинать, следует расслабиться и смотреть на «знаки», — предложил Максим. — «Возложи на Господа заботы свои», сказано в Писании, — добавил он, с видимым удовольствием смакуя кофе.

— А что. Отличный план. Опохмелиться не желаешь? — одобрила идею София. — Франция, хорошая погода. Сидим и ждём знамения.

Максим продолжал, будто не замечая ехидства:

— Сказано: «Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце». Хотя при ярком свете не разглядеть «путеводную звезду».

Тупят хвалёные супергерои. Хотя, может, только делают вид. Библию он действительно хорошо знает. Наизусть цитирует...

— Как ты себе представляешь это знамение? — уточнила Ольга, с удовольствием отхлёбывая горячий чай, ароматно пахнущий мятой. — Небеса разверзнутся. Появится Божественный Лик и грозно проречёт: «Что сидите, ни фига не делаете? Достали...»

Все на всякий случай посмотрели вверх. Небо было голубое и спокойное, явно предвещавшее хорошую погоду на целый день.

— Барон чего-то там про «места силы» говорил, — вспомнил Максим.

— Слушай, ты же вроде пьяный был? — удивилась София.

— Это у меня имидж такой, по сценарию, всё-таки День ВДВ отмечал. Но я всё помню...

— И что ты помнишь?

— Всё.

«Тупят, — с удовлетворением подумала Ольга. — Не знают, что делать». Она подумала, что Максим похож на Джеймса Бонда, провалившего последнее задание и отправленного в отпуск. Соня — на девочку из «Семейки Адамсов», которая перекрасила волосы в рыжий цвет и изо всех сил притворяется нормальной. Ольга вообще не любила всяких героев. Те издревле старались засунуть представителей её профессии в костёр, а сами

получить награды и почести с безопасного, как они полагали, расстояния.

Впавший в кому официант застыл неподалёку. Он спрятался в тени, терпеливо ожидая появления очередного клиента, словно паук муху.

Спокойствие нарушил громкий звук, похожий на выстрел, раздавшийся с противоположной стороны улицы. Все обернулись. Напротив с грохотом открывал алюминиевые жалюзи магазина странный тип в чёрной, расшитой магическими рунами рубахе. У него были длинные, смоляные с проседью, волосы и загорелое, изрезанное ранними морщинами лицо. Он посмотрел на Ольгу, неожиданно подмигнул и призывно махнул рукой: «Мы открыты».

Рядом с ним в дверях сидела рыжая собака. Хвост аккуратно лежал рядом с лапами, чтобы никакой олух не мог отдавить, а большие глаза лукаво и интригующе смотрели на прохожих. Они как будто хотели сказать: «Пройдя мимо, вы пропустите всё самое интересное...»

Ольга с удовольствием разглядывала симпатягу. Животные всегда вызывали нежность. Даже самый злобный волк лучше человека. Ведь он кусает ради выживания, а не для удовольствия от боли ближнего. Как там её пёс, Ральф? Наверное, сидит и страдает от жары и отсутствия хозяйки. Надо привезти ему подарок. Однажды привезла из Италии бандану с пиратским рисунком черепа и костей. Узор из косточек привёл овчарку в восторг. Повязка сразу сползла с одного уха, отчего собака стала похожа на матёрого морского волка. Пришлось завязывать на шею. С платком на шее Ральф выглядел подгулявшим плейбоем и с гордостью носил косынку целый час. Потом не выдержал, содрал тряпку и попробовал подарок на вкус. Разодрал на нитки, пёс такой.

— Заходите, — вновь кивнул продавец, отвлекая от воспоминаний.

Её качнуло: то ли закружилась голова, то ли, согласно бредовой теории Софии, застывший мир снова начал вращаться.

— Там нас приглашают, — заметила Ольга.

— Аллилуйя, знаю этот магазин, — заявил Максим. — Там одежда для всяких готических вечеринок. Забавное место.

За столом возникла суета. Галантный Максим отправился платить в глубь кафе, к стойке. София продолжала сидеть и махнула рукой:

— Идите, мы догоним.

Наверное, хотят поговорить наедине. Что ж, пусть секретничают, суперагенты.

Магазин встретил полумраком, прохладой и таинственной мистической музыкой. Головная боль уже совсем исчезла. Теперь можно было сосредоточиться на окружающем.

Мрачновато. Похоже, интерьер помещения дизайнер срисовал со своего кошмарного сна. Стиль — раннесклеповский. Чистоту портили лишь примерочные кабины, похожие на гигантские металлические снаряды, криво воткнутые в пол.

Модели нарядов соответствовали интерьеру. Изящные рубашки, похожие на саваны. Элегантные плащи с живописными бурыми пятнами запёкшейся крови.

Чем дальше они уходили внутрь зала, тем менее реальной казалась окружающая действительность. В углу баскетболистка, похожая на великаншу, мерила кольчугу. В соседнюю примерочную кабину заскочила женщина, одетая колдуньей: остроконечная шляпа, балахон, обереги на поясе. С ней был карлик в средневековом камзоле, который принялся заглядывать внутрь, изучая, как та переодевается.

Ольга подумала, что настоящие ведьмы никогда не стали бы подчёркивать своё ремесло одеждой. Родовая память гласила, что когда нормальные люди пугаются, они нервничают и используют осиновый кол или кипящую смолу, чтобы вновь почувствовать себя храбрецами. История учила быть незаметной. Джинсы, майка и лёгкие босоножки без каблука.

Краем бокового зрения почувствовала, что из сумрака магазина к ней кто-то крадётся. Мужчина в маске и чёрном плаще осторожно пробирался, прячась за стойкой с платьями и стараясь быть за спиной. Заглянула в разум таинственного незнакомца. Ага, любитель дурацких шуток, одетый в маскарадный костюм. Обожает как бы невзначай пугать нервных дам. Затем извинения, знакомство и приглашение выпить чашечку кофе, чтобы загладить свою неловкость. Но то, что уви-

дела глубже, заставило вздрогнуть: маньяк, склонный к кровавому насилию. Ольга терпеть не могла типов, стремящихся не просто унизить женщину, но сделать это максимально гадко и безжалостно, чтобы получить свой вожделенный оргазм. Тот был уже совсем рядом. «А-а-а!» — страшно вскричал пришелец. Но тут перед его глазами вместо симпатичной туристки оказался смрадный труп. Полуразложившееся тело со следами сползающей склизкой плоти повернулось к нему и, плотно схватив в объятья, прижалось к губам в поцелуе: «Милый, как долго я тебя ждала!» Мужчина почувствовал обнажённые кости черепа, гнилые зубы и липкий, словно намазанный клейстером, язык, проникающий в его рот. Затем он потерял сознание.

Ольга с удовлетворением посмотрела на поверженного искателя приключений. Хорошо учить уму-разуму всяких гнусных персонажей. Вряд ли тому захочется в ближайшее время искать новых сексуальных подвигов. Брезгливо проведя рукой по бедру, словно стряхивая невидимую грязь, пошла к выходу. Похоже, редкие посетители ничего не заметили. У кассы Вадим покупал необычную куртку. По кожаной поверхности шли четыре глубоких разреза наискось.

— Порвана, уценили?

— Это следы когтей дракона, — возмутился Вадим.

— А-а. Тогда шик!

Неожиданно наступила тишина. Где-то меняли диск, а затем зазвучал тихий перебор струн, и высокий, слегка хриплый мужской голос запел знакомую чарующую мелодию. «Лестница в небо» рок-группы «Лед Зеппелин». Сначала музыка была нежна, но вот ритм стал жёстким, голос окреп, и романтичная рок-баллада стала превращаться в магическое и брызжущее энергетикой заклинание:

— «На пути нашем сложном — два исхода, но дали нам время...» — перевёл Вадим. — «Лестница в небо опирается на шепчущий ветер, где наши тени станут больше, чем души. Там, в Царстве Божьем, гуляет дама, сияющая белоснежным светом, которую мы знаем...» Очень загадочный, каббалистический текст, — вздохнул он.

Ольга подумала, что никогда не пыталась размышлять о словах песни под таким углом, воспринимая просто как лирическое повествование. Попыталась вслушаться и ощутить энергию звуков. Напряжение в музыке нарастало, неистовый ритм барабанов заставлял бешено колотиться сердце. Уходящий в ультразвук голос отключал сознание. Околдованное тело послушно отзывалось пульсу баса. Мышцы вибрировали. Мозг нарисовал странную картину: тёмный провал открытой пасти, куда летели звуки, ударяясь об острые клыки, торчавшие, словно ступени лестницы. В конце сиял свет, но он был чёрного цвета.

Магические слова скручивали пространство в смерч, где песчинки человеческих тел отсчитывали время на часах вечности. Вдруг мелодия стихла, но вкрадчивый голос певца внятно прошептал, словно указывая кому-то на Ольгу: «Она покупает лестницу в Царствие Божье». В прозвучавшей фразе не было удивления, лишь констатация факта или предвидение того, что должно неумолимо свершиться.

По коже побежали мурашки. Озноб появился вновь. Она зябко обхватила предплечье, ощущая под пальцами холод.

Возможно, когда-то похожий голос нашептал Еве совет, приведший к череде событий, создавших человеческую цивилизацию: «Хотите быть как боги? Отведайте фрукта запретного...»

Ольга знала, что такие фразы — совершенно риторические, лишь для создания иллюзии интриги. Наверху всё уже решено, сценарий создан, драматургия просчитана, процесс запущен. Скорее всего, и «подлый Змей» лишь произносил реплики, написанные ему Создателем. И лучше об этом не думать, а плотнее прижаться к наезжающему катку. Настолько плотно, чтобы слиться с ним, в свою очередь, став частью неумолимой силы, а не оказавшись раздавленной.

Она сжала губы, затем улыбнулась, хотя улыбка получилась скорее злой, чем весёлой, и быстро выпалила:

— Я знаю, что нам следует сделать, с чего начать, и где находится первая ступенька «Лестницы в небо».

— Не понял, — удивился Вадим, осторожно посмотрев на возбуждённую девушку. — Когда улыбаешься, попробуй не

только скалить рот, но и сделать весёлыми глаза, — добавил он.

Ольга проигнорировала выпад:

— Барон ведь нас послал... — она сделала паузу, — ...договариваться с высшими силами. Можно сказать, взобраться на небеса и встретиться с «сияющей дамой». Или кто там у них ещё есть...

Вадим по-прежнему не понимал.

Почему они все тормозят? Долго соображают. Вот и сейчас: напарник не замечает очевидного. Она чувствовала, как невидимая сила покалывает кожу, тело переставало быть оболочкой сознания, окружающий мир нетерпеливо вибрировал, готовый подчиниться команде. Она любила такое состояние, которое характеризовала как «отличная боевая форма опытной ведьмы».

Нетерпеливо мотнула головой:

— Не тупи. Эта песня — классная подсказка, как действовать...

— Вы сделали выбор? — обратился к Ольге уже знакомый продавец, дополнивший свой экстравагантный наряд ещё и необычным головным убором. Когда он заговорил, стали видны неровные острые зубы, похожие на клыки. Отчего зубастый в чепце походил на волка, только что сожравшего бабушку Красной Шапочки.

— Время уходит, — проговорила «бабушка».

Хотелось спросить: «Почему у вас такие большие зубы?». Но вслух сказала:

— Почему надо торопиться?

— Самое дорогое, что у нас есть, — время.

— Пока не решила, что купить. Подумаю...

Девушка во всём видела подтверждение своим мыслям. Вот и продавец, которому срочно нужно к зубному, подпилить клыки, намекнул, что «время уходит». Неведомые силы торопят...

Пошла к выходу. Вадим тащился сзади. Хорошо бы получить свыше какое-нибудь подтверждение. Чтобы не выглядеть дурой перед остальными. Она-то знает, что права, но рыжая чертовка может не понять.

Словно в ответ, на улице раздались громкие вопли:

— Какой сюрприз, Андрей!

— Неужели это ты, Максим?

— Сколько лет, сколько зим!

— Словно вчера! Постарел!

— Совсем не изменился!

— Вот волшебная встреча!

Увидела, как Максим обнимается с человеком, одетым в широкие клетчатые штаны, яркую рубаху с мавританским орнаментом и оранжевую ермолку.

Противоречивые восклицания завершились краткой борьбой с захватами и удушающими приёмами. Затем последовало несколько смачных ударов по спинам друг друга. Пространство вокруг обезлюдело. Прохожие осторожно переходили на другую сторону улицы, не желая быть втянутыми в потасовку. Кричат, вроде, по-славянски. Наверняка русская мафия лютует. «Жан, беги к папе, сейчас дяди начнут стрелять!»

После завершения энергичных ритуальных действий братание вступило в следующую фазу. Новообретённые друзья отпрянули друг от друга, восстанавливая дыхание.

— «Здравствуй, Бим! Здравствуй, Бом!» — негромко прокомментировала Ольга. — Что за клоунада?

— Мой старый друг, — объявил Максим. — Мы не виделись лет десять. Он гений и великий скульптор.

Великий скульптор, в не меньшей степени обрадованный встречей, улыбаясь, смотрел на них большими семитскими глазами, похожими на чёрные маслины. Он был среднего роста, полноват, небрит и похож на лукавого плюшевого медвежонка, промышляющего в сувенирной арабской лавке.

— Как сюда попал? — спросил Максим.

Ольге показалось, что в его голосе звучала искренняя теплота. «Неужели, столько лет работая у барона Анри, сохранил человеческие чувства? — подумала она и сама себе ответила: — Скорее всего, притворство и тонкий расчёт, которого я пока не понимаю...»

— Проездом. Вообще-то завтра лечу в Шотландию на озеро Лох-Несс. К сожалению, через Париж. В Эдинбург прямого рей-

са нет. Затем поездом часа три до Инвернесса. Там у меня знакомый уже много лет ловит чудовище. Вот и меня пригласил. Не поймаем, так хоть напьёмся.

Ольга внутренне возликовала. Она услышала то, что хотела, и, как всегда, оказалась права. Высшие силы дали чёткое подтверждение её версии, возникшей в магазине. Что нужно Максиму от этого клоуна, она выяснит потом. Знак получен.

— Вы алкоголик? — в это время вежливо уточнила София.

— Нет. Я пьяница. Для алкоголика у меня ещё слишком мало денег.

Андрей как-то сразу всем пришёлся впору: церемонно целовал руки дамам, рассказывал смешные истории и анекдоты. Изгибы его комплиментов виляли, как хвост счастливого щенка. Слова сами по себе ничего не значили, но они создавали атмосферу. В конце концов, именно словом Бог сотворил вселенную. Хотя почему-то никто не уточнял, что именно было произнесено: случайное восклицание, ругательство или просто неразборчивое мычание со сна.

Ольге показалось, что она знает этого фигляра с детства. Забавный тип, хотя от него шума было как от толпы немецких туристов на пивном фестивале.

Бывает, что между людьми возникают токи. Андрей искрил так, что щипало кожу. От действия такой электроволновой терапии раздражение, терзавшее мозг с утра, словно надоедливый слепень, наконец убралось. Подобревшая Ольга даже бросила монетку в коробку нищего, безмятежно дремавшего с плюшевой собачкой у лица в тёплом закутке тротуара. Рядом спала псина побольше. Окружающие стали миловиднее, а прохожие принарядились, как цветы полевые, в яркие одежды.

По предложению опытного Максима, обедать поехали в загородный ресторан, осенённый двумя звёздами Мишлена. Благословенная обитель скрывалась в тенистом оазисе средь безбрежных виноградных полей.

На автостоянке перед симпатичным одноэтажным домиком, плотно укрытым плетёнкой из бугенвиллий и роз, встретил

приветливый деревенский увалень. Несмотря на жару, тот был упакован в форменный старомодный китель с блестящими пуговицами, синюю капитанскую фуражку с лакированным козырьком и золотым шитьём в центре; у пояса торчала франтоватая короткая шпага. Нездоровая полнота, глаза навыкате, виноватая скособоченная улыбка.

— Бросайте швартовые. Есть свободный причал, помогу пришвартовать яхту.

— Племянник хозяйки. У парня немного свинчены мозги, — негромко пояснил Максим и в голос поинтересовался: — Привет, Жером. Пираты не беспокоят?

— Нет. Если приплывут, задам жару.

— Молодец. Будь начеку.

Максим протянул монетку в подставленную ладошку.

Парень церемонно поклонился, выставив вперёд одну ногу и тяжело присев на другую.

Тёмно-зелёная дверь ресторана распахнулась. На пороге, заламывая руки от счастья, появилась пышная дама, украшенная шляпкой с цветком розы. Тесное платье страстно прижималось к необъятным бёдрам и вздымающейся груди.

— Месье Михайлов! Как приятно вас видеть вновь!

— Мадам, а я-то как счастлив...

Расцеловались, сопровождая каждый поцелуй страстным причмокиванием. Последовало преставление новых друзей. Ольга предчувствовала, что процедура долгих лобызаний не минует. И не ошиблась. Лишь через пару минут смогли зайти в спасительную прохладу.

— Здесь готовят потрясающие запечённые устрицы, — сообщил Максим. — А какое великолепное вино!

— Эй, тебе не пора завязывать с алкоголем? — поинтересовалась София.

— В Библии сказано: «Вино полезно для жизни человека, если будешь пить его умеренно...»

— Вот-вот. Сосредоточься на слове «умеренно».

Когда Андрей вышел «позвонить и помыть руки», Вадима прорвало:

— У Ольги есть важная информация...

Ну вот. Всё скомкал. Куда он торопится? Триумф не терпит спешки. Нужна соответствующая обстановка, правильный настрой...

София насторожилась:

— Удивляйте, мы готовы...

Момент был скомкан.

— В магазине, куда мы так удачно зашли, звучала «Лестница в небо».

— Любишь «Лед Зеппелин»? — заинтересовался Максим, который, похоже, как и все, не понимал, к чему она клонит.

— Дело не в этом, — досадливо мотнула головой Ольга. — Песню написал гитарист группы.

— Ты говоришь про Джимми Пейджа?

— Нет, про Вольфганга Амадея Моцарта. Перестань меня перебивать. Музыкант считал себя реинкарнацией величайшего чародея и мага двадцатого века Алистера Кроули. Поэтому после смерти колдуна выкупил его усадьбу на озере Лох-Несс. И там написал «Лестницу в небо». Если вслушаться в текст — прямо о нас и о нашем задании. Мол, у ситуации есть два исхода, но нам дают время. «Купите» лестницу в небо и отправляйтесь в Царствие Божье, договариваться с некой сияющей светом дамой.

Ольга на секунду замялась, не зная, стоит ли говорить, что «покупать» лестницу, возможно, придётся именно ей. Все внимательно слушали, и она продолжала:

— Думаю, это знак. Лох-Несс — первая ступенька лестницы, которая свяжет нас с высшим миром. Тем более что там признанное место силы, и барон Анри об этом говорил.

— Ну... не знаю. Думаешь, песня с туманными словами — знак свыше? — разочарованно произнесла София.

— Конечно. Одной мелодии было бы явно недостаточно. Но сразу пришло подтверждение. Появился тот клоун, сказавший, что вечерней лошадью скачет на Лох-Несс. Два таких совпадения подряд даже у скептика, — Ольга посмотрела в сторону Софии, — вызовут сомнение в их случайности. Понятно, куда нас зовут.

Показалось, что София замерла, словно советуясь с кем-то невидимым, находящимся рядом. Её губы беззвучно шевели-

лись, а застывшие глаза смотрели мимо присутствующих. Невидимое совещание продолжалось недолго.

— Я поняла, — наконец сказала она, кивнув головой. Потом, неизвестно зачем, принялась объяснять, в общем-то, повторяя сказанное Ольгой: — Действительно, Кроули был хорош. Прямо-таки великий и могучий. А его усадьба на берегу Лох-Несского озера! Это не просто дом, а портал в иное измерение.

— Ты шутишь? — удивился Максим.

— А похоже? Полагают, что портал ведёт в миры ангелов и демонов. Кроули утверждал, что общался с «демоном». Возможно, этот демон — и есть лох-несское чудовище.

Ну вот. Как всегда, триумфа не получилось. Рыжая говорит так, словно всегда всё знала и просто ждала, когда сообразят все остальные.

Ольга поморщилась:

— Нет. Лох-несское чудовище — не обязательно демон. Может быть, и ангел. Разница между ангелом и демоном — что между разведчиком и шпионом. Только в отношении к ним.

— Кажется, ангелы красивы, а демоны — страшны, — уточнил Максим.

София увлеклась:

— Меня не надо уговаривать. В сущности, внешний вид — не более чем ярлык программы на экране компьютера. Можно сказать, реклама продукта. Ангелы, как правило, что-либо сохраняли, а демоны — разрушали. Жизнь и смерть. Плюс и минус. Одного не может быть без другого. Наш мир существует за счёт борьбы противоположностей. Дай Бог ему здоровья.

— Но Кроули умер в начале двадцатого века, а чудовище видели там ещё в средневековье, — заметил Вадим.

— Демон существовал всегда. Маг просто сумел с ним связаться.

— Это произошло случайно? — улыбнулся Максим. — Вроде студента, вызвавшего на экзамене по латыни дьявола?

Похоже, Софии было приятно внимание присутствующих.

— Смешно, но попал в «молоко». На самом деле, для вызова демона Кроули использовал ритуалы из одного увлекатель-

ного средневекового трактата, — София замолчала и продолжила, будто услышала подсказку: — «Книги священной магии Абра-Мелина, кою Авраам передал сыну своему Ламеху». Кто-то в древности составил нечто вроде руководства по «хакерскому взлому» управляющей системы Всевышнего. Некоторые называют эту систему «А.У.М.» — «Администрацией управления мирами», — произнесла она, быстро взглянув на Максима.

Ольга уловила этот взгляд: «Они определённо что-то недоговаривают...» Но вопросов задавать не стала. Все тоже молчали, а София продолжала:

— Сейчас хакеров сажают либо в тюрьму, либо в контору спецслужб. Тогда — сразу совали в костёр. Но чаще возмездие приходило от высших сил. Поэтому в книге рассказаны правила безопасности работы колдуна. Если коротко: хочешь, чтобы демон не съел, будь духовно чист. Не блуди и не пей, — закончила она, глядя на Максима.

Ольга тяжело посмотрела на разглагольствующую девушку. «Она что, считает нас студентами и упивается ролью начальника?»

— Лекцию надо записывать? На экзаменах конспекты спрашиваешь?

София с удивлением остановилась. Максим пришёл на выручку:

— Она просто объясняет, почему у Кроули в жизни всё было нормально. А у знаменитого музыканта после покупки дома судьба пошла наперекосяк. Близкие друзья стали умирать один за другим, а затем и семья погибла в автокатастрофе. Испугавшись, он срочно продал страшное место, и, возможно, именно поэтому остался жив.

Ольга подумала, что не нуждается в разъяснениях. Всё и так понятно.

София благодарно посмотрела на Максима.

— Именно. Квалифицированный «хакер», вроде Алистера Кроули, может взломать управляющую программу. А менее опытный — испортит компьютер, который, в свою очередь, убьёт его, как персонаж повреждённой программы.

— Кто бы мог подумать. Ты так проницательна... — мрачно сказала Ольга.

София, словно не замечая её враждебности, продолжала говорить:

— Представляете, что такое купить дом с открытым порталом в другой мир? Это пострашнее, чем спать на урановом руднике. Для здоровья вредно. Дом и сейчас опасен. Портал распространяет своё влияние на несколько километров. Там, конечно, не Мехико, народу мало, но каждый норовит помолиться перед сном. До Бога далеко, а демон рядом, да на свободе. И, наверное, не один. Как только человек привлекает к себе внимание существ из управляющего мира, те с радостью начинают помогать ему и меняют жизнь. Но делают всё очень буквально. Потому что не анализируют смысл, а выполняют запрос, как поисковая система «Гугл». Надо очень точно формулировать просьбу, а иначе... — София провела рукой по волосам, поправляя непослушные локоны, и продолжила: — Вот, бывает, женщина попросит у высших сил, чтобы муж не пил. Система с радостью выполняет просьбу, и муж умирает. Лежит на кладбище и не пьёт...

Все молчали. Ольга вспомнила, как её бабушка в конце жизни заявила, что не может видеть идиотизма окружающего мира. Вскоре ослепла и закончила свою жизнь практически в полной коме, не замечая и не воспринимая ничего вокруг.

— В русских сказках есть «Трое из ларца, одинаковых с лица». Выполняют любую просьбу. Но так, что одна беда получается.

— Сказки хранят много тайн, — вроде невпопад сказал Максим.

— Где сейчас колдовской трактат? — заинтересовался Вадим.

— В надёжном месте. Его в девятнадцатом веке прибрали к рукам военные и, как документ стратегической важности, поместили в государственную коллекцию арсенала Франции. Сейчас он хранится в Национальной библиотеке. А мы закрыли район Лох-Несса от ажиотажного посещения.

— Как?

— Запретили строить на озере гостиницы, рестораны и прочую инфраструктуру, привлекающую туристов.

— Но слухи о лох-несском чудовище уже нельзя было остановить, — уточнил Максим.

— Да-да. Поэтому мы довели их до абсурда. Подкинули идею, что в озере живет доисторический плезиозавр, который чудом уцелел, обитая в огромных пещерах на дне.

— Как ты слова такие выговариваешь? Презе... — невинно поинтересовалась Ольга.

— Плезиозавр, доисторическое животное, похожее на ощипанного лебедя, только в сто раз больше, — словно убогой, объяснила София.

— И что, люди верят в такую ерунду?

— Ой, во что только люди не верят! Как всегда, нам помогли полусумасшедшие энтузиасты. Они сами скомпрометировали идею, подсовывая многочисленные фальсификации, число которых мы постарались увеличить.

— То есть изобразили Несси то ли уткой, то ли ящером, но не как не демона? — уточнил Вадим.

— Конечно. Религиозные взгляды в настоящее время устоялись. Этот баланс — такой же хрупкий, как равновесие в экологической системе. Что произойдёт, если люди начнут срочно пересматривать свои представления о мироздании?

— Последствия могут быть непредсказуемы. Не введи нас во искушение... — согласился Максим.

— Если люди решат, что демон исполняет желания, за доступ к нему начнётся мировая война, — добавила София.

— Похоже, уготовано нам ехать на Лох-Несс, — засмеялся Максим. — Только вместо «белой дамы» нас там встретит «чёрное чудовище».

— Не факт, — загадочно произнесла Ольга. Она ощущала, что встреча будет именно с дамой. А вот с белой или чёрной, пока было непонятно. «Наверное, от освещения зависит», — решила она про себя.

Тут София опять встряла со своими разъяснениями:

— Усадьба куплена через подставные лица и закрыта для посещения. Там сейчас исследовательская зона. Наше появление всех встряхнёт. Поселимся в обычной гостинице. А там разберёмся, — девушка говорила спокойно, но её шея слегка порозо-

вела, и почти незаметные капельки пота появились на кончике носа и у висков. Похоже, она многого не договаривала. Затем подвела итог: — Приедем, посмотрим на «знаки». Думаю, нам опять подскажут...

«Ну вот, — подумала Ольга. — Рыжая плавно полностью перехватила инициативу. Никто даже и не заметил, что это я нашла решение».

Есть хотелось всё больше. Ольга заметила мошку, севшую на её салфетку, и аккуратно сдула её, чтобы не повредить малышке крылья.

Наконец удалось подманить официанта. Тот подошёл одновременно с Андреем и принялся уточнять выбор каждого из участников застолья.

Чувствуя себя голодной как собака, Ольга кроме карпаччо из лосося и хвалёных запечённых устриц заказала ещё и третье блюдо — рыбный суп. Подумала, что потом закажет себе ещё и десерт. И сыр. Не съест, так хоть попробует. Количество еды никак не отражалось на её фигуре. Она даже ходила к доктору, который после кучи анализов заверил, что всё в абсолютном порядке. Просто стремительный обмен веществ. И об этом не надо никому рассказывать, чтобы не завидовали.

Ещё она знала, что такое голодная собака. Её новый пёс, Ральф, был взят из приюта щенком. Куча маленьких мохнатых комочков бултыхалась в одной клетке. Еды на всех не хватало, и питался тот, кто, сумев разбросать остальных, первым проглатывал вожделенные кусочки корма. Полгода Ральф не давал Ольге поставить миску с едой на пол — он выбивал посуду из рук и, пока она падала, успевал проглотить всё, что там лежало. Наверное, считал, что в противном случае Ольга опередит и съест всё сама. Пёс был такой худой, что шкура оказалась на пару размеров больше, чем тело. При движении кожа сползала, так что лапы путались. Лишь через несколько месяцев мохнатый костюмчик стал впору, и щенок превратился в очаровательного крепыша — брюнета с рыжими подпалинами и умными чёрными маслиновыми глазками.

Отвлекшись от воспоминаний, Ольга заметила, что остальные уже заказали еду.

Выслушав всех, официант похвалил тонкий вкус гостей. Что было бы, если бы выбор ему не понравился? Не стал обслуживать и пришлось бы уйти голодными, предварительно пристукнув наглеца? Официант удалился, не подозревая, какой опасности только что подверг свою жизнь.

Кушали молча, если не считать двух десятков анекдотов, красочно изложенных Андреем.

Ольга почувствовала, что наелась, лишь когда Андрей заканчивал двадцать первую историю, кажется, про приключения бизнесмена в загробном мире:

— Выходит Господь, задумчивый такой. Чешет лоб под нимбом и говорит: «Этот грешник убедил меня, что Бога нет, но почему я должен ему два процента?»

После вкусного обеда с хорошим вином наступает сладостное время: вечер ещё не начался, впереди весь день, и кажется, что получен призовой бонус от Бога. Даже природа оцепенела в сладкой полудрёме. Мухи не летали, юморист-сатирик затих, официанты скрылись в винных подвалах. Сиеста.

Но Максим разрушил очарование момента. Взяв в руку пустую устричную раковину, он вдруг пафосно продекламировал:

— О бедный Йорик! Я знал его, Горацио!

Затем замер, видимо, вспоминая строки Шекспира, и вдруг заявил без перехода:

— Человечество́ подобно устрицам... — Отколупнув кусочек запёкшегося сыра, продолжил: — Этих, таких вкусных и крупных, вырастили на больших листах, похожих на шиферные плиты. Вначале во впадины с помощью цемента прикрепили фрагменты скорлупы. Можно сказать, генетический материал будущей цивилизации моллюсков. Затем опустили в море, и жизнь стремительно забурлила. Три года пластина жила не тужила, словно планета в космосе.

Ничего не подозревающий деликатес радовался жизни, строил планы, размножался. Лишь один старый, мрачный моллюск предрекал грядущий апокалипсис. «Покайтесь!» — невнятно булькал он. Потом в одночасье наступил конец света: фермер вынул пластину и соскрёб всех. И грешников, и праве-

ников. И привёз в ресторан, и подал на стол. Коих поджарили в кипящем масле, а коих безжалостно открыли и капнули кислым лимоном в нежную плоть. И был плач, и скрежет зубовный. А очищенную пластину вновь поместили в море, чтобы зрела новая цивилизация.

— Хочешь сказать, что нас съедят? — уточнил Вадим.

— Могут. Кстати, устриц время от времени подвергают стрессу, чтобы улучшить иммунитет колонии. Их ненадолго вытаскивают из воды, встряхивают...

— Думаешь, катаклизмы, войны и глобальные эпидемии — такая прививка для человечества?

— Возможно. Человеческие цивилизации существуют с периодом пятнадцать — двадцать тысяч лет. Потом что-то происходит. Словно землю очищают от людей. И всё начинается заново. Считается, что до нас на планете существовало уже несколько таких исторических этапов. Вдруг сейчас происходит нечто подобное? Завтра небо заслонит огромный лик и удовлетворённо скажет: «Готовы. Ишь, какие жирненькие, розовенькие. Вынимай!» И нас счистят скребком с тела Земли.

Андрей с ужасом взглянул на свой пухлый животик, ставший после еды ещё внушительнее.

— Надо худеть, — безжалостно подтвердила Ольга. Мрачный прогноз Максима не понравился. И, похоже, не только ей.

София решительно расправила салфетку:

— Запугал вконец. Говоришь как типичный ветхозаветный пророк. Можно ещё руки вскинуть и повыть. Сразу предупреждаю: волосы драть на себе не буду.

— Я тоже, — проговорила Ольга, с удивлением осознав, что согласна с Софией.

— И не надо раньше времени звать беду. Сам же говорил — наши мысли творят мироздание. Вот и думай, что пророкаешь. А то прокляну... Будем действовать позитивно. Не дадим шансов потусторонним фермерам, кто бы они ни были. Организую частный самолёт от Бордо в Инвернесс. Думаю, завтра к обеду сможем полететь.

«Сильна рыжая, — подумала Ольга. — Она ничего, когда злится, на человека похожа. Может быть, сработаемся».

Странно, но теперь напарница не раздражала. Скорее, наоборот, вызывала симпатию. Колдунья чёртова.

Андрей с восторгом сопел, рассматривая винную карту. Подсчитав цену заказанного Максимом вина, он спросил:

— Ты действительно так богат, или нам придётся убегать не заплатив?

— Истинно говорю, я — сказочно богат, — серьёзно ответил Максим, — и завтра ты полетишь на моём самолёте прямым рейсом до Лох-Несса. Аминь.

— Тогда давай закажем ещё бутылку, — быстро сообразил Андрей.

«Этот плюшевый медвежонок ещё не знает, что халявный мёд охраняют злые пчёлы», — подумала Ольга.

Вадим наклонился и негромко произнёс:

— В песне «лестницу в небо» покупает некая девушка, чтобы подняться к «сияющей даме». Мне бы не хотелось, чтобы это была ты. Там ведь денег не берут...

— А что берут? — спросила Ольга, хотя и сама знала ответ.

ГЛАВА 2.

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ, КАК ЕЩЁ ПОДРОСТКОМ ОЛЬГА СТОЛКНУЛАСЬ С НЕВЕРОЯТНЫМ

С детства невероятные события липли к Ольге как мошкара на клейкую ленту. Бывают люди, обделённые вниманием бурной судьбы. Живут спокойно, без приключений, растят детей, тихо болеют, в свой черёд покидают мир. Счастливцы! Существуют такие страны и народы. Все им завидуют.

Но есть и другие. Им достаётся любовь и внимание богов. Вспомним ветхозаветного праведника Иова. Так возлюбил его Господь, что сделал жизнь полной занимательных испытаний. Дал страшную болезнь — проказу. Разорил имение. Близкие, знакомые, жена, дети покинули несчастного, а тот знай крепчает, Бога славит. И наградил Господь Иова за преданность. Вдвое увеличил состояние и дал четырнадцать тысяч голов скота. И, как сказано в Библии, «умер Иов в старости, насыщенный днями».

Судьба непрерывно посылает таким людям щедрые дары небес. И жизнь несётся, как вагонетка на американских горках, то вниз, то вверх. Сегодня они на вершине, а завтра в глубокой яме. И существуют такие же страны и целые народы. Странно, но им тоже многие завидуют. И это понятно, ведь об этих людях пишут книги, снимают фильмы, говорят тосты. Правда, обычно после смерти.

Каждый «любимец судьбы» когда-то был ребёнком. Нам мало известно, какими были маленький Иисус, Мухаммед или Будда. Наполеон, Рубенс, Ван Гог или Пётр Первый.

Впрочем, наш рассказ не о них. Вернёмся к тому, что знакомо, по крайней мере, автору.

Одна из удивительных историй произошла с Ольгой, когда она закончила восьмой класс. Родители решили всей семьёй поехать на море, в Египет — страну, которая будоражила воображение мамы. Антикварный альбом с репродукциями Дэвида Робертса, наполненный таинственным миром древних дворцов, загадочных сфинксов и пещер с гигантскими статуями неизвестных богов, был гордостью домашней библиотеки. Мама взахлёб рассказывала дочке историю открытия Говардом Картером гробницы Тутанхамона. Глаза женщины, работавшей бухгалтером на химкомбинате, горели восторгом. В голосе звучал трепет перед чужой жизнью, наполненной невероятными приключениями.

Предощущение удивительных событий волновало Ольгу всю дорогу.

Первые несколько дней, проведённых на пляже отеля, прошли без приключений. Вокруг был прогретый солнцем светло-жёлтый песок, упоительно синее море, белоснежные шезлонги с красными зонтами, словно сошедшие с рекламных проспектов.

Основное занятие на пляже — подглядывание. Все, тайно или явно, следили друг за другом. Замечали, сравнивали, додумывали, представляли. Новички привносили интригу. Признанные звёзды вызывали зависть, раздражение и желание узнать, что же произошло вчера вечером.

Подростки тусовались особняком в шумных компаниях, где могли проявить себя весёлыми, развязными и даже порочными. В обществе родителей становились замкнутыми и молчаливыми, не метали бисера передовых взглядов перед безнадёжно устаревшими предками.

Дети бегали с красными совочками и перекапывали пляж. Все были серьёзно больны гландами, аденоидами, ангинами и обладали множеством талантов.

Мужчины доказывали друг другу, кто главней. Каждый имел суверенный участок суши с двумя шезлонгами, зонтом и столиком, на котором покоился золотой скипетр власти — бокал утреннего пива. Царицы, в свою очередь, выясняли, кто на свете всех милей и румяней. Юные красавицы сияли украшениями, длинноноги, светлобровы и почти на всё готовы. Они откликались на странные имена: Тута, Масяня, Ляма — словно из детской книжки про зверушек. Сам «царь зверей», как правило, выглядел не очень. В русском варианте это был Кинг-Конг с массивным золотым крестом на шее, в заморском — интеллигентного вида дедушка Кащея Бессмертного.

«Почему красавицы, как правило, живут с чудовищами? — размышляла Ольга. — Может быть, в этом виноваты сказки? Любая девочка знает: чтобы встретить принца, надо сначала пожить со старым, скупым и слепым кротом, или, по крайней мере, с семью уродливыми гномами. А мальчиков сказки учат, что невесту ищут по размеру туфельки. И, повзрослев, те выбирают жён исходя из длины ног».

Решила спросить об этом маму:

— Зачем придуманы сказки?

Мама уже привыкла к неудобным вопросам дочери:

— Народная мудрость. Сказка — ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок.

Ольга задумалась:

— Не факт, что добрым. Эта мудрость противоречит элементарным законам этики и уголовного права.

— Не понимаю тебя.

— Ну, например, в сказках положительный герой обычно пробирается в чужой замок, убивает владельца и присваивает чужие богатства и жильё.

— Не передёргивай. Он убивает людоеда или Кащея, — устало ответила мама, которая очень не любила странную логику дочери.

— Конечно. Но звание «Кащея», «людоеда» или просто «злодея» присваивается владельцу замка только на основании личного суждения героя или услышанных им сплетен от местных крестьян.

— Люди знают, что говорят, — неуверенно сказала мама.

— Суждения крестьян вряд ли могут быть юридическим обоснованием убийства. Люди считают любую старую некрасивую женщину, имеющую чёрную кошку и живущую в лесу, ведьмой. А богача с плохим характером и аскетичной фигурой — безусловным Кащеем.

— В сказках рассказывается о торжестве добра над злом, а не о юридических тонкостях.

— Далеко не всегда добро побеждает. Ты помнишь историю о Русалочке? Зачем ведьма дала девушке красивые ножки в обмен на страшную боль при ходьбе? Да ещё и голоса лишила. Принц на ней не женился. Несчастная покончила с собой, а это грех.

— Не говори глупостей, — рассердилась мама.

Ольге уже и самой надоел спор. Последний пример почему-то напугал её.

Ольга вздохнула и легла на живот, подставив спину жгучему солнцу. Пыталась прогнать неприятное ощущение озноба, мурашками щекотавшее кожу.

Девочка замолчала, хотя могла добавить, что сказки всегда обещают счастливую жизнь, но появляется счастье мельком и в самом конце. Принц расколдовывается, и случается свадьба, но на этом самом интересном месте всё заканчивается. И уже невозможно выяснить, как жили молодые после свадьбы. Фраза «стали они жить-поживать и добра наживать» неинформативна. И уж тем более отсутствует внятный смысл в распространённой концовке «и я там был, мёд-пиво пил». Вдруг прекрасный принц оказался таким занудой, что прошлая жизнь с чудовищем или кротом казалась счастьем?

Она вспомнила детское Евангелие: там всех убили, и было лишь обещание счастливого конца. Получается, что нам всегда чего-то недоговаривают. Жизнь устроена так, что всё время приходится страдать, лишь ожидая счастья. Мы словно стоим на остановке, поджидая автобус. Тоскливо бегут минуты, льёт дождь, пронизывает ветер, вот ещё и хулиганы подошли. Вдруг автобус не придёт, или, что ещё хуже, его вообще не существует? И, может быть, это тягостное ожидание — и есть жизнь...

Времяпровождение на курорте немыслимо без еды. Питанием заведовал злой чародей, судя по имени, бывший финном: «Олл Инклюзифф». Он заколдовывал людей, растаптывал волю. Желание «похудеть», такое могучее далеко дома, здесь съёживалось и тихо умирало.

«Съешь этот салат из экзотических овощей с восточного базара, приправленный острыми специями и вкусным майонезом, — шептал чародей в ухо туриста. — Что ты разглядываешь? Это не пена для бритья, а взбитые сливки на великолепном виноградном желе». Затем колдун выкрикивал самое страшное заклятие: «ВСЁ БЕСПЛАТНО!»

Глаза несчастных жертв тускнели, безвольные руки сами тянулись к тарелкам с кашей в томатном соусе, рядом с которыми стояла красивая табличка «Морепродукты».

«А вдруг это и правда устрицы, мидии и прочие кальмары?..» — змеёй проползала заведомо лживая мысль в затуманенные головы.

«Чудо! — вещал злой волшебник. — Взгляните на красную жидкость в бидоне, в том, что замаскирован под бочонок. Это отличное французское вино. Даже Христос не сделал бы лучше».

Все пробовали. То, что чуда не происходило, лишь укрепляло в вере. Грешники мы все. А что делать?

Даже папа вкусил мелкорубленого тунца с тёртым яичным желтком. Потом удовлетворённо произнёс: «Я так и знал. Это — козье дерьмо. Дочь, не ешь...»

К счастью, Ольга обнаружила ещё один маленький ресторан в гостиничном парке. Там стояло всего двадцать столиков и подавали жареное мясо со свежим салатом. Поскольку колдуна-финна не было, за всё приходилось доплачивать. Но готовили вкусно, хотя, по мнению папы, дороговато.

Казалось, официанты с интересом смотрели на небольшую группу людей, питающихся в их заведении. «Словно нас выделили и теперь изучают, — подумала Ольга. — Если это так, из нас отберут несколько человек, чтобы найти победителя. Только непонятно, в чём».

Уже на следующий день эта фантастическая идея получила неожиданное подтверждение.

Собирались к ужину. Ольга стояла у окна своей комнаты. Как красиво! Почему здесь настолько яркие краски? Отчего в Москве не бывает таких? Может быть, большой город смешивает цвета, пачкает их дыханием асфальта, выхлопами машин, мыслями людей?

Прямо перед глазами сочно зеленела молодая пальмовая роща. Сквозь ажурный узор листвы проблёскивал песчаный пляж и блистающая рябью необъятная поверхность воды. Далёкая полоса горизонта вобрала в себя бесшабашную удаль моря, размазала ровной линией, а затем превратила в синеву. И... подарила небу. Как букет нежных незабудок. А небо? У него есть своя возлюбленная. Солнышко склонило золотистую головку и зарделось от смущения. Скоро оно ляжет спать, вспоминая счастливо прожитый день.

«Вот вырасту, и у меня будет похожий вид из спальни», — твёрдо решила Ольга. Конечно, без толпы, шумевшей под окном у входа в ресторан. Сверху, из-за светлой одежды, отдыхающие походили на белых мышей, которых загоняют в лабиринт. Сильные и наглые проникали первыми, слабые оказывались в конце. Было жарко, и всем хотелось скорее войти в кондиционированное помещение. Даже на расстоянии ощущалась атмосфера тщательно скрываемой истерии. Отчётливо доносились басовитые реплики мужчин и возгласы женщин. Многие старались шутками и весельем замаскировать раздражение, поэтому гротескно жестикулировали и громко смеялись. Другие с уничтожающей иронией комментировали себя. Шутить над соседом было опасно. Кого-то пихнули, послышались раздражённые оклики. И вряд ли люди были голодны и думали, что еды на всех не хватит. Что заставляло их нервничать?

— Оля, ты переоделась к ужину? — папа деликатно постучал в дверь, но кричал так, словно дочь была глухая и находилась в Москве.

— Бегу.

Когда спустились, подкрались сумерки. Толпа уже рассосалась. Привычно направились в парк, минуя ресторан, где слышались отзвуки пирушки у Олла. «Какая красивая мозаика», — подумала Ольга. Сотню раз проходила, но не вглядывалась.

Сделала несколько шагов в сторону, чтобы полюбоваться. Из цветных камешков складывалась картина во всю стену, до крыши. Симпатичный деревенский домик с зелёными ставенками и дверью среди ярких цветов. На нарисованном входе — серебристый колокольчик.

И вдруг дверь распахнулась. Она оказалась настоящей. Колокольчик коротко звякнул.

— Заходите, ещё есть места, — вкрадчиво произнёс человек в чёрном костюме с блестящими пуговицами, отчего показался похожим то ли на трубочиста из сказки, то ли на официанта.

Внутри виднелась уютная веранда. Всего несколько столиков с приятно мерцающими свечками. Под потолком змеилась гирлянда разноцветных лампочек, словно собрались праздновать Новый год. Нежным тонким ароматом пахли лимонные деревья, которые стояли тут же в керамических кадках. Листья казались блестящими и чистыми, будто их только что помыли. Среди светло-розовых цветов уже завязались крохотные бусины, обещавшие со временем стать плодами.

— Здесь тоже ужинают? — осторожно уточнил папа.

— Конечно, как раз остался один свободный столик. Вот там, — официант показал рукой. — Вы можете взять еду в буфете в главном зале или здесь. Доплачивать не надо, только за вино.

— Между последними словами сидело счастье, — улыбнулся папа.

— Какое уютное место! — восхитилась мама, оглядываясь вокруг. — Главное, что здесь не мечутся голодные люди с подносами и с психологическими проблемами.

«Ну вот, — подумала Оля, пересчитывая присутствующих, — нас осталось всего десять. И будет, как в детской считалке:

„Десять негритят отправились обедать,
Один поперхнулся, их осталось девять...“

И далее негритят начнут методично убивать... А где приз?»

Но краем глаза она уже увидела лежавший на столе листочек бумаги с большими буквами: «Вы выиграли! Получите десятипроцентную скидку на завтрашнюю экскурсию в Каир и на пирамиды!»

Ужин был вкусный. Почему-то в этом зале даже буфет был другой.

— Поедем завтра на пирамиды? — спросила Оля родителей.

— Конечно, — согласилась разомлевшая после ужина мама.

— Без меня, — заявил папа, которого перспектива раннего подъёма никогда не радовала.

Не все считают понедельник тяжёлым днем, но все сходятся во мнении, что он идёт сразу после воскресенья, что, безусловно, огорчает даже на отдыхе. Экскурсионный автобус отъехал до завтрака, пока полупрозрачная дымка закрывала просыпающееся солнце. Хотя самое жаркое время дня не наступило, во всём ощущалось его неумолимое приближение. Так чувствуется гроза, когда ее ещё нет. Цвета были пока яркими и пронзительными, но скоро в воздухе появилось марево, говорящее о приближении зноя. Вдали от моря Ольга почувствовала, что не хватает воздуха. Она не стала жевать упакованные в целлофан бутерброды, испытывая отвращение от одного вида еды, и задремала.

Каир показался пыльным и серым. От жары небо было не синим, а тускло-голубым, почти белым, словно тысячу раз стиранная наволочка с нарисованными на ней небесами. Всюду царил беспорядок. Неумолимое пекло превращало грязь и мусор в тучи пыли. Бетонные четырёх- и пятиэтажные дома, которые они видели из окон автобуса, хаотично налезали друг на друга. Как будто какой-то великан смёл всё огромной метлой в кучу, но не выбросил на помойку, а принялся копаться в ней, пытаясь обнаружить что-нибудь стоящее. То немногое, что удалось найти, было грудой бетонных деталей, сваленных в самых неожиданных местах. Поэтому целые районы выглядели как давно заброшенные стройки. Многие дома имели лишь пару этажей, а сверху вместо крыши стояли скелеты будущих стен. Возвышавшиеся над городом минареты выглядели как грибы-дождевики, выросшие на мусорной свалке. Ольге представилось, что они проезжают через город, едва уцелевший после бомбёжки, и попадание еще пары-тройки снарядов пошло бы только на пользу городской архитектуре.

Ехали они довольно долго, и поэтому к концу путешествия Ольга устала. Майка липла к телу, наверняка под мышками видны тёмные пятна. Волосы она забрала в конский хвост, засунув торчащий пучок под заднюю лямку бейсболки.

Как только группа вышла из автобуса, кто-то страшно заорал — это муэдзин завёл свою протяжную песню-молитву.

«Мир вам и милость Аллаха», — звучало с каждого минарета огромного города. Эти слова, усиленные десятками динамиков, врывались в улицы, ныряли в мутные воды реки, где им внимали ошалевшие рыбы, проникали в самые тёмные и пустые закоулки и оседали в умах и душах людей. Где и оставались, наверное, на всю жизнь пропуском в лучший мир.

Египетский музей стоял в окружении небольшого парка. Перед входом толпились десятки туристов, но внушительное здание с охотой поглощало их всех.

Едва переступив порог, Ольга ощутила в голове гул, похожий на шум моря. Горячая жилка пульсировала в виске, отдаваясь тупой болью. Оглянулась по сторонам. Знала: сейчас что-то случится.

Экскурсанты медленно переходили от экспоната к экспонату, тихо переговариваясь между собой. Их лица были сосредоточены, словно решали трудную задачу. Сколько новых впечатлений! Как интересно! Не упустить бы чего важного! Слушай, смотри, запоминай, потом надо будет рассказать так красочно, чтобы знакомые и друзья сразу умерли от зависти.

Сверху, с высоты нескольких этажей, отрешённо глядели две гигантские каменные статуи египетских богов. Им давно надоели люди, снующие у ног.

Ольге показалось, что огромные, заполняющие зал фигуры чуть наклонили головы и внимательно за ней следят. Они тоже чего-то ждут. Господи, всё вокруг какое-то странное. Воздух прохладный и неживой. Запахов нет, как во сне. Да и свет необычный — яркий, но без теней.

Огляделась и увидела маленького мальчика в маске обезьянки. Он стоял в углу зала и тоже наблюдал за Олей. Крохотные глазки угольками горели в прорезях.

Какая симпатичная маска! Наверняка где-то в сувенирном киоске продаются такие. Классно явиться на новогодний вечер рыжей мохнатой шимпанзе или злым крокодилом. Цапнуть острыми зубами толстую химичку за дебелую веснушчатую руку и уползти к себе в нору. Ольга улыбнулась, представив новогодний маскарад, где директор школы — в маске козла, а вокруг бесятся обезьяны, бегемоты, страусы и питоны.

Зачем фараоны и их боги надевали маски животных? У них был карнавал? Или зверь на лице отражает суть характера? Вот Светка, первая красавица в классе, — чистая кобра. Надела бы змеиную морду и качалась в такт музыке, подманивая бабуинов-ухажёров. Внутри каждого сидит свой зверь. Просто какой-то волшебник придал животным человеческое обличье. Но зверь прорывается наружу.

Краем сознания она слышала скороговорку экскурсовода, маленькой симпатичной египтянки: «...гигантские скульптуры, которые изображают фараона Аменхотепа III и его жену...»

Внезапно что-то коснулось руки. Ольга даже вздрогнула от неожиданности и в ту же секунду ощутила, как от кисти через плечо в позвоночник пробежала электрическая волна. Посмотрела вниз. Рядом с ней стоял мальчик в маске, крепко ухватившись за её ладонь.

— Я тебя выбрал. Отведи меня к папе!

Маленькая обезьянья мордочка смешно задралась, словно ребёнок пытался глядеть на неё сверху вниз.

— Малыш, ты потерялся? А где родители?

— Они там, — мохнатый рыжий подбородок указал куда-то в потолок.

— Какая красивая у тебя маска, — похвалила Ольга.

— Пойдём, — настойчиво тянул малыш. — Ты должна отвести меня!

Его рука была не по-детски сильна. Конечно, Ольга никогда бы не пошла за взрослым мужчиной. Она уже знала, как опасны такие знакомства. Но никто не предупреждал, что следует опасаться ребёнка.

— Хорошо. Только пошли скорее, чтобы мне самой не отстать от группы.

Держа мальчика за руку, она повернулась к маме:

— Тут малыш потерялся, говорит, что его родители на втором этаже. Можно отведу его? Я быстро.

Мать, поглощённая рассказом экскурсовода, мельком взглянула на дочку отсутствующим взглядом и кивнула.

Малыш потянул Ольгу в сторону мраморной лестницы, ведущей на второй этаж.

Вдоль пролёта висел древний папирус, где египетские боги с головами животных беседовали с людьми. Ольга придержала беспокойного ребёнка, чтобы рассмотреть внимательнее.

— Посмотри, как интересно.

— Видел уже тысячу раз.

— А я не видела.

Рисунки напоминали комиксы. Подписи из таинственных иероглифов казались непонятными. Может быть, бог с башкой крокодила говорит неизвестному толстому типу: «Отвали». А тот в ответ, потрясая волшебным посохом: «Вот как топну я ногою. Позову своих солдат...»

Под экспонатом висела табличка: «Свиток папируса из египетской „Книги мёртвых“». Мальчик тоже замер вместе с Ольгой у стены и стоял, переминаясь с ноги на ногу.

— Папа сказал, что если человек умер, то его нельзя навещать живым, — на этом месте он сделал паузу и быстро выпалил: — Просто так!

Ольга наклонилась к малышу.

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Хапи.

— А меня зовут Оля, — девушка протянула руку.

Мальчик пожал молча, с достоинством, совсем не свойственным детям. Затем вновь настойчиво повторил:

— Посмотрела? Теперь пошли скорее! Папа не будет ждать!

Не выпуская Олиной ладони, побежал наверх по лестнице, увлекая девочку за собой.

На втором этаже наткнулись на служителей весьма свирепого вида. Те оглядывали посетителей, прежде чем пропустить

в святая святых: зал с сокровищами из гробницы фараона Тутанхамона.

— Почему без взрослых?

— Группа уже прошла. Мы ищем папу, — улыбнулась девочка.

Внутри народу было не много. Малыш бесшумно скользил между экспонатами. Оля, пытаясь его догнать, зашагала быстрее и вдруг краем глаза отметила какое-то движение у себя под ногами. На мгновение она замешкалась, не желая наступить на мелькнувшую по полу тень. Мыши? Откуда им здесь взяться? Оступилась, почувствовала, как подвернулась лодыжка, и упала. И вдруг вспомнила считалку про несчастных негритят, но теперь с новой строчкой:

«Один из них упал
И больше не вставал...»

Что за чушь лезет в голову? *«Другой утоп! Дали ему гроб!!!»* Куда её ведут? Почему за взрослым незнакомцем ходить нельзя, а за мальчиком, который ведёт к неведомому папе, можно?

Малыш требовательно тянул руку:

— Вставай. Идём уже.

Может быть, не надо идти за этим странным ребёнком к его наверняка не менее диковинному папе?

Она отдёрнула руку и отползла от мальчика, крепко ухватившись за стойку витрины. Стало очень страшно. Почему-то представила, что сейчас Хапи начнёт отдирать её пальцы, а затем взвалит на спину и потащит к жуткому маньяку, похищающему девочек. Она слышала о таких.

— Всё, — твёрдо сказала Ольга. — Дальше не пойду.

Она поднялась и огляделась. Нога, к счастью, не болела, но мальчик казался очень подозрительным.

— Ну, и где твои родители? Ты что, соврал, что они на втором этаже?

— Папа нас не дождался, — расстроенно произнёс мальчик. Казалось, он сейчас заплачет.

Оле стало стыдно за свои страхи.

— Куда он мог уйти?

— В пирамиды.

— Ты думаешь, ваша группа уехала? Не бойся, без тебя не уедут. Папа уже, наверное, хватился и ищет... — Тут Оля вспомнила отсутствующий взгляд матери и добавила: — А если вдруг тебя забыли, мы сейчас тоже едем на пирамиды. Там и встретитесь...

— Там их три, — сказал странный мальчик.

— Чего три?

— Пирамиды. Иди в пирамиду Хефрена, она рядом с главной.

— А зачем мне идти туда? — спросила удивлённая познаниями ребёнка Ольга.

Но мальчик-обезьянка лишь махнул рукой и быстро побежал прочь.

Ольга зашла за витрину, но там было пусто. Дети носятся как молнии. Попробуй угонись.

Наверняка нашёл-таки своего папу.

Бесцельно побродив ещё несколько минут, она спустилась вниз. Глупое приключение отзывалось тревожным предчувствием.

— Отвела мальчика? — спросила мама.

— Ага.

— Ну и умница.

Оставшуюся часть экспозиции смотрела как будто в полусне. Мумии, завёрнутые в серые ткани, не впечатлили. Они лежали рядком, словно пенсионеры на веранде в тёплый день, погружённые в свои мысли, и казалось, им всё здесь нравилось. Во всяком случае, жалоб от них не поступало. Возможно, они вспоминали лучшие деньки, ласковых жён и любимых животных.

Ольге показалось, что когда она шла к выходу, огромные фигуры богов кивнули ей на прощание.

Группой перекусили в кафе. Еда показалась невкусной, наверное, потому, что была горячая. Зато какое блаженство выпить ледяной минеральной воды из запотевшей пластиковой

бутылки! Вкуснейший напиток в мире! Вновь сели в автобус. Заметила, что народу стало меньше.

«Девять негритят, поев, клевали носом,
Один не смог проснуться, и их осталось восемь».

Впереди ждали вожделенные пирамиды. По московским понятиям, день клонился к вечеру, но прохлады не наблюдалось. Погода в пустыне всегда чудная — испепеляющий жар. Найти безлюдный клочок тени, где можно было бы посидеть, оказалось сложно. Поскольку тень норовила упасть именно туда, где уже расположилась толпа. Зной заваривал людей, делая их сварливыми. В глубине души каждый добр, но надо же как-то отвечать на вопиющую невоспитанность всех остальных.

Появилась экскурсовод и сообщила, что в связи с огромным количеством туристов внутрь пирамиды Хеопса они попадут не раньше чем через час. Пока можно прогуляться у сфинкса, но не кормить его. Судя по реакции уставшей группы, шутка не прошла, и немедленное удушение миловидной девушки было вопросом секунд. Неожиданно для самой себя Ольга предложила:

— Может быть, мы пойдём в соседнюю пирамиду Хефрена? Она совсем рядом.

Все с изумлением и надеждой взглянули на девушку.

— Пойду спрошу, — предложила экскурсовод и молниеносно убежала в сторону касс.

К изумлению всех, почти сразу вернулась с благой вестью. Её шансы выжить заметно повысились. Соседнюю пирамиду действительно можно посмотреть, и там нет очереди.

Вход внутрь показался Ольге похожим на приоткрытую могилу, что, в сущности, так и было. Невысокий серый коридор вёл к центру, в то место, где когда-то стоял саркофаг с мумией фараона. По узкому проходу приходилось продвигаться гуськом, пригнув голову, чтобы не зацепиться за свод. Довольно скоро у горизонтального коридора появился наклон вниз. Поняла, что они спускаются куда-то под землю, в самое сердце пирамиды. Нечто, притаившееся где-то в далёком подземелье,

влекло их к себе, затягивало всё увеличивающимся уклоном тропы. Идти стало тяжело. Тонны камня, нависающие сверху, придавливали к земле ощущением неизбежности происходящего.

Девочке казалось, что она идёт внутри каменной трубы без окон и дверей: серо-коричневые стены, пол и потолок, не на чем задержать взгляд, не за что ухватиться, если вдруг упадёшь. По пути ей попались лишь два небольших отверстия в боковых стенах на уровне пола, но они были закрыты решётками. От кого их закрывают? Чтобы кто-то из экскурсантов не уполз по ним вглубь пирамиды? Или чтобы что-то из страшного мира подземелья не явилось к нам? А может быть, это просто вентиляция? Иначе здесь было бы невозможно дышать.

Тоскливый путь заканчивался одинокой пустой комнатой. Экскурсовод, словно награждая уставших путников, объявила, что это камера фараона. Очевидно, она ожидала криков восторга. Но Ольга, так же, как и все остальные, была разочарована. Сильно ощущалась нехватка сокровищ, золота и драгоценностей, как, впрочем, и самого саркофага с мумией. Ни росписи на стенах, ни мраморной плитки на полу. Мрачная, полутёмная гробница с одним-единственным отверстием, предназначенным для входа. Выход отсюда, возможно, не был предусмотрен. Чтобы заполнить циничную пустоту, в центре зала находился огромный каменный постамент, по заверению гида, предназначенный для саркофага. Хотя с таким же успехом на нём можно было бы играть в «Царя горы» или просто посидеть-передохнуть перед обратной дорогой.

Ни одного звука не доносилось из внешнего мира. Здесь не было акустики, только безмолвие. Экскурсанты притихли. Казалось, что каждое слово, мгновение назад возникнув, тут же умирает, даже не долетев до пола.

Однако бесчувственная девушка-экскурсовод сломала тишину оживлённым рассказом:

— Процесс мумифицирования занимал примерно три месяца. Перед бальзамированием кровь сливали, а мозг вынимали через нос и выбрасывали. Другие органы сохраняли отдельно от тела.

Глаза экскурсовода горели. Возможно, в детстве она мечтала стать врачом-патологоанатомом. И теперь переживала пленительные моменты, мысленно разрезая податливую плоть.

— Потом делали рассечение чуть ниже живота, очищали брюшную полость от внутренностей, промывали пальмовым вином, заполняли благовониями и зашивали. Органы, извлечённые из трупов, сохраняли отдельно от тела, в четырёх сосудах. Крышки сосудов украшались головами сыновей бога Гора. Их звали: Хапи (он имел голову бабуина и хранил лёгкие), Дуамутеф (с головой шакала, охранял желудок), Квебехсенуф (имеющий голову сокола, вмещал кишечник) и Имсет (с человеческой головой, берёг печень).

«Опять Хапи, — подумала Ольга. — Иногда случаются немыслимые совпадения».

Красочный рассказ произвёл впечатление на нетренированные умы. Ольга почувствовала подступающую тошноту. Твёрдо решила: станет вегетарианцем. Салатик, укроп, и никакого мяса. Судя по побелевшим лицам туристов, многие были с ней солидарны.

Подошла к матери и шёпотом попросила: «Можно я выйду наружу? Мне что-то нехорошо». Та понимающе кивнула.

Девочка шмыгнула в тёмный проход. Дорога обратно оказалась намного длиннее, чем внутрь. Ольга пожалела, что не посмотрела на часы, перед тем как выйти из гробницы. И теперь не могла понять, что происходит. Время шло, она упорно продолжала двигаться, но выхода всё не было. Может быть, она нечаянно выдрала решётку и заползла в один из боковых лазов, ведущих в неизвестные области пирамиды? Хотя вряд ли удалось бы сделать это незаметно.

Тишина вокруг стала липкой, вязкой, от неё веяло первозданным страхом. Она чувствовала себя крохотной доисторической амёбой в бескрайнем первородном океане. Мозг бередила пугающая мысль: «Где я? Надо искать сушу, вылезти, научиться дышать и стать девочкой!»

Место было совсем неправильным, не принадлежавшим реальности. Казалось, сейчас откроется нечто невиданное, непостижимое. Однако ничего не происходило, словно часы замер-

ли, сказав только половину своего «тик-так». Ничто не шевелилось, за исключением самой Ольги. «Тик» и «Так» сидели на трубе. Потом кто-то свалился с чёрной каменной трубы, парящей в пустоте. И осталась одна пауза — бесконечное «и» между мгновениями. Девушка почувствовала, что забыла, кто она. Куда идёт. Где находится.

Впереди и сзади — полутёмный коридор, за пределами которого, возможно, ничего нет.

В этот миг оказалось, что она в туннеле не одна. Но те, кто внезапно появился рядом, не порадовали. Это были странные существа, похожие на огромных и худых сфинксов.

— Иди за нами... — то ли мяукали, то ли шептали они. — Иди за нами в мир мёртвых...

«Ага, — наконец поразилась обретённой разгадке Оля, — я умерла и нахожусь в туннеле, ведущем на тот свет? Выход должен быть там, где божественное сияние?»

Ольга была умной девочкой и уже читала про жизнь после смерти. Свет действительно маячил где-то вдалеке. Удивилась своему спокойствию и отсутствию какой бы то ни было паники.

Неожиданно далеко впереди увидела высокого мужчину, держащего за руку мальчика. Слабое сияние в конце туннеля делало их фигуры тёмными и нечёткими, но что-то неправильное было в их силуэтах. Но странного вокруг было так много, что уже не удивляло.

Беспокоило другое: перед ней стоял её утренний знакомый Хапи рядом с жутким существом, имевшим тело человека, а голову хищной птицы. Огромный блестящий клюв, немигающие жёлтые глаза, пёстрые взъерошенные перья.

— Приветствую тебя, о ты, кто плывёт в ладье к истокам Нила, — напыщенно заявил тот. — Рад нашему знакомству. Скоро ты поднимешься, величественно продвигаясь вперёд, к... — дальше мужчина произнёс непонятное слово.

В памяти всплыл рассказ экскурсовода.

— Вы бог Гор, а это ваш сын Хапи? — догадалась она, мысленно поражаясь, какими умными бывают девочки.

— Да... Ты меня боишься? — спросил мужчина с птичьей головой.

— Немного, — ответила Ольга, вспоминая бритые затылки ее соседей по пляжу. — Я умерла? — спросила она, пытаясь пробиться сквозь завал нелепостей, заслоняющих друг друга.

— Пожалуй, — согласился человек-птица.

— Но я не хочу умирать! — Ольга понимала, что самое время заплакать. Но слёз почему-то не было.

— Обычно никто не хочет. Но мой сын выбрал тебя в жёны.

— Какие жёны? Мы ещё маленькие! — от возмущения она перестала бояться.

Наконец сообразила: всё происходящее ей просто снится. Сейчас она зажмурит глаза и проснётся. А может, наоборот, стоит посмотреть сон дальше. Интересно ведь...

— Я тебя не люблю! — заявила девочка юному богу. — Что ты вообразил? Можешь так просто знакомиться на улицах?

— Мы познакомились в музее.

— Ну и что. Любовь надо заслужить.

— Как?

— Ухаживать. Дарить цветы, конфеты, — Ольга пыталась вспомнить, что необходимо знать начинающему ловеласу.

— Ты похожа на мою маму, — упрямо возразил мальчик.

— Ну и что. Мало ли на кого я похожа. Ты мне тоже напоминаешь кое-кого. Я не собираюсь выходить замуж за первого встречного. Кстати, и за второго тоже, — торопливо добавила она, посмотрев на молчавшего папу.

Мальчик-обезьяна, подняв голову, вопросительно смотрел то на отца, то на Ольгу.

Та поняла, что в ситуации наступил критический момент.

— Отпускайте меня, похищение ребёнка — преступление. Я не хочу умирать и не собираюсь выходить замуж.

— Это не та девочка, — задумчиво произнёс отец, обращаясь к Хапи. — Она не хочет твоей любви. Мы найдем тебе другую.

— Не хочу другую. Хочу как мама...

— Посмотрим, может быть, со временем эта девочка изменится.

— Отпустите меня! — настаивала Ольга. — Экскурсия закончилась, и меня ищут.

— Если хочешь что-то получить, надо что-то отдать, — мужчина вопросительно смотрел на неё. — Ты просишь вернуть жизнь и не хочешь замуж. А что можешь дать?

— У меня ничего нет! — Ольга уже почти кричала. Она слишком долго была смелой, и теперь запас мужества заканчивался. — Чего вы привязались!

— Ты не хочешь замуж, — недобро усмехаясь повторил мужчина. — Хорошо. У тебя не будет мужа. А ещё, когда придёт время, заберу часть твоего сердца.

— Бред! — закричала Ольга. Ей уже совсем не нравился этот сон. «Сердце пригодится. А муж? Обойдусь...» — Мама! Помогите!!! Спасите меня!!!

— Хорошо, — сказал мужчина. — Будет по-твоему.

Они развернулись и неторопливо пошли от Ольги. Их силуэты таяли, расплывались, пока не исчезли совсем.

Девушка не поняла, что произошло.

Перед ней вновь был туннель со знакомыми сфинксами, по-прежнему зовущими куда-то. Она понимала, что идти за ними — вряд ли хорошее решение, и поэтому пошла в противоположном направлении от мерцающего впереди света, в сгустившуюся за спиной тьму. Почему-то теперь темнота не казалась ей страшной. Она чувствовала, что в сердце этой непроглядной черноты погружен наш мир. И путь к живым, туда, где туннель перестаёт быть сияющим и бесконечным. Мрак обступил её, мягко укачивая в своих объятиях, шепча слова колыбельной.

Ольга спала, прижавшись спиной к жёсткой грязной поверхности металлической решётки. И очнулась на руках перепуганной мамы.

— Дочка, что с тобой? Тебе плохо? Где болит?

— Что случилось?

Вокруг толпились люди.

— Расступитесь. Ребёнок потерял сознание, наверное, от жары. Нужен воздух.

— Надо вызвать скорую помощь.

— Не надо. Мне лучше, — заявила Ольга, которая чувствовала себя вполне сносно.

Ещё несколько дней произошедшее вспоминалось как зыбкая тайна, обморочное видение, пригрезившееся между явью и сном.

Папа заявил, что в такую жару он больше не отпустит их ни на какие экскурсии: «Приехали на море — отдыхайте».

Скоро странная история стала забываться. Южное солнце сжигало воспоминания, оставляя выгоревший след запутанного и невнятного видения.

За лето она повзрослела и неожиданно решила перечитать знакомую сказку Андерсена про Русалочку.

Вроде бы история о том, как Русалочка полюбила принца. И попросила ведьму превратить её в женщину с красивыми ножками вместо хвоста. Та выполнила просьбу, но взамен отобрала у несчастной голос и дала немыслимую боль при каждом шаге. Русалочка справилась с болью, как все девушки, которым приходится ходить на каблуках. Но практичный принц не женился на немой безродной красавице, а нашёл другую возлюбленную, как водится, королевского роду. Тогда ведьма предоставила Русалочке выбор: убить принца и жить счастливо триста лет в родном океане или погибнуть в ту же ночь. Но Русалочка, неожиданно для всех, выбрала смерть...

Сейчас Ольге показалось, что смысл сюжета в другом. Коварная ведьма задумала воспитать себе достойную смену. Она подстроила встречу Русалочки с принцем. Знала, что неопытные юные дурочки влюбляются в красавцев. Ожидала, что Русалочка захочет выйти замуж за принца. И знала результат такой попытки. Была уверена, что, столкнувшись с реальностью жизни, Русалочка убьёт изменщика. И будет жить счастливо триста лет. Но не прежней. За плечами будет опыт страданий, разочарование в любви и убийство. Отличная выросла бы смена. Лишь чуток просчиталась старая...

Ольге стало страшно.

Глава 3.

В которой пытаются поймать лох-несское чудовище, Андрей видит привидение, а София рассказывает, что стало прототипом героя фильма «Чужой»

За три часа перелёта из Бордо в Инвернесс окружающий мир полностью изменился. Когда они садились в самолёт, сияло игривое французское солнце, здесь же моросил тоскливый шотландский дождик. Сплошная пелена серых облаков скрывала небо. С севера, со стороны моря, дул неприятный холодный ветер. Он пах мрачными стальными волнами, устрицами, белым вином и морской солью. Деревья с поникшими листьями дрожали от холода. Мелкие капли дождя летели во всех направлениях, забирались за шиворот, в рукава, липли к коже. Окружающее виднелось сквозь дымку. Как будто на нос надели запотевшие зелёные очки Изумрудного города.

Спустя двадцать минут они были в отеле, в нескольких километрах от озера Лох-Несс. Роща вековых дубов жалась к дому. Когда-то здесь стоял небольшой замок. Прошедшая за столетия перепланировка оставила от него лишь одну башню, к которой был пристроен унылого вида прямоугольный корпус из серого

камня. Лианы с тёмно-синими цветами обхватили стены крючковатыми щупальцами. А мох извилистыми путями забрался на крышу, где угнездился, тускло проблёскивая зеленью среди тёмных чешуек черепицы.

Вода была повсюду: в потоках небесной хляби, поникших цветах, в лужах, пенящихся тусклым серебром. Ольга чувствовала, что летние кроссовки промокают. Не хватало простудиться.

Из входной двери, обрамлённой массивными колоннами, навстречу им выскочил владелец отеля — жизнерадостный и крайне подвижный толстячок. Казалось, дождь поливал его меньше, чем остальных, во всяком случае тот его не замечал. Он непрерывно говорил, умудрившись одновременно пожать руки мужчинам, приобнять женщин, лично занести багаж и угостить всех шампанским. Показалось, что они оказались в вихре из мокрых толстячков со множеством розовых щёк, пухлых рук и сияющих влажных лысин.

Учитывая небольшое количество гостевых комнат, отель был полностью забронирован только для них. Судя по счастливо-загадочному виду владельца, он считал их новорусскими олигархами, легенды о щедрости и широкой душе которых будоражили мир. Почти мгновенно багаж был разнесён по спальням.

Комната Ольги находилась на верхнем этаже единственной башни и имела панорамный вид на долину, по которой были разбросаны сырые клочки ваты, при более пристальном рассмотрении оказавшиеся промокшими овцами. Вспомнила, что на пять миллионов шотландцев приходится более пятнадцати миллионов овец — три овцы на человека.

После жаркой Франции в комнате было прохладно. Она поёжилась, сняла мокрые кроссовки. На круглом столике у окна обнаружила заботливо приготовленный графин с бренди и пару бокалов. Спиртное приятно обожгло язык и гортань. Достала из сумки тёплую кофту, накинула на плечи. Лучше не стало.

Порыв ветра бросил новую порцию брызг на стекло. Они, словно слёзы, струйками стекали вниз. Ольге показалось, будто что-то липкое, вызывающее озноб, пыталось пробраться снару-

жи сквозь оконное стекло от вересковой пустоши, простиравшейся до далёких холмов. Ухоженный парк отеля был защищён от неё невысокой каменной стеной, сложенной всего из нескольких рядов старого булыжника. Сверху стена выглядела совсем крохотной, словно была всего лишь нарисованной линией на картинке.

Бренди, хоть и не согрело, но разогнало подступающую тоску и возбудило аппетит. Ольга подумала, что съела бы сейчас всех трёх положенных овец и закусила бы Андреем, так некстати принятым за знамение с небес. Может быть, надо было искать другие «знаки», хотя кто знает, куда бы они завели. В мире есть и более зловещие места.

Она позвонила Вадиму, номер которого был рядом.

— Какие планы? Где встретимся?

— Давай в полночь, на кладбище, на развалинах склепа, — серьёзно ответил тот.

— Я не знаю, где кладбище.

— Тогда через полчаса внизу, в парадной столовой. Хозяин обещал великолепный ужин.

Ольга почувствовала, что, как всегда, голодна, и ужин будет кстати. Чтобы поднять себе настроение, переоделась в ярко-жёлтое платье.

Словно солнышко, она спустилась в обеденный зал. Все уже сидели за столом. Добросовестный хозяин старался от души. Если бы тарелки не меняли, возможно, стол рухнул бы от количества блюд.

— Представляете, — кричал совершенно счастливый Андрей, пытаясь одновременно взять два больших куска с разных тарелок, — перед любой дальней поездкой я обычно молюсь, чтобы всё было хорошо.

— Просите, и вам отворят, — прокомментировал Максим. — Кому ты молишься, святой человек? — заинтересованно уточнил он.

— У меня в студии есть волшебная старая чугунная батарея, от которой зимой шпарит как от печки, а летом я складываю туда пустые бутылки. Вот ей и молюсь. Чего там ни загадаю, всегда исполняется.

Максим улыбнулся, а Ольга первый раз взглянула на Андрея с интересом.

— Вот и пару дней назад, — продолжал Андрей, — попросил я батарею, чтобы это путешествие было самым необычным в моей жизни. И тут встречаю старого друга, лечу с ним на частном самолёте и даже получаю бесплатную комнату в отеле...

Ольга хмыкнула, словно Авраам, которому сын Исаак только что сказал, что прогулка удалась на славу. Спустя мгновение подумала, что, возможно, Максим взял Андрея в качестве агнца на заклание. Неужели он так дальновиден и коварен? Ольга изучающе разглядывала бесхитростное лицо Максима и, не обнаружив признаков жестокосердного злодея, изменила своё мнение. Андрей может быть для него просто игрушкой из далёкого детства, которую выбрасывать на помойку придётся либо ей, либо Вадиму.

— Не обольщайся, — обратилась она к Андрею, отпив глоток вина, — жизнь похожа на ресторан. Рано или поздно появляется кто-то и предъявляет тебе счёт.

— Если счёт всё равно оплачивать, лучше проводить время в шикарном заведении, а не в привокзальной забегаловке, — негромко отметил Вадим.

Воцарилось молчание. Все задумались. Слышно было, как на улице шуршит по листве, карнизам и гравийной дорожке неутомимый дождь.

Только Максим, казалось, не заметил зловещего подтекста в Ольгиных словах.

— Даже не понимаешь, насколько удалась твоя молитва, — искренне поддержал приятеля он. — С нами страшно, но весело.

В этот момент повар внёс главное блюдо вечера — огромного лосося, запечённого в травах. За ним внесли второго такого же, а затем появилась и третья рыбина, ещё больше первых.

— Кажется, царь Соломон утверждал, что есть время говорить, и есть время кушать, или что-то в этом роде, — объявил Максим.

— Мы что, это всё съедим? — в голосе Андрея слышалось сомнение.

Максим осуждающе посмотрел на него:

— Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему. Еще и десерт попросим...

— И на косточках поваляемся, — в тон добавила Ольга.

Судя по восторженному причмокиванию и пыхтению, все оценили кулинарное мастерство повара. Довольно скоро от огромных рыб остались лишь головы. Они неодобрительно смотрели перед собой, сетуя на безвременную кончину.

После десерта Ольга предложила прогуляться. Тем более что ливень кончился, оставив после себя мелко моросящий дождь. Она уже согрелась, ужин был плотный, и организм требовал движения. Все были с ней согласны, чувствуя, что в этой стране гуляют в любую погоду, а экономные шотландцы выпускают барометры со стрелкой в единственном положении — «осадки». Зачем тратиться на сложный механизм?

— Прекрасная сегодня погода, — заявил хозяин, выдавая всем прорезиненные клетчатые плащи-дождевики.

На улице было сумрачно и на удивление мокро. Порывы ветра целовали лица под капюшоном, словно слюнявый племянник, получивший вожделенного щенка. Пахло сыростью, воздух был густым и влажным: добавь укропа — и получится суп. Где-то монотонно и тревожно закричала незнакомая птица. Наверное, ей приснился кошмар. Идти приходилось аккуратно, чтобы не споткнуться о покрытые мхом старые камни, вылезающие местами на дорожку.

Ольга решила, что Эдгару По здесь бы понравилось. Приятное место, где постоянно идёт дождь. Громовые раскаты хриплым кашлем сотрясают древнюю башню. Видно, что её годы сочтены, зажилась, старая, на пару столетий дольше положенного. Молнии адским пламенем жгут вековые дубы, которые проклинают небеса вздетыми корявыми руками-сучьями. Синие огни пляшут на кладбищенских надгробьях, как бухгалтерши на столах в Хэллоуин. С ближайших полей доносится чей-то вой, и миловидная женщина в белом саване вот-вот зайдёт на чашечку кофе.

Ольга поплотнее закуталась в плащ и огляделась вокруг. Что-то светлое промелькнуло в кустах. «Наверное, кролик, —

подумала она, — их здесь полно. Хотя обстановка требует огромную собаку, мелированную фосфором».

— Столько отличных закутков, где можно было бы спрятать труп, — заметила вслух, с сомнением глядя на Андрея.

Андрей же, как всегда, не унывал. Он с удовольствием разглядывал почерневшие от времени статуи, живописно притаившиеся среди вересковых кустов. Скульптуры изображали античных барышень с выражением крайнего идиотизма на лице. То ли от стыда, то ли от дождя они пытались прикрыться туниками. Но скульптор с неподражаемым юмором разместил ткань у их ног. Подтянуть камень выше колен дамам было не под силу.

— Я звонил своему другу на яхту. Рассказал о вас. Он приглашает всех завтра с утра. Будем искать Лох-Несское чудовище — жизнерадостно сообщил Андрей.

— В такую погоду чудовище спит, — предположила Ольга.

Вокруг стремительно темнело. Похоже, что в этих краях луна и звёзды боялись выходить на небо.

— Сбегаю за виски, — объявил Андрей. — Хозяин проговорился, что выпивка бесплатно.

— Возьми бокалы! — крикнул ему вдогонку Максим.

Его приятель исчез. И через мгновение из дома раздались громкие вопли. Это могло означать только одно или два...

Когда Андрей появился, выглядел он странно: перепуганное лицо, губы тряслись, но в руках крепко сжимал бутылку виски.

— Ты видел привидение?

— Ужас!

— Могу представить. В цепях, лохмотьях и завывает, — София изобразила вой. Получилось похоже. — Плюнь, забудь и наливай виски. Это хозяин нас развлекает. Здесь считают, что туристы обожают жить в замках с привидениями.

— Откуда ты знаешь? — удивился Андрей.

— Элементарно, Ватсон. В каждом номере лежит проспект отеля, где указано, что после ужина любой из гостей может встретить настоящее привидение в коридоре у бара. И расписание встреч указано. Который час?

— Двадцать минут десятого.

— Вот-вот. В девять был сеанс. Заметь, совершенно бесплатный. Тем, кто по каким-то причинам не любит привидения, предлагается в это время быть в другом месте. Есть даже фото призрака. Красавчик! Кстати, за тридцать фунтов хозяин устраивает прогулку по ночному замку и подземелью при свете факелов.

— А я испугался, — честно признался Андрей. — И бокалы, кажется, разбил. Максим, держи бутылку.

— Ничего. Вот, возьми пятьдесят фунтов, пойди, поблагодари привидение за спектакль, извинись и попроси новые бокалы.

— Какой же ты всё-таки реалист. В жизни всегда бывает место чуду. А ты в волшебство, наверное, вообще не веришь.

— Ну, как тебе сказать...

София взяла Максима под руку, словно придерживая готовые вырваться слова. И улыбнулась Андрею:

— Он не окончательно пропавший для романтики человек: верит в Деда Мороза. Так что надежда есть...

Через полчаса, замёрзнув и окончательно промокнув, они вернулись в бар отеля, где хозяин угощал коктейлями по собственному рецепту. На взгляд Ольги, в них были просто смешаны несколько сортов виски. К этому моменту они уже совсем сдружились с Эдвардом — так звали владельца гостиницы. Внутри этого немолодого мужчины жил вечный мальчишка, который не понял, почему друзья и знакомые так постарели.

— Славно разыграли нашего друга, — доверительно сказала она. — Ещё бы чуть-чуть — и можно было бы развлечься, наперегонки роя могилу.

Эдвард серьёзно кивнул. Возможно, он плохо понимал русский юмор.

— Раньше роль привидения играл мой сын. Но в этом году он женился на дочке наших соседей, Мэри, и пару недель назад уехал в Америку. Сейчас многие уезжают. Считают, что здесь скучно жить... — на гладком лице между бровями появилась вертикальная складка, а в интонации — заметная нотка печали. — Это мой единственный ребёнок. Растил его один.

— А ваша жена?

— Зарубил ее топором, — он обвёл мрачным взглядом ошеломлённую компанию.

«Возможно, отыгрывает мою шутку», — подумала Ольга. А может, и нет, вправду псих. Живя в такой глуши, сложно не свихнуться.

Хозяин хитро улыбнулся. Стало понятно, что он всё же шутит:

— На самом деле я никогда не был женат, это мой приёмный ребёнок.

Эдвард показал фотографию молодого симпатичного юноши с рыжим ёжиком коротко стриженных волос. Тот сидел в кресле у камина и смотрел в объектив весёлыми голубыми глазами. Эдвард провёл рукой по лбу.

— Джон с детства был очень необычен, жил в каком-то своём мире, постоянно что-то изобретая. Хотя учился очень хорошо, был первым в классе по большинству предметов.

Обожал играть в привидения. Собственно, это он и придумал фокус: появляться в коридоре, словно из ниоткуда. Там есть незаметная ниша, но, честное слово, когда я первый раз увидел, мне показалось, что он действительно прошёл сквозь стену...

Эдвард задумался. Когда он не улыбался, то выглядел намного старше. Пауза затягивалась, но все с интересом ждали продолжения. Ольга успела сделать пару больших глотков.

— И, честно говоря, меня это не удивило. Я часто находил его играющим в помещении, которое минуту назад — и я мог бы в этом поклясться — было пустым. Порой мне казалось, что он может читать мои мысли. Да много чего мне казалось.

Заметив пустой стакан Ольги, налил ещё и продолжал:

— Конечно, это были всего лишь игры, фантазии, миражи.

Она подумала, что понимает Эдварда. Подняла бокал, посмотрела сквозь него на комнату, ставшую медово-золотой, и тихо произнесла:

— Иногда фантазии могут укусить...

Она хотела добавить слово «насмерть», но вдруг ощутила во рту гадкий привкус то ли меди, то ли лука, но на самом деле это был вкус крови от прикушенной губы. «Он никогда больше не увидит сына живым», — пришла внезапная мысль.

Эдвард задумался, тяжело вздохнул:

— Я думаю, это Мэри заморочила голову моему сыну, и они до сих пор живут в мире своих детских игр.

— Чтобы фантазии не кусались, им не стоит давать силу над собой, — автоматически ответила Ольга, понимая, что изменить уже ничего нельзя.

Вадим, внимательно прислушивающийся к их беседе, добавил:

— Часто от нас это не зависит. Нечто из другого мира само способно взять власть над нами.

— Его подружка Мэри тоже была необычна? — спросила София.

— Не знаю, как вам ответить, — замялся хозяин. — Хотите покажу фотографию? — Он тяжело поднялся и принёс из глубины бара фотоальбом.

Ольга с интересом взглянула на открытую страницу. Девушка была совсем юной, в лёгком светлом сарафане в мелкий синий цветочек. Её лицо, плечи и руки щедро посыпаны веснушками. Соломенные прямые волосы стянуты поперёк лба узкой лентой с марокканским орнаментом, по моде хиппи далёких семидесятых. Даже на фотографии Мэри излучала сексуальность. Наверняка, глядя на нее, каждый задумывался, как давно она занималась сексом, и приходил к выводу, что, возможно, пару минут назад.

Эдвард закрыл альбом, прошёл в бар и принялся там что-то шумно смешивать. Похоже, ангелы прошептали ему, что беседа подошла к точке, когда на сцену приглашается анестезиолог с ударной порцией снотворного для счастливых постояльцев.

Ольга почувствовала, что в рассказе хозяина прозвучало что-то очень важное. Нечто настойчиво стучалось в разум, но там не открывали, занятые дегустацией коктейля с неизвестными, но весьма крепкими составляющими. Собственная пьяная тупость раздражала, как тореадор быка. Затем вдруг заметила, что размышлять уже поздно, коррида закончена, а зрители расходятся. Она задремала в своем кресле и ушла последней.

Прежде чем найти спальню, пришлось немного побродить. И, возможно, без помощи Вадима заблудилась бы и уснула на коврике у бара.

Утром Ольгу разбудило пение птиц. Невероятно! Дождь кончился, и всевозможные пичуги радовались солнцу. Мошкара

плотными тучами вилась в воздухе, предвещая тёплый день. Бабочки и стрекозы порхали над кустами. Сжавшиеся от сырости и ночной прохлады бутоны проснулись, их лепестки раздались, набухли и открылись навстречу солнцу. Пчёлы тут же устроили разнузданную оргию. Счастливые разомлевшие цветы благоухали одуряющими ароматами. В солнечном углу сада Максим, облачённый в синий спортивный костюм, достигал просветления по системе йоги.

И только Ольге было нехорошо. В голове ощущался туман. Она подумала, что утреннее похмелье начинает входить в привычку, а ещё отметила, как животные мастерски управляют погодой. Птицы поют — и погода хорошая. А если бы кот улёгся у камина — наверное, опять был бы дождь.

После горячего душа не почувствовала себя обновлённой, лишь стала слегка почище.

За завтраком говорили мало. Любые слова превращались в молот, который бил в гонг, установленный прямо у уха. Видимо, коктейль хозяина оказался крепковат не только для неё.

Бодрым казался только Максим.

— Йога обладает чудодейственной силой, — объяснил он. — Если бы покойник сделал пару асан, непременно восстал бы из гроба.

— Никто не проверял, — согласилась София, которая, похоже, тоже не очень пострадала.

После завтрака загрузились в доставленный прокатной компанией джип. Учитывая непривычное левостороннее движение, за руль села София.

Когда машина выезжала с территории, Ольга заметила среди цветущих кустов древнее каменное строение: то ли сарай, то ли одноэтажный домик. Почему-то подумала, что нужно выяснить, что это за сооружение. Вечером спросит у Эдварда.

Дорога шла вдоль озера, которое даже в солнечный день было подёрнуто лёгкой дымкой и мерцало словно старое зеркало. Оно покоилось в долине среди лесистых холмов, местами похожих на горы, которые сбегали к его берегам, пытаясь заглянуть в бездонную глубину. Вдалеке холмы были застланы влажной пеленой, которая висела здесь, наверное, всегда, независимо от

погоды. Вода почти неслышно гладила берег, заросший тёмной осокой и колючими кустами. Старые, покрытые лишайником берёзы не одобряли легкомысленный солнечный день и ждали, когда начнётся привычный респектабельный дождь. Озеро замерло. Оно наблюдало за ними пристально, и это внимание казалось одушёвленным.

Красота пейзажа, нежащегося под яркими лучами солнца, ошеломляла. Ольга была уверена, что столь редкую для Шотландии солнечную погоду бессознательно «сделали» они все вместе. Каждый подумал, что пора бы выглянуть солнцу.

Физики открыли, что сам факт наблюдения меняет наблюдаемый объект, но при этом изменяется и сам наблюдатель. Это с древности было известно любому магу. Превращая кого-то в жабу, будь готов к тому, что твой характер переменится не в лучшую сторону. Но в данном случае перемены пошли всем на пользу. Погода улучшилась, похмелье ушло.

Никому не могло прийти в голову, чем закончится столь великолепно начавшийся день. Однако Ольга была почти уверена, что этот праздник жизни скоро должен разразиться кошмаром.

Подъехали к пристани, где было шумно и многолюдно. Восторженный гид громко объяснял группе туристов, что в музее они смогут «посмотреть фильм и увидеть скульптуру лохнесского чудовища, которое так называется, потому что оно — гм... чудовище и живёт в озере Лох-Несс».

Рядом раздалась родная русская речь:

— Я не верю ни в какое чудовище. Сказки для привлечения туристов, деньги из нас тянут, — громогласно заявил толстяк с блестящей розовой лысиной, в яркой цветастой рубахе навыпуск, похожий на располневшего наглого хомяка. — Масоны придумали, каменщики местные, — громко объяснил он жене.

— Точно, евреи, — согласилась та.

Ольга подумала, что многие люди не могут существовать без врагов. Сильных, злобных и коварных. Только их происками и кознями можно объяснить свои неудачи и слабости. Борьба с врагами, даже лишь на уровне мысленных проклятий, дает ощущение жизненной позиции, повышает самооценку. Если бы не было дьявола, жирных богатеев, просто козлов, тупого пра-

вительства, эмигрантов, масонов и евреев, пришлось бы сказать себе: «Я никчёмен и слаб, труслив и не очень умён». И что делать после такого признания? С утра до ночи заниматься самообразованием и спортом? Не многие на это способны. Насколько легче сказать: «Во всём виноваты они!», — и лечь на удобный диван перед телевизором с вкусняшкой на тарелке. Так и выходит: чем больше врагов, тем комфортнее жизнь.

От размышлений отвлёк Вадим, указав рукой на причал.

У пристани, словно свора охотничьих псов, замерло несколько яхт, готовых преследовать неуловимого монстра. Они мелко дрожали то ли от ряби на воде, то ли от нестерпимого предвкушения погони.

Андрей радостно приветствовал высокого спортивного бородача в потёртых джинсах и жёлтой майке, который стоял на корме и инвентаризировал прохожих. Сразу было видно, что в этом лице командовал нос. Маленькие, глубоко спрятанные глаза и затерянный в бороде рот выполняли роль статистов. Ольге показалось, что на первый взгляд обладателю великолепного римского носа не больше тридцати пяти. Пока поднималась по трапу, тот постарел лет на десять, а когда заглянула в умные глаза, поняла, что шкиперу не меньше пятидесяти. Антонио был из Италии и увлекался всяческими аномальными явлениями. Четыре года назад купил здесь дом, корабль и посвятил себя поискам загадочной Несси.

Мотор зарычал, неприятно пахнуло бензиновым выхлопом, и берега неторопливо отплыли от лодки. У выхода из залива повернули направо, к мрачным руинам замка, создававшим удачную декорацию к предстоящей ловле. В зеркале воды застыл его близнец, только ещё более суровый и насупленный.

Антонио с гордостью продемонстрировал кучу мигающего разноцветными огоньками железа, занимавшего лучшее место на яхте. Это были мониторы, сонары, локаторы, навигаторы и прочие приборы, предназначенные превратить водную прогулку в серьёзную научную экспедицию. Все благоговейно уставились на экраны со стрелками, точно верующие на алтарь.

— Удалось кого-нибудь поймать? — пытаясь разглядеть нечто в тёмной воде за бортом, спросил Андрей.

— Пока только несколько крупных лососей да пару утомлённых жизнью щук, — улыбнулся Антонио. Он говорил по-английски смягчая согласные, как это делают итальянцы.

— А чудовище видел?

— На сонаре было десяток загадочных объектов. Но ничего по-настоящему конкретного. Это нормально. Многие, прежде чем добиться успеха, проводят здесь годы. Мой друг, капитан Эдвардс, десять лет впустую бороздил озеро, помогая бизнесу местных пивоварен. Потом вдруг сфотографировал гигантское существо. Снимок, где оно высунулось из воды и плыло к берегу, опубликовали все газеты.

Антонио прервал свой рассказ и восторженно оглядел гостей.

В это же время София шепнула:

— Эксперты считают, что на фото просто большое бревно.

Не желая расстраивать гостеприимного хозяина, все как могли изобразили восторг, что подвигло капитана продолжить:

— Но бывают фантастические удачи. Например, в 2007 году Гордон Холмс во время единственной поездки на озеро Лох-Несс сделал самое лучшее видео чудовища. Хотя маловеры утверждают, что это — большой угорь.

С людьми, одержимыми идеями, лучше не спорить. Но и поддакивать нельзя.

В воздухе висел лёгкий гул, складывающийся из шелеста воды, щебетания птиц, рокота мотора и шороха ветерка. Но где-то на заднем плане звучала то усиливающаяся, то затухающая низкая мрачная нота — это было дыхание озера, быстрый вдох и тяжёлый медленный выдох.

— Кто объяснит, зачем мы здесь? — негромко спросил Вадим.

— Тебя интересует философский аспект нашего бренного пребывания на Земле или что-то более конкретное? — Максим ухмыльнулся.

— Здесь, на корабле.

София улыбнулась:

— Скажем, трезвеем после вчерашней попойки. И ждём знаков, — она вопросительно взглянула на Ольгу.

— Не поступало. Небеса молчат. Затаились.

— Да. Скучновато... Хотите расскажу сказку тысяча второй ночи, не вошедшую в сборник? Тогда царь наконец оставил Шахерезаду в покое, та первый раз за три года заснула ночью, вдобавок одна. И приснился ей кошмар про лох-несское чудовище. Обещаю подробности, неизвестные нашему шкиперу, — предложила София. — Только отойдём на корму, дабы не смущать слух посторонних...

Ольга хмыкнула. Похоже, рыжая опять принялась командовать.

Друзья извинились перед Антонио и оставили его в компании Андрея.

Озеро тяжело дышало. В глубине рубки скрипел и скрежетал металлический алтарь.

— Говори, о прекраснейшая, — разрешил Максим.

София обвела спутников взглядом, словно пересчитала, и начала дозволенные речи:

— Дошло до меня, о счастливые друзья, что милашка Несси выглядит как адский кошмар. Вы будете смеяться, но каждый его видел.

— Не будем, — заявил Максим. — Чудны творения Господа. Сказано: «Вот — Левиафан. Кто подойдёт к двойным челюстям его? Круг зубов его — ужас. Дыхание — раскаляет угли. Он кипятит пучину, как котёл, и море претворяет в кипящую мазь...»

— Уймись! Не продолжай. Я о другом. Смотрели фильм «Чужой»?

— Конечно...

— Бинго! То инопланетное чудовище — точная копия Несси: полузмей-полудракон, гигантское насекомое, закованное в хитиновый панцирь, как в рыцарские доспехи.

— Симпатяга, — вспомнила Ольга. Почему-то она сразу поверила словам Софии.

Яхта показалась хрупкой и беззащитной. Разум рождал кошмар, где жуткая тварь поднималась со дна сознания к поверхности озера. Показалось, что кто-то из глубины зовет её. Мурашки побежали по спине, перебирая своими мелкими и противными лапками. На поверхности воды недалеко от яхты появилась тёмная полоса. Ольга вздрогнула, но, всмотревшись, поняла, что

это всего лишь ветка. Однако отошла от борта и прижалась спиной к рубке, чувствуя себя там безопасней. Жук, чуть было не раздавленный ее плечом, с воплем отполз в сторону.

— Антонио крупно повезло, — тихо сказала она.

— Почему? — спросил Вадим.

— Помнишь русскую присказку: «„Я медведя поймал". — „Так веди сюда". — „Да он не идёт". — „Так сам иди". — „А он меня не пускает"».

Вдоль борта громко зашелестели волны, словно озеру стало смешно.

— Эскизы к фильму «Чужой» рисовал Руди Гигер, художник, увлечённый потусторонними ужасами. Он что, видел демона?

— Вот именно, Оля. Понимаешь, художник был знаком с гитаристом «Лед Зеппелин». И однажды был приглашён в имение на берегу озера на вечеринку.

Ольга уже догадалась, куда та клонит.

— То, что там произошло, было записано со слов подружки, которой художник рассказал эту историю.

— Что стало с этой овечкой? — поинтересовалась Ольга, понимая, что все, кто рассказывает что-либо интересное для спецслужб, обычно плохо заканчивают.

— Она умерла в сумасшедшем доме, — холодно прокомментировала София. — Расскажу примерно так, как изложено в протоколе показаний девушки.

— Но она ведь могла и соврать, — уточнил Вадим.

— Конечно, — согласилась София и начала рассказ, иногда заглядывая в планшетник.

Ольга слушала сухие фразы протокола, но где-то в лабиринтах сознания застывшая картина пришла в движение. Может быть, у неё разыгралось воображение, но показалось, что с палубы яхты она перенеслась совсем в другое место и время: прохладный пятничный июньский вечер 1975 года. Она чувствовала чужие эмоции, смотрела незнакомыми глазами других людей...

...Солнце уже скрылось, отчего в угрюмом поместье стало ещё темнее, а немногочисленные лампы не спасали, ведь их свет казался здесь жалким, слабым и болезненным.

Симпатичный парень с густыми, длинными, до плеч, волосами, в жёлтых брюках клёш и бежевой свободной рубахе навыпуск, повёл приятеля в одно из крыльев усадьбы, оставшееся неизменным со времён Алистера Кроули.

— Увидишь нечто невероятное.

— Меня не удивишь, — засмеялся художник, почти не разжимая губ. Густые брови вздёрнулись, отчего лицо стало капризным.

Прошли анфиладу тёмных комнат, где стояла мебель, закрытая старыми чехлами. Тишина, музыка с вечеринки уже не слышалась. Молча спустились по каменной лестнице в подвал и через толстую дубовую дверь, обитую железом, вошли в узкий длинный коридор, где пол был засыпан слоем тщательно заглаженного песка. Словно предохранительная полоса на границе. Несмотря на то, что гость был сильно пьян, он испугался. Понял, что как только здесь появятся его следы, повернуть назад или что-то изменить будет невозможно. Сделал несколько нерешительных шагов. Отпечатки контрастно выделялись на песке. Если они не вернутся обратно, следы будут лишь в одну сторону. Он стремительно трезвел. В конце помещения была ещё одна массивная дверь, запертая на висячий замок, который противно скрипнул при повороте ключа. Захотелось убежать обратно в знакомый мир от медленно распахивающейся двери.

Вспыхнул свет, и в его безжалостном сиянии появился огромный двухэтажный зал, уходящий вверх. В дальней части виднелся деревянный алтарь, показавшийся пугающе необычным, отчего помещение напомнило храм неизвестной религии. Повсюду на стенах виднелись магические знаки, а посередине зала на полу был нарисован древний символ со сложной геометрией и готической вязью незнакомых слов. В центре рисунка находился сгусток чего-то чёрного, вызывавший волну первобытного ужаса, смешанную с тошнотворным запахом. И не стоило надеяться, что перед глазами — всего лишь груда залитых маслом резиновых покрышек, потому что во тьме появилось движение, и что-то огромное стало подниматься и разворачиваться. Было понятно, что перед глазами живое существо. Сквозь кольца змеиного тела прорастали острые шипы, покры-

тые липкой дымящейся слизью, тяжёлыми каплями оползающей на пол. Чудовище попыталось выпрямиться на огромных паучьих лапах, но потолок не позволял этого сделать. Из переплетения непрерывно движущихся мышц появилась голова, похожая на сюрреалистический рыцарский шлем, вытянутый, как капля, к затылку. Забрало в лицевой части открылось, оттуда потянуло мерзким зловонием и высунулись жуткие клыки, над которыми сияли сетчатые глаза огромного насекомого. В них яркими точками отражались светильники.

Тварь была слишком настоящей, чтобы сказать себе, что это лишь пьяный бред обезумевшего рассудка.

Художник в ужасе отпрянул. Но спутник, стоявший позади, удержал от падения.

— Не бойся, демон не может выйти за пределы символа!

Из пасти чудовища раздалось шипение, сквозь которое можно было различить человеческую речь. Всего четыре ясно произнесённых слова, обращённых к смертельно перепуганному художнику:

«Я — твой ангел-хранитель...»

Затем монстр так же стремительно свернулся на полу, превратившись в огромный сгусток темноты.

Ольге показалось, что даже у неё волосы встали дыбом. Она ошеломлённо возвращалась в реальность, теряя привкус иного мира:

— Я не поняла: при чём здесь «ангел-хранитель»?

София ответила сразу, будто фраза была давно готова и обдумана вдоль и поперёк:

— Ангел-хранитель является в том облике, каким мы его ожидаем увидеть.

Ольга попыталась представить внутренний мир знаменитого художника, но София прервала её мысли:

— Все считают, что ангел-хранитель оберегает людей, но, возможно, он охраняет реальность от людского вмешательства. Наши мысли опаснее кувалды.

— Что случилось потом? — спросила Ольга.

— Руди Гигер выпустил альбом рисунков «Некрономикон», где анатомически точно изобразил монстра. После этого стал

знаменитым. Потом режиссёр Ридли Скотт, которого потряс этот альбом, заказал ему эскизы к новому фантастическому фильму. На экраны вышел «Чужой», и мировая слава пришла к обоим.

— Получается, что у художника жизнь сложилась неплохо, а у музыканта, наоборот, возникли проблемы?

— Да-да. Ольга, ты — молодец. Подсказала интересную мысль.

София наморщила лоб, быстро летая по экрану планшетника пальцами. Задумалась. Принялась что-то читать, шевеля губами. Повела спиной, словно рядом кто-то наседал, заглядывая через плечо. Наконец подняла взгляд:

— Ага. До 1995 года статистика происшествий вокруг озера распределялась с перевесом в неблагополучную сторону. Но с 1995 года наступил «золотой век», который закончился ровно две недели тому назад. Сейчас — опять всплеск нелепых несчастных случаев.

— Что случилось две недели назад?

— Откуда я знаю?

Ольга внимательно смотрела на рыжие волосы Софии, которые в солнечных лучах стали почти белыми, и вспомнила фотографию Мэри. Они чем-то похожи.

Далеко на берегу вновь показались руины замка. Там по тропинкам, проложенным среди развалин, бродили туристы. Солнце било в глаза, и их силуэты казались нечёткими, как у оживших призраков. Яхта уже развернулась и возвращалась к причалу.

«Он придумал играть в привидения», — вспомнился рассказ Эдварда.

— Барон Вальмонт сказал, что две недели назад во многих загадочных местах планеты начались проблемы, — перебил ее мысли Максим. — Если мы узнаем, что произошло здесь совсем недавно, возможно, будет легче разобраться со всеобщим «гладом, мором» и прочими землетрясениями.

Ольга задумалась. Да! В мире творилось безумие. Террористы всех мастей без разбору взрывали себя и окружающих. Религиозные войны в двадцать первом веке?! Наводнения в России, Италии, Франции, вирусные инфекции в Африке и Азии. Цунами в Тихом океане грозили смыть Японию. Землетрясения, оживающие вулканы. Но, возможно, источник неприятно-

стей кроется в чертовщине, творящейся в ключевых точках Земли. Например, здесь, на Лох-Нессе.

Мысли Ольги метались по лабиринтам мозга. Она вспомнила, что совсем недавно слышала ещё что-то про «две недели». Вчера? За ужином? Мысль ускользала. Память вела себя странно. В голову лезла рецептура крепких коктейлей Эдварда. «Интересно, что будет, если виски смешать с русской водкой», — она поняла, что беседует сама с собой.

Что-то творилось с её разумом, который пытался «отделить зёрна от плевел». В висках бил барабан пульса. «Мир рушится. Тот, кто охранял реальность, ушёл. Или уснул. И мысли людей принялись разрушать её. Даже добрые мысли...»

Ольга это хорошо знала. Она уже давно не желала своим близким ничего хорошего, поскольку обычно все её благие намерения оборачивались для тех откровенным злом. Последний раз, когда она пожелала своему племяннику-размазне стать настоящим мужчиной, тот попал в тюрьму. И теперь он действительно крутой мужик.

Набежавший порыв холодного ветра заставил Ольгу тревожно оглядеться по сторонам. Словно из вод озера вот-вот могло появиться чудовище. Несколько крохотных рыбок выпрыгнули из воды. Чуть подальше что-то громко булькнуло, и на поверхности появился разбегающийся круг, будто от падения большого камня. Там резвилась более крупная рыба.

Она очнулась от задумчивости, когда яхта вновь пришвартовалась к знакомой пристани. Они тепло попрощались с Антонио, который остался стоять на палубе, худой и весёлый, всем своим видом гарантирующий, что он реально существует, даже если всё остальное — лишь видимость.

Ужин без вина — суровая епитимья. Но Ольга решила не пить ни капли, поскольку была уверена, что сегодня вечером ей понадобится совершенно трезвая голова. Эдвард, похожий на Деда Мороза, снявшего шубу и побрившего бороду, шумно приветствовал гостей.

Столовая, отделанная резным дубом, сегодня вечером смотрелась не так мрачно. По случаю хорошей погоды камин не горел, а лучи заходящего солнца с любопытством изучали гостей.

Отсутствие шума дождевых капель требовало заполнить тишину, возможно, поэтому Эдвард завёл старый патефон с пластинкой 50-х годов. Незнакомая певица жеманным голосом пыталась убедить всех, что она счастлива как никогда. Стол украшал охотничий сервиз, где два угрюмых егеря-подсвечника целились из ружей в гостей, а их собаки подглядывали в тарелки с закуской.

— Я голоден как волк! — воскликнул Андрей, входя в зал.

— Это и ежу понятно, — подхватил Максим, приветствуя приятеля и указывая на свободное место рядом с собой. Когда тот подошёл, Максим подставил руку с раскрытой ладонью, и Андрей хлопнул по ней.

— У семи нянек дитя без глазу, — по-своему поддержала беседу Ольга, которая тоже чувствовала желание плотно поесть.

Судя по обилию блюд и выпивки, Эдвард был настойчив в своем неуёмном гостеприимстве. Сегодня он предлагал томлённого в печи барашка, и Ольга вновь вспомнила о тоскующем Ральфе. Пёс обожал бараньи рёбрышки. Может, попросить хозяина собрать кости и отослать их курьерской почтой на далёкий тропический остров? С пахнущей её руками записочкой «От любящей мамы».

Она прикрыла глаза ладонью, словно от лучей закатного солнца. На самом деле, боялась своих повлажневших глаз. Когда поняла, что приступ сентиментальности миновал, поднесла стакан с водой к губам и сделала несколько поспешных глотков. Подумала, что во всём мире только Вадим знает о её способности расплакаться. Остальным такое вряд ли могло прийти в голову.

Во время вкусного ужина люди невнимательны и часто не замечают того, что не является едой. Но к Ольге это сегодня не относилось, она чувствовала себя мисс Марпл и рвалась приступить к расследованию.

— Что это за строение на выезде из парка отеля?

— Это хижина моего сына, — с удовольствием ответил Эдвард. — Они с Мэри дружили с младенчества и играли вместе. Вот я и предоставил им для игр старый сарай. Став постарше, Джон обустроил его, и они перед свадьбой жили в нём. Дело молодое. Им хотелось быть в стороне от всех...

Эдвард загрустил, и сразу стало видно, что он очень тосковал по сыну.

— Вы заходили в тот дом после их отъезда?

— Нет. Джон и маленьким-то не любил, когда я появлялся там, а после ремонта только раз пригласил на «новоселье». Он взял ключ с собой и попросил меня не входить в сарай и не трогать там ничего.

— Получается, вы толком не знаете, что внутри?

— Пожалуй. Но я выполню просьбу сына. У всех есть свои странности. Джон сказал, что они будут часто навещать меня. Так что пусть уж всё будет ждать их, как есть...

Части головоломки потихоньку складывались в голове у Ольги. Хотя ещё имелись пробелы. Чтобы их заполнить, надо было попасть в загадочный домик. Быстро дожевала ароматный кусок мяса, пахнущий розмарином.

— Давайте заканчивать с едой, — обратилась она к друзьям. — Мы пойдём в домик Джона и Мэри. Думаю, там есть то, за чем мы сюда приехали.

София удивлённо взглянула на неё:

— Что ты хочешь сказать?

— Ребята уехали две недели назад. Именно тогда и начались все проблемы.

— Ты думаешь, что между ребятами и лох-несским чудовищем есть связь? — София машинально тёрла переносицу. Чувствовалось, что мысль ей понравилась.

— Вы уверены, что это надо обсуждать при посторонних? — тихо произнёс Вадим.

За столом установилась тишина, прерываемая лишь довольным чавканьем увлечённого едой Андрея.

— Тебя мама не учила закрывать рот во время еды? — спросила Ольга.

— Чего?

— Чавкать кончай, — раздражённо объяснила она.

Тот закашлялся, подавившись проглоченным куском. Пока Максим хлопал его по спине, Ольга повернулась к хозяину и бесцеремонно заявила:

— Вы спите и, проснувшись, не вспомните, о чём мы говорили.

Эдвард послушно упал лицом в десерт.

Максим аккуратно приподнял его, вытер салфеткой лицо и бережно усадил, так что со стороны казалось, что хозяин просто сидит, глубоко откинувшись назад.

— Что это с ним? — изумился Андрей, от удивления перестав кашлять.

— Устал. А вот что делать с тобой? — Ольга задумчиво и спокойно смотрела на скульптора, её глаза оценивающе сузились, губы превратились в подобие полоски. Она неприятно улыбнулась. Зачем такой свидетель? Зачем он вообще увязался?

— Стой! — заорал Максим, которого отчаянно испугал вид улыбающейся Ольги. — Он нам нужен.

— Убеди, что ты прав, — Ольга не отрывала глаз от Андрея.

— Я это просто знаю, видение у меня, — жёстко сказал Максим. — Оставь его, с нами пойдёт.

Ольга вопросительно посмотрела на Софию.

— Не трогай его. Я доверяю интуиции Максима, — спокойно сказала та.

Похоже, только Андрей не оценил серьёзность опасности:

— Оставь меня. Я хороший. Я не буду больше чавкать, и носовой платок заведу, — пообещал он. Его огромные глаза доброй и умной собаки спокойно смотрели на Ольгу.

Неожиданно ощутила давно забытое чувство. «Допилась, неужели мне его жалко?» Вспомнила, что так смотрел её старый, неизлечимо больной пёс Дик, когда ветеринар делал последний укол, а она держала в руках его большую тяжёлую голову. Теперь у неё Ральф.

— Ну ладно. Раз не будешь... — ткнула она Андрея в плечо.

Уже стемнело. Ночь встретила их прохладой. По заросшей тропинке подошли к невысокому каменному строению. Над входом висела надпись: «Частная территория. Отвалите. Мы спим». Ольга прижала ладонь к замку. Замок щёлкнул.

— Вот это по-взрослому. Ты сейфы не пробовала?.. — сказал было Андрей, но тут же прикусил язык.

Внутри было сыро и прохладно. Ольга нашла выключатель, и свет зажёгся. Они оказались в довольно большой комнате, заставленной множеством декоративных предметов. Здесь были

необычные марокканские светильники, несколько декоративных скульптурок из дерева, изображавших людей с головами кошек, волков и птиц, а также разнообразные вазочки с засохшими букетиками цветов и даже каменная нимфа, видимо, притащенная из сада. В дальней части висела занавеска из разноцветных стеклянных бусин, за которой угадывалась дверь, наверное, в ванную. Посередине — чёрный стол, покрытый мелкой арабской вязью. У одной из стен, за ширмой, виднелась двуспальная кровать. Напротив раскрыл пасть массивный камин, сложенный из грубых камней. Над ним висела большая фотография: юноша и девушка в светлых одеждах сидят на скамейке в саду. Под фотографией необычная подпись: «Если читаешь это — ты покойник!»

— Интересные ребята. Посмотри, есть что-нибудь на них? — обратился Максим к Соне.

Та быстро сфотографировала фото и, усевшись за стол, принялась возиться со своим планшетником.

Ольга хмурилась. Она, словно охотничья собака, пыталась поймать ниточку запаха, ощущения, мысли, которые потом выведут её на добычу. Энергия комнаты будоражила. Невидимые потоки скручивались здесь в живой шевелящийся клубок, который затягивал посетителей в себя, словно паутина неосторожную муху. Она закрыла глаза и подняла руку, словно касаясь пальцами этих невидимых нитей, и попыталась понять, откуда они идут, опасаясь, что там обнаружится некто, создавший эту странную паутину. Двигаясь по комнате, случайно зацепила плечом Андрея. Тот, так же, как и вчера, в саду, стоял и внимательно разглядывал статую нимфы.

«Что он в них находит? — подумала с раздражением. — Стоит и смотрит, словно на стриптиз».

— У меня кое-что есть, — неожиданно подала голос София. — Четыре года назад их обоих задержали за попытку незаконного проникновения в бывшую усадьбу Алистера Кроули.

— И зачем они туда лезли? — поинтересовался Вадим.

— Сказали, что хотели поиграть в доме, о котором рассказывают страшилки.

— И что?

— Охранники доставили подростков домой. Их фотографии с мониторов внешнего наблюдения сохранили просто по инструкции.

— Интересно, а много других местных подростков вот так же лазили в эту усадьбу? — уточнила Ольга.

— Больше никто замечен не был.

— Поищи ещё информации. Уверена, ребята совсем не простые.

Вадим, который в это время перебирал стопку книг и журналов, лежащих на столике, неожиданно заметил несколько туристических брошюр по Египту и Каиру и молча передал их Софии.

— Они были в Египте? — предположил он.

София с интересом взглянула на глянцевые обложки с изображениями пирамид. Потом вновь стремительно забегала пальцами по экрану.

— Есть, — наконец сказала она. — От нас не убежишь, не скроешься, не сгинешь. Неделю назад они были в Каире, в национальном музее. На фото с камеры они стоят у статуи бога Гора, принимающего жертву от умершего.

— Ну и что? — удивлённо спросил Вадим.

Софья задумчиво посмотрела на него:

— Вот так так... Понимаешь, в начале прошлого века Алистер Кроули тоже был в Каире и вместе с женой проводил магический ритуал в этом же музее. У той же статуи бога Гора. Зачем молодым людям через сто лет тащиться по следам мага? В их возрасте предпочитают напиться и тискаться в койке. Что намного приятнее...

В это время Андрей неожиданно растянулся на полу, прямо у ног статуи. Полежав секунду в неподвижности, он слегка отполз в сторону, вглядываясь в нечто видимое только ему.

Ольга ощутила тревогу. Каждая клетка мозга вопила: «Сейчас что-то произойдёт». Самое дурацкое — была уверенность, что мешать неизбежности не надо. Ничего не предпринимать, стоять и ждать, как умудрённый опытом врач не сбивает температуру, а даёт организму самому побороться с болезнью.

Поймала взгляд Вадима и поняла, что тот тоже что-то почувствовал и теперь смотрит на неё в попытке сверить ощущения. Чуть заметно кивнула.

Под ногами продолжал елозить неугомонный Андрей. Неожиданно Ольга почувствовала раздражение:

— Тебя действительно так заводят голые каменные женщины? Ищешь лучший ракурс? — И сама удивилась этой вспышке: «Какое мне дело до чужой придури. Пусть хоть спит со своими скульптурами...»

— Слушай, это гениально, — взволнованно заговорил Андрей. — Невероятно! То, что я вижу...

Вдруг Андрей словно поперхнулся и, недоговорив, замолчал.

«С ним что-то случилось», — поняла Ольга.

Краем сознания ощутила вспышку, мгновенную и неяркую. Словно где-то за спиной невидимый папарацци нажал затвор камеры. Или солнечный зайчик на мгновение ворвался в комнату. Быстро обернулась. Похоже, что кроме неё и, возможно, Вадима, вспышку никто не заметил. Ей всё меньше нравилось место, где они находились. Что здесь могло сиять?

Она подошла к камину и зачем-то заглянула внутрь. Там стоял бронзовый таз. Может, это он дал яркий отблеск?

— Ольга, оставь свои шуточки, — вдруг закричал Максим. — Что ты с ним сделала? Он не дышит.

Все бросились к Андрею, лежавшему неподвижно, уставившись открытыми, застывшими глазами куда-то в складки плаща, обвивающего ноги нимфы.

— Это не я... — задумчиво произнесла Ольга.

Она почувствовала, что по ногам дует. Нет, не сквозняк, скорее, это был поток какой-то энергии. Догадка взорвалась в её разуме:

«Андрей мёртв. Господи, какая же я дура! Почему вместо того, чтобы послушать парня, сразу решила, что тот сексуальный маньяк? И чего ради решила ждать...» Но ругать себя было некогда.

— Быстро отойдите! Не трогайте его! Дайте мне какое-нибудь зеркало.

Вадим подал ей зеркальце в аккуратной викторианской рамке, стоявшее на каминной полке.

«Он всё знал заранее и ничего не сделал, — поняла Ольга. — Действительно, какое ему дело до смешного клоуна? Что такое смерть человечка? Подумаешь, лёг солдат на амбразуру, на то он и солдат. Меня-то что беспокоит? Разве я не такая же?»

Ольга осторожно, не дотрагиваясь до Андрея, присела на корточки и, держа в руках зеркало, повернула его в направлении взгляда лежащего без движения тела. Осторожно заглянула внутрь. «Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи». Она увидела то, что и ожидала. Привычная работа колдуньи.

— Ага, — удовлетворённо заметила, словно бенгальский тигр, обнаруживший в джунглях упитанного индусского мальчика. — Снизу эта драпировка выглядит совсем по-другому.

Максим присел, заглянул в подставленное стекло. С этого ракурса складки плаща оказалась кольцами змеи, обвивающей ноги нимфы.

— Я не вижу голову змеи, — прошептал изумлённый Максим.

— На голову смотреть не рекомендую, — сразу отреагировала Ольга. — Ты был прав, — безжалостно добавила она. — Андрей действительно пригодился. Заметить этот фокус могли бы только дети, которые любят играть на полу, или профессиональный скульптор.

Она почувствовала смущение Максима и не поверила ему. «В нашей компании никто не страдает излишней сентиментальностью. Использовать старого друга — почему нет. Вадим хоть не притворяется порядочным. А этот строит из себя Махатму Ганди. Но понадобится — бабушку продаст за сто евро. Хотя, нет, наверняка попытается получить двести. Вот непонятно, почему меня это так злит...»

— Что с ним? — спросил Максим, словно не знал ответа.

— Умер, или его душу кто-то забрал.

— Ты можешь что-нибудь сделать? Я не собирался использовать парня таким образом! — взорвался Максим.

«Орут, когда чувствуют вину», — зло подумала Ольга, не ответив.

— Кто забрал его душу? — негромко спросила София, до этого хранившая молчание.

Ольга взглянула на Андрея. У того беспомощно вывернулась рука. Тело обмякло и прижалось к полу, отчего штаны с курткой казались велики в размере.

— Где-то там, по ту сторону реальности, сидит какая-нибудь страшная калюка-малюка, — задумчиво начала она. И вдруг выпалила, сама не зная почему: — Думаю, то, что забрало Андрея, напрямую связано с загадкой озера Лох-Несс.

— Делай что-нибудь. Не стой! Кто из нас ведьма? — продолжал требовать возбуждённый Максим.

— Не ори на меня.

— Я не ору, а прошу спасти Андрюшку. Он классный и добрый парень. Ты же можешь, ты же колдунья, — в голосе Максима проявились незнакомые человеческие нотки.

«Может, и правда пожалел плюшевого зайца своей юности. Что я могу? Я могу много. Этот сердобольный святоша даже не представляет, на что я способна».

Вадим подошел к Максиму и нехорошо положил тому руку на плечо:

— Не суетись, не кричи. Дай ей подумать...

Максим отпрянул, стряхивая руку, словно брошенную перчатку. Не похоже было, что он испугался.

«Зря, — подумала Ольга. — С Вадимом лучше не ссориться. Не хватало, чтобы мы тут передрались».

Её мысли стремительно бежали: «Можно, конечно, отправиться вслед за Андреем. Вдруг удастся вытащить его душу обратно, а нет — так сдохну за компанию. Впрочем, сдохнуть я готова давно...»

— Могу попробовать, — слова произнеслись сами. Если бы кто-нибудь ещё десять минут назад сказал, что она рискнёт жизнью ради некрасивого толстого скульптора, она бы не поверила. «Никогда не говори „никогда“».

Среди всеобщей суеты островом спокойствия была София. Она сидела за столом, неподвижно уставившись в компьютер.

Пальцы бегали по клавиатуре, и, кажется, она с кем-то шёпотом беседовала. После слов Ольги она подняла глаза и с интересом посмотрела на девушку:

— Ты права. То, что забрало Андрея, напрямую связано с загадкой озера Лох-Несс. И думаю, что разобраться в этом — задача нашей миссии. Ты способна всё выяснить. В конце концов, это твоя работа.

София на секунду замолчала, видно было, что она колебалась, сказать или нет следующую фразу. Но наконец приняла решение:

— Если ты при этом ещё и спасёшь Андрюшку, будет очень хорошо.

Как-то получилось, что София подвела итог беседе. Решение было принято.

Лицо Ольги оставалось бесстрастным. В душе происходило что-то странное. Честно говоря, успех миссии был «по барабану», а вот Андрюшку она вытащит непременно.

— Раз-два-три-четыре-пять, я иду искать, — неизвестно к кому обращаясь, пошептала, укладываясь на пол вплотную к казавшемуся большой тряпичной куклой Андрею. И добавила: — Кто не спрятался, я не виновата...

ГЛАВА 4.

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О СТРАШНОМ ПЕРИОДЕ В ОЛЬГИНОЙ ЮНОСТИ, КОГДА ОНА ПОНЯЛА, ПОЧЕМУ У ВСЕЛЕННОЙ ЕСТЬ ЧЁРНЫЕ ДЫРЫ

Судьба обходится с людьми странно, иногда жестоко, а иногда с такой любовью и материнской нежностью, что поневоле соглашаешься: Господь любит нас и помнит. Бывает, что на тропинке найдешь кошелёк, но можно наступить на ядовитую змею...

Ольге не довелось насладиться безмятежной порой юности. Врачи поставили страшный диагноз в семнадцать лет, когда она училась на втором курсе архитектурно-строительного института. В её костном мозге появились клетки, которые стали бороться со всем остальным организмом, уничтожая его.

Родители сходили с ума — срочно нужна была сложнейшая операция. Знакомые советовали ехать в Израиль или в Германию. Выбор был сделан в пользу Израиля, поскольку у мамы там жила школьная подруга Инна, в 80-е годы уехавшая с родителями из России, но с которой они до сих пор переписывались. Та обещала помочь с жильём на первых порах.

Не прошло и недели, как Оля уже сидела в самолёте в обнимку с медицинской выпиской, ела шоколад и плакала. Слё-

зы лились рекой, а ведь ей категорически нельзя было волноваться.

По прилёте в Израиль все завертелось какой-то бешеной каруселью. Жаркий воздух аэропорта сменился горячим дыханием улицы, потом кожа ощутила ледяной кондиционер такси. Лента шоссе резала лесистые холмы, затем появились кварталы Иерусалима с аккуратными прямоугольниками невысоких домиков из светлого песчаника.

Дом, у которого они остановились, был близнецом целому выводку похожих корпусов, которые, как жёлтенькие цыплятки, сгрудились вокруг обширной клумбы с колючими кактусами, похожими на взбесившихся ежей-циркачей, залезших на плечи друг на друга по команде «Алле — ап!», и несколькими пальмами, чопорно тянувшимися вверх, вероятно, чтобы не уколоться о сумасшедшую компанию, резвящуюся у подножия.

Мама бросилась обниматься с полной, дебелой, весёлой и шумной женщиной, которую помнила хрупкой тихой девочкой с тощими блеклыми косичками.

— Совсем не изменилась! — заверяли они друг друга.

В первый момент встреча показалась Ольге нелепой и даже смешной. Но мама и тётя Инна, похоже, всё же смогли разглядеть друг в друге свою девичью игривую молодость. Они растроганно поддакивали, сентиментально охали, вспоминали какие-то имена.

Ольга подумала, что маме сейчас невмоготу оставаться наедине с отчаянием и страхом в ожидании завтрашнего дня.

В тесноватой иерусалимской квартире тёти Инны им была выделена малюсенькая комната, предназначенная для укрытия во время бомбёжек. Кроме двух кушеток, туда ничего и не влезало. Но это было неважно, поскольку весь следующий день пролетел в больнице, где консультации и анализы продолжались до вечера.

Уставшая и вымотанная донельзя Ольга не могла заснуть. За приоткрытой бронированной дверью убежища слышался монотонный говорок старых подруг. Потом мама вдруг затихла, и Ольга поняла, что она плачет.

«Вот как подкрадывается смерть», — думала девочка. Внезапно. Именно тогда, когда думаешь, что мир тебя любит и слушается, словно дрессированная собака. Стоит только скомандовать. Это была её тайна, о которой никто не знал. Вот уже несколько лет, как она открыла в себе удивительную способность достигать того, чего очень хотела. Ольга загадывала. Желание исполнялось, словно по волшебству. Хотя зачастую случались досадные накладки.

Например, в неё влюбился вожатый в пионерском лагере, но оказался редким козлом, и она потратила всю смену, чтобы тот отвязался. В другой раз захотела занять первое место в городской олимпиаде. Так и случилось, но при этом растянула лодыжку и пару недель ковыляла на костылях.

Оказалось, что желания требуют очень мелкой и подробной детализации, и следует постоянно контролировать своё «хочу».

Вот и сейчас она вспомнила, что прямо перед болезнью мечтала бросить надоевшую учёбу и уехать куда-нибудь за рубеж. Да хоть в Израиль, например.

«Вот дура, волшебница хренова», — ругала она себя.

Неужели эта маленькая комната в чужой стране станет последним земным пристанищем, мнимым домом, откуда она отправится прямиком в иной загробный мир, где наверняка не нужно будет учиться в школе, а заодно и бояться, стыдиться, страдать, и откуда будет казаться, что она никогда не была настоящей и живой?

«Господи, я не хочу умирать, я же не то имела в виду. Можно мне переписать своё желание или уточнить его? Можно я буду жить долго и счастливо? Пусть меня здесь вылечат, и я встречу свою любовь», — истово просила она кого-то на небесах. Судя по ответному молчанию, там то ли не возражали, то ли не слышали её отчаянных просьб. Ночь равнодушно зевнула жаркой раскрытой пастью, затягивая её усталое тело в галлюцинации беспокойного сна.

В следующие пару дней анализы подтвердили ужасный диагноз. В понедельник надо было ложиться в больницу.

Однако вечер пятницы принёс неожиданный оборот. Оказывается, в этот день после заката наступал Шаббат — еженедель-

ный праздник, когда вся страна забывала о проблемах, зажигала свечи и садилась за праздничный стол.

Огонь полагалось зажигать женщинам. Ведь крохотные язычки пламени нежны, капризны и неподвластны грубой силе. Свечи красиво горели, все восторгались, но Ольга с тревогой прислушивалась к неприятному визгу тормозов, донёсшемуся с улицы. Затем где-то вдали раздались мужские голоса, грохот топочущих ног влетел в дом, пронёсся по лестнице, влетел на площадку. Вот громыхнуло за входной дверью, и, наконец, нечто большое и грузное ворвалось в прихожую и оттуда в комнату, оказавшись огромным парнем в армейской форме с автоматом за плечами.

— Шаббат-шалом! — страшно заорал он.

Ольга, как русская девушка, была плохо знакома с местными обычаями, но полагала, что в такой ситуации следует действовать универсально: ложиться на пол, закрывать голову руками и терпеливо ждать, когда тебя убьют или изнасилуют. Хорошо, что она не успела нырнуть под стол, потому что налётчик не принялся палить по присутствующим, а стал целоваться с тётей Инной.

— Извини, мама, наверное, опоздал?

— Давид, сынок, ты как раз успел. Ещё пару минут осталось до Шаббата.

Распознав ошибку, Ольга успокоилась, но не сильно. Потому что теперь в ней принялись бушевать новые незнакомые чувства: парень ей понравился. Он был красив, с тёмными глазами, похожими на маслины, черноволос, высок и служил в армии, откуда приехал на выходные.

С его появлением тесная квартирка словно засветилась. В ней появились празднично пляшущие тени, лица незнакомых людей на фотографиях, густо покрывающих стены комнаты, вдруг заулыбались, занавески приветливо колыхнулись, зазвенела посуда и вкусно запахла еда.

Давид оказался самым шумным и громоздким за праздничным столом. Он беззлобно спорил со своим папой, который утверждал, что в России нужно установить свой русский еженедельный Шаббат. Если бы каждую пятницу там всей семьёй зажигали

свечи, глава семьи читал бы православные молитвы, дети рассказывали историю о князе Владимире, крестившем Русь, тогда, в свете праздничных свечей, национальная идея сама бы нашлась среди сумбура и хаоса. И не надо было бы никому ничего доказывать, мучиться, стыдиться. Не надо было бы заявлять, что Пушкин, потомок африканского генерала, аморальная личность и бездуховный поэт, — есть «наше всё». Дядя Саша говорил убеждённо, как заправский политик. Он тоже эмигрировал в начале 80-х и скучал по русским политическим посиделкам на кухне.

— У России есть более чем тысячелетняя история, христианская вера, уникальная культура и великие исторические личности...

Давид возражал:

— Не забудь, что Россия — многонациональная страна. Вряд ли в мусульманских или иудейских семьях мечтают проводить вечера, перечисляя подвиги древнерусских князей.

— Они будут вспоминать свою историю, своих героев.

— И наступит Царство Божие на земле, — подвела итог тётя Инна.

Ольга не вступала в дискуссию. Она любовалась Давидом. Весёлый, говорит по-русски с забавным акцентом, кожа, загорелая до бронзы, скуластое лицо, густые брови, нос с лёгкой горбинкой, сильное спортивное тело.

Пелена слёз, застилающая глаза все эти дни, неожиданно высохла. Ей вдруг показалось, что Давид — это повзрослевший и снявший маску таинственный мальчик Хапи.

Ольга подумала, что события её жизни развиваются словно в кино. Много лет спустя она вспомнит эту мысль, поскольку уже будет знать, что сюжетный ход «из Египта в Иерусалим», зачастую со смертью главного героя в конце, — любимый сценарий этого мира. Возможно, тогда, совсем молодой девушкой, она почти самостоятельно пришла к одной из популярных мистических идей, гласящей, что любой человек всей своей жизнью, от рождения до смерти, проделывает «крестный ход» из «Египта» в «Иерусалим». Этакий бесконечный сериал с разными актёрами, хорошими и плохими, но среди которых была и великая суперзвезда — Иисус Христос.

В общем, Ольга влюбилась сразу и бесповоротно. Тем более что жить ей оставалось, возможно, лишь несколько дней.

Господи, как остро она чувствовала вкус каждой минуты, каждого мгновения убегающей жизни! А вселенная, словно милостиво сжалившийся палач, дала ей пару дней счастья.

Субботу и воскресенье они с Давидом провели вместе, гуляя целый день по старому Иерусалиму. Она вдруг ощутила, что этот город — проход между мирами. А узкие улочки старых кварталов — словно коридоры, по которым можно юркнуть к затянутым в тяжёлую кольчугу крестоносцам, негодующим пророкам древности или захлёбывающимся в своём величии прокураторам Рима. Площадь, втиснувшаяся в низкой выемке между серыми неказистыми стенами, словно лесное озеро в чаще, прятала ворота к Божественному Христу и его восторженным апостолам. За огромной стеной, огораживающей Храмовую гору, можно встретить очарованного волшебным сном пророка Мухаммеда.

Вот узкий переулок, где, протиснувшись в щель между старыми домами, очутишься в гостях у царя Соломона, с грустью осознающего пропасть между умом мудреца и глупостью толпы, или окажешься рядом со скорбящей Богородицей.

И, возможно, в каком-нибудь закованном в тысячелетние камни переулке, среди множества потрёпанных временем дверей, есть ведущая в сияющий чертог Бога, и можно войти в Его Сияние, и Силу, и Славу. И ныне, и присно, и во веки веков.

Хотелось молиться, но непонятно, на каком языке и кому. Снять бейсболку или надеть платок, уйти в соседнее помещение или постоять вместе со всеми, креститься или стремительно и часто кланяться, словно разминая затёкшую спину?

Будто снится сон, что ты пришла в гости к кому-то великому. Но к кому? То ли к царю, то ли к его любимому визирю, а может, к пророку. Понимание величия момента путает мысли, и не можешь сообразить, какой протокол поведения здесь принят. То ли надо бухаться в ноги, то ли делать вежливый книксен, а может, по-военному чётко докладывать о войне с неверными.

Она ощутила глубокую мистичность этого самого невероятного города планеты, где на крохотном пространстве, присыпанном пылью и грязью человеческих мыслей, золотыми искрами вспыхивает Божественный Свет. И можно увидеть эти искры, впустить их в себя, чтобы они прорастали где-то внутри, как зародыш в желтке, окружённом чёрствой скорлупой нашего непонимания сущности мироздания. Дух захватывало.

Ольгу поразили приходящие мысли и ощущения. Они казались странными и чужими. Экстаз воспаряющей любви дарил Иерусалим, а может, сын его Давид, к плечу которого она доверчиво прижималась, а может, оба вместе.

Она была в восторге от стройного мускулистого парня в военной форме с автоматом за плечами. Прохожие с уважением и любовью поглядывали на красавца-солдата, и девушка чувствовала, что часть этой любви передаётся и ей. Потрескавшаяся плитка мостовой казалась морщинистой кожей чьей-то древней ладони, бережно держащей её и Давида, обычных юношу и девушку, пытающихся, как когда-то Адам и Ева, украсть свою частицу вожделенного счастья.

Бесчисленные церкви и монастырские дворики, где на каждом квадратном метре поверхности можно было найти тайный или явный мистический символ, смотрели тихо и отрешённо. Камни давно привыкли к миллионам паломников, несущих свои индивидуальные беды, так непохожие и одновременно совершенно такие же, как проблемы соседа. Человечество скорбно тащило свой крест по этим петляющим улочкам, спящим в вековом покое, умудряясь при этом толкать и пихать друг друга, обвинять соседа в ереси, подозревать, что кресты распределены несправедливо, и кому-то достался более лёгкий, и его страдания — лишь лицемерная маска.

Они зашли в допотопный ресторанчик и ели тёплые лепёшки, наполненные горячим мясом и острыми специями. Пили терпкое вино. Они питали сияющие в душе золотые искры свои телом и кровью, и те отзывались, заставляя трепетать руки, касающиеся друг друга, губы, вспухшие от бесконечных поцелуев, и глаза, пытавшиеся поймать и сохранить мельчай-

шие детали обволакивающего и так внезапно свалившегося счастья.

Ольга прижималась к сильной руке Давида, вдыхала его запах, любовалась его телом и хотела, чтобы этот вечер никогда не заканчивался.

Плохо помнила детали и подробности тех вечеров. Память сохранила лишь отдельные, полные нежности слова, интонацию понимания, заботливые прикосновения. Она очень боялась атмосферы сочувствия и сострадания к умирающей больной. Но этого не было. Искусство Давида в общении позволило ей на время почти совсем забыть о болезни.

Они покупали дурацкие безделушки в бесконечных торговых рядах старого города, и Ольга вдруг поняла, для чего нужны эти так всегда раздражавшие её сувениры. Это были не чепуховые вещи, рождённые алчностью и убогим воображением торговца, а магические знаки любви.

«Souvenir» — французское слово, означающее «воспоминание». Память любви.

Все эти предметы, словно точки в конце предложения, заканчивали одну фразу, одно счастливое мгновение, чтобы можно было начать колдовство следующего мига.

«Узнать бы, что написано в сценарии жизни дальше», — думала Ольга. Может быть, всё было предрешено до её рождения? А может быть, придумано тысячи лет назад, и лишь потом Главный Режиссёр приступил к сотворению мира...

Они сняли номер в древней гостинице с видом на залитый лунным светом старый город. Это был первый секс в её жизни, и она была счастлива. Теперь они знали друг о друге много такого, что было неизвестно даже их мамам.

«Любовь всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит», — обнадёживающе звучали в сердце Ольги мудрые слова. — «Любовь никогда не перестаёт...»

В понедельник счастье закончилось. Началась химиотерапия. Капельницы закачивали в тело яд, который воевал с клетками-убийцами, попутно убивая и Ольгу. Кто первый проиграет в этой борьбе, было неизвестно. Сначала она не чувствовала никаких изменений и даже внутренне успокоилась. Всё оказа-

лось не таким-то и страшным. Через неделю изменения появились. С каждым днём становилось всё хуже, тошнило, постоянно кружилась голова.

Когда врачи сказали, что надо бриться наголо, поскольку волосы всё равно скоро вылезут, уже было всё равно. Она попросила Давида не приходить в больницу.

Став как будто меньше ростом, с лысой головой, укутанной в платок, маленькими старушечьими шажками она бродила по больничному коридору, таща за собой едущую на колёсиках ненавистную капельницу. А та продолжала закачивать в хрупкое девичье тело смертельный яд. Она видела, что мама постоянно тайком вытирает плачущие глаза, и подумала, что та уже, наверное, мысленно похоронила дочь.

А потом была пересадка костного мозга. Её перевели в палату, похожую на рубку космического корабля. Здесь был автономный воздух и множество жутких приборов, занимавших большую часть поверхности стен. И оказалось, что все муки, которые она терпела до этого, были сущей ерундой. Настоящая боль пришла только сейчас. Казалось, каждую клетку тела протыкали раскалённой проволокой. Мозг, спина, живот, руки, ноги — всё скручивало в судорогах нестерпимого страдания. Она уже не могла встать, не могла спать или даже просто лежать. Спасительные минуты проводила в забытьи, когда закачивали обезболивающие наркотики. Но затем боль вновь возвращалась, терзая измученное тело. Она перестала различать дни, почти не видела людей, появлявшихся в палате. Лишь чёрно-красное марево боли, укутавшее плотной липкой пеленой.

Однажды, через неделю, а может, через месяц или год, поняла, что не может больше терпеть всего этого. Решила выброситься из окна, не сообразив, что бронированное оконное стекло палаты не открывается. Однако девочка попыталась. Сил хватило только чтобы встать и сделать два шага к окну. Потом упала без сознания.

Очнувшись, вновь обнаружила себя в кровати. Но вдруг Ольга почувствовала, что погребальная пелена боли немного сжалась, словно испугалась немедленной смерти. Возможно, в сценарии её жизни сейчас это не было предусмотрено, а мо-

жет быть, все было проще, и тело не хотело умирать. Ольга поняла, что «она» и её тело — не одно и то же. Если тело слабое и чуть живое, то она-то сильная. И её воля — жить или умереть. Эта мысль показалась чрезвычайно важной, и впервые за много дней она заснула сама, без спасительной дозы обезболивающего.

Проснувшись, Ольга решила жить. Началась страшная борьба с безжалостной болезнью.

В первый день она решила вновь попытаться встать. И это удалось. Она стояла, считая вслух и поражаясь незнакомому хриплому шёпоту, вырывающемуся из её воспалённого горла. На цифре «30» вновь свалилась в постель.

Второй день она простояла минуту и даже сделала три шага. Через неделю сама ходила в туалет, расположенный тут же, в космической палате. Боль продолжала сжиматься, иногда просыпаясь с удвоенной силой. Тогда приходилось вновь принимать обезболивающее. Но процесс пошёл.

Здоровому человеку, мучающемуся от скуки и изнывающему от необходимости занять несколько пустых часов, не понять счастья прожить какое-то время без боли. Как бесконечно сладостны несколько мгновений тишины и покоя в измученном теле!

А если боль уходила на шестьдесят блаженных минут, или — немыслимое счастье! — этот период был ещё больше, у Ольги наступало сногсшибательное ощущение безбрежности наслаждения жизнью. Она остро чувствовала запахи, которые хотелось опьянённо впитывать, словно изысканное старое вино, и любые оттенки казались приятными. Звуки поражали своей сложной многообразностью. За каждым из них стоял живой мир образов и угадываемых событий. Кожа обострённо воспринимала малейшее касание как нежную ласку. А разнообразие цветов окружающих предметов с их тысячами тонов и полутонов можно было бы разглядывать бесконечно.

И она уже готова была благодарить Бога за подаренные мгновения счастья, не желая тратить драгоценные миги на бесконечные выяснения отношений с ним: «Почему именно мне так больно?»

Но рано или поздно коварная боль вновь подкрадывалась, волшебный мир захлопывался, и она вновь оказывалась в чёрной безжалостной капсуле страданий. Поразительно, чего только не может вытерпеть человек.

Во вселенной её тела шла глобальная война. Одни клетки уничтожали другие. Пытаясь помочь организму, врачи произвели переливание крови.

«В тебе появилась еврейская кровь», — сквозь слёзы шутила мама.

Теперь новые силы наступали на потрёпанные в изматывающих боях части неприятеля. Враг отступал. Тело ныло и трепетало, словно поле боя под артиллерийским обстрелом.

«Я буду жить долго и счастливо», — каждый день говорила себе Ольга, отправляясь в далёкое путешествие вдоль стен своей палаты. Она обходила маленькую комнату по периметру раз за разом, чувствуя себя путешественником, совершающим кругосветный поход.

Наконец смогла спать, но сон был беспокоен, насыщен странными образами и мыслями, словно она бредила. Часто впадала в забытье, где между сном и явью приходили незнакомые и даже неприятные идеи.

«Что такое тело? Набор клеток, которые постоянно обновляются. Значит, я переменчива, как ручей. И мой внешний вид зыбок, как текущие воды. Стоит где-то в неведомой дали появиться запруде — и ручей пересохнет. Происходит смерть — стремительный распад бренной плоти. Что скрепляет клетки, создавая из них живую материю? Разум? Но и разум неустойчив. Находясь в дымке иллюзий, словно в сновидениях, он в любой момент может заблудиться в призрачном мире своего восприятия. Так что же создаёт из горы кровавого мяса меня как личность? Кто тот царь или полководец, командующий миллиардами своих подданных-клеток, создающий города моих органов, страны и континенты моего тела? Если это Бог, посылающий живую душу внутрь планеты моего тела, то почему небольшой раны бывает достаточно, чтобы всё погибло? Ведь не умирает же планета Земля, когда случаются извержения вулканов».

Ольга вспомнила сказку, где злой колдун оживил умершее тело. Получился человек-зомби, движущийся биологический объект. Потом чародей вложил в него некий разум, насыщенный злой программой уничтожения принцессы. Теперь получился человек-животное, ведомый одной целью — выполнить приказ и убить ненавистную красавицу. Он мог есть, пить, разговаривать, но двигало им лишь желание убивать. И, наверное, нельзя было назвать его человеком, скорее разумным животным. К сожалению, таких много в окружающей жизни, хотя идеи, двигающие ими, могут быть разными. Кто-то живёт, чтобы убивать, а кто-то — чтобы заработать много денег, кто-то — чтобы вырастить детей, а кто-то — чтобы прославиться. Что же отличает человека от животного? Возможность творчества? Но и муравей строит дома, а паук плетёт красивую сетку-паутину.

Когда-то прочитала в научном журнале, что особенно красивая паутина удаётся паукам, если их напичкать наркотиком. Креативность дизайна возрастает.

Вороны украшают гнездо блестящими безделушками. Птицы поют сочинённые песни. Конечно, у человека творчество — значительно более сложное, а может быть, оно и другое. Человек-творец создаёт новый мир, он действует как волшебник, преображая окружающую реальность. «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божьими», — сказал Иисус. Миротворцы — это творцы мира. Получается, что настоящий человек — только тот, кто сам является волшебником. Он — сын Божий и имеет волшебную душу, которую вложил в него Бог. То есть у человека три составляющих: тело (его легко повредить), разум (его тоже можно повредить) и душа (вот она-то, возможно, бессмертна). И, похоже, она есть не у всех. Как отличить одних от других? Очень просто: одни волшебники, другие — нет. На свете живёт какое-то количество волшебников, остальные — просто разумные животные. Осталось только понять, к какому виду принадлежит она.

Ещё через неделю Ольга могла уже самостоятельно мыться в душе. Мама не верила случившемуся чуду. Медики гордились собой, улыбались и говорили, что у неё появился второй день рождения.

Ещё через несколько дней её выписали. Врачи считали, что в домашней обстановке выздоровление пойдёт быстрее. Однако в больницу надо было приезжать раз в неделю. Поэтому родителями был снят на год симпатичный домик в Иерусалимских горах.

Домик был одноэтажный, состоял из огромной гостиной с зоной кухни и трёх крохотных спален. Вокруг — маленький садик, где росли гранатовые и лимонные деревья и много неизвестных цветущих кустов, прямо за которыми начинались лесистые сосновые холмы.

В гости вновь приезжал Давид, как только удавалось по службе. Ольга отчаянно стеснялась своей лысой головы и носила цветную шапочку, став похожей на обычную израильскую религиозную женщину.

Первая прогулка вокруг дома была настоящей победой над болезнью. К Ольге стремительно возвращались силы.

Затем поставила задачу выйти на улицу и пройти тысячу шагов. Она шла, изо всех сил вцепившись в надёжную руку Давида, и её глаза сияли от счастья. «997, 998, 999, 1000!!!» — считали вместе. Обратно Давид нёс её невесомое тело на руках, но это было уже неважно. Ещё через месяц они уже уверенно гуляли по посёлку. Через полгода сама водила машину и бродила по старым улочкам Иерусалима.

Ольге нравилась это страна, хотя, с её точки зрения, люди были слишком шумны и зачастую навязчиво дружелюбны. Кроме того, ей казалось, что всё население Израиля представляло собой пять миллионов наиболее сведущих мировых экономистов и политиков, которые каждый вечер собирались перед телевизором, чтобы убедиться, что всё идёт не так, как надо. Те, которых раздражало буквально всё, эмигрировали глубоко внутрь собственной головы. Там всегда были приятные новости и умный собеседник. Большинство из таких людей были совершенно безобидны. Но иногда они превращались в религиозных фанатиков, глядя на которых Богу, наверное, хотелось стать атеистом.

Но всё это мало касалось Ольги. Она была влюблена и счастлива. Пропало утро, и пропал вечер, исчезли дни неде-

ли. Время разделилось на периоды «с ним» и «без него». В те дни, когда Давида не было, помогала с уборкой дома, ездила в магазин, но душой была с любимым. Наконец волосы вновь стали расти, причём намного более густыми и тёмными. Мама смеялась и говорила, что это влияние израильской крови, которую влили.

Родители уже рассматривали Давида как признанного жениха и не возражали, когда дочь уезжала с ним на выходные в Тель-Авив, оставаясь на ночь в одной из гостиниц. Секс давал ей новые, невероятно острые ощущения. Это был новый мир бесконечной радости, которую, наверное, даёт путнику в пустыне чистая родниковая вода.

Ольга думала, что выражение «умереть от счастья» сказано людьми, никогда не испытавшими этого чувства в полной мере. От счастья не умирают, смерть растёт из застойного равнодушия к жизни, как болотная трава прорастает из питающей её гнилой среды. Болото повседневности создаёт тлен и распад. Старики умирают, когда поток событий их жизни перестаёт двигаться. Но стоячие воды способны объять душу в любом возрасте, подбросив ловушку привычек и устоявшегося распорядка, тупого самодовольства и нежелания ничего менять. Тогда крохотным горчичным зерном селится смерть, чтобы вскоре обернуться мощным деревом. А там недалёк момент, когда птицы небесные нежным пением возвестят с раскидистых веток, что «игра закончена». Со святыми упокой...

Однако история, случившаяся в порту курортного местечка Герцлия, неожиданно показала, что у смерти есть много путей. Давид с Ольгой приехали туда вечером и припарковались на огромной открытой автостоянке, заставленной сотнями машин. С моря пахло влажным вечерним ветром, уже избавившимся от зноя, но не набравшим прохлады. В ста метрах слева сверкал огнями порт. Похоже, что к ночи здесь собиралась немалая часть населения Тель-Авива. Десятки ресторанов исторгали пучки света, которые оседали на фланирующую толпу, отчего та искрилась, как бушующая в тесном ущелье волна. Везде играла весёлая музыка. Озарённые праздничной атмосферой люди смеялись, пели, знакомились. Все говорили так громко,

словно собеседник находился в другом полушарии и был при этом глухой.

Звуки вибрировали, то усиливаясь, то затихая, отчего Ольге казалось, что она стремительно крутит ручку радиоприёмника, ежесекундно меняя станции. Запахи сигаретного дыма, вина, свежей морской воды, приправленные ароматами средиземноморской и восточной кухни, доносились, так же, как и звуки, волнами. На гребне они были сочными и густыми, чтобы потом растаять в незримой впадине.

На периферии сознания Ольга заметила, как рядом остановилась малозаметная малолитражка. Внезапно что-то словно толкнуло её, требуя обратить на эту машину внимание.

Внутри сидела обычная пара, которая не спешила выходить, дожидаясь, пока Ольга с Давидом уйдут.

Возможно, им хочется просто посидеть и поцеловаться наедине.

Но вдруг поймала внимательный взгляд парня из-за бокового стекла малолитражки. Голову сжало тисками. Она осознала ненависть и страх, переполняющий его. И ещё почувствовала, как тому давит нечто жёсткое и ужасное, прикрученное ремнями к животу. Ольга ощущала липкий холодный пот, катящийся по его спине. Губы сами начали повторять молитву, которую твердил он, и девушка поняла, что сейчас может случиться...

«Это террористы. Они дождутся, когда мы уйдём, пойдут в толпу, и будет взрыв». «И будет кровь вокруг, и мёртвые люди, и плач, и рыдание, и вопль великий»; «Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет», — опять звучали в воспалённом мозгу чужие слова.

Нервно взяла Давида под руку. Самым трудным было спокойно пройти первые несколько шагов. Когда они отошли метров на тридцать, исступлённо зашептала:

— Там, в машине, террористы. И у них бомба.

— Откуда ты знаешь? — неуверенно спросил Давид.

— Ничего не спрашивай. Сделай что-нибудь быстрее.

К чести Давида, он действовал быстро и решительно. Может быть, у них существовала подробная инструкция, как посту-

пать в таких случаях. Во всяком случае, меньше чем через минуту к машине уже бежали вооружённые люди.

«И пусть бомба не сработает», — запоздало попросила кого-то на небесах Ольга.

Дальше была суета. Давид куда-то звонил. Его кто-то обнимал. Ольгу поцеловал пожилой военный.

Террористов — а это были действительно они — задержали. Бомба, по счастливой случайности, не взорвалась. Большинство отдыхающих в тот вечер в Герцлии ничего не узнали.

Ночью, ворочаясь в кровати без сна и вспоминая пережитый ужас, она пыталась понять, откуда появились загадочные способности. Может быть, мама не рассказала, что в день рождения дочки в дом зашли семь фей-крёстных со своими волшебными дарами?

Дни бежали, наполненные счастьем. Потом оказалось, что пришло время расставаться. Они решили, что не будут спешить с браком. Тем более что ближайшие три, а то и пять лет Ольге никак нельзя было беременеть. А какая израильская семья без детей? Давиду оставался ещё год службы, ей надо закончить институт. Вот через пару лет, когда он получит хорошую работу, а её здоровье окончательно поправится...

А пока будут ездить друг к другу. В конце концов, что такое четыре часа лёту?

«Хочешь развеселить Бога — расскажи ему о своих планах», — вспомнила присказку, когда собиралась в далёкую Россию.

В Москве Ольга довольно легко восстановилась в институте, но учиться было неинтересно. Несмотря на благие намерения, вскоре бросила учёбу, чтобы мотаться в Израиль так часто, как только могла. Жалко, что приходилось возвращаться обратно, поскольку её туристический статус позволял быть в другой стране не более полугода.

Но какие это были счастливые месяцы! Они гуляли, целовались, занимались любовью, мечтали о будущем.

К тому времени Давид демобилизовался и, как это принято в Израиле, решил с друзьями-сослуживцами уехать на полгода попутешествовать по миру.

Странно, но он не пригласил Ольгу с собой. Потянулись бесконечные месяцы. А когда они прошли, Ольга узнала, что Давид теперь живёт в Америке, у него есть невеста, и скоро будет свадьба.

Ольга три дня провалялась в постели. Боль вновь пришла к ней, но на этот раз не физическая, убивающая тело, а другая, возможно, даже более страшная. Рак, или, скорее, ядовитый скорпион, рвал клешнями её душу, заливая ядом. Душа стремительно перерождалась. То, что на физическом уровне выглядело как чёрные клетки, объединяющиеся в опухоль, сейчас проявлялось в непроглядном облаке, наползающем на вселенную её души. И золотые искры, поселившиеся там, гасли, заслоняемые тёмными тучами, где плясали безжалостные разряды иступлённой энергии ярости и обиды.

На третью ночь за окном разразилась страшная гроза. Небо сияло молниями и трещало по швам, словно завеса библейского храма рвалась под чьей-то безжалостной рукой. Дождь барабанил по стеклу, будто водопад слёз. От громовых раскатов здание вибрировало.

Ольга стояла перед окном. Казалось, что гроза исходит из неё. Она сама была этой грозой, мощной и неистовой. Вдруг взорвалась молния. Прямо перед лицом. Небо распахнулось багровой стеной огня.

«Передо мной Ад», — подумала Ольга. Она распахнула окно и в бешенстве закричала:

— Я вас там всех на рога поставлю!!!

Наступила холодная осень. Последние листья цвета свернувшейся крови облетали с шелестом разворачиваемой на ветру газеты. Затем затянули пронизывающие дожди, сменившиеся ледяной крупой. Та оставляла на дороге скользкий коварный панцирь. Еле ползущие машины заносило, и везде раздавались негромкие хлопки от их столкновений, будто вокруг стреляли из детских хлопушек. Редкие пешеходы передвигались словно в авангардном балете, широко отставляя руки и осторожно скользя ногами. В такое время нервная система людей даёт сбои. Активизируются маньяки, психи, самоубийцы. Да и обычные люди начинают ощущать нечто неладное. Самые безобидные симптомы: бессонница, нервозность, беспричинная раздражительность.

Их семья, пережившая, казалось бы, самые плохие времена, неожиданно распалась. Словно дерево, устоявшее в ураган, неожиданно рухнуло от лёгкого порыва ветра. Отец ушёл к другой женщине. Мама впала в депрессию, выглядела постаревшей, уставшей и перестала обращать внимание на дочь, словно считая и её виновницей произошедших перемен.

Ольга чувствовала беспросветное евангельское одиночество, словно одна во всём мире без питающей жизнь Родительской Любви, и время испить чашу, а впереди — лишь страдание и неизвестность. Болело подреберье, и появилась давящая тяжесть в груди, не позволяющая дышать, словно она висела на кресте с вывернутыми руками. А может, это сдавало измученное сердце? Мир без Давида был совершенно бессмысленным и не имел права на существование. «Для чего ты меня оставил?» — шептала она тому, кто был так далеко.

Жить было больно, и время тянулось бесконечно, застыв, как муха в янтаре, в пласте какой-то неведомой, склеившей его реальности.

Она не могла найти себе занятия. Печальный удел покинутых дев состоит в том, чтобы слоняться из угла в угол, орошать слезами подушку и скорбеть о былом. Скорбеть не хотелось. Читать было неинтересно. Книги казались послащёнными слезливыми соплями, взбитыми до состояния сливок. Алкоголь и наркотики сразу отвергла. И так хватало болезненных ощущений парения в полуобморочном состоянии между мирами, в ожидании вознесения. Тут существовала последняя точка любопытства — что будет там? Смерть? Бог? Как они её встретят? И чем удивят?

Она перестала встречаться со своими школьными подругами, если не считать единственного раза — пятого января, в нелепую посленовогоднюю неделю. Встреча однокашников состоялась в недорогом караоке-баре. Ольга почти не участвовала во всеобщем веселье. Ей хотелось поскорее удрать от бывших подруг, рассказывающих о своих гениальных отпрысках, от рисунков этих дарований, их стихов, их фото. Её тошнило от петушиного гонора бывших прыщавых юнцов, а ныне «крутых» бизнесменов. Те жевали зубочистки, перекатывая их из угла в угол, словно это

были дорогущие сигары. Они рассказывали о своих великих бизнес-планах. Знала, что это вранье. Все они были обычным офисным планктоном, трепещущим перед своими шефами, жёнами и остальным грозным миром. Об этом красноречиво рассказывали их плохие зубы, несвежее дыхание и поддельные часы на запястьях. Казалось, что их лица искажены чудовищными гримасами, словно у персонажей картин Босха. Жадность, которая вожделеет. Зависть, трусливо ненавидящая. Лицемерное ханжество. Всё от подсознательного понимания собственной ничтожности, ненужности и кратковременности. Прах в прах.

Ольга, не попрощавшись, выскочила наружу, глотнула свежего воздуха, закашлялась от морозного ожога и присела на ледяную лавочку. Неужели теперь жизнь будет состоять только из серой, никому не нужной работы, дел по хозяйству и ночей в слезах?

«Нет», — сказала себе она. С любовью, божественной ли, земной ли, надо кончать! Она поднялась с промёрзшей скамейки, воздела руки и прокричала, обращаясь к небесам:

— Хочу убить свою любовь!

Небеса вздрогнули, но привычно промолчали.

И в ту ночь приснился сон: она шла по опустевшему после бомбёжек ночному городу. На фоне чёрно-багрового неба горели полуразрушенные здания. Вспыхивали зарницы. В воздухе пахло пеплом и ещё чем-то сладким. Хотелось убежать, но ноги не слушались, проваливаясь в раскалённый асфальт. Земля за пределами дороги была усеяна огромными воронками, в них что-то тлело и дымилось. Ольга заглянула в ближайшую яму. Там догорал труп Давида. Кожа обуглилась и пенилась волдырями ожогов; сквозь чёрное мясо виднелись белые кости.

Наутро Ольга проснулась абсолютно спокойной. Душевные муки, терзавшие последнее время, внезапно исчезли. Словно все эмоции выгорели дотла, рассыпались невесомым пеплом где-то во вселенной. Только в груди у сердца образовалась чёрная дыра, прямо на месте вырезанной любви. Она осмотрела себя в зеркало и увидела обычную девушку, заурядной внешности, не толстую, но и не худую, по-своему довольно симпатичную. Но она знала, что глубоко внутри поселилась грозная тёмная пу-

стота. Может быть, чёрные дыры космоса, уничтожающие всё вокруг себя, даже свет и время, — тоже результат убитой любви? Только чьей? Неужели Богу приходилось убивать свою любовь? А Иисус Христос, оставленный им умирать на кресте...

Ольга сняла недорогую квартирку и уехала от мамы. День сменялся ночью, темнота — светом. Но ей казалось, что идут одни бесконечные сумерки, заполненные тенями людей и событий. Никаких желаний не ощущала, так, иногда поесть и к ночи поспать.

Через какое-то время поняла, что для жизни нужны деньги. Поскольку те не сыпались с неба, тоскливым февральским понедельником она решила найти работу. Начала с интернета. Хитом спроса был «водитель с собственным автотранспортом, готовый работать сутками и без выходных». Не менее популярной оказалась «офис-менеджер, миловидная, аккуратная, здоровая и чистоплотная девушка, умеющая выполнять все поручения руководителя». Ольга фыркнула. Дальше требовался «оператор на телефоне, позитивно-эмоциональный, с высокой степенью мотивации, доброжелательно разговаривающий со всеми типами клиентов». «Это не для меня», — подумала Оля, переходя к следующему разделу: «администратор, умеющий и желающий работать с людьми, с высокими коммуникативными навыками, доброжелательный и стрессоустойчивый». Всему можно научиться и ко всему привыкнуть, но Ольга категорически не хотела позитивно-эмоционально выполнять все поручения руководителя.

Решила пройтись. Мелкая позёмка мела по обледеневшему тротуару. Ветер, как пьяница, неуклюже бился о стены домов и всхлипывал от боли и досады. Небо хмурилось в предчувствии большого снегопада. Прохожих было мало, они торопились, делая частые короткие шаги, чтобы не упасть на скользком тротуаре. У всех лица усталые и задумчивые, никто не улыбался. В заснеженном скверике старики выгуливали своих собак, таких же сутулых и неспешных. С грохотом прокатился поседевший от инея трамвай. Ольге показалось, что там, за покрытыми морозными узорами окнами, безликие незнакомцы пытаются разглядеть её, словно рыбы из-подо льда. Сельди в замёрзшей бочке.

От застывших домов веяло холодом. Зябко кутаясь в пальто, она брела по району, разглядывая вывески на домах: «Ресто-

ран», «Овощи», «Всё для ремонта», опять «Ресторан». Неожиданно увидела за домами маковку позолоченного купола, увенчанного православным крестом.

Церковь встретила Ольгу теплом, запахом восковых свечей, полумраком и строительными лесами в центре зала, где наверху, под куполом, кто-то шевелился — то ли ангелы, то ли неторопливые рабочие. Зацепившись ногой за какую-то железку, она различила в боковом пределе очередь из тихих старушек и нескольких степенных мужчин.

Очередь двигалась медленно и упиралась в импозантного человека, упакованного в необычные одежды, сразу выдававшие в нём духовного пастыря. Над одеждами возвышалось доброе отеческое лицо, декорированное аккуратной бородкой. Заметно выделялись белые, словно светящиеся, руки, которые осеняли крестом очередную бабушку, затем руки застывали, покорно ожидая, когда старушка ткнётся в них губами. Отпустив очередную кающуюся и её грехи, одна из рук делала приглашающее движение. Новая грешница проворно подбегала к священнику. Очередь двигалась. Когда рука в очередной раз сделала приглашающее движение, Ольга поняла, что её зовут.

— Иди. Батюшка Владимир приглашает, — подтолкнули старушки.

Неуверенно подошла к священнику.

— Ты новенькая в нашем храме?

— Только приехала в этот район.

— Хорошо, что сразу пришла в церковь. Крещёная?

— Да.

— Давно исповедовалась?

— Никогда, — честно призналась девушка.

— Это плохо. Исповедь — важнейшая часть духовной жизни православного человека.

— Я болела, — ответ прозвучал, словно школьница оправдывалась в невыученных уроках.

— Серьёзно болела? — участливо спросил батюшка.

— Рак, — просто сказала она. — Лечили в Израиле. Кажется, удачно. Любовь была. Прошла. Теперь думаю жить. На работу устраиваться.

— Куда?

— Не знаю пока.

— Читай Евангелие Господа нашего. Он тоже страдал, — участливо молвил отец Владимир и быстро зачастил: — Отпускаются грехи рабы Божьей... Как тебя зовут?

— Ольга.

— ...Ольги. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Священник показал на небольшой столик рядом:

— Поцелуй святой крест и Библию.

Ольге понравилась служба. Кто-то пел тоненькими голосами, священник басом проповедовал, как показалось, на незнакомом языке. От этого произносимые им слова казались ещё более значимыми. Старушки суетливо крестились, некоторые были заняты работой по регулировке горения свечей. От нечего делать Ольга засмотрелась на эту процедуру. Несколько десятков свечей выстраивались так, чтобы позади стояли наиболее длинные и только начинавшие гореть, а спереди и сбоку — уже почти прогоревшие, которые старушки проворно меняли, умудряясь при этом не запалить ни себя, ни окружающих. Накладка случилась в конце службы.

— Двери! Двери! — вдруг громко и многозначительно возопил священник.

Ольга встрепенулась, поскольку слова были сказаны явно по-русски. Похоже, встрепенулась не только она.

— Воистину, батюшка, сил не хватает их открывать! — неожиданно закричала бойкая старушка. Казалось, она давно ждала этих слов и всю службу сидела в засаде, как охотник, ожидающий взлёта гусей.

— Так нет же денег починить, — басом ответил степенный мужнина, явно церковный староста.

— Куда же делись деньги? — ехидно поинтересовался интеллигентного вида сухопарый старичок. Похоже, назревал бунт, решительный и беспощадный.

— Братья и сёстры, уймитесь! — рявкнул священник, возвращая паству к процедуре.

Все унялись и дружно запели:

— Верую во единого Бога Отца...

Пели слаженно, невнятно выговаривая незнакомые слова. Потом священник угощал всех вином, а Ольге даже дал крохотный пирожок, оказавшийся очень жестким и безвкусным. Как интересно люди живут!

Стала приходить в храм регулярно. Иногда помогала с уборкой, готовила еду для отца Владимира. Их беседы во время трапезы стали частыми, поскольку питалась она в церкви, дома не было ни крошки.

Однажды священник сказал ей:

— Мне кажется, в душе твоей пустота, и важно, чем её заполнишь. Спаситель говорил, что в пустое место может войти злой дух, захватив с собой семь злейших. Поэтому найди себе занятие, которое заполнит жизнь.

— Сейчас трудно найти работу.

— Кажется, могу тебе помочь.

Однажды после службы отец Владимир подозвал её. Он стоял в компании с немолодым, интеллигентного вида мужчиной, терпеливо отгоняя назойливо роящихся вокруг старушек, норовивших припасть к благословляющей длани.

Мужчина был одет в дорогое кашемировое пальто, слегка полноват, из-под очков в золотистой оправе иронично глядели умные глаза. Показался симпатичным: тонкие чувственные ноздри, пухлые губы, волевой подбородок, короткая аккуратная стрижка.

— Александр Петрович, Божьей милостью наш благотворитель, — представил собеседника отец Владимир. — Ему как раз нужен секретарь-референт.

Он сделал паузу, во время которой многозначительно и както странно взглянул, словно только что предложил ей бесплатную путёвку на «Титаник».

— Не подведёшь меня?

«Его вопрос подразумевает, что я уже согласилась, — успела подумать Ольга. — Действительно, что тут думать. Мужчина кажется серьёзным».

Москва — город чудаков, но странности нового шефа заметно зашкаливали.

И если бы существовала хрестоматия по особо интересным случаям, ему бы, возможно, выделили абзац, а то и два.

И дело было не в том, что он владел обувной империей «Хрустальные башмачки для Золушки» с сетью магазинов и фабрик. Ольге нравилось название. В нём обещалось чудо, ведь девушку, купившую обувь, наверняка искал прекрасный принц. И пусть глупые сёстры приобретают свои нелепые босоножки в других фирмах. Принца им не видать как своих ушей.

Странным было другое. Внутри Александра Петровича прятался безумец, обожавший кровь, пытки, костры, всякую средневековую дьявольщину и временами выбиравшийся наружу. Тогда шеф мог часами рассуждать о процессах над ведьмами, до изнеможения описывать подробности четвертования, потеряв счёт времени, как юноша, рассказывающий о своей возлюбленной. Он даже профинансировал фильм о Маркизе де Саде, который, однако, не был выпущен в широкий прокат, чтобы не слишком возбуждать умы, а остался в памяти особых знатоков.

Но пусть тот, у кого нет хоть небольшой придури, первым бросит в него камень.

Тем более что зарплата оказалась огромной, а работа — интересной.

Ольга была очень благодарна отцу Владимиру, храм которого посещала регулярно. Теперь у неё появились деньги и дела, в которые можно было погрузиться с головой.

В работе старалась не пересекать той грани, за которой в душе шефа пряталось нечто таинственное, словно в запертой комнате Синей Бороды. Но довольно скоро дверь начала со скрипом приоткрываться. Медленно, почти незаметно, но с такой же неотвратимостью, как смена времён года.

В том году весна пришла с опозданием, словно кинозвезда на пресс-конференцию. Люди, уставшие от зимней стужи, воспряли духом. Одуревшие коты готовились к блуду, хриплым воем оповещая желающих присоединиться.

В один из тёплых апрельских дней она пришла к отцу Владимиру, испытывая неловкость в душе: стыдно рассказывать мужчине о своих неблаговидных любовных интрижках.

— Я согрешила, — призналась она. — Совершила прелюбодеяние. Со своим начальником.

— С Александром Петровичем? — уточнил священник.

— Да, — вздохнула Ольга.

Отец Владимир задумался, но почти сразу произнёс:

— То, о чём ты говоришь, не называется «прелюбодеянием». Ведь он не женат, да и ты не замужем. Конечно, кто-то не одобрил бы внебрачной связи, но мы живём в реальном мире, где мужчины и женщины, случается, спят друг с другом до брака.

— Вряд ли речь идёт о браке, во всяком случае, мы не строили планов на медовый месяц, — возразила Ольга.

— Но ты его любишь?

— Честно говоря, нет. Это просто обычный служебный роман.

— Хорошо, что ты говоришь искренне. Когда согрешила и не покаялась — это называется «согрешила». В твоём случае, может быть, даже неплохо, что в сердце появилась пусть не любовь, а привязанность. Отпускаются грехи рабы Божьей Ольги... Кстати, напомни Александру Петровичу оплатить счета на мозаику. Мы планируем у входа в церковь сделать картину «Иисус, изгоняющий бесов». Актуальная тема для многих прихожан, — усмехнулся он.

Ольга улыбнулась в ответ. Внутри ликовала, как безгрешное дитя, хлопала в ладошки и распевала. Окрылённая, поцеловала протянутую руку отца Владимира. Кожа его была шершавой и сухой, словно бумага. «Сколь интимен поцелуй, — подумала она. — Он освещал любовь и подчёркивал предательство».

Неожиданно краем сознания услышала, как невидимые рабочие где-то наверху под куполом переговариваются друг с другом. Они говорили негромко, почти шёпотом, но в силу какого-то акустического фокуса голоса звучали совсем рядом.

— Это первый?

— Точно!

— Ждём второго?

«О чём это они?» — вздрогнула Ольга. Столб света, идущий из-под купола, образовывал светящийся конус, в котором плясали золотые пылинки. Неожиданно ей стало страшно: «Ангелы обсуждают первого демона, вошедшего в пустое место внутри меня?» По коже поползли гадкие мурашки, сдавило дыха-

ние. «Может, рабочие говорят о слоях краски и штукатурки, и ангелы здесь ни при чём?»

— Отлично! До конца первого периода уйма времени. И второй гол забьют. Вот увидишь.

— Не кажи гоп...

«А, это о футболе, — сообразила девушка, но облегчения не пришло. Наоборот, неприятный озноб, щекочущий кожу, лишь усилился. Почему священник отпустил мне грехи? Неужели только ради денег на новую мозаику? Если человек ходит в церковь, как демон может войти в него? Таинство покаяния должно защитить. И нечего морочить себе голову страшилками».

Стряхнув наваждение, Ольга вышла из храма.

Скоро отношения с шефом стали совсем близкими. Она побывала в его «логове» — загородном доме, который представлял собой уникальный по содержанию и грандиозности музей пыток. Экспонаты свозились со всего мира. Дом ломился от музейных сокровищ. Стены украшали гравюры, картины, документальные фото со сценами допросов и смертных казней. Из каждого угла высовывались приспособления, способные сделать человеку не просто больно, а очень больно. Нельзя было шагу ступить, чтобы не наткнуться на кресло, усыпанное шипами, гильотину, виселицу или стеллаж с «испанскими сапогами». В застеклённых шкафах хранились изящные безделушки типа щипцов для вытягивания жил или клещей, дробящих кости.

В старинных книжных шкафах стояли иезуитские требники, средневековые трактаты о колдовстве, фолианты в роскошных переплётах, содержащие бесценные сведения о ядовитых растениях и способах приготовления ядов, руководства по ведению допросов.

Сам обладатель этих сокровищ бродил по комнатам, используя вместо халата грязный мешок с капюшоном, который, как утверждал его обладатель, был подлинным балахоном инквизитора. Ольге казалось, что это скорее саван воскрешённого Лазаря.

Кровать в спальне была оборудована множеством хитроумных ремней и растяжек. У подножия стояла пыточная дыба.

Александр Петрович не стремился заниматься обычным сексом. Но обожал философствовать, любуясь дыбой и поглаживая Ольгино тело:

— Русские девушки — самые прекрасные в мире! В Европе во времена Средневековья уничтожили весь генофонд красоты. Бифштекс с кровью — церковное изобретение, ведь более двухсот лет на кострах жарили женские тела. Телевидения не было, и публика проводила время на площадях, тараща глаза на сжигаемых ведьм. Досуг такого рода в буквальном смысле согревал сердца. Особенно если костёр был жаркий, а дамы — дерзкие и с пышными формами. Неделя без красочных аутодафе выбивала всех из своей тарелки.

— Любопытное зрелище, — согласилась Ольга.

Ольга чувствовала, что шеф возбуждался от своего занимательного рассказа более, чем от её тела. Александр Петрович говорил, словно читал любовные стихи:

— Все началось в пятнадцатом веке, по указу папы Иннокентия Восьмого.

Вдруг она ощутила толчок в животе, словно кто-то грубо овладел ею. Вскрикнула. Что происходит? Ведь «возлюбленный» лежал рядом, упиваясь своей речью. Но вот её тело вздрогнуло еще раз. Нельзя сказать, что ощущения были неприятными, скорее слишком сильными. Она попыталась сжать бёдра. Закусила кулак зубами, чтобы не закричать.

Шеф замолчал, с интересом разглядывая её.

Боль и наслаждение нарастали. Кровать ходила ходуном. Она чувствовала, как кто-то невидимый придавил её, раз за разом проникая внутрь. Из глаз потекли слёзы. И вдруг тяжесть исчезла. Она даже почувствовала разочарование, что всё так быстро закончилось.

Александр Петрович нежно погладил её спутанные мокрые волосы и с глубоким удовлетворением произнёс:

— Многие женщины признавались в своих связях с демонами. Они описывали проникновение бесов в тело как сладчайшее совокупление.

Некоторое время Ольга ничего не соображала, а когда всё же умудрилась приоткрыть один глаз, узрела отполированный

веками желтоватый череп, стоявший на туалетном столике и таращивший пустые глазницы. Во взгляде читалось удивление и презрительное превосходство.

— Кто это? — спросила слегка охрипшая от пережитых ощущений Ольга.

— Где?

— Вот, на столике.

— Череп одной монашки.

Ольга отвернула череп к стене. Выражение глазниц показывало неодобрение не только её морали и нравственности, но и явно негативную оценку фигуры, особенно ног. Пусть теперь пялится на стену и не подглядывает.

Взглянула на шефа, пытаясь понять, что же произошло только что. Может, она просто потихоньку сходит с ума? Стало страшно. Хотелось вновь оказаться в знакомом мире, но, куда ни падал взгляд, везде оказывались атрибуты совершенно другой реальности.

До этого момента она как будто бы стояла за приоткрытой дверью, подглядывая в чудаковатое место, где обитал разум безумного начальника. Но вдруг её затянуло в этот мрачный мир, и всё оказалось совсем не игрой. Сейчас она по-другому увидела эту спальню, похожую на мрачный склеп, освещённый несколькими лампами, стилизованными под факелы. В жутковатом полумраке тени соревновались в густоте. В сердце тьмы призраки то ли корчились от боли, то ли дурачились в шутовском спектакле. Появился запах ладана, крови и нечистот. Желудок выворачивало, в горле застрял комок, кожа на пальцах, сохранивших ощущение восковой поверхности черепа, зудела.

Надо было срочно вынырнуть в обычный знакомый мир, иначе конец. Всему есть рациональное объяснение. Ну, накатило. Рассказ слишком впечатлил. Она попыталась вернуться к реальности:

— Женщины могли врать о связях с дьяволом. Оговорить себя под пытками.

— Конечно, кто-то оболгал себя, но не все. Инквизиторы тоже не дураки были. В том шкафу есть манускрипт 1600 года, написанный судьей-инквизитором. Тот клялся, что лично видел,

как дьявол насиловал женщин. Воспоминания мэтра похожи на то, что я сейчас наблюдал.

Шеф довольно покраснел. И, словно мальчик, выпытывающий старшую сестру, с замиранием спросил:

— Как это было?

— Не говори глупостей. Никакой бес со мной не совокуплялся. Просто придуривалась, чтобы сделать тебе приятно.

— А я подумал, что взаправду. Жаль...

Шеф был расстроен. Но Ольга хотела уйти от скользкой темы:

— Ты рассказывал про Европу. А в России?

— Здесь женщин жгли мало. У нас, наоборот, мужчины предпочитали убивать друг друга. Национальная забава — убей друга, получи его хату, жену, фирму или корпорацию. До сих пор играем...

Ольга почувствовала, что на руках и ногах защёлкиваются какие-то крепления. Невидимые блоки растягивали тело. На глазах оказалась маска, а во рту — кляп. Шеф говорил всё более нервно, словно гневно ругал кого-то:

— Теперь Европа пожинает последствия. Дамы с лицом лошади и телом тюленя. Целлюлит даже на ушах. Появились бородатые красавицы. Бедные мужики, которым и хочется, и колется. Одно спасенье — русские бабы, — распалённо прорычал Александр Петрович.

«Достанется мне сегодня», — подумала Ольга. Закрыла глаза и попыталась отключиться, радуясь отвлекающей боли, которая помогала выбросить из головы тёмный мир, в котором побывала.

Она неплохо знала своего начальника. В глубине души, куда посторонним было никогда не добраться, он был мягок и даже добр. Но над этой мягкостью господствовало убеждение в необходимости следовать правилам, и, как следствие, строгость. Последнее легко трансформировалось в желание беспрекословного подчинения, сквозь которое прорастала необузданная вспыльчивость. Безумие его мозга преобразовывало всё в жажду причинения боли окружающим. В итоге мечтал убить всех вокруг максимально болезненным способом.

К своему удивлению, Ольгу это не волновало. Она относилась к выходкам шефа спокойно. Мы же не пугаемся дождя,

а просто берём с собой зонт. Поэтому при сервировке стола перестала давать Александру Петровичу ножи.

Но собственная отстранённая прагматичность пугала. А уж о загадочном эпизоде в спальне, не к ночи будь помянутом, постаралась скорее забыть. Не рассказывать же об этом на исповеди...

Но в то же время поговорить с духовником хотелось.

— Я продолжаю грешить, по-прежнему живу с Александром Петровичем, — в очередной раз призналась Ольга, сразу беря быка за рога, поскольку твёрдо решила разобраться с творящимися в ней переменами.

— Все мы грешники, — привычно согласился отец Владимир.

— Но меня беспокоит, что в наших любовных играх мы причиняем боль друг другу. И мне нравится насилие.

Священник погрузился в задумчивость.

— Но вы же это делаете добровольно и с согласия друг друга? — уточнил святой отец.

— Именно. И мне кажется, что в этом есть неправильность.

Однако нахмуренное чело святого отца прояснилось:

— Главное, как сказал Спаситель, «не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе».

— Зачем же Бог даёт нам болезни, смерть, страдания? Зачем с его попустительства человечество всю свою историю уничтожает себя в бесконечных войнах? Он спросил нашего согласия? А смерть невинных детей? А мой рак в семнадцать лет? Или Всемогущий мечтает тоже заболеть?..

Священник опешил. Наконец строго сказал:

— У тебя каша в голове. Болезни и страдания — не от Бога. Они от самих людей. Ты только что сказала, что любишь насилие. Это же ты любишь, а не Господь. Ты и грешишь...

— Где тогда Бог? Он что, вообще забыл о нас? Создал и бросил?

— Он ждёт, когда мы сами захотим к Нему прийти. Оставить этот грешный мир, возлюбить Господа всем сердцем, всей душой, всей крепостью своей... Молись, думай, старайся не следовать плотским похотям и желаниям.

Ольга растерялась. В логике исповедника она чувствовала изъяны, но не могла сообразить, в чём. А тот поспешно возложил руку на голову девушки.

— Отпускаются рабе Божьей Ольге грехи её... Кстати, спасибо Александру Петровичу за мозаику. Что-то он ко мне давно не заходил. Мы планируем электропроводку новую сделать. Я передам тебе счёт. Буду рад, если оплатите...

Ольга взяла бумаги, которые, как по волшебству, оказались в руке святого отца, протянутой то ли для поцелуя, то ли с прошением милостыни. Сегодня рабочих под куполом не было видно. И слава богу. Не хотелось вновь ощутить знакомое неприятное чувство озноба от соприкосновения с потусторонним.

— Теперь вот второго взяла, — вдруг с ужасом услышала негромкий надтреснутый голос.

Девушка стремительно обернулась, пытаясь понять, кто говорит. У свечного столика разговаривали две обычные старушки:

— Бог любит троицу, — продолжала одна. — Еще и третьего усыновит.

Ольга провела рукой по влажному лбу. Пальцы дрожали. «Что я себе придумываю? Бред какой-то. Нет во мне никаких бесов, да и вообще демонов не существует. Средневековые бредни».

Весну сменило лето. Время — лучший целитель, а если рядом оказываются изысканный секс и интересная работа, то это уже консилиум врачебных светил. И у больного нет иного выбора, кроме как вскочить со смертного одра и пуститься вприсядку.

С приходом тепла что-то в душе Ольги оттаяло. Она воскресала к жизни. Неожиданно обнаружила в себе новые магические способности. Иногда удавался примитивный гипноз, иногда могла прочитать мысли собеседника. Теперь понимала, к какому виду живых существ этой планеты относится: она волшебница, способная менять мир, подчинять себе людей, управлять ими.

Ольгу уже не беспокоило, что она занимается сексом с человеком, который почти в три раза старше её. Моральные принципы, так долго внушаемые мамой, исчезли, оставив после себя в душе лишь крохотное пятно. Словно капелька крови на по-

душке от назойливого комара, что всю ночь жужжал у лица, а к утру оказался раздавлен нечаянным движением руки. Ей понравилась позиция своего духовного наставника: «Покаялся — значит, не согрешил».

Секс с директором случался нечасто — работы было слишком много, и она отнимала все силы.

Но когда он случался, то был, мягко говоря, необычен.

Например, как-то бухгалтерша Маргарита Петровна совершила ошибку в квартальном отчёте. Это была тридцатипятилетняя, пухлая, по-своему симпатичная женщина, замужняя, мама двоих детей. Ольга привезла её в загородный дом шефа. Даме дозволили помолиться перед образами и высекли по пышному заду берёзовыми прутьями, предварительно замоченными в чане с горячей водой. Затем ошалевшей бухгалтерше дали попробовать действие некоторых замысловатых предметов антиквариата.

— Бурное страдание лучше вялого наслаждения, — поучал Александр Петрович, вытирая пот со лба.

К тому моменту распалённая бухгалтерша, переполненная впечатлениями, выла и билась в конвульсиях так, что дрожали оконные стёкла и падали экспонаты в витринах.

К удивлению Ольги, впоследствии та не сильно скорбела о произошедшем, не написала заявление в прокуратуру и даже не уволилась.

Шеф по-своему объяснил преданность Маргариты Петровны. Они сидели в необъятном рабочем кабинете и пили крепкий кофе, смешивая его с коньяком.

— Страдающий наслаждается властью над тем, кто причиняет боль. Ведь они зависят друг от друга. Убери одного, и не станет другого, — объяснял Александр Петрович. Он говорил мягко, почти нежно, но правая рука то сжималась в кулак, то дрожащие пальцы начинали тискать нечто невидимое, податливое и мягкое. — Так и мы властны над Богом. Ему нужны наши молитвы, как насильнику — стоны жертвы. Получив боль, мы обретаем силу над ним, Всемогущим.

— Ага, — поддакнула Ольга. Она смотрела перед собой, склонив голову набок, словно изучала невиданную зверушку.

Заметив, что за ним наблюдают, шеф развернул плечи и гордо приподнял подбородок. Наверное, в мире, где находился его разум, девушка восхищённо любовалась орлиным профилем. Долго сидеть выпятив грудь было трудно, и шеф перевёл дух:

— Так любая женщина обретает власть над насилующим её самцом, поскольку понимает, что даёт ему наслаждение. Мышь, прежде времени испустившая дух в лапах кота, может сильно огорчить несчастное животное, — шеф задумался, пытаясь описать страдания кота, лишённого любимой жертвы. — Неврозы, потеря аппетита, апатия к различного рода деятельности...

Ольга неожиданно заинтересовалась и подумала: «Вот почему я не умерла, там, наверху, со мною желают ещё поиграть».

Шеф между тем продолжал:

— Если я причиняю боль другому — не из желания насолить ему, а из естественного порыва дать наслаждение себе, — то в этом случае меня нельзя осуждать. Бог устроил этот мир так: все живут в погоне за наслаждением. Деревья тянутся к солнцу, животные едят друг друга, человек пользуется благами цивилизации. Таким образом, наслаждаясь, я лишь выполняю волю создавшего меня.

Ольга серьёзно кивнула:

— Я поняла: судить надо жертву, а не насильника: «Ваша честь, эта падшая женщина спровоцировала истца, нарочно появившись в парке поздно ночью. Желая нанести травму потерпевшему, надела плотную одежду. Вот заключение врача о глубоких ссадинах, полученных истцом во время разрывания белья обвиняемой. Более того, с каким цинизмом она терпела удушение, лишь жалкие хрипы вместо сладостных воплей!»

Александр Петрович довольно рассмеялся:

— Ты одна меня понимаешь.

На очередной исповеди Ольга решила обсудить некоторые философские вопросы и заодно проверить странные совпадения с цифрами. Если она услышит произнесенную рядом цифру «три», то дело плохо, и всё происходящее — не случайность. Её чистая душа захватывается бесами. И что тогда делать? Искать

защиты у церкви? Но она и так ходит сюда как на работу. К счастью, никто вокруг не произносил никаких цифр.

— Является ли грехом желание наказать кого-то из служащих в нашей фирме? — спросила она отца Владимира.

— Следует быть строгим к работникам. Иначе люди развращаются.

— Но мне нравится, когда другие страдают, — призналась Ольга.

Отец Владимир устало повёл плечами:

— Церковь считает, что страдания даны людям во благо. Но не следует упиваться чужой болью.

— Но я ведь образ и подобие Бога. Наверное, и он любит боль? Даже сына послал на крест...

— Ты говоришь глупости. Наоборот. Господь наш, Иисус Христос, страдал за нас, — священник говорил истово и торопливо. В порыве святого отца ей показалась скрытая враждебность.

Она решила поменять тему:

— Ещё я занималась сексом с другой женщиной, нашим бухгалтером.

— Хорошо, — рассеянно проговорил отец Владимир. Вид у него был измученный. — То есть, хотел сказать, плохо, — лицо его порозовело. Чувствовалось, что для святого отца, эксперта по Библии, знающего перечень царей иудейских, как иные таблицу умножения, данная тема выходила за рамки традиционной исповеди.

— Вообще-то, в Библии нет запрета на лесбийскую любовь, — вяло произнёс он. — У тебя всё?

— Наверное, — неуверенно произнесла Ольга. Она, конечно, могла бы ещё пообсуждать, но, похоже, отец Владимир сегодня определённо куда-то торопился.

Ольга осторожно пробиралась к выходу и вдруг словно подскочила на месте, поскольку явственно услышала:

— Три.

Ну, всё, пропала. Злобные духи захватывали её душу, как нелегальные мигранты — пустыри. Обжились, поставили палатки и впускали лишь своих. В затылке стало тяжело, стучал

пульс. Сердце сначала замерло и вдруг исступлённо затрепыхалось, словно рыбка, пойманная на крючок, которая, казалось, вот-вот вырвется из телесной ловушки и примется скакать по полу, сбивая с ног перепуганных старушек и опрокидывая свечные подставки. Вот будет суматоха! Не меньше, чем от Иисуса, устроившего погром в храме.

— Три как следует. Здесь в углу полно пыли, — втолковывал староста недавно нанятой уборщице. Он придирчиво провёл пальцем по мраморному карнизу и сейчас задумчиво разглядывал его.

«Это не цифра, — радостно подумала Ольга, — не считается».

Хотя в глубине души она была в этом совсем не уверена.

Незаметно пролетел почти год. Приближалось Рождество. Москва наряжалась, а у шефа съезжала крыша. Она и раньше была сильно набекрень, но со временем грозила рухнуть с треском и окончательно. Время «собирать камни», чтобы подпереть разум, было упущено. Александр Петрович теперь подолгу сидел в кресле, обхватив голову руками и разговаривая с собой. Иногда вскакивал и с хриплыми воплями пинал попавшиеся под ногу предметы, мебель, секретаршу, а случалось, и зазевавшихся посетителей.

Опасность, нависшую над организацией, Ольга почувствовала заранее. Попытки донести тревожные предчувствия до шефа натыкались на стену непонимания. Он уже бесповоротно находился в миру своих замысловатых фантазий.

В тот день Александр Петрович показал ей проект приказа на введение в организации публичной порки.

— Представляешь, — счастливо вещал он. — Мы поставим в актовом зале скамью, на которой будем сечь провинившихся сотрудниц. Розги будем вымачивать в кадушке с солью, — его глаза светились детской радостью. — Роль палача я бы доверил только тебе, — тихо и нежно сказал он. — А потом, может, и сожжём кого-нибудь на костре. Или голову отрубим. Что скажешь? — он с надеждой смотрел на референта.

Ольга взяла листок бумаги и молча написала заявление об уходе. Шеф долго читал простые несколько строк. В лице чита-

лись изумление и мука, словно у волка, которого укусил заяц. Потом вдруг так же молча подписал заявление. Обиделся.

— Крысы бегут первыми, — только и сказал он вслед выходящей из кабинета Ольге.

Решив очистить свою совесть, Ольга в очередной раз пришла на исповедь.

Увидев её, отец Владимир вздрогнул, перекрестился и проворно ринулся прочь, объявив, что исповедь на сегодня закончена. Ольга поймала его у алтаря, схватив за подол. Святой отец попытался вырваться и убежать, скинув с себя рясу, как Иосиф от жены Потифара. Но потом всё же совладал с этим желанием.

— Я согрешила! — объявила Ольга.

Отец Владимир смотрел на неё словно укротитель на открывшего пасть льва, понимая, что голову засовывать всё же придётся. Наконец мрачно спросил:

— Кого-то убила, а труп изнасиловала?

— Нет, — удивилась Ольга, уязвлённая звучащим в вопросе сарказмом.

— Ну, слава Господу, — искренне вздохнул священник. — Иди уже с Богом. У меня дела...

Аккуратно освободив подол из руки Ольги, он проделал нечто похожее на гимнастический комплекс — сначала энергично повращал головой, потом размял плечи и в конце замахал руками. Закончив разминку, он как-то скомканно и поспешно благословил девушку и вдруг резко повернулся и бросился бежать. На этот раз хорошо подготовленный манёвр удался. Видно было, что иные прихожане не подозревали, что батюшка способен на столь стремительный бросок. Многие заинтересованно смотрели, гадая, что произойдёт дальше. Но развития событий не последовало. Ольга не стала преследовать улепётывающего святого отца, и тот проворно скрылся в алтаре.

Приведя в порядок чувства и рясу, освобождённый отец Владимир степенно прошествовал в боковой предел. Оттуда раздалось:

— Семь.

Похоже, он кому-то докладывал о количестве бесов, кишащих в Ольге.

— Как семь? Было же шесть, — явственно услышала она чей-то незнакомый голос.

— Так то раньше, а теперь семь. Смету увеличили на целый миллион.

— Где мы возьмём семь миллионов рублей? — охнул незнакомец.

— Одна надежда на Александра Петровича, — вздохнул отец Владимир.

«Мне плевать, — подумала Ольга. В её мозгу что-то щёлкнуло. — Бесы, не бесы. Всё. Я пуганая-перепуганная». Мысли бултыхались, как пассажиры в воде во время кораблекрушения. Ближе подплыла одна, показавшаяся Оле забавной: «Интересно, намечается ли в аду рождественский ужин?»

Признаться, поведение священнослужителя девушку разочаровало. Было нетрудно догадаться, что тот не рад встрече. И это было обидно. Христос не отказал кающейся Магдалине, заявив, что занят и не хватает семи миллионов для ремонта, а выслушал несчастную девушку. Ольга не стала докучать батюшке и в церковь ходить перестала.

Ещё через месяц узнала, что шефа арестовали. Обвинений был популярный букет: уклонение от уплаты налогов, отмывание денег, хищения, заказные убийства. До суда дело не дошло, поскольку через неделю тот покончил с собой в камере предварительного заключения.

На всякий случай Ольга уехала путешествовать подальше от родины. Известие о смерти шефа, вскользь появившееся в интернете, нашло её в аэропорту Майами. В тот день она отправлялась на Ямайку, на знаменитый свингер-курорт.

«На острове Гаити жил глупый Тити-Мити,
а умненькие зайки спасались на Ямайке»,

— напевала она, идя на посадку в самолёт.

ГЛАВА 5.

В КОТОРОЙ МЫ ВНОВЬ ОКАЗЫВАЕМСЯ В ШОТЛАНДИИ, ОЛЬГА ЦЕЛУЕТСЯ С ЛОХ-НЕССКИМ ЧУДОВИЩЕМ, А АНДРЕЙ НЕ ХОЧЕТ В РАЙ

Уйти в мир иной — не проблема. Проблема вернуться оттуда.

Хотя оживить только что умершего можно. Для этого нужно задержать душу на выходе из этого мира. Роль таможенников веками выполняли шаманы и колдуны. Они звуками барабанов, бубнами и песнями ловили душу у стойки паспортного контроля и возвращали беглянку с полдороги. В последние десятилетия к ним присоединились врачи-реаниматологи.

Здесь был иной случай. Ольга собиралась в служебную командировку на тот свет, планируя вернуться обратно, да ещё прихватить только что погибшего приятеля. Не всякая работа радует. Особенно когда результат неизвестен. Она чувствовала себя котом Шредингера, который то ли на пятьдесят процентов жив, то ли на пятьдесят процентов сдох.

«Если верна пословица „нет худа без добра“, хорошо бы понять, где сейчас прячется добро», — думала Ольга, укладываясь рядом с Андреем на жёсткий холодный пол. Прижалась щекой к плохо выбритой скуле свежего трупа скульптора и посмотре-

ла в направлении его застывшего взгляда. Там была каменная змеиная голова.

Глаза рептилии неожиданно показались живыми. Они чёрными дырами засасывали в безликое и бесформенное пространство, где было легко и комфортно.

Время исчезло. Исчезло ощущение тела, которому было неудобно на твёрдой поверхности. Лёгкие не требовали воздуха. Нечто беззвучно и ласково втянуло её в себя, оставив в комнате мёртвую плоть. В нашем мире Ольга умерла.

И даже мысль, что она вновь оказалась права и скульптура — сильнейший артефакт, обеспечивающий скорый и безболезненный уход из мира живых, не занимала девушку. Теперь она видела себя в туннеле, парящем в неведомом пространстве. Том самом, который видела в детстве в пирамиде.

— Да иду я, иду, — буднично сказала она зовущим кошкам-сфинксам и быстро пошла вглубь, навстречу яркому свету.

Через несколько шагов туннель кончился, и Ольга оказалась перед чёрной и гладкой дверью, окружённой слепящими прожекторами. Дизайнер явно не надрывался, придумывая этот вход.

Ольга открыла его и вошла в иной мир, где обнаружила знакомую дубовую рощу с башней и зданием гостиницы, в которой они жили. Но были и изменения. Озеро оказалось прямо у стен. Неподвижное, похожее на застывшее зеркало. А ещё она помнила, что в реальности уже наступила ночь и должно быть темно. Но здесь существовал свет, только слегка приглушённый, как в пасмурные сумерки. Поэтому цвет предметов варьировался от серого до тёмно-серого. Никаких других красок, никого вокруг. Ни ветерка, ни дуновения. Казалось, мир замер и ожидал только её. Толкнула входную дверь и оказалась в приёмном зале. Только это был уже другой зал.

Играла негромкая музыка, мягкая и таинственная. За барной стойкой из чёрного дерева стояла невысокая хрупкая девушка с распущенными тёмными волосами. Сбоку над баром, напротив глаз, висела табличка: «Кредитные карты не принимаются».

Когда Ольга приблизилась, та оказалась совсем маленького роста. Наверное, если бы они встали рядом, была бы где-то на

уровне плеча. На девушке было что-то вроде узкого лифа из тёмной кожи и крохотная мини-юбка.

— Привет, — сказала маленькая барменша.

— Привет.

— Меня зовут Сьюзен.

— Ольга. Куда я попала?

Хотелось действия. Играть в вежливые недомолвки не было времени. Да и желания. Забрать Андрея, понять, что происходит вокруг озера Лох-Несс и его чудовища, — и домой...

Девушка с интересом посмотрела на Ольгу и охотно ответила:

— У людей нет определённого понимания этого места. Есть лишь слова, которые весьма далеки от сути. Например, есть слово «чистилище» или «ад». Что это? Просто названия, куда каждый вкладывает свой смысл. Во всяком случае, некоторые после смерти попадают ко мне в гости, — Сьюзен смешно пожала плечами, намеренно выделив интонацией слово «некоторые». Потом продолжала: — Попробуй разобраться сама.

— Я попробую, — честно пообещала Ольга.

— Будешь что-нибудь пить? В Шотландии все обычно пьют виски, — улыбнулась Сьюзен. — Но есть и шампанское.

— Пусть будет виски, — согласилась Ольга, — с кока-колой.

— С удовольствием.

Девушка налила напиток в красивый бокал из чёрного хрусталя.

— А ты, выходит, дьявол? — Ольга вновь решила взять за рога ситуацию.

— Вроде того, — охотно согласилась Сьюзен и кокетливо добавила: — Хотя некоторые называют меня лох-несским чудовищем. Не очень-то похожа, правда? Извини, дорогая, у нас дресс-код. Переоденься, можешь выбрать что понравится.

За баром была дверь в просторную гардеробную с большой туалетной комнатой. Пол и стены отделаны чёрным мрамором с глубоким рельефным орнаментом. Ольга уже начала привыкать к этому цвету, начиная воспринимать его как обычные цвета со множеством полутонов и оттенков.

Пройдя вдоль вешалок, она выбрала маленькие чёрные шорты и такую же чёрную, с кожаной отделкой, майку. Потом, ре-

шив, что может быть прохладно, взяла шёлковый плащ с капюшоном.

— Пойдём, я познакомлю тебя с гостями, — Сьюзен распахнула тяжёлую тёмную портьеру.

Ольга подумала, что у той красивые ноги, которые выгодно подчёркивались маленькими туфлями на очень высоком каблуке.

Они вошли в большой зал, освещаемый лишь всполохами тёмного-бордового света. Внутри неторопливо перемещались группки людей. В центре зала в сложной конструкции из металлических рам стояла нагая женщина. Её руки и ноги были раскинуты и, видимо, как-то надёжно закреплены. Люди, ходившие вокруг, внимательно наблюдали. Никто не разговаривал.

Сьюзен подошла к обнажённой и нежно поцеловала. Женщина ответила страстным поцелуем. Сбоку подошёл мужчина в чёрном смокинге и бережно завязал глаза партнёрши повязкой из бархата. Затем передал Сьюзен маленький пульт, как от телевизора. Та нажала кнопку, и конструкция беззвучно пришла в плавное движение, переворачивая жертву вниз головой.

— Поцелуй её. Или можешь высечь, — Сьюзен ласково провела ногтем по телу женщины. — Доставь ей удовольствие. Видишь, какая она хорошенькая. Ты любишь девушек?

— Я всех люблю, — искренне сказала Ольга. — Можно я сначала огляжусь?

— Конечно. Наслаждайся. Пойдём, я покажу тебе другие помещения.

В следующем зале в клетке стояло несколько нагих мужчин. Дамы неторопливо ходили вокруг, дотрагиваясь до чувствительных мест «узников» мягкими перьями. Ольга почувствовала интерес. Поймав взгляд симпатичного брюнета, она провела ногтями согнутых пальцев по его груди. Возможно, слишком сильно. На смуглой коже появились розовые полосы. Но мужчина не возражал, а подался навстречу, ещё плотнее прижавшись к металлическим прутьям. Ольга заставила себя пойти за ушедшей вперёд Сьюзен.

Другой зал был посвящён теме средневековой Инквизиции. Здесь были разнообразные скамьи с креплениями для рук и ног,

выгодно подчёркивающие красивые части женских тел, приподнятые и выставленные в самых откровенных ракурсах.

И тут Ольга заметила Андрея, одетого в дурацкий балахон средневекового монаха. Он с восторгом рассматривал розовые ягодицы блондинки, похожей на грациозное животное.

— Это твой друг? — спросила Сьюзен.

— Пожалуй, да.

— Хочешь, я помогу тебе наказать его, — Сьюзен облизала губы и показала тонкий блестящий кожаный хлыст.

— Это входит в твои обязанности?

— Я — хозяйка. Стараюсь сделать приятное моим гостям. Это большое искусство. Хотя у вас в мире считают, что я люблю делать людям гадости, — она надула пухлые губки.

— Не обижайся на людей. Просто у нас в мире многие вещи весьма запутаны. Мы надеваем на себя чёрные очки морали, после чего видим всё в жутком свете и пугаем сами себя.

— Хорошо сказала, — сразу повеселела Сьюзен.

Ольга подумала, что все драконы в нашей жизни на самом деле — заколдованные принцессы, трепетно ожидающие нашей любви.

— Андрей, — позвала Сьюзен. — Ты готов с нами поиграть?

Хозяйка кокетливо повернулась спиной и поставила согнутую ножку на край скамейки. Андрей оторвал взгляд от блондинки и уставился на упругие округлости. Во взгляде ощущалась извечная мужская проблема выбора. И тут он заметил Ольгу. В глазах появилась радость, сменившаяся паникой, словно у ребёнка, застигнутого мамой за чем-то неприличным.

— Опоздала. Я уже умер! — серьёзно объявил он, словно оправдываясь в своём поведении.

— Ольга, оставь его, пусть наслаждается. Пойдём, прогуляемся, поболтаем. Сюда не часто приходят люди твоего уровня. Последний раз мне было так интересно с Алистером Кроули, но это было давно. Приходила к нему, будто девушка по вызову. Влюбилась как дурочка. Хотя он меня воспринимал совсем не сексуально. Даже магический круг нарисовал, чтобы не приближалась.

Ольга вспомнила рассказ Софии и своё видение: загадочный алтарь, змеиное тело с острыми шипами, паучьи лапы, зубастую пасть. Вряд ли колдун мог опознать сексуальную малышку в демоне.

Сьюзен приблизила лицо почти вплотную и вдруг нежно поцеловала. От неё вкусно пахло клубникой, а губы оказались тёплыми и мягкими.

— А Джон с Мэри? — прошептала Ольга, когда поцелуй закончился. — Ты же с ними встречалась?

— С ребятками было занятно. Теперь у меня никого нет в вашем мире, и не с кем играть, — Сьюзен смотрела на Ольгу по-детски обиженными глазами.

Они вышли на улицу. Перед ними, прямо у подножия замка, расстилалось залитое лунным светом озеро Лох-Несс.

— Искупаемся? — предложила Сьюзен.

Они скинули одежду и вошли в воду.

К удивлению, холодно не было. Ольга с удовольствием поплыла по лунной дорожке.

Где-то вдалеке упала звезда, и одновременно навстречу к ней из сгустка темноты взлетела такая же. И неясно было, где кончается грань одного мира и начинается его отражение.

— «Поцелуи звёзд дождём обрушиваются на тело твоё», — нежно проговорила Сьюзен, словно читая стихи. — Это Алистер написал, умел красиво сказать. Жаль, что не посвящал стихи мне.

Её тело легко скользило в чёрной воде мягкими гибкими движениями, почти бесшумно.

— Представляешь, Ольга, если нас кто-нибудь заметит, завтра скажут, что видели в озере двух чудовищ. В вашем мире всё выглядит так искажённо...

— Эти люди у тебя в замке... Они же совершенно счастливы, — то ли утверждая, то ли спрашивая, сказала Ольга.

— Конечно. Любовь всегда доставляет счастье. Для кого-то любовь, связанная с чувством отдачи, даёт более острые ощущения. Некоторые отдают себя в чужие руки и получают наслаждение.

— Почему? — удивилась Ольга.

— Я думаю, что это один из вселенских законов. Отдача и получение. Страдание и наслаждение. Только вместе они дают гармонию.

Ольга, конечно, любила секс во всех его проявлениях, но полагала, что не следует создавать философию на основе приятного жжения в укромном уголке между бедёр.

Сьюзен между тем продолжала:

— Мы — Его образ и подобие.

— Только не впутывай сюда Бога, вряд ли он увлекался садомазо, — возразила Ольга, облизав внезапно пересохшие губы.

— Разве он не отдал на поругание своего сына? Плети, шипы, гвозди... — невинно улыбнулась Сьюзен. — В Боге всё есть! И страдание ему хорошо известно. Крест стал главным символом христианства, как напоминание о жертве и о страдании.

— Но все говорят, что Бог есть Любовь и Добро...

— Добро без зла уничтожит всё на свете. У меня тут все дороги вымощены добрыми намерениями. Главный строительный материал, причём совершенно чёрного цвета.

— Мне нравится чёрный, у тебя здесь красиво, — Ольга не знала, что сказать.

Сьюзен, казалось, не обратила внимания на комплимент:

— Это Бог создал мир, где, чтобы сделать полноценную женщину, мужчине надо причинить страдания девушке. А чем заканчивается сладкий секс? Болью рождения ребёнка. Юность заканчивается старостью. Здоровье — болезнью. Можно сказать, что ваш мир существует на тонкой линии, разделяющей страдание и наслаждение. Вы получаете наслаждение, сидя по уши в страдании. Но это и есть мой клуб...

— Ну, ты уж слишком категорична, хотя, конечно, логика в твоих словах есть, — согласилась Ольга.

— Впрочем, люди — разные, поэтому созданы потусторонние обители на любой вкус, и моя — лишь одна из многих. В иных — другие командуют. У них и подход другой, более продвинутый, наверное. Например, у самой раскрученной — шикарная реклама. Сколько средств вбухали, — завистливо проговорила Сьюзен. — Специальные рекламные агентства по

всей земле. Лучшие здания. Купола, башни, хоромы, одежды золотые, украшения.

Ольга опешила.

— Ты говоришь о том, о чём я думаю? — спросила она и на всякий случай уточнила: — Там еще дресс-код — белые одежды...

— Ага, — согласилась Сьюзен. — Раскручено хорошо. Но на практике очень скучно. Уверовав в рекламу, многие туда рвутся, а находят тоску смертную. Представляешь, везде цензура. Всё запрещено. Секс, алкоголь, джаз. Музыка — только классика, в основном церковные хоралы. Саксофон — запретный инструмент.

— Почему? — спросила удивлённая Ольга.

— Не знаю. Они там арфу очень уважают. Представляешь, сутками слушать арфу? Целую вечность.

— Ужас, — попыталась представить Ольга.

Они легко плыли в мягкой серебристо-чёрной воде, отражавшей нагое сияние сладострастного ночного неба. Тишина окружала. Ольге казалось, что она зависла и парит в чём-то бесконечно нежном. Лёгкая прохлада то ли воды, то ли воздуха гладила кожу, словно чьи-то ласковые ладони. И вдруг она поняла, что ощущает огромное счастье, что впереди ждёт ещё много интересного. Что она полностью свободна в своём выборе, в своей любви и наслаждениях. И счастье никуда не денется. Оно будет рядом с ней, и оно будет в ней.

И тут пришло слово «Андрей», словно пароль для возвращения. Она не была уверена, что тому здесь так же хорошо.

— Если я уйду и возьму с собой Андрея, не обидишься? — мягко спросила она.

— Конечно, нет, — грустно сказала Сьюзен. — Если только он с тобой пойдёт.

— Поплыли к берегу. Надо возвращаться. Нас там ждут, — Ольга с нежностью взглянула в огромные, отражающие звёзды глаза Сьюзен и, подплыв, ещё раз поцеловала. Их тела переплелись. Она чувствовала её влажные волосы и упругую кожу. Обе летели в неведомом пространстве.

Замок встретил их знакомой нежной музыкой. Андрюшка нежно обнимал блондинку, лежавшую у него на коленях, а другой мужчина целовал её.

— Андрей, нас ждут друзья, — сказала Ольга, погладив скульптора по мохнатой голой груди.

— Давай останемся, — простонал тот. — Здесь хорошо. Нигде не будет так хорошо.

— Мы ещё вернемся. У нас наверняка будет возможность выбора, — мягко заверила Ольга.

Сьюзен стояла рядом, прислушиваясь к разговору, и не делала никаких попыток вмешаться.

Андрей с сожалением снял блондинку с колен:

— Пойдём. Возможно, я делаю самый глупый поступок в своей жизни. Если в следующий раз мне выдадут белые штаны и арфу, я буду являться к тебе в кошмарных снах.

— Не волнуйся. Сексуально озабоченных пьяниц, не умеющих играть на струнных, туда не зовут, — заверила Ольга.

— Провожу вас, — предложила Сьюзен.

— Что случилось с Джоном и Мэри? — Ольга пыталась заполнить оставшиеся пустые места головоломки. Была уверена, что те не просто так уехали в Египет.

— Мэри почему-то не полностью менялась, когда возвращалась обратно в ваш мир, у неё оставалась чешуя на спине. Ерунда, конечно, но ей не нравилось. Какой-то сбой программы. Такое бывает, — объяснила Сьюзен. — Такие явления случались в Египте, особенно часто у фараонов. То один вернётся с головой волка, то другой — с клювом орла. Вот они и решили поехать в Каир. Там портал в обитель Гора, где знают, как решать такие проблемы.

— А как они туда попадут? — спросила Ольга, переодеваясь в обычную одежду. Рядом возился Андрей, путаясь в балахоне.

— Не знаю. Неисповедимы пути... — сказала Сьюзен. — Ну, идите. У каждой звезды своя орбита.

— Я ещё обязательно вернусь к тебе, — пообещала Ольга.

ГЛАВА 6.

В КОТОРОЙ МЫ ВНОВЬ ВОЗВРАЩАЕМСЯ В ПРОШЛОЕ ОЛЬГИ И УЗНАЁМ, КАК ОНА ОТПРАВИЛАСЬ НА ЯМАЙКУ. И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

Знаменитый нудистский отель Ямайки встретил Ольгу волнующим запахом дымящихся благовоний и сладким пряным ароматом цветов. Было уже темно.

Тропическая ночь приветствовала гостью заученным речитативом цикад и эмоциональными криками неизвестных существ из недр джунглей. Многочисленные светильники таинственно подсвечивали деревья, плотной стеной обступавшие милые двухэтажные домики, небрежно разбросанные среди тропической растительности, словно кубики закончившего игру малыша. Яркие цветы росли в самых неожиданных местах, словно кто-то, проходя по дорожкам, бросал наудачу горсти семян.

Её комната оказалась на первом этаже, с выходом прямо на пляж. Пахло чем-то незнакомым, горьким и приторным. Этот запах пропитывал не только мебель, но даже стены комнаты. Уже потом Ольга узнала, что так пахнет марихуана.

На покрывале кровати были разбросаны цветы магнолии. Среди них сидела огромная бабочка. В первый момент Ольга

подумала, что она ненастоящая, и потрогала её. На мгновение ощутила замшевую шероховатость, но тут же поняла, что под ней, затаившись, прячется жизнь. Она инстинктивно отдёрнула руку, а бабочка вдруг распахнула кроваво-коричневые крылья, оказавшись размером с небольшую птицу, и принялась метаться по спальне. Несколько раз неприятно задела по волосам. Это прикосновение было отвратительно — казалось, огромное насекомое нападало на неё.

«Успокойся, — приказала себе Ольга, — ты ведёшь себя как истеричка».

Она распахнула дверь на террасу и попыталась выгнать беспокойную гостью, вооружившись для этого журналом, лежащим на столе. Поняв, что противник имеет преимущества, бабочка проворно выпорхнула наружу. С её исчезновением наваждение прошло.

Теперь снаружи, со стороны ночи, Ольга чувствовала приветливое внимание, словно дружелюбный щенок заглянул оттуда своими блестящими глазками. Она вышла и обнаружила джакузи и столик с двумя стульями.

С соседней террасы, расположенной буквально в паре метров, её поприветствовали. Там сидела немолодая пара. Перед ними стояла бутылочка вина и пара бокалов. Приглядевшись, поняла, что соседи без одежды. Ответив, Ольга подумала: наверное, ей тоже следовало бы раздеться. Но раздеваться не хотелось, а хотелось кушать.

Вернувшись в номер, обнаружила вазу с фруктами. Она съела гроздь мелких и очень сладких бананов, как голодная мартышка. Потом неторопливо очистила и разрезала на куски оранжево-красную плоть манго. Кусочки таяли во рту. Где-то в животе заурчало, то ли от удовольствия, то ли от удивления. Кажется, надо было остановиться. С сомнением посмотрела на киви: те были невзрачны и похожи на зелёные картофелины. Не стала их есть, не хотелось начинать отдых с расстройства желудка.

В душе Ольга смыла с себя пыль долгого перелёта. Затем, подумав, всё же достала из чемодана лёгкий розовый сарафан и, надев его, вышла на ночной пляж. Волны, освещаемые редкими

береговыми светильниками, размеренно выбрасывались на берег, как киты-самоубийцы. За линией прибоя темнела бесконечность, усыпанная непривычно большими звёздами.

— Здравствуй, — сказала Ольга мраку. — Я хочу поменять свою жизнь.

В первую секунду она испугалась произнесённых слов, чувствуя, что они неминуемо сбудутся. Теперь нервничать было поздно, она знала, что её запрос ушёл куда-то вверх, словно нажата клавиша «отослать» в электронной почте. Хотя, наверное, ещё можно было уточнить, что она имела в виду. Поспешно начала формулировать дополнение к предыдущей просьбе. Почему-то была уверена, что делать это надо быстро, если хочет, чтобы «письма» обрабатывались совместно, а не рассматривались как два независимых запроса.

— Хочу любви. — Ольга замялась и потом уточнила: — Спокойной, взаимной и без страданий. Ещё хочу счастья. — Опять пауза и новое уточнение: — Без наркотиков и хронического алкоголизма. — Наконец, закончила: — Я хочу быть богатой, здоровой и жить насыщенной, полной увлекательных приключений жизнью.

Быстро выпалив всё это, почувствовала себя сидящей на спине резвого жеребца, по крупу которого вот-вот врежут плетью. Теперь надо лишь собраться, чтобы не вылететь из седла, когда ответ придёт и всё начнётся. Несмотря на жару, почувствовала ледяной озноб. Мышцы напряглись, стальные тиски сжали сердце. Рядом в ветвях дерева зашуршал кто-то невидимый. Ольга вздрогнула.

Темнота обступила, проникая внутрь, туда, где тоже не было света. Ночь вошла в неё, объединилась с чем-то неведомым, спрятанным глубоко внутри. Ольга почувствовала, что озноб сменился горячим душем. Наверное, это был сигнал, что письмо получено. Вновь стало тепло и покойно. Теперь мрак стал другом, а тьма — подружкой.

Прибой шумел, словно некто неторопливо разрывал бумагу на полоски, останавливаясь чтобы только перехватить листок и начать вновь. Зачарованная этим монотонным звуком, Ольга не заметила, как кто-то подошёл сзади.

— Девушка, с кем вы разговариваете? — внезапно раздалось за спиной. Она вздрогнула от неожиданности и обернулась. Рядом стоял абсолютно голый мужчина в обнимку с такой же обнажённой подругой. — Не хотите к нам присоединиться и пойти что-нибудь выпить?

— Может быть, сначала познакомимся? — она протянула чуть вспотевшую руку. — Ольга.

— Вадим, — широко улыбнулся незнакомец, протягивая крепкую ладонь, — а мою подругу зовут Кэтрин.

Подруга не стала обмениваться рукопожатиями, а просто поцеловала Ольгу. Вышло это у неё крайне естественно.

Пошли в бар и выпили сначала по одному коктейлю, потом по второму, потом Ольга пошла в номер переодеться, вернее, раздеться. Она оставила на себе только босоножки, чтобы быть как все. У местной публики было своё понятие о приличии. Здесь полагали, что одежда скрывает достоинства и подчёркивает недостатки.

Когда она в обновлённом виде вернулась в бар, народу заметно прибавилось. Такое количество раздетых мужчин и женщин она видела впервые в жизни. Ольга ловила заинтересованные взгляды. Это было непривычно, приятно щекотало нервы и слегка возбуждало. Где-то внутри тела появилась приятная вибрация, там струны души наигрывали что-то вроде фламенко. Стало хорошо, хотя и жарковато, даже в том виде, в котором она была.

Вадим ей понравился: поджарый, мускулистый, смуглый от равномерного загара, с выбритой, словно у буддистского монаха, головой. В нём чувствовалась сила.

Ольга думала, что жизнь подлавливает нас мгновениями счастья, как маньяк, дающий ребёнку шоколадку, чтобы заманить его в свой трейлер. Кто знает, что будет потом? Скорее всего, ничего хорошего. Но, вопреки логике, была уверена, что жизнь идёт совсем не в худшую сторону.

В расположенном поблизости ресторане заиграла музыка. По местным правилам, к ужину публика частично одевалась. Мимо них, словно по подиуму, проходили женщины в полупрозрачных платьях с глубокими вырезами везде, куда хотела

заглянуть фантазия. Их спутники надели обтягивающие брюки и тонкие трикотажные рубашки. Попадались мускулистые красавцы в узких набедренных повязках, демонстрировавших рельефные мышцы, созданные упорным трудом в спортивных залах.

Ольга обратила внимание на необычную пару. Красивый седой мужчина в вечернем смокинге сидел в инвалидном кресле, которое везла высокая девушка модельной внешности. На красавице были лишь жемчужные ожерелья на шее, груди и на бёдрах. Элегантные тонкие босоножки на высоченном каблуке с искрящимися завязками красовались на её точёных ножках.

К Вадиму подошла миловидная девушка в наряде из розовых перьев, похожая на приму из кабаре. Её лицо закрывала маска хищной птицы. Прошептала что-то на ухо и быстро отошла, даже не взглянув на девушек.

— Танцовщица? — спросила Ольга у Кэтрин.

— Нет, это знакомая Вадима, просто здесь все стараются выглядеть необычно, реализуя свои фантазии. Карнавал, одним словом.

— У меня нет с собой красивого платья, — огорчённо призналась Ольга. — Я смогу что-нибудь купить?

— Только завтра. Сегодня я могу дать что-нибудь своё.

После очередного переодевания к ужину Ольга пришла в платье из красной сетки, упругой паутинкой обхватившей её нагое тело.

За ужином приглядывалась к новым знакомым. Кэтрин, в общем-то, была понятна: «Симпатичная девушка без комплексов, работающая в американском банке, вступит в связь с мужчиной или женщиной без вредных привычек и без цели создания семьи». Вадим же казался странным. Он представился как технический эксперт французской фирмы, строящей дороги и мосты. Ольга сразу поняла, что это враньё, когда Кэтрин неловко смахнула со стола чашку с кофе. Парень, не прерывая разговор, неуловимо-быстрым движением поймал чашку на полпути к полу и аккуратно поставил обратно. Кофе даже не пролилось. Для инженера-мостовика неестественно иметь подобную реакцию!

Она внимательно вгляделась в непроницаемые глаза и попыталась представить, кем бы тот мог быть. Попыталась прочитать мысли. Тщетно... Хотя нет, вдруг увидела собеседника в военной форме, в джунглях, с лицом, раскрашенным чёрными полосами. Рэмбо? Бред. Работает в кино? Каскадёр? Фокусник?! «Всё не то, — остановила она себя. — Скажи ещё, что он странствующий монах».

Вадим неожиданно засмеялся, словно в ответ на её мысли.

К концу вечера Ольга уже плохо соображала. Усталость от перелёта, новые впечатления и большое количество алкоголя сделали своё дело. Безумно хотелось спать.

Ночь закончилась в номере нового знакомого и его подруги. Она плохо помнила, что там происходило, но впервые за многие месяцы спокойно заснула.

Как ни странно, утром всё оказалось еще лучше. Похмелья не было, голова не болела. Новый мир встретил солнцем, шумом океана, пением тропических птиц и невероятно вкусным соком кокосового ореха. Его принесла Кэтрин, забравшись на огромную кровать и на мгновение ослепив своим гибким загорелым телом.

Потом закрутились дни, наполненные наслаждением. Они жили втроём. Иногда плавали на маленький соседний остров, расположенный в паре сотен метров от их пляжа. Ездили туда на ярко-синей моторной лодке с красной надписью «Весёлый Боб», управляемой темнокожим парнем, весело скалившимся на их голые тела. Девушки баловались, дразнили капитана Боба, чувственно целуясь у него на глазах. Это заводило всю компанию. Парень в восторге пел нечто жизнеутверждающее, гладя руками отполированный обод штурвала, а его шорты отчаянно топорщились.

На острове ели лобстеров, приготовленных на костре их весёлым шкипером, курили сигареты с незнакомым для Ольги острым травяным ароматом. Потом приятно кружилась голова, в душе наступало спокойствие, и мир вокруг начинал двигаться в замедленном режиме. Маленькие, обычно такие юркие крабики бесконечно долго передвигали свои многочисленные лапки, пытаясь достичь спасительной норки в песке.

Важные бело-чёрные птицы, словно солдаты у мавзолея, смешно вышагивали по кромке воды, медленно и ритмично поднимая худые ноги в оранжевых сапогах. Иногда ей казалось, что суша и океан меняются местами. Остров с пальмами превращался в морское дно, по которому неспешно проплывали люди, птицы и звери, а деревья, словно водоросли, плавно шевелили кронами. Над головой простиралась бесконечная водная масса. Там, наоборот, все суетились как бешеные: молниями сновали улыбающиеся акулы и киты, осьминоги приветливо подмигивали и махали пропеллерами-щупальцами, рискуя оторвать их.

Часто перед отплытием в отель Вадим вознаграждал темнокожего парня, вручая тому пачку презервативов и разрешая заняться сексом с обеими девушками. Даже сквозь застилающую мозг наркотическую пелену Ольга видела, что в эти моменты Вадим куда-то исчезал. Иногда его не было час или два — ровно столько, сколько требовалось ей, чтобы умереть от счастья в объятьях сильного тёмного тела, пряно пахнувшего чужим тропическим миром.

Как-то она спросила его, куда он уходит. Вадим объяснил, что всегда рядом, просто гуляет по острову, не отходя далеко. Ольга не поверила. Чувствовала, что всё, что связано с Вадимом, — лишь карнавальная маска, которую тот демонстрирует окружающим. Он общается с миром через «Скайп», а сам сидит за тяжёлой стальной сейфовой дверью в неведомом железобетонном убежище где-то далеко под землёй. В другой стране. И на другом полушарии, а может, даже и на другой планете. С каждым днём у нее крепла уверенность, что Вадим не тот, за кого себя выдаёт.

Принято считать, что любопытство кошку сгубило. Многие с этим не согласятся. Большинство сюжетов мировых трагедий связано с пытливым женским умом и природной любознательностью. Ольга не могла мириться с тайной, живущей у неё под носом. Мышка-загадка прогрызла норку в гостиной её мозга, и с этим надо было что-то делать.

Ольга решила войти в таинственную запертую дверь, словно дура-жена в сказке о Синей Бороде. Однажды лишь сделала

вид, что втягивает в себя травяной дурман коварных сигарет, и когда Вадим, как обычно, исчез, выскользнула из объятий Боба, оставив с ним Кэтрин. Те, увлеченные действием, похоже, даже не заметили, что один из актёров покинул сцену.

Она побежала в сторону, где за кромкой мыса, поросшего склонёнными почти до земли пальмами, скрылся Вадим. Видела его следы на чисто вымытом песке и уверенно шла по ним. Чуть-чуть не дотянула до охотничьей собаки, поскольку в запахе водорослей потеряла аромат его лосьона. Довольно скоро следы ушли с пляжа и скрылись на песчаной тропинке, ведущей в джунгли. Здесь царил полумрак. Полуденное солнце пыталось заглянуть под кроны деревьев и, обнаружив, что покров слишком плотный, проткнуло листву острыми иголками лучей. Золотыми нитями они вплелись в мессиво расстительности. Кругом порхали тысячи насекомых, их прозрачные крылышки вспыхивали мелкими искрами и воздух дрожал, насыщенный серебристым сиянием. Птицы иступленно верещали, будто попали на певчий конкурс, где участников выпустили на сцену одновременно, поставив задачу перекричать соседа. Внезапно раздался резкий треск и сразу стих. Ольга вздрогнула. Наверное, упал перезрелый кокос.

Среди пёстрого коричнево-зелёного ковра жёлтой лентой виднелась дорожка. Видимо здесь часто ходили, вытаптывая молодую поросль. Девушка прошла ещё метров тридцать, когда начало твориться нечто странное.

Сначала закружилась голова. Желудок сжался в комок, тошнота поднялась к горлу. Ноги стали вязкими, и она чуть было не упала. Подумала, что, видимо, всё же затянулась. И, словно в подтверждение, пальма, стоявшая сбоку от тропинки, вдруг сильно толкнула шершавым и колючим боком. Ольга потрогала предплечье, убеждаясь, что там нет царапин и крови, но тут же получила удар с другой стороны. Теперь две пальмы встали на пути, словно злобные сторожа, полностью перегораживая дорогу.

Из-за чешуйчатых стволов неторопливо вышел леопард, прозрачный и хрустальный, похожий на увеличенную копию брошки Сваровски. Ольга потрясла головой, для верности

ущипнула себя. Но леопард по-прежнему двигался навстречу, приоткрыв сверкающую пасть с острыми стеклянными клыками. Ольга решила не проверять, какие они на ощупь, и аккуратно стала отступать, не поворачиваясь спиной. А зверь медленно шёл следом, сохраняя установившуюся дистанцию. Так торжественно они топали до самого пляжа.

Когда вышла из тени джунглей на белоснежную поверхность горячего песка, леопард беззвучно взорвался тысячами бриллиантовых искр и исчез.

«Надо завязывать с косячками», — приняла твёрдое решение Ольга.

Молчаливая и задумчивая, она вернулась к свёрнутой в клубок парочке, аккуратно влезла под жаркий бок Кэтрин, почувствовала, как тяжёлая нога весёлого капитана легла на бедро. На этот раз, принимая ласки неутомимого Боба, Ольга не могла отключиться. Перед глазами стояла хрустальная морда лесного монстра.

Вадим появился, как всегда, через пару часов.

— Ты гуляла по пляжу? Там твои следы, — нарочито небрежно спросил он.

Показалось, что сквозь его гладко выбритые щёки стремительно прорастает синяя щетина.

— Просто ходила рядом, — ответила, уверенная, что тот хорошо знал, где она гуляла.

Её разум тревожно вибрировал. Разные версии о роде занятий Вадима требовательно стучали в дверь мозга. Наконец вперёд вырвалась одна, показавшаяся почему-то наиболее безопасной. Слава богу! Он наркобарон! Странно, но новое знание успокаивало. Другие варианты решила не рассматривать. Пока. Хотя в глубине души наверняка чувствовала, что всё значительно сложнее. Настолько, что думать об этом не хотелось.

В отель вернулись к ужину, и больше Вадим к теме неурочной прогулки не возвращался.

Потянулись дни, заполненные солнцем, негой, счастьем и сексом.

После бурных ночей отсыпались на пляже. Рядом с ними загорала пара, на которую Ольга обратила внимание. Дама была

маленькой хрупкой блондинкой совершенно невзрачной наружности, постоянно простуженной и хлюпающей носом в бумажные салфетки. Её муж — высокий, худощавый, с редкими прилизанными волосами, тоскливо жавшимися друг к другу на лысоватом затылке. Видимо, стесняясь своей ранней лысины, он постоянно носил кепку-бейсболку. Они выглядели как типичные бухгалтера, в голове которых — одни цифры, таблицы и графики.

«Попали сюда явно по ошибке», — думала Ольга и была страшно удивлена, обнаружив хрупкую «бухгалтершу» в пляжном бассейне, занимающуюся сексом с двумя десятками мужчин всех оттенков кожи. Муж с видимым удовольствием наблюдал.

Ольга удивлённо толкнула Вадима в бок:

— Посмотри, это же наши пляжные соседи. Ничего себе, квартальные отчёты готовят.

Вадим засмеялся:

— Хочешь, сядем посмотрим.

Расстелили полотенца и улеглись на стоящие у бортика шезлонги. Ольга была поражена переменой в знакомой паре. Сейчас женщина вся светилась от счастья и казалась невероятно красивой, а её муж выглядел настоящим мачо. У него появились рельефные мышцы. Лихая бейсболка, тёмные очки, мужественное лицо. Он нежно и снисходительно гладил жену по спине, наслаждаясь её стонами.

Ольга наблюдала с недоумением. Только что считала себя окончательно испорченной, с кучей бесов, пляшущих джигу внутри изнасилованной души. А вдруг оказалась белой и пушистой, практически добродетельной монашкой по сравнению с какой-то отмороженной бухгалтершей. Верните диплом главной шлюхи королевства!

— Вадим, посмотри. Нормальная, казалось, баба, а выходит — законченная нимфоманка.

— Наоборот, это сейчас она нормальная. Красивая даже, а была похожа на канцелярскую мышь.

— Как муж терпит такое?

— Он не терпит, он наслаждается.

— Извращенцы.

— Ольга, ты — ханжа. В Библии сказано: «Плодитесь и размножайтесь», а также «Радуйтесь и веселитесь». Вот они и веселятся...

— Но они не размножаются.

— Юридически это недоказуемо, — возразил Вадим.

Кэтрин захохотала. Мужчины в бассейне подняли голову, и кто-то предложил присоединиться. Продолжая смеяться, та отрицательно мотнула головой: «В другой раз».

— Никогда не считала себя ханжой, но я бы так не смогла. В конце концов, существуют правила.

— Правила существуют, — согласился Вадим. — Только они меняются каждый год. Помнишь фильм «Жандарм из Сен-Тропе» с Луи де Фюнесом? Ещё тридцать лет назад полиция устраивала облавы на нудистов. Теперь каждый французский городок считает своим долгом иметь нудистскую зону и свингер-клуб.

— Ну и что. Во Франции свои правила, а у нас, в России, свои. Сейчас мы вообще на Ямайке, — упрямо не сдавалась Ольга.

— Вот именно, — подловил её Вадим. — Общей нравственности нет. Мораль ведёт себя как проститутка. Что обществу выгодно — то и хорошо.

— Нам просто морочат голову?

— Конечно. Всех дурят. Людьми легко управлять, когда они всё время что-то нарушают. У Станислава Лема есть рассказ о планете, похожей на Землю. Но там города нарочно залили слоем воды в человеческий рост. И всем приказали дышать водой, под страхом смерти.

— Что за бред. Зачем это?

— А вот и не бред. Народ молниеносно стал послушным, поскольку всем пришлось туго. Не до революций. Люди просто старались выжить. Врали, что водой дышать замечательно. Ходили, как бы случайно подпрыгивая, чтобы незаметно схватить глоточек воздуха. Писатели описывали прелести водного дыхания. Философы доказывали, что вода — родная стихия для организма. Моралисты утверждали, что дышать воздухом — противоестественно и неприлично.

— Как у нас с сексом? — сообразила Ольга.

— Да. Секс необходим человеку как воздух, но обставлен множеством табу. Сегодня запрещают то, что разрешали вчера, а завтра требуют от людей делать то, что было под запретом сегодня.

Ольга упрямо мотнула головой:

— Я ходила в церковь... Не перебивай... Батюшка говорил, что заповеди надо соблюдать. Хотя бы пытаться. Конечно, это трудно. Мы грешим, но каемся. И вновь грешим.

На лице Вадима появилась полуулыбка, словно его забавляли эти рассуждения:

— Библейские заповеди не имеют отношения к морали.

— Как это? — удивилась Ольга.

— Ты хочешь, чтобы я прокомментировал все шестьсот тринадцать заповедей или только то, что касается секса?

— Не знала, что заповедей настолько много. Давай о сексе.

— Сейчас в Европе многожёнство — моральное и уголовное преступление. Хотя это было нормой семейной жизни многих библейских патриархов.

— Хорошо. А заповедь «Не возжелай жены ближнего твоего»?

— Это вообще не о сексе. В этой заповеди идет речь о зависти: «Не желай дома ближнего, ни раба, ни осла, ни вола, ни жены».

— А заповедь «Не прелюбодействуй»?

— В словаре прелюбодеяние толкуется как тайная супружеская измена. Разве эта бухгалтерша изменяет мужу тайно?

Ольга хватанула ртом воздух. Что бы ещё вспомнить...

Вадим с интересом смотрел на неё, а затем подсказал:

— Спроси про брак с несовершеннолетними...

Она совсем запуталась:

— Ну да, жениться можно с восемнадцати лет. Это же все знают.

— Вот именно, Оля. Но в Библии нет такого запрета. Там вообще не указано, когда можно вступать в брак. Сегодня уголовное преступление — то, что делали уважаемые основатели и авторитеты всех мировых религий.

— Это вопиющее безобразие!

Разговор раздражал. Почему всё, что она думала и знала, опрокидывалось с ног на голову? Или с головы на ноги. Ольга вскочила, попыталась уйти. Куда? А хоть куда. Хоть к Бобу в лодку. Споткнулась о мужа бухгалтерши, разлёгшегося на краю бассейна. Поскользнулась. Чуть не грохнулась.

Вадим вовремя спас, подхватив на руки. Бережно усадил в кресло.

— Ольга, не злись. Всё просто. Мораль — совсем не духовный ориентир. И противоречит религиозным правилам, на которые так любит ссылаться.

— Дайте выпить. Чего-нибудь крепкого. Рому.

Повинуясь кивку Вадима, Кэтрин неторопливой походкой отправилась к бару. Когда она вновь появилась, Ольга уже успокоилась.

Напиток обжёг горло, провалился в желудок, потом отправился в долгое путешествие по телу и, наконец, окончательно обосновался в голове. Сразу стало спокойно. Чего завелась? Святоша этакая. Наверное, жалко терять остатки нравственной девственности. Ну и чёрт с ними. Какая тут девственность? Вспомнила бабка, как в девках ходила.

— Ладно, Вадим, добивай. Что там ещё делали святые? Разбивали головы младенцев о камни? Спали с дочерьми?

— Успокойся. Святых не будем трогать. Мы говорим о морали. Это — удобный для общества свод правил, как уголовный кодекс. Причём очень кратковременный. Здесь нет ничего духовного. Общество поменялось, и полностью изменилась мораль. В СССР был «Моральный кодекс строителя коммунизма». Нет СССР — нет кодекса с его моралью. И кто теперь о нём вспоминает?..

— Ты испорчен цинизмом, как шуба молью, — Ольга оставила последнее слово за собой, хотя в душе понимала, что новый друг прав.

По сравнению с обитателями курорта она казалась себе невинной девочкой, впервые ступившей на стезю порока. Практикующие свингеры — это вам не домохозяйки, черпающие вдохновение в сериале «Секс в большом городе». Теория и практика далеки друг от друга. Секс индивидуален. Не бывает двух

одинаковых. Но будет ошибкой полагать, что всё зависит только от одного из партнёров. Реакции второго не менее важны. Сколько вокруг нового: язык тела, тайные знаки, уловки, меры предосторожности, обмен энергией. Специалист скажет, что главное — наработка опыта.

Она обнаружила, что почти ничего не знает об огромной области своего мозга, ведающей сексуальностью. Там скрывалась целая страна со своей культурой, сводом моральных правил, уголовным кодексом. Там хранились традиции сотен предыдущих поколений человеческой цивилизации, но, кроме этого, инстинкты животных, птиц, рыб и даже рептилий. Возможно, генетическая память её клеток сберегла эмоции первого взрыва, зачавшего нашу вселенную.

И хотя эта загадочная страна была совсем рядом, точнее внутри её тела, добраться туда было очень сложно. В такие неведомые края не летали самолёты, не плавали корабли, даже не было дорог и не ходило метро.

С другой стороны, всё чрезвычайно просто — надо лишь прислушаться к непрекращающейся болтовне своих клеток. Они словоохотливы, простодушны и с радостью поведают истории своих ощущений. Лишь бы не глушил разум, этот самовлюблённый цензор, лишь на мгновенья оставляющий нас в покое во сне или во время молитвы.

«Отдохни! — приказала она разуму. — У нас с тобой отпуск. Пусть органы чувств веселятся без присмотра, как дети на пикнике. Мы, зануды, сядем в сторонке и будем радоваться их счастливому безумству».

После такого решения отдых стал ещё более беззаботным. Её тело заметно окрепло. Океан давал силу, напитывал кожу солью, йодом и неведомой энергией, от которой хотелось петь, бегать, плясать ночи напролёт.

— Я совсем потеряла стыд, — призналась она как-то Вадиму.

Они купались в тёплой лагуне, где почти никогда не было волн. Те хулиганили за скалами, бесновались за грядой рифов и обросших мидиями камней. Там бурлила серебристо-жёлтая пена. Здесь же вода становилась тихой, ласкающей и чуть заметно покачивалась, позволяя разглядеть дно сквозь свою про-

зрачную массу. На песке лежала огромная лиловая, с розовыми прожилками, морская звезда. Бирюзовая рыбка подплыла к ней, ткнулась носом и стремительно рванулась наутёк, поражаясь своей храбрости. Кое-где колыхались, будто змеи, длинные плети бурых водорослей. Они были давно оторваны от родных мест и заброшены сюда приливом вместе с мелким океанским мусором: кусочками перламутровых раковин и клубками пористых губок.

— Оля, это естественно. Стыд — причина старения людей. Стыдясь, мы даём команду телу умирать. Нам стыдно быть живыми.

— Да ладно. Ты шутишь...

— Адам и Ева могли жить вечно, если бы не съели запретное яблоко. И знаешь, что они приобрели взамен?

— Ну?..

— Стыд. Их сразу выгнали из рая. Но первые люди жили ещё долго, девятьсот лет.

Синяя рыбка вернулась с подмогой — ватагой оранжевых красавиц с вуалевыми хвостиками, похожими на юбочки. Обнаглевшая компания принялась дразнить невозмутимую звезду.

От переизбытка энергии Ольге хотелось смеяться, прыгать и брызгаться водой. Или взять этого крутого лысого мужика и свернуть в бараний рог. Хотя, наверное, этого делать не стоило.

Словно поняв её состояние, Вадим спросил:

— Ты слушать можешь? Или просто побегаем по пляжу наперегонки?

— Могу. Я включу свой разум на полную мощность и попытаюсь понять, что ты говоришь. Выйдем, хочу обсохнуть, а то уже растут жабры.

Улеглись на тёплый песок. Крохотные прозрачные крабы деловито сновали между своими норками.

— Так ты говорил, что когда-то люди жили очень долго?

— Да. Потому что стыдились мало. Считали себя любимыми творениями Господа. Тогда с небес разъяснили, что самооценка завышена. Ай-яй-яй! Засмущались и стали жить меньше, хотя

и всё равно много. Лет шестьсот. Тогда сверху пошли с туза. Было объявлено, что велико развращение человеков. И стыдиться надо больше. Поэтому было придумано множество законов. Только в Библии шестьсот тринадцать заповедей, плюс у каждого народа сотни уголовных законов и тысячи моральных правил. Огромное количество которых невозможно выполнить. Не может двуполое существо, исполняя заповедь, плодиться и размножаться, при этом не прелюбодействовать даже в мыслях.

— Ох, трудно, — согласилась Ольга.

— В туманное Средневековье, когда всем, под угрозой костра, было приказано стыдиться своих всеобъемлющих грехов, не многие доживали до сорока лет. Принято считать, что резкое увеличение продолжительности жизни в двадцатом веке связано с достижениями медицины. Но именно в это время произошла сексуальная революция.

Ольге нравились умные мужчины. И сильные. И красивые. Неужели он прав, и если совсем забыть про стыд, можно вновь стать бессмертной? Она поймала крабика, накрыв ладонью.

— Оль. Ты слушаешь? Во Франции в прошлом веке провели педагогический эксперимент: запрещено было стыдить и ругать детей, только хвалить, всячески повышая их самооценку. В итоге продолжительность жизни нового поколения повысилась почти на двадцать лет.

— Бесстыжие нравы двадцать первого века позволят нам жить вечно?

— Не вечно, но долго, — подтвердил Вадим. — При современных нравах продолжительность жизни вполне может быть сто пятьдесят лет, но учёные доказали, что биологически у нас значительно большие возможности. И библейский возраст в пятьсот-шестьсот лет — совсем не фантастика.

— И что же нам мешает?

— В нас по-прежнему культивируют чувство стыда, каждого убеждают, что он не вполне нормален по отношению к другому.

— Что такое нормальный человек? — спросила Ольга.

— Возможно, это такое же абстрактное понятие, как идеальный газ или идеально твёрдое тело в физике. Понятие существует, но в реальной жизни такого не бывает.

— Я никогда не встречала в своей жизни нормальных людей, — согласилась Ольга. — У всех куча фобий, странностей и сексуальных причуд.

Вадим кивнул.

— Для того и придумали этого нормального человека: хорошего семьянина, честного налогоплательщика, патриота, любящего свою работу и верящего в Бога, чтобы все остальные испытывали стыд за свою ненормальность, извращённость, испорченность. Человек виновен с момента своего рождения. Он слишком громко орал при родах и чуть не отправил на тот свет свою мать. Есть другие, хорошие, дети, которые не ломают игрушек, не плюются едой и не писают на простыню. Но это всегда не ты. Нас приучают к этой мысли всю жизнь.

Ольге нравилась теория, поскольку она ненавидела быть виноватой, предпочитая всегда и во всём быть правой. Она незаметно разглядывала Вадима. Тот говорил эмоциональнее, чем обычно.

— Посмотри, Ольга. Вся реклама построена на чувстве стыда. Какой классный у мужика костюм! Купи такой же, не будь оборванцем. Не позорь маму. Купи яхту, дом и зубную пасту! Видишь, какая красавица, не то что ты. Ну, это понятно, у неё же другой шампунь и дезодорант. Для спецслужб у нас приготовлено чистосердечное признание, декларация о доходах, геолокация и список друзей в «Фейсбуке».

«Яко свинья, в калу валяюсь», — каются православные на божественной литургии. «Ибо грешен я», — заявляют католики на исповеди.

«Лишь Бог свят и без греха», — вздыхают все вместе.

Наверное, на последнем Страшном суде спросит Великий: «Homo Sapiens?»

«Виновен, Ваша Честь», — заученно ответит всяк.

— Вадим. Ты чего так завёлся? Фиг с ним. Я с тобой согласна и совершенно бесстыдна. Скажешь, не буду носить белья даже в Москве.

— Там холодно.

— Тогда давай побегаем наперегонки!

Всё рано или поздно кончается. Заканчивался и отпуск. Вечером накануне отъезда Ольга собирала чемодан и вдруг заметила, что потеряла свою серебряную цепочку с крестиком, которую носила скорее по привычке, снимая только во время секса. Она понимала, что Бога вряд ли интересуют её половые органы, но привыкла поступать так, не пытаясь анализировать, зачем. Вот и сейчас вспомнила, что вчера сняла цепочку на соседнем островке, куда они в очередной раз ездили. Даже помнила, где та лежит — на стволе пальмы, в углублении, похожем на чёрную чашу.

Надо бы завтра с утра заехать с Вадимом на остров, забрать цепочку.

В конце концов, это займет всего десять минут. Хотя, впрочем, можно купить такой же крестик в сувенирном киоске в аэропорту.

Она собралась было пойти в душ, как вдруг почувствовала, что хочет поплыть на остров прямо сейчас. Желание было настолько острым, что если бы начала анализировать, подумала, что чужая воля захватила её тело и мысли. Но нечто, внедрившееся в неё, не дало такой возможности. Управлять своим телом Ольга уже не могла.

Что заставляет персонажей фильмов ужасов бежать ночью на кладбище? Команда режиссёра. Что заставляет китов выбрасываться на берег? Может быть, тоже чей-то зов?

Ольгу не тревожили эти мысли. Беспокоило, что до закрытия дайвинг-центра оставалось полчаса, и действовать надо быстро.

Словно сомнамбула, добежала до лодочной пристани. Обнаружила знакомую лодку.

— Отвези меня на остров! — крикнула она Бобу.

— Конечно.

Через пару минут выбралась на знакомый пляж, бросилась к лежащему у воды стволу и, действительно, при сгущающемся свете сумерек обнаружила свой крестик.

Морская прогулка, даже такая краткая, действует освежающе. Рассудок частично вернулся домой и принялся инвентаризировать состояние дел. Приходилось признать, что дела не

в лучшем виде. Ольга осознала, что из одежды на ней только короткая маечка, почти не прикрывающая голых ягодиц, и пляжные шлёпки.

«Что я здесь делаю? Полуголая. Ночью, — девушка поёжилась. — Скорее в лодку, и назад, в безопасный отель».

В тропиках ночь наступает скоротечно, затягивая небо чёрной вуалью сразу после захода солнца. Быстро темнело, и мир на глазах менялся. Налетел порыв ветра. Пальмы, словно строгие кумушки, принялись яростно обмахиваться своими веерами. Зашуршали листья, хрустнуло в лесу.

Вдруг оттуда на пляж выскочили два темнокожих парня. Они двигались так стремительно, что прежде чем Ольга что-либо сообразила, путь к лодке оказался отрезан.

Паника ворвалась в сознание, тараторя дурацкую фразу: «Зачем аборигены съели Кука? Молчит наука...» Ольга недолюбливала людоедов. Какой девушке понравится, если её съедят. Надежда, что перед тем как отварить, её изнасилуют, не прибавляла оптимизма. «Сейчас схватят и потащат...»

Пока Ольга собиралась визжать и отбиваться, народу на пляже прибавилось. Пришельцы вели себя нелогично. Казалось, они забыли, зачем пришли, не выказывали склонности к насилию, а просто вежливо стояли, словно чего-то ожидая. В их позах была даже некая почтительность, а деликатно опущенные глаза показывали, что джентльмены не пялятся на леди, даже если её туалет слегка небрежен.

«Какие-то бестолковые людоеды, — подумала Ольга. — Ну кто так нападает?»

Момент визжать и отбиваться был упущен. Странная мизансцена затягивалась. Участники, плотной толпой окружившие девушку, застыли, вежливо чего-то ожидая, будто на светском балу, когда вот-вот заиграет венский вальс и даму можно будет пригласить на танец. И музыка действительно появилась, но это была песня, монотонная и вязкая, полная завораживающего магнетизма. Десятки ртов ритмично повторяли несколько незнакомых слов. Постепенно все начали пританцовывать и вскоре плотной компанией двинулись к джунглям.

Находясь внутри замкнутого круга тел, Ольга подумала, что сейчас не следует проявлять враждебность или показывать страх. Туземцы вели себя вполне дружелюбно, и не стоило их провоцировать. Она даже решила подпевать в меру своих способностей, чем вызвала искренний взрыв восторга. Многие восхищённые её талантом принялись отчаянно бить в ладоши.

«Оказывается, я отлично пою, — подумала Ольга, — а мне всегда говорили, что медведь на ухо наступил...»

Так, приплясывая и распевая, они двинулись вдоль пляжа. Ольга почему-то совсем перестала бояться, краем сознания понимая, что здесь есть какая-то неправильность. Видимо, с разумом что-то по-прежнему было не в порядке.

Находясь в плотном кольце потенциальных людоедов, главное блюдо ужина с удовольствием отплясывало и, отчаянно фальшивя, орало странную песню, а может быть, гимн, но, скорее всего, молитву перед едой. Вроде «Благослови, Господи, трапезу сию...»

Они шли по знакомому маршруту за кромку мыса, туда, где начиналась тропинка с хрустальным леопардом. В этот раз дорога была свободна. Ни драчливых пальм, ни страшного зверя. Буквально через пару минут, нигде ни разу не ободравшись, все оказались на круглой поляне, центр которой занимала деревянная хижина с крышей из пальмовых листьев. Вокруг неё были расставлены факелы. Некоторые коптили, отчего в воздухе висел запах прогорклого масла.

Ольга заметила, что вокруг стоит странная тишина. Шумная толпа её восторженных фанатов куда-то исчезла. Рядом остались лишь двое парней.

— Быстрее, — внятно произнёс один из них. — Он умирает и ждёт только тебя.

— Кто умирает? — удивлённо спросила девушка, отчаянно пытаясь собрать мысли, но те не желали покидать весёлую вечеринку.

— Тот, к кому ты приехала. Пожалуйста, скорее, — парень распахнул дверь хижины.

— Смерть уже пришла, — частил другой. Он упал на колени и яростно пытался лбом пробить путь в глубины острова.

Ольга не могла объяснить, почему не стала отбиваться, кричать или звать на помощь, как, наверное, следовало бы поступить любой нормальной туристке. Она уже давно не чувствовала себя нормальной. Просто вошла внутрь.

Воздух в хижине был густой, наполненный ароматами каких-то трав. При слабом свете свечей увидела, что на полу лежит древний старик, закутанный в разноцветные тряпки. Его нельзя было назвать симпатичным. Скорее, наоборот. Лицо цвета старой ссохшейся коры изрезано глубокими морщинами, утыкающимися в наросты бородавок. Глаза проваливались чёрными кратерами. Над ними выступал нос, похожий на высохшую трухлявую корягу. Слышалось тяжёлое дыхание с хрипом, и каждый вдох казался последним.

Старец протянул руку, похожую на узловатый корень. Ольга вздрогнула, но осторожно взяла её.

Когда ты изумлена и напугана, время нарочно замедляет свой ход, наслаждается твоим страхом и растерянностью. Секунды тянулись с медлительностью черепахи, застрявшей в клею.

На ощупь пальцы были похожи на сучки дерева — шершавые и холодные. С удивительной для умирающего силой старик обхватил её ладонь и что-то зашептал на незнакомом языке. Потом дёрнулся несколько раз, глубоко вдохнул, спокойно выдохнул и застыл. Бессильно отпустил её руку. Ольга ощутила облегчение. Но через мгновение поняла, что ничего ещё не закончилось, хотя старик умер, похоже, бесповоротно.

Ощутила, что в момент его последнего выдоха какая-то мощная энергия попыталась войти в неё. Неожиданно услышала хор голосов, который пел нечто монотонное и однообразное. В первую секунду показалось, что это похоже на мантру индусов — «О-о-м-м-м». Потом с ужасом поняла, что поют не «Ом», а её имя: «О-оль-га». Огляделась вокруг, ища источник звука, но никого рядом, кроме умершего старика, не было. Заткнув уши, убедилась, что хор звучал у неё в голове. Звук усиливался. Теперь это были не индусы, а футбольные болельщики на стадионе, скандирующие её имя, будто она только что забила финальный гол в решающем матче. Хижина вибрировала, пол ходил

ходуном, словно она стояла в шторм на хлипком судёнышке. По телу побежали колючие электрические разряды, мышцы свело судорогой, и она всё-таки упала. Желудок выворачивало от спазмов, на губах выступила едкая пена, и её вырвало. Боль захлестнула тело. Неведомая сила скручивала в узлы нервы, рвала кровеносные сосуды, сжимала в комок лёгкие, не давая дышать.

Ольга чувствовала себя кошкой, в шкуру которой пытался влезть лев. Шкура тянулась и рвалась, и она подумала, что сейчас умрёт. Но этого не произошло. В какой-то момент ощутила, что страшный лев прогрыз себе путь в её тело и мозг, именно через те чёрные дыры, где когда-то была любовь, а потом поселились новосёлы-демоны. Наверное, те были не рады, что их новое уютное гнёздышко тряхнуло, как при землетрясении. Возможно, они пытались предъявить свои права, показывали справки из ЖЭКа, но жуткое вторжение вымело всех вон. Дикая сила уверенно прибывала. И она перестала быть кошкой, стряхнув с себя старую кожу вместе с кровавыми ошмётками мяса. Под ними оказалась новая плоть зверя.

Ольга поднялась. Энергия переполняла её, выходя наружу, словно пенящееся шампанское из бокала. Она подумала, что если сейчас прикажет джунглям взлететь в воздух, то, наверное, так и произойдёт.

В общем-то, она уже понимала, что произошло: теперь она Ольга — грёбаная Королева Вуду, или чего-то там у них ещё.

Свет в комнате казался ярче. Там, куда бросала взгляд, мелкие детали высвечивались, словно на экране компьютера. Увидела связку необычных бус над кучкой разноцветных камней, похожих на перепелиные яйца. Рядом в большом медном тазу лежали матерчатые куколки мужчин и женщин, выполненные весьма тщательно. Она даже различала цвет их глаз и карманы на одежде.

В этот момент в хижину кто-то вошёл.

Ольга повернулась и увидела Вадима. Но это был совсем не тот Вадим, к которому она привыкла и с которым занималась любовью. Это был другой человек, и выглядел он, мягко говоря, неприятно. На нем была чёрная длинная рубашка до пола, лицо

в слабом свете тоже казалось совсем чёрным, с острым носом и скулами, пронзительно блестящими глазами и лысым черепом. Но Ольга не удивилась. Чего-то в этом роде она ожидала. И совсем не боялась.

Вадим явно не предполагал её здесь увидеть и от изумления окаменел, сделавшись похожим на жену Лота, только очень здоровую, страшную и с бритой головой.

Когда шок прошёл, стало видно, что тот злится.

— Что ты делаешь? В хижине самого сильного колдуна Карибов? — спросил тихо и как-то зловеще.

Ольга поняла, что теперь надо быть максимально спокойной. И, возможно, от её самообладания будет зависеть, уйдёт ли она отсюда сама или её с почётом похоронят затаившиеся в джунглях поклонники.

— Нет, — вроде бы невпопад ответила она.

Вадиму показалось, что девушка тоже изменилась: стала выше ростом, и волосы на голове шевелились при полном отсутствии ветра.

— Что «нет»?

— Здесь уже нет самого сильного колдуна Карибов. Он умер. Но, похоже, появилась колдунья. Тоже не слабая, — Ольга улыбнулась.

Вадим осознал, что вид улыбающейся Ольги иногда не вызывает положительных эмоций.

— Как ты попала сюда?

— Всё сложилось само собой. Он звал меня перед смертью.

— Он звал меня! — неожиданно закричал Вадим. — Ты что, думаешь, я сюда приехал кокосы околачивать? Я же к нему приехал, за «последним выдохом».

— Вонючий был у него выдох, успокойся. Мужчины многое теряют по вине возбуждённого ума, — Ольга пыталась замедлить галопом несущиеся события. — Наверняка тебе не терпится заняться со мною сексом.

— Это что, насмешка?

— Нет, лёгкое ехидство.

— И что нам теперь делать? — Вадим всё еще не мог поверить в случившееся.

— Думаю, мы должны сразиться, — объявила Ольга. — Сожжём молниями остров и устроим тайфун с цунами.

— Это опять ехидство? — подозрительно спросил Вадим.

— Это такой юмор. Представляешь, я взмахну руками, скажу заклинание и ненароком убью тебя. Сначала, конечно, погрущу. Потом сдеру шкуру и вместе с трофейной головой повешу в гостиной на стену. А гостям буду рассказывать: «...это было глухой ночью. Он выскочил из леса и пошёл прямо на меня. Здоровый такой, матёрый...».

— Смешно... Но ничего не выйдет. Сила у тебя есть, но с ней ещё надо уметь обращаться. Колдовство имеет одну сложность — слова нужно произносить в правильной последовательности, — неожиданно Вадим успокоился.

— А что будет, если сказать их в неправильном порядке?

— Я не дам тебе второй попытки. — Он осмотрел комнату, а потом сказал: — Нам следует уехать вместе.

Казалось, он принял какое-то решение.

— Иногда бываю невероятно тупа. Не мог бы ты ещё раз пояснить последнюю мысль?

— Проблема в том, что я был здесь с конкретной целью. И всё сорвалось, можно сказать, по твоей милости...

Неожиданно Ольга поняла, что всё, что сейчас происходит, — совсем не шутка. Да и спокойствие Вадима оказалось страшнее его гнева. Волнуются и нервничают те, кто сознаёт свою слабость. Вадим же сейчас был мрачно сосредоточен, и его взгляд, всегда такой расслабленный, вдруг стал жечь.

Ольга чувствовала, что физически трудно смотреть в его лицо, словно от того дул горячий и сильный ветер, возможно, к тому же пропитанный парами какой-нибудь серной кислоты. Пришла в голову мысль, что если сейчас очень быстро побежать, то через пару минут можно быть совсем в другом месте.

«Успокойся», — приказала себе. Мысли бешено скакали в голове, но одна умудрилась вылезти вперёд: «Во все времена женщины занимались одним и тем же делом — управляли мужчинами. Это совсем не трудно, — убеждала она себя. — Здесь только одна сложность: при этом надо быть живой. Надо объ-

яснить, что всё произошло случайно. Не было злого умысла, и он не должен на меня злиться».

— Я буду сам решать, злиться мне или нет, — раздражённо произнёс Вадим.

Если он ещё умеет читать мысли, то дело совсем плохо...

Вадим продолжал:

— Мы с тобой завтра летим во Францию. Представлю тебя кое-кому. Может быть, всё, что случилось, — к лучшему. Во всяком случае, пока событие не произойдёт, трудно оценить, плохое оно или хорошее. Случайностей вообще не бывает.

В этом Ольга была с ним полностью согласна. Похоже, они начинали понимать друг друга.

Она чувствовала себя маленькой девочкой, унесённой могучим ураганом в Волшебную страну, и предстоит долгое путешествие в Изумрудный город в сопровождении Страшилы. Она взглянула на Вадима, но тот уже принял повседневный облик. Так что жизнь налаживалась. А может быть, и нет...

ГЛАВА 7.

В КОТОРОЙ МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ В НАШИ ДНИ. ОЛЬГА И АНДРЕЙ ОЖИВАЮТ. ВСЕ РЕШАЮТ ЕХАТЬ В КАИР, А ШОТЛАНДСКИЕ КРОЛИКИ ОКАЗЫВАЮТСЯ КРАЙНЕ ОПАСНЫМИ

Лежавшие мёртвыми Андрей и Ольга неожиданно открыли глаза.

Пробуждение не было приятным. Ольга почувствовала, что реальность этого мира ощущается намного грубее: спину неприятно холодил жёсткий пол, болью отозвалась неудобно подвёрнутая рука. Вновь застучавшее сердце осторожно включалось в работу, словно не было уверено, что очередная передряга позади. По телу побежали многочисленными уколами тысячи иголок. Это кровь находила себе дорогу. Под крестец забрался ёж. Поворочавшись там, он отправился в путешествие вверх по позвоночнику и сгинул где-то в районе шеи. Сведённые мышцы отчаянно противились возвращению к жизни. Боль в спине ушла, но появилась в запястье. Пока она обдумывала, равноценный ли это обмен, всё прошло, но закружилась голова.

Ольга лежала на спине и смотрела вверх, на потолок комнаты. Где-то там, наверное, сидел Господь Бог и внимательно её

разглядывал. На мгновение показалось, что она поймала этот заинтересованный взгляд.

— Ты вернулась? — склонился над Ольгой Вадим.

— Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многая на небесах... — задумчиво начала Ольга. — В общем, я снова с вами. Радуйтесь! Долго была мёртвой?

— Минуты две-три...

— Это хорошо. Три минуты в этом мире не много. Мозги не должны были скиснуть. Даже если их мало, — покосилась она на Андрея, пряча сочувствие за грубоватым безразличием.

— Андрей, ты как? Живой? — спросил Максим с видимым волнением. Он сидел на полу рядом с приятелем, пристально вглядываясь в его лицо.

— Ага, вроде живой, — хрипло отозвался тот.

— Что там было? Рассказывай, не тяни.

— А было хорошо, — Андрей, кряхтя, поднялся, поддерживаемый приятелем. — Могло бы стать ещё лучше.

— Уймись, старый развратник, — Ольга шутливо погрозила пальцем и сразу наткнулась на удивлённый взгляд Вадима. Тот хорошо её знал и не мог не увидеть чуждые характеру подруги нотки дружелюбия, или даже, страшно подумать, нежности.

Но, похоже, это заметил не только он. Ольга почувствовала, что в комнате что-то изменилось. Сначала возникла неловкая тишина, а затем она увидела внимательное лицо Софии. В глазах той было сомнение.

Максим тоже смотрел тяжёлым взглядом, задумчиво хмуря брови.

— Эй, отойдите от девушки, — очень спокойно и серьёзно приказала Соня.

Все медленно отступили на пару шагов, словно перед ними было что-то очень опасное.

Ольга моментально сообразила, что в их отношениях с Андреем произошла определённая перемена, и для всех последняя фраза прозвучала так, словно это сказала не она. И те пытались понять, кто же сейчас перед ними. В принципе, они правы. Тело — всего лишь оболочка. Неизвестно, что за сущность из

другой вселенной могла надеть его. Вот сейчас как встану, как зарычу, затопчу и проглочу. И пойдут клочки по закоулочкам. Скорее всего, у спецслужб есть определённый протокол для эмигрантов с того света.

Неожиданно ей стало весело. У всех были внимательные и испуганные глаза. Наверное, так каждое утро смотрел Иван-дурак на жену, гадая, кем она сегодня перекинется — лягушкой или царевной. Вопрос нешуточный, серьёзно меняющий весь распорядок дня.

— Я ненавижу кипячёное молоко, — быстро сказала она, обращаясь к Вадиму. — Ещё я — самая страшная в джунглях. Не забыл?

— Спой что-нибудь, — попросил тот.

— «There walks a lady we all know, who shines white light...» — отчаянно фальшивя, спела Ольга. — Это песня навела на мысль поехать сюда.

— Это она, — облегчённо улыбнулся Вадим. — Никогда не умела петь. В школе наверняка было освобождение по этому предмету из чувства сострадания к остальным.

Все оттаяли.

Ольга аккуратно перевернулась набок и, помогая себе руками, поднялась, морщась от боли в затёкших ногах, плечах, спине и шее.

— Ты в порядке? — Вадим подошел поближе, чтобы поддержать.

— Как я могу быть в порядке? Ты только что оскорбил моё искусство пения. Я не в порядке, я в ярости.

— Хорошо, рада, что это ты, а не злобный посланец с того света. Ну, рассказывай. Получила ответы? — София опять говорила начальственным тоном.

Ольга почувствовала желание сказать что-нибудь язвительное, но сдержалась. Попыталась собрать мысли, выстроив их в логическую цепь:

— Так вот, с «леди» я встретилась, но она однозначно не «белая». Хотя многое прояснилось. Переговоры с чудовищем прошли в тёплой дружеской обстановке. В том мире оно очень даже симпатичное.

Ольга замолчала, вспоминая свой поцелуй со Сьюзен. Губы чувствовали сладкое и слегка щекотное ощущение. «Поцелуи звёзд дождём обрушиваются на тело твоё...» Стало грустно, и подумалось: какой чепухой они тут все занимаются.

«Вдруг я — это действительно не я? — неожиданно встрепенулась Ольга. — Размякла как-то. На себя непохожа. Соберись и не будь размазнёй, — мысленно скомандовала себе. — Сейчас все заметят эту постыдную слабость...»

Андрей, морщась, энергично растирал кулаками поясницу и тихо мурлыкал:

— «Я встретил девушку, полумесяцем бровь...»

— У вас что, там хоровой кружок был? — удивился Максим.

Ольга провела пальцем по губам. «Какие у Андрея умные и добрые глаза, как у моей собаки! Интересно взглянуть на его скульптуры. Максим говорил, что гений».

— Хватит отвлекаться, рассказывай, — потребовал Вадим. Он с сомнением вглядывался в подругу, словно видел нечто необычное.

Она ответила на его взгляд, подмигнула. Вот человек без страха и сентиментальности. Никого не жалко — ни себя, ни других. Голая сила, как у Бога. Ольга продолжила рассказ:

— Всё запутано. Могу лишь изложить свою версию. Думаю, лох-несское чудовище — это некий ангел или демон, живущий рядом с нашим миром и имеющий выход в эту реальность. В том мире он выглядит как обаятельная девушка. У нас, к сожалению, похож на дракона.

— На драконихy, — уточнил Максим.

— Возможно. Никто же не заглядывал к ней под хвост.

— Может, это защитный скафандр такой, — многозначительно предположил Андрей, пытаясь внести посильную лепту в рассказ.

— Место! Сидеть! — тихо скомандовала ему Ольга, опять нарвавшись на удивлённый взгляд Софии, и продолжила: — Возможно, Вадим вчера был прав, когда сказал, что демон — страж реальности. Мы всё время думали: что случилось две не-

дели назад? И почему у всех живущих здесь людей жизнь пошла наперекосяк?

— И что произошло? — спросил Максим.

Ольга задумалась, пытаясь поймать мысль, уже давно крутящуюся где-то рядом. В глаза лезла неизвестно когда выросшая щетина на щеках Андрея. Он что, не брился сегодня? Колючий, наверное, как ёжик. Неожиданно мысль перескочила на другую колею: что делает этот дикобраз среди них, профессиональных магов? И почему именно он, простой смертный, нашёл проход в потусторонний мир? Обычный человек.

Озарение пришло к Ольге внезапно. Вдруг почувствовала, словно электрический разряд прошёл по телу: перехватило дух, в висках застучало, руки сделались липкими. В мозгах что-то щёлкнуло. Правое полушарие вступило в лёгкую потасовку с левым. Обстановка внутри разума походила на заседание Думы в момент принятия судьбоносного решения. Мысли выстроились в очередь, требуя у председательствующего дать им слово. Из зала слышались выкрики: «Позор!.. Правильно!.. Отключите микрофон!.. Ближе к делу!.. Регламент!..». Наконец взаимопонимание было достигнуто, и право поведать миру разгадку было делегировано. Ольга приоткрыла рот и прорекла:

— Две недели назад отсюда уехали Джон и Мэри. Простые, казалось бы, люди. Но что-то мне говорит, что они совсем не обычные, — Ольга вновь бросила быстрый взгляд на Андрея.

Аудитория опешила. Грома аплодисментов не наблюдалось. Все размышляли.

— Хм, да-да, — наконец произнесла София.

— Много людей приезжает и уезжает, — сомневался Максим. Его слова показали, что некоторые не уловили самого главного в ошеломляющей догадке Ольги, что давало ей возможность показать, кто быстрее всех соображает:

— Я думаю, эта молодая пара была необходимым условием нормальной работы ангела-демона.

— Они что, ремонтировали его?

— Нет. Думаю, заставляли работать. Как Аладдин — джина. Или как старик — золотую рыбку. Если бы не было Аладдина,

джин сидел бы в своей лампе, и я видела, чем они там занимаются...

— Я тоже видел, — опять вылез Андрей.

— Вот так так... Полагаешь, что без ребят демон-ангел не действует? — уточнила София с сомнением в голосе.

— Это — моя версия. Без них он не выполняет свою работу, не охраняет нашу реальность. Мысли людей начинают разрушать мир.

— Пиво без водки — деньги на ветер? — невпопад подтвердил Андрей.

— «Нынче грустный вид у Ваньки, оторвали Ваньке встаньку», — тихо и сострадательно продекламировала Ольга. Андрей испуганно умолк.

— Элегантная теория. Но ребятам всего по восемнадцать. Ну, предположим, лет десять они дружили с демоном. Кто же был до них? — пыталась разобраться София.

Ольге почудилось, что за спиной девушки маячит какая-то неясная тень, склонившаяся и словно шептавшая той в ухо. Кто этот загадочный советчик? Словно уловив чужой взгляд, тень растаяла. Снова София сидела одна, в задумчивости растирая морщинки на лбу.

Ольга подумала, что такой продвинутой компании не должно составить труда понять её идею. Однако опять пришлось объяснять:

— В средние века здесь стоял монастырь, в начале двадцатого века жил сильнейший маг Алистер Кроули, потом гениальный гитарист Джимми Пейдж, наверняка ещё кто-то, кого мы не знаем: монахи, колдуны, музыканты, писатели. Необычные люди нужны демону для нормальной работы.

— Он их ест? — спросил Максим.

— Скорее, он с ними играет.

— Это ты фантазируешь? — отозвался Вадим из далёких глубин вселенной, где, судя по продолжительному молчанию, пребывал, размышляя о чём-то своём.

— Конечно. Когда подходящего человека рядом не оказывалось, начинались проблемы, вроде Второй мировой войны или

средневековой чумы. Кто знает, какими ниточками связаны события мировой истории между собой.

— Понимаю. Допустим. А при чём здесь дети? Они не монахи или колдуны, — перебила София.

— Не знаю, но лох-несское чудовище выбрало именно их.

— Может быть, эти дети какие-то специальные... — задумался Максим.

— Все дети особенные. Каждая мама расскажет, какой у неё удивительный ребёнок, — улыбнулась София.

— Он имеет в виду, непохожие на обычных детей, не маленькие, злобные и мстительные, — уточнил Вадим.

— Ну, не знаю, сильные экстрасенсы, например, — Максим вопросительно смотрел на Ольгу.

— Дети индиго, — выпалила та. — В наше время монахи и колдуны поубавились, зато появились особые дети.

Она была уверена, что попала в точку, и теперь оставалось лишь дождаться, пока в эту точку доберутся остальные. Судя по восторженно-восхищённому взгляду Андрея, первым финишную ленточку разорвал именно он. И это было неожиданно приятно. Хотя, скорее всего, он даже не знает, кто такие дети индиго, а просто привык так смотреть на женщин.

София замерла, привычно поморщилась и вновь принялась советоваться с кем-то невидимым. Все тоже погрузились в молчание. Кроме Андрея, который зачем-то многозначительно сказал:

— Ага.

— Что «ага»? — резко повернулась к нему Ольга.

— Ничего, — испугался Андрей. — Случайно вырвалось...

— Не лезь, пожалуйста, со своим «ага» в разговоры взрослых, — Ольга с удивлением отметила, что разговаривает с Андреем излишне эмоционально. С чего бы это?

К этому времени Соня закончила мысленное совещание и заговорила спокойно и уверенно:

— Индиго — это интересно. Термин относительно недавно ввела экстрасенс Нэнси Энн Тэпп, заметив, что у некоторых подростков — специфический цвет ауры. Все эти ребятки странные, словно не от мира сего. Очень замкнуты и умны.

Есть небольшие изменения в составе крови. Считают, что у них изменён геном... — Она сделала паузу и продолжила: — Браво. Отличная версия. Приз в студию. Что-то мне подсказывает... — София запнулась о понимающий взгляд Ольги, но договорила: — ...подсказывает, что в «местах силы» должна жить хотя бы пара особых людей. Помните, в Библии Бог велел, чтобы ему служила каста священников? Они получили имя «левиты». До сих пор существует такая фамилия. Возможно, это потомки тех самых левитов. Поразительно, но у этих людей тоже другая кровь и генный код.

— Аллилуйя, кажется, понимаю, — поддержал воспрянувший Максим. — Возможно, в «места силы» приходит энергия, формирующая нашу реальность. И эти же зоны собирают энергию от желаний и молитв людей, живущих в регионе.

Получается два встречных потока. Сверху от Бога, и снизу от людей. Одно не существует без другого, и одно зависит от другого. И они не должны смешиваться друг с другом, иначе людские мысли, поступающие «снизу», могли бы вносить помехи и искажения в ответ, поступающий «сверху». Чтобы этого не происходило, существует некий механизм, состоящий из демона-ангела и специальных людей.

— Так устроен любой храм, как типичное «место силы», — согласился Вадим. Есть небесный покровитель, именем которого назван храм. И есть священники. Есть потоки энергии снизу и сверху. Только идея про механизм, разделяющий эти потоки, не очень ясна...

Вдруг Андрей, переполненный новыми эмоциями, оживился:

— Можно я приведу пример? С позиции скульптора?

— Давай, — удивлённо ответил Максим.

Все взглянули на Андрея. Ольге он показался похожим на мышку, которая, попав в клетку со змеями, неожиданно решила принять участие в дискуссии. Для чего принялась шипеть и извиваться от ушек до дрожащего хвостика.

— Одна женщина заказала декоративный водопад, украшенный группой нимф и оленем с ветвистыми рогами, с лицом её бывшего мужа. За глаза я называл эту даму «моя прелесть».

— Ты уверен, что говоришь по теме? — ядовито поинтересовалась Ольга, показавшаяся себе опасной рептилией, обвившей несчастную мышку.

— Да-да. Сейчас будет понятно. Водопад получился классным. Это был целый мир. Сверху по каменистому руслу в озерцо падала вода, и казалось, нимфы, купающиеся там, шевелятся в её струях. А олень тупо качал головой, уставившись на округлые девичьи попки. Насос по пластиковой трубе подавал воду из озера наверх.

— Ты хочешь сказать, что поток, который тёк вниз, и вода, поступающая вверх, шли разным путями и не смешивались друг с другом? — уточнил добрый питон Као, принявший облик Максима.

— Точно, — подтвердил Андрей. — Однажды глубоким вечером, когда рыбки в пруду спали, а птички уже укладывались, позвонила «моя прелесть». В голосе слышалась истерика. Оказалось, дивный мир водопада сломался. С трудом успокоив даму, ранним утром я был у её ног. И сразу нашёл причину поломки. Всё произошло из-за того, что трубка, подающая воду наверх, соскочила с насоса, и тот, вместо того чтобы подавать жидкость наверх, просто гонял волны, разрушая нижнее озерко. Целый мир перестал функционировать из-за ерунды, которую я починил за пару минут.

Судя по словам Максима, в мироздании функцию этой, казалось бы, незначительной трубы, разделяющей нижний и верхний потоки энергии, выполняет определённый тип ангела или демона. И маленькая поломка может уничтожить Землю.

«Какая умная мышка, — подумала Ольга. — Кобры очарованы...»

— Точно, — обрадовался Максим. — Классный пример. Я бы добавил, что как твоя труба состоит из подводного и воздушного участков, так и этот механизм состоит из земной и духовной частей. У Бога всё устроено так, что напротив духовного, как в зеркале, стоит материальное. Одно не существует без другого. Итак, в духовной зоне мы имеем лох-несское чудовище, или демона Кроули. Но у ангела-демона есть вторая, земная, часть. Это определённый тип людей: левиты, монахи, святые, стран-

ные чудаки и гении и, наконец, дети индиго. Когда эти люди по каким-то причинам исчезают, система формирования реальности перестаёт работать.

Ольга с удовольствием отметила, что все приняли её теорию, посмотрела на Максима и решила уточнить:

— Тогда, если кто-то захочет разрушить нашу реальность, ему достаточно увести из мест силы этих людей? И всё! Неприятности начинаются сами собой.

— Истинно говорю: советская реальность развалилась, когда из страны уехало много незаурядных людей, — задумчиво произнёс Максим. — Кстати, — обратился он к Софии, — почему не попробовать с помощью тестов проверить население и обнаружить этих загадочных людей? Например, взять у всех анализ крови, сделать электроэнцефалограмму мозга...

София с сомнением покачала головой:

— Уже пробуем.

Андрей беспокойно заёрзал.

— Я тут когда водительские права переоформлял, требовалась электроэнцефалограмма.

София не обратила на его слова внимания:

— Допустим. Версия Ольги принята. Хотя красивые теории редко совпадают с практикой. Какие ещё будут варианты?

— Ну, например, Господь Бог пролил кофе на свой компьютер, — предположил Вадим.

— Или самая мрачная гипотеза: наверху просто решили покончить с нами. Без причины. Надоели, — грустно сказал Максим. — А всё, что происходит, — лишь побочные эффекты выключения системы.

— Чур тебя, — махнула рукой София. — Говоришь как нудный пророк. Больше оптимизма... Кстати, почему уехали дети? — опять обратилась она к Ольге.

— Ерунда вышла. У Мэри появились чёрные чешуйки, как у дракона, и они с Джоном поехали лечиться в Каир. Словно их специально убрали отсюда, подстроив историю с «болезнью».

— Почему именно в Египет?

— По словам демона, в тамошней потусторонней обители хорошо лечат такие болезни. Специализация. Алистер Кроули

тоже ездил в Каир после встречи с демоном. Может быть, в загробную клинику. А давайте прокатимся за ними.

— Зачем?

— Ты же главная. Какое наше задание?

— Только не сыпь мне соль на рану. Наше задание... вступить в контакт с кем-нибудь наверху... Наверное...

— Точно. Но это явно не здешняя хозяйка ада, хоть она мне и симпатична. Пирамиды Каира — признанное место силы, где сейчас масса проблем. Ещё там — обитель бога Гора. Мы знакомы, можно сказать, старые приятели. Вот и пообщаемся.

Ольге было приятна растерянность в глазах Софии.

— Что значит приятели? — наконец спросила она.

— По «Фэйсбуку»? — догадался Андрей, но нарвался на строгий взгляд обеих дам.

«Это он меня пытается защитить, — вдруг поняла Ольга. — Мол, девушка в целом нормальная. Придурь лёгкая и поверхностная, не больше чем у всех».

— Встречались уже. В детстве... — пояснила Ольга и вдруг поняла, что ужасно устала. Ничего не скажешь, последние двадцать четыре часа выдались насыщенными. Она успела умереть, воскреснуть и даже договорилась с владетелем (или, точнее, владелицей) местечкового ада о месте своего загробного пребывания. Теперь отчаянно хотелось отдохнуть и поесть. Желудок уже начал поскуливать.

— Давай сделаем перерыв, — по-человечески попросила она Софию. — Перекусим, выпьем.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась та.

«Возможно, ей надо опять посоветоваться, прежде чем принимать какие-либо решения», — догадалась Ольга. Сегодня её интуиция работала отлично. Хотя, что-то внутри неё явно было не в порядке.

Они вернулись в гостиницу. Хозяин безмятежно спал, развалившись в кресле. Он сладко похрапывал, выдавая замысловатые рулады. Наверное, к вечеру прислуга была отпущена, во всяком случае, стол остался в том же виде, в каком они его покинули.

Ольга нашла какой-то паштет, намазала его на кусок хлеба и с удовольствием принялась жевать, попутно положив себе на

тарелку порцию остывшего мяса. Её взгляд обнаружил ещё несколько заманчивых кусков сыра.

Андрей пил коньяк, с интересом поглядывая на Ольгу.

— Слушай, а вы кто? — тихо спросил он Максима. — Надеюсь, вы не шайка выживших из ума инопланетян.

Максим засмеялся:

— Помнишь, в старом советском фильме мальчик спрашивает нашего разведчика: «Павел Андреевич, вы — шпион? А тот отвечает: «Видишь ли, Юра...» Ты хочешь услышать от меня нечто подобное? Хотя кое-что я тебе открою. Мы не инопланетяне. Точно.

Андрей задумался.

— Ну, хорошо. Не говори. Открой только одну очень важную для меня тайну.

— Какую?

Андрей осторожно взглянул на Ольгу.

— Ты не знаешь? Она откусывает мужчинам голову после спаривания?

Максим улыбнулся:

— Это уточни у Вадима. Хотя лучше этого не делать, — поспешно добавил он, посмотрев на мощные руки и лысый череп мрачно поглядевшего в их сторону мага.

Минут через двадцать Ольга подумала, что не сказала кое-что важное. К тому моменту она уже покончила с сыром и с сомнением смотрела на яблочный торт, прикидывая, найдётся ли внутри неё ещё место.

Решив сделать паузу перед десертом, наполнила бокал коньяком и заговорила:

— У меня есть ещё две новости. Первая. Я — провалившийся разведчик. — Ольга театрально переждала короткую паузу и продолжила: — В потусторонних мирах мой контакт с демоном наверняка заметили. Теперь там о нас знают.

— Начало оптимистичное. Эта, наверное, «хорошая» новость. Давай «плохую», — вздохнула София.

— Теперь надо убедить высшие силы, что мы не ведаем, что творим. И это довольно близко к истине, а они начнут нас поправлять.

— Что значит «поправлять»? — невесело спросил Вадим.

— Кто-то, наверное, будет нас защищать, а другие, мягко скажем, — мешать.

— Ты хочешь сказать, нас убьют? — спросила догадливая София.

— Это и есть «плохая» новость, — засмеялась Ольга. — Ты направишь барону Анри депешу: «Переговоры прошли в духе взаимопонимания. Мы высказали озабоченность. Нас послали. Мы возразили. Нас съели».

София улыбнулась. Похоже, она приняла решение.

— Тебя, пожалуй, съешь. Я поддерживаю поездку в Каир. Закажу самолёт на завтра.

— Кто же сделал волшебную статую? — вспомнил Андрей. Он притащил из буфетной гигантский арбуз и сейчас пытался разрезать его огромным ножом.

«Ты-то куда лезешь», — подумала Ольга. Она еще не решила, как вытащить его из заварухи. Почему-то было жалко расставаться с чудаком.

Андрей яростно вгрызался в мякоть, красный сок стекал по губам.

Ольга смотрела. Вот, невинная кровь бестолкового, но безвредного агнца, оказавшегося в их компании просто в силу стечения неумолимых обстоятельств. Вряд ли парень планировал идти на крест. Хорошо, что не убила, дура такая. А ведь хотела... Что же теперь с ним делать? Может, забрать с собой?.. Надо ещё убедить в этом остальных. Труднее всех будет с Вадимом. Облизав губы, ответила:

— Какой-нибудь предок нашего хозяина. Колдун, скорее всего. Ворожил помаленьку. Сделал статую и общался с демоном. А дети нашли волшебную скульптуру, как Аладдин — лампу.

Андрей с восторгом смотрел вокруг. На лице читалась мысль, что он первый раз видит людей, которые летают на частных самолётах и снимают для жилья замки.

Максим хлопнул его по колену.

— Есть тайны, которые лучше не разгадывать, — весело сказал он. — Гостиница оплачена на неделю вперед, так что можешь жить здесь. Арендованный джип мы тоже оставим, толь-

ко придётся проехать с нами до аэропорта, а вернёшься уже сам. Разберёшься с левосторонним движением? О нашем приключении постарайся забыть. Хорошо?

— Конечно. О каком приключении? — ответил понятливый Андрей.

— Будь добра, разбуди хозяина. Живым, пожалуйста... — очень вежливо попросил Максим.

— «Калды-балды», — милостиво согласилась Ольга. Сегодня ей почему-то никого не хотелось убивать. Заболела она, что ли?

Хозяин проснулся, удивлённо глядя перед собой:

— Похоже, голова закружилась.

— Бывает, — отметил Максим. — Вот у меня приятель один раз выпил чуть больше нормы...

Разговор принял обычный характер.

Ночь прошла без приключений.

Природа не баловала разнообразием. С утра опять моросил дождь. Ольга проснулась с ощущением, что вот-вот должно произойти что-то ужасное.

После завтрака, который прошёл на удивление гладко, все собрались и загрузились в машину. За руль села София, рядом с ней посадили Андрея, чтобы привыкал к левостороннему движению.

— Ты езжай осторожней, — негромко сказал Максим, но Ольга услышала.

— В чём дело? — так же тихо спросила София.

— У меня какое-то нехорошее предчувствие, — Максим выглядел смущённым.

Ольге не нужно было подтверждения своим мыслям, она и так знала, что что-то злое и страшное приближается к ним, с каждым мгновением сокращая расстояние.

Дорога петляла среди холмов. Впереди небо осветила молния, через несколько секунд ударил гром. Дождь то усиливался, то почти прекращался. Дорога была пуста.

Ольге, которая сидела в центре заднего сиденья, было хорошо видно, как дворники бешено тёрли ветровое стекло, за которым на них бежала серая полоса асфальта, покрытого взры-

вами дождевых капель. И вдруг она увидела, как за пеленой дождя дорогу перебежало несколько маленьких существ.

«Кролики, — с облегчением узнала Ольга, но сердце почему-то тревожно сжалось. — Вот оно. Началось», — поняла девушка.

Тут за первыми кроликами появились ещё. Странно, но они не убегали с дороги, а усаживались прямо на шоссе, глядя на несущийся на них джип. Через пару секунд их было, наверное, не менее сотни, и вся дорога теперь шевелилась серебристыми шкурками, мокрыми блестящими глазками и множеством вертикально поднятых ушек.

Ольга даже не успела ничего крикнуть, как София резко нажала на тормоз. Раздался кошмарный визг, и неуправляемую машину повело в занос по мокрому шоссе — сначала на встречную полосу, а затем прямо к обрыву.

— Ты что? — заорал Андрей, пытаясь правой рукой выправить руль.

— Кролики! — кричала София.

Противно заскрежетало железо полосы ограждения, царапая борт. Каким-то чудом тяжёлый джип вновь оказался на дороге, стремительно врываясь в массу неподвижно сидевших животных.

— Прекрати тормозить! — орал Андрей. — Какие, к чёрту, кролики?

Возможно, что-то в его голосе подействовало на Софию, да и руки у скульптора неожиданно оказались неслабыми.

Чудом машина вышла из заноса и, пролетев по толпе зверушек, остановилась прямо на разделительной полосе.

Все с ужасом обернулись назад. Сзади было кровавое месиво. Среди растерзанных телец копошились чудом уцелевшие зверьки, при этом почему-то даже не пытавшиеся убежать.

— Господи, что я наделала! — закричала София. — Бедные зайцы!

Она попыталась открыть дверь, чтобы выйти наружу. Но от волнения не могла найти ручку и продолжала просто толкать дверь плечом.

— Какие зайцы? — изумлённо повторял Андрей. — Ты сошла с ума! Там нет никого.

Ольга смотрела назад, на жуткую, пенящуюся под дождём лужу крови с комками мохнатого мяса. «Спагетти с кроликом в томатном соусе», — почему-то подумала она. Но на краю сознания отчётливо прозвучало сказанное Андреем «Там нет никого». Эти слова, словно ключ, вошли в какую-то нужную точку мозга.

И тут Ольга поняла жуткий смысл происходящего. Ничего не кончилось. Всё только начиналось — они попали в умело расставленную западню. Мир вокруг застыл, словно в кошмарном сне, когда надо бежать, а ноги вязнут в чём-то липком. В её голове монотонно стучали далёкие барабаны. Их звук быстро усиливался, и Ольга с ужасом осознала, что это не барабаны.

— Все сидят в машине. Никто не выходит. Соня, отъезжай в сторону! — бешено закричала она. — Быстро в сторону!

Её голос был настолько страшен, что София не раздумывая нажала на газ, вывернула руль, и только успела тронуться с места, как навстречу из-за поворота с рокочущим грохотом выскочил огромный грузовик. Он сверкал глянцевой чёрной краской, никелированными, отливающими в синь частями радиатора и яркой белой надписью на боку, из которой Ольга успела разглядеть лишь несколько букв: «...ORTN...». Гигантские колёса вертелись словно безумные жернова, пытающиеся перемолоть асфальт. Частью своего корпуса он оказался на разделительной полосе, где только что была их машина. Раздался «чпок» — это отлетело боковое зеркало джипа, срезанное бортом грузовика. Он пронёсся мимо них, оставляя за собой пелену брызг и быстро тающий дизельный выхлоп. А ещё привкус смерти. От неминуемого столкновения их отделило несколько сантиметров.

«Нас спасла даже не секунда, а какие-то её малые доли», — подумала Ольга.

София выехала на левую обочину, заглушила двигатель, и все выскочили, изумлённо оглядываясь вокруг. Сзади было только шоссе. Никакой крови, тушек кроликов и прочих жутких следов. Лишь серый, чисто вымытый дождём асфальт.

— Что это было? — ошеломлённо спросила она. — Кто видел кроликов на шоссе?

Оказалось, что кроликов видели все. Кроме Андрея.

— Я, кажется, понимаю, что происходит, — угрюмо сказала Ольга. — То, чего и следовало ожидать. Некие силы начинают прессовать нас. Даже непонятно, как мы выбрались из этой ловушки.

— Похоже, Андрей спас всех, — заметил Максим. — Но почему он не видел кроликов?

— Наверное, эти силы не воспринимают его всерьёз. Может быть, даже не видят его, — Ольга выглядела обескураженной.

— И что это значит? — поёживаясь, как от озноба, спросила София.

— Это значит, что Андрей нам действительно нужен, — нервно сказала Ольга, озвучивая свою задумку. — Признаю, была неправа, считая его пустым баластом и ненужным свидетелем.

Она хорошо предвидела, что последует дальше. Теперь группа сообразит, что следует тащить Андрея с собой. С одной стороны, всё выходило так, как она хотела. Парень был забавный, с ним было весело и даже интересно. Однако Ольга почему-то ощущала внутреннее неудобство: «Неплохой же, в сущности, тип. Пропадёт ни за грош». Для Ольги это было очень необычное чувство — чувство жалости. Это означало серьёзный сбой в характере. «Возможно, в загробном мире я подцепила какой-нибудь потусторонний грипп. Сидром адской сентиментальности. Вот и сочувствую похотливому клоуну. Все парни неплохие, пока обстоятельства не сдавят им яйца...»

Но вслух она продолжала:

— Андрей! Я извиняюсь и в знак добрых намерений обещаю выполнить три твоих желания.

Андрей ошалело смотрел на всех.

— Какие три желания? — наконец спросил. Видимо, эта часть беседы была ему наиболее понятной.

— Любые, — сказала Ольга, плотоядно облизнув губы.

— Ничего, если я прерву вас? — встрял Максим. — Похоже, наши планы меняются. Вернее, твои планы, — сказал он Андрею. — Слушай, дружище, ты, оказывается, действительно нам нужен. Поехали с нами. Обещаю, что приключений будет

с избытком, значительно веселее, чем впустую кататься пьяным по озеру. Это будет самым необычным отпуском в твоей жизни.

Андрей удивлённо смотрел на всех.

— Ой, правда, — мягко попросила София. — Частные самолёты, замки, президентские люксы. Когда такое представится?

Ольга с удовлетворением отметила, что её манипуляция общим сознанием прошла успешно. Все выполнили её задумку как само собой разумеющееся.

— И не забудь про три желания. — Она отмахнулась от мысленного образа: забавный толстенький котёнок в руках безжалостных детей. Выживет или затискают насмерть?

Андрей на секунду задумался.

— А выбор у меня есть? — тихо спросил он, показав, что понимает суть ситуации.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы я сказал это вслух? — уточнил Максим.

— Понятно, — усмехнулся Андрей. — А что потом?

— Кто знает, что ждёт нас всех потом, — сказала вдруг София.

Андрей устало провёл рукой по лбу, словно смахивая неприятную мысль.

— Ну ладно. Разворачивайте машину. Возьму свои вещи.

На всякий случай за руль сел Вадим. Максим устроился рядом. Похоже, ребята решили быть начеку, да заодно и притушить возникшую между ними вчерашнюю искру.

Андрюшку посадили назад, между девушек. Сидеть было тесновато, и Ольгу прижало к его пухлому бедру.

Теперь все повеселели. Возможно, это была нервная реакция, но говорили быстрее и громче, чем обычно.

София рассказывала, как в детстве велосипедом раздавила уточку.

— Рыдала весь день. А пушистые кролики — это ещё хуже.

Сегодня спутники показались Ольге человечнее и добрее, чем накануне. Зверей любят. Прислушалась к незнакомым ощущениям внутри тела. Странно, но было хорошо. На этой небывалой волне любви к окружающему миру решила погово-

рить с Андреем. Нехорошо, когда гибнут беззащитные уточки, кролики и гениальные скульпторы. Хотелось извиниться, что затащила его в мир, не предназначенный для обычных людей.

— Всё будет хорошо, — максимально доброжелательно попыталась донести она. — Тебе понравится...

— Что?

— Всё.

— И три желания выполнишь?

— Конечно.

— Ох, я мужчина с фантазиями, — негромко сказал Андрей, пытаясь выплыть в привычное русло общения со слабым полом.

— Смотри не разочаруй.

«Какой он смешной и наивный в своих детских попытках заигрывать со мной, — подумалось Ольге. — Надо как-то предупредить его. Пока ещё не поздно».

— Теоретически я — не добрая, — неторопливо пояснила она. — Хотя это не совсем так. На практике я очень злая, — провела пальцем по как всегда плохо выбритой щеке скульптора.

— Мне это нравится, — неуверенно ответил Андрей. Наверное, он понимал, что богатый опыт общения с нежным полом в данном случае может подвести. Сейчас его зашвырнуло в бешено скачущий мир, который, к тому же, ещё периодически переворачивается вверх тормашками.

— Храбрость — это отмороженная трусость, — ответила Ольга, прочитав его мысли.

ЧАСТЬ 3.

ВАДИМ

ГЛАВА 1.

В КОТОРОЙ МЫ ПОПАДАЕМ В КАИР, ОЛЬГА РЕШАЕТ ВСТРЕТИТЬСЯ С БОГОМ ГОРОМ, А ВАДИМ ИЩЕТ МЕСТО С ПЛОХОЙ РЕПУТАЦИЕЙ

Чёрный глянцевый лимузин вёз их по грязным улицам Каира. Водитель сидел выпрямившись, будто проглотил аршин. Над воротником тёмно-синего костюма — ослепительно-белоснежная рубашка. Герб отеля гордо блестел на форменной фуражке. Безукоризненная белозубая улыбка сияла.

Вадим чувствовал раздражение. Царь Соломон не понимал в жизни четырёх вещей: пути орла в небе, змеи на скале, корабля в море и пути мужчины к сердцу женщины. В отличие от мудреца, у Вадима была лишь одна загадка: как Андрей смог вползти в душу Ольги? Соломон проигрывал со счётом 4:1.

Женщины — странные создания. В их непостижимой душе быстроногий Ахиллес не может догнать медленную черепаху. Пока он мгновенным рывком настигает её, та делает шаг. Вновь герой молниеносно покрывает крохотное расстояние, но за эту долю секунды рептилия неторопливо совершает микроскопическое движение вперёд. И так бесконечно. В любви сплошь и рядом черепашка побеждает героя. Но загадка не только в этом. Зачем великий герой продолжает соревноваться с убо-

гой зверушкой? Плюнул, пошёл и запел. Сварил бы черепаховый суп, в конце концов.

«Нет причины злиться», — успокаивал себя Вадим. Между ним и Ольгой давно нет любовных отношений. Просто напарники. Но кто сказал, что ревности нужна любовь? Ревность — самое типичное для человека чувство, поскольку её основа — эгоизм. Человек состоит не из атомов, он соткан из эгоизма, который создаёт всё остальное.

Эгоизм — фундамент этого мира, отсюда и физические законы. Звезда подтягивает к себе всё, до чего может дотянуться своим полем, ревнует космос, как бизнесмен ревнует деньги, а политик — блага и популярность. Даже монах-отшельник, погружённый в пост и молитву, ревнует к Богу. И есть только одна альтернатива ревности — любовь. В этом ненормальном чувстве человеком движет альтруизм, готовность жертвовать всем ради другого. Любовь — опасная болезнь. Она редко бывает длительной, оканчиваясь либо смертью, либо выздоровлением, когда человек вновь становится эгоистом.

Руки чесались прикончить Андрея. Хотя не по-мужски это. Всё равно что разбить голову крохотной беззащитной морской свинке.

Вадим откинулся на спинку сиденья, расслабляя напрягшиеся мышцы.

София, с интересом вглядываясь в тонированные окна их лимузина, заметила:

— Послушайте, почему города, где мало полиции, чисты и красивы? И наоборот, там, где битком патрульных машин, лучше не задерживаться?

Ответил Максим:

— Кажется, в Древнем Китае существовала поговорка, что преступность процветает именно там, где с ней наиболее настойчиво борются.

Вадим несколько раз был в Каире. Пожалуй, грязи и неразберихи стало больше. Что они здесь делают? Теория Ольги не убеждала. Рассуждения о детях индиго, взаимодействующих с демонами из потустороннего мира, казались ему туманными. Словно полотно абстракциониста в музее. Пояснительная та-

бличка сбоку утверждает, что здесь нарисована река перед грозой, но на картине лишь скопление квадратов и кривых линий.

Вадим любил конкретные задания. Если бы поручили привезти Мэри и Джона обратно в Шотландию, справился бы за один день. Допросить и закопать их в египетской пустыне — за полдня. Сейчас ему открыта лицензия на любые действия. Вадим мысленно улыбнулся. Можно прикончить Андрея, а заодно и своих спутников, взорвать пирамиды, устроить революцию и во главе армии экстремистов верхом на белом верблюде поехать освобождать Ватикан от неверных. В конце концов, убивать — это лучшее, что он умел делать. Убивать ради мира, лгать во спасение, страдать во благо, пить за здоровье. Всё это враньё подсовывают с детства, чтобы посадить с головой в дерьмо. Да ещё и убедить, что окунули в целительную грязь.

Фигурка дервиша, укреплённая на панели у ветрового стекла, качнула головой, соглашаясь с его мнением.

«Спасение мира — скорее психологическое состояние, а лишь потом прыжки с самолёта и другие подвиги. Поэтому один считает, что осчастливливает человечество, а другой — что просто убивает людей за кучу денег. Мы четверо думаем, что спасаем мир. Но наверняка те, кто направлял самолёты на башни-близнецы или шёл крестовыми походами освобождать никогда не существовавший Гроб Господень, тоже были убеждены, что делают благо в глазах Господа. Чем мы отличаемся от них? Там религия и деньги. У нас — барон Анри и те же грёбаные деньги».

— Андрей, пошёл бы со мной освобождать Гроб Господень? — Вадим развернулся всем корпусом с переднего сиденья и взглянул в глубину просторного салона. К черепашке хотелось привязаться. Перевернуть её на панцирь. Пусть поболтает лапами в попытке подняться.

Ольга не дала ответить, понимая, что невинная дискуссия может принять нежданный оборот.

— Он тебя разыгрывает. В древнем Иерусалиме не существовало гробов, хоронили просто в пещерах.

Вадим раздражённо кивнул:

— Приз отправляется знатокам!

Он вновь погрузился в мысли, которые неторопливо ползали по извилинам мозга, словно улитки по стенкам аквариума.

«Русский вариант Джеймса Бонда с неопределённым заданием — это Иван-дурак, который должен пойти туда, не знаю куда, и доставить то, не знаю что. Может, никто на человечество не нападает, кроме него самого. А барон Анри и его „могучая кучка“ — просто развлекающие сами себя сумасшедшие, обезумевшие от богатства и могущества и сатанеющие от собственной святости. Они вербуют талантливых экстрасенсов из мировых спецслужб, вроде Максима или Софии, или находят самородков-одиночек вроде нас с Ольгой. А мы уж рады стараться, помогаем им весело играть. Интересно, воспринимают ли они серьёзно всё происходящее? Или устроить „арабскую весну“ — для них то же самое, что подложить гостю подушку-„пердушку“. Так, чисто поржать и неожиданно появиться в карнавальных масках с криком „Розыгрыш!“. Хотя чем игра, в которую режутся лидеры мировых религий, отличается от забав барона Анри? Там тоже деньги и неподкреплённая фактами уверенность, что Бог что-то поручил именно им. Так устроена жизнь: то, что кажется ясным, на поверку оказывается совершенно другим. Смотришь под одним углом — видишь правду, чуть повернул взгляд — и понимаешь, что вокруг самая отчаянная ложь. Быть внутри выстроенной кем-то иллюзии — и есть жизнь».

Вадим вытер капельки пота со лба. В машине было тепло, несмотря на усилия кондиционера.

Въехали на современную развязку висящих в воздухе эстакад, под которыми вызывающе расположились трущобы, всем видом показывающие, что главные здесь они. Правил движения для немногочисленных машин не существовало. Прямо перед ними раздолбанный «Фиат» рванулся с третьей полосы вправо, так, словно хотел окончить жизнь под колёсами их лимузина. Противно взвизгнули тормоза, но столкновения не произошло. Водитель замысловато выругался по-арабски, ловя рукой соскальзывающую на лоб фуражку. Слова не предназначались для ушей женщин, и в них явно отсутствовали цитаты из Корана.

Вадим взглянул на шофёра. Того, похоже, не удивлял бардак на дорогах. Впрочем, здесь привыкли ничему не удивляться. Каждый день происходили беспорядки по поводу жертв вчерашних беспорядков и стычек с полицией. В результате появлялись новые пострадавшие и новый повод для взаимного насилия. Политическая ситуация менялась так быстро, что члены правительства время от времени с ужасом обнаруживали, что они не на той стороне. Лидеры сменяли друг друга, но, поскольку образ мышления людей не менялся, люди голосовали, не допуская к власти никого способного улучшить их жизнь. Народ не любил честных, миролюбивых и демократически настроенных политиков. Каждый желал сильного лидера, способного железной рукой устранить несправедливость. Все знали, что несправедливо, когда у соседа больше денег, лучше работа, комфортнее дом, красивее жена. А справедливо наоборот, когда у кого-то меньше денег, дом хуже и жена — уродина.

Людьми умело манипулировали. И делали это не только политики, религиозные, военные и прочие человеческие группы. Если распутывать клубок сначала, то, как сказано в мудрой книге: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога...». Так что именно Господь дёргает за все эти ниточки, конечно, руками людей. Того же барона и всех остальных. Вадим прищурился:

— Не понимаю, зачем сюда притащились. В этой стране беды начались не две недели назад. Судя по публикациям в Ветхом Завете, беспорядки возникли ещё при Моисее.

— Всё так. Но думаю, именно в последние дни в голове большинства египтян появилась мысль: «Да гори огнём весь этот долбаный мир!» — мрачно предположила Ольга. — Верный путь к мировой войне.

— Ох. Это будет самый плохой из возможных вариантов, — согласилась София.

— А Богу, может быть, нравится, — гнул свою линию Вадим. — Здесь началась человеческая цивилизация, и здесь же закончится.

Они медленно проезжали среди бесчисленных полицейских кордонов.

Вадим устал от невесёлых дум и хотел просто принять душ и поесть.

Где-то далеко сзади послышался вой сирен. Он приближался. В боковое зеркало увидел, как их настигает несколько полицейских машин с голубыми вспышками мигалок.

Едут за ними? Он был полностью согласен с Ольгой: если потусторонние силы начали нападать, то они не успокоятся. И, безусловно, на смену зайцам придёт что-нибудь более интересное. Возможно, сейчас это и происходит.

Но машины — их было не менее восьми — пронеслись мимо на бешеной скорости. За ними, также завывая, промчалось три автомобиля скорой помощи. Следом, словно рыбы-прилипалы за акулами, ехали два жёлтеньких микроавтобуса с телевизионщиками. Немногочисленные грузовички на автостраде испуганно жались в сторону.

— Наверное, в городе опять что-то произошло, — заметил Максим.

Неожиданно шофёр тормознул. Дорога впереди оказалась перегорожена. Несколько угрюмых полицейских решительными жестами направляли машины в боковую улицу для объезда. Шофёр лимузина, опустив стекло, попытался было вступить с ними в дискуссию, которая, однако, сразу не сложилась. Толстый, покрытый потом страж закона ткнул в их сторону автоматом, свирепо приказав сворачивать в гости к чьей-то маме. Лимузин медленно съехал с автострады и нехотя вполз в узкую грязную улицу. Теперь они тащились среди трущоб.

— Не стоило сюда забираться, — предупредила Ольга. — Жди неприятностей.

— Жду, — серьёзно ответил Вадим.

Постепенно их затягивало в водоворот. Пока они ещё были на периферии, где события происходили с относительно невысокой скоростью. Но что будет, когда они окажутся в центре зияющей, бешено крутящейся воронки, улетающей в неразличимую глубину? И что окажется там?

Уличные торговцы пытались привлечь внимание, высоко поднимая товар и даже пытаясь бежать за машиной. Это хоро-

шо. Египетская пословица гласит: «Если вам пытаются что-нибудь продать, значит, вы ещё не мертвы».

В этом квартале лимузин выглядел словно заблудившаяся девушка-туристка в мини-юбке на высоких каблуках. Приключения поджидали ее хрупкую попку с неотвратимостью наступления темноты после захода солнца. Вадим не надеялся, что повезёт, и не был разочарован, когда за очередным поворотом дорогу перегородила толпа.

Увидев необычных гостей, люди двинулись навстречу. В выражении их лиц была какая-то одинаковость. Иступлённое безумие соседствовало с механической однообразностью движений тела. Они наступали, словно зомби. Вскидывали руки с сжатыми кулаками. Угрожающие жесты повторяли чёрные тени, толпящиеся перед ними на дороге.

Стёкла лимузина не пропускали звуков, и от этого надвигающаяся в тишине людская масса выглядела зловеще.

Вадим вспомнил, как в детстве, играя в войну, строил армию пластиковых солдатиков: на нарисованных лицах был такой же экстаз. Не надо думать, делай как все. Теперь ты — лишь часть огромного организма, который неуязвим, непобедим и невероятно силён.

Большинство из наступавших были мужчины, но присутствовали и женщины, с ног до головы закутанные в чёрные покрывала и казавшиеся какими-то жуткими фигурами из ночного кошмара. Видны были только глаза, сияющие мрачной ненавистью.

Главный бородач что-то возбуждённо внушал своим собратьям, показывая на их машину. Чувствовалось, что блестящий чёрный лимузин с затемнёнными стеклами, внутри которого сидят богатые бездельники, жирующие на украденные у народа деньги, злил до крайности.

Вадим повернулся к шофёру:

— Не останавливайтесь!

Правила выживания в экстремальной ситуации гласят: с разъярённой толпой не вступают в переговоры. Машине необходимо двигаться. Пусть медленно, но всё время двигаться. Даже если придётся наехать кому-нибудь на ногу. Он понимал,

что шофёр, скорее всего, не выполнит это требование. Ведь перед ним были люди, такие же, как он. Среди них могли быть знакомые, друзья или братья.

Так и случилось. Водитель остановил лимузин и, не заглушив двигатель, вышел. Темпераментно принялся объяснять предводителю, что везёт туристов, гостей страны. Назвал отель, гордо ткнул в кокарду.

Звуки толпы ворвались в салон. В них чувствовалась вскипающая агрессия. Так исподволь закипает молоко: секунду назад всё было под контролем, и вдруг яростная пена перехлёстывает через край. И дело было не в словах и криках. На восточном базаре орут и громче. Но здесь господствовало первобытное зло и жажда убийства.

«Дело дрянь. Хотя, бывало и хуже», — подумал Вадим, перебираясь со своего сидения за руль. Захлопнул дверь. Наступила жуткая тишина. Краем глаза он заметил, как водителя ударили. Тот уже потерял весь лоск. Схватился за лицо, упал, сразу оказавшись погребённым под бесновавшейся толпой. Он страшно кричал, захлёбываясь болью.

Люди незамедлительно облепили машину, словно неосторожного жука, заползшего в растревоженный муравейник. Лица прижимались к затемнённым стёклам, пытаясь разглядеть, что внутри. Разверстые рты с гнилыми зубами, мутные глаза, угрожающие жесты. Вот раздались первые удары по стеклу.

— Нужно ему помочь, — Андрей с надеждой смотрел на спутников, похожий на ребёнка, верящего во всемогущество родителей.

— Хочешь помочь — выходи, — жёстко бросил Вадим.

Он резко нажал на газ и врезался в толпу. В первое мгновение люди не поняли, что происходит, и лишь когда раздались вопли боли, толпа в ужасе расступилась. Палки и кулаки, словно град, стучали по стёклам и корпусу, но машина, ускоряя своё движение, всё увереннее двигалась вперед. Несколько человек попытались вскочить на крышу, но удержаться на гладкой движущейся поверхности удаётся лишь героям кинобоевиков.

Другое правило выживания гласило: чтобы победить толпу, нужно внушить, что ты ещё больший отморозок, чем они все. Здесь Вадиму не надо было даже стараться: люди отлетали как кегли, и всем было понятно, что внутри сидит злой и безумный шайтан. И через пару мгновений они проскочили.

— Бог нас любит, — заметила Ольга, до этого хранившая молчание.

— Ага, — согласился Вадим. — У Бога много трюков. Мы влезли в чьё-то осиное гнездо. Пока там все жужжат, просто чтобы держать нас в тонусе, а вот что будем делать, когда начнут жалить...

— Опрыскаем дихлофосом, — зло выдохнула Ольга.

«Это ты сейчас такая храбрая, — подумал Вадим. — Нам противостоят такие силы, о которых людям ничего неизвестно. Мы заплыли в открытый океан, да ещё нарочно порезались, чтобы запах крови привлёк внимание тамошних обителей. Можно сказать, они уже собираются на этот запах...»

Они ещё немного поплутали по тесным улицам городских трущоб, но довольно скоро оказались на шоссе у набережной. Здесь было чисто и спокойно. Несмотря на усилия простых людей, гостиницы в Каире работали. Подъехали к сверкающей стеклом башне отеля на берегу Нила.

Гостей у входа было значительно меньше, чем многочисленной и вооружённой охраны. А вместо портье к машине подбежали несколько высоких парней, несмотря на жару, упакованных в тёмные костюмы. Из их ушей лапшой вились провода переговорных устройств, ныряющие под воротник рубашек.

Вадим быстро объяснил ситуацию.

— Уже в курсе, — жизнерадостно подтвердил высокий крепыш с рацией. — У нас здесь невесть что творится. Слава Аллаху, вы живы! Произошедшее — результат ошибки шофёра. Но вы действовали на редкость профессионально, — с уважением отметил он.

— Шофёр жив? — спросил сердобольный Максим.

— Жив, но сильно помят. Его доставят в больницу.

Вадим подумал, что, судя по осведомлённости, от аэропорта за ними следили. От филёров не жди помощи в случае серьёз-

ной заварушки. Ведь они действуют как маньяки-вуайеристы, лишь фотографируют события издалека.

— Здесь так много охраны? — поинтересовался Андрей. — Кого они боятся?

— Нас, — буркнула Ольга.

Судя по светящимся от счастья лицам персонала гостиницы, построенного в две шеренги, их президентские апартаменты бронировали из секретариата Небесной Канцелярии.

Гостей провожал лично директор, непрерывно прославляющий этот счастливый для него, его близких, а возможно, и всех египтян день. Из монолога следовало, что с момента своего рождения он приближал этот час праведной жизнью и молитвами. И теперь, наконец, получил заслуженное вознаграждение.

Комнаты располагались на верхних этажах небоскрёба. Их огромные размеры и запутанная планировка предполагали, что постояльцы будут находить друг друга по мобильному телефону. Панорамные окна позволяли видеть Нил и далёкие пирамиды.

Ужин предложили сервировать в роскошной столовой. Представленное меню показывало, что повар жил и учился во Франции, и его разум ещё продолжал там находиться.

Вадим подумал, что, при всём уважении к шедеврам европейской кухни, сейчас хотелось восточного колорита.

— Позовите нам шеф-повара, — попросил он. — Возможно, после еды мир станет лучше, добрее.

— С чего бы это? — мрачно сказала Ольга.

Шеф появился через минуту. Это был крупный человек с огромным носом и чувством собственного достоинства.

Вадим знал арабский, но шеф с удовольствием показал, что французский для него не менее родной.

— Нам хотелось бы чего-нибудь местного, приготовленного по-домашнему, — объяснил Вадим.

— Конечно, — обрадовался шеф. — У меня прекрасные лобстеры, фуа-гра и устрицы.

— Возможно ли получить молодого барашка, приготовленного в печи целиком? С местными ароматными травами? — Вадим протянул шефу купюру в двести евро.

— У меня просто нет достаточно времени, — заволновался шеф. — И барашка...

Вадим протянул ещё такую же купюру. Шеф вспотел. Чувствовалось, как его мозг лихорадочно работал, а планы на вечер начали меняться. Наконец он решился:

— У моих знакомых в городе сегодня праздник. Кажется, там готовят нескольких барашков. Обменяю одного на лобстеров.

— Но вино пусть будет французское, — уточнил Вадим.

— Дам вина, которым угощал президента, — тихо сказал шеф, с обожанием глядя на щедро дающую длань Вадима. Тот не стал его разочаровывать и протянул ещё купюру.

Шеф вспомнил арабский и воздал хвалу Аллаху. Затем поспешно, не поворачиваясь спиной, сделал шаг назад. Он отвешивал частые поклоны во все стороны — Вадиму и его спутникам, столу, стенам, картинам, колоннам и пятился таким образом к двери, где исчез, словно Енох, вознесённый на небеса за праведность.

Ужин не подкачал. Барашек таял во рту, прощально хрустя горько-солёной корочкой. Хлебные лепёшки, горячие и воздушные, отправлялись следом. Пряные травы будоражили вкусовые рецепторы незнакомыми запахами. Вино, терпкое и густое, с ароматом вишни и можжевельника, оставляло коричневый маслянистый муар на стенках бокалов и счастье в глубинах желудка. Вадим подумал: «В принципе, человеческий род не так уж плох. И если он погибнет, то земля будет напоминать сброшенное женское платье. Только что оно было полно привлекательной жизни, а вот теперь ничего не осталось, кроме лёгкого аромата духов».

После ужина все в отличном расположении духа собрались в кабинете Софии. Возможно, проснувшаяся любовь к человечеству требовала заняться наконец делом, чтобы оправдать надежды и ресурсы, выделяемые им. Андрея решили оставить наедине с баром.

Пальцы Софии молниеносно порхали по экрану компьютера.

— Свет мой, ноутбук, скажи и всю правду доложи. Где Джон и Мэри?

После небольшой паузы заклинательница обрадованно проговорила:

— Ага. Были на прошлой неделе в Каирском музее, у стеллы Откровения, посвящённой богу Гору. Причём на камерах видно, что с ними ещё кто-то. Молодые мужчина и женщина. Сейчас попробую идентифицировать фотографии.

София удовлетворённо воскликнула:

— Есть. Нашла. Я ль на свете всех умней?

— Ты! — с энтузиазмом подтвердил Максим, за отсутствием чудо-зеркальца.

— Говоришь неубедительно. Мало искреннего восторга... Вот. Нашла. Эти люди — работники музея, гиды. Мужчину зовут Мухаммед, женщину — Зейнаб. Вот это странно... — София задумалась.

— Что там?

— «Всех, кто были на прошлой неделе, давно уже съели...» — медленно проговорила София. — Я смотрю полицейские сводки происшествий. Десять дней назад Мухаммед Ханиф и его жена Зейнаб попали в больницу с множественными травмами головы и тела. И через день умерли.

— Не может быть! — воскликнул Максим.

Вадима удивила его эмоциональность: неужели не привык, что каждый день в мире умирают люди?

— Жизнь умеет состроить козью морду. В полицейском докладе указано: они были ранены во время беспорядков у Каирского музея. Эти события показывали в новостях по всему миру. Хулиганствующая толпа пыталась ворваться в здание. Имелись жертвы.

Вадим не любил смотреть новости. Редакторы из кожи вон лезли, чтобы каждый день сообщить людям что-то невероятно важное, что не имело никакого отношения к действительности. Никогда не случалось, чтобы телеведущая честно призналась, глядя в телеэкран: «Понятия не имею, о чём вам рассказывать». Но хватит эмоций, пора о деле.

— Что такое «стелла Откровения»?

София подняла глаза от компьютера:

— Понимаешь, вроде бы просто кусок плиты с рисунками и текстом. Но её использовал Кроули для какого-то обряда. Мо-

жет быть, нам тоже надо постоять перед ней? — София продолжила внимательно вглядываться в монитор. — Ещё Джон и Мэри были в Гизе и входили в пирамиду Хефрена. Понятия не имею, что сейчас делать...

— Знакомая пирамида. Давайте подождём до завтра. Думаю, нас направят в нужное место, — предложила Ольга.

— Тебя точно направят... — кивнул Вадим.

Все промолчали.

— Принято? — Ольга оглядела присутствующих.

— Да! — поддержал Максим.

— Нет! — сказал Вадим. У него возражений было не меньше сотни.

— Единогласно! — подвела итог София.

Вечер был свободен, и всем хотелось прогуляться. Лучше где-нибудь в старом Каире, почувствовать атмосферу мистического Востока. Вадиму, как знатоку местного колорита, поручили организовать вечернее приключение. Все пошли собираться.

Вадим обнаружил Андрея там, где и его оставили, — в баре. Тот сидел в глубокой задумчивости, уставившись в пустой бокал.

— Откуда так классно знаешь арабский? — спросил уже изрядно пьяный скульптор.

Вадим не стал объяснять, что давно работает по Востоку, «вскрывал» охрану дворца Каддафи. Ночью, в одиночку. Потом никто толком не смог объяснить, что за загадочный счастливый случай помог повстанцам спокойно войти в здание, которое долго и безрезультатно осаждали. В прессе выдвигалось предположение, что помогли спецслужбы европейских стран или американцы. Тайну замяли.

— Учил. В школе, — невнятно ответил он. — Выпьешь? — спросил, уводя разговор со скользкой темы.

Андрей засмеялся.

— Если когда-нибудь отвечу на этот вопрос «нет», знай: либо я умер, либо это не я. А ещё, — продолжал Андрей, — не хочу встречаться с богом Гором.

— Тебя разве кто-то просил?

— Пока нет. Но сейчас я уже пьян, а через пару часов буду совсем пьян. Потом, скорее всего, перепутаю спальни и окажусь у Ольги, где и проведу остаток ночи.

— Ты уверен? — Вадим начал злиться, но что-то мешало. Может быть, коньяк.

— Конечно. Я же знаю себя. Утром она потащит меня с собой в пирамиды к Гору. У них детская дружба. А я не хочу...

По счастью, Андрей не смотрел на собеседника. Поэтому не видел его глаз. А зря. Они были, мягко говоря, неприятные. Перед мысленным взором Вадима маячил рецепт черепахового супа. Опустить живой продукт в кастрюлю с кипящей водой и, не снимая панциря, варить на медленном огне до готовности. Посолить и поперчить по вкусу...

— Ой! — вдруг вскрикнул Андрей, роняя бокал. — Какой идиот вскипятил коньяк?

Вадим приказал себе успокоиться. Незаметно сделал несколько медленных вдохов и выдохов. Если Ольга что-то задумала, всё равно устроит. И вины Андрея здесь нет. Глупо ревновать бывших любовниц. Секс для многих — нормальное времяпрепровождение, где-то между спортом, едой или сном. И глупо убивать парня просто так. Вот если это будет стратегически полезно... Тогда другое дело. С удовольствием...

Он не любил строить планов. Обычно следовал за течением событий, которые сами складывались так, как надо. Кому надо? Не задавал себе такого вопроса, справедливо полагая, что правильного ответа не существует. Так что с Андреем всё будет так, как уже предрешено: «Аллах забирает души тех, кому пришёл срок умирать».

Спустя полчаса встретился с начальником охраны отеля. После церемонного обмена приветствиями сообщил:

— Мы собираемся в старый исламский квартал Хан эль-Халили. И хотим, чтобы кто-то из местной полиции сопровождал нас.

Через пять минут появился рослый полицейский, простой и добродушный с виду.

— Уважаемый, могли бы вы отвезти меня с друзьями в заведение с очень плохой репутацией, где мы могли бы покурить кальян и как следует расслабиться? — изложил Вадим просьбу. В пальцах он задумчиво вертел магические двести евро.

Рука закона быстро взяла купюру.

— Покурить и расслабиться? Мальчики или девочки нужны? — спросил простой с виду полицейский.

— Нет, только очень «качественный» кальян.

— Конечно, отвезу вас в такое место. И подожду где-нибудь недалеко, чтобы привезти обратно в целости и сохранности. Европейцам вечером там может быть опасно.

— Замечательно. Да благословит тебя Аллах!

— Да будет с нами милость Аллаха!

Ещё через несколько минут караван джипов отъехал от отеля.

ГЛАВА 2.

В КОТОРОЙ ОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ЛИНИИ СУДЬБЫ, ПО КОТОРЫМ НАС ВЕДУТ, ЧРЕЗВЫЧАЙНО ЗАПУТАНЫ

Отец Вадима, православный священник, был большой и красивый, с окладистой чёрной бородой и добрыми глазами, от него вкусно пахло ладаном, воском, табаком и мужским потом. Как пахнет мама, мальчик не знал, поскольку не помнил её. Вадик думал, что мама должна пахнуть яблоками. Иногда казалось, что помнит мягкие женские руки, обнимавшие его, нежные губы, шептавшие ласковые слова. На фотографии, которую видел у отца, грустная молодая женщина с платком на голове была похожа на икону Девы Марии. Отец объяснил мальчику, что мама их «покинула». Что это значило? Умерла? Уехала? На такую тему разговоры запрещались. Так появилась одна из первых тайн, окружавших жизнь ребёнка плотной завесой. А загадочного в его детстве было предостаточно, ведь всё, что происходило в храме, отец так и называл: «таинства».

Они жили в небольшом подмосковном городе. Отец служил в маленькой церквушке, которую до перестройки посещала лишь группа старушек. Старушки Библию не читали и в силу плохого слуха проповеди понимали очень условно.

Отец вечерами вспоминал грустные и смешные истории о своей пастве:

— В конце литургии хор басовито и протяжно пел: «...Всякое ныне житейское отложим попечение». Мои старушки как-то живо засуетились, услышав грозные раскаты божественного требования, и вдруг деловито начали выскакивать к амвону и класть коробочки с печеньем. Я от удивления чуть не уронил дискос и чашу, но довёл службу до конца. Кулинарный холм из печенья получился отменным. После службы отловил одну из бабушек, пытаясь выяснить, что за цирк те устроили.

— Вы же сами велели, батюшка, — объяснила она. — «Отложим по печенью». Мы уж постарались, купили вам побольше. А что, мало?..

Отец рассказывал совсем не весело, от этого и подростку тоже не хотелось смеяться.

— У старушки были грустные и усталые глаза собаки, которая знает, что скоро умрёт, и боится этим огорчить своего хозяина. — Отец помолчал и продолжил, словно оправдываясь перед кем-то на небесах: — Поцеловал и перекрестил. Не знаю, сколько ей ещё жить. Пусть думает, что делает всё правильно.

Он замолчал, переводя дыхание, словно нахлынувшие чувства душили его. Грустно смотрел на сына, приобняв за плечи одной рукой. Вторую мальчик крепко сжал своими ручонками, словно подбадривал, давал силы этому большому мужчине. Вадим любил отца, и от его доброты и их близости внутри разливалось мягкое тепло. Ну и пусть у него нет мамы, зато есть самый лучший в мире папа. Подросток затаил дыхание и застыл, боясь шелохнуться, лишь бы сохранить ощущение этого упоительного момента, не спугнуть суетным неосторожным движением. Ноги затекли от однообразной позы, скоро их закололо тысячами иголок, но он мужественно терпел.

Сидели долго, взявшись за руки, прислушиваясь к упоительному единению, возникшему между ними. Жизнь казалась наполненной счастьем, а потом радости будет ещё больше. Будущее простиралось впереди, как безбрежный океан под ласковым тропическим солнцем. И он знал, что станет как отец: добрым, сильным и великодушным.

Старушки в церкви баловали Вадика и пытались заменить ему мать. Но он чувствовал, что эта любовь была как бы понарошку. У них у всех имелись свои дети, внуки и внучки. Мальчик понимал неравноценность подмены. Маму нельзя заменить, она ждала и любила его где-то далеко, в этом мире или в другом. Когда они встретятся, поцелует её в мягкие губы с запахом мёда, прижмётся плотно-плотно. А она скажет:

— Маленький мой, единственный, вот мы снова вместе. Как я люблю тебя!

— Ты больше не уйдёшь?

— Никогда, — заверит мама. — Мы всегда будем вместе.

— У меня есть шоколадные конфетки, — поделится он самым сокровенным.

Мама засмеётся, и они будут пить чай. Потом придёт папа, обрадуется, обнимет их, и все сядут разговаривать на диван в большой комнате. Вадик примостится между родителями и обязательно станет немного баловаться, кладя голову на мамины коленки, словно маленький. Но его не будут ругать. Потому что, когда счастливы, люди не ссорятся.

Пока же, в ожидании грядущей встречи, с удовольствием питался тортиками и сдобными булочками, которыми угощали его сердобольные старушки. Шоколадно-сдобная диета откладывалась в теле лишними килограммами, и мальчик рос, мягко говоря, пухлым. Детская жизнь проходила в уютном и безопасном мире церкви.

Со сверстниками общался редко. Их интересовало, ходит ли отец дома в рясе, ездят ли они на море и в чём батюшка там купается. Объяснял, что дома отец ходит в чёрном костюме, а купается в рясе.

К семи годам заповедный мир любви и ласковых бабушек рухнул. Вадика отправили в школу, где кличка «Попович» крепко приклеилась с первого класса. Дети жестоки по своей природе и плохо относятся ко всему необычному, нарушающему законы стаи. Вадим был необычен. Он был толстым поповским сынком, уличённым в посещении музыкальной школы, да ещё пользующимся благосклонностью учителей. Атеистически настроенные ученики принялись регулярно поколачивать парня.

После изучения на уроке литературы «Сказки о попе и работнике его Балде» школьники проявили здоровое любопытство и даже научную любознательность, решив экспериментально выяснить количество затрещин, после которых «попович» допрыгнет до потолка. Его били, смеясь и приговаривая: «Жил-был поп, толоконный лоб...». После каждого удара Вадик должен был подпрыгнуть. До потолка не достал ни разу, но после двести сорок седьмого удара потерял сознание и был доставлен в школьный лазарет, а оттуда в больницу, где диагностировали сотрясение мозга. Ещё долгое время его рвало от стихотворений Пушкина.

Другим предметом, который он ненавидел в школе, была история, по мере изучения которой вина «поповича» делалась бесспорной.

Ему доставалось и за Джорджано Бруно, и за Жанну Д`Арк. Когда стали бить за кровавое воскресенье и попа Гапона, Вадик понял: чтобы выжить, надо уметь драться.

Один из друзей отца был тренером по боксу, наставником олимпийской сборной. В спортклубе существовала юношеская секция, куда брали особо одарённых детей. Толстенького и слабого Вадика взяли по блату. Неожиданно для всех у парня открылся талант. За первый год он похудел на десять килограмм, а к восьмому классу оказался плотным жилистым парнем, покрытым сетью точёных мышц, похожих на плотно скрученные верёвки.

За плечами сиял первый юношеский разряд и пара десятков официальных боёв, которые он с блеском выиграл.

«Хорошая генетика и уникальная воля», — объяснил феномен тренер.

В школе кличка сменилась на короткую «Поп», которая звучала достаточно зловеще, поскольку все знали, что Поп бьёт умело и безжалостно. Теперь его никто не трогал. Вскоре Вадима стали величать Алёша-попович, а затем он стал просто Алёша, которого боялись, уважали и с которым стремились дружить.

Как-то Вадим спросил отца:

— Почему дети так безжалостны?

Тот не удивился вопросу. Казалось, что ответ у него уже был. Во всяком случае, говорить начал почти сразу:

— Когда ребёнок рождается, у него ещё нет разума. Им управляет только душа, насквозь эгоистичная. Зря младенцев изображают ангелочками, у них в помине нет крылышек. Пока мы, взрослые, не наденем на ребёнка одежду, сотканную из воспитания, правил, морали и страха перед наказанием, он — чистое творение Господа — безжалостно разрушает всё, к чему прикасается. Ребёнок ломает игрушки, отрывает крылья и лапки насекомым, поджигает котят, просто чтобы посмотреть, как те орут от боли. Детские врачи говорят, что так малыш изучает мир. Но, может быть, ему просто нравится уничтожать всё вокруг. Ведь и для взрослых существуют аттракционы, где можно вдребезги расколотить машину или набить морду кукле с лицом начальника. Но у взрослых страшная основа спрятана за стеной разума, а у детей — всё на виду. Ребёнок будет орать, если ему некомфортно, и плевать, что мама спит. Он не понимает проблем другого человека, не воспринимает чужой боли, не ведает сострадания.

— Ты, священник, хочешь сказать, что божественная душа зла?

— Душа на девяносто девять процентов состоит из дьявола и лишь на один процент из Бога. Смысл человеческой жизни в том, чтобы развить в себе этот слабый росток Бога, это божественное семя, которое вложено Творцом в каждого из нас. Поэтому в Библии сказано, что посланец Бога слаб и немощен: «надломленной тростинки не переломит и дымящего льна не погасит». С крохотным горчичным зерном сравниваются основы веры человека. Но, вырастая, семечко делается деревом.

Вадим задумался. Может ли священник говорить такие вещи? Мысли путались. Отец подошёл к книжной полке и выбрал потрёпанный том:

— Почитай эту книгу — «Повелитель мух». Уильям Голдинг показал, как, попав на необитаемый остров, воспитанные дети, певшие в церковном хоре, превратились в кровожадных дикарей. К сожалению, внутри нас сидит звериная сущность. И это и есть страшный грех, который несёт на себе каждый. Поэтому

и говорят — лишь Бог без греха. Помнишь притчу про «талант» — так в древности называлась монета? Бог вложил в душу каждого из нас свой крохотный стартовый капитал и требует, чтобы мы своим трудом заработали ещё тысячу. А тот, кто лишь сохранит единственный «талант» в своей душе, по словам Иисуса, будет отправлен в ад.

— Зачем Бог сделал нас такими? Он нас не любит?

— Ты любишь нашу овчарку?

— Ну да, — удивился мальчик. — Рекса нельзя не любить. Он верный, ласковый, добрый.

— Конечно, — согласился отец. — Но прежде чем собака стала такой, я воспитывал её. Если собаку не воспитывать, она может вырасти злой, нападающей на всех, включая своих хозяев. Только научив животное страху наказания, можно учить его любви.

— Так и люди, — понял Вадим.

— Ребёнка воспитывают, снижая его жестокость. Но пока дети не имеют никаких барьеров, они безжалостны и циничны. И неслучайно природа сделала их в этот период физически слабыми. Иначе они бы уничтожали всё вокруг себя. Дети — это маленькие животные. Часть из них остаются зверями навсегда, некоторые взращивают в себе частицу Бога, становясь любимыми сыновьями и дочерьми Всевышнего.

Позднее Вадим развил эту мысль: «Те, кто остался животными, имеют лишь страх перед наказанием. Божьим или человеческим. Поэтому до поры сдерживают свою агрессию». Так получилась формула, которой он следовал всю жизнь: «Большинство понимает только силу».

Вадим очень любил учиться. Ему нравилось впитывать новые знания. Безусловно, это было влияние отца. Тот был необычным священником — образованным, уважающим все религии. Зачастую отцу приходилось маскировать свои взгляды перед церковным начальством, поскольку либеральность понималась как ересь.

Он давал Вадиму читать не только святые книги христианства, но и ислама, иудаизма, индуизма и буддизма. Потом они обсуждали прочитанное. К удивлению Вадима, даже его ум-

ный и образованный батюшка не мог ответить на некоторые вопросы.

Почему религии, призванные учить людей любви и милосердию, воюют друг с другом?

И почему каждая считает, что спасётся только её паства?

Почему на божественной литургии молятся только за православных христиан? А другие христиане? А вообще все люди, неважно какой конфессии? Неужели среди них нет достойных?

Как божественная Любовь могла создать ад с его злодейским хозяином, кипящим маслом и раскалёнными сковородками?

Зачем люди должны жить со страхом жуткого наказания за грехи? Получается, что люди поклоняются не Господу, а его силе? Тогда Бог дал людям алгоритм, который те отлично поняли.

При этом Вадим почему-то был уверен, что без внятных ответов на эти вопросы человек не может быть человеком, а всегда будет животным, ведущим себя прилично из страха наказания.

Горбачёвская «перестройка» принесла в маленькую церковь новую жизнь. Появились молодые и богатые прихожане — здоровенные парни в кожаных пиджаках со вспухшими от поклажи барсетками. Старушки поначалу сопротивлялись нашествию «оголтелых», но скоро смирились. Отец всей душой радовался переменам.

В августе 1991 года, когда Вадим окончил девятый класс, случился путч. Президент-реформатор был арестован. В столицу ввели войска, чтобы растоптать зарождающуюся демократию. И группа прихожан маленькой подмосковной церкви во главе со своим пастырем 20 августа отправилась в Москву, защищать новую Россию.

Они приехали к вечеру. Калининский проспект перегораживали баррикады из плит, ржавых труб, арматуры, вывороченных булыжников, автобусов и троллейбусов на спущенных колёсах. Это простые москвичи готовились к схватке с новым режимом. Им противостояли танки Временного правительства. Боевая техника стояла рядом, напротив баррикад, почти вплотную. Все ждали рокового приказа. Странно, но противостоящие силы вели себя корректно, если не сказать дружелюбно, по

отношению друг к другу. Иногда кто-то из оборонцев угощал солдат сигареткой или стаканчиком горячего кофе.

Вадим подумал: что будет, если страшный приказ всё же отдадут? Солдаты, которые сейчас мирно беседуют с защитниками баррикад, начнут давить соотечественников гусеницами?

Он заметил группу с телекамерой, которая снимала происходящее. Наверное, в телевизионной картинке противостояние выглядело намного динамичнее. Особенно когда интервью давал мужчина в пёстром свитере, смутно напоминавший Вадиму какого-то актёра. Тот показывал камере противогаз, который наденет, когда танки пойдут вперёд.

К мальчику пришла странная мысль: всё происходящее — ненастоящее. Словно вокруг съёмочная площадка, где снимают фильм про гражданскую войну. Поэтому детали, которые не попадают в кадр, условны. Например, при ближайшем рассмотрении видно было, что все баррикады игрушечные, сплошное решето, которое насквозь простреливается, и пара автоматных очередей легко уничтожит всех защитников. Эта хлипкая защита не могла служить и препятствием для танков: те проедут, даже не заметив. Но как декорация баррикады смотрелись очень даже неплохо...

Вадим впервые подумал, что наша реальность похожа на увлекательное кино. Мы — персонажи фильма, страдаем и мучаемся, но кого занимают переживания массовки какой-нибудь батальной сцены? Сцена проскочила, и действие идёт дальше. В постановке фильма принимают участие неведомые силы, которым, по существу, безразличны проблемы второстепенных персонажей. Как всегда, съёмочная группа занята лишь знаменитыми звёздами, но их совсем немного на фоне семимиллиардного человечества. Изнутри заметны огрехи и нестыковки. Так актёр видит, что бриллианты на его шляпе — всего лишь плохо приклеенные стекляшки. Но снаружи всё смотрится по-другому. Наверное, если смотреть со стороны на разыгрываемую здесь сцену «демократической революции в России», все выглядит так, как нужно режиссёру. Очень правдоподобно...

Вадим не успел додумать эту мысль. Он заметил, что отстаёт от группы, и бросился догонять ушедшего вперёд отца.

Площадь перед Домом Правительства оказалась заполнена народом. Было по-осеннему прохладно, многие поверх одежды носили полиэтиленовые плащи. Обладатели транзистора на батарейках пользовались особым почётом — вокруг них мгновенно собирался круг жаждущих услышать сводку новостей. Как скоро выяснилось, многие пришли сюда просто потусоваться и к ночи разошлись.

Оставшихся распределили по сотням, выдали пайки и велели «быть начеку». Люди сидели по группам, кто-то жевал принесённые из дома бутерброды, кто-то просто курил.

Уже далеко за полночь откуда-то прозвучало несколько автоматных очередей. Мгновенно распространился слух, что военные либо начали наступление, либо вот-вот начнут. Ещё стало известно, что есть первые погибшие. Чувствовалось, что ситуация на глазах ухудшается. Всем было понятно, что безоружные люди вряд ли смогут что-то противопоставить автоматам и танкам. Только сейчас защитники демократии осознали, что всё происходящее — не военная игра, и, возможно, придётся умирать по-настоящему.

Тут Вадим заметил невысокого седовласого мужчину в мешковатой куртке, который неожиданно предложил погрустневшим соратникам помолиться.

Вадим поглядел на отца.

— Отличная идея, — поддержал тот и поднялся с бетонного блока.

Ещё несколько человек подошли к ним и встали рядом.

Люди повернулись лицом к востоку и стали молиться. Вадим негромко повторял: «Богородица-Дева. Радуйся, Благодатная. Господь с Тобой...» Неожиданно он вспомнил маму. Вдруг она сейчас тоже где-нибудь здесь, на площади, среди толпы? И тоже думает о сыне...

Внезапно незнакомый мужчина воскликнул: «С нами Дева Мария! Вон она!»

Вадим поднял глаза вверх и с удивлением увидел, как высоко в небе появилось что-то невероятное. Огромная женщина наклонилась над площадью, а возможно, и над всей Москвой. Звёзды сгрудились вокруг её головы, образуя лучезарный обо-

док. Длинный край синего капюшона загибался вверх, под ним были видны чудные золотисто-светлые волосы. Округлый нежный лоб, ровная линия бровей и чуть вздёрнутого носа, пухлые лепестки губ. Глаза, по-детски широко раскрытые, смотрели с выражением томящей жалости и далёкой высшей любви. Она раскинула руки и словно обнимала их всех — защитников и нападавших, добрых и злых, смертельно напуганных и бесшабашно-храбрых.

Вадим повернулся к отцу и прошептал:

— Я тоже вижу.

— Что? — изумлённо спросил отец.

— Я вижу огромную женщину в небе, — осторожно сказал Вадим. — На маму похожа...

Отец почему-то обнял сына, крепко прижав к себе. Затем, отстранившись, принялся вглядываться в тёмный ночной небосвод. Чувствовалось, что он ничего не видит, как, впрочем, и все остальные стоявшие вокруг. Но оказалось, что не все...

Совсем рядом с собой Вадим заметил странного человека. Он был высокий, худой и жилистый, с обветренным загорелым лицом деревенского комбайнёра, которого переодели в почти новый костюм по случаю приезда областного начальства. Вынужденное состояние трезвости проявлялось в необычной живости подвижного взгляда и нервных движениях рук, живших словно отдельно от тела. Руки постоянно что-то делали, потирали ладони, описывали замысловатые загогулины в воздухе, перебирали пальцами, будто играли на невидимой гитаре.

Неожиданно тот задрал голову и громко, что есть мочи, заорал, обращаясь к небесному явлению:

— Кивни людям! Поведи глазами! Не будь иконой! Мне не нужно застывшее фото убитого трупа мёртвого человека!

Женщина наклонила голову, слегка прикрыв глаза.

— Ну, не верю! — кричал странный «комбайнёр». — Экспрессии больше!!!

— Чего больше? — спросил удивлённый Вадим.

— А чёрт его знает. Ведёт себя как неживая. Почему думают, что у святых должны быть застывшие, словно от ботокса, лица? Потому, что так проще. А нам проще не надо. Нам талант ну-

жен, прости Господи, — Комбайнёр взглянул на Вадима. — Женщины... — произнёс он, словно всё объясняя. — Из-за них выгнали взашей из рая. Они предают, изменяют, покидают своих сыновей, которым ещё года не исполнилось...

Вадим вздрогнул, поняв, о чём тот говорит. Стало страшно. Сдерживая внутреннюю дрожь, испуганно спросил:

— Вы кто?

— Дед Пихто, — ворчливо ответил «комбайнёр». — Слыхал про такого? — Он потёр ладони друг о друга и весело добавил: — ...сотворивший небо и землю. А ещё, кстати, моря и всё, что в них.

Заметив удивлённый взгляд мальчика, засмеялся:

— Ну ладно, приврал. Но немного. Только тебе признаюсь. Не дед я Пихто, а лишь его конь. В пальто.

Вадим очумело смотрел на странного незнакомца. Может, псих? Это бы многое объясняло.

— Я не псих, — обиженно продолжал незнакомец. — Во всяком случае, не больше, чем некоторые, не станем показывать пальцами. Ведь ты тоже видишь эту красотку в небе?

Мальчик кивнул.

— Кстати, другие — нет. Ну, может, кроме одного того чудака. А меня вообще никто не узрит, кроме тебя.

Вадим молчал. Творилось что-то странное, но, удивительно, загадочный человек ему нравился.

— Нарекаю тебя Вадимиром, сеющим смуту, спорящим с миром, — незнакомец неожиданно прервал сам себя и, подмигнув, пояснил: — Будешь боец-отморозок, чтобы и свои и чужие вздрагивали. Ну ладно. Надоело. Пора заканчивать.

Он запрокинул голову, открыв рот, вдруг превратившийся в огромную пасть, и рявкнул, будто волк на луну:

— Стоп!!! Закончили!!!

Небесная женщина вздрогнула, сложила руки перед грудью, слегка наклонила голову и... исчезла.

Вадим был озадачен. Почему Небесная Дева слушается этого безумного грубияна? Впервые он почувствовал непознаваемость женской логики. Они подчиняются, чтобы победить. Неодолимая и несгибаемая слабость против беззаботно-неосто-

рожной силы. Мысль была нова для подростка и почти сразу сгинула в хаосе непрекращающихся событий. Со стороны Дома Правительства примчался человек и скороговоркой прокричал, чтобы сразу бежать дальше с благой вестью:

— Войска отступают! Похоже, им дали команду уходить!

В толпе возникло ликование. Кричали «Ура!», «Ельцин — герой!», бегали и обнимали друг друга, словно неизвестный режиссёр наконец закончил трудную сцену, на прощание бросив в толпу статистов: «Это было хорошо. Всем премиальные и отдых».

Комбайнёр незаметно растворился во всеобщей суматохе, оставив после себя ощущение произошедшей в душе перемены. И самое пугающе-непонятное было то, что Вадим не знал, в чём она заключалась.

Остаток ночи прошёл относительно спокойно. Утром выяснилось, что победила демократия. По телевидению наперебой выступали политики, наконец-то определившие свою позицию — все они осуждали ГКЧП и поддерживали Ельцина. Ближе к ночи пришло известие об освобождении Горбачёва.

Но эту новость Вадим узнал уже дома, по телевизору. Гражданской войны не случилось. Чудом. Только Вадим и, возможно, загадочный «конь деда Пихто» да Небесная Женщина знали, что это было за чудо.

Отец почему-то не обсуждал эту историю с сыном. У него появилось множество новых забот. Прихожан с каждым днём становилось всё больше, а значимость настоятеля церкви в глазах новой власти неизмеримо возросла. Теперь святого отца часто приглашали на городские торжественные мероприятия, где он сидел в президиуме рядом с руководителями города.

У церкви наконец появились деньги, и была затеяна масштабная реконструкция подворья. Сияющий златом дом божий полюбили новые прихожане — накаченные парни с бритыми затылками. Старушки поспешно крестились при виде благоприобретённых братьев во Христе.

— Зачем ты пускаешь в храм бандитов? — как-то спросил Вадим отца.

— Даже Иисус простил грехи кающемуся разбойнику.

Кающихся разбойников вокруг отца становилось больше. Они давали церкви щедрые пожертвования, замаливая только им ведомые грехи.

После школы Вадим решил поступать в МИИТ, на факультет строительства мостов.

— Почему МИИТ? — удивлённо спрашивал отец.

— Папа Римский — понтифик, что переводится как «строитель мостов», Иисус Христос был плотником. Самый мистический религиозный орден — масоны — организован гильдией каменщиков-строителей, — объяснял Вадим. — Я хочу понять, что за мистическая профессия — строить мосты.

В институт Вадим поступал кандидатом в мастера спорта. Знающие люди посоветовали прежде, чем сдавать экзамены, зайти на спортивную кафедру. Там, увидев его квалификационную книжку, заявили: спортсмены институту нужны, и поступление гарантировано. Есть, правда, одно условие — надо лично прийти на экзамен.

Вадим на экзамены не только пришёл, но и сдал их на все пятёрки, чем искренне удивил приставленных спортивных кураторов. Он не стал жить в студенческом общежитии, а продолжал ездить на подмосковной электричке домой. Дорога занимала полтора часа, и он успевал сделать большинство заданий, сидя на жёсткой деревянной скамейке в пахнувшем мочой, едой и насквозь продуваемом сквозь разбитые или перекошенные окна вагоне. По выходным ходил к отцу на воскресную литургию.

Тогда же случился первый секс с тридцатилетней прихожанкой, выгодно отличавшейся от обычных церковных бабушек. О её жизни он знал мало: замужем то ли за лётчиком, то ли за моряком. Во всяком случае, муж пребывал в постоянных разъездах. Женщина пахла горячим потом, будто забродившее крыжовниковое варенье, и совсем не походила на маму.

Их первая ночь оказалась похожа на битву, которую он, наверное, проиграл. Постепенно Вадим освоил тактику и стратегию любовных сражений. Дама была ему неприятна и одновременно невероятно притягательна. Хотелось ударить и сразу расцеловать, любить и ненавидеть, обожать и презирать. В её

глазах светилось древнее желание получить весь мир и, глядя сквозь слёзы на оставленный тесноватый рай, решительно доесть запретное яблоко. Взять любовь, забрать нежность, впитать энергию и силу, насладиться вниманием, милостиво принять дары, будь то скромный букетик полевых ромашек или всё золото мира. Она была совершенным капканом, и стальные объятия хватали любую жертву, задевшую тайную пружину её сердца. Волею случая сейчас он стал очередной вожделенной добычей.

Лёжа в жарких объятиях любовницы, пришёл к выводу, что женщина — одно из самых загадочных творений Господа. А ещё через какое-то время внёс уточнение: скорее, дьявола, ведь нечистая сила — основа их могущества. Вот почему девиц не допускают к алтарям и святыням. Зато они хранители очага и кухни, поскольку от мира сего. А совсем не от чистого сияния божественных сфер.

Через месяц любовные сражения сменились тихой упорной борьбой. А когда это перешло в разряд утомительной возни, они расстались. Странно, но Вадим ощутил, что его бросили, предали.

Любимые всегда покидают нас — возник закономерный вывод. Наверное, женщины и мужчины существуют в разных мирах, как рыбы и птицы. Некоторые птицы могут долго находиться под водой, а есть рыбы, умеющие летать. Кажется, пингвины способны не дышать восемнадцать минут. Но рано или поздно и им приходится вылезать за глотком воздуха. Вот и любовь: вспыхивает и мгновенно прогорает.

В институте было интересно. Особенно впечатлили вантовые мосты, которые, казалось, парили в воздухе. И это было настоящее чудо. Он находил мистичными формулы сопромата. Философский камень таился в математике. Цифры не существуют в материальном мире, а возникают лишь в пространстве нашего воображения. Однако они дают возможность создавать новую реальность. А ведь это и есть волшебство.

Влюблённости пока не находилось места, хотя немало девушек пытались приручить этого рослого спортивного парня.

Секс занимал в табеле рангов жизненных ценностей место рядом с вечеринкой у друзей — вещь приятная, но утомительная, и вполне можно обойтись, если много дел. Любовь казалась ему эгоистичной, заставляющей страдать, безжалостной и скрытной. Влюблённые ведут себя словно шпионы, которых вот-вот должны раскрыть. Другое дело спорт. Здесь всё по-честному. Труд получает вознаграждение. На третьем курсе он выиграл чемпионат Москвы, и все вечера проводил в спортзале. У Вадима появились коронные приёмы ведения боя. Во время схватки слегка опускал левую руку, словно устал, и когда противник бросался в атаку, наносил этой опущенной рукой почти мгновенный удар в солнечное сплетение — если противник был левша, — или в печень, если тот был правша. Здесь главное было поймать момент, когда мозг нападавшего уже отдал команду телу, но атакующее движение ещё только начиналось. Вадим ловил этот момент в чужих глазах. Его встречный удар был настолько быстр и незаметен, что враг сам не понимал, почему его движения в атаке стали такими вязкими, и только потом, через долю секунды, ощущал разгорающуюся боль в животе. В момент, когда разум нападавшего пытался анализировать произошедшее, Вадим наносил мощнейший боковой удар справа. Нокаут! Можно снимать перчатки, разматывать бинты и идти в душ.

Как-то во время финального боя на первенство вузов соперником оказался не титулованный, но талантливый и подвижный боксёр. Его движения были на удивление быстры и легки. Скорость уклонов и боковых движений корпуса поражала. Чувствовалось, что бой может стать сенсацией и открытием новой спортивной звезды. Вадим уже несколько раз не успевал отбить быстрые удары своего оппонента. Начал злиться. Противник порхал, словно кончик хлыста пастуха. Наконец Вадиму удалось вывести того на свою опущенную левую руку, он провёл свою «коронку» и вдруг понял, что удар не дошёл до цели. Промахнулся! Но что это? Противник лежал у его ног. А судья уже отсчитывал секунды. Нокаут был глубокий, спортсмен не поднялся на счёт «десять», и пришлось вызвать доктора. Парня на подгибающихся ногах увели с ринга.

После боя в раздевалку зашел разъярённый тренер.

— Вы договорились? — начал он без обиняков. — Я ненавижу грязный спорт. Ты прекрасный спортсмен, и тебе не нужны все эти штучки.

Вадим с удивлением смотрел на наставника.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Кому ты морочишь голову! — закричал тренер. — Я видел, что ты промахнулся. Что это был за спектакль? Тебя спрашиваю!

Вадим не знал, что сказать, понимая, что тренер прав. Происходило нечто невероятное. Если спортсмен не притворился (а зачем ему это?), получалось, что можно бить на расстоянии, не прикасаясь. Это было потрясающее открытие.

Он ещё несколько раз проверял необычное свойство на тренировочных боях, разбираясь в диапазоне своих возможностей. Как-то, находясь в своём углу, когда спарринг-партнёр был на расстоянии нескольких шагов от него, Вадим нанёс мысленный удар. Парень, который ещё только шёл к центру ринга, упал.

— Ты чего? — ошалело воскликнул он, вскакивая и потирая челюсть.

— Это ты чего? — весело спросил Вадим. — Решил поваляться передо мной?

Когда он понял, что может даже убить, не поднимая рук, бросил спорт. Вадим был уверен, что его эксперименты никто не заметил. И здесь он очень ошибался.

К этому времени их семья жила весьма богато. Отец ездил на новом «Мерседесе» и строил дом рядом с церковью, которая сияла новым позолоченным куполом. Алтарь был украшен прекрасной росписью и множеством икон. Рядом появилась колокольня.

— Откуда у нас столько денег? — спросил Вадим отца.

— Бог даёт, — уклончиво ответил тот.

— Что же раньше не давал?

— Я помогаю людям, а они помогают мне, — отец прятал глаза.

Довольно скоро Вадим узнал, как отец зарабатывал деньги.

Один из школьных приятелей, Сергей, как-то зашёл в гости. После пары часов воспоминаний и распитой бутылки водки приятель рассказал, что пришёл за помощью. После школы он занялся бизнесом, довольно успешно, но потом возникли проблемы. Бандиты «наехали». Убытки росли с каждым днём. И Сергей во время исповеди рассказал отцу Вадима о свалившихся напастях. Святой отец внимательно выслушал и обещал, с Божьей помощью, что-нибудь придумать. Божья помощь вылилась в серьёзных крепких ребят, которые встретились с обидчиками Сергея, и досаждавшие бандиты исчезли. Крепкие ребята пообещали, что больше никто не побеспокоит, всего за четыре тысячи долларов в месяц. Почти год исправно платил, и проблем действительно не было. Но потом бизнес пошёл хуже, и платить стало не с чего. Но покровители объяснили, что не могут уменьшить «абонентскую плату», и пригрозили забрать машину и квартиру.

— Что теперь делать? — пьяно причитал Сергей.

— Ты думаешь, они выполнят угрозы?

— Уверен, — Сергей придвинул голову ближе. — Попроси отца как-то усмирить его бандитов... Заплачу, когда смогу... У меня сейчас действительно нет денег...

У Сергея неприятно дрожали губы. Видеть, как сильный мужчина готов зарыдать, было неприятно.

— Ты знаешь, что о тебе говорят прихожане? — спросил он вечером отца.

— И что?

— Говорят, что ты «крышуешь» бизнесменов за деньги. Что ты давно «в авторитете» в криминальных кругах.

— Я помогаю людям, — отец ответил непривычно резко.

— Ты помогаешь им руками бандитов и бандитскими методами. И ты получаешь за это деньги. Разве так должно поступать пастырю?

— Видишь, какая жизнь вокруг нас? Кто бандит, кто нет — не поймешь. Ты думаешь, эти бизнесмены зарабатывали свои деньги праведно? Кто я такой, чтобы менять правила? Сейчас все друг другу платят... — отец говорил быстро и неубедительно, потом замолчал. И тихо добавил: — А деньги я же трачу на церковь, на сирот и бездомных.

Вадим вспомнил любимые слова отца: «Никого ни в чём убедить нельзя. Если ты хочешь поменять человека — меняйся сам. И мир изменится...»

Разговор остался незаконченным. Но юноша ощутил, словно его только что предал самый близкий человек. Ужасное разочарование, когда тот, кто казался богом, падает с пьедестала. К сожалению, это происходит у каждого, с разной степенью болезненности, хотя бы раз в жизни. У большинства рана быстро затягивается, но для некоторых свержение кумира разрушает всю систему внутренних ценностей. В душе возникает тоскливая пустота, словно пересохшая равнина. Что случится дальше? Пойдёт целительный дождь и земля оживёт, или засуха превратит почву в выжженную пустыню?

Случается, что, заглянув в чужую душу, человек невольно начинает осматривать и свою. И вдруг обнаруживает, сколько в нём самом скопилось плохого. Ему начинает казаться, что другие видят его насквозь. Порок вглядывается в другой порок. Весь уродливый мир уставился сам на себя в зеркало. Особенно неприятно, когда это происходит в период взросления.

Вадим превращался в мужчину. Окружающий мир казался грубым и злым. А Бог? Как Всемогущий и Милосердный мог допускать, чтобы у детей не было матери? Наверное, где-то есть другой божественный мир, непорочный, добрый и чистый, как слеза. Не многие достойны быть там, лишь ангелы небесные с белоснежной душой и крыльями. Там можно укрыться от грязи, своей и чужой. Показалось, что заново изобрёл веру в лучший мир.

Через год отца убили. Следствие велось с помпой. Нашли какого-то убогого, который сознался, что убил священника. Был показательный суд. Парня посадили. Но Вадим знал, что всё это враньё. Отца убили свои же, не поделив какие-то очередные крупные барыши.

Довольно скоро он получил доказательства. Однажды вечером позвонил незнакомый мужчина. Представился Сергеем Владимировичем и попросил о встрече: «Мне есть что рассказать о смерти отца».

Встреча состоялась в городском кафе-стекляшке, стоящем на улице Ленина, которую всё никак не решались переименовать.

Мужчина, подсевший к его столику, выглядел уверенно и солидно. В добротной чёрной дублёнке, под которой угадывался простой, но тоже добротный свитер.

Разговор был долгий. Мужчина поведал, что отца убили «семёновские», по приказу своего главного, Семёна. Исполнители — Вован-Ёж и Степан по кличке Рыжня.

Сергей Владимирович показал их фотографии. Вадим часто видел этих парней в церкви у отца; иногда они о чём-то разговаривали в стороне от всех. Почему-то он сразу поверил незнакомцу. Возможно, своё дело сыграла его спокойная уверенность, неторопливый разговор, да и множество мелких деталей, которых нельзя осознать. Всё говорило, что этот человек не привык и не будет врать.

— Я думаю, если ты поквитаешься с ними, никто тебя не осудит. Все поймут, — неторопливо говорил Сергей Владимирович.

— А вы кто? — спросил Вадим.

— Скажем, человек, приглядывающий, чтобы во вверенном мне городе был порядок. Не люблю беспредел. Всё должно быть по справедливости. А отец твой не заслужил такой смерти.

Вадим понял, что Сергей Владимирович, скорее всего, тоже бандит, но правильный и по-мужски настоящий.

— Понимаешь, — объяснял мужчина, — если Семёна накажу я, начнётся война. Много парней хороших поляжет. А тебя никто не осудит, — опять повторил он. — Здесь всё справедливо.

— Почему думаете, что я смогу это сделать? — спросил Вадим, на самом деле уже принявший решение.

Сергей Владимирович положил на стол любительскую видеокамеру. На замедленном режиме на маленьком экране было хорошо видно, как падал от невидимого удара противник Вадима.

— Думаю, что это не всё, что ты умеешь, — сказал мужчина. — Мы можем отвести тебя в ресторан, где они собираются. Надо их убить. Всех, почти мгновенно и на расстоянии. Они вооружены и стреляют хорошо. Сможешь отомстить за батю?

Вадим кивнул.

Операция прорабатывалась детально. В пустом заводском ангаре Вадиму объяснили, где будет его столик и где будет столик его врагов. Их, скорее всего, будет трое или четверо. Расстояние около трёх метров.

— У тебя будет секунд двадцать, прежде чем они начнут палить во всё вокруг, — спокойно объяснял Сергей Владимирович. — Придётся решать всё самому. Мы не сможем тебя поддержать.

Вадим кивнул.

— Понимаю.

— Давай попробуем.

В ангаре поставили похожие столы. Вадим сел за свой. Трое молчаливых парней уселись рядом.

— Давай, только в полсилы, — скомандовал Сергей Владимирович.

Вадим подумал, что он не сможет отмерить полсилы или четверть силы, а ещё он подумал, что не хочет демонстрировать свои возможности перед этими людьми.

— Не. Я там разберусь, — сказал он. — Мне разозлиться надо. Так не получится.

— Ну, как знаешь, — не стал настаивать Сергей Владимирович.

В назначенное время Вадим сидел в ресторане на заранее выбранном месте. Через полчаса к соседнему столу подошла группа тех самых мужчин. Они шли, чувствуя себя хозяевами жизни. Высокие, спортивные, в чёрных кожаных куртках. Люди расступались перед ними, пряча глаза.

— Ну ладно, пацаны, перекусим, — уверенно сказал человек, в котором Вадим узнал Семёна.

— А завтра я ему ежа в жопу вставлю, — добавил второй, и Вадим понял почему его зовут Вова-Ёж.

Кличку третьего объяснять было не надо — тот был огненно-рыжий, жилистый, в чёрной майке под распахнутой курткой.

Троица уселась за соседним столом. Закурили. Заказали водки и шашлыков. Принялись шумно обсуждать какую-то Ленку, которая нормальная баба, только сука отвязанная, как и все...

Принесли шашлыки.

Вадим напрягся. Он мысленно надел на руку металлический кастет, потом прибавил к нему мощные шипы.

Наконец, когда Семён был хорошо виден между своими напарниками и, запрокинув голову, зубами снимал мясо с шампура, он мысленно ударил его мощным левым прямым в горло. Семён закашлялся, ловя перебитой гортанью воздух. Глаза вылезли из орбит. Вова-Ёж, думая, что тот подавился, вскочил, пытаясь постучать друга по спине.

Вадим нанёс Вове удар правой в висок, и, пока тот медленно оседал, перевёл глаза на Рыжню. Тот оказался быстр и сноровист и уже стоял с пистолетом в руках в бешенстве озирая зал. Левой в печень, снизу вверх в подреберье, а затем — правой в висок и двойкой левой-правой снизу вверх в нос. Раздался хруст костей и хрящей, уходящих сноровистому Степану в мозг. Всё было кончено.

После мгновения тишины кафе взорвалось криками и визгом. Милиция появилась почти мгновенно. Вадим тихо сидел за своим столом. Он успел дожевать отбивную, прежде чем его вызвали в кабинет директора ресторана, где тщательно обыскали, но не нашли ничего предосудительного. Сняли свидетельские показания. Рассказал, что не успел ничего толком заметить. Может только предположить, что за соседним столом возникла какая-то мгновенная драка, и к моменту, когда попытался что-то понять, все уже лежали на полу. Похоже, что эта версия устроила. Вадима отпустили.

Только через неделю ему опять позвонил знакомый баритон:

— Встретимся там же. В восемь часов сможешь?

— Смогу, — ответил Вадим.

Они встретились в знакомой стекляшке. На этот раз Сергей Владимирович показался намного старше. Вадим подумал, что ему, наверное, за шестьдесят. После нескольких ничего не значащих слов про погоду тот сказал:

— Слушай, парень, ты, конечно, молодец. И за батю отомстил не по-детски. Да и мне помог, врать не буду. В городе опять порядок. Был бы я моложе и дурнее, тебя бы с собой позвал. Но я волк старый, тёртый.

У него была короткая пожелтевшая седина. Вадим подумал, что ему, пожалуй, уже и семьдесят.

— Я вот что тебе скажу. Кружки по воде уже пошли. И не сегодня-завтра либо наши волчары, либо краснопогонники конторские за тобой придут. И нас за компанию всех порешат. И будешь ты, парень, от одного гада к другому перебираться по всё более скользкой дорожке.

Вадим с удивлением смотрел на Сергея Владимировича.

— Давай выпьем по-мужски.

Он налил полстакана водки и сразу, не примериваясь, выпил. Вадим сделал лишь глоток.

— Не умею пить, — честно признался он.

— Ну и не учись. Водка многих хороших людей погубила.

Помолчали.

— Хочу помочь тебе, парень. Паспорт сделаю новый, чистый. Имя пусть будет твоё, а фамилия другая. В деревне пару дней поживи, адресок дам. А когда документик принесут, сразу когти рви за границу. В глухомань куда-нибудь. Не хочешь — не пей, а я еще выпью за твоего батьку. Хороший был человек, упокой Господи.

Через неделю Вадим оказался во Франции, в маленьком монастыре, затерянном в Бургундии.

Глава 3.

В которой мы вновь в современном Каире, и внимательный читатель обнаружит сходство с пророчеством Иоанна, но автор рекомендует отвергнуть эту мысль как ересь. Нельзя же всё превращать в балаган...

Заведение, находившееся в центре старого города Каира, куда их привёз простодушный с виду слуга закона, заслуженно пользовалось дурной репутацией. Обычный турист вряд ли рискнул бы сюда войти. Множество маленьких комнат, увешанных коврами и разноцветными лампадами, образовывали запутанный лабиринт, откуда тянуло запретными запахами. Доносились негромкие разговоры, ведущиеся хриплым шёпотом. Всё указывало, что повсюду в укромных закоулках сидят подозрительные личности, которые наверняка, если бы можно было их разглядеть, выглядели бы крайне зловеще.

Полицейский о чём-то пошептался с выскочившим из темноты хозяином, похожим на одноглазого Хасана из сказки об

Али-Бабе. Тот внимательно посмотрел уцелевшим глазом на Вадима, а затем пригласил гостей внутрь лабиринта.

— Буду ждать вас неподалёку, на площади, у мечети аль-Азхар, — кивнул Вадиму полицейский.

Небольшая комната, куда их отвели, была уставлена низкими лежанками. Посередине стоял такой же невысокий и массивный стол.

— Подождите минут десять, всё приготовлю высшего класса.

Хозяин исчез. Компания улеглась по мягким и уютным кушеткам с множеством подушек и пуфиков разнообразных форм и размеров. Всё казалось чрезвычайно старым, пыльным, купленным по случаю на распродаже с Ноева Ковчега. Подушки, сплющенные на протяжении веков сотнями тел, имели странные формы, похожие на мятые лица, искажённые страшными гримасами. Выбрав наименее безобидные, Вадим подпихнул их под бока и удобно угнездился.

Вкусно пахло сеном и другими травяными сборами. Вадим заметил, что Андрей с Ольгой легли рядом. Если девушка глупо улыбается глядя на парня и норовит взять того за руку, трудно не разглядеть симптомы. Непроизвольно он сжал диванный пуфик с такой силой, что пыль поползла между пальцев, а личинка моли, с восторгом грызшая ароматную ткань, решила, что её необузданное чревоугодие переполнило чашу терпения Господа, и кара пришла. Если бы Вадим мог разобрать микроскопические вопли малютки, он бы понял, что получил твёрдую клятву начать Великий пост немедленно. Конечно, он этого не знал, но сжатие пальцев ослабил, чем вызвал встречный религиозный экстаз из глубины подушки.

Вадим увёл взгляд от копошащихся влюблённых и обнаружил на стене большую картину, старую, почерневшую, в покрытой пылью золочёной рамке. Странно, в мусульманских странах принято украшать помещения лишь орнаментным узором или изречениями из Корана.

На картине ослик стоял перед пирамидой. Один, наедине с громадой. Животное с изумлением глядело на сооружение, словно пытаясь определить, в чём разница между величием и заурядностью. Почему величие вне времени? Идут века, а оно

неизменно. В то время как для всех остальных время летит галопом. Только что был беззаботным ослёнком — и вот уже на хребет давит бремя прожитой жизни. И мир вокруг полон удручённых ослов.

Вадим заметил, что София тоже разглядывает полотно.

— В чём секрет пирамид? — неожиданно для себя произнёс он.

Тут появился одноглазый хозяин с двумя огромными кальянами.

— Наслаждайтесь, уважаемые, — предложил он и исчез.

Первая затяжка неприятно обожгла гортань, но затем чувство жжения исчезло. Вкус и запах дыма были незнакомыми. Здесь ощущалась горечь полыни, сладковатый привкус марихуаны, аромат экзотических цветов и острых специй.

Вадим внимательно прислушался к своим впечатлениям и не обнаружил никаких изменений. Галлюцинаций не возникало.

София тоже сделала глубокую затяжку. Ее глаза расширились и заблестели:

— Всё, что мы знаем о пирамидах, — полная ерунда. Человечество однажды надули, — произнесла она, отгоняя ладонью кого-то ползущего по краю дивана. — Зачем Хасан красит котов в синий цвет?

— О ком ты говоришь? — заинтересовался Максим.

— О Геродоте. В четвёртом веке до нашей эры он заявил, что пирамиды — это гигантские гробницы, построенные трудом тысяч рабов. Может, пошутил. Но все поверили. Даже мой хороший котик. Киса-киса, брысь под лавку.

Вадим подумал, что коварный дым проел-таки дырочку в броне девушки, а затем от появившейся трещины рухнула вся крепость. Она гладила невидимую шёрстку, пальцы нежно перебирали завитки. Глаза казались необычно весёлыми, вот-вот захохочет, прыснув в кулак, словно маленькая девочка.

— Геродот соврал? — вдруг взбеленился Максим. — Какой позор! Как он мог! А что было не так?

— Да всё. Например, в этих гробницах никогда не находили саркофагов или мумий.

— Неужели? Какое горе. Ни одной. Куда всё делось?

София наконец засмеялась, дрыгая голыми ногами:

— Заявили, что мумии и саркофаги украли. Воруют... сэр...

— Чувствовал, что дело нечисто, — закручинился Максим.

Вадим не разделял ни радости Софии, ни отчаяния Максима, поэтому решил отыскать истину:

— А мумии откуда?

Наверное, он сказал очень смешную фразу, во всяком случае, девушка сложилась в клубок от хохота:

— От верблюда...

Отсмеявшись, она произнесла, давясь новым приступом:

— Например, из долины царей в Луксоре. Там нет пирамид. Но есть могилки...

— «Мы лежим с тобой в маленьком гробике...» — страшным голосом запела Ольга. Все вздрогнули. А зря, наверняка существуют вещи похуже.

Вадиму показалось, что нить беседы ускользает:

— Зачем тогда пирамиды? Просто от безделья сложили?

София вновь радостно хмыкнула:

— Есть забавная версия. Пирамиды созданы для продления жизни. Этакое громоздкое лекарство. Посидел внутри три раза в день после еды, как доктор прописал, — и ступай изменённый.

— Насколько? — утонил Вадим.

— Хороший вопрос. — София обвела пальцем по губам, облизала ладонь и продолжила: — Омоложение — лишь первая ступень. — Строго погрозила пальцем кому-то и углубилась в детали: — Потом аппетит у фараонов разыгрался. Потребовали бессмертия. И всего-то за пятьсот лет механизм усовершенствовали. Тело стало лишь декорацией.

Максим совсем расстроился и невнятно требовал немедленно отправиться за жизнью вечной.

Андрей затыкал Ольге рот, та порывалась петь дальше, и лишь Соня разглагольствовала, по-видимому, чувствуя себя юмористом:

— Весёлые картинки внутри пирамиды изображали, как жрецы удаляли внутренние органы фараона...

Ольга хихикнула, словно от щекотки:

— «Приходит повар к фараону: „На ужин печень“. — „Куриная или говяжья?“ — „Ваша!“»

София отчаянно замотала головой:

— Нет-нет-нет. Все не так. Никаких супчиков с потрошками. У фараонов ничего не отрезали. Во всяком случае, при жизни. Это... как его... символизм.

В это время Максим, по-видимому, преодолел душевный кризис и заговорил обычным голосом:

— Случилось мне бывать в Бурятии. Есть там монастырь. Видел монаха. Сидит мужик наподобие мумии, не ест, не пьёт десять лет. Сам словно каменный, но врачи говорят, жив. Нам даже удалось пообщаться... — Максим замялся, обдумывая, говорить детали или нет.

Вадим не удержался:

— Сотрудникам НКВД удалось получить чистосердечное признание от мумии. Та рассказала всё что знала: пароли, явки, сообщников.

— Отвяжись, Вадим. Хотел лишь поддержать версию Софии.

Помощь друга привела Соню в буйный восторг:

— Спасибо, Максим. Точно. Когда тело — лишь оболочка, внутренние органы вообще не нужны. Но время шло, и секрет потеряли.

— Почему?

— По кочану... А я знаю? Потеряли, и всё. Фараоны мерли как мухи. В компенсацию жрецы обещали им бессмертие в загробной жизни. Удобно. Проверить нельзя. Символ превратился в обряд. После смерти стали вынимать органы из тела.

Вадиму стало интересно. Во всяком случае, увлекательней возни Андрея с Ольгой на сдвинутых диванах. Андрей оказался лихим парнем. Рядом с ним Дон Жуан и Казанова покраснели бы и смущённо удалились.

— Механизм пирамид сломан?

— Конечно.

— Почему их не починят?

— Пойди попробуй. Можешь взять молоток и отвёртку. Ещё есть маникюрные ножницы и пилка для ногтей. — София вдруг

перестала улыбаться и добавила совершенно серьёзно: — Только учти, долго находиться в пирамидах опасно. Данные засекречены, но государственным мужам экскурсии туда не рекомендуют. Слышала, что собираются закрыть страну от туристов и разобраться со всей чертовщиной. Пирамидам будут делать флюорографию, УЗИ, МРТ...

«Халтурную траву подсунул одноглазый. Быстро отпускает», — подумал Вадим, лениво подтягивая под себя диван, поскольку тело норовило всё время взлететь под потолок. Юркий диван ускользал, отмахиваясь ножками. Откуда-то из его потревоженных недр столбами поднималась пыль. Её становилось всё больше, и скоро комната оказалась затянута плотной дымкой. Он закашлялся и зажмурил слезящиеся глаза. Веки чесались. Отчаянно потёр их кулаками. Стало ещё хуже. Наконец открыл глаза и обнаружил, что вокруг клубится синий туман.

Неудобства продолжались. Тело не слушалось, словно его обмазали изрядным слоем мёда и обмотали резиновыми бинтами. Неожиданно в комнате появился новый персонаж: из тумана вылез человек в ярко-жёлтом халате, с головой обезьяны. «Был неправ», — подумал Вадим об употреблённом зелье, разглядывая пришельца. У того оказалась загорелая симпатичная мордочка, маленькие узкие глазки и крупноватый нос. Длинные, светлые, как у блондинов, волосы были ёжиком подстрижены сверху, но сбоку оставались пышными, отчего звериных ушек не наблюдалось и лоб казался высоким. Добавь очки — типичный японский студент-хиппи. Пришелец уверенно подсел на диван, где ворковали Андрей с Ольгой, проворно расплёл их тела и принялся что-то втолковывать девушке.

Всех слов Вадим не расслышал. Но хватало и немногих, чтобы понять, что в биографии подруги были склеенные страницы, которых никто не читал.

— Наконец мы встретились вновь! — радостно закричал японский хиппи.

Ольга задумчиво посмотрела на пришельца. И вдруг воскликнула, словно узнала старого знакомого:

— Хапи! Это ты?

Мужчина возликовал и сплясал незнакомый танец.

— Здорово изменился. Возмужал!

— Мой возраст неизменен. Просто ты видишь меня поразному.

— Не пробовал походить в спортзал?

— Ты готова стать моей женой?

Ольга что-то негромко ответила.

Парень возразил.

Вадиму показалось, что между ними возникло напряжение. Может быть, пора вмешаться? Хотя, защищать ведьму от странного студента — всё равно что помогать львице отбиваться от макаки. Вадим не чувствовал опасности. Во-всяком случае, пока. А может быть, он чего-то не понимает? Разум отказывался работать, требуя отдыха, нирваны, счастливого забытья и отгулов.

Андрей тоже не встревал, сидел молча, смиренно ожидая приобщения святых тайн.

Тут Ольга произнесла:

— Тебя заклинило на больной теме. Баб, что ли, не хватает?

— Ты похожа на мою маму...

— Вот и женись на маме.

Вдруг собеседник схватил девушку за руку и проворно потащил в колеблющийся туман.

— Эй, стой! — запоздало крикнул Вадим. Вскочил с лежанки, но было поздно: голубая стена дыма уже сомкнулась за промелькнувшими телами. Вокруг творилось непонятное.

С удивлением заметил подозрительного типа, вольготно устроившегося на диване, где только что лежал он сам. Похоже, тот был изрядно навеселе, время от времени заливался хохотом, потом, опрокинувшись на спину, судорожно вздевал руки, требуя спасать какую-то девушку. Неприятный лысый тип, здоровый и наглый. Вглядевшись, понял, что смотрит на себя.

Многие замечали, что на фотографиях выглядят не так, как в жизни. И это действительно так, поскольку мы видим себя со стороны только в зеркале. Но зеркала врут, они меняют местами правую и левую стороны, а человек несимметричен. Если у вас скошен нос направо, то в зеркале он смотрит в другую сторону. Родинка на левой щеке перебежит на противоположную.

А левую и правую стороны наш мозг воспринимает по-разному. Снисходительно оценивает правую часть и беспощадно критикует левую. В итоге мы не можем узнать себя со стороны, потому что думаем, что выглядим иначе.

Сообразив, кто перед ним, Вадим решил, что, скорее всего, умер. Однако в этот момент тип на диване вновь перевернулся, теперь набок. Получалась неувязка: труп не должен вертеться как уж на сковородке.

Тут оставшиеся запоздало вскочили со своих лежбищ. В комнате оказалось не протолкнуться, поскольку каждый имелся в двух экземплярах. Хотя чувствовалось, что все так же, как и он, изрядно заторможены.

Ясность внесла София:

— Эй, слухи о нашей смерти преувеличены. Мы не умерли, просто сознание отделилось от тела. Некоторые наркотики на такое способны, думаю, вернёмся через пару часов.

Откуда она только всё знает! Вадим решил поразмыслить над словами Софии позже. Сейчас следовало подумать об Ольге. Та присутствовала лишь в виде распростёртого тела.

Порой озарение снисходит ко всем сразу.

— Ольгу похитили? — объявил Вадим одновременно с Андреем. Голоса звучали глухо, словно на замедленном воспроизведении.

— Воистину похитили, — отозвался сонный Максим.

Вадим пытался собрать разбегающиеся мысли. Наконец, тихо и неторопливо сказал, растягивая каждое слово, будто читал заунывную балладу:

— За ними. Вдогонку. Скорее. Вперёд.

Получилось неубедительно. Однако спасательная экспедиция призрачных созданий подровняла нестройные ряды и смело двинула в колеблющийся голубой туман, так похожий на обман.

Они шли на зовущие звуки далёкого горна, появившиеся неведомо откуда.

«Мы длинной вереницей пойдём за Синей Птицей...» — словно сомнамбула, декламировало сознание Максима.

Постепенно вязкое пространство поддалось. Идти стало легче. А звук усилился, появился ритм. К трубе добавились другие

инструменты, а затем и голоса. Звуки слились и стали мелодией. То, что звучало теперь, было похоже на церковный хорал в исполнении рок-группы.

Чтобы написать хороший псалом, недостаточно знать, как пишется слово «Аллилуйя». Тот, кто создал звучащую вокруг музыку, понимал, как заставить трепетать каждую клетку. Медленный пульсирующий ритм, мощный и басовитый, обволакивал тело. Мелодия бередила сердце и теребила душу. От небесных голосов по коже бежали мурашки.

Синий туман исчез, разогнанный изумрудными и рубиновыми лучами, разрезающими воздух во всех направлениях.

Они оказались в огромном зале, залитом мощными вспышками ярких светильников. Снизу вверх поднимались облака дыма, сияющие зелёными и красными сполохами. Пространство двигалось и мерцало, словно они находились в гигантском калейдоскопе.

«„Блеск ясписа и сардиса; и радуга, как смарагд“, — где-то я слышал об этом», — лениво подумалось Вадиму. Но разум попрежнему отказывался работать, заявив, что «отдыхает и просьба не беспокоить».

В зале стояли разноцветные яркие блестящие кресла. Там сидели люди, вкус которых сильно отличался от предпочтений дизайнера помещения, поскольку одеты они были в простые белые балахоны, хотя на головах красовались не лишённые определённого шарма золотые обручи. На всех сидений не хватило, и многие бродили по залу. Кто-то пел, некоторые плясали, синхронно двигаясь в ритме музыки и выдавая замысловатые танцевальные па.

Музыканты играли на разнообразных инструментах, украшенных в соответствии со вкусами их владельцев. Вадим заметил, что корпус ближайшей к нему арфы покрыт сотнями металлических заклёпок разнообразных форм и фасонов. На ней играла женщина, лицо которой было густо разукрашено вязью татуировки. Десятки всевозможных булавок и заколок крепились к носу, губам, ушам, бровям и щекам.

«С таким количеством пирсинга и арфа, и её хозяйка должны были бы умереть от столбняка», — подумал Вадим.

Некоторые инструменты были незнакомы, напоминая то ли банджо, то ли гусли. Музыканты вели себя разнообразно. Кто-то чинно перебирал струны, а кто-то махал лютней, словно собираясь разнести всё вокруг вдребезги.

Среди певцов преобладали мужчины, но Вадим заметил несколько поразительно красивых, похожих на ангелов женщин с длинными золотыми волосами. Чувствовалось, что никто не мешает друг другу, а лишь вносит свою лепту в общую гармонию ритма и возбуждения.

Посередине зала возвышался постамент, откуда исходило ослепляющее яркое сияние. Вадим прищурил глаза. Почудилось, что различает огромный трон, где кто-то сидел. А может, лишь померещилось. Зато те, кто находился на ступенях перед престолом, были хорошо видны. Они казались похожими на египетских богов. Первый имел голову орла, другой — голову гигантской кошки или льва. Третьего украшали огромные острые рога, а последний напоминал сфинкса, поскольку к телу животного была приставлена человеческая голова. Но, в отличие от мало одетых египетских божеств, на телах этих существ были пышные и яркие одежды, напоминающие средневековые костюмы Венецианского карнавала.

Существа внимательно смотрели на пришельцев, отчего казалось, что наблюдавших глаз значительно больше, чем по паре на каждого.

По периметру зала стояло несколько высоких горящих ламп. От них шёл необычный дым и запах, похожий на тот, что был в кальяне одноглазого Хасана.

Музыка и дым обволакивали разум и душу. Изумрудное свечение поднималось от пола вверх, по нему пробегали искры, которых становилось всё больше.

И тут Вадим осознал, что потолка у зала нет, а искры — это звёзды, плотным ковром заполняющие ночное небо. Оглянувшись, понял, что и стен нет, а вокруг, за сияющим световым коконом, простирается тёмная пустыня. Ближайшие барханы были освещены, но дальше темнота завоёвывала всё больше пространства, а совсем далеко простирался чёрный ковёр с серебряным шитьём звёзд.

Где-то неподалёку, на границе между светом и тьмой, в пустыне виднелись три огромные пирамиды. Когда яркие лучи и отблески света достигали их поверхности, они проявлялись из темноты на секунду, потом исчезали, словно застенчиво стеснялись своего появления.

— А что, пустыня так и должна выглядеть? — изумлённо поинтересовался Андрей.

Вдруг музыка стихла, словно кто-то выключил гигантский рубильник. В наступившей тишине даже упавший комар сделал бы это с грохотом. Шоу остановилось, странные существа уставились на них ещё пристальнее.

Вадиму показалось, что в зале появились крылатые силуэты. Стало тесно, и задним было не протолкнуться.

Тут все увидели Ольгу.

Она стояла в компании обезьяноподобного «хиппи» и высокого, атлетически сложённого мужчины с головой орла.

— Что происходит? — спросил Вадим.

— Замуж зовут, — буднично объяснила девушка.

— За кого из них? Или за обоих?

— Вот — Хапи. А это бог Гор — папа его, — Ольга говорила с трудом, словно спала или её заколдовали.

Вадим понял, что всё происходящее — совсем не шутка. И пора спасать подругу.

— Уважаемые, можно поговорить с невестой? — вежливо спросил он, ожидая согласия или возражения. Возможно, даже короткой схватки с неизвестным исходом. Но произошло неожиданное. Бог Гор кивнул ему как старому знакомому и ответил:

— Что такой официальный, Великий Магистр Вадимир? Тоже имеешь виды на красавицу?

— Э...

— Понимаешь, — словно извиняясь, принялся объяснять Гор, — давно воспитываю её для сына. Столько сил вложено. Чего не сделаешь ради детей.

Бог сделал несколько шагов в сторону, словно не хотел говорить при всех. Вадим последовал за ним.

— Наследник у меня непростой. Трудное детство. С его мамой всё нелегко складывается. Дети это чувствуют.

Вадим кивнул. В памяти всплыли легенды и мифы Древнего Египта.

Жена у Гора была красавица — богиня Хатор, обожавшая пиво и зачастую упивавшаяся допьяна. Любила, мягко выражаясь, почудить. Иногда без разбора, шутя, убивала кучу людей, вызывая удивление своей бессмысленной жестокостью у небожителей. Могла уйти в весёлый загул с оргиями, песнями и танцами. Тысячу лет спустя восхищённые греки назовут её Афродитой. Впрочем, Вадим давно никого не судил. Тем более что у богов своя, особая, жизнь, отличная от людской. Они могут шляться голыми, злоупотреблять крепкими напитками, дебоширить, убивать налево и направо, иметь моральные принципы как у мартовских котов. Причём, давно замечено: чем более необуздан и кровожаден бог, тем смирнее паства. Хотя Хапи он сочувствовал. Наверняка бедолаге приходилось несладко, зачастую требовалось угадать настроение матери, чтобы не попасть под горячую руку.

И было одиноко, когда Хатор пропадала на своих вечеринках. Ничто не может заменить любящих прикосновений родных рук, обнимающих, успокаивающих, укачивающих. Те, кто ребёнком никогда не сидел на родительских коленках, хорошо понимают друг друга.

— Познакомились давно. Влюбился сынок по уши. На маму, говорит, похожа. Требовал девочку убить и ему отдать в жёны, — бог Гор сентиментально вздохнул и продолжал: — Я подумал, суженую надо готовить. Учить. Нечего несчастных богов плодить, выросших в неполных семьях. Вот и уговорил парня подождать, пока готова не будет. А сейчас хороша. Настоящая небожительница.

Мир устроен со своеобразным юмором. Существует закон, чтобы в праздничные дни шёл дождь, в день рождения случались неприятности, бутерброд падал ветчиной вниз, а на новую рубашку брызгал соус. Многие девушки мечтают выйти замуж за миллиардера или, на худой конец, принца. И большинству из них достаются скромные техники и менеджеры. Но вот Ольга... Вообще не думала о замужестве. И, пожалуйста: холостой бог из хорошей семьи. Многие бы позавидовали.

— Но мы же в загробном мире, а она живая в мире людей, — заметил Вадим, с каждой секундой соображавший всё лучше. Он уже догадался, за какого такого Великого Магистра Вадимира принял его бог Гор.

— Это как раз легко поправить. Чик — и она с нами, — бог провёл ребром ладони по горлу.

— Её сейчас убьют?!

— Конечно. У одноглазого Хасана десятки хорошо обученных людей. Как раз и свадьбу сыграем. Всё же готово, — Гор обвёл рукой сверкающий зал.

— Она согласна?

— Кто же откажется стать богиней?

Вадим уже ориентировался в ситуации.

— Видишь ли, Гор, у меня есть с ней некоторые совместные дела, проекты общие. В бизнесе лучше иметь дело с живой девушкой.

— Она может жить в двух мирах, — миролюбиво согласился Гор.

— Вот и славно. Переговорю с Ольгой.

— А я с сыном.

Переговоры продолжились в новом составе.

— Что с тобой? — спросил Вадим сонно-мечтательную Ольгу.

— Видимо, наркотик сильный. Плохо соображаю. Друга старого встретила.

— Я в курсе. Понимаешь, они хотят тебя грохнуть, чтобы ты стала женой обезьянки.

— Кто им позволит, — смело заявила Ольга. Кажется, она уже приходила в себя. — Давай покрошим тут всех в мелкий винегрет.

— Плохая идея. Это загробный мир, все и так мёртвые.

— Будут мертвее мёртвых! — не унималась девушка.

Вадим с ужасом подумал, что надо её как-то остановить, пока она не начала вести себя как десантник на дискотеке в педагогическом институте.

— Успокойся. Мы на их территории. Не уверен, что твоё мастерство сработает. Есть другая идея. — Вадим задумался, соображая, как изложить девушке свой план. — Бог Гор не против,

чтобы ты жила в двух мирах. То есть для тебя ничего не изменится. Просто здесь, в потустороннем мире, появится копия твоей души в образе богини. Вы никак не будете связаны, ну разве что сможешь увидеть её во сне, или, как сейчас, под действием зелья. Каких только чудных снов нам не снится!

— Что-то ты много знаешь о загробных мирах... А почему они вообще с тобой договариваются? — Ольга соображала быстро.

— Они меня принимают за другого бога, из соседнего загробного мира, очень опасного. Я давно живу в двух мирах. Потом как-нибудь расскажу. А пока — добро пожаловать в наш клуб... — Вадим не спешил открывать напарнице все свои тайны.

— Я слышала, что такое случается со многими из наших...

Подошла София:

— Что происходит?

— Пожалуйста, обращайся со мной почтительно. Я здесь Вадимир, Великий Магистр.

— Ничего, что наступила на твою тень?

— Я серьёзно. Потом всё объясню. Просто доверяй мне сейчас.

— Что решили?

Ольга кивнула:

— Всё нормально. По-быстрому выйду замуж за местного бога. Вон того, симпатичного, на обезьянку похожего. Если Дарвин был прав, то у нас у всех в родословной есть такие предки. Впору пересмотреть галерею семейных портретов.

— Ну, дело твоё. Могу быть подружкой невесты. С любовью не поспоришь. Узнай у родственников, что слышно по поводу судьбы человечества.

Ольга отрешённо кивнула:

— Потом спрошу у свёкра, он, похоже, тут один из главных.

Чувствовалось, что девушка теряла интерес к делам смертных людей.

А в зале нарастала суета. Появились новые гости, сияя нимбами. Слышались отдельные выкрики:

— Возрадуемся и возвеселимся, ибо будет брак, и жена приготовила себя!

— Елея и вина не повреждай!

— Блажены званные на брачную вечерю!

Вадим взглянул на Ольгу, и вдруг та стала меняться. В этот момент они пристально смотрели друг на друга. Над её зрачком появилась полоса белка, становившаяся всё заметнее, словно что-то распирало лицо изнутри. Оно сделалось багровым, потом вдруг смертельно бледным, через секунду вновь покраснело. Тело дёрнулось, руки шевельнулись, будто что-то внутри осваивало новую форму. Наконец девушка замерла, словно прислушивалась. Теперь сквозь её глаза на него глядел кто-то другой.

— Ольга, что с тобой?

— Извини. Я не Ольга, а Мерет. Но ты мне кажешься смутно знакомым. Кажется, видела во снах.

Девушка казалась чужой. На ней и одежда была другая. Изменения произошли словно на экране компьютера: сначала платье побелело, потом исчезли мелкие детали, чёткие контуры расплылись, потеряли резкость, и вот... Готово! Появился лёгкий плащ из белоснежного виссона.

Похоже, в этом мире она и правда превратилась в богиню, а та Ольга, которую он знал, сейчас мирно почивала на коврах в заведении Хасана. Может быть, вновь созданная богиня выбросила сознание настоящей Ольги в привычную материальную реальность? Кто знает законы устройства мироздания? Вдруг мы не можем встретиться со своей душой, воплотившейся в ином мире? Какой-то фундаментальный закон мироустройства препятствует этому. И, возможно, в момент нового воплощения и изгнания предыдущего сознания происходит незримое сражение. Что если Апокалипсис, так подробно описанный Иоанном, происходит внутри нас? Как описать переживания рождающегося в мир ребёнка или умирающего старца? Что чувствует душа, обретающая существование в ином мире, а ведь именно это произошло сейчас с Ольгой? Когда мы приобретаем душу или теряем её, во вселенной тела идёт великая битва всех жизненных сил. Семь ангелов приходят, печати снимают, что-то гибнет, другое возрождается, лютуют звери, вершится суд. И, возможно, не зло воюет с добром, а пришедшее

уничтожает чужое и ненужное теперь старое. Не наливают новое вино в меха ветхие. Кто агнец Божий, а кто антихрист: рожающая мать или младенец, выбирающийся из сжимающих смертельных объятий материнского чрева? Но, так или иначе, в конце нас омывает чистая река новой жизни.

И хотя Вадим был уверен, что с настоящей Ольгой всё в порядке, захотелось поскорее вернуться в обыденный мир. Тем более что свадьба вполне могла обойтись без них.

Мерет чувствовала себя по-свойски. Она подошла к будущему мужу и о чём-то весело разговаривала, время от времени щекоча усики обезьяньей мордочки Хапи. К ним присоединился толстяк с отливающей синевой кожей. Необъятный живот колыхался над набедренной повязкой. Он приобнял чужую невесту, и было заметно, что пухлая рука постоянно сползала ниже её талии. Та, похоже, не возражала.

Однако, весёлая жена достанется Хапи.

— Ну, всё наладилось, — сказал подошедший Гор. Неожиданно он снял маску птицы и оказался молодым мужчиной, довольно симпатичным, с длинными чёрными волосами.

— Что это за тип? — кивнул Вадим в сторону толстячка. Сейчас тот показался ему похожим на Андрея.

— Это бог Нила. Наш великий ловелас. У него жён — как притоков у реки, и никогда не пропустит новую. Кстати, совпадение: его тоже зовут Хапи.

Вадим подумал, что не его дело разбираться с моральными принципами богов. Повелитель Нила тянул килограмм на двести. У них даже бабники масштабнее.

Подошла София с Максимом и Андреем. Теперь они стояли плотной группой в стороне от всех. Андрей с удивлением смотрел на весёлую девушку, которую он, наверное, принимал за Ольгу. Но, к счастью, не лез поперёк батьки.

В двух словах прояснить друзьям ситуацию не получалось, удалось только шепнуть, что Ольги уже здесь нет.

Гор ждал.

— Поскольку ваш вопрос решили, давай поговорим о моих делах, — предложил Вадим, понимая, что рассчитывать на посредничество увлечённой любовными интригами Мерет вряд

ли стоит. Это София, — представил он спутницу. — Она смертная, и у неё есть некоторые вопросы.

— Великий Магистр, ты опекаешь смертных? — удивился бог.

— Бизнес...

— Ну, пусть спрашивает.

София задумалась, оценивающе глядя на собеседника, и наконец сказала:

— Уважаемый... бог. Не знаю точно, как правильно обращаться...

— Гор, просто Гор, — улыбнулся тот.

— Речь о судьбе человечества. Ходят слухи, что боги решили погубить цивилизацию. Может быть, можно как-то договориться? Понимаем, будут затраты. Компенсируем...

— Сам в шоке, — беззаботно ответил Гор. — Тоже ничего не понимаю. Я же просто исполнитель, ничего не решаю. Но окончательного мнения пока нет. Одни хотят вас уничтожить, считают, что Игра уже себя изжила. Другие считают, что можно ещё поиграть.

— Полагала, что между вами должно быть согласие? — изумлённо спросила София.

— Мы же не корейское политбюро.

— Они в курсе, что для игрушек мы слишком хрупкие, — возмутился Максим. — И что нам делать?

— Он тоже смертный? — повернулся Гор к Вадиму.

— Отчасти, — неопределённо ответил тот.

Гор оглядел компанию, сгрудившуюся вокруг него, и ответил:

— Попробуйте попасть куда-нибудь «выше» этого мира. У нас ходят слухи, что там знают все тайны. Говорят, что и Бога там видели... Хотя, может, всё враньё. И там то же самое. Никто ничего не знает. В чём смысл жизни? Где раки зимуют? По ком звонит колокол? Куда уходит детство? — неожиданно пропел он последний вопрос. И вдруг предложил, обращаясь к Софии: — Давай потанцуем.

Зал встрепенулся и взорвался мощными аккордами.

— Всё это рок-н-ролл, — дружно запели фигуры в белых балахонах.

София быстрым движением закинула волну рыжих волос за спину. Затем отдала свою неизменную сумочку Максиму. Выпрямилась, превратившись в устремлённую вверх струнку, как делают хорошие танцоры. Партнёр подал ей руку, и вдруг она уверенно крутанулась, оказавшись у того в объятьях. Начался безумный, зажигательный джайв.

Вадиму показалось, что те двигаются почти не касаясь земли. София преобразилась: глаза сверкали, губки капризно надулись, манерно сложенные пальчики то ли звали, то ли отталкивали. Движения всё ускорялись. Тела танцоров мелькали, почти мгновенно оказываясь с разных сторон друг друга. Взгляд не успевал следить за ними.

Вадим подумал, что такому танцу легко научиться, если тренироваться босиком на раскалённых углях, а рядом кто-нибудь опрокинул бы улей.

Вот девушка закружилась, став юлой в руках молодого бога. Юбка взметнулась. Гор подхватил партнёршу и подбросил в воздух. А затем, поймав, вдруг сам сел на шпагат. Все ахнули, и зал взорвался аплодисментами.

«Вот уж никогда бы не подумал, что командир нашей группы способна на такое! Хотя, может быть, секрет в лишней затяжке волшебного зелья...» — поражённому Вадиму показалось, что на постаменте в центре зала появился кто-то огромный и принялся хлопать в ладоши и даже свистеть.

Аплодировала и невеста, плотно зажатая телами обоих Хапи.

— Заразительный танец, — похвалил Максим. — Плясала круче, чем библейский царь Давид перед Господом. И одежды твои задрались пикантно...

— Божественно танцуешь, — похвалил бог Гор.

— Ты тоже, — скромно улыбнулась София. — Пить хочу.

— Здесь вкусная хрустальная вода. Мы смешиваем её с виски, льдом и лимоном: коктейль «Вечер в Раю», — любезно предложил Гор.

— Взболтать, но не смешивать? — уточнил Максим.

Белокурые красавицы ангелы принесли всей компании огромные бокалы.

Все отошли в сторону, где под ногами оказался песок пустыни, и уселись на бархане. С одной стороны был свет, с другой — тьма с застенчивыми пирамидами. А между тьмой и светом — они.

Сзади звучала нежная музыка. Теперь это был медленный блюз.

— Хороший кальян, — ни к кому не обращаясь, удовлетворённо отметил Андрей. — Только я вижу верблюда? А розовые слоны скоро подойдут?

Вадим с удивлением увидел, как из пустыни к бархану направился верблюд, которого вёл человек в белой хламиде.

— Как дела? Хорошо? — обратился он к Андрею, радостно причмокивая то ли верблюду, то ли всем остальным. — Давай. Хорошо. Десять евро, — заявил пришелец, махая рукой в сторону пирамид. Чувствовалось, что словарный запас у него небольшой, но он умеет им пользоваться.

После непродолжительной торговли верблюд присел на колени. Андрей, пыхтя, взобрался и уехал в пустыню.

Вадим подумал, что скульптор не хочет видеть заигрывания Мерет с толстяком и обезьянкой. Наверное, не поверил, что перед ним не Ольга. Для нормального человека здесь многое было необычным.

— Послушай, просто Гор. Ты мнёшь мне платье, — кокетничала София.

Бог весело посмотрел на неё, затем сказал:

— Я раньше думал, что в начале было слово. Но, может быть, это был звук или аккорд.

— Почему? — с удивлением спросил Вадим.

— Возможно, Главный Творец захотел создать гармонию и музыку.

Вадим согласно кивнул:

— Пятнадцать миллиардов лет назад появилось движение вселенной, пульсация звёзд, хоровод планет, рок-н-ролл атомов.

— Ты понимаешь, — сказал Гор. — В этой новой гармонии цифры описывали законы мира, а ноты — его красоту. Ритм и такт. Хотелось петь и танцевать, а партнёра нет. И сотворил Он человека...

— И что случилось сейчас?

— Танец закончился. Музыка стихла, и ноты умерли.

— А вот и нет, — возразила София. — Создав гармонию, Творец не станет возвращаться к хаосу. Мы начнём новый танец. Сочиним новую мелодию.

— Конечно, — первый раз серьёзно ответил Гор. — Вы — Его образ и подобие. Ваши слова имеют власть над миром.

В руках у Гора оказалась гитара. Словно сцена была приготовлена режиссёром, и инструмент лежал на бархане.

Гор тихонько перебирал струны.

Вадим повернулся к Софии:

— У тебя в сумочке есть губная гармошка?

— Да-да, конечно.

— Как ты мог сомневаться, — улыбнулся Максим.

Вадим попытался подыграть перезвону струн.

Нежные, слегка хриплые звуки мелодии струились над барханами. Показалось, что они с Гором знают друг друга очень давно. Музыка набирала силу. Она говорила: «Мир огромен. Странен. Непонятен. Загадочен. Красив. Великолепен. И мы всё ещё живы...»

Гор исступлённо играл, Вадим выдувал из гармошки удивительные звуки, Максим шлёпал себя по коленкам, отбивая ритм.

— Будем выступать на свадьбах.

— Надо позвать Мерет, — предложил Гор. — Всё-таки она теперь богиня музыки и пения. Ангельский, наверное, голос.

— Не то слово, — уверенно поддержал Вадим.

— Она вообще не умеет петь, — объяснила София. — Надеюсь, это не повредит божественной карьере?

Гор захохотал:

— Будет хлопать в такт.

— Ты думаешь, министр строительства хоть раз в жизни держал молоток? — заметил Максим.

В этот момент из темноты верхом на верблюде показался Андрей. За ним в освещённое пространство перед барханом вошло еще несколько фигур.

— Вот. Встретил. Туристы. Заблудились, — Андрей после знакомства с колоритным погонщиком верблюда приобрёл

у того чалму и искусство выразить мысль малым количеством слов.

Все с удивлением уставились на таинственных туристов.

Вадим узнал их, хотя видел до этого лишь на компьютере. Это были Джон, Мэри, Мухаммед и Зейнаб. И ещё сразу понял, что объединяло этих четверых. В этом мире над их головой мягко светились нимбы цвета индиго.

— Изменённый генотип, дети индиго, — тихо шепнул он Софии.

Та не ответила. Она подошла к Мэри и погладила по руке.

— Как твоя чешуя?

— Всё хорошо. Исчезла, — изумлённо ответила девушка. — А вы кто?

— Люди...

— Сюда не приходит никто живой, — механически, словно слышанную от кого-то фразу, произнесла Мэри.

— Наоборот, отсюда никто живой не возвращается, — поправил Максим.

Вадим догадался секундой ранее. Выходит, погибли не только Мухаммед и Зейнаб, но и Джон, и Мэри.

— Что с ними случилось? — шёпотом спросил он у Гора.

— Авария на дороге. Перевернулся автобус.

— Боже... — София обхватила руками коленки.

— Да, — отозвался Гор. — Не стоит грустить. К счастью, они попали в мою весёлую обитель. Здесь всем нравится.

Словно по зову, к группе подошли несколько белокурых ангелов и увели новоприбывших в круг света.

Вадим был согласен с Гором. Здесь было классно. И надо сюда ещё вернуться. Когда-нибудь, может быть, после смерти...

— Пожалуй, нам стоит откланяться, — негромко сказал он Софии. — Надо убедиться, что с Ольгой всё нормально.

— Да. Пора, если никто не хочет ещё поплясать, — согласилась та. — Всё, что требовалось, мы выяснили.

— Сейчас я немного занят, — обратился Вадим к Гору. — Выручаю человеческую цивилизацию. У смертных Спасителя мира принято убивать. Распнут — сразу к тебе. Примешь?

— Приходи, если не передумаешь. Хотя, полагаю, здесь тебе не будет хватать драйва...

— Будешь обкуренный играть на губной гармошке? — недоверчиво поинтересовался Максим.

— Я и на арфе научусь, — огрызнулся Вадим, понимая, что они правы. Ему больше по нраву мир, где надо ежедневно совершать подвиги, махать мечом, мчаться на коне, захлёбываясь в собственном адреналине и убивая врагов толпами.

— Так или иначе, буду ждать, — подвёл итог Гор, прощально взмахнув гитарой, словно рок-певец, завершивший концерт. — Спасибо! Вы замечательные! До новых встреч!

Последние слова прозвучали издалека. Пустыня стремительно таяла, растворяясь в щиплющем горло тумане.

Вадим закашлялся и очнулся, оказались в ставшей почему-то очень маленькой и душной комнатёнке.

— Крепкий кальян, однако, — прохрипел Андрей.

— Мы просыпаемся, когда тот, кто был во сне, умирает? — спросила Ольга, которая, выпрямившись, сидела на кровати с оцепенелым выражением. — Странный мне приснился сон. Загробный мир, свадьба... Вы все там были. Кстати, встретила одного пухлого обаяшку, на тебя похожего, — толкнула в бок Андрея. — Но если тебя как следует откормить, побрить до синевы от шеи до пят... — Ольга отклонилась назад, словно прикидывала, что получится в результате.

— Это не сон. В другом мире ты теперь богиня. Благослови, матушка, нас, грешных, — как мог объяснил Вадим.

— Так теперь у меня две души?

— Скорее две ипостаси, а душа одна.

Из соседнего помещения, словно призрак, появился хозяин.

— Вы довольны? Нашли то, что искали?

— Спасибо. Аллах открыл нам то, что пожелал, — ответил Вадим.

Он щедро рассчитался, и все вышли на свежий воздух.

Вадим подумал, что мир не так уж сложно устроен. Кто-то из мудрецов сказал: «Люби Бога и поступай как хочешь», а Гор только что произнёс: «Выбор всегда есть». Вадиму стало спокойно и хорошо. «Получается, что мир, в котором я существую,

всегда выбран мной. И никто не заставляет меня исполнять чужую музыку. Играю что хочу. Не барон Анри тащит меня по лабиринту своего безумия, а я гуляю там, где нравится. Мне приятно убивать людей, бродя в обществе своих фантазий. Это нормально. И в следующем мире, после смерти, будет ещё лучше...»

Вадим прислушался. Совесть молчала, поражённая глубиной философии. Возможно, она давно собрала манатки и убралась к маме. От этого стало ещё приятнее.

— Давайте обсудим всё произошедшее завтра, — предложил он. — Пусть информация уляжется. Вечер классный, просто пройдёмся...

— Ты не хочешь добавить, что воздух пьётся как вода из горного ручья, эльфы танцуют под звёздами, а боги приготовили подарки небес? — скептически улыбнулась Ольга.

— Отвяжись, — произнёс Вадим самое ласковое, что пришло в голову.

Ночь давно надела звёздную ночнушку, но долгий день всё не думал заканчиваться и отказывался ложиться в постель, словно перевозбуждённый ребёнок после ухода гостей.

До площади у мечети аль-Азхар — несколько минут неторопливой прогулки. Их шаги вторглись в спящий мир древнего города, причиняя головную боль чопорной тишине. Переполненные событиями, алкоголем и неизвестными химическими соединениями, поступившими из кальяна, они топотали так, словно по улице шёл взвод. Тут ещё Андрей громко затянул:

«Советский воин молодой.
Он испытаний не боится.
Смелее в бой
За мир пойдём,
Домой с победой возвратимся...»

Поддавшись ритму, все шли в ногу, дружно печатая шаг в паузах между строками.

Отчего получалось еще круче:

«За океаном нам грозят...»

«Бах, бах, бах», — гремело эхо, шарахаясь и отлетая от стен.

«Залить свинцом, залить нас ядом...»

Бах, бах, бах...

«Но порох наш...»

Бах, бах...

«Всегда сухой...»

Бах, бах...

«Мы помним бой под Сталинградом».

Эхо сокрушительно и бесшабашно веселилось.

— Откуда ты знаешь такую бредятину? — поинтересовалась Ольга.

— Хорошая песня, спиши слова, — потребовал Максим.

Андрей пытался разом ответить на все вопросы:

— Служил в армии. Это строевая песня нашего спецназа. Слова спишу.

Он сбился с ритма и тяжело перевёл дыхание.

— Ты и гимн России помнишь? — спросила Ольга.

— Обычно пою его в ванной.

— Надо же, крутой спецназовец, — мурлыкала Ольга. — Завалишь этого мрачного бугая? — игриво подначивала она, показав глазами на Вадима.

Вадиму было всё равно. Когда человеку хорошо, трудно его раздразнить.

Андрей понял, что эту тему лучше не развивать, и решил прояснить ситуацию:

— Я был в спецназе ротным художником. Рисовал плакаты. — Заметив разочарованный взгляд Ольги, добавил: — Но один раз мне удалось взорвать склад боеприпасов.

— Ты герой? Есть награды? — с недоверием и интересом спросила та.

— Нет. Это был наш склад. Я чудом избежал суда.

— Расскажи...

Вадим заметил, как от стены в паре десятков метров впереди отделились какие-то тени. Поскольку кусок стены ходить не мог, то это, скорее всего, были люди.

Догадка оказалась верна. Перед ними появились три странные фигуры. Выглядели они зловеще: небритые, с автоматами Калашникова в руках, со злыми, блестящими от наркотиков глазами.

«Как бы их правильно назвать?» — подумал Вадим.

— Уважаемые, — произнёс он, останавливаясь на наиболее верном в данном случае термине. — Аллах Акбар.

Но, похоже, его реплика не произвела на пришельцев правильного впечатления. Те недобро засмеялись.

— Руки за голову! На колени! — закричал один из них, размахивая автоматом.

Ввиду общей невменяемости оппонентов, разбираться с ними поручили Ольге, по привычке считая её «самой страшной в джунглях». Однако сегодня девушка была настроена миролюбиво, и атмосфера романтичной влюблённости туманила разум. Она бросила томный взгляд на главаря.

Тот вздрогнул и вдруг неожиданно присел и принялся любовно оглаживать свой автомат. С каждой секундой он всё больше погружался в это захватывающее занятие. Из угла его рта текла струйка слюны, глаза сияли идиотизмом, а руки ритмично и нежно ласкали шершавый ствол.

Его подельники с изумлением подошли ближе, и тут же наваждение охватило и их. Все уселись на корточки вокруг автомата приятеля и, сначала робко, но затем всё смелее, принялись ласкать оружие руками. Один из них, оттолкнув товарищей, облизал ствол. Никто уже не обращал никакого внимания на внешний мир.

— Что ты с ними сделала? — изумился Андрей.

— Слишком любят «калаши». Я просто усилила эту любовь, — кокетливо улыбнулась Ольга. — Наверное, в миллион

раз. Это ещё что. Сейчас начнут любить свои железки по полной.

Вадим понимал психологическую подоплёку колдовства: «Типичная выходка влюблённого подсознания, когда на уме один секс», — и ему очень не хотелось смотреть на то, что произойдёт дальше, поскольку знал, что логика ведьм находится далеко за пределами обычного человеческого ума.

— Ты всегда умеешь удивить, — сказал он, а затем повернулся к остальным: — Перестаньте скалиться, и пошли обратно в отель.

— Вот уж не думал, что в туристской зоне встречаются такие типы, — удивлённо сказал Максим.

— Уже не встречаются, — успокоила Ольга.

— Что это было? — попытался понять Андрей.

— Волшебство, — объяснила та.

— Тогда понятно.

Наконец, стало тихо. Древние дома дышали спокойствием. Но слово «спокойствие» теперь уже находилось за рамками их насыщенной событиями жизни.

— Так ты не рассказал о том, как взорвал склад, — напомнила Ольга.

Все заинтересовались. Андрей вернулся к своей повести:

— Нашей частью командовал, не к ночи будь помянут, полковник Иван Иванович Вгрызь. В его душе царила строгая армейская гармония. Он был на четверь садист, на четверть маньяк, на четверть идиот и на четверть параноик. В сумме — полный псих. За сотню долларов убил бы свою бабушку...

— Хорошая бабушка стоит дороже, — возразил Вадим.

— Тебе виднее, — не стал спорить Андрей. — Мы боялись его вусмерть. Он требовал, чтобы каждый боец умел расколотить кирпич лбом. И клялся, что может разбить камень своим могучим мужским естеством. Вдребезги. У нас частушки ходили:

«У Иван Иваныча
Тело крепче кирпича,
Не ходите, девки, замуж
За Иван Иваныча...»

Однажды дали мне задание: нарисовать плакат для стадиона. Получилось патриотическое полотно с мускулистыми военными, принявшими позу низкого старта для стометровки. Вид сзади, на линию ядрёных задниц. Сбоку довольное лицо полковника Вгрызя. Сверху текст: «Отдай честь Родине и спи спокойно». Хоть в музей вешай.

Ольга захохотала, а Андрей продолжал:

— Увидев плакат, сатрап заподозрил сатиру. Он забулькал и побагровел как варёный рак. Судя по всему, давление у него было ни к чёрту. Я уж подумал, что его апоплексический удар хватит, и надо лишь чуть-чуть подождать, а потом только и останется, что нарисовать портрет для торжественных похорон. Однако сердце выдержало, а лёгкие оказались хорошими. Во всяком случае, он рявкнул так, что плакат выгнулся, как парус под ветром: «Чё за хрень нахреначил! Расхреначивай на хрен! Отхреначил своё в штабе! Хреначь в караул!» В переводе это означало, что он послал меня часовым на склад боеприпасов. В ночь.

Андрей рассказывал смачно, не сводя глаз с Ольги и воркуя как голубь, увидевший особо привлекательную самочку.

— В караул меня собирали всей ротой: носки тёплые дали, фотографию Бриджит Бардо и флягу с водкой. И вот я стою, глотаю комаров. Комары там хищные — шинельку прокусывали. Но жирные, почти с перепёлку, и если водкой запивать — деликатес.

Андрей мечтательно притих. Все с интересом ждали продолжения. Рассказчик явно рассчитывал на реплику из зала.

— Ну, не томи... — произнесла, наконец, Ольга.

— Представляете, начало девяностых. Всё в стране в глубокой жопе. Наш склад боеприпасов представлял собой груду сараев, огороженных старой ржавой колючей проволокой. Деревенские пацаны регулярно резали колючку и крали то гранату, то пакет тротила, чтобы потом «бахнуть» где-нибудь неподалёку.

И вот я на вышке, ужинаю, любуясь проказницей Бриджит. Прожектор красиво так светит в лес. Вдруг вижу: паренёк появился, машет мне рукой и орёт: «Дяденька, тикай, Серёга сей-

час снаряд рванёт». Я не стал выяснять, кто такой Серёга. Забыл о Родине, мирно спавшей под моей охраной. Сиганул с вышки и бегом в сортир, благо после предыдущего ЧП гальюн у нас в воронке стоял, можно сказать, в укрытии. Только схоронился, понял, что неизвестный Серёга-таки «рванул». Сначала громыхнуло, а затем тишина наступила мёртвая. Взлетел я вместе с домиком и, как Элли, отправился в волшебную страну.

Очнулся в госпитале, врач — чистая Гингема, вокруг народец сказочный суетится. Было расследование. Начальника части хватил-таки удар. Меня судить не стали. Повезло. Кстати, мой плакат какой-то шутник всё же повесил. Говорят, до сих пор висит на стадионе, бойцов вдохновляет.

— И никто не заметил подвоха? — спросил Максим.

— Кто же эти плакаты разглядывает.

Все хохотали, и громче всех Ольга.

«Отличный парень, — неожиданно подумал Вадим новую для себя мысль. — Рассказывает смешно и умело пользуется этим. Наверняка, как только познакомится с красивой девушкой, начинает говорить и не умолкает, пока та не сдастся».

— Похоже, ты ей очень нравишься, — тихо сказал он, кивнув на Ольгу.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, ты же ещё жив...

— В другом мире и иной ипостаси у меня сегодня брачная ночь, — заявила Ольга, оттесняя Андрея от Вадима.

Через минуту они вышли к площади и сразу увидели знакомые патрульные машины. А ещё через несколько минут были в отеле.

Многие представляют вселенную в виде гигантской мысли. В ту ночь это была очень игривая мысль. Может быть, поэтому многие жители Каира не спали, а занимались сексом. Это относилось и к нашим героям. София ночевала в спальне Максима, Андрей — у Ольги.

Даже природа почувствовала любовное томление. Тихий посвист ветра клялся и обещал. Ветки деревьев податливо принимали его осторожные ласки. Звёзды игриво перемигивались друг с другом. Мошки затеяли эротическую игру в свете одино-

ких фонарей на набережной. Даже птички не улеглись, а разноголосо перекликались, запоздало призывая милого дружка.

И только у Вадима события ночи свернули в весьма неожиданную колею. Нет, сначала всё казалось обычным. Ему снился Вадимир, Великий Магистр «Ордена шестой заповеди», к которому в походный шатёр привели двух наложниц, очаровательных светлокудрых двойняшек, похожих на ангелочков. Скоро их изощрённые ласки утомили отважного рыцаря. Вадимир поднялся с ложа, застеленного леопардовыми шкурами, отодвинул полог и вышел в сияющую звёздами ночь. Перед ним расстилалась пустыня, залитая тусклым, словно состаренным, серебристым светом луны. Кое-где мерцали углями прогоревшие сторожевые костры. Темнота казалась сотканной из миллиардов разноцветных точек. Ночь умирала, её смоляная мгла покрылась белёсой сединой, и чувствовалось, что скоро в крови рассвета родится новый день.

И вдруг в сознании яркой вспышкой полыхнул сигнал тревоги. Сердце глухими толчками погнало кровь к напряжённым мышцам. По спине побежал предательский холодок. Расширенными от страшного предчувствия глазами он огляделся вокруг. Ничего особенного не заметно. Но чутьём дикого зверя он знал, что всё вокруг было не так, как должно быть...

ГЛАВА 4.

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ, КАК МНОГО ЛЕТ НАЗАД, БЕЖАВ ИЗ РОССИИ, ВАДИМ ПОПАЛ В МОНАСТЫРЬ ТЭЗЭ, И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

Автобус высадил Вадима в поле, на просёлочной дороге. Он огляделся. Вдали виднелись пологие холмы. Всё вокруг утопало в розовой и нежно-сиреневой дымке соцветий вишен и миндаля. Цветы и деревья изнемогали в любовном угаре, а воздух казался сотканным из золотистой пыльцы. Тёплые солнечные лучи ныряли в разогретую землю, как чайки за рыбой. Земляные букашки и червячки щекотали корни побегов, и те поспешно выскакивали из земли, трепеща от ласки ветра. На бескрайней скатерти окружающих полей виднелись яркие красные пятна маков. Будто Творец мира испачкал руки красной краской и теперь понаставил алых пятен на всём, к чему прикасался.

«Ещё на пятна крови похоже», — подумал Вадим. Как будто перед глазами поле боя, с которого только что унесли тела убитых, а кровавые лужи продолжают медленно впитываться в каменистую землю. Так бывает на передовой. Армии столкнулись и разошлись, но скоро битва начнётся вновь.

Наверное, на мысль о войне наводили стройные ряды армейских палаток вдоль дороги. По чьей-то причудливой фантазии их выкрасили в пронзительно-синий цвет.

Вадим дважды перечитал вывеску, укреплённую на придорожном столбе: «Добро пожаловать. Монастырь ТЭЗЭ». То, что было перед ним, мало походило на святую обитель в глубинке французской Бургундии. Обычно в таких случаях люди говорят: «Вот уж не ожидал такого!», пытаясь скрыть растерянность.

Например, вы приехали в гости к симпатичной девушке, а та встречает вас, держа в руках окровавленный тесак, в замызганной ночной сорочке, пытаясь незаметно пнуть мозолящее глаза помело. Или телеведущая прогноза погоды неожиданно предлагает зрителям вместе погадать на кипящих пельменях. «Вот уж не ожидал такого!»

В глаза бросалось полное отсутствие монастыря, ограждённого высокой стеной, сложенной из вековых камней. Не было огромных ворот с массивными дубовыми дверьми, обитыми металлическими полосами и способными сдержать толпу вооруженных варваров, которых одолело неудержимое желание пообщаться с монахами. Не было массивных зданий, поражающих туристов причудливой сакральной архитектурой.

Словно какой-то чародей спрятал монастырь под плащом-невидимкой, замаскировав его малоприметными строениями. Хотя оставил подсказку. За изгородью из стриженых кустов виднелась бревенчатая арка с открытым проходом. Наверху сооружение венчала лёгкая галерея с пятью колоколами. Всё было миниатюрным, ненастоящим, будто невероятное прятали в обыденном.

Вадиму показалось что дальше откроется реальность суровой детской сказки. Например, домик трёх свирепых голодных медведей, которые придут к завтраку и обнаружат его, костлявого парня, а не аппетитную Машеньку. Или дорога из жёлтого кирпича приведёт в замок людоеда.

Не угадал. За аркой плотным строем стояли неприветливые деревянные бараки мрачного коричневого оттенка. В целом обстановка напоминала то ли скаутский лагерь, населённый угрюмыми маньяками-пионерами, то ли странную военизирован-

ную коммуну хиппи. Люди, оказавшиеся в поле зрения, скорее подтверждали вторую гипотезу: здоровенный парень с гитарой, в джинсах и холщовой серой куртке военного покроя, и две девушки в длинных серых платьях с накинутыми сверху оранжевыми жакетами. На голове у каждой были массивные платки, прячущие лоб и волосы. Одна из дам непринуждённо помахивала пустым хозяйственным ведром, другая несла швабру, положив на плечо, словно ружьё или пику. Отсалютовали Вадиму как старому знакомому и прошли мимо. Вспомнил старое поверье: «Повстречал женщину с пустым ведром — жди беды».

Казалось, что весь окружающий мир чего-то ожидает, и стоит отвести глаза, как всё сразу изменится. Если бы звучала мрачная музыка с хриплым дыханием на заднем плане, было бы похоже, что он участвует в съёмках триллера. И сейчас появится режиссёр и громко прикажет неизвестным актёрам: «Хватайте его! Кусайте! Больше крови!»

Вадим поднял глаза, словно спрашивая у кого-то наверху, туда ли он попал. И сразу получил ответ. Прямо перед ним, на крыше центрального сарая, заметно большего, чем остальные, виднелось несколько куполов-маковок, увенчанных крестами. И где-то сбоку тяжело ухнул колокол, ворчливо сообщая неизвестную весть.

Нельзя сказать, что Вадим не был предупреждён.

Об этой необычной обители и его создателе ходило множество слухов и легенд. Кое-что рассказал отец. Что-то живо представлялось, навеянное окружающей обстановкой.

Основатель монастыря Роже Штюц был сыном лютеранского пастора из Швейцарии. Перед Второй мировой войной учился в Лозанне на теологическом факультете университета.

Предчувствие грозящего Европе апокалипсиса мучало парня. Роже считал, что остановить приближающуюся войну можно, если изменить сознание людей. Был уверен, что сознание определяет бытие. И не потому, что спорил с Карлом Марксом, утверждавшим обратное. Просто верил в Бога.

Юношу мучало простое, но вместе с тем невероятное откровение: вражда религий между собой — духовный нацизм. Бог существует для всех. Он не является христианином, иудеем или

мусульманином. И вообще не принадлежит какой-нибудь религиозной конфессии. Бог любит всех, не важно, на каком языке они молятся и какие обряды совершают.

Чтобы люди стали терпимее друг к другу, необходимо изменить пасторскую проповедь. Не следует доказывать превосходство своей веры или нации. Это ведёт в пропасть нацизма.

Преподаватели, добрые христиане, не были согласны с этой позицией, считая её ересью. Роже пришлось покинуть университет. Он переехал во Францию, где поселился в крохотном доме в Бургундии, в маленькой деревеньке, затерянной в унылой долине среди холмов.

Предчувствия не обманули Роже: мир взорвался войной, с концлагерями, пылающими печами и расстрельными рвами. Сбывались пророчества: «И освобождены были Ангелы, чтобы умертвить часть людей... Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю... Второй Ангел вострубил... и третья часть моря сделалась кровью, и третья часть судов погибла... Третий Ангел вострубил, и упала с неба звезда горящая... Четвёртый Ангел вострубил, и день стал как ночь... Пятый Ангел вострубил, и дым из земли, и убивающая саранча на небе, шумом от их крыльев, как от колесниц... Шестой Ангел вострубил, и умерла третья часть людей... Седьмой Ангел вострубил, и произошли молнии, громы, землетрясения и великий град... »

Чёрная тьма, ползущая по Европе, добралась до Франции.

Роже спасал беженцев-евреев, давая убежище в своём доме. Вскоре оккупанты получили донос на пастора, укрывающего врагов Рейха и жителей деревни, ему в этом помогавших. Но произошло чудо. Французский офицер, работающий у немцев, предупредил Роже о грядущей облаве.

Взбешённые гестаповцы, обнаружив пустой дом, повели себя необычно: не расстреляли никого из деревни и даже не сожгли её. Никто не знает, почему. Появился ли ангел, прикрывший селение своим крылом? Или Дева Мария переключила запутанные проводки в извилинах мозга немецких солдат? Но все узрели невероятное: эсэсовцы просто уехали. Тогда первый раз о Роже Штюце появилась молва как о святом.

После войны Штюц возвратился в свою долину и создал маленький монастырь.

Поначалу их было только несколько энтузиастов, которые допускали, что Богу можно молиться разными языками и для Всевышнего главное — вера и любовь, а не соблюдение узаконенных обрядов. Была высказана крамольная мысль, что, возможно, рай не украшен священными символами, а кресты, звёзды или иконы, вызывающие столько споров и даже войн, имеют ценность только в мире людей.

К весне 2002 года, когда сюда приехал Вадим, в монастыре молились и работали около ста монахов, католиков, православных, протестантов. И почти восемь тысяч человек, в основном молодёжь, ежемесячно приезжали со всего света в лагерь для паломников. А настоятелю, брату Роже, было уже около девяноста лет.

Реальная жизнь фантастичнее любого триллера, и Вадим даже представить себе не мог, что предстояло вписать лично ему в историю монастыря. И насколько кровавыми и страшными окажутся эти страницы.

Вадима поселили в просторной палатке, где жило ещё трое весёлых парней из Голландии. Вместе со всеми он готовил еду, мыл посуду и убирал территорию, проникаясь духом необычного братства. Вечерами, после общей службы в церкви, устраивались дискотеки. Теперь Вадим не понимал, почему в первый момент обстановка показалась ему мрачной, будто попал на передовую линии фронта и окружающий мир застыл в ожидании неминуемой битвы.

Вадим был потрясён возбуждённо-оживлённой и лишённой церковного драматизма жизнью в общине. Здесь не было привычных суровых старушек, принявших на себя строгий обет быть начеку и стоять на страже. Никто не поправлял и не указывал. Люди пришли к Богу и молились ему так, как умели. Во время проповеди многие сидели на полу. Но Вадим видел, что всех переполняло тёплое чувство причастности к сокровенному. Словно каждый оказался в единственно правильном месте, в тридесятом царстве, куда запутанными тропами привёл его волшебный клубок.

«Возможно, это и есть благодать», — думал Вадим. Впервые после нервной и напряжённой жизни в России он чувствовал себя спокойно. Мир вокруг был прост и понятен. Люди дружелюбны. Природа красива.

Через две недели Вадим попросил о встрече с братом Роже. Беседа состоялась в одном из уютных приделов церкви, после утренней службы. Язычки пламени свечей, колеблемые слабым сквозняком, почтительно склонялись в сторону алтаря. Там алыми парусами висели полотнища, превращающие помещение в подобие цветка. Вадиму показалось, что фигура монаха, сидящего в кресле, тоже излучает розовый свет. Возможно, эффект был связан с отблесками красного на белой одежде настоятеля. Вглядываясь в умные и лучащиеся добротой глаза, Вадим лукаво поведал ту часть правды, где рассказывалось, как единственный сын прогрессивного русского священника после трагической смерти любимого отца, ведомый Божьим провидением, приехал в этот монастырь, поскольку разделял идеи экуменизма.

Вадим чувствовал неловкость: вроде бы не врал, но получалось чересчур далеко от правды. Слишком похоже на сироп с клубничным желе, а совсем не на ту горькую похлёбку, которой питался все эти годы. Ему казалось, что это несоответствие понятно собеседнику, и, пытаясь оправдать себя, он лишь усугубил ложь, неожиданно добавив, что хотел бы стать монахом. Обалдев от этого заявления, притих, понимая, что поймать вырвавшиеся слова не удалось бы даже сачком.

Роже улыбнулся, внимательно вглядываясь в пришельца.

— Солдаты нам нужны. — И, заметив удивлённый взгляд Вадима, пояснил: — Монах — это воин Господа. Каждый священник в своей церкви сражается со злом. Только объединив прихожан общей любовью, можно заставить их перестать бояться и ненавидеть друг друга. И сделать их эффективным боевым отрядом Бога.

Он сделал паузу, а потом вдруг сказал неожиданную фразу, заставившую Вадима по-новому взглянуть на сидящего перед ним старца.

— Но кто объединит любовью враждующие друг с другом религии? Армагеддон, решающая битва Бога с дьяволом, не мо-

жет вестись разрозненными армиями верующих, вдобавок воюющих друг с другом. Христиане, мусульмане, иудеи, буддисты и все остальные тратят силы на борьбу друг с другом. Только объединившись, они победят общего врага — дьявола.

— Так у вас здесь Армагеддон? — попробовал пошутить Вадим.

— Возможно, — серьёзно ответил Роже. — Мы объединяем армии Господа. Враг силён, и победить его можно лишь общими усилиями.

— Запишите меня добровольцем! — странная ещё несколько минут назад идея стать монахом уверенно вошла в мозг Вадима, заняла койку в центре и принялась распаковывать пожитки.

— Хорошо, — ответил старый пастор, пряча довольную улыбку в колеблющихся тенях свечей. — Поживи с братьями, молись с ними, помогай в хозяйственных делах. Через год, если желание не пропадёт, пройдёшь обряд инициации и станешь монахом.

Лишь спустя годы Вадим понял, почему брат Роже несколькими словами сумел завлечь его в небесную брань. Мудрец сразу разглядел в нём воина-убийцу. То, что тогда ещё не было известно никому, включая самого Вадима.

Он стал жить в монастыре, наслаждаясь покоем, установившимся в душе.

В крохотной комнате деревянного барака была кровать, шкаф и стол с лампой, за которым можно было писать и читать. Туалет за углом. Душ — за двумя. Вставали рано, около пяти утра. После молитвы занимались хозяйственными делами, которых всегда оказывалось много. В восемь завтракали. Потом была утренняя служба, за ней обед, хозяйственные дела, вечерняя служба, встречи с многочисленными паломниками.

Странно, но, несмотря на плотно занятый день и непривычный распорядок, Вадим чувствовал себя комфортно. Казалось, что здесь, в монастыре, его безумная жизнь остановилась в состоянии равновесия, словно маятник, застывший в срединном положении. Он боялся спугнуть пришедший в сердце покой, понимая, насколько тот неустойчив. Для этого завёл ритуал действий: встать, умыться, помолиться, поесть, погулять, поработать, уснуть. Он старался ходить, наступая на одни и те же кам-

ни, знакомыми тропинками, в одно и то же время. И опасался, что любое нарушение этого распорядка вызовет изменения, способные зацепить маятник судьбы.

Свежий воздух и простая пища укрепляли и так неслабое тело. Вскоре сумел выделять пару часов в день на спортивные тренировки, которые проводил в роще за церковью. Там было несколько крохотных, заросших острой травой, сонных озёр. Их тёмно-зелёная гладь спросонья лениво таращилась на небо и плотную стену деревьев. Среди островков тины скользили водомерки; рыбки оставляли круги, стрекозы приземлялись на жёлтые кувшинки.

Вадим нашёл скрытую в густой тени полянку. Деревья причудливо переплелись кронами, образуя ажурный свод, пронизанный копьями света и тьмы. Отчего на мшистой земле, покрытой колючим сланцем, возникал чарующий орнамент, сотканный из солнечных зайчиков. Рядом журчал ручей. Он грыз берега со страстью юного щенка, забавляющегося косточкой.

Но однажды произошло, казалось бы, незначительное событие, которое заставило забеспокоиться, потому что понял, что нечто невидимое зацепило застывший маятник. И тот медленно, преодолевая инерцию, начал движение.

Это случилось на знакомой поляне. Он шёл, привычно наступая на собственную тень, и вдруг, подняв глаза, обнаружил в нескольких шагах перед собой пса, похожего на облезлого волка. Тот смотрел без боязни, оскалив мощную клыкастую пасть, словно произнося беззвучное приветствие, и Вадим вдруг осознал, что в окружающем его мире исчезли звуки: птицы замолкли, журчание ручья выключили, и лишь в далёком лесу кто-то упивался драматическим эффектом от своего воя. В ушах зазвучал почти неуловимый гул. Кто-то сказал бы, что это шум крови, но Вадим знал, что это шорох шевельнувшегося маятника.

Случилось то, чего он давно ожидал, а возможно, даже и желал, не отдавая себе отчёта, чем-то таинственным, прячущимся на дне безумной души. Но тело было не в курсе его тайных стремлений к приключениям и подвигам. Тело жило своей жизнью и опасливо сторонилось перемен. В этом мудрость эволюции: бороться за выживание изо всех сил, плевать на мнение

разума, души, да и на любое другое мнение. Поэтому затаиться и не высовываться — лучшая стратегия организма. Сейчас Вадим и его тело оказались по разные стороны баррикад.

«Может быть, это волк, — подумал Вадим, глядя на существо, стоявшее перед ним. — Уж слишком дикие и злые у зверя глаза». Тело требовало: «Убей чужого, пока тот не напал». А душа сказала: «Подожди!»

Человек и животное стояли, уставившись друг на друга. Потом волк сделал быстрое, почти неуловимое движение, сразу оказавшись рядом, и вдруг лизнул руку. Затем мгновенно исчез, растаял в воздухе. Звуки вновь включились. Хотя что-то вокруг изменилось. Мир теперь не казался безопасным, даже птицы запели по-другому. Они тревожно вскрикивали, словно почувствовали внезапную угрозу. Да и в звучании ручья слышался странный металлический лязг, словно где-то перекатывались тяжёлые железные шары. Знакомый пейзаж тоже неуловимо поменялся, будто бы к каждой детали прицепили что-то невидимое, но страшное.

Вадим с изумлением разглядывал свою влажную от чужой слюны ладонь, и по спине бежали мурашки.

Так было в детстве, когда отец принёс к ужину большую щуку. Дохлая рыбина виделась абсолютно безопасной, и он, смеясь, засунул палец в пасть. И вдруг оказалось, что вынуть палец невозможно, несмотря на слизь, обильно заполнявшую оскаленный зёв. Загнутые внутрь зубы мёртвой хваткой вцепились в кожу. Безобидный детский мир тогда тоже исчез, заслонённый невесть откуда возникшим кошмаром.

Вот и сейчас Вадиму показалось, что он только что засунул руку в неведомый мир, который уверенно пытается затянуть его внутрь целиком. И след от потустороннего, липкого и влажного поцелуя остался на ладони.

Ствол дерева за плечами шевельнулся, коснувшись плеч корявыми ветками. Парень резко обернулся, разум бессознательно выбросил сгусток энергии, дерево треснуло и рухнуло, сражённое невидимым мечом. Резкий звук, прозвучавший как выстрел, взбудоражил ещё больше. Крутанувшись вокруг, обрушил ещё несколько осин, разметал некстати попавшийся на

глаза муравейник и с трудом заставил себя успокоиться. Тишина окружала; ни звука, ни шороха. Вокруг лежали поваленные деревья, словно здесь только что упал Тунгусский метеорит, или, скорее, его крохотная часть, если судить по силе содеянного. Казалось, то загадочное, что таилось в Вадиме, созрело и, разорвав скорлупу, вырвалось наружу.

Он успокоился; кипящий магической энергией разум остывал, отяжелевшая, безжалостная сила, словно домашний волк, легла у ног хозяина. Вадим ощутил себя заново рождённым. «Надо побрить голову, налысо», — пришла неожиданная мысль.

Маятник судьбы теперь уже уверенно рассекал воздух, раскачиваясь всё сильнее.

Жаркое лето сменило красавицу весну, потом пришла плакса-осень, которую, в свою очередь, выставила за дверь прямо на мороз жестокосердная зима. Надо сказать, что зима в центре Франции оказалась невероятно холодной. С гор дули пронизывающие ледяные ветра. Хотя температура крайне редко опускалась ниже нуля, все мёрзли отчаянно. Центральное отопление отсутствовало. В холодные дни разрешалось включать крохотные электрические обогреватели. Тогда было чуть теплее. Ночью Вадим накидывал на себя несколько одеял и спал в одежде. Жалобы считались неуместными. Но довольно скоро привык к холоду и даже совершал пробежки, одетый лишь в кроссовки и шорты.

Он ещё несколько раз встретил в лесу загадочного волкапса. Теперь Вадим чувствовал, что обретённый душевный покой — лишь отвлекающий манёвр судьбы, сжимающейся в гигантскую пружину ловчего механизма, чтобы со свистом выбросить сеть, которая спеленает жертву тысячами прочных уз, лишит воли и сделает беспомощной перед неумолимыми обстоятельствами. Не все бурные события начинаются с вежливого предложения коварного пресмыкающегося отведать яблочка. Зачастую они наступают постепенно.

Вадим поначалу не придал значения необычному и яркому сну, приснившемуся в начале зимы. В первый раз он даже не понял, что видит потусторонний мир. То, что ему привиделось, было совсем не похоже на небесные сферы. Ни тебе сияющих

ангелов, ни грозного гласа Божьего, ни клубящихся облаков, как, впрочем, обошлось и без раскалённых сковородок и иных грозных атрибутов, так подробно описанных в специальной литературе. Лишь огромная, уходящая за горизонт бесконечная лощина между пологими холмами.

Пейзаж казался знакомым. Вадим сообразил, что если добавить сюда пару французских деревень и сотню-другую деревянных бараков, получится место, где он сейчас жил. Но то, что в реальной жизни казалось мирным и даже сонным, здесь выглядело как поле битвы, где шло незатихающее сражение хороших парней с плохими. Кто из них кто — разобрать было сложно. Конные и пешие люди, одетые в металлические доспехи, кольчуги или просто кожаные нагрудники, рубили друг друга мечами и копьями, всаживали в тела пики, топоры и иные острые предметы. Лучники поливали сражающихся градом смертельных стрел. Драка бушевала вовсю. Участники носились туда-сюда, стараясь нанести противнику максимальный урон. Мёртвые грудами лежали на земле, не участвуя в общем веселье и наверняка завидуя живым.

Вадим заметил среди сражающихся себя. Он мчался на коне, закованный в броню, и оттого делался похожим на страшного металлического монстра. Чтобы усилить эффект, из сочленений доспехов торчали острые шипы. Лицо прикрывала маска смеющегося дракона.

Во сне хорошо участвовать в жестоком бою. Ощущаешь себя в полной безопасности, смерть над тобой не властна и события не воспринимаются как кошмар. Скорее как исторический фильм, где приятно вместе с главным героем рубить незнакомых врагов, не испытывая угрызений совести за их судьбу. Тем более что здесь главным героем, ловким и сильным, был именно он. Тело было наполнено мощью и проворностью, когда кажется, что для тебя нет ничего невозможного.

Человеческий род, вернее, его мужская часть, любит убивать, что бы там ни говорили. Мальчики с детства дерутся как бешеные и играют в войну, чтобы страсть к убийству не захлёстывала их всю оставшуюся жизнь. Повзрослев, мужчины смотрят кровавые боевики, занимаются боксом и единоборствами,

а те, кто послабее, просто орут на футбольных соревнованиях. И всё для того, чтобы хоть как-то удовлетворить эту безудержную страсть. Те, кто никогда не делал этого, рискуют однажды быть поглощёнными неудержимой жаждой насилия. Тогда самый тихий человек бьёт жену, пинает кота и разбивает принтером голову начальника.

Проснувшись, Вадим был поражён красочностью видения, множеством исторических деталей, богатством звуков и запахов. Реальный мир показался несколько более тусклым, а собственное тело — слабым и капризным. Там кольнуло, там заболело.

Но за множеством обыденных дел сон почти забылся, отступив на периферию сознания. Словно мозг признал произошедшее интересным, но лишённым практического значения, и решил отложить информацию в сторону. До поры...

Через пару недель, крепко заснув после трудов праведных, вновь оказался на том же поле боя и сразу понял, что видит продолжение знакомого сна. Вадим узнавал пологие холмы, поросшие буйной травой и мелкими кустами. У подножия растительность исчезала, уступив место грязным вытоптанным каменистым проплешинам. По-видимому, непрестанная толчея в долине сильно портила газоны. В новом сне опять бился с врагами. Хотя сражение происходило довольно странно.

Во время боя из тел воинов вылетали навстречу друг другу какие-то плотные сгустки тумана, быстро меняющие очертания и от этого казавшиеся живыми, похожими на хищных животных. «Они действительно живые», — понял он, когда из собственного тела навстречу противнику вылетело нечто, похожее на знакомого волка. Того самого, встреченного на поляне у озерка.

Это происходило не всегда, а в момент наивысшей ярости, можно сказать, боевого экстаза. Тогда призрачный волк вгрызался в горло неприятеля, раздирая его в клочья, ещё до того, как меч Вадима обрушивался на тело. Иногда волк натыкался на такую же туманную сущность, вылетающую из тела врага, и между ними завязывался свой поединок, продолжавшийся параллельно схватке хозяев. На поле боя среди сражающихся

людей метались серые тени жутких ночных кошмаров. Но Вадиму не было страшно. Во сне он дружил с чудовищем, живущим внутри и изредка вырывающимся наружу.

Вновь и вновь вспоминая ночные видения, Вадим осознал: это совсем не похоже на обычное сновидение. Хотя бы потому, что все детали ночного боя чётко запомнились. Да и реальность сражения была несоизмеримо выше обычных туманных и смазанных снов.

При этом он понимал, что между реальным Вадимом и рыцарем из сна существует разница. Словно это два разных человека, похожих друг на друга и объединённых чем-то непонятным. Возможно, лишь он спящий может видеть другого и ощущать его эмоции. Неизвестно, знал ли рыцарь, что за ним подглядывают. Если нет, то, наверное, они не могли влиять друг на друга.

Пытаясь объяснить себе сложную взаимосвязь себя и персонажа из снившегося ему другого мира, Вадим представил, будто актёр смотрит на себя в кино. Актёр знает эмоции своего персонажа, поскольку сыграл эту роль. При этом персонаж с экрана не может взглянуть в зрительный зал, воскликнув: «Кого я вижу! Как приятно увидеть себя, любимого». Ни один, ни другой, казалось бы, не связаны друг с другом, но, безусловно, это одна и та же личность. Проблема была только в одном. Вадим не мог понять, кто он в этом примере. Персонаж на экране или актёр в зале?

Удивительный сон стал являться регулярно, иногда раз в неделю, а порой и чаще. Довольно скоро он стал разбираться в сюжетных деталях ночных видений.

Враждующие армии, которых было не меньше десятка, стояли в разных концах поля. Посередине возвышался пригорок, или, скорее, холм правильной формы. Там стояло несколько шатров и висели разноцветные флаги. И именно оттуда осуществлялось общее командование.

Когда войска обнаруживали, что мутузят друг друга без видимого успеха, применялись военные хитрости. Словно игрокам требовалось определить новую стратегию, чтобы пройти на следующий уровень компьютерной игры.

К тому времени Вадим уже твёрдо уверовал в мистический характер ночных видений. Вера тем и хороша, что не нуждается в аргументах или объяснениях. Он был убеждён, что видит тот самый загробный мир, о котором так неубедительно твердят проповедники. Хотя, если бы Господь желал от нас понимания, а не слепой веры, дал бы людям значительно более понятные святые писания.

В монастырской библиотеке он обнаружил неожиданное подтверждение существования призрачных зверей-убийц. В альбоме «Средневековые захоронения» указывалось, что на крышке древних саркофагов лежала скульптура рыцаря, у ног которого всегда находился загадочный зверь: волк, змея, лев, вепрь...

Год прошёл незаметно. Непрерывно участвуя в увлекательной божественной битве, Вадим, кажется, нашёл для себя ответ, который не мог получить от отца. Почему Бог допускает на земле бесконечные войны и насилие? Ответ был на поверхности. Потому, что у него наверху всё то же самое. Кровь льётся рекой, все убивают друг друга, а на земле мы видим лишь малую часть отражения небесных битв.

После смерти многие планируют жить добродетельной жизнью в загробном царстве, будучи уверенными, что верующего могила исправит. Похоже, что всех ждут сюрпризы.

Невнимательно читающие Библию считают Бога честным и справедливым. Ну что же, блаженны ищущие и жаждущие правды.

Кое-кто исповедует религию в весьма практических целях, считая её подспорьем в бизнесе и любви или даже эффективной системой оздоровления. Пусть и у них будет надежда.

Большинство уверено, что на том свете воздастся по заслугам. Вот это в точку. Только неизвестно, что зачтётся в плюс, а что в минус.

Он решил обсудить некоторые мысли с настоятелем Роже.

Тот заметно старел, делаясь слабее, и всё чаще страдал от многочисленных недомоганий.

— Почему Бог допускает войны, несправедливость, болезни, страдания?

— Бог ни на кого не воздействует насилием, — ответил брат Роже. В тот день он был простужен и слегка подкашливал, отчего постоянно прикладывался к платку, который держал в руке. — Три тысячелетия тому назад пророк Илия ушёл в пустыню, чтобы там слушать Бога. Однажды, когда он был в пустыне, разразился страшный ураган, земля содрогалась, молнии разрывали небосвод. Но Илия почувствовал, что Бог не в этих бурных проявлениях стихии. И вскоре ураган кончился, наступило полное спокойствие, и Илия услышал глас Бога в веянии тихого, почти незаметного ветерка. И ему открылась удивительная истина: часто глас Божий доходит до человека в дуновении безмолвия.

Вадим задумался. Брат Роже тоже молчал, лишь вытирая платком мокрые губы.

Наконец Вадим сказал:

— Получается, что Бог оставляет человеку возможность самому решать, как вести себя? И источник насилия и несправедливостей в этом мире — человек, а не Бог?

— Конечно, — ответил брат Роже. — Бог не хочет ни страданий, ни человеческих мучений. Более того, Бог не является пассивным свидетелем человеческих страданий. Он страдает с каждым. Поэтому у Бога есть непрерывная боль. Но он не навязывает себя никому. Он оставляет нас свободными. Любить или ненавидеть, прощать или отказаться от прощения — выбор самого человека. — Брат Роже закашлялся.

Вадиму стало скучно. Он вдруг подумал, что, возможно, святой старец Роже слишком идеализирует Создателя. Возможно, потому, что никогда не был в загробном мире. Грохот безжалостной сечи — вот голос Бога. Запястье правой руки ныло от тяжёлого меча. В ушах стояли стоны и крики умирающих. Если это — «незаметный ветерок в безмолвном дуновении», то что будет, если Бог сердито повысит голос? Или крикнет, треснув кулаком по столу? Что для него, Всемогущего, гибель миллионов? В конце концов, стрижём же мы себе волосы и ногти, не задумываясь о клетках, которые гибнут при этом.

Брат Роже, казалось, не ощущал скептицизма собеседника.

Вадим решил не посвящать того в свои мысли и понял, что беседу пора заканчивать.

— Тебе пора становиться одним из нас, нашим братом, — ласково сказал ему на прощание Роже.

— Пожалуй, — согласился Вадим. Иногда лучшая правда — ложь.

Обряд инициации проходил весной.

Одетые в белое монахи собрались в церкви. Среди них в такой же белой рясе стоял Вадим. Перед ними в кресле у алтаря сидел брат Роже. Фигура старца светилась, как обычно рисуют изображения святых на иконах. Сразу нашёл объяснение феномену: свет, поступающий сзади, сквозь витражное стекло, окутывал настоятеля в светящийся ореол. Лицо и тело утопало в тени, поэтому возникал эффект свечения, словно в кресле сидел божественный посланец, говорящий ритуальные слова:

— Брат, чего ты просишь?

— Божьего милосердия и общины моих братьев, — тихо ответил Вадим заученный текст.

Неожиданно почувствовал, как под светлой туникой по коже потекли струйки пота. Голова закружилась. «Церковь — это портал в невидимый мир», — вспомнил Вадим чьи-то слова. Здесь мыльный пузырь реальности очень тонок. Потусторонний мир давно проник внутрь его разума и давал о себе знать. Вадим прислушивался к странным звукам и шорохам, пока тихим, на самой грани слышимости. Бесполезное занятие — стараться не думать о том, что лезло из щелей подсознания: о мертвецах, о горах разрубленной плоти, гниющих остатках живых тел и прочих плодах Божьего милосердия. Он уже почти не слышал, что говорил брат Роже.

— Да завершит Бог то, что Он начал в тебе. Иди же вослед Христу...

Вадим вдруг услышал в тихой церкви лязг мечей, который становился всё громче. Вот из угла раздались стоны, причитания и проклятья. Вадим с ужасом взглянул туда, но ничего, кроме горящих свеч и смиренно склонённых капюшонов братьев, не увидел.

— Доверяй тайны твоего сердца. Знай, одному из братьев поручено слушать тебя...

С ужасом представил, как он рассказывает о своих видениях монахам. Доступ в кошмар войны загробного мира привёл бы благостный монастырь в состояние всеобщей шизофрении.

Правое запястье вновь заныло. Казалось, что в руке у него тяжёлый клинок, покрытый грязью и бурой кровью. «Не мир пришёл Я принести, но меч», — вспомнились страшные слова Христа.

Вадим вдруг обнаружил, что вокруг тишина. И понял, что все ждут его слов. Что они хотят услышать? Что быть воином Христовым — совсем не теоретическое понятие? Солдат по уши в крови, в дерьме, и грех на нём, а не на генералах, не марающих своих рук убийствами.

Слова ритуала всплыли сами:

— Прими меня, Господи, и жив буду, и возрадуюсь в ожидании моём, — заученно произнёс он.

Следующие слова брата Роже прозвучали мощно и заполнили собой пространство церкви:

— Брат, вспомни, что сейчас будешь отвечать Христу, призывающему тебя. Хочешь ли ради любви ко Христу посвятить Ему всё твое существо?

«Разве у меня есть выбор? — подумал Вадим. — Кто спрашивает новобранца, хочет ли он воевать? Уважает ли старшину? Предан ли генералу? Любит ли главнокомандующего?»

Ответил просто, будто призывник на продуваемом ветром плацу:

— Хочу.

— Хочешь ли служить Богу в нашей общине вместе с другими братьями?

— Хочу.

— Хочешь ли ты, отказавшись от всякой собственности, жить со своими братьями, деля с ними не только материальные блага, но также и духовные богатства, стремясь к открытости сердца?

— Хочу.

Вадим чувствовал себя страшно усталым, как будто в каждой руке по гире, а ещё парочка привязана к ногам. Неприятный грязный туман застилал зрение, отчего глаза хотелось протереть. Неожиданно услышал всхлип, похожий на смех. Или смех, подобный сдерживаемому женскому рыданию.

Руки покрылись гусиной кожей. Взглянул на неподвижно стоящих братьев.

Неужели никто не слышит? В колеблющемся мраке восточного придела кто-то прятался. Там ощущалось какое-то почти неуловимое движение. И вновь раздался девичий смех, негромкий, но очень чёткий. Теперь ошибиться было нельзя.

«На церемонии не бывает женщин», — изумлённо подумал Вадим. Может, это Дева Мария явилась благословить нового воина Христа? Вспомнил видение Богоматери в далёкой России. Вот и сейчас она не оставляет его своей заботой и, как любящая мать, пришла на присягу сына-солдата.

И точно, от колонны отделилась призрачная женская фигура, укутанная в покрова. От неё исходила дымка, сияющая в колеблющемся свете свечей — так бывает, когда горячее солнце высушивает мокрую одежду. Тени от красных полотнищ, свисающих с потолка, частично прикрывали волшебную незнакомку, окрашивая облачения в розовый цвет.

«Почему никто из братьев не замечает чуда?»

Женщина медленно двигалась навстречу и наконец вышла на свет. Вадим с изумлением разглядел, что в руках девы острый кинжал, и одеяния красны от пропитывающей их горячей дымящейся крови. Фигура приподняла склонённую голову, и Вадим увидел красивое восточное смуглое лицо с острыми чертами. Её глаза обжигали, словно два горящих луча. Дева улыбалась, обнажая мелкие неровные зубы, хищно сверкающие за узкими губами.

Липкий ужас сдавил затылок. Что-то страшное стучалось на пороге его разума. «Вдруг это не Дева Мария?» — проскользнула неприятная мысль.

Мозг Вадима не хотел принимать пугающего откровения. Его мысли метались, словно муравьи, обнаружившие заполз-

шую к ним гусеницу. Гадкая захватчица разрушала своим ядовитым телом безукоризненное здание муравейника. Разум срочно выстроил контраргументы: «В новозаветном Апокалипсисе Христос предстаёт воителем в запачканных кровью одеждах, истребляющим врагов Божьих. И известно множество икон Богородицы, плачущих кровью о грехах человеческих. Пусть то, что происходит сейчас, не вписывается в канон. К апокалиптическим видениям надо привыкнуть. Поэтому они даются не всем».

Женщина медленно пробиралась среди братьев. Те, словно слепые, смотрели сквозь неё, замерев, как в детской игре. Сзади тянулось огромное мокрое пятно бордовой крови. Он слышал мягкое хлюпанье её шагов.

Горячая вспышка обожгла язык, гортань, лицо и ослепила глаза. Показалось, что сжимает зубами оголённый провод и только что включили ток. Дёрнулся, прижав руки к зажмуренным векам, и боль вдруг отступила.

Вадим почувствовал, что кто-то держит его за руки, и отпрянул. На него сочувственно смотрел один из братьев. Загадочной женщины рядом не было. Инициация продолжалась.

— Хочешь ли, чтобы мы стали единым сердцем и единой душой и вместе согласно служили Богу?..

— Хочу, — еле слышно отвечал Вадим. Вновь раздался чуть слышный смех.

— Тогда, ради Христа и Евангелия, ты стал братом нашей общины.

Брат Рене подошёл к нему и, счастливо улыбаясь, надел на палец Вадима кольцо.

— Пусть это кольцо станет знаком твоей верности Господу, — сказал он.

Вадим вздрогнул, потому что кольцо обожгло. И тут раздался дружный хохот. Казалось, толпа безумцев вырвалась из психушки и теперь радовалась обретённой свободе. И вновь, кроме него, этого никто не слышал. Ужас, словно нож, полоснул по нервам. Хохот сменился пронзительным истерическим визгом, и Вадим упал в обморок.

Он пришёл в себя в келье. Рядом с ним сидел брат Филипп — огромный белобрысый парень, похожий скорее на тяжелоатлета, чем на монаха. Диссонансом с могучим телом было лицо, кроткое и даже красивое. Наверное, за счёт голубых глаз.

— Меня избрали быть твоим наставником и другом, — сообщил тот.

— Что со мной? — спросил Вадим.

— Инициация, считай, новое рождение. Вот и перенервничал, — качнул головой Филипп, сочувственно сгорбив плечи. Балахон натянулся. Нити затрещали. Парень поднялся, отчего в комнате стало совсем тесно. — Отдыхай. Спи. Сегодня можешь не ходить на вечернюю службу.

Слова Филиппа вязли где-то в тумане. Вадим провалился в сон. Перед ним опять была бескрайняя равнина.

Войска накатывались друг на друга словно волны, бьющиеся среди скал в беспощадном и бесконечном поединке. Бешено сверкали и скрещивались мечи, вскидывались щиты, отражая невообразимую силу удара. С тупым грохотом ударяли топоры в покрытые кожей и металлом тела и доспехи.

Вадим вдруг понял, что все эти звуки складываются в грозную и привлекательную какой-то страшной красотой симфонию сражения. Барабанами стучали копыта коней, медными тарелками клацал металл о металл, духовыми группами трубили боевые фанфары и рожки. Над всем этим звучал мощный человеческий хор из криков, стонов, воя. Долина ревела страшным многоголосьем, и можно было различить мелодию, стоявшую за всем этим грохотом...

И вдруг он ощутил, что сзади него на коне оказался ещё кто-то, тесно прижимаясь всем телом и обхватив бёдра своими ногами. И услышал слова, громом прозвучавшие в мозгу:

— Сражайся. Ты не можешь быть убитым. Ты неразрушим, постоянен и неизменен.

Рыцарь попытался заглянуть за спину, пытаясь понять, что за философ сидит сзади. Но сделать это было практически невозможно. Доспехи мешали вертеть головой. Да и лошадь проворно скакала вперёд, словно не чувствуя веса таинственного незнакомца.

Тот продолжал:

— И не скорби ни о чём сущем. Всё вокруг нетленно. Но нет ничего более желанного, чем праведная война. Чтобы избегнуть греха, надо вступать в битву, дорогой принц Арджуна, — почти нежно закончил сидевший за спиной.

Всаднику показалось, что его с кем-то перепутали.

— Я не Арджуна! Я — Вадимир! — отчаянно крикнул он.

Даже спиной чувствовалось, что сзади были изумлены. Наконец в мозгу раздались громовые слова, которые теперь звучали не так пафосно:

— А со спины похож. Извини. Обознался.

Незнакомец исчез так же внезапно, как и появился.

Неожиданно впереди показалась плотная полоса всадников, стремительно летевших навстречу. Обдумывать случившееся не было времени. Через секунду началась сеча. Азарт сражения пьянил, в кровь поступало столько адреналина, что тело не чувствовало ни боли, ни усталости.

В больших дозах опасность приедается. Начинаешь чувствовать себя ремесленником, работающим у конвейера: «Удар влево, удар вправо, влево, вправо...». Минут двадцать такой монотонной работы способны вогнать в скуку. Возбуждение, царившее в душе, угасло.

Вдруг мир перед ним перевернулся, завис на мгновение в странном неустойчивом равновесии, а затем рухнул куда-то навстречу. Сначала он решил, что небеса пали на землю. Потом понял, что сбит.

Он валялся придавленный боком рухнувшего вместе с ним коня и, что называется, был не в форме. В голове завывала метель, в глазах плясали искры, словно попал в эпицентр праздничного салюта. Через мгновенье салют поутих, но лучше не стало, потому что увидел перед собой огромного всадника, закованного в серебристые латы. Солнце отражалось от них, и, казалось, всадник сиял, как огромная звезда. Нападавший поднял меч, готовясь нанести последний страшный удар. Откатиться в сторону не удавалось, ноги оказались запутаны в чём-то невидимом.

Меч уже опускался, как вдруг рядом появился незнакомец в огненно-красном плаще. Быстро нанёс удар сбоку серебри-

стому всаднику. И пока тело врага пыталось достать мечом двойника Вадима, отсечённая голова, прикрытая металлическим шлемом, улетала куда-то вверх, к небесам. Раздался удар — это изуродованное туловище свалилось на землю. Рядом грохнулась отрубленная голова. Забрало шлема открылось, и он увидел забрызганное кровью лицо пожилого человека. Странно, лицо это показалось хорошо знакомым. Но во сне он не испытывал особых эмоций к такому повороту событий. «Ну, знакомое лицо... Ничего удивительного, мир тесен».

Сзади вынырнул незнакомый спаситель, который спешился и помог подняться.

— Спасибо.

— Сочтёмся! — прокричал тот, быстрым движением вспрыгивая на коня. Красный плащ взметнулся словно знамя. Показалось, что голос нового друга был необычно высоким, почти женским. Но анализировать было некогда. Битва продолжалась.

Он проснулся... Перед глазами стояло лицо убитого рыцаря. Кровь хлестала из перерезанного горла. Но теперь он знал, чьё это лицо. Это был настоятель монастыря, брат Роже. Но почему во сне его двойник назвался Вадимиром? В памяти ожили далёкие, почти детские воспоминания. Кажется, во время путча в Москве у Белого дома странный человек окрестил его этим именем. События жизни оказались завязаны в невероятный клубок, нити которого уходили и в другой, потусторонний, мир. Мысль была тяжёлая, как вериги, и обжигала, словно соль рану.

В келье было тихо, только слышался равномерный стук.

«Это моё сердце», — понял Вадим. Скоро стук затих, сменившись таким же монотонным клацаньем. Вадим вновь провалился в сон.

Он сидел в походной палатке, пытаясь починить лопнувшие ремни седла.

Рядом сидел кто-то похожий на брата Филиппа и монотонно скрёб по лезвию меча наждачным камнем, снимая зазубрины.

— Сигурд! Слышал, нашего командира наградили? — спросил Вадимир.

— Иуду, — не поднимая головы, уточнил тот. — Везёт мужику. Тридцать сребреников выдали.

— Большие деньги...

— А то. Всё потому, что любимый ученик самого Христа. Вот и живёт как у Христа за пазухой.

— Большие деньги! — ещё раз повторил Вадимир. — А что за история вышла у них с Иисусом? Говорят, предал...

— Дурак ты, брат. Он выполнял задание своего учителя.

— Начни с начала и попонятнее, — попросил Вадимир.

— Иисус Христос хотел дать миру своё учение. Но люди недоверчиво относятся к новому. Сын Божий совершал чудеса, воскрешал мёртвых, исцелял прокажённых, открывал глаза слепым и кормил тремя рыбками тысячи людей. Но всегда находились скептики. Мол, мёртвый был ещё жив, слепой притворялся, а рыбу плохо сосчитали. Вот они с Иудой и решили, что мученическая смерть и воскресение убедят маловеров. Иуда всё и организовал.

— Сильный рекламный ход!

— Ещё бы. Весь мир поверил. Правда, Иуда совершил-таки одну ошибку. Видимо, обидно было, что предателем посчитали. Написал мемуары, назвал «Евангелие от Иуды». И всю правду-матку там выложил. Мол, выполнял волю Божью.

— А Иисус?

— Поначалу рассердился. Потом понял. Тем более что большого вреда не произошло, ведь Церковь скрыла неудобные писания. В общем, теперь они снова друзья.

— Да, связи решают всё.

Вновь наждачный камень монотонно скрёб по лезвию. Иногда Сигурд останавливался, поднимал клинок, сосредоточенно всматривался в него, ища дефекты.

Во сне Вадим полностью отождествлял себя с персонажем сна, рыцарем Вадимиром. Он чувствовал его эмоции и мысли, владел воспоминаниями. Поэтому знал, что завербовался в эту армию недавно, сам, добровольно. Пришёл сюда заниматься настоящим мужским делом на свежем воздухе... И ему здесь нравилось.

Он проснулся. Теперь окончательно.

В том году лето наступило поздно. Двадцатого мая вместе с братом Филиппом приводили в порядок клумбы с цветами.

Они сдружились, и обоим нравилось возиться в монастырском саду. Солнце сияло на безоблачном небе, но порывы северного ветра создавали ощущение прохлады. Работа была несложной. Полевые мыши, расстроенные холодной зимой, прогрызли трубки поливальной системы. Филипп разъединял шланги, менял на новые. Ему не требовался инструмент. Сильные руки, красные от загара, легко насаживали тугую резину на пластиковые анкеры. Вадим разрыхлял землю, закрывая готовые участки специальной материей, чтобы не росли вездесущие сорняки, колючки и маки. Для цветов вырезал дырки. Те, счастливые, просовывали свои яркие головки, как крохотные модницы в воротнички. Теперь им будет влажно в любое пекло. Иначе на летнем солнце почва высыхала почти мгновенно.

К ним присоединились две собаки, которые жили в монастыре праведной жизнью и пользовались всеобщей любовью. Псы повертели хвостами, получили свою порцию ласки и улеглись на солнышке. Две пары коричневых глаз внимательно следили за действиями работников. А четыре уха внимали каждому слову.

— Ты слышал о «Евангелии от Иуды»? — как бы невзначай спросил Вадим.

— Слышал.

— И что ты об этом думаешь?

— Фальшивка. Иуда не мог написать, поскольку повесился сразу после предательства.

— А его последователи могли?

— Наверное, да, — Филипп закончил скреплять шланги, которые улеглись на свои места, вспоминая, в каких праведных руках только что побывали. Он выпрямился и продолжал: — После смерти Христа каких только евангелий не создавалось. Но церковь выбрала только четыре, посчитав их истинными и отражающими суть религии христианства.

— Почему три из этих «истинных и отражающих суть» были написаны людьми, совсем не знавшими Христа? — Вадим тоже закончил. Теперь оставалось набросать на укрывную ткань камни, чтобы проказник ветер не испортил всю работу.

Филипп прикатил целую тачку гравия. Но, видимо, слова приятеля его задели:

— Не нам решать, что верно, а что нет. На то и существуют каноны.

— А я не хочу вслепую принимать чужие правила.

— Вадим, вся религия построена на слепой вере.

— Правильно, но эта вера — моя.

Приятели укладывали камни вместе. Получалось красиво. Герань сияла яркими красными цветами. За ней плотными кустами сидела красавица лаванда. Синие колоски упруго покачивались, словно тоже сомневались, спорили, размышляли. От растений исходил горький запах, которого боится всякая нечисть. Даже скорпионы и ядовитые пауки.

— Допустим, Филипп. Не будем лезть в канон. Но ответь мне на главный вопрос: для чего нас создал Бог?

— Тебя это действительно интересует?

— Блаженны ищущие и жаждущие правды. Может быть, Всевышний играет с нами в игру, пишет роман или снимает фильм, где мы все персонажи? И весь наш мир — продукт его воображения? И все мы — мысли его мозга?

Филипп был несогласен:

— Все святые утверждают, что Богом движет любовь к людям. Он нас полюбил, поэтому и создал, как образ и подобие.

— А если святые ошибаются? Мы часто принимаем желаемое за действительное.

Филипп сердился:

— Если не верить церковным авторитетам, всё здание церкви рухнет.

Они убрали мусор. Собаки приняли работу, расписавшись поднятием лап над свежими клумбами. Тележка будто самостоятельно катилась перед Филиппом. Он вёз её почти не касаясь. Разворот широких плеч и мощные грудные мышцы не скрывала даже сутана.

«Вот счастливый человек, без сомнений и комплексов», — подумал Вадим.

Однако думы беспокоили. И когда совсем становилось невмоготу, он шёл к настоятелю Роже. Тот охотно беседовал с мо-

лодым монахом, но Вадим понимал, что злоупотреблять не стоит. Здоровье настоятеля заметно ухудшалось.

Как-то он спросил брата Роже:

— Я нашёл в Библии в псалмах слова: «Дорога в очах Господних смерть святых Его». Что это значит?

— Слова из Писания говорят нам, что смерть святых драгоценна не только для нас. Сам Бог одобряет её, как нравственный ориентир для живых людей, — ответил Роже.

— Получается, что мученическая смерть часто служит благому делу в очах Господа?

— Своей мученической смертью на кресте Иисус спас человечество, взяв на себя наши грехи.

Вадим замялся, но наконец решился и спросил то, что мучало его последние дни:

— Самоубийство считается в христианстве смертельным грехом. На если святой знает, что его смерть поможет в духовном просветлении человечества, может ли он выбрать себе помощника, который должен устроить эту смерть?

Роже не отвечал. Вадим видел, что он очень стар и болен. Наконец тот сказал:

— Я часто думаю об этом... Что лучше: тихая и неприглядная смерть от немощи или, пусть даже мученическая, смерть, спасающая души людей? Многие «святые» Господа предпочли смерть, подобную нашему Спасителю...

— А помощник? — опять спросил Вадим.

— Не знаю, — неожиданно устало ответил брат Роже. — Тяжела его доля. Лишь Господь знает пути сердца нашего...

Он умолк. Вадиму показалось, что в глазах брата Роже что-то светилось. Может быть, это был вопрос, может быть, просьба, а может, просто старческая слеза, выдавшая себя невольным блеском...

Прошёл ещё год. Потом ещё один. Жизнь неторопливо шла своим чередом и незаметно добрела к лету 2005 года.

В общине Вадима уважали за трудолюбие и скромность. Но ночами, во сне, он превращался в неистового рыцаря Вадимира, ведущего свою бесконечную войну. Похоже, начальство его приметило, поскольку однажды пригласили в святая святых —

центральный шатёр на высоком холме. Он чувствовал гордость: не всё же одному Иуде получать награды.

Погода разгулялась, и полог шатра был приоткрыт. Стены украшали многочисленные стяги с яркими звёздами, крестами и полумесяцами. Флаги колебались от лёгкого ветерка, который пробирался внутрь, принося запах свежей травы и сладковатый трупный дух. Каждый день покойников убирали, но на солнце плоть гниёт быстро.

Вадимир блистал выправкой, начищенными до блеска доспехами и молодцевато стоял перед группой командующих. Те были одеты разношёрстно: от древнегреческих туник до средневековых камзолов. Военачальники за большим командным столом с интересом смотрели на рыцаря, словно ожидали, что он начнёт презентацию. Как всегда, во сне Вадим попал не к началу сцены, и фраза, произнесённая крепким мужчиной в белоснежном плаще, надетом поверх золочёной кольчуги, была продолжением идущего разговора:

— Мы слышали о тебе, Вадимир, как об одном из лучших рыцарей. Прошу, великий император Александр, брось взор на героя, победившего твоё войско силою великою и рукою крепкою.

Император, атлетически сложённый коренастый крепыш, кисло взглянул. Похоже, то, что увидел, не понравилось, и он горестно махнул рукой:

— Великий царь Давид. Как мне прикажешь воевать? У меня уже месяц не было пополнения.

— Сказано было, что пополнение из праведников лучших тебе направили, — с улыбкой возразил Давид.

— Это обычный юмор Петра. Он направил мне двадцать монашек из монастыря Святой Марии. Отличная альтернатива таким бойцам...

— Гм... — улыбка Давида стала шире. — Ничего удивительного, спрос на хороших воинов нынче превышает предложение. Твоё поражение в бою сильно изменило расстановку сил на Земле. Можно сказать, политическое равновесие пошатнулось. Сказано, — он многозначительно посмотрел куда-то в потолок, — «поскольку Великий Александр отступил, в Америке новый президент будет».

— Воистину будет. Там же каждые четыре года выборы. Это что, секретная оперативная информация?

— Такого президента еще не было... Никогда... Другой он. Чёрный.

— Речь идет о цвете ауры?

— Ну, не о цвете же кожи, — царь Давид снисходительно улыбнулся, поражённый наивностью вопроса.

— А Ирак? — спросил представительный мужчина в стильной чёрной тунике с нашивками из серебра.

— Это не ко мне, — быстро среагировал Александр.

— Да, — подключился Давид. — Что молвит брат наш Одиссей?

— Мы делаем перегруппировку.

— Это не перегруппировка, а бегство, — прокуренным басом захохотал мужчина в чёрной кольчуге.

Взглянув исподлобья на этого военачальника, Вадимир понял, почему иногда армии сражались с невиданным энтузиазмом и шли в атаку так энергично, словно бежали от чего-то страшного, расположенного у них за спиной.

— Дорогой Вельзевул, — мягко ответил Одиссей. — Это — очень быстрая перегруппировка.

— С такими манёврами весь Ближний Восток может запылать, — не унимался Вельзевул. — Революции начнутся в Ливии, Египте, Сирии... Там, глядишь, и Украина с Россией сцепиться могут.

— Дивное и немыслимое прорёк ты, — засомневался Давид.

— Вот уж фантазия богатая, — поддакнул Одиссей.

Вадимир чувствовал, что все чего-то ожидают и обмен репликами идёт просто чтобы занять время.

Неожиданно в центре палатки возник громкий хлопок, и в яркой вспышке материализовался юноша. Черноволосый, стройный, с почти женскими чертами красивого лица. Все военачальники почтительно склонили голову.

— Приветствуем тебя, господь Кришна! — громко возвестил Давид. — Чем обязаны?

— На героя вашего взглянуть хочу...

Вадимир неожиданно узнал голос загадочного существа, оказавшегося у него за спиной, на крупе лошади. Тогда с неким Арджуной перепутал. Может, и сейчас обознался?

Тот, кого назвали Кришной, удовлетворённо оглядел рыцаря.

— Пора тебе, воин, расти. «Бхагаватгиту» почитай, — наконец посоветовал он.

— Я всех почитаю — и Отца, и Сына, и Святого Духа, — скромно ответил Вадимир.

Кришна почему-то остался доволен ответом.

— Вот, простой парень, рубаха, боец, без заумствований, не хитромудрый... То что нужно. Приобрёл ты, рыцарь, благоволение в очах наших. Хочу орден религиозный организовать, что-нибудь пацифистское. Например, «Занимайтесь любовью, а не войной!»

— Длинновато как-то, — засомневался царь Давид.

— Верно, — согласился Кришна. — А как вам «Нет войне»?

— «Не убий», — неожиданно предложил Вадимир.

— Замечательно! — оживился Кришна. — То что надо, боевой «Орден шестой заповеди». Огнём и мечом будете нести знамя пацифизма грешным народам. Под моим непосредственным руководством.

Вадимир почувствовал, что не улавливает тонкостей причудливой божественной логики. Поэтому решил промолчать. Его новый начальник продолжал:

— Отпуск тебе полагается. Путешествуй. Наслаждайся. Пока не надоест.

— А скоро надоест?

— Недели через четыре. А потом на работу новую.

Стало ясно, что аудиенция закончена. Он повернулся и вышел из шатра.

С возвышенности долина была как на ладони. Пейзаж напоминал Вадимиру что-то очень хорошо знакомое. Только давно забытое, словно место из какой-то другой жизни или из сна. Он пристально вгляделся в расступавшийся утренний туман, и почему-то в памяти всплыла какая-то другая жизнь, возможно, виденная им во сне: Франция, бургундская провинция и маленький монастырь, затерянный среди пологих холмов.

В своей армейской палатке обнаружил Сигурда. Тот, как всегда, шлифовал клинок.

— Слух идёт, на повышение ты пошёл, — то ли спросил, то ли сообщил тот.

— Это правда, — подтвердил Вадимир.

— Закончил с войной?

— Честно говоря, я не понял, похоже, теперь воевать буду во имя мира.

— Что ж, убей всех, и мир наступит.

— Странно мы как-то воюем, брат. На игру больше похоже, вроде шахмат, что ли.

— Только кровавые шахматы...

— А что происходит с убитыми?

— Говорят, награда их ждёт великая на том свете.

— А мы на каком?

Сигурд молчал.

Вадим вновь проснулся. Теперь уже окончательно.

Брат Роже заметно сдавал, ведь ему было уже за девяносто. Но беседы с настоятелем продолжались.

— Знаешь, чего я боюсь больше всего? — Роже нездоровилось, и он лежал укрытый одеялом, несмотря на летнюю жару. В келье было душно, пахло лекарствами, камфарой. Так пахнет старость.

Вадим поправил сползавшее одеяло, а настоятель продолжал, словно прочитал мысли молодого монаха:

— Не хочу постыдной смерти от старческой немощи. Всю жизнь посвятил Всевышнему, и молю, чтобы и смерть моя была во славу Господа...

Вадим задумался. Смерть должна посрамить маловеров и прославить Господа. Где он слышал такое? И сразу вспомнил. Во сне...

— У нас стало меньше паломников? — спросил Роже.

— Нет, — слукавил Вадим, не желая расстраивать больного.

— Надо оживить наши идеи. Похоже, у нас стало меньше сторонников среди христиан.

— Европа объединяется, а христиане разъединяются.

— Скоро предстану перед Господом и не хочу, чтобы вместе со мной погибло дело, которому служил всю жизнь. Может быть, поэтому Всевышний не даёт умереть, а я устал...

Старец взял его за руку, глаза смотрели с надеждой. Вадиму показалось, что видит в них просьбу о помощи. «Хочет, чтобы я помог ему обрести покой, — пришла неожиданная мысль. — Мученическая смерть должна прославить дело его жизни. Не говорит об этом прямо, потому что любит и не хочет взваливать на мои плечи бремя Иуды...»

Вадим ощутил, как где-то в районе живота возникла пустота, тянущая и сосущая. Понял, что готов пожертвовать всем ради воли учителя, пусть по-своему наивного и чрезмерно доброго. И от этой мысли волна теплоты и покоя охватила тело. Свет неизмеримой любви сотрясал душу.

Он наклонился и поцеловал сухой морщинистый старческий лоб. Похоже, настоятель задремал.

— Сделаю всё. Да будет воля твоя, Отче! — тихо пообещал Вадим и вышел из кельи.

Принятое решение быстро проросло в душе, будто семя, упавшее на добрую землю. Таинственные силы в недрах его психики запустили процесс выполнения задуманного. И теперь неважно, бодрствовал ли он или спал, могучие механизмы, о которых мы не ведаем, ежеминутно взвешивали, прикидывали, рассчитывали, ждали подходящего случая. Внутри себя он чувствовал цель, чёткую и ясную, от сознания которой делалось легко и даже радостно. Ведь с ним сам Господь, который всегда поможет и подскажет своим чадам, тем более если работа предстоит не из приятных.

И знамение пришло. Однажды в главном молельном зале Вадим проводил обычную христианскую беседу с группой паломников. Вдруг он ощутил глас. Не слухом, а всем телом, словно внутри его сердца родились зовущие слова: «Иди, ты станешь тринадцатым и превзойдёшь всех, ибо принесёшь в жертву учителя своего...» Глас шёл от иконы Девы Марии. Стало жарко, словно стоял среди пылающих костров. Пот заливал лоб, стекая на глаза, отчего святой лик заволокла размытая дымка. Показалось, что и икону и пространство перед ней поглотило мерцающее облако, в котором виднелся чей-то силуэт. Туман перед лицом колебался, то ли от неверного света свечей, то ли от внутренней нетерпеливой дрожи, сотрясающей тело.

Вадим прервал беседу, извинившись перед паломниками. Перекрестился и вошёл в сияющее пространство.

Там стояла женщина, укутанная в тёмный платок. Он сразу узнал её: узкие губы, смуглое лицо с острыми восточными чертами. Только сейчас это был не призрак, виденный во время инициации, а обычная туристка. Таких дам неопределённого возраста с несколько повреждённым рассудком от регулярного посещения святых мест, одинаково горящими глазами и восторженной путаной речью, перемежаемой апокалиптическими предсказаниями, Вадим встречал уже немало.

Она истово молилась перед ликом Божьей Матери, негромко вскрикивая и торопливо крестясь. Обернулась на его шаги. Вадим заглянул в глаза, пылавшие безумием.

— Здравствуйте, батюшка, — между тем лепетала женщина, пытаясь найти длань, чтобы припасть губами.

Степенно благословил. Перекрестил, изучая.

Та мелко вздрагивала, боялась поднять глаза. Согнулась ещё больше, жалась к полу, как побитая собачонка. На дне её больного сознания сидел страх, словно ненасытное чудовище, готовое сожрать остатки разума и вылезти наружу, ломая хрупкие подпорки реальности.

Вадим понял, что Господь послал к нему самого неожиданного помощника, и в очередной раз восхитился неординарностью замысла Божьего. Он представил себя глазами несчастной: высокий монах в белоснежной рясе с гладко выбритой головой, блестевшей словно нимб. Не хватало только крыльев. Он расправил плечи, будто укладывая громоздкие крылья за спиной. Та молитвенно сложила руки, упав на колени.

Диагноз был понятен, даже без помощи психиатра. Теперь, с Божьей помощью, нужно придумать план. Господь и Пресвятая Дева помогли незамедлительно. Через мгновение он знал, что делать.

Страстно произнёс драматическим басистым шёпотом:

— Меня послал Бог Авраама, Исаака и Иакова и сын его Единородный, Господь наш Иисус Христос. Не смотри на меня, ибо ты ослепнешь! — Вадим остановился, задумавшись, стоит ли перечислять титулы дальше, но, взглянув на дрожащие плечи

паломницы, решил, что достаточно. — Господь Всемогущий избрал тебя для великой миссии. Достойна ли ты выполнить волю пославшего меня? — он умело подвёл женщину к нужной фразе.

— Грешна я... — сбивчиво призналась та.

— Иди, покайся, и простятся грехи твои, — Вадим строго указал дланью на ближайшую незанятую кабинку для исповеди.

Паломница рысью послушно метнулась прочь от грозного божественного посланца в тёмную исповедальню, похожую на примерочную кабинку магазина одежды. Вадим быстро проскользнул за ней в смежную, предназначенную для священника, часть. Между ними было маленькое окошко, занавешенное плотной тканевой сеткой.

— Выслушайте меня, святой отец, — сбивчиво начала женщина.

Далее последовала безумная исповедь, из которой следовало, что силы небесные давно ведут рабу Божью, а встреченный минуту назад Посланник Господень потребовал покаяния. Речь была путана, быстра, голос дрожал. Она, торопясь и захлёбываясь, рассказала о голосах, беседовавших с ней ночами и поведавших о всемирном масонском заговоре. Голоса повелели прийти в этот монастырь, где Зло восстало против Света. И чудо! Сам Ангел встретил её у пресвятого образа и назначил «избранной» для великой миссии.

Вадим понял, что неведомые небесные силы уже выполнили большую часть работы. Оставалась самая малость.

— Отпускаю грехи твои и благословляю на богоугодный подвиг! — ему удалось произнести это крайне эффектным протяжным басом. Драматическое мастерство Вадима на глазах повышалось.

На той стороне кабинки послышался слабый крик восторга, сопровождаемый бурным дыханием, так, что сетчатая занавесь колебалась.

Вадим продолжал, тяжело впечатывая каждое слово в больной мозг:

— Заговор существует, масоны затесались среди братьев и хотят убить настоятеля Роже.

— Я знала, я чувствовала!.. — в ужасе и восторге причитала женщина.

— Настоятеля собираются заколоть ножом, — зловеще прошептал Вадим, включая всю силу своего убеждения.

— Что делать? Что делать? — как заведённая, повторяла та.

— Господь выбрал тебя, сестра. Ты должна спасти святого человека. Его надо предупредить. Покажешь ему нож и расскажешь о заговоре, — медленно втолковывал Вадим. Он чувствовал, что разум женщины полностью подчинён его воле.

— Где я возьму нож? — спросила паломница, уже спокойно, словно сомнамбула.

— Купи в деревне, кухонный, для разделки мяса. Подойдёт любой, лишь бы пострашнее. Завтра на вечерней службе подойдёшь к настоятелю. Бог проведёт тебя, и братья монахи расступятся.

— Да. Конечно. Да...

На следующий день на вечерней службе Вадим стоял за креслом брата Роже, который обычно молился в правом приделе храма. Ждал. Мышцы шеи сводило от напряжения. Наконец, за спиной почувствовал движение и, обернувшись, увидел знакомое женское лицо. Как бы случайно посторонился, давая возможность «избраннице Божьей» подойти к старцу. Повернулся к Филиппу, заслоняя их собой, и тихо сказал:

— Сегодня хорошая служба. Господь среди нас.

— Конечно, — согласился брат Филипп.

В храме запели. Тысячи людей славили великую жертву Бога во имя любви к людям.

Всем телом Вадим ощущал трагедию, разыгрывающуюся рядом. Он ещё смотрел в глаза Филиппа, поймав его взгляд, как в силки, когда сзади послышались громкие голоса, перекрывающие звуки хора. Вадим обернулся. Женщина что-то исступлённо кричала брату Роже, показывая нож. Настоятель отшатнулся. Вадим усилием воли толкнул её руку к горлу старца, а затем так же мысленно качнул лёгкое тело Роже навстречу лезвию.

В церкви завизжали. Стоявшие рядом братья кинулись на женщину, та билась и кричала невнятные безумные фразы, размахивая окровавленным ножом. Её лицо изменилось, стало

хищно-звериным. Она оказалась невероятно сильной, легко выскальзывала из чужих рук. С трудом преступницу обезоружили.

Вадим склонился и увидел, что из горла настоятеля течёт кровь, и показалось, что тот смотрит с благодарностью на любимого ученика. Однако через мгновенье ему стало понятно, что рана неглубокая, просто поверхностный порез.

— Жив! — закричал Вадим братьям, подхватывая настоятеля на руки. — Вынесу его отсюда. Вызывайте врача и полицию! — крикнул, уже двигаясь сквозь расступавшихся людей.

Он легко нёс невесомое тело старца. Перед ним бежал Филипп, расталкивая толпу. Скоро оказались в келье Роже. Положив настоятеля на постель, Вадим повернулся к товарищу:

— Принеси воды, бинты и чистые салфетки.

Тот выскочил из кельи.

На несколько секунд Вадим оказался наедине с настоятелем. Он наклонился над лицом монаха и, целуя того, достал обычный нож, взятый накануне в монастырской кухне и на всякий случай предусмотрительно спрятанный в сутане. В темноте на окровавленной старческой шее было трудно найти уже существующую линию пореза, но был уверен, что Бог поможет ему сделать это. Затем мгновенно перерезал шейное сухожилие и трахею. И увидел последний взгляд брата Роже: там было удивление, непонимание и даже прощение. Но там не было благодарности... Глаза Роже застыли, теперь уже навсегда.

В этот момент в келью вошли несколько братьев. Вадим отпрянул, пряча нож в недрах сутаны. Он последний раз взглянул в мёртвое лицо старца и вышел из кельи.

Следствие шло долго. В своих показаниях обвиняемая утверждала, что пришла только предупредить Роже о масонском заговоре, а тот словно упал на нож сам. Она исступлённо талдычила эти слова с пустым отчаянием в глазах. И тем, кто это слушал, становилось жутко. Через год дело закрыли. Следователей устраивала версия об убийстве святого безумной фанатичкой.

После произошедших страшных событий популярность монастыря резко возросла. Смерть настоятеля была яркой, апостольской, и многие заговорили о необходимости причисления брата Роже к лику святых.

Убийство сидело в Вадиме жгучей жалящей точкой, словно первая искра среди холодных углей, положенных в печь. Только дунь — и невзрачная чёрно-серая масса превратится в геенну огненную. Но он знал, что поступил правильно. Даже если святой старец в последний момент и дал слабину. Плоть слаба, силён лишь Дух. Даже Иисус перед смертью устрашился.

Как-то в его келью пришёл Филипп. Сел, сжав в замок сильные руки. Костяшки побелели. Взглянув на мрачное лицо друга, Вадим понял: что-то пошло не так.

— Я бы хотел задать тебе несколько вопросов, — пряча глаза, сказал тот. — Ты не знаешь, как та женщина могла пройти к креслу брата Роже так, что никто из наших не заметил?

— Сам всё время думаю об этом, — ответил Вадим.

— На допросе она утверждала, что Ангел Господень поручил ей предупредить брата Роже о готовящемся убийстве. И что она не убивала настоятеля, а лишь показала нож, пытаясь убедить в реальности заговора.

— Сумасшедшая.

— Врачи не признали её ненормальной, — заметил Филипп. — Тут есть ещё одна странность. Полицейская экспертиза обнаружила второй разрез, сделанный через некоторое время после первого. Именно он был смертельным. Они посчитали, что безумная умудрилась ударить второй раз.

— Так в чём вопрос? — удивился Вадим.

— Следователь сказал мне, что брат Роже умер не в зале храма, а позже. И второй разрез был сильный и профессиональный. Следователь ещё удивлялся, как слабая женщина могла сделать такое, — говорил Филипп.

Вадим понял, что Бог подвёл его, и в темноте он не попал в первую рану.

— Состояние аффекта добавляет силы.

Филипп поднял голубые глаза. Сейчас они не казались добрыми.

— Если предположить невероятное, что у неё был сообщник, нанесший второй удар, то один на один с братом Роже оставался только ты.

— Интересная версия. Тебе надо было поделиться этими соображениями с полицией.

— Понимаю твою иронию. Сейчас уже ничего не докажешь, и я не хочу бросать тень на монастырь.

Вадим молчал.

Тогда заговорил Филипп. Его обычно спокойный голос дрожал, то ли от ярости, то ли от бессилия:

— Не думаю, что Иуда был любимым учеником Христа. Обычный предатель. И я хочу, чтобы ты собрался и сегодня покинул нас.

Вадиму было жалко бывшего друга. В своей простой душе тот не понимал, как сложен этот мир, и что тайна добра и зла лежит на дне глубокого и мрачного колодца под толщей тёмной холодной воды. И бесполезно простому человеку пытаться туда добраться.

— Я уеду, но хочу рассказать тебе притчу:

«Умер праведник и предстал пред очами Господа. И спросил Бог:

— Расскажи, что хорошего сделал ты в жизни.

Возликовал праведник, что может дать он честный ответ, и молвил:

— Регулярно ходил в церковь, молился, постился, — перечислял он свои праведные дела.

— Я понимаю, — перебил его Бог, — но что ты сделал хорошего?»

Вадим замолчал. Молчал и Филипп, потом, не проронив ни слова, вышел, хлопнув дверью. Штукатурка посыпалась мелкой белёсой пылью.

В этот день Вадим уехал.

ГЛАВА 5.

В КОТОРОЙ МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, УЗНАЁМ О СНЕ, ПРИСНИВШЕМСЯ ВАДИМУ В КАИРЕ, И ТРУДНОМ ВЫБОРЕ, КОТОРЫЙ ЕМУ ПРИШЛОСЬ ДЕЛАТЬ.

Спящий в роскошной постели президентского номера Вадим беспокойно шевельнулся. Тело покрылось вязкой испариной, подушка промокла от горячего пота, но проснуться не удавалось. Сон уверенно пересёк черту, отделяющую только что законченную лирическую часть от фазы грядущего ночного кошмара. В страшных закоулках сна готовились к выходу, толкая друг друга локтями, Фредди Крюгер, Кинг-Конг, Волан де Морт и какой-то незнакомый паренёк с доброй улыбкой, державший на плече электрическую пилу. Но, как всегда, загадочный режиссёр сновидений приготовил свою версию.

Рыцарь Вадимир стоял перед бескрайней пустыней спиной ко входу в шатёр, ощущая кошмар, приближающийся из темноты навстречу. Сделав полшага вперёд и споткнувшись обо что-то мягкое, он совсем не удивился, обнаружив у ног на тёмном от крови песке трупы часовых. Запрокинутые вверх лица показывали глубокие раны на горле, словно их бесшумно и мгно-

венно загрызли невиданные звери. У двоих голова была словно откушена и чудом держалась на плечах.

Лишь меньшинство людей орут благим матом, увидев труп. Большинство тихо пройдут мимо, потупив глаза. И только профессионал, подобный Вадимиру, беззвучной тенью скользнёт в спасительную темноту за спиной, нащупывая оружие. Чтобы достать меч, лежавший у изголовья ложа, ему пришлось сделать три долгих шага назад. В полной темноте он пошарил рукой, придирчиво ощупав гладкую деревянную поверхность низкого столика, где лежал клинок. Он обнаружил отсутствие песка и пыли, что говорило об отличной работе прислуги. Это было хорошо. Но оружия на месте тоже не оказалось, что заметно снижало вероятную продолжительность его жизни. И это не радовало. В комнате стояла абсолютная тишина, именно такая, когда за спиной кто-то подкрадывается.

От тела Вадимира отделилось тёмное облако в форме волка-оборотня. Тот видел в темноте, и его глазами он оглядел помещение. Чужие страшные сущности толпились вокруг, протягивая зыбкие, клубящиеся дымом лапы к рыцарю. Волк прыгнул. Вадимир крутанулся вокруг себя, перемалывая воздух серией ударов, несущих сгустки смертоносной энергии. Воздух беззвучно заискрился синими всполохами. Тут раздался страшный, леденящий душу визг. Это проснулись на ложе любви белокурые барышни-ангелы, сразу оказавшиеся втянутыми в заварушку. Визг поднялся до немыслимо высоких нот и резко оборвался. Похоже, девушек поубавилось. Опять наступила тишина, разбавленная лёгким треском искр, стуком сердца Вадимира и шорохом воздуха от стремительных движений.

Снаружи, с улицы, раздались крики — наверное, там тоже проснулись. Всюду слышалось «Призраки!». В темноте бой нелеп, но отчаянье и страх заставляли людей махать оружием, нанося раны всем подряд, прежде всего своим.

Первым накала боя не выдержал шатёр. Он грохнулся, оглушив сражающихся тяжёлыми пыльными объятьями. Вадимиру показалось, что он, словно оживший мертвец, пытается выбраться из окутывающих его пелен, тесного гроба и вдобавок ещё и приличного холмика земли. Наконец ему удалось разре-

зать ткань мечом. Снаружи было шумно и происходило какое-то безумие. Метались люди, бьющиеся с серыми тенями. Света луны и костров явно не хватало, поэтому неразбериха была полная. Кто-то выл как койот.

Следующие полчаса прошли в непрерывном угаре безумного боя. Вадимир метался вместе со своей тенью-волком, пытаясь рассеять жуткие туманные сущности, нападающие со всех сторон. Это удавалось плохо, хотя он был по-прежнему жив.

Наконец стало светлее. Край неба, подожжённый проснувшимся солнцем, полыхнул первым робким огнём. Вместе с рассветом призраки исчезли, словно по команде. Взвинченные нервы не сразу осознали это, и сражение продолжалось ещё несколько минут. Уцелевшие воины подтягивались к Вадимиру в поисках защиты и поддержки.

Когда все перестали метаться и орать, возникла неприятная тишина. Даже раненые не стонали, поскольку таковых не оказалось. Кругом валялись лишь безнадёжные трупы. Похоже, первый бой с призраками оказался позорно проигран.

Вадимир огляделся. Несколько человек быстро поднимали шатёр. Девушки восстановлению не подлежали, и их поспешно унесли, прикрыв разорванные нагие тела тряпками.

— Брат Великий Магистр, — обратился один из воинов. — Наши мечи оказались почти бесполезны против богомерзких тварей.

— Пришлите ко мне брата Игнатия. До темноты призраки не появятся, а к закату у нас будет новое эффективное оружие, — уверенно пообещал он соратникам. — Отдыхайте, молитесь. Бог на нашей стороне.

Воины удовлетворённо загалдели.

Он вошёл в установленный шатёр. Один из воинов укреплял над входом вымпел с готической вязью слов «Орден шестой заповеди» и крестом, на концах которого красовались шестиконечные звёзды Давида.

— Не убий! — приветствовал трудящегося Вадимир, вскинув руку в братском знаке.

— Не убий без нужды! — привычно ответил тот.

— Оставьте меня, — кивнул Вадимир солдатам, заканчивающим убранство шатра.

С удовлетворением оглядев результаты их труда, Вадимир обнаружил брата Игнатия, скромно стоящего у двери. Святой жрец вошёл тихо и почтительно, как умел делать только он. Есть люди, у которых на лбу написано: «Опусти глаза и отходи быстро, как можешь». У Игнатия было готическое лицо. Крючковатый нос походил на горгулью, глубокие морщины, словно тайные знаки, покрывали лоб и щёки. Седые брови всклокоченными прядями нависали над пронзительными тёмными глазами. Острый, свисающий вниз подбородок выдавался под плотно сжатыми, узкими, бескровными губами.

Брат Игнатий считался жрецом и теоретиком ордена. В его кибитке, служащей одновременно и мобильным храмом, хранилось полное собрание комментариев к шестой заповеди. Все девяносто шесть томов. Он лично составил сокращённый «походный» вариант, всего из семи книг, которые тоже возил с собой. Святой жрец знал так много о небесных силах, чудесах Божьих и дьявольских происках, что давно разучился здраво мыслить.

— Не убий, брат Великий Магистр, — приветствовал тот. — Ты звал меня?

— Не убий всуе, брат Игнатий, — ответил Вадимир тайной формулой посвящённых третьей ступени. — Совет нужен. Мечи наши оказались никчёмными. Надо что-то придумать, не то ночью нас всех порешат проклятые призраки.

— Господь не даст свершиться беззаконию, — начал гость. — Велик гнев Его! Истребит он призраков-содомитов, ибо велик их грех...

Вадимир понимал, что в минуты религиозного экстаза святого брата лучше не трогать. Минута-другая, и он придёт в себя. Когда говоривший закончил тираду и притих, спешно набирая воздух в лёгкие, Вадимир осторожно спросил:

— Так что с мечами?

В ответ была сценическая пауза, заполненная тяжёлым дыханием.

— Вижу, ты что-то придумал, брат Игнатий.

— С Божьей помощью нашёл решение проблемы.

Великий Магистр мысленно возликовал и воздал хвалу Господу. Возможно, брат Игнатий тоже возликовал, но его лицо не было приспособлено к выражению подобных эмоций.

— Мне известно, что нет затруднений, которые ты не смог бы разрешить.

— Святая вода! — изрёк брат Игнатий. — Наверняка её боятся призраки. Надо перед боем окропить мечи.

— Неплохая идея. Но если не сработает, у нас не будет второй попытки.

— Надо сделать эксперимент.

— Где мы найдём призраков сейчас, ведь днём они исчезают?

— Это на солнце их нет. Но они сидят в тёмных подвалах Проклятого города, где наверняка предаются немыслимому разврату...

— Почему именно разврату? — заинтересовался Вадимир.

— А чему ещё? — ехидно спросил брат Игнатий.

— Пожалуй. Кропи мой меч, и немедленно идём. Времени у нас немного...

Пока брат Игнатий готовил святую воду и смазывал ею мечи, Вадимир успел наскоро перекусить. Задерживаться не стоило. Через пару часов в пустыне будет пекло.

Поехали небольшим отрядом в пять человек. Это были лучшие воины, в бою каждый стоил десятка.

Через пару километров вступили на территорию древних городов греховных призраков — Содома и Гоморры. Ландшафт изменился. Вместо красноватой каменистой пустыни их окружали руины. Ветра не было. Камни не шевелились, лишь таращились на пришельцев чёрными глазницами своих дыр, трещин и сколов. Здесь не двигалось ничего, кроме них. Днём призраки исчезали.

— Содомия — мерзость перед Господом, — заявил Игнатий, словно продолжая начатый разговор. Затем он вдруг привстал в седле и, потрясая мечом, закричал: — Истребит Господь всех здесь! А кого он оставит, того мы зарубим! Слышите меня, греховодники?

Он прислушался и сам себе удовлетворённо ответил:

— Слышат. Затаились. Боятся воинов праведных.

Вадимир взглянул на искажённое злобой лицо брата и подумал, что религиозный фанатизм не всегда украшает. Но в руке у того был меч, поэтому сейчас с ним лучше было не спорить.

Где-то сбоку с сухим стуком покатился камень. Все вздрогнули от неожиданности. Отряд остановился. Вадимир знаком показал воинам окружить одноэтажное здание, откуда раздался шум. Дом неплохо сохранился, у него была даже крыша, местами обвалившаяся, но отсутствовала входная дверь. На её месте зиял рваный пролом, ощетинившийся неровной аркой разбитых камней. Словно кто-то большой то ли влез, то ли вылез в маловатое для него отверстие.

С опаской отряд втянулся в дыру. Шли крадучись, наступая на пятку и аккуратно перекатываясь всей подошвой, отчего казалось, что тела скользили по земле. Внутри царил полумрак. Под ногами хрустел мелкий каменистый щебень. Во всем чувствовалось вековое запустение.

Вдруг из-за колонны навстречу вылетела перепуганная тощая гиена. Не раздумывая, брат Игнатий врезал ей тяжёлым сапогом по морде. Гиена ускользнула, потирая шишку на лбу.

— Как они тут живут? — прошептал Вадимир.

— Где призраку хорошо, там человеку смерть, — мрачно ответил тот.

Он хищно крался вдоль стены и вдруг прыгнул вперёд, словно кошка, завидевшая мышь. В тёмном углу что-то шевельнулось, и Игнатий с маху вонзил туда окроплённый святой водой меч. Раздался слабый выдох, и облако темноты растаяло.

— Работает! — радостно закричал Игнатий.

Все заметно ободрились. И уже смелее входили в новые комнаты. Солдаты разбредались по дому, уверенно перекрикиваясь друг с другом. Довольно легко обнаружили и убили ещё двоих призраков, прячущихся в тёмной подсобке. В принципе, цель экспедиции была достигнута. Эффективность оружия, смоченного святой водой, была бесспорна. И можно возвращаться. Вадимир дал команду двигаться к выходу.

— Я тут кое-что нашёл, — услышал он негромкий голос Игнатия из соседнего помещения.

Заглянув за угол, обнаружил, что там никого нет.

— Я тут, — вновь раздался слабый голос совсем рядом.

Снаружи с улицы раздавалась весёлая перебранка осмелевших воинов. Праведники отчаянно матерились, каждый ощущал себя крутым парнем. Обычная реакция после нервного напряжения. Среди спорящих раздавался хриплый смех Игнатия.

Обострённым сознанием опытного бойца Вадимир осознал ситуацию.

— Поиграем в прятки, — сказал он неизвестно кому. — Я с удовольствием повожу.

Он поворачивался в разные стороны, выставив перед собой острый клинок. Комната по-прежнему казалась пустой. Неожиданно пол под ним исчез, и он рухнул куда-то в пустоту, не успев даже вскрикнуть. Падение было недолгим. Наверное, провалился метра на два и даже не выронил меч.

Благополучно приземлившись на ноги, Вадимир быстро оглядел мрачное подземелье вокруг. Света почти не было, только тот, который поступал сверху. Положение усугубляло поднявшееся облако пыли. На всякий случай Вадимир крутанул мечом вокруг себя.

— Хорош мечом махать, — услышал встревоженный голос. — Не ровен час, заденешь кого. И тень свою волчью забери, будь добр.

Пыль улеглась, и стало видно, что недалеко на большом валуне сидит человек. По чётким контурам тела было понятно, что это не призрак.

— Я сейчас свечу зажгу, — продолжал человек. — Ты резких движений не делай пока.

Свеча вспыхнула на удивление ярко. Теперь было видно, что помещение небольшое.

— Успокоился? — сказал человек, поднимая свечу.

Вадимир с удивлением обнаружил, что лицо ему знакомо. А ещё через мгновение вспомнил, где видел его: сияющий всадник, отрубленная голова.

— Сейчас ты выглядишь лучше, — сказал Вадимир, по-прежнему не опуская меч.

— Голова украшает тело, — согласился собеседник. — Сразу скажу, что я не явился с того света, чтобы мстить тебе. Хотя объяснить цель нашей беседы будет достаточно сложно.

Вадимир молчал.

— Честно говоря, пришёл не к тебе.

— А к кому?

— К другому, его зовут Вадим.

— Кто это? — осторожно спросил Вадимир. Он не помнил, чтобы здесь был кто-то ещё с таким странным именем.

— Это тоже ты, но сейчас он спит и во сне видит нас.

— Очень остроумно. Может быть, ты призрак, который морочит голову? Не советую это делать, я и так слегка взвинчен.

— Пойми, я вообще не из этого мира.

— Допустим, — согласился Вадимир.

Таинственный собеседник задумался, подыскивая слова:

— Мой мир высший по отношению к вашему. Для вас я, можно сказать, бог.

— Прости, Отче, не узнал.

— В самом низу цепочки духовных вселенных существует материальный мир. Там часть твоей души в телесной оболочке сейчас спит. Вадим не может попасть сюда в физическом теле, но его сознание во сне видит нас.

Вадимир задумался. Он начинал верить своему собеседнику, хотя по-прежнему не понимал, что тому нужно. Конечно, как и всем, ему было известно, что «сверху» над их миром есть величественные божественные миры, а «снизу» существует топорный материальный мир. Зачем Бог создал этот странный заповедник грубой реальности, где души имели материальные тела, никому было неизвестно. Высший каприз... Это не обсуждалось.

Наконец спросил:

— Так что тебе нужно от моей тупой и дикой души из низшего мира?

— Ты говоришь о низшем мире свысока. Но это неправильно. Как ни странно, тот мир — основание мироздания.

— Да ладно, — не поверил Вадимир. — Материя — это нечто чужеродное всему привычному. Это даже как-то неприлич-

но. Брат Игнатий сжёг бы еретика, заявившего, что материя первична по отношению к божественному сознанию. Хотя допускаю, что в том убогом мире подобные заблуждения популярны. Наверняка какой-нибудь нестриженый бородатый бунтарь заявил, мол, «бытие определяет сознание». Может, даже теорию создал...

Вадимир почувствовал, что неожиданно входит в раж. Сказывалось нервное напряжение последних дней. Может быть, просто вновь отрубить ему голову? Негоже, когда окружающий мир запутывают. Всё просто, понятно и логично устроено. Вот фантомный волк, появляется, исчезает. А как иначе? Призраки прячутся в тёмных норах. Сразу видно, что всё вокруг неизменно и знакомо, и всегда так было. Во веки веков. Аминь!

Зверь, почувствовав внимание, прижался к ноге, нервно подёргивая хвостом. Вычеркнуть бы из памяти эту встречу, вернуться с братом Игнатием в лагерь, пообедать. А вечером пошли бы веселиться, убивая «призраков».

— Ты знаешь, мы были хорошо знакомы в том грубом мире. Там меня звали Роже. Можешь называть меня так же. Ты жил в монастыре и однажды убил меня, — в голосе собеседника не чувствовалось упрёка. Хотя слышалась тщательно замаскированная угроза, словно где-то у горизонта беззвучно полыхнула вспышка зарницы, знак грядущей грозы. Вот тогда берегись... Расколется небосвод от края и до края!

Это понял не только он, тень волка вновь выбежала вперёд и, грозно рыча, заслонила от собеседника. Вадимир мысленно успокоил зверя и сдержанно произнёс:

— Похоже, у меня традиция убивать тебя в каждом из миров.

— Просто каждый из миров является отражением друг друга, — уточнил Роже. — Тень у тебя какая-то нервная. Хороший волк, сильный волк, — ласково, словно разговаривая с домашним псом, произнёс он, пытаясь погладить призрачный фантом.

— Ты не мог бы перейти к делу?

— Хорошо. Человечеству грозит опасность. Задумано что-то вроде нового Великого Потопа.

— Кем задумано?

Роже сжал губы. При этом его рот растянулся, так что получилось некое подобие фальшивой улыбки:

— Вопрос непростой. У Бога «наверху» много советчиков. Кто-то советует так, кто-то этак.

— Разве Бог не един?

— Конечно, един. Но ведь и ты един. А сколько мнений бывает в твоём разуме по одному и тому же вопросу. Например, сейчас что-то внутри тебя требует убить меня. Другая часть предлагает разобраться. Получается, что и в тебе тоже разные советчики...

— Но это внутри моего разума, — попытался возразить Вадимир.

— Всё — внутри разума Бога. Даже твой «Орден шестой заповеди», — Роже иронично хмыкнул. — Надо же такое придумать.

— Кришна придумал...

— Вот вы с Кришной тоже советчики.

Вадимир, кажется, начинал понимать, что хочет сказать его, как оказалось, старый знакомый. А Роже продолжал:

— Тот Вадим из материального мира пытается противостоять части Бога, желающей стереть человечество с лица земли.

— Ого! Я там такой важный?

— Так и есть. Говорил же, тот мир — основа мироздания. Он — «наблюдатель», можно сказать, «встречное сознание», — Роже остановился, давая время осмыслить сказанное.

— Не понял.

— Ну, представь. Если бы призраков, с которыми вы воюете, никто не видел и не знал бы о них... Они бы существовали?

— Конечно, нет, — быстро ответил рыцарь. — Они же порождение нашего сознания. Или, точнее, Божественного сознания, — уточнил, желая показать, что понял предыдущую часть беседы.

— Правильно, — согласился Роже. — Чьё встречное сознание породило сознание Бога?

Вадимир опешил.

— Бог — это другое. С Него всё началось быть, — его опять стала раздражать беседа. Казалось, Роже нарочно морочил голову.

— Я хочу сказать, что, создав материальный мир, Бог создал «встречное сознание», которое, в свою очередь, проявило самого Бога.

«Какие-то там наверху еретики, — решил Вадимир. — Вдруг Бог и есть главный еретик?» — неожиданно предположил он. От этой мысли стало ещё хуже. Хотелось перестать думать. Заорать. Вскочить и рубануть заумного собеседника справа налево. «Внутри тебя разные советчики», — вспомнились слова, и он сдержал себя.

Тот продолжал говорить, втолковывая несусветную ересь:

— Без противника — нет боя. Знает каждый воин. Без наблюдателя — нет вселенной. Знает каждый учёный. Без сознания человека материального мира — нет Бога. Об этом мало кто знает...

Вадимир понял, что перестал вслушиваться в слова неприятного собеседника. «Наверное, меня уже ищут», — появилась новая мысль. Когда брат Игнатий обнаружит нас, то не будет вести светские беседы, а сразу приласкает пришельца святым мечом. Вежливо улыбнулся:

— Давай пропустим теоретическую часть. Так что ты всё-таки от меня хочешь?

— Пойми, Вадимир. От тебя ничего не надо. Я просто пытаюсь помочь Вадиму из материального мира спасти цивилизацию людей. Назовём этого парня и его мир «нулевым». Эти переговоры — неофициальные, мне даже пришлось использовать тайный туннель между мирами, — взгляд пришельца был уверенным и честным.

Когда тебе так правдиво смотрят в глаза, наверняка втюхивают ложь, выдают чёрное за белое и наоборот.

— А мой мир какой? — уточнил Вадимир наиболее понятную часть беседы.

— «Второй».

— А «первый» где?

— «Первый» — это промежуточный мир. Можно сказать, временная обитель. Туда попадают души только что умерших людей и находятся там недолго. Несколько дней... — собеседник замялся, подыскивая правильные слова, и, наконец, произнёс: — Это тамбур между материальным и духовным мирами.

— Понятно, — хотя понятного было мало.

— «Нулевой Вадим» с группой друзей пытается встретиться с какой-нибудь влиятельной силой из высших миров и переманить на свою сторону. Этакий отважный дипломат.

Слова прозвучали неожиданно недобро. От Вадимира не ускользнула эта деталь. Он попытался отыскать взглядом глаза Роже, но те прятались в густой тени. Пришелец продолжал объяснять:

— Такие силы есть в мирах выше «четвёртого». Но живым ни он, ни его друзья туда попасть не могут. Так уж здесь всё устроено.

— А как могут?

— Только умерев. Тогда их сознание поднимется вверх, и после краткой остановки в «первом» мире они окажутся во «втором». Отсюда мы поднимем их наверх, где они смогут изложить свою просьбу, — быстро закончил собеседник.

Вадимир упрямо тряхнул головой:

— Я, кажется, это уже говорил. Де-жа-вю. ЧТО ТЫ ОТ МЕНЯ ХОЧЕШЬ?!

— Поверь. Ничего! Это всё говорится для «нулевого Вадима», который сейчас видит нас во сне. Он должен убить своих друзей и себя. Тогда я помогу ему выполнить порученную миссию.

Рыцарю показалось, что «спаситель человечества» много чего не уточнил. История пестрила белыми пятнами. И наверняка среди них пряталась ложь.

— Если он спит, но его сознание здесь, зачем убивать? — вновь спросил он.

Но у собеседника были ответы на все вопросы:

— Здесь лишь неактивное сознание. Он нас видит и слышит, но ничего не может сказать или сделать. Кстати, «подглядеть» за высшими мирами можно не только во сне, но и, например, в состоянии медитации. Но что даёт возможность «подглядеть»? Ничего! Ему с друзьями нужны полноценные двухсторонние переговоры. Чтобы активное сознание вошло во «второй» мир, ему надо умереть. Понятно, что материальное тело сюда попасть не может ни при каких условиях.

— А в «первый» мир?

— Туда тоже не может попасть тело, хотя, в силу переходности свойств «первого» мира, может попасть и активное сознание, при «условно» живом теле.

— Как это?

— При клинической смерти, под влиянием сильного наркотика, яда, алкоголя. Кстати, «нулевой Вадим» с друзьями недавно были в «первой» обители, встречались с богом Гором и с его сыном Хапи. Но толку от этого — ноль. Там ничего не решают, поскольку лишь привратники.

Вадимиру вновь показалось, что в голосе Роже проскользнуло удовлетворение.

— Они остались живы?

— Да.

— То есть ты хочешь вместе с «нулевым Вадимом» и его друзьями спасти человечество?

Ответа не последовало.

Неожиданно откуда-то сверху раздался трубный глас. Возведя глаза долу, Вадимир увидел страшное лицо брата Игнатия. Тот был похож на флегматичного дракона, который задумчиво пережёвывает зазевавшегося рыцаря, не допуская неприличной спешки. И так же неторопливо он поднимал арбалет с наверняка окроплённой стрелой. Раздалось резкое «дзынь» — и «спасителя человечества» не стало.

— Аминь, — удовлетворённо объявил Игнатий. — Ты что застыл, брат Великий Магистр? — обратился он к ошеломлённому Вадимиру. — Вылезай. Просыпайся.

Вадим проснулся, ошеломлённо оглядывая роскошный номер каирской гостиницы. Сон чётко отпечатался в мозгу и, похоже, не собирался расплываться смутным пятном где-то в дебрях разума. В ушах звучала страшная фраза Роже: «Ты должен убить своих друзей и себя».

Вадим поднялся и поплёлся в ванную. Включил ледяной душ, потом поменял на горячий, потом ещё раз на ледяной. Нервная система взвилась на дыбы, как конь перед боем. Бриться? Или прямо сразу пойти и всех порешить? Небритым.

Вадим улыбнулся. Кипящий мозг слегка остыл.

Высшие силы подождут, у них ничего не горит. Прошлое ушло, будущее не наступило, настоящее туманно и расплывчато. Поэтому надо позавтракать. Правильное решение на пустой желудок не принимают.

Экспедиционные силы собрались к завтраку поздно. Судя по часам, сразу после бурной ночи наступил полдень.

Чисто выбритый Вадим заметил, что Андрей с Ольгой появились вместе. Та вышла посвежевшая и похорошевшая и наконец-то сменила джинсы на светло-розовое платье, которое очень шло её фигуре. Андрей подошёл к нему и поздоровался. Вадим вяло ответил на приветствие. Он ощущал странное чувство, словно на жемчужную каплю росы, которой только что любовался, уселся толстый навозный жук. И звёздный хрусталик сразу лопнул, обратившись мокрым пятнышком. Конечно, желание придавить неуклюжее насекомое более чем странно. Капля такая же, как тысячи других вокруг. Все листья блистают росой. И жук не виноват, что живёт. В общем-то, Андрей неплохой парень, хоть и толстоват. Главное, чтобы не стал рассказывать о своих взаимоотношениях с девушкой.

Но Андрей тут же хитровато сообщил:

— Мы поладили с Ольгой. Страстная девушка. И я до сих пор жив, — заговорщицки подмигнул он.

«Это ненадолго», — раздражённо подумал Вадим. Когда будет покончено со всеми, свидетель не должен оставаться.

Он с удивлением заметил, что Ольга положила Андрею на тарелку обезжиренный йогурт, а тот в ответ чмокнул её в щёку. Губы девушки дрогнули не привычной злой усмешкой, от которой хотелось немедленно спрятаться куда-нибудь подальше, а обычной счастливой улыбкой влюблённой женщины. Видимо, прошедшая ночь понравилась обоим.

«Ты должен убить всех», — фраза застряла в голове, как надоедливая мелодия. Вадим незаметно оглядел спутников. Что-то останавливало его, может быть, неприятные искорки, мерцавшие в глубине глаз Роже. «Хорошо бы обсудить с кем-нибудь возникшую ситуацию. Ольга уже не в деле. Мурлычет как мартовская кошка. Может, с Максимом? Начать как-нибудь издалека, спросить ненароком: „Готов ли ты умереть?“ — „А что, по-

ра?“ — наверняка поинтересуется тот. „Видишь ли, приснился сон, где фантом убиенного мной праведника предложил отправить на тот свет всю нашу компанию“. — „Включая тебя?“ — „Да“. — „Справедливо по отношению к тебе. Славный библейский принцип возмездия «око за око». Когда-то пришил горемыку, теперь отвечай. Но мы то при чём?“ — „Здесь другое. Не месть и не злой умысел. Вроде хочет помочь нашей миссии. Мол, там, в загробном мире, наши души ждут не только полногрудые гурии, но и высшие чины, накрывшие столы для переговоров о судьбе человечества“».

Вадим поморщился. Полный бред. Просветлённый Максим сразу закричит «Ура!» и, подобно самураям, сочинявшим перед харакири короткое хокку, сядет писать поэму со строк: «Судьба по следу шла за нами, как сумасшедший с ножиком в руке».

Может быть, поговорить с Софией?

Та одарит его взглядом Снежной Королевы, которой сообщили, что неизвестная деревенская девушка требует отпустить Кая, а иначе, мол, в деревне холодно.

Делать выбор придётся самому. Вадим неплохо разбирался в кодексе колдовских взаимоотношений.

Если наверху решение уже принято, то их убьют по-любому. Не он, так свалившийся с небес самолёт. Но если ему «помогут», то медальку не дадут. Отправят служить куда-нибудь на окраину Ада. Старшим помощником младшего чёрта.

В общем-то, ему давно наплевать, жить или умереть, тем более известно, что ждёт по ту сторону. Он убьёт всех мгновенно, никто ничего и не заметит. Будут сидеть и пить минералку уже в другом мире за столом переговоров. Пожалуй, проблемы могут возникнуть только с Ольгой. Никогда не знаешь, на что способна влюблённая ведьма...

Мысли его перескочили. Почему небесный Роже поручил убийство именно ему? Ольга сделала бы это не хуже. Хотя нет, Ольга отпадает. Сейчас она не в том состоянии. И все же, почему не самолёт? Наверное, они там все помешаны на иллюзии свободы выбора. Мол, только в тюрьме арестанта приводят к начальнику. В повседневной жизни управляющий лишь

вызывает сотрудника по селектору, и воля того, появиться или нет.

Однако Вадим медлил.

Принесли капучино. Напиток показался похожим на чернокожую невесту в белоснежном свадебном платье. Интересно, как там с едой, в загробных мирах? Ему ни разу не снился рыцарь Вадимир, жарящий шашлычок. Может быть, перекусывают одной манной небесной? Скучно. Не стоит торопиться. Сделанного не вернёшь, особенно когда дело касается свежих трупов.

— Надо поговорить. Подвести итоги, наметить планы... Но лучше это сделать не здесь, в гостинице, а где-нибудь в людном шумном месте, например, в кафе на базаре, — предложил Вадим.

София улыбнулась:

— Ты читаешь мои мысли. Только что хотела сказать то же самое.

Восточный базар встретил их обычным шумом, говором и запахами, не все из которых можно было бы назвать приятными. У небольшого обшарпанного кафе столики стояли на улице. Они имели ярко выраженный антикварный вид и, вопреки законам физики, качались, даже если под все четыре ножки подложить сложенные листочки бумаги.

Друзья заказали чай и восточные сладости. Удивительно, но чашки и тарелки были чистые, хоть ешь и пей из них. Прямо на стене над столиком висел прямоугольник небольшого, но очень пёстрого ковра. Он хоть как-то маскировал фасад с облупившейся штукатуркой. В сохранившихся местах виднелись чахнущие краски древних фресок с изречениями из Корана.

Люди сновали по площади будто шарики в лотерейном барабане.

Было жарко. Солнце, словно обезумевшая нимфоманка, без разбору дарило свои жгучие ласки всем, до кого могло дотянуться, — богатым и бедным, праведникам и грешникам, и даже верным и неверным. Возможно, такая неразборчивость была достойна порицания, но Вадим не стал этого делать. Пусть

тот, кто без греха, бросит камень в небо, рискуя получить им же по башке.

— Итак, — начал Максим, — похоже, дети с изменённым геномом действительно стабилизируют реальность. Для этого им надо находиться в местах силы. Они — механизм, созданный высшими силами. «Их есть царствие небесное...»

Вадим смаковал орехово-медовый десерт. Пожилая муха попыталась поучаствовать в трапезе, но, согнанная твёрдой рукой, разочарованно отлетела.

— ...И их кто-то убирает. В результате мир подвели к краю катастрофы. Здесь, на Ближнем Востоке, уверенно зреет Третья мировая война...

— Не убирает, скорее убивает, — предположил Вадим.

— Пока иные дети — это только гипотеза, которую следовало бы проверить ещё в нескольких местах, — Ольга оторвалась от созерцания Андрея. Оказывается, она всё слышала...

— Это не главное, — перебила София. — Ну, подтвердится гипотеза. Поселим у мест силы монахов с кучей детей индиго. Пойдут они крестным ходом, тряся хоругвями, куклами да плюшевыми зайцами. А всех опять грохнут. Надо разбираться с причиной.

Максим кивнул:

— Согласен. Сейчас каждый день на счету. Надо попытаться проникнуть в потусторонние миры и договориться с кем-нибудь важным.

— Легко сказать. Нет туда рейсов. Из обычных мест силы мы попадаем лишь в нижние миры.

— «Первый» мир, — уточнил Вадим.

— Где ты взял такое название?

— Во сне.

София чуть заметно, понимающе улыбнулась:

— Это там ты Великий Магистр Вадимир? — Но не стала дожидаться подтверждения и продолжила: — Значит, наша реальность в этой терминологии «нулевая».

Вадим кивнул.

София продолжала:

— Но в «первом» мире мы были. Сплясали, покурили и поняли, что там ничего не решают. Чтобы изменить ситуа-

цию, надо попасть выше, в тот уровень, откуда поступают команды.

— Мы не можем туда попасть живыми.

— А нам и не нужно живыми, достаточно, если там окажется наша душа, — возразила София.

— Активное сознание туда тоже не попадёт, — Вадим вспомнил слова ночного собеседника.

София задумалась, глаза застыли. Удивительно, но её губы, кажется, шевелились, словно она с кем-то разговаривала. Вот сделала резкое движение рукой, будто споря, ложечка выскользнула из её пальцев и упала в чашку с кофе. Попыталась поймать и опрокинула чашку. Вальяжно нежившийся на солнце Максим вскочил, одной рукой прикрывая брюки от летящих брызг, другой пытаясь одновременно вытащить салфетку и промокнуть появившуюся на столе лужу. Уличный торговец, засмотревшись на прыгающих вокруг стола туристов, столкнулся с разинувшим рот мальчиком, уронил поднос с бусами на скитавшуюся под ногами в поисках милостыни тощую и облезлую собаку. Та выразила протест громким визгом.

«Самое время всех убить», — подумал Вадим.

Разгоревшийся переполох стихал, а он все тянул, уговаривая себя, что чай на дне его чашки ещё есть. Хотя в действительности это были лишь остатки сахара. Он аккуратно собрал их маленькой ложечкой, отправил в рот, рассасывая липкий сироп, и вдруг решил ещё поговорить, как мальчишка перед дракой:

— Барону Анри следует сделать заказ на наше убийство. Насильственная смерть — пропуск в рай. Если наши души сумеют договориться с высшими силами, нас объявят святыми спасителями человечества.

— И меня? — спросил Андрей, улыбаясь, как будто услышал весёлую шутку.

— Конечно, — встрял Максим. — В твою честь построят храм Святого Андрея-Ваятеля. Хорошенькие прихожанки будут проливать слёзы у иконы и тайком прикладываться к месту, по легенде, помогающему благополучно забеременеть.

Андрей молчал. Наверное, он никак не мог определиться: всё, что происходит вокруг него, — розыгрыш богатых и весё-

лых спутников или за всем этим действительно стоит нечто неподвластное его разуму?

Максим с улыбкой продолжал:

— Традиции требуют, чтобы в оставшиеся дни ты проповедовал, диктуя ученикам многозначительные притчи и наставления.

Лишь Ольга внимательно смотрела на Вадима:

— С чего ты всё это взял? Тоже во сне?

Её глаза вдруг сделались очень серьёзными. Она медленно подтянула к себе руку, которую до этого рассматривал Андрей с видом пса, изучающего кусок вырезки. Вадим почувствовал, как незримая энергия вскипела вокруг неё. В ту же секунду Ольга с Андреем оказались в невидимом для обычного взгляда, но хорошо различимом для него чёрном непроницаемом коконе.

«Она всё поняла и решила защищаться, — подумал Вадим. — Так и знал, что убить её будет совсем не просто. Интересно, она закрыла только себя и Андрея. Мол, остальные её не касаются».

— Эй, Вадим, что с тобой? — услышал он краем сознания тревожный вопрос Софии. — Ты здесь? С нами?

— Да, просто задумался, — отведя глаза от Ольги, он, в свою очередь, поставил защитный экран между собой и ею. Так, на всякий случай.

Наверное, София тоже что-то почувствовала, во всяком случае, заговорила быстро, без обычных междометий и шуточек:

— Ты неправ. Душа живого человека может подниматься в верхние миры. Например, в Библии Енох живым был вознесён на небо. Ещё апостол Иоанн, когда получал пророческие видения Апокалипсиса.

Вадиму показалось, что какие-то тени маячат между ним и Софией, прикрывая её, словно охранники выступающего на митинге политика. У неё тоже есть защита. Похоже, нужный момент уже пропущен.

Андрей, потерявший предмет вожделения в виде Ольгиных пальцев, вдруг подал голос:

— Данте тоже бродил в разных загробных мирах.

— Помолчи! — строго сказала ему Ольга.

Вадим видел, что чёрный кокон вокруг них медленно вращался, закручиваясь в спираль или тугую пружину. Он вспомнил ускользающие глаза своего ночного собеседника. Вдруг тот соврал? Но зачем ему это? Впрочем, если таинственный пришелец и не думал спасать человечество, а совсем наоборот... Уничтожить вмешивающуюся в планы «советников Господа» компанию руками одного из них. Элегантное и рациональное решение. Вполне в духе высших сил.

Он чувствовал, что колесо правды и лжи опять сделало свой оборот, перевернув всё с ног на голову. Или с головы на ноги... И от того, что, возможно, никого убивать не придётся, в душе возникло облегчение.

— Стоп! — Вадим сжал виски руками. Под пальцами он чувствовал влажную горячую кожу. Он чуть было не сделал непоправимую ошибку... Его опять пытались обмануть. Сейчас он понял главное: чтобы попасть на аудиенцию в высшие миры, не обязательно умирать.

«Вот и хрен вам!» — Вадим резко снял свой защитный экран, стоящий между ним и Ольгой. Наверное, рисковал, поскольку её кокон продолжал недобро закручиваться, постепенно ускоряя движение. Но девушка, похоже, сразу почувствовала перемены, произошедшие в душе напарника. На изменчивой поверхности кокона появилась ухмыляющаяся мордочка, похожая на компьютерный смайлик. Она подмигнула, и кокон исчез.

Тоже довольна, что не подрались. Мысленно он вновь прокручивал разговор с ночным гостем. Наверняка в потусторонних мирах спорят по поводу отношения к их группе, проводят совещания, строят планы. Кто-то же направил Роже с хитроумным предложением. «А вдруг сам Господь? — возникла в разуме Вадима неожиданная мысль. — Нет, этого не может быть. Нет и нет! Роже сказал, что у Господа разные советчики».

И вдруг Вадим понял, что во сне была подсказка, как попасть в высшие сферы потустороннего. Почему он не заметил это сразу? Решение всегда лежит на поверхности. Теперь осталось только внятно изложить всем. Как жарко! Под рубашкой тело всё мокрое!

Он попытался вытереть лицо салфеткой, которая сразу расползлась на мокрых щеках и шее. Взял другую. Влажные лоскуты прилипли к коже, отчего казалось, что Вадим линяет клочьями.

Ольга фыркнула:

— Ты себя видел в зеркале?

— Сегодня ночью я встретился со святым из «высшего» мира, — объявил Вадим, энергично обдирая то ли салфетку, то ли кожу. Понимая, что это не удаётся, вылил из стакана минеральную воду на руку и попытался протереть лицо. Лучше не стало. Теперь он выглядел просто страшно, с пузырящейся от минералки кожей и клочьями бурой субстанции, свисавшей вокруг глаз, губ и шеи. Словно мертвец из фильмов ужасов, только что покинувший могилу и решивший позавтракать среди друзей.

— Не спалось? — понимающе уточнил Максим.

Вадим встал, решив пойти в туалет умыться. Но тут же сел, сообразив, что не закончил излагать свою догадку. И опять встал, понимая, что в таком виде вряд ли будет адекватно воспринят друзьями.

— Хочется размяться? — вновь догадался Максим.

— Как тебе объяснить... — Вадим замялся, подыскивая слова.

— Это потому ты такой странный? — негромко констатировала Ольга.

Вадим не стал отвечать. Он быстро помчался между столиков, нашёл замызганную дверь у стойки с надписью «Туалет» и через пару минут, свежий и бодрый, вновь появился перед друзьями.

— Мы окружены врагами! — с ходу сообщил он, решив не обращать внимания на пустой трёп и начать с главного. — Они коварны и лицемерны.

— Он не заболел? — кивая на Вадима, с огромным беспокойством осведомился Андрей у Ольги.

Обострённый слух Вадима уловил эти слова. Но сейчас он был настроен слишком серьёзно и не уловил подтекста. Наверное, это спасло Андрею здоровье. Вадим сбился, потеряв мысль. Всё-таки утро выдалось трудным.

— До пробежки ты говорил про встречу со святым, — напомнил Максим.

— Он врал! — пояснил опалённый зноем и переживаниями Вадим.

— Святой-лжец?

— Что есть истина? — Вадим устремил глаза в небесные дали. — Самолёт запаздывает. Может, они струсили, — наконец сообщил он.

Андрей переводил изумлённые глаза с одного собеседника на другого.

— Содом и Гоморра... Он сказал, что переговоры неофициальные, поэтому и пришёл задами, через тайный проход, в богопротивное место... — объявил Вадим.

Он говорил быстро, слова налезали друг на друга, получалась давка, в которой было трудно что-либо разобрать.

Невинно пострадавшая псина, бродившая где-то поблизости, вновь приблизилась к столу и звонко затявкала. Вадим сурово взирал на собачонку, пока она, поперхнувшись, не замолкла. Построить мысли в ровную шеренгу не удавалось. Те разбегались, словно школьники на уроке физкультуры.

— Давай начнём сначала, — осторожно предложил Максим, чувствуя в собеседнике некоторую неадекватность.

Вадим удивлённо взглянул на спутников. Неужели те не поняли его мысль, столь ясно и понятно изложенную?

— Однако брат Игнатий — полный псих, — засмеялся он, вспоминая яркого персонажа сновидения.

Но тут понял, что смеётся один. В глазах остальных проглядывалось сочувствие и тревога.

— Жарковато сегодня, — словно оправдывая чудаковатое поведение товарища, произнесла Ольга. — Даже в тени наверняка тридцать. Приложи лёд к вискам. Сразу отпустит.

— Погодите, погодите, — вдруг заявила София. — Он не сумасшедший, во всяком случае, не больше, чем все здесь присутствующие.

— Конечно, сумасшедший! — темпераментно не согласился Вадим. — Чуть что, сразу за меч или арбалет. Пристрелил святого, как утку на взлёте...

Но Софию было нелегко сбить:

— Ты говоришь, что ночная встреча с существом из «высшего» мира была в районе древних городов Содома и Гоморры?

Вадим кивнул. Похоже, та поняла, что он имел в виду.

— Там есть туннель между мирами... — словно старатель, отсеивающий золото в куче песка, София умудрилась выделить главное из сумбурной речи Вадима. — Я всегда подозревала, что где-то в мироздании существует такая лазейка, что-то вроде пожарной лестницы, проходящей по всем этажам.

— Точно, — запоздало восхитился Максим.

— Остаётся понять, где в нашей реальности имеется этот ход, — выдохнул Вадим. — На месте древних Содома и Гоморры сейчас пустыня и Мёртвое море.

— И туннель наверняка хорошо скрыт и законсервирован, — добавил Максим.

— Консервируют в соли. Мёртвое море подходит, — подал голос Андрей, словно участник викторины.

— Наверняка такой ход будет где-то в очень древнем библейском месте, где люди не шляются и которое Бог тщательно закрыл, турникет поставил и написал «Вход по пропускам. Отвали!», — добавила Ольга.

— Да-да. Чтобы как следует спрятать предмет, его надо положить на самое видное место, — София улыбнулась и продолжила: — Что мы знаем о Содоме и Гоморре? На вопрос телезрителей отвечает Максим...

— Города Содом и Гоморра крепко разгневали Бога. Возмущённый Господь взорвал их, и образовалась гигантская впадина, заполненная безжизненным консервантом — сверхсолёной водой.

— С чего это Всевышний так осерчал?

Максим задумался, а затем ответил:

— Вот это как раз непонятно. В Библии нет чёткого объяснения. Например, Бог заявляет, что до него дошли слухи о том, что тяжёл грех жителей тех городов. И Всемогущий решил послать ангелов-инспекторов, проверить, так ли это. Всё как-то нелепо и нелогично...

— Бог не может быть не в курсе. На то он и Бог. И Всевышнему не нужны инспекторы, — согласилась София. — Он не начальник, сидящий в столичном кабинете и не ведающий, что творится на периферии.

Максим оглядел присутствующих, ожидая реакции на новую трактовку Священного Писания. Все молчали, поэтому он продолжил:

— С «грехом» там вообще ерунда. Нигде не говорится, что конкретно ставится в вину. Сексуальные оргии «содомитов» были выдуманы позднее. Да и странно, если развратные города наказали за оргии, почему единственный человек, объявленный праведником и спасённый Богом, буквально через несколько дней в пьяном виде был изнасилован собственными дочерьми. Причём, чтобы развязать этой весёлой компании руки, жена Лота была превращена Богом в соляной столб.

— Ты хочешь сказать, что текст искажён? — спросила Ольга.

— Я думаю, что текст составлен так, чтобы запутать и запугать читателя. Если мы не хотим, чтобы на закрытую территорию входили, лучше всего написать «Осторожно, отравляющие вещества». Так и здесь. Написано: «Не входить. Осторожно, содомиты».

— И спиной не поворачиваться... Ты считаешь, что эта история просто прячет вход в Царство Божие? — с сомнением спросила София.

— Почему нет? Зачем вообще было делать из плодородного места выжженную пустыню, заливать всё серой и солёной водой?

— Но Мёртвое море огромное, и где же там вход в «верхний» мир? Вряд ли рядом с морем на берегу установлена табличка: «Добро пожаловать к Богу». И рядом кнопка звонка: «Звонить два раза, если не открывают».

— В мире сна переговоры шли в подвале, — вспомнил Вадим. — Может, подземелье какое-нибудь...

София застыла. Вадим понял, что у той совещание и беспокоить не надо. Остальные, похоже, уже тоже привыкли к загадочным провалам в начальственном сознании. Максим допивал остывший чай. Солнце продолжало взбираться вверх по не-

босводу, попутно перекусывая тенями. После обеда тени стали совсем крохотными, и их топтали прохожие.

Наконец София вновь заговорила:

— Есть в тех краях мистическая пещера-туннель, под землёй. По преданию, этим путём Бог вывел Лота с семьёй из обречённых на уничтожение Содома и Гоморры. На этом месте даже метка — огромный соляной столб, похожий на женщину. Если Библия говорит, что здесь был «выход» из некоего мира, который Бог закрыл от людей, объявив его запретным, то, может быть, «вход» тоже там.

— Приз отправляется знатокам! — объявил довольный Максим.

— Мы пойдём в эту пещеру.

Решение было принято, и София принялась куда-то звонить, организовывая самолёт в Израиль. Она быстро разговаривала на разных языках с неизвестными собеседниками. Вадим узнал итальянский, иврит, английский, французский и даже арабский. Начинал понимать, почему именно она поставлена начальником их группы. Оказалось, что даже с её связями организовать перелёт было непросто, учитывая политическую ситуацию. Наконец София убрала телефон и сказала:

— Нам открыли коридор с Израилем. Самолёт уже летит сюда из Рима. Вылетаем через четыре часа. Если всё будет без чудес...

Вадим очень сомневался, что неведомые силы из других миров даже на четыре часа оставят их в покое. Тем более что и его собеседник из сна наверняка весьма недоволен.

Так просто их отсюда не отпустят. Хотя, с другой стороны, тот факт, что они до сих пор живы, говорил, что существуют иные, не менее загадочные силы, желающие им успеха. Почему этого не понимают другие? Ольга вон показывает Андрею фотографии в телефоне. Нашли время.

Слышал отдельные фразы:

— Это я в Испании, мы были там с Вадимом. Давно, несколько лет назад. Видишь, какие волшебные снимки? Их делала удивительная женщина. Фотохудожник. Её искусство заглядывало в будущее. И всё, что было на фото, всегда сбывалось...

Вадим хорошо помнил эту давнюю историю. Кажется, тогда всерьёз думал о женитьбе.

— Ого, — сказал Андрей. Это «ого» прозвучало достаточно тревожно, и все посмотрели на него.

— Тут на фотографии вы с Вадимом в этом кафе, — удивлённо сказал Андрей. — Столик похож. Сзади — тот же ковёр и кусок этой стены с потёртой росписью. Только в вас здесь целится какой-то тип с чёрными крыльями.

— Это постановочная фотография. Рядом — ангел любви, вроде Купидона. Просто крыльев белых не было под рукой. Нашлись только такие, — медленно, словно раздумывая о чём-то, начала объяснять Ольга.

Вадим заглянул к ней через плечо и бросил взгляд на фото.

«Её фотографии заглядывали в будущее», — горела красная надпись у него в мозгу. А за ней стояла вереница восклицательных знаков, но Вадим не стал их разглядывать. Он уже понял жуткий смысл происходящего. Он быстро взглянул вправо, где на фото стоял ангел, целящийся в них, и сразу встретился с глазами женщины, укутанной в чадру. Ничто не может быть выразительнее взгляда восточной женщины, особенно если на лице её видны только глаза. Он сразу понял, что это не Купидон, а смертница, и сейчас будет взрыв...

ГЛАВА 6.

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ, КАК ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД ВАДИМ ПОКИНУЛ МОНАСТЫРЬ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ПОЛУЧИЛОСЬ

Вадим вышел из монастыря, имея за плечами лишь лёгкую суму, где лежала старая ряса. Никто из братьев не провожал.

Ему уже почти тридцать. Можно подвести промежуточный баланс. Денег нет, работы нет, жилья нет, семьи тоже нет. Решил найти в ситуации положительные стороны: например, можно не опасаться худшего.

В детстве жизнь кажется бесконечной и счастливой. Но оптимизм проходит, когда понимаешь, что жизнь — это затянувшееся предсмертное состояние.

Вадим вышел на автостраду. В течение часа никто даже не притормозил в ответ на его призывно поднятую руку.

Несмотря на сентябрь, солнце прилично припекало. Мир был полон звуков — множество мелких пичуг жаловались на свою судьбу, им вторила плакса-сойка; болтушки-сороки рассказывали о своих переживаниях, даже вороны были чем-то расстроены и злобно каркали на соседей. Далеко в иссушённом поле цвета протёртого горохового супа шевелилось несколько кусочков органики. Возможно, это паслись коровы, быки или

бараны. Может, это были те самые «козлы отпущения», которых планировали принести в жертву в соответствии с Библией, но в последний момент они разорвали верёвки и удрали, решив порвать с религиозными обрядами.

Прошёл ещё час. Хотелось есть. Пить тоже хотелось. Выхода не было. Он заглянул в себя. Там оказалось пусто и страшно. И там водились призраки с требуемыми навыками.

Он уверенно поднял руку, зная, что теперь машина обязательно остановится.

Остановились две. Чёрные микроавтобусы с тонированными стёклами съехали на обочины. Из переднего вышел парень.

— Куда собрался? — спросил он.

— Вообще-то, просто вперёд.

— Садись.

Вадим вспомнил про сыр в мышеловке, но ему было всё равно.

Он забрался в машину. Вопреки ожиданиям, там сидели не бритые братаны, а довольно обычная компания молодых парней и девушек. Кто-то ел, кто-то спал. Сзади целовались со звуком, как будто высасывали через трубочку остатки коктейля. Видно было, что никто не ждёт никаких слов и объяснений. Поэтому Вадим просто уселся на свободное сиденье, которое оказалось в конце салона. Когда машина тронулась, сообразил, что даже не выяснил, куда они едут. Хотя, какая разница...

Пара, сидевшая через проход, закончила смачный поцелуй.

— Я — Энн. Выпить хочешь? — обратилась к нему девушка.

— Вадим. Я бы и поел.

— Ешь, — девушка протянула ему бутерброд, завёрнутый в целлофан, и бутылку пива.

— А вы кто? — спросил он, сдирая липкую оболочку.

— Музыканты. Рок-группа. У нас концерт сегодня.

— Где?

— В Монпелье. Ещё четыре часа ехать.

Бутерброд оказался вкусным. Вадим жевал и думал, как надо кормить волка, чтобы он отказался смотреть в лес.

— Ты откуда такой взялся? — девушка с интересом смотрела на Вадима.

— Из монастыря.

— Монах, что ли? — недоверчиво спросила она. И тут громко воскликнула, чтобы все слышали: — Ребята, мы подобрали странствующего монаха!

— Круто, — сказал кто-то.

Вадим почувствовал, что к нему пробудился интерес.

— Вообще-то я ушёл из монастыря.

— Целибат замучил, — весело сказал кто-то. — Там, наверное, всю ладонь сотрёшь, пока с грехами борешься.

Все засмеялись. Но Вадим чувствовал, что они хохочут беззлобно.

— Решил сорваться с поводка? Погонять соседских кисок? — продолжал тот же весёлый голос.

— Вроде того, — согласился Вадим.

— Хочешь поцелуемся? — спросила девица.

— А твой парень?

— У меня нет парня.

— А с кем ты целовалась?

— Это чужой парень.

— А... — глупо сказал Вадим.

Он задремал. Время катилось с шуршанием шин.

Когда открыл глаза, автобусы уже стояли на городской площади, в тени вековых платанов. Рядом была устроена эстрада.

— Помоги установить аппаратуру, — по-свойски попросили его, как старого знакомого.

Они принялись вытаскивать из второго автобуса ящики и контейнеры и грузить их на тележки, которые затем подвозили к сцене. Дело спорилось. Довольно скоро всё было расставлено, и техники принялись подключать разнообразные провода. Они были похожи на хирургов, скрепляющих разорванные кровеносные сосуды внутри разверстого тела. Похоже, операция проходила успешно. Сцена оживала. Засветились прожектора, появились звуки. Специалистам не мешали. Потом все уселись внизу у эстрады и пили пиво с бутербродами.

Командовала за столом девушка по имени Сильвия, оказавшаяся руководителем группы.

— Скажи, монах. У тебя ряса есть? — неожиданно обратилась она к Вадиму.

— А как же, — ответил тот, бросая взгляд на сумку.

— Давай-ка, встань во время концерта с ними, — она кивнула на уже знакомую Вадиму Энн и Рашель — красивую смуглую девушку с чёрными распущенными волосами. — На подпевку. Рясу надень и пляши как следует. Плясать умеешь?

— Попробую, — улыбнулся Вадим. — Пиво и еду надо же отрабатывать.

— Правильно понимаешь, — одобрила Сильвия. — Только не сразу выходи, а после второй песни. Пусть все разогреются. Что говорил по этому поводу Будда?

— Понятия не имею, — ответил Вадим, который действительно не знал, что делал мудрец, когда его просили плясать вприсядку. Но было интересно.

К вечеру площадь оказалась забита сотнями людей. Перед концертом Вадиму доверили разнести к местам, где будут стоять музыканты, пластиковые бутылочки с водой и полотенца.

Концерт начался. Звуки фейерверком взорвались над площадью прямо поверх сотен задранных лиц; отдельные, самые громкие, пробрались сквозь плотную крону платанов и, кувыркаясь, полетели в небо. Там они стукнулись о небесную твердь и успели вернуться прямо к начавшемуся веселью.

Группа играла композиции в стиле балканского рока. Нечто весёлое, плясовое и хулиганское. Сильвия оказалась скрипачкой и певицей. Она была босиком, в широкой, почти прозрачной юбке с кружевными оборками и красной блузке, зажигательно играла на скрипке, приплясывая босыми ногами. Юбка кружилась вокруг её бёдер, игриво обхватывая и обнажая смуглые от загара ноги.

Площадь старинного города качалась и тряслась, окружающие дома улыбались и, решив тряхнуть стариной, весело брякали стёклами. Листья платанов поворачивались разными боками к лучам прожекторов, показывая, что они могут сиять не хуже дискотечных зеркальных шаров.

Появление на сцене монаха в рясе, отплясывающего что-то несуразное, вызвало бурю аплодисментов. Вадим вспомнил детство и пустился вприсядку. Публика визжала от восторга. Счастливые, перемазанные шоколадом и мороженым детишки

скакали на плечах своих могучих пап. Две пятилетние красавицы с лучащимися от восторга глазами танцевали у фонтана свой первый в жизни танец соблазнения.

Стемнело. Бесшабашной толпой вывалились звёзды, да и луна была тут как тут. Все дурачились и веселились. Хорошая музыка заставляет вселенную вертеться.

Вадим подумал, что французы похожи на русских, только без комплекса неполноценности и желания поговорить об этом.

После концерта Сильвия подошла к Вадиму и одобрительно сказала:

— Ты молодец, здорово зажигал.

— Я ещё на гитаре играть умею, — улыбнулся Вадим.

— Откуда ты такой взялся?

— Бог послал, — предположил он. Потом уточнил: — Я из России.

— Из России?! А там живут?

— Я там жил.

— Ты как-нибудь расскажи мне о себе. Не сегодня. Сейчас я слишком устала. Выжата до дна, — она потянулась, закинув руки за голову.

— Это довольно длинная история.

— Детство и отрочество пропусти, — улыбнулась Сильвия. Затем после паузы добавила: — Знаешь, можешь оставаться с нами. Платить я тебе не буду, но еду и крышу над головой обеспечу.

Вадим подумал, что мир вокруг него опять стремительно изменился. Дни завертелись в сумасшедшем круговороте.

Новая жизнь и новые друзья нравились. Скоро ему доверили сольно сыграть и спеть два русских романса. Русский монах, играющий на гитаре душещипательные песни, а затем бесшабашно пляшущий вприсядку, становился визитной карточкой группы. Вадиму стали платить за выступления, не так чтобы много, но это позволило ему обновить гардероб и навсегда скрыть свои грязные секреты, выбросив старые носки, бельё и единственную стираную-перестиранную рубашку.

Красивая Рашель и весёлая Энн часто скрашивали его ночи. А однажды в его постели оказалась и Сильвия. В тот вечер после концерта они хорошо выпили, и Сильвия решила всё-таки послушать историю его жизни. Пока Вадим рассказывал, Сильвия смотрела на него со снисходительным любопытством, словно владыка грозной крепости на невзрачного посланника невесть от кого. Скоро владыка решил, что не всё так просто, и послал бойцов на дозорные башни взглянуть, не идёт ли откуда нежданная армия. Дозорные заприметили армию и теперь пытались оценить, насколько она опасна. На всякий случай город заперли, мост подняли, на стену взобрались лучники. После первых поцелуев тяжёлый подъёмный мост защитники всё же опустили. А спустя ещё некоторое время открылись и городские ворота. Вадим въехал в них в непонятном статусе: то ли победителя, то ли гостя. Но, так или иначе, было хорошо.

За первой ночью последовали другие. Роль Вадима в музыкальном коллективе неуклонно повышалась.

Но он знал, что после везения наступает похмелье, а затем могут прийти и неприятности. Но и они обязательно сменятся новым периодом везения и куража. Так идёт жизнь: везение — неудача, удача — неприятность. Словно шагающий человек переступает с левой ноги на правую, а сам движется вперёд.

Через месяц Вадим уже ждал событий. Он помнил свой последний сон, когда Кришна сказал ему, что отдых продлится четыре недели. И был уверен: реальность, окружающая его, связана с событиями в потустороннем мире.

Это было время, наполненное внутренним ожиданием неотвратимых перемен. И только потом он осознал: это было очень счастливое время. Ещё понял, что счастье подобно чёрной кошке в тёмной комнате. Его трудно найти, но ещё труднее удержать.

И события пришли. Как и всякая лавина, они начинались с маленького камешка.

— У нас завтра концерт в частном доме, — как-то сообщила всем Сильвия.

— Что за концерт?

— Мы играем на частной вечеринке одного богатого человека. Ему принадлежит несколько ресторанов и пара гости-

ниц на побережье. В молодости он был музыкант, выступал с Гинзбургом, Азнавуром, Брассеном... Потом вдруг разбогател.

— Понятно, надо выложиться по полной.

— Даже чуть больше, — немного нервно сказала Сильвия.

— Ты какая-то напряжённая. Что-то тебя беспокоит? — предположил Вадим.

Сильвия выглядела смущённой.

— Меня беспокоит эта вечеринка, — после некоторого размышления призналась она. — Те, кто устраивал концерт, предупредили, что хозяин очень странный. Как-то нехорошо предупредили. И у меня есть предчувствия, а я в детстве отлюбила психов-аристократов.

Предчувствия не обманули.

Голое плато на вершине холма, куда их привезли, когда-то, наверное, заросшее дикими травами и кустарником, сейчас было заасфальтировано и превращено в огромную автостоянку. Здесь стояло несколько роскошных машин, среди которых храбро метались отчаянные ящерки и дремали на солнце сонные шофёры. Подвывал прохладный ветерок, без которого плато давно превратилось бы в раскалённую сковородку с ризотто из машин, людей и рептилий. Вокруг была бесконечная панорама Средиземного моря и залива, охватывающего холм. И никаких признаков дома.

Вадим почему-то представил, как мило выглядит это место во время грозы с дождём и ураганным ветром. Молнии втыкаются в асфальт, дождь безумными потоками хлещет сверху, сбоку и, наверное, даже снизу. Ветер утаскивает зазевавшегося путника в далёкое море, чтобы утопить там максимально болезненным способом. Наверное, чтобы избежать этого, по периметру площадка была огорожена невысокой каменной грядой, одетой в колючую сетку из ежевики. Местами камни осыпались и расползлись, делаясь уже не стеной, а просто грудой булыжников, и, похоже, их давно не касалась человеческая рука. В углу возвышалась огромная каменная арка с тяжёлыми железными воротами. Выглядело нелепо, как бронированная дверь посреди пустыни.

На створках сияла загадочная табличка с названием организации: «Голливудская ассоциация международной полиции ИНТЕРПОЛ. Французский филиал». Вадим прочитал четырежды, прежде чем догадался, что смысл вывески в том, что понять её невозможно.

Сооружение возвышалось над парковкой, загораживая собой небо и море, и казалось каким-то таинственным монументом, поставленным кем-то, когда-то и по забытому поводу. Не хватало только толпы туристов, фотографирующих очередную достопримечательность.

Тут створки медленно, без ожидаемого скрипа, распахнулись. Очевидно, они управлялись каким-то механизмом, скрытым в зарослях ежевики. За аркой безумец, создававший это место, устроил туннель, ведущий вниз, в чёрный мрак пещер подземелья. Появившиеся ниоткуда вежливые люди предложили перейти всем в комфортные повозки, установленные на рельсы. Ремни попросили пристегнуть. Похоже, путешествие предстояло нешуточное, но стюардессы, объясняющей, что делать в случае аварии, не появилось.

Они ухнули вниз, как блинчики с раскалённой сковороды, которым ещё вдобавок дали пинка. Аттракцион «Весело свалимся в ущелье» продолжался почти в полной темноте. Шумел горный ручей, попадались водопады, подсвеченные загадочным синим сиянием. Таким же холодным светом освещались мрачные полости с трубами сталактитов и сталагмитов, похожих на огромные церковные органы.

Вадиму нравилась фантазия домовладельца. «Удивительный человек это всё придумал, я бы ещё музыку добавил...» И, словно в ответ на его мысли, мощно зазвучал органный хорал Баха. «Интересно, другие тоже это слышат?»

— Наверное, нас везут прямо в преисподнюю, — шепнула Сильвия, крепко сжав руку Вадима.

— Иногда дорога в рай идёт через ад, — ответил он, разделяя волнение девушки. — Посмотри, как красиво!

Вскоре подземелье кончилось. Они вынырнули на просторную площадку, окружённую скалами, поросшими прижатыми к земле горными соснами, чудом цепляющимися корнями за

камни. На площадке прибывших встречал человек, одетый в тёмный форменный костюм, отчего делался похожим на вышколенного плотного барсучка. Изысканные манеры и осанка выдавали в нём дворецкого, словно срисованного с романов галантного века.

— Добро пожаловать, — объявил «барсук», указывая на небольшую дверь, видневшуюся в разломе горной породы.

«Легче верблюду пройти сквозь угольное ушко, чем высокому толстяку войти сюда», — подумал Вадим.

— Неудобно, но привыкнуть можно, — мрачно прокомментировала Сильвия, которая, похоже, думала о том же.

Оценить красоту дома, равно как и его размеры, было невозможно, поскольку здания не существовало. Бывают безумные люди, и существует странная архитектура. Обычно они любят друг друга. Если судить по дому, месье Гонзалес был более чем необычен. Как выяснил Вадим позднее, его дом был «кроличьей норой», построенной знаменитым архитектором. Хотя на первый взгляд казалось, что дом строил крот, долгое время живший в Марокко.

Прямо за дверью начинались сказочные пещеры Али-Бабы. Изысканной резьбы, украшавшей стены и потолок, было так много, будто долгое время здесь держали взаперти безумца с лобзиком. Затем кто-то щедро присыпал получившееся яркими самоцветами. Вадим подумал, что обычное выражение «роскошь» здесь не годилось. Можно было взять за основу «безумная роскошь», и дальше плясать от этого. Музыкантов, издающих вопли восторга, провели по овальному залу с белоснежным мраморным полом. Высокий купольный потолок держался в воздухе духом святым, поскольку колонн или иных подпорок не наблюдалось. Купол мягко светился сияющими витражами, пахло морем и благовониями. Следующий зал, ещё более огромный, кончался панорамной стеклянной стеной, за которой виднелась просторная площадка с бассейном, висевшая на скале над пропастью. За мраморной балюстрадой существовало только небо.

— Ой, — только и сказала Сильвия.

На площадке их встретил хозяин дома. Это был подвижный мужчина с тёмными, расчёсанными на прямой пробор волоса-

ми, длина которых была несколько больше, чем принято. Его лицо с острыми, хотя и правильными чертами было какое-то театральное. Тёмные глубокие глаза, густые чёрные брови, глубокие морщины в уголках носа и на переносице. Мужчина двигался мягко и быстро, словно дикий зверь, до поры скрывающий свою силу. Вадим мысленно надел на него средневековый камзол. Вышло не очень. Тогда примерил плащ тамплиера, рясу монаха, даже доспехи рыцаря. Всё было как-то чужеродно.

— У вас два часа, — объяснил месье Гонзалес. — Через три начнут собираться гости. Успеете?

— Конечно, времени более чем достаточно, — заверила Сильвия.

Скоро аппаратура стояла на месте, и техники принялись за обычную работу.

— Он молодо выглядит, — обескураженно заметил Вадим, когда они с Сильвией стояли у ограждения бассейна, любуясь захватывающей картиной, открывающейся вокруг. — Ты говорила, он играл с Гинзбургом. Если только сидя у того на коленях.

— У него старые глаза. И выглядит он как оборотень-волк из кино...

— Действительно, — согласился Вадим. — Волчья шкура сидела бы на нём как влитая. Кто-нибудь знает, что мы здесь?

— Ты решил меня попугать? — она бросила быстрый взгляд за спину, словно кто-то мог неожиданно появиться там и подслушать разговор. — Всё будет нормально. Отыграем и уедем.

— Наверное... — предательский холодок почему-то пробегал по позвоночнику, а может, это был просто ветерок с моря.

Ещё через час сцена была готова. Судя по нарастающему шуму голосов со стороны бассейна, гости собрались.

— Ну что, пора. Пора на сцену. Взорвём это милое местечко. Устроим им запоминающийся вечерок, — девушка тряхнула головой и взбила рукой волосы.

Все двинулись на сцену. Вадим остался сидеть — его выход был чуть позднее. Он услышал зажигательные звуки скрипки. Вот бухнул барабан и бас-гитара. Веселье началось.

Концерт проходил отлично. Появление неистового монаха, как всегда, вызвало бурю восторга. Его романсы тоже всем по-

нравились. Сильвия, похоже, расслабилась и решила, что дурные предчувствия — просто плод разыгравшейся женской фантазии. Как выяснилось совсем скоро, она была права лишь частично.

Во время небольшого антракта месье Гонзалес зашёл к музыкантам, поблагодарил за отличный концерт и спросил, может ли монах на несколько минут подойти к гостям, поскольку те хотят с ним познакомиться. Никто не возражал. Хозяин провёл его в небольшую уютную комнату с видом на закатное солнце.

— Любуйтесь пейзажем, пейте вино. Наслаждайтесь, ведь жизнь — короткая остановка по пути на небеса. — Он налил вино в бокал. — Через пару минут я вас кое с кем познакомлю.

Затем быстро вышел из комнаты.

Солнце садилось не в море, а за горы, видневшиеся за заливом. Облака компактно разместились в одной части небосвода, словно разругались с уходящим солнцем и теперь решили жить врозь. Они окрасились в розовый тон, который дал отблеск воде. Всё вокруг засияло оттенками бордового, словно мир был спрятан за бокалом красного вина.

Вадим отпил, облизнул губы, ощутил густой терпкий вкус. Поставил бокал на стол и с удовольствием развалился в мягком кресле. Похоже, наступила реакция. Он чувствовал себя совершенно расслабленным. Было приятно сидеть, ни о чём не думая, просто наслаждаясь редкой минутой полной беззаботности. Глаза закрывались. Хотелось задремать. Впрочем, хозяевам спящий гость покажется невежливым. Он попытался собраться, выпить ещё... Но приподниматься было лень. Телу нравилось лежать.

Вадим дал мысленную команду бокалу подвинуться ближе и прыгнуть в руку. Тот скакнул так быстро, что он с трудом поймал, пролив часть вина на сутану.

— Как ты это делаешь? — услышал он тихий голос месье Гонзалеса, который оказался за спиной, хотя Вадим мог поклясться, что секунду назад его там не было.

Неожиданно руки оказались зажаты чем-то невидимым. И ноги тоже. Происходило что-то совсем необычное. Он чув-

ствовал себя Гулливером, обнаружившим, что какие-то твари привязали его тысячами прочных шёлковых ниток к земле. Попытался расчистить туман, сгустившийся в голове.

«Опоили они меня, что ли? Или околдовали?»

Отчаянное усилие не пропало даром. Туман частично рассеялся. Сразу стало легче. Кольца на руках и ногах лопнули. Вадим вскочил.

— Вот это да. Ты очень силён! — с восторгом закричал месье Гонзалес. — А если вот так?

Вадим почувствовал, как сутана, словно смирительная рубашка, спеленала тело, сковывая движения. Взбесившийся воротник душил, а капюшон, словно тиски, сдавил голову.

Но теперь, когда тумана в голове не было, он легко преодолел напор обезумевшей одежды. И мысленно врезал ухмыляющемуся месье Гонзалесу. Тот отлетел к стене.

— А ну хватит! — раздался повелительный женский голос. — Вы так убьёте друг друга.

В комнату вошла элегантная дама того неопределённого женского возраста — назовём его «после сорока пяти», — когда дальнейшее уточнение невозможно.

— Здравствуй, Вадим, — сказала она. — Меня зовут баронесса Селин Вальмонт, и я давно хотела встретиться с тобой.

Глядя в её красивое улыбающееся лицо, он сразу понял, кто здесь главный, а ещё, что отдых, обещанный в потустороннем мире, закончился. И где-то в небесных сферах вновь начнётся кровавая война за мир. И здесь, на земле, ему вновь придётся убивать, выполняя чужую волю.

— Мою волю, — поправила Селин. — Ты создан быть оружием. И лучше быть на правой стороне.

«Она читает мои мысли», — догадался Вадим, но почему-то не был удивлён. События приобрели логичность. Честно говоря, чего-то вроде этого он уже давно ждал, хотя не мог сказать, пойдёт ли новое знакомство ему во благо. Но точно знал, что вся его жизнь, включая сам факт рождения, была именно ради сегодняшей встречи.

— Правая сторона, — с сомнением, словно пробуя на вкус слова, произнёс Вадим. — А вы кто?

— Ты предполагал, что этот мир похож на фильм, который кто-то снимает? — проворковала Селин. — Так мы — помощники режиссёра, в твоей терминологии. Хотя в действительности всё намного сложнее.

— Мне надо будет грабить банки, убивать политиков? — гнул свою линию Вадим, пытаясь понять, чего же хотят от него собеседники. Он вдруг сообразил, что первый раз в жизни ему предлагают выбор. Он словно вышел из лабиринта, по которому его гнала судьба, и оказался в чистом поле на перекрёстке трёх дорог. Перед глазами путеводный камень, где написано: «Направо пойдёшь — будешь за белых, налево — за чёрных, прямо отправишься — голову потеряешь». Только никто не объясняет, в чём разница.

— Разницы нет, — опять ответила на его мысли Селин.

Вадим опешил и задумался.

— Этот мир создан как столкновение противоположностей. Многие называют такое столкновение «войной». Но я бы назвала это «любовью».

Вадим вообще перестал понимать, о чём она говорит.

— Что происходит между мужчинами и женщинами в самые интимные моменты — война или любовь? — неожиданно попытался упростить теорию месье Гонзалес.

— Как назвать... — замялся Вадим.

— Именно, — поддержала Селин. — Но в результате рождается ребёнок — новый мир.

— Секс между электроном и протоном создаёт материю, — опять привёл странный пример месье Гонзалес.

«Наверное, его заклинило на сексе», — подумал Вадим.

Мадам Селин продолжала:

— Вечная война — способ существования материального мира, вселенной, нашей реальности. Война — существо женского пола, она желает получить всё, до чего может дотянуться, и лишь получив, готова что-то дать, например, новую жизнь.

Вадим почувствовал, что между словами у неё были пустоты, паузы, в которых скрывалось много чего. Возможно, там помещался весь наш мир. Может быть, и еще больше — там прятался и сам Бог.

— Вторая мировая война, насытившись кровавой жатвой, родила государство Израиль, — опять вроде бы невпопад сказал месье Гонзалес.

Глядя на застывшего парня, мадам Селин улыбнулась:

— Давай не будем философствовать. Просто ответь себе, чего ты хочешь: скитаться по свету в ожидании неминуемой старости или творить этот мир своими руками? ...Оставайся здесь. За пару месяцев месье Гонзалес многому научит тебя, расскажет о той миссии, для которой ты создан.

Задумавшись, Вадим украдкой приглядывался к баронессе, словно волк, которому предложили интересную должность в цирке.

— Я останусь, — согласился он.

После концерта сообщил Сильвии, что покидает ансамбль, поскольку получил приглашение работать в доме месье Гонзалеса.

— Обещали платить безумно много, — добавил для убедительности. — В дни зарплаты ко мне будут заходить караваны верблюдов, гружённые золотом, драгоценными самоцветами, пряностями и благовониями.

— И кем будешь служить?

Вадим замялся. Он не подумал о своей мнимой должности.

— Охранником, — наконец нашёлся правдоподобный ответ.

Девушка смотрела с подозрением. Похоже, не очень верила.

— У тебя всё в порядке? Не нужна помощь? Мне не надо звонить в полицию?

— Всё нормально.

Они поцеловались и больше уже никогда в жизни не встретились.

Он прожил у месье Гонзалеса почти полгода.

В потустороннем мире, видимом лишь сквозь дымку сновидений, бог Кришна создавал с небесным Вадимиром боевой «Орден шестой заповеди». В нашем мире месье Гонзалес строил такой орден в теле Вадима. Его натаскивали как боксёра, готовящегося к бою за мировую корону, как вундеркинда к научной олимпиаде или как разведчика, внедряемого в чужую страну. Вадиму казалось, что, образно выражаясь, месье Гонзалес вы-

нул из него все внутренности, включая мозг, и поменял на новые, с улучшенными характеристиками. Тело менялось изнурительными тренировками, а разум — долгими беседами. Тренировки по мере совершенствования тела становились всё более лёгкими, а новое мировоззрение прочным фундаментом ложилось на дно сознания.

Теперь он был сильнейшим магом. «Чёрным колдуном», — признавался себе в глубине души. Сначала месье Гонзалес перевернул ученику все представления о том, что такое хорошо и что такое плохо.

— У Бога нет этих понятий — часто говорил учитель. — Первый запрет, который был наложен на людей: «Не есть яблоко с древа познания добра и зла». Но Адам и Ева съели запретное яблоко, и теперь добро и зло существуют только в навсегда испорченном грехопадением мозгу людей. Все считают убийства, страдания невинных людей, болезни очевидным злом. Но это не так.

— Почему? — спрашивал Вадим.

— Хирург пытается спасти больного, и не всегда удачно. Человек страдает, иногда зря. Как ты назовёшь это — злом или добром?

— Ну, врач — это другое дело, а война, убийства, болезни?

— Для Бога наш мир — это его тело. Когда ты занимаешься спортом, мышцы стонут от боли и страдания. Но на самом деле ты их укрепляешь.

— Для Бога война — это накачивание мышц? Он сидит в спортзале, а мы тут стонем от боли.

— Я бы сказал так: мы стонем от боли, чтобы Он существовал.

— Совсем непонятно, — признался Вадим.

— Представь, что ты — Бог. И жизнь твоего тела связана с гибелью и обновлением клеток. Для того чтобы Вадим был здоров и жил долго и счастливо, внутри его тела идёт непрерывная война. И наверняка где-то в твоей печени сейчас сидит маленькая дотошная клетка, возможно, совершенно невинная, и пытается понять, зачем ты пьёшь это вино, причиняя ей страдания. Война, жизнь, смерть — нейтральные понятия, это не синоним добру или злу.

— Тогда что такое грех?

— Греха не существует.

— Но в Евангелии же есть понятие греха... — начал было Вадим.

— Евангелие похоже на инструкцию, переведённую с японского на французский греческим моряком, подвизающимся у сомалийских пиратов. Ещё, вдобавок, оттуда вырвали часть страниц, которые потом заменили на стихи русского эмигранта, живущего в Америке.

— Не понял.

— Текст столько раз переписывался неизвестно кем у неизвестно кого, что трудно сказать, что там осталось от оригинала. Кстати, непонятно, что считать оригиналом и был ли он вообще...

Например, никогда не было такого имени — Иисус Христос. Это имя придумали греки, которые, как всем известно, не участвовали в событиях, происходящих в древней Иудее.

Вадим понял, что все истины, записанные у него в мозгу, оказались стёрты ластиком, и теперь образовавшуюся пустоту заполняет новое знание.

Через полгода он узнал, в чём будет заключаться его будущая работа.

Они сидели на краю бассейна свесив ноги. Уже стемнело. Вода сияла голубым светом, идущим из глубины. Вдоль кромки мерцали золочёные мавританские светильники с разноцветными стёклышками и свечками внутри. Им подражали далёкие звёзды. Море спряталось в густой темноте, где одиноко светились заблудившиеся корабли.

Гонзалес негромко проговорил:

— Человеческая цивилизация — слишком хрупкая вещь, чтобы её можно было пустить на самотёк. Люди — словно младенцы, играющие на проезжей части, где постоянно носятся грузовики. Историки не могут объяснить, почему Европа не погибла от чумы в Средние века. Почему не разразилась мировая ядерная война в период Карибского кризиса, когда Хрущёв хотел показать кузькину мать Америке. Почему в конце двадцатого века СПИД не уничтожил треть человечества, как это про-

гнозировалось, и не выкосил население Африки... Почему за последние восемь тысяч лет ни один астероид не врезался в планету... Почему Солнце всё время промахивается мимо Земли в моменты своих убийственных вспышек...

Этих «почему?» миллионы. И ответ в том, что за мирозданием и за людьми приглядывают.

— Это делаете вы? — понял Вадим.

— Не совсем. Главный, конечно, тот, кого никто не знает. Его называют Бог. Он ведает мирозданием, а мы только исполняем приказы, которые спускаются сверху, пройдя целую цепочку исполнителей. И корректируем человеческую историю.

— Разве можно изменить ход истории?

— Все значимые мировые события, в которые вовлечены тысячи или миллионы людей, начинаются с почти незаметного происшествия, где действуют всего несколько человек.

— Это о том, что Вторая мировая война начиналась с секса между будущими родителями Гитлера?

Месье Гонзалес улыбнулся:

— Секс всегда создавал историю. Не будь секса — людей бы не было, и нам нечего было бы обсуждать. Конкретные люди спровоцировали мировые войны, эпидемии, перемены климата, моду или идеологию, которая потом захватила умы миллионов.

— Вы просто выполняете волю Бога, не зная, чем она обернётся для человечества?

— Ты сказал самую суть. Никто не знает, чего хочет Бог. Иногда он развязывает войну, и гибнут миллионы, иногда предотвращает. Иногда ускоряет развитие цивилизации, а иногда, наоборот, замедляет. Например, неожиданная смерть Александра Македонского на много сотен лет замедлила развитие цивилизации, а причиной был маленький человек из свиты, который жарким июньским днём дал ему выпить прохладной воды, заразив малярией.

Вадим задумался. Когда месье Гонзалес отвечал на вопросы, их не становилось меньше, скорее наоборот: объяснения порождали новые вопросы. Наконец он произнёс:

— При таком подходе вопрос о добре и зле действительно теряет всякий смысл.

— Я рад, что ты это понял. Воздействие, меняющее ход истории, называют «эффектом бабочки». Тебе предстоит работать такой «бабочкой», — месье Гонзалес дружески хлопнул его по плечу.

Вадим понял, что всегда видел мир искажённым, при этом подсознательно пытался найти неправильность. Но теперь словно расчистилось мутное стекло, сквозь которое он глядел на мироздание. Вадим стал совсем другим — спокойным и уверенным. Все, что происходило, происходит и будет происходить, делается по указу самого Бога и для блага человечества. Индульгенция в кармане и подписана светящимся росчерком Всевышнего. Нет места сомнениям и колебаниям. Людское стадо надо пасти!

Лёг на спину и дунул вверх, как волк на домик поросят. Звёзды проворно разбежались. Луна улыбнулась бликами. Как хорошо было здесь, словно на краю света! Мягко струилась тёплая вода, и казалось, счастье сидело рядом, беззаботно болтая ногами.

Через несколько дней приехала баронесса Селин и увезла его к новой жизни. Вадим больше никогда не встречал месье Гонзалеса и, честно говоря, совсем не страдал от этого. Ему установили зарплату, превышающую годовой бюджет маленькой страны.

В Италии недалеко от Портофино он купил виллу, построенную в начале двадцатого века в стиле классического модерна. Вилла имела огромный сад и небольшой частный пляж с бухтой, где парковалась его новая яхта. Новая работа была интересной, приходилось много путешествовать. Иногда Вадиму казалось, что его сердце вынули и заменили на льдинку.

Если человечество — лишь управляемое стадо, то чем люди отличаются от домашних животных, которых пасут существа вроде месье Гонзалеса? Теперь и он, Вадим, стал пастухом, или, скорее, его собакой. «Интересно, сколько нас? Тысяча, сто тысяч или пара миллионов?»

После особенно тяжёлых заданий, когда приходилось убивать, Вадим любил петь на площади маленького городка, обнимавшего живописный залив. Он брал гитару, компактную ко-

лонку с магнитофоном и располагался в тени платанов. Старые джинсы, чёрная выцветшая майка, линялая кепка грязно-серого цвета. Всем казалось, что он стоит здесь вечно, являясь привычной достопримечательностью города. Во всяком случае, проходящие мимо полицейские лениво смотрели сквозь. Туристы кидали монеты в футляр от гитары, официанты из кафе приносили бокал запотевшего пива. Хриплым голосом Вадим пел сентиментальные итальянские песни. Где-то через час его отпускало. Он собирал честно заработанные деньги, кидал монетку попрошайке, сидевшему у причала с двумя собаками. Пожимал руки местным хулиганам, которые считали, что знают этого классного парня сто лет и поэтому бесплатно охраняют его, и, спокойный, шёл домой.

Задания выдавала лично баронесса, которая не уставала напоминать, что следует постоянно повышать квалификацию. Как-то она сообщила, что надо срочно поехать на Ямайку.

— Там умирает один из сильнейших колдунов современности, и он готов перед смертью передать свой дар, — сказала она.

На Ямайке Вадим познакомился с Ольгой, и всё пошло не так, как было задумано...

Хотя, может быть, наоборот. Всё было давно предрешено именно так.

ГЛАВА 7.

В КОТОРОЙ ОЛЬГА ЧУДО КАК ПОХОРОШЕЛА, А ВАДИМ РАЗВЯЗАЛ СЕБЕ РУКИ

Площадь Каира привычно гудела дневным шумом. Не обращая внимания на убийственную жару, кричали торговцы, восхищались туристы, капризничали дети.

Только Вадим знал, что через мгновение здесь будет кровавый ужас. Он видел, как глаза женщины-смертницы сузились. Она уже решилась и вот-вот взорвёт бомбу. Время вдруг замедлилось, секунда распалась на сотни фрагментов, каждый из которых виделся с обострённой чёткостью. Между шахидкой и стеной затесалась знакомая бродячая собачка.

Бедняге не везло с утра, и, похоже, сейчас достанется первой. К псине склонился огромный толстый мужчина, угощая остатками бутерброда. Кто этот добрый человек? Турист? Торговец? Какая разница! Возможно, Бог дал ему жизнь и неуёмный аппетит только ради этого момента.

Вадим мысленным толчком опрокинул толстяка на женщину. Та пыталась отстраниться, но было поздно. Время вновь рванулось вперёд. Бомба взорвалась, когда смертница лежала, придавленная двухсоткилограммовой тушей. Мужчину буквально подбросило вверх, после чего, нашпигованный метал-

лическими осколками, он вновь упал на кровавый фарш, когда-то бывший женским телом.

К счастью, кроме тех двоих, никто не пострадал. Ошалевшая от переживаний собака лизала тёплую лужу крови.

— С-с-спасибо, Вадим, — София первая сообразила, что произошло.

— Пустяки. Давай скорее возвращаться. Сейчас здесь будет сумасшедший дом.

Андрей изумлённо пялился на кровь. Похоже, он даже не успел испугаться. Наконец, задыхаясь, выдавил:

— Что это было?

— Дядя Вадим нас спас, — ласково ответила Ольга. — Бери меня за руку, и быстро пойдём.

— Слава Аллаху, вы живы, — привычно воскликнул начальник охраны, когда компания появилась у входа в отель.

Оставшееся до полёта время было решено провести в отеле у бассейна, чтобы не будить «лихо одноглазое». Хотя Вадим был уверен, что оно всё равно не спит. Хотя, зачем заранее пугать себя неизвестностью? Когда что-то случится, придёт время действовать. А страх лишь отвлекает. Удивительно, но ему была приятна уважительная благодарность спутников.

Бассейн, по капризу архитектора, оказался закинут на крышу отеля. Лифт, поднимающийся наверх, по обилию золота, зеркал и хрусталя напоминал пещеру сорока разбойников из сказки про Али-Бабу. Видимо, это сравнение пришло в голову не только ему, поскольку София громко шепнула: «Сим-сим, откройся!» Дверь распахнулась. На всякий случай, Вадим вышел первым.

Над головой сияло небо. Изумрудная вода бассейна искрилась, словно над ней шёл дождь из солнечных зайчиков. Вадим подошёл к полупрозрачным перилам, огораживающим пространство крыши. Река распласталась внизу, прямо перед отелем. В этот послеобеденный час даже машины отдыхали. Нил был мутен и тих. Берега заросли тиной. Огромные деревья вдоль каменной набережной отражались в воде, придавая ей ещё больший оттенок пыльной зелени. Маленькая парусная лодочка пробиралась против течения, нарушая застывшую, как

смола, картину мира. Возможно, где-то её подстерегал крокодил с завораживающим взглядом убийцы.

За рекой распластал вспотевшее тело Каир, прикрытый пёстрым халатом зданий и замотанный в паранджу из туманной дымки. Город спал, убаюканный послеполуденным зноем. Только робкий ветерок, горячий, как воздух в бане, кружил невидимую глазом песчаную пыль. Чем дальше взгляд уходил к горизонту, тем больше дома начинали быть похожи на золотистые барханы. И почти незаметно город превращался в пустыню, по которой стеклянной извилистой лентой текла река.

Ольга появилась в розовом купальнике в обнимку с толстеньким Андреем. Тот был похож на Винни-Пуха, надевшего яркие цветные шорты для привлечения пчёл.

Максим пришёл в халате с расшитой золотом золотой эмблемой отеля.

— «Сие есть тело моё», — объявил он, скинув халат и оказавшись в шикарных тёмно-вишнёвых плавках.

— Твоей шутке две тысячи лет, — отозвалась София.

— «Но он, пройдя посреди них, удалился», — невозмутимо прорёк Максим, направляясь к стойке маленького бара.

Вадиму тоже не понравилась шутка. У мужика — мания величия. Для того чтобы быть Сыном Божьим, недостаточно наизусть цитировать Евангелие. Вдруг бонусом предложат крест? Готов ли герой к такому повороту? Тем более что на небесах затихли. Затаились, чтобы подстроить очередную каверзу. Почему так безлюдно? У бассейна никого из посторонних нет. Казалось бы, постояльцам отеля самое время полежать у прохладной воды.

Он огляделся. Ничего подозрительного не наблюдалось, хотя настораживало всё: густые тени в районе бара и слишком выбеленное солнцем пространство у парапета, звенящая тишина и далёкий звук сирены где-то на автостраде. «Наверное, я — параноик», — пришла здравая мысль. Скорее всего, отсутствию других постояльцев есть какое-нибудь простое объяснение. Например, дирекция могла закрыть вход в бассейн, чтобы дать возможность уважаемым гостям почувствовать себя приватно.

Но тревога, поселившаяся в глубине его разума, не отступала. С неприятностями зачастую бывает просто. Всего лишь немного терпения, только подожди — и они придут.

Ольга с Андреем беззаботно резвились, словно вырвавшиеся на перемену школьники. В какое-то мгновение Вадим залюбовался её лицом. Показалось, что знакомые черты стали тоньше и нежнее.

— Правильно, что свела родинку. Она тебя не красила.

— Какую родинку? — удивлённо спросила Ольга, проводя рукой по коже. — Ничего себе! Родинка исчезла. А я её не трогала.

Слова вновь отозвались беспокойным сигналом, словно кто-то постоянно теребил его вскипячённый солнцем мозг.

Ольга решительно вылезла из бассейна и подошла к парапету.

— Посмотри-ка на меня внимательно. Я ещё нигде не изменилась?

— Ну, тебе купальник немного маловат. Как будто не твой размер.

— Размер мой, просто сегодня утром мне показалось, что у меня увеличилась грудь. Да и бёдра.

Вадим отошёл на несколько шагов и начал уже серьёзно оглядывать знакомое тело.

— Не уверен, но у тебя стали тоньше икры и уменьшились плечи. Конечно, по сравнению с тем временем, когда я последний раз видел тебя голой.

— Да, ты прав.

Она стояла перед зеркалом, вмонтированным в мраморную стену, и внимательно себя разглядывала.

— Я тоже вижу изменения. Только, похоже, они произошли сегодня утром. — Ольга сняла солнечные очки и изумлённо ощупывала себя руками. — Как я похорошела! Ну-ка иди сюда, — неожиданно позвала Андрея. — Хороши шорты. Ты надел их для привлечения самок?

Андрей попытался взглянуть вниз, но, наверное, увидел только пузо, мохнатым холмом нависающее над нижней частью тела.

— Он у тебя большой, — с уважением сказала Ольга.

— Первый раз такой видишь? — гордо поинтересовался Андрей.

— Если честно, не первый. Но хорош...

Андрей любовно погладил свой округлый животик.

Ольга чмокнула его в щёку.

— Ты мне рассказал, что был женат пять раз. Тебе супруги не говорили, что они хорошели во время замужества?

— Я всегда женился на симпатичных барышнях, — согласился Андрей. — Но к моменту развода со мной они действительно расцветали. И, заметь, всегда бросали меня первыми... — почему-то с гордостью пояснил он.

Вадим с грустью подумал, что мужчины зачастую видят красоту женщины, когда она принадлежит другому.

— Самый необъяснимый развод у меня был с Ирой, — весело начал рассказывать Андрей. — Мы отдыхали на Сейшелах. Как-то я решил порадовать любимую. Обычно я совершаю подвиг на третий день отдыха. Душа требует взлёта. Встал рано. Облачился в акваланг, вооружился подводным ружьём и уплыл в безбрежный океан. Акула появилась буквально сразу. Наверное, ей сообщили, что есть желающие сразиться. Со страху, не целясь, нажал на курок и каким-то чудом убил монстра. Потом узнал, что если бы целился — никогда бы не попал, слишком стремительно та движется. Когда испуг прошёл, понял, что акула — совсем крохотная, детёныш. Но всё равно полметра, наверное. Весь в чешуе, крови, с акулой на плечах, пришёл на кухню. Там говорят — рыба несъедобная. Пришлось тащиться в фойе. Туристы меня фотографируют, охают, восхищаются. Тут как раз моя Ира к завтраку спускается. Принимаю мужественную позу. И тут любимая визжит на весь холл:

— С-у-у-у-ка, ты убил дельфина. Теперь нас вытурят из гостиницы взашей. Дальше её голос перешёл в область ультразвука, но я различаю:

— Права была моя мама!!!

Пока хоронил акулу, Ира собрала вещи, взяла все деньги и кредитные карты и уехала в Москву. Я летел обратно в пляжных шлёпках. У бутерброда ветчина только с одной стороны, —

вроде бы невпопад закончил Андрей свой рассказ. Воцарилась тишина. Это было естественно, поскольку безмолвие всегда приходило, когда Андрей переставал говорить.

— Что случилось? — после паузы спросил Андрей.

— Ничего. Иди плавай, — сказала Ольга, шлёпнув его по мягкому месту, которое у диснеевского Винни-Пуха не было прикрыто штанами.

Андрей прыгнул в воду и поплыл к Максиму с Софией, разговаривающим на другом конце бассейна.

Ольга повернулась к зеркалу боком, потом попыталась посмотреть на себя через спину.

«Что она там разглядывает?» — с недоумением подумал Вадим. Он осторожно относился к зеркалам, считая их окнами в потусторонний мир. Обычай завешивать зеркало, если в доме кто-то умер, — это древняя магия, оберегающая покой живых, пока душа умершего мается рядом. Любое зеркало действует как гипнотизёр, притягивает взгляд и зачаровывает разум.

Ольга повернулась.

— Ты догадался, что произошло? — удовлетворённая осмотром, спросила она.

— Нет, — честно признался Вадим, чувствуя, что не понимает вопроса.

— Андрей — сильный маг, только сам не знает об этом. Никогда не слышала о таких экстрасенсорных способностях.

— Каких? — спросил Вадим, недоумевая, какие чародейские таланты могут водиться за скульптором, кроме искусства непрерывно говорить.

— Он меняет женщин, с которыми спит. В лучшую сторону. Наверное, у всех организм реагирует быстрее или медленнее. У меня вот изменения произошли почти сразу.

Оля вертелась перед зеркалом, словно школьница, меряющая выпускное платье.

Вадим не был готов признать Винни-Пуха практикующим колдуном. Скорее всего, это собственная магия Ольги изменила её тело. Плюс влюблённость и положительные эмоции.

— Странные способности. Тоже о таком не слышал. Как это может быть полезно для нас?

— Никак. Это может быть полезно мне. Забудь о нашем разговоре.

Она направилась к бассейну и, встряхнув головой, бросилась в воду.

Сколько брызг... Вадим задумчиво проводил девушку глазами. Ну вот, у нашей экспедиции есть первый успех. И вдруг подумал: именно сейчас что-то произойдёт. Он постарался немедленно выгнать эту мысль за двери своего мозга, но та упёрлась четырьмя лапами и задержалась. В бассейне мигнули и погасли фонари. Вода перестала журчать. Через секунду всё заработало. Наверное, включился резервный генератор.

«Уходи», — пнул Вадим дурацкую мысль, прислушиваясь к слабому звону разбившегося стекла, пришедшему с улицы. Шум усиливался. Это был тот самый негромкий звук, когда разум лелеет себя надеждой, что всё обойдётся, а тело замерло в напряжении, понимая, что ошибки нет и неприятности начинаются.

— Выходите! Там что-то происходит! — крикнул Вадим остальным.

Все вылезли на бортик бассейна и уставились на вход, откуда уже отчётливо доносился топот сотен ног. Со стороны они были похожи на Временное правительство, ожидающее в Зимнем дворце появления революционных матросов. И «матросы» появились. Кто-то приехал на лифте, кто-то поднялся по служебной лестнице. В помещении бассейна уже через минуту оказалось несколько десятков разъярённых мужчин, кричащих что-то по-арабски. Впереди маячил знакомый бородач, возглавлявший толпу, пытавшуюся задержать их машину при въезде в Каир.

— Аллах Акбар, — вышел вперёд Вадим, закрывая собою спутников.

Но мужчины не слушали его. Они кричали как стая собак, наливаясь яростным бешенством по мере появления на площадке всё новых и новых сообщников. В руках у них были палки, камни, ножки гостиничных стульев. Передняя шеренга разом бросилась на беззащитных, как им казалось, туристов.

Вадим разозлился. Весь день кто-то старательно свинчивал предохранительный клапан с его разума, и теперь мощный по-

ток тёмной и страшной энергии прорвался наружу, словно озверевший от долгого сидения в тесной бутылке джинн, требующий прибить всех подряд.

Он посмотрел на две камеры наблюдения, установленные над бассейном. Раздался хлопок — это послушно лопнули стекла. Электронная начинка перегорела бесшумно.

Взгляд Вадима вдруг запылал чёрным пламенем. Теперь он был страшен и неузнаваем. Черты исказились. Казалось, разом постарел лет на пятьдесят, превратившись в ужасного старца.

Люди, увидевшие его, в страхе затормозили. Но было поздно. Словно ударившись о какую-то невидимую плоскость, стоявшую перед ним, бородач и его спутники замертво грохнулись на пол. Стена смерти, отмеченная грудой тел, шла ровной полосой в обе стороны. Упавшие не скатывались вперёд. Что-то не давало ни живым, ни мёртвым преодолеть невидимую преграду. И вдруг смертоносная плоскость с жутким чавкающим звуком начала медленно двигаться на застывшую в страхе толпу. Трупы и ещё живые люди, попадавшие в её зону, скручивались и корёжились, словно гигантская рука сжимала их пальцами. Тела раздавливались в фарш, который с негромким и от этого ещё более страшным хлюпаньем оседал, растекаясь по полу. Гадко скрипели перетираемые в пыль кости. Через несколько мгновений перед Вадимом образовалась растущая полоса из кошмарного месива крови и тряпок. Но задние, не видя, что происходит, напирали. Всё новые и новые люди попадали в безжалостную мясорубку, которая неторопливо двигалась вперёд, оставляя за собой однородный ковёр кровавой каши.

— Остановись! Прекрати это! — отчаянно закричал Максим. — Они — обычные люди, которых небеса натравили на нас.

Вадим не обратил внимания. Где тут люди? Это механические куклы, управляемые безжалостной волей каких-то потусторонних сущностей.

Сбоку раздались сумбурные всхлипывания и вскрики. Это бармен, о котором Вадим временно забыл, терял рассудок и не смог сдержать подступившей истерики. Тяжёлый взгляд выбил у него остатки разума. Конец жизни тот проведёт счастливый, разглядывая, как растёт трава.

Неожиданно вперёд выступила Ольга.

— Все застыли и смотрим на меня! — сказала она по-русски, развязывая купальник.

Её голос гремел подобно трубному гласу в день Страшного суда. Все замерли, словно кто-то нажал клавишу «стоп» на пульте гигантского телевизора. Где-то в задних рядах ещё продолжалась борьба — это новые погромщики пытались выйти на площадку. Но скоро и там воцарилась тишина, нарушаемая только монотонным чавканьем, с которым кошмарное нечто, исходящее от Вадима, продолжало пожирать толпу. Но через мгновение прекратилось и оно. Теперь тишина была полной. Люди застыли словно обезьяны перед удавом.

— Идите домой, — продолжала Ольга. — У вас там столько дел. Тихо поворачивайтесь ко мне спиной и аккуратно, никого не толкая, спускайтесь вниз. Идите домой и забудьте всё что было.

Мужчины, словно лунатики, послушно развернулись и потопали вниз. У них на лицах было разочарованное выражение детей, которые пришли в кино, но двери оказались закрыты и сеанс отменён. Скоро на площадке бассейна никого из чужих не осталось.

— Господи! — закричал Андрей, уставившись на кровавое месиво, оставшееся от десятков людей. Оттуда мерзко воняло.

— Успокойся, всё кончено, — обняла его за плечи Ольга.

Все старались не глядеть на Вадима и то, что было на полу перед ним.

— Ты уверен, что без этого нельзя было обойтись? — тихо спросил его Максим.

Вадим помедлил с ответом:

— Через секунду нас бы разорвали на куски, и у Ольги не было бы возможности показать свои чары. Только зачем надо было раздеваться?

— Давно хотела это проделать. Просто красиво... — ответила Ольга, продолжая обнимать Андрея. Того вырвало.

Ольга кивнула Софии:

— Выведи его. И подождите у лифта. Мы с Вадимом всё уберём.

Вадим давно привык: когда они работали вместе, не надо было ничего объяснять друг другу. Всё было давно отлажено и оговорено. Каждый знал, что ему делать. Ольга куда-то метнулась. Он наклонился над кровавой кашей, которая стала пузыриться, оседать и темнеть, превращаясь в золу. Повеяло отвратительно пахнущей гарью. Но уже через минуту запах исчез, унесённый дуновением ветра. Перед Вадимом был только пепел. Тут появилась напарница, тащившая откуда-то шланг. Ещё полминуты — и то, что оставалось от десятка людей, было смыто в канализационный трап. Пол был абсолютно чист, если не считать нескольких мраморных плиток, потрескавшихся от нестерпимого жара.

От начала инцидента прошло не более десяти минут.

— Всё. Уходим! — крикнул ей Вадим, вновь ставший похожим на себя.

Быстро приведя одежду в порядок, они спустились к номерам. У дверей их встречал перепуганный директор:

— Слава Аллаху! Вы живы!

Вадима передёрнуло. Они что, не знают других слов?

А тот продолжал тараторить:

— Я не понимаю, как эти люди прошли нашу охрану. Главное, вы целы, — быстро говорил он, мешая английские слова с арабскими. — Сейчас будет полиция. Теперь все в безопасности.

Директор вытер пот, обильно струящийся по его лицу, на котором явственно читалась мысль: «Вы уедете, а мне здесь жить».

— Поехали в аэропорт, — негромко сказал друзьям Вадим. — Думаю, пропавших начнут искать лишь через пару дней.

Несколько минут понадобилось, чтобы собрать вещи. Машины мчались под усиленной охраной. София нервно тёрла пальцы, словно очищая их от грязи:

— Я бы не хотела ещё раз видеть, как вы с Ольгой работаете.

— Не смотри, — жёстко сказал Вадим. — Представь, что бы они с тобой сделали, не будь нас рядом.

Он был разочарован. Как легко из героя превратиться в злодея! Почему они все не видят истины, даже столкнувшись с ней лбом?

Максим примирительно развёл руки:

— Не судите, да не судимы будете. Лучше подумаем, почему эта странная история произошла. Ведь их кто-то организовал, провёл в отель прямиком к нам...

София невесело кивнула:

— Похоже, высшие силы не хотят, чтобы мы встречались с их боссами, но мы умеем огрызаться. Главное, не перебить половину рая на пути к Милосердному.

В её голосе Вадиму послышались ирония и упрёк. Раздражённо ответил:

— Я не торгую лицемерным милосердием. Им, в небесных сферах, пора это понять. Хотят войны — получат.

Андрей сидел, сжав виски руками, а затем произнёс, не обращаясь ни к кому:

— Эти люди могли быть замечательными отцами, добрыми мужьями или ласковыми дедушками. Почему нельзя было сразу выступить Ольге с её эротическим шоу? Никто бы не пострадал...

Ольга погладила того по голове и повернулась к Вадиму:

— Не обращай внимания, он бредит. Слишком много впечатлений. — Затем вновь обратилась к Андрею и ласково, словно мама несмышлёному ребёнку, пояснила: — Человеколюбие у нас под запретом. Не обольщайся. Я ничуть не добрее того страшного дяди.

Вадим был уверен в правильности своих действий. Своей мгновенной, пусть и жёсткой, реакцией он дал Ольге драгоценные секунды. Иначе бы погибли все. Однако почему-то захотелось объяснить. Путь даже для несмышлёныша.

— Люди, объединённые в стаю, делаются зверьми. Безумие пожирает их, заставляя убивать и насиловать, нарушая принципы той самой религии, которую они защищают. Толпа всегда нарушает главную заповедь Библии.

Максим с сомнением качнул головой, но процитировал:

— «Я Господь, Бог твой; да не будет у тебя других богов...». Ты это имеешь ввиду?

Вадим кивнул:

— Каждый человек в стае нарушает основы веры, поскольку создаёт себе нового бога. Этим богом является идея, владею-

щая сознанием масс, — Вадим говорил жёстко. Чувствовалось, что эти слова обдуманы им давно. — Коллективный разум агрессивен и неуправляем. Я думаю, что библейская притча про Вавилонскую башню — именно об этом. Господу не понравилась людская стая, движимая идеей «всем миром построить город и башню высотою до небес».

Андрей, внимательно прислушивающийся к речи, смотрел со странным выражением, где страх смешивался с брезгливым любопытством.

Вадим подумал, что тот совсем не трус. Только излишне мягкосердечный. Можно любить котят и щенят. Но людей? Что хорошего в людях? Ничего, слепая доброта быстро проходит, как и любовь.

— Бог поступил как ты? Всех убили? — спросил Андрей.

— Не убил, но разогнал. Для этого создал разные языки и страны. Люди перестали понимать друг друга и принялись воевать между собой. Получается, что огромная стая опасна даже для Бога.

— Но Всемогущий не сделал из толпы фарш, — упрямо твердил Андрей.

— Любая война — человеческая мясорубка, которая происходит по воле Божьей.

Неожиданно в разговор вновь вступила София:

— Эй, давайте поспокойнее. Не хватало нам переругаться. Вадим, ты перегибаешь. Разве коллективный разум, например, сторонников вегетарианства является агрессивным?

— Конечно, поскольку направлен на исправление мира путём внедрения своей идеи. И требует насильственно перевоспитать других, попутно искоренив «ересь» в своей среде. Так новый бог сохраняет себе жизнь. Чем больше сторонников, тем он сильнее.

— Вегетарианцы не устраивают терактов и никого не убивают, — поддержал Софию Максим.

— Это потому, что здесь работает другой закон толпы. Закон количества! — Вадим чувствовал, что сейчас все против него. Гуманисты великие! Даже Ольга нянчится с своим впечатлительным Винни-Пухом. Вслух продолжил: — Стая представляет

опасность для Бога и человечества, если её члены собраны вместе в количестве, превышающем некую критическую массу. Так же создаётся ядерная бомба, когда масса урана превышает критическую отметку.

— Толпа — ядерная бомба! Интересная мысль, — согласился Максим.

— Вот как? Ты думаешь, что если вегетарианцам дать возможность собираться тысячами на площадях, они станут взрывоопасными? — удивилась София.

— Непременно. В огромной, монолитно думающей толпе любая, самая хорошая, идея превращается в агрессивную силу, способную уничтожить всё вокруг себя.

— Ешь морковь, сука! Она полезна для здоровья! — проорала Ольга, обращаясь к Андрею.

Вадим кивнул:

— Вроде того. Или «Только едящий морковь угоден Господу!»

— И как с этим бороться? Твоё мнение? Всех порешить? — осторожно спросил Максим

— Рецепт в Библии: стаю можно победить, только раздробив её на отдельных людей или небольшие группы.

— А если это не удастся?

— Тогда — только уничтожив, что я и сделал сегодня. В наши дни люди опять наступают на «вавилонские» грабли: человечество начинает объединяться. Единая Европа, единая валюта. Вот Бог нас и прессует...

— Прошу записать в протокол, что я с тобой категорически несогласна, — быстро сказала София.

Вадим понял, что спор окончился ничем, каждый остался при своём мнении.

К пяти часам подъехали к аэропорту. Самолёт ждал. Формальности заняли немного времени. Аккуратный таможенник с щегольскими усами и залихватским чубом, высовывающимся из-под новенькой фуражки, вручал проштампованные паспорта.

Вадим остановился, поджидая остальных. Утро было паршивым, запросто мог всех убить. День оказался суетным и нервным. Каким будет вечер?

— Андрей, ты как? — услышал он слова Максима, обращённые к приятелю.

— Начинаю привыкать. Это непросто, если учесть, что ещё несколько дней назад моя жизнь была, мягко говоря, другой.

— Привыкай, только аккуратней. По-моему, тебя ревнуют. Из праха вышел, прахом станешь.

Вадим заметил взгляд, осторожно брошенный в его сторону. И отвернулся, делая вид, что не слышит разговора.

— И что ты мне советуешь делать? Оставить Ольгу?

— Боже сохрани. Тогда тебя убьёт она.

— И зачем ты это говоришь? Хочется услышать что-то конструктивное...

— Не садись в первое подъехавшее такси, чаще меняй телефон, замечай, кто смотрит на тебя в толпе, и... не ешь много мучного. Фрукты вот ешь.

— Ну вот, ты опять валяешь дурака. Что мне делать? Делать вид, что ничего не произошло, улепётывать от вас при первой возможности и тихо писать в штаны?

— В конце концов, ты сам выбрал такую... — Максим замялся, подыскивая слова, — ...специфическую девушку.

— Любовь не только слепа и глуха, она ещё и безумна, — философски констатировал Андрей.

В самолёте было прохладно. Волна возбуждения схлынула, оставив за собой лишь зыбкое пятно безразличия. Разрешение на взлёт не давали минут десять, и София успела связаться с бароном Анри со своим ежедневным докладом о положении дел в экспедиции.

— Что ты ему сказала? — спросил Вадим. Его беспокоила задержка.

— Правду, — ответила София. — Всё у нас хорошо. Пьём, курим, оргии устраиваем. Бойню кровавую только что учинили...

Мелкая дрожь разгона сменилась ровным гулом двигателей. Солнце по-очереди заглядывало в иллюминаторы. Земля осталась далеко внизу, отсюда она казалась мирной и по-детски беззащитной.

— А мне нравятся людские толпы. Особенно на танцах. Чувствуешь плечо партнёра, его грудь, руки... Что плохого в объе-

динённой Европе? Цивилизация развивается... — возвращаясь к предыдущему разговору, сказала София, удобно устроившись с ногами на диванчике. Салон был по-домашнему уютным, и почти не чувствовалось, что они в воздухе.

— Ты считаешь, что Богу нужно это развитие? — спросил Вадим.

— Откуда я знаю. Его планы непостижимы, — замялась София.

— Я знаю, — сказал Максим. — Есть одна древняя теория. Бог задумал развить сам себя. Вроде того, как мы рождаем ребёнка, получая своё продолжение и развитие.

— Он что, трахнул кого-то? — быстро спросила Ольга. — Давно догадывалась, что меня кто-то непрерывно имеет.

— Процесс похож, но не буквально. Бог выделил из себя крохотную часть, которая имела полный набор информации о нём.

— Понятно, это — мужской сперматозоид с полной генной информацией, — тут же прокомментировала Ольга.

— Не наливайте ей больше, — попросил Максим. — Потом он разбил эту часть на миллионы ещё более крохотных частей и поместил в созданный специально для них материальный мир.

— Опять понятно, — захохотала Ольга. — Мой материальный мир ждёт твоих проворных подобий, — толкнула она в бок Андрея.

Максим не стал отвечать, а продолжал:

— В этом материальном мире каждая частица должна была накопить собственный индивидуальный опыт, которого нет у Бога. Затем, сложив эти частицы обратно и объединив их в себе, Всевышний бы получил развитие.

Таким образом, мы превращаемся в Бога только вместе. И я согласен с Софией, что Господу угодно наше объединение.

Вадим смотрел, как Андрей нежно ласкает ноги Ольги, и думал, что если его сейчас убить, это будет неправильно. Во-первых, это — проявление собственной слабости, а во-вторых, придётся иметь дело с Ольгой... Подравшись, они, наверное, разнесут не только этот самолёт, но и весь Ближний Восток... Наконец, он перевёл взгляд на Максима и ответил:

— Полное объединение всех человеческих душ и стая — разные вещи. Это как зеркало. Если его разбить на миллионы

осколков, то получить новое зеркало можно только сложив всю мозаику целиком. Это — объединение душ. Если мы произвольно возьмём сотню разных осколков, то мы не сложим зеркало, мы сложим дырявую конструкцию, совсем не похожую на исходник. Так и стая не является подобием Бога.

— Мы пойдём, проверим теорию, поэкспериментируем, — сказала Ольга, увлекая Андрея за собой в соседний салон.

Вадим наткнулся на быстрый взгляд Максима. В глазах таилась насмешка. Наверняка злорадствует, что его толстый приятель украл чужую подругу. Все они заодно.

Мир вновь стал привычным. Женщины предавали, мужчины нападали. А жизнь неумолимо делала своё дело: вела всех к смерти. Каждую секунду чёрная черта, отделяющая миры живых и мёртвых, неотвратимо приближалась. «Зря я их не убил», — отрешённо подумал Вадим.

Неужели во всех мирах нет никого, кто бы его понимал и любил безоговорочно, по-матерински? Как Богородица своего Сына? Иисусу повезло. Его оставил отец, предали ученики, убили люди, но у него была Мать! Она сняла растерзанное тело сына с креста, отшвырнула терновый венец, положила окровавленную бессильную голову на свои мягкие колени. Её слёзы омыли раны, а поцелуи пахли яблоками...

ЧАСТЬ 4.

СОФИЯ

ГЛАВА 1.

В КОТОРОЙ ПЫТАЮТСЯ УЗНАТЬ, ГЛУБОКА ЛИ КРОЛИЧЬЯ НОРА

София успокоилась только когда оказались на Земле обетованной. В аэропорту Тель-Авива всегда людно, хотя это не совсем правильное определение, поскольку многие из существ в толпе не были людьми. Повсюду виднелись сияющие белоснежные ангелы. Она обратила внимание на большую группу небожителей, следующих вместе с паломниками из Ватикана. Рядом с ними ехала инвалидная коляска с пожилой женщиной, за которой следовал серьёзный ангел с грустным и одновременно профессионально-безразличным взглядом, которым доктора смотрят на безнадёжно больных. Он махнул крылом Софии, как старой знакомой, и скрылся в толпе.

— Скучаешь, дщерь Иерусалимская? — Максим наклонился к её уху. — Всё в порядке? Застыла, словно видишь привидение. Я уже третий раз спрашиваю, куда нам идти.

— Да-да. Извини, задумалась. Машина у третьего выхода, чёрный джип.

Соня почувствовала, как кто-то тянет её сзади за подол. Там стоял маленький ангелок с расстроенным лицом ребёнка, которому на Новый год вместо собаки подарили шерстяной свитер.

— Извините, я, кажется, потерялся. Вы не купите мне мороженое?

Соня не успела ответить. Малыша подхватил блистающий вихрь, и сверкающее облако вознеслось к потолку, откуда донеслось:

— Опять клянчишь холодное мороженое, словно чертёнок, которому вечно жарко. Как не стыдно! Пей фруктовый нектар, в тысячу раз полезней!

София поспешила за ушедшими вперёд друзьями.

Максим сел за руль. Он переоделся в белоснежный хлопковый костюм и выглядел очень недурно. Принц на вороном джипе.

Она устроилась рядом, набирая в навигаторе адрес отеля на Мёртвом море:

— Катись, яблочко, по серебряному блюдечку, покажи нам путь-дорогу...

— Ты разговариваешь с навигатором? — невинно уточнила Ольга.

— Прогресс. Раньше приходилось спрашивать дорогу у птичек и ветра...

Соня видела, что перед машиной летели два белоснежных крылатых существа. Они торопливо махали крыльями, и видно было, что соревнование со стремительно несущимся джипом давалось нелегко, ведь вдобавок им приходилось отгонять мелких любопытных ангелочков, которые норовили подлететь к машине и заглянуть внутрь. Расстроенная мелюзга разлеталась в стороны, усаживаясь по проволочным оградам и столбам. Скоро София настолько свыклась с их присутствием, что воспринимала как часть пейзажа. Она немного устала и пыталась задремать.

Дорога — это состояние духа. Сначала за окном виднелась спокойная равнина, мелькали уходящие к горизонту поля с рощицами деревьев. Тянулись километровые светло-зелёные грядки салата, петрушки, укропа, за ними громоздились серо-бурые красавцы артишоки, тут же кучерявилась цветная капуста. Появились виноградники с ровными армейскими рядами могучей лозы, уходящей корнями на десятки метров вниз, в каменистую почву, когда-то бывшую пустыней. Там, где кончались орошаемые поля, летнее солнце изрядно притушило яркую зелень и сделало её буро-золотистой. Но и здесь чувствова-

лось, как плодородна земля, и чуть намочи — взорвётся урожаем трав, клевера, пшеницы, гречихи... чии... хии... ии... шшш. Шины шуршали, тихо пели, убаюкивали.

Медвежонок-Андрей уже спал, положив лохматую голову на сильные коленки Ольги. Сейчас та не походила на мрачно-насупленную девчонку, а скорее на красавицу колдунью, озабоченную вечным вопросом: «Я ль на свете всех милей?» Мрачным одиноким волком сидел недремлющий Вадим.

Неожиданно София встрепенулась. Сонная вялость ушла. Начался подъём вверх, вдоль зелёных холмов Иерусалима, заросших пушистыми южными соснами. Как сказочно красиво стало за окном! Зелень была густа и свежа, ведь юные сосны отважны и храбры и не боятся палящего зноя. Отвоевав себе место у скал, они приглашали в компанию душистый колючий сланец, похожий на кусты черники. Потом осторожно приходили стыдливые фиалки, дерзкие лютики и прочие многочисленные лесные друзья и знакомые.

Над Иерусалимом небо колыхалось перламутровыми волнами от обилия ангельских существ. Вертикальные сполохи, словно радужные столбы, уходили ввысь. Там ослепительным белым светом сияли огромные шары, похожие на небесные одуванчики. Они медленно дрейфовали над городом, будто гигантские дирижабли, охраняющие небо от врага.

Мир такой, каким мы его видим. Как жаль, что большинство людей воспринимают нашу реальность в узком диапазоне доступных им чувств. Люди живут, как ёжики в тумане. Смутно ощущают, что за спиной что-то прячется, но не знают, что это. Опасно оно или нет. Они чувствуют дрожь от загадочных сущностей, проплывающих рядом. Но могут не догадываться, что в десяти сантиметрах стоит огромный «слон», до тех пор, пока он не наступит на них.

Волшебный город остался позади, началась мрачная, выглаженная безжалостным солнцем пустыня. Жёлтый туман песчаной пыли угрюмым маревом висел в воздухе, доставая до неба. Там, где полагалось быть прохладной небесной тверди, распласталась раскалённая жаровня, от которой удрали и птицы небесные, и ангелы.

Уцелел лишь прах земной, бесконечной бурой плоскостью простиравшийся вокруг. Кое-где возвышались пологие холмы, куски скал и окаменелой глины. Везде — спёкшаяся корка со сморщенными сухими травинками. Глубокие расщелины прорезали уходящую вдаль плоскость, отчего казалось, что они ехали по гигантской морщинистой ладони. Дорога медленно спускалась в бесконечную лощину между пальцев гиганта.

Неожиданно София увидела на приборной панели человечка, одетого в форменный китель работника таможни. Его лицо, волосы, одежда были белёсыми, словно тот жил в стиральной машинке, злоупотребляя отбеливателем.

— Куда направляемся? — строго спросил человечек, раскрывая белый блокнот с девственно пустыми страницами.

«Он запишет мои слова молоком?» — весело подумала София, оглядываясь на Максима, чтобы понять, видит ли он её странного собеседника. Убедившись, что тот занят дорогой, тихонько прошептала:

— Командировка к начальству.

— Вам назначено?

— А как же, — максимально уверенно сообщила София, с удовлетворением глядя, как тот судорожно листает чистые белые листы своей тетрадки. Видно было, что человечек не ожидал такого ответа и теперь не знал, как поступить, постепенно входя в раж. Из воздуха возник увесистый канцелярский том. Белые листы стремительно вспухли, отчего книга стала похожа на мятую хризантему. После секундных размышлений он выбросил её в окно. Книга пролетела сквозь стекла, не причинив вреда арендованному джипу, и растаяла в воздухе.

— Вы тут не очень... — человечек подыскивал слова.

— Мы чуть-чуть, — заверила София, понимая, что бюрократы всех миров одинаковы.

Человечек махнул рукой в воздухе, словно ставя печать. В воздухе появился круглый оттиск, похожий на золотистое яблоко, которое плавно скользнуло в её ладонь. Затем чиновник исчез. С ним растаяли и два ангела, летящих над машиной от самого аэропорта.

Сзади, зашевелившись, проснулся Андрей. Он опрометчиво попытался опустить стекло, откуда полыхнуло немыслимым жаром, словно приоткрылась дверца духовки преисподней.

— Едем в геенну огненную? — Ольга тоже проснулась.

— Чтобы подняться в небеса, нужно спуститься в ад, — ответила София, пытаясь рассмотреть яблоко-печать, которое таяло в руках будто снежинка. — Кстати, сейчас будет граница, — она показала рукой на тёмную полосу, прочерченную на окружающих дорогу холмах.

— Что это? — удивился Андрей.

— Это — «нулевой уровень» Земли. Мёртвое море почти на четыреста метров ниже, здесь начинается другой мир, — объяснила она, разглядывая чудовище, похожее на огромного муравья, появившегося на дороге рядом с машиной и проворно бежавшего по шоссе. Голова с острыми жвалами виднелась прямо у окна. Чувствовалось, что скорость в сто сорок километров в час ему нипочём.

— Запрещённые к провозу объекты есть? — пролаял «муравей» и тут вдруг, захлебнувшись, споткнулся и кубарем полетел на обочину, хрустя отлетающими лапами и частями хитинного туловища.

Сзади натужно выдохнул Вадим, опуская руки.

— Хрень какая-то привиделась, — прокомментировал он.

— Бывает, — согласилась София. Ей было жалко «муравья», который просто делал свою работу.

Показалось Мёртвое море — огромная язва на теле Земли, затянутая маслянистой белёсой субстанцией с бурой коркой по периметру. Сразу появился специфический асфальтовый запах. Дорога запетляла по берегу. Пейзаж стал зыбким, будто видимым сквозь горячий пар или коварный ядовитый туман.

— У чертей подгорела смола. Перемешивать надо тщательнее, — заметила Ольга.

Все заворожённо любовались окружающим мистическим пейзажем.

София видела, как отовсюду поднимались танцующие струйки бурого дыма, колышущиеся, словно водоросли на дне залива. Некоторые, как щупальца, обвивали машину, липко ка-

саясь стёкол ледяными присосками. Те сразу мутнели, как будто политые жиром.

Максим, который, наверное, не видел этой чертовщины, включил дворники, недоумевая, как среди ясного дня на стёклах появилась изморозь.

Скоро они подъехали к комплексу отелей. Стеклянные башни собрались в кучку, похожие на аквариумы, собранные для ремонта.

— К пещере Лота поедем завтра, а перед ужином давайте искупаемся, — предложила София.

Бросив вещи в номера, наскоро упаковались в пляжные халаты, отчего стали похожи на группу пациентов клиники, и спустились к отельному пляжу. Солнце садилось. В это время берег оказался пустынен.

— Эй, сейчас стемнеет. Здесь закат наступает почти мгновенно, — торопила София.

Идти по дну, покрытому вместо песка колючими кристаллами соли, — удовольствие не из приятных. Зайдя по грудь, она погрузилась в странную жидкость, которая не ждала гостью и нелюбезно выталкивала тело наружу, предлагая зайти в другой раз. Понадобилось время и изрядная настойчивость, чтобы проникнуть в этот негостеприимный мир и остаться в нём. София парила в загадочной субстанции в неустойчивом равновесии, и казалось, малейшее неудачное движение способно это равновесие нарушить. Тогда легко соскользнуть с поверхности планеты и улететь неведомо куда.

Посмотрела на приятелей, копошащихся в воде, поверхность которой была совершенно неподвижна, словно огромное, мутное и очень старое зеркало, покрытое туманными пятнами. Каждый путём смелого экспериментирования нашёл свою позу, позволяющую укрепиться в противоестественной среде, отчего все стали похожи на чудищ, плавающих в колбах с формальдегидом.

Сумеречный день или солнечные сумерки внезапно окончились, будто разом взяли и выключили свет. Сразу стало темно, поскольку звезды и луна проявляли нерешительность, будто дожидаясь сигнала: « Да, уже можно выходить». Наконец они

осторожно появились на небосводе, и к аромату кипящей смолы добавилась мерцающая подсветка. Адский пейзаж приобрёл мрачную гармонию.

На берегу зажглись прожектора, освещая пляж и прибрежную зону. И вдруг вся необъятная масса моря вспыхнула миллиардами горящих точек, словно по слабо тлеющим углям ударили палкой и туча раскалённых искр облаком разлетелась вокруг.

София разглядела, что эти искры — весёлые бесята, неистово скачущие в воде. Они сталкивались между собой, переворачивались и крутились, кидая друг другу крохотный мяч. Смотреть на дьявольское регби было забавно, но спутники, наверное, видели в воде лишь сияющую звёздную россыпь. Когда не хочется говорить правду, на выручку всегда приходит наука:

— Это кристаллизуется соль, — объяснила друзьям София. — Нам повезло. Такое не всегда увидишь. Нужно определённое сочетание температуры и давления.

Она с удовольствием поплыла вперёд, в тёмное застывшее пространство, уверенная, что регбисты, увлечённые своим матчем, не причинят вреда. В глубине слабо светились подводные сталагмиты, покрытые острыми шипами и лезвиями соляных кристаллов. Некоторые поднимались почти к поверхности, образуя опасные ловушки для неосторожного купальщика. София крикнула:

— Здесь много опасных островков. Можно обрезаться. Не отплывайте от берега!

— Жуткое место, — произнёс Андрей хриплым шёпотом. — Кажется, что меня кто-то куснул за задницу.

— В этом море нет живых организмов, — успокоил приятеля Максим.

Вернувшаяся на мелководье София могла бы с ним поспорить. Потусторонних сущностей здесь было с избытком. Были ли они опасными? Пожалуй. Как опасно любое сильное лекарство. Это море — типичная мёртвая вода из сказок. Но в сказках, как всегда, есть недомолвки. Это вода убивает не тело, а болезни. Если, конечно, её не пить.

Максим между тем продолжал:

— Мой знакомый врач считает, что Мёртвое море лечит не минералами, растворёнными в воде. Исцеляет подсознательный испуг, животный страх. Тело не может понять, где оно оказалось и что с ним. Наша генетическая память знает и любит море как материнскую среду, где зародилась жизнь. Мы дружим с водой, она живая, с ней можно общаться, у неё есть чувства и разум. Но здесь — загадочная, безжизненная среда, которая пахнет битумом и соляркой. Она чужда человеку и неохотно терпит его присутствие в себе. Здесь даже нельзя утонуть. Вдобавок мы находимся на четырёхсотметровой глубине. Давление выше обычного, словно на чужой планете. В итоге, когда мозг не понимает, что случилось, он решает, что вокруг угроза жизни, и передаёт организму сигнал: «Спасайся кто может!». Организм включает все резервные силы, и происходит исцеление.

«В чём-то он прав, — подумала София. — Мы сражаемся не с болезнью, а с самим собой. Не существует врага-гриппа — бывает, что наше тело впускает грипп в себя, словно мошенника, втёршегося в доверие и пришедшего в дом на вечеринку. Иногда дурные люди приходят в гости. Хорошо, когда, осознав это, мы предлагаем таким посетителям уйти. Ещё лучше, когда принимаем меры, чтобы и впредь они забыли сюда дорогу. Во всех случаях — проблема в нас. Не надо дружить с плохими мальчиками. Или девочками...

— Что-то подобное происходит с нырянием в прорубь, — пыхтя, произнёс растопырившийся Андрей. Море выталкивало его прочь, нежно, но настойчиво. Ухватиться за коварную воду удавалось плохо. — У меня с детства была хроническая ангина. Все по мокрой траве бегают, а я сижу в тёплых носках, и горло болит. К каким только врачам меня не водили. Всё без толку. Потом я попал в руки народного целителя. Вредный такой мужичок, маленький, но крепкий. Сначала мы голые в одних кедах и шапках час бегали по заснеженному лесу.

— Красную Шапочку не встретили? — уточнила Ольга.

— Вдали показалась какая-то тётка, но, заметив нас, убежала так быстро, что я не разглядел цвет шапки.

— Не догнали, спортсменка, наверное, — с сожалением вздохнула Ольга.

София подумала, что на самом деле Ольга — совсем не такая, какой пытается казаться. Просто много лет назад она нанесла на лицо маскирующую маску, в которой ей было комфортно находиться. Маска состояла из четырёх слоёв цинизма, трёх слоёв сексуальной распущенности, одного — гламурного стёба и двух — грубости.

Андрей увлечённо продолжал:

— Потом этот мужичок велел снять кеды и окунул меня в прорубь. Три раза: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

— Как ощущения?

— Когда я оказался в ледяной воде, то понял: всё, я сейчас умру. Видимо, все резервы, дремавшие в моём хилом теле, организм призвал на фронт. Я не умер. Горло прошло в тот же день.

— Когда это было? — спросила Ольга.

— Лет десять назад, с тех пор у меня ни разу не случалось ангины.

София подплыла ближе:

— Думали, что в лесу маньяки завелись, а это ты лечился. Прорубь хорошо помогает. Принцип тот же: страх. В ледяной воде разум пугается и забирается в самый тёмный угол подсознания. Прячется от буки, как малыш под кроватью. И организм сам спасает себя.

— Ты считаешь, что тело действует отдельно от разума? — спросил Андрей.

— В твоём случае это бесспорно, — подтвердила Ольга.

София попыталась подобрать правильные слова:

— Тело и разум живут как семья. Они могут быть заодно, но могут и ругаться. Могут даже гулять на сторону. Тогда тело ведёт себя самонадеянно, не принимая доводы рассудка. И может не только лечить себя, но и убивать. Как ревнивая, истеричная жена сводит себя в могилу.

Неожиданно Ольга согласилась:

— Помню, плавали на яхте. На море началось небольшое волнение. Мой бдительный организм обнаружил, что всё вокруг шатается. Потом нечто неведомое внутри поставило диа-

гноз: «Сильное головокружение и невозможность оставаться в вертикальном положении. Скорее всего, отравление неизвестным ядом. Срочно очищаем желудок!!!» Разум попытался объяснить, что всё хорошо, мы на яхте, отдыхаем, вокруг красота. Но желудок не слушал, лишь вопил: «Отравили, гады!» За два дня я похудела на шесть кило. Согласия между мною и телом достичь не удалось. Получается, что мы и наш организм — совсем не одно и то же. Более того, у нас разный взгляд на жизнь.

— Конечно, — согласилась София. — Понимаешь, тело живёт вполне автономно. Каждую секунду оно принимает миллионы решений, совершенно не согласовывая их с нами. Если бы мы попытались командовать обменными процессами, током крови, течением лимфы, реакциями клеток, то, скорее всего, немедленно умерли бы.

— Тогда что такое «мы»? — спросил Андрей.

— Вот главный вопрос! Науке это неизвестно. Существует нечто неведомое, заставляющее мешок с мясом и костями становиться разумным существом.

Представь телевизор. Это просто коробка со множеством всяких штучек внутри. Но вот аппарат подключили к розетке. По проводам, как кровь, побежал электрический ток, будя спящие нервы микросхем. Но без подключения антенны или Wi-Fi изображения по-прежнему нет. Телевизор вроде бы работает, но программ нет. Сиди разглядывай чёрный квадрат. Лишь таинственный внешний сигнал создаёт цветную картинку. Получается, чтобы ящик стал телевизором, необходим далёкий неведомый мир, где существуют транслирующие антенны, студии с телеведущими, режиссёры, актёры и многое другое.

Так и человек. Мы — это тело плюс неизвестный источник, назовём его Богом, — София улыбнулась и замолчала.

Из моря было приятно выходить. Воздух казался таким же тёплым, как и вода. Ольга с Софией встали под пресный душ, смывая соль.

— Пейзаж без женщин восхищает, но не волнует, — сообщил подошедший к ним Андрей, который заметно прижился в компании.

— Тоже мне, эстет-вуайерист, — шлёпнула его Ольга.

Неожиданно откуда-то сверху раздался нарастающий вой. Темнота над головой разорвалась тяжёлым грохотом. Гигантские силуэты промелькнули в небе, заслоняя звёзды, которые исчезали, словно стираемые неведомой силой. Звуковая волна коснулась тел. Андрей инстинктивно пригнулся, но через мгновение всё стихло. Нечто умчалось прочь так же мгновенно, как и появилось.

— Истребители. Дежурный облёт границы? — предположил Вадим.

— Наверное, — негромко ответила София.

Она ожидала неприятностей, полагая, что застава потустороннего мира может наказать Вадима за смерть бедолаги таможенника. Никогда не знаешь, что вынырнет из темноты мироздания. Могут появиться такие страшные «истребители», с которыми даже боевому магу не справиться. На всякую силу есть другая сила.

София не считала убийство способом решения проблем. Она предпочитала не рубить тугой узел, а аккуратно развязать его и завязать снова, но уже по-своему.

И действительно: в чёрной тени, где кончался свет прожекторов, густой мрак шевельнулся. Он медленно двигался к ним, съедая освещённое пространство, ставшее вдруг хрупким и беззащитным. Софии показалось, что время потекло медленно, как мёд из упавшей банки.

— Что-то мне тревожно, — вдруг сказала Ольга, почувствовавшая недоброе.

Вадим напряжённо огляделся сразу потемневшими глазами. Лишь Андрей беззаботно прыгал на одной ноге, пытаясь вытрясти попавшую в ухо воду, да Максим спокойно сидел на стареньком пластиковом шезлонге. Либо он ничего не чувствовал, либо свято верил в свою удачу.

«Только битвы нам здесь не хватает», — подумала София. В её глазах окружающий мир стремительно менялся. Вокруг слабо фосфоресцировала красная безжизненная пустыня. Здания отелей оплыли, словно сгоревшие свечи. Над ними появились жуткие чёрные птицы, метавшиеся по кровавому небу. От их тел падали тягучие капли липкой дряни, покрывая песок

и камни шевелящейся слизью, будто чей-то гигантский палец давил вокруг сотни жуков размером с собаку. Прямо перед глазами медленно вспухало тяжёлой тёмной поверхностью глицериновое море, собираясь взорваться. Его испарения мутной пеленой застилали всё вокруг. Хотелось протереть глаза, а ещё лучше — просто закрыть их.

София накинула халат, независимо сунула руки в карманы и в несколько шагов преодолела оставшийся рубеж светлого пятна, окружающего их. Теперь она стояла на кромке света и тьмы.

— Ты куда? Не отходи далеко! — крикнул Вадим.

— Всё в порядке, я купальник мокрый переодену, — ответила София. Он не понимает, что самое опасное место сейчас именно рядом с ним.

— Уходи, ты нам не нужна! Мы заберём лишь убийцу! — сказал ей мрак.

Неожиданно София почувствовала, что в правом кармане лежит что-то тёплое, похожее на живого маленького цыплёнка. Она вынула загадочный предмет и узнала печать, переданную ей ангелом. Мироздание колыхнулось, и сразу рядом с ней появился шустрый человечек в светло-сером костюме-тройке, белой рубашке и броском серебристо-голубом галстуке.

— Юридическая служба поддержки, — важно заявил он в темноту. И сразу уверенно затараторил: — «На основании параграфа 437 правил „Служебных поездок“ командированные имеют статус неприкосновенности, если иное не оговорено в их задании в разделе 437.18 — „Особые условия дипломатического или иного статуса“. — Человечек перевёл дух. Чувствовалось, что в темноте загрустили. — ...поскольку данное командировочное предписание не имеет специальных оговорок, в соответствии с параграфом 124 правил „Служебных поездок“ задержки работников третьими лицами, равно препятствия с их стороны к осуществлению правил свободного служебного доступа, наказываются в соответствии с разделом 7...»

София подумала, что остановить перечисление параграфов не удастся и избежать пространной лекции можно лишь покон-

чив с собой. Похоже, к такому же выводу пришли и во тьме, кто бы там ни находился.

— Извините моего друга! Произошёл несчастный случай. Мы искренне сожалеем о случившемся, — сказала она мраку, давая всем возможность выйти из сложной ситуации, сохранив лицо. Неожиданно небесный юрист замолчал.

— Извинения приняты, — сказала тьма.

— Инцидент исчерпан, — поддержал человек.

Вселенная вздрогнула во второй раз. Вокруг вновь был обычный мир. Андрей всё ещё прыгал на одной ноге, тряся головой и пытаясь полотенцем проткнуть ухо насквозь.

Девушка сняла мокрый купальник, плотнее завернулась в халат и, зябко поведя плечами, вернулась к друзьям.

— Что-то случилось? — настороженно спросил Вадим.

— Нет. Всё в порядке.

— Наверное, просто нервы шалят, — поддержала Ольга, с интересом разглядывая Софию. — Судя по времени, ты не только переодела купальник, но и выстирала его.

С холма послышался стальной скрежет. Что-то ползло в их сторону, тёмным силуэтом напоминая гигантскую гусеницу. За первой почти вплотную двигалась вторая. «Гусеницы» появились в освещённой зоне и оказались обычными гостиничными электромобилями, присланными за ними.

— Если бы знали вы, какие дорогие подмосковные вечера, — коверкая русские слова, пел водитель. Наверное, он знал, что ночью в море купаются только русские.

Все расселись по машинкам и через несколько минут оказались в холле отеля. Стеклянные лифты, пронзающие бесконечно высокий холл с огромными каскадными люстрами, помчали их наверх.

— Наверное, если бы здесь чудом оказался библейский пророк и увидел бы нас в этих лифтах в белоснежных халатах, подумал, что это ангелы взлетают в хрустальных колесницах на небо, — задумчиво сказал Максим и, кивнув на колонны с декоративными струйками воды, поддерживающие свод, процитировал: — «И я был восхищён в вихре ветра, и мои очи видели сокровенные предметы неба: столпы из железа, из меди, из се-

ребра и из жидкого металла, по которым вода стекала с Небес на Землю».

Ужин был накрыт в небольшом оазисе, расположенном во внутреннем дворике отеля. Вокруг благоухали цветы, среди них прятались разноцветные фонарики. Украшением места служила скала, по которой плоским водопадом струилась вода. Она искрилась бликами золотистого цвета, как шампанское, наливаемое в фужер. На изумрудном газоне негромко шелестели о чём-то пышные пальмы, бросая на гостей небрежные взгляды со снисходительной отстранённостью светских особ. Соня заметила, что неподалёку весёлые улитки водили хоровод. Но очень медленно. Поэтому обычный человек заметил бы лишь группу слизней на бортике у водоёма. Прищуренными кошачьими глазами подглядывали звёзды, пытаясь разглядеть детали сквозь душистое марево. Странно, но асфальтовый дух Мёртвого моря здесь совсем не ощущался. Зато слышался голос пустыни, набегавший из бархатной темноты ночи. Это был низкий мягкий звук где-то на грани слышимости, словно кто-то протирал пыль внутри огромного колокола.

София пригубила морозное, щиплющее нёбо шампанское и подумала, что пророки и апостолы, ангелы и бесы почтительно расступаются перед правильно прожаренным куском мяса. Она любила мгновения перехода от одного события к другому. Как антракт в театре.

Только что ты была втянута в интригу, придуманную режиссёром, а сейчас вдруг оказалась предоставлена самой себе. Можно поболтать с друзьями и вкусно покушать.

Она почти не слушала разговор спутников, которые вновь обсуждали вечную тему о том, где в человеческом теле спрятана личность.

Почему барон Анри выбрал именно их? А мироздание добавило в компанию ещё и Андрея. Вот Максим — пытается быть правильным во всём, но коварная воля небес дала ему в подарок «удачу», которая постоянно уводит от праведных путей. Вадим вроде бы безжалостный убийца, но фанатично стремящийся сохранить лишь ему понятный кодекс добра и зла. Ольга — ведьма с чёрной душой, не боящаяся ничего ни

в этом мире, ни в любом другом, при этом ищущая любви и влюблённая в Андрюшку, который пока тёмная лошадка — джокер в колоде.

Словно в подтверждение её мыслям Андрей темпераментно произнёс:

— Сейчас я хорошо понимаю наш недавний разговор. Организм устал, желудок мечтает поесть, душа просит романтики, попа ищет приключений, мозг жаждет напиться. Как меня много! И кто же из всего этого «я»? Чувствую, что совсем не тело. Максим, объясни не заумными теориями, а простыми словами.

— Да, — ответил Максим.

София улыбнулась: «Действительно, проще не скажешь».

Андрей хмыкнул:

— При разговоре с тобой нужна тонкая настройка. Чуть-чуть разверни своё «да».

— Тело — скафандр, который мы используем, чтобы жить в этом мире.

— Тогда где прячется личность, моё «Я»?

— Ты — это душа, которая вообще не имеет места, поскольку является энергией, транслируемой извне.

Андрей обречённо сделал большой глоток из своего бокала:

— Ты окончательно всё запутал. Если тело не я, а душа — лишь энергия, то кто сейчас пьёт вино?

— Скажи мне, ты видишь сны?

— Бывает.

— А если бы приснился парень, похожий на тебя, и который напивался бы в ресторане?

— Решил бы, что сон вещий.

— Я не о том. Соберись. Давай разберёмся, кто же наслаждается алкоголем? У спящего под рукой лишь подушка, так что явно не он. Остаётся персонаж сна. Но ведь это зыбкий плод твоего разума. Внутри мозга нет бутылок и бокалов, там лишь кости, да желеобразная субстанция.

Поскольку ответа не было, Максим продолжала:

— Персонаж сна лишь думает, что пьёт вино. Его тело и мысли сформированы из фантазий и существуют до тех пор, пока спящий не проснулся.

— Намёк понял — лицо Андрея просветлело. — Надо заказать еще.

София с интересом прислушивалась к разговору. Какой смешной парень. И соображает хорошо, но по-своему. Где-то она его встречала раньше.

Андрей философски разглядывал бокал на свет, отчего по лицу плясали красные пятна, и, наконец, глубокомысленно изрёк:

— Что наша жизнь? Сон Бога!

— Вроде того. Вернее его мысль, фантазия, грёза. И какая-то неведомая энергия, исходящая от него, создаёт нашу реальность, транслируют в нас ощущение собственного существования. И мы можем думать, наслаждаться вином, сами видеть сны.

Софии показалось, что свет в ресторане мигнул. Потом еще раз. В возникающей на мгновение темноте мерцали сполохи, искры, рябь, как на экране ломающегося телевизора. Она оглядела лица приятелей, те не реагировали. Что то происходило с её мозгом. «Надо открыть глаза», — пришла странная мысль. Но ведь они и так открыты. Но что это? Прстранство вдруг стало зыбким, воздух струился и колебался. Звуки то появлялись, то исчезали.

«Я — сплю», — вдруг подумала Соня. Всё вокруг долгий странный сон. Но когда он начался? С приезда в Израиль? Или раньше, в заведении одноглазого Хасана в Каире? А может быть она — маленькая девочка, лежит свернувшись в калачик на диванчике, укрытая мохнатым пледом? И ей снится взрослая жизнь, полная невероятных приключений. А вдруг она — зародыш в мамином животике? Говорят, младенцам снятся сны еще до своего рождения. Соне стало страшно. Что если, она сейчас проснётся, а вокруг кровавая, тёплая и влажная плоть. Темно, сыро, пуповина, похожая на змею, шевелится, обхватывает. Нет, она ничего не увидит, ведь у новорожденных еще не открыты глаза.

Закрыты зрачки! Вот почему всё время хочется их распахнуть. Ресницы дрогнули. Сейчас она проснётся! Глупости! Мир вокруг слишком реален. Или нет?

Вновь взглянула на приятелей. Ольга терзала ножом кусок мяса на тарелке. Вадим медленно жевал, недобро поглядывая на Андрея. Ревнует, наверное. Максим заёрзал. «Сейчас процитирует Библию»,— подумала София и почти угадала.

Тот произнёс:

— В Торе сказано, что, сотворив человеческое тело, Бог вдохнул в него душу. Но она имеется во всём: в камнях, в животных, в воде, в планетах и в космосе. Современная физика считает, что без некой скрепляющей энергии материя не могла бы существовать. Такой энергией являются распределённые в мироздании части Бога — бесчисленные души.

София в полуха слушала умные речи. А что, если я — Бог, который спит? Или Богиня? Вот сейчас очнусь от дрёмы и мир исчезнет, растает, оставшись только в воспоминаниях, где будут жить, Соня, Максим, барон Анри и все остальные. Надо ущипнуть себя. Или не надо? Вдруг обнаружу, что лежу на белоснежном пушистом облаке, а вокруг ангелы славу поют. И надо подниматься и топать на работу. Интересно. Какие у Богини дела? Что за чушь лезет в голову! А вдруг, не чушь. Вновь прислушалась к разговору.

— Если у меня и у камня есть душа, то чем я от него отличаюсь? — спросил Андрей. Ответ Максима звучал уверено:

— В обоих случаях вы — куча позитронов, только в твой набор послана программа «Андрей», а там программа «камень». Эти программы определяют ваши свойства и форму, дают органы чувств, которыми вы воспринимаете мир.

Раздался негромкий шлепок. Это Вадим убил комара, который, возможно, родился в благодатном оазисе далеко отсюда, но, ведомый жаждой познаний, с неимоверным трудом пересёк пустыню и оказался вознаграждён аппетитным запястьем. Миг счастья был так короток...

Вадим почесал руку и мрачно поинтересовался:

— По-твоему, «душа» — это программа, скрепляющая материю?

София взглянула на его мощные бицепсы, блестящий матовым загаром череп. Какое сильное, сложное и уязвимое человеческое тело! Где-то под эластичной кожей струилась кровь, чуть

заметно сокращались тренированные мышцы, передавали сигналы нервы. Но без загадочной души — всё это просто кусок мяса, годящийся только на бифштекс. Который вдабавок лишь, чья-то выдумка. Может быть всё таки ущупнуть себя? И проснуться? Будь что будет.

Ой! Как больно! Совсем сдурела. А мир вокруг не изменился. Значит всё-таки не сплю. Почему-то она обрадовалась и решила вступить в разговор:

— Мне кажется, наш мир — это набор программ, как картинка на экране компьютера. Всё, что нас окружает, — лишь облако элементарных частиц, сформированных в объекты по индивидуальным программам. Среди этих объектов есть человек.

— Так как же выглядит наша реальность на самом деле? — спросил Андрей, обнаруживший, нового участника дисуссии.

— А знаешь, на этот вопрос нет ответа. Души формируют у людей органы чувств, которые работают в очень узком диапазоне. Например, с точки зрения собаки, у нас нет обоняния. А может быть, по мнению орла, мы слепые. Дельфин решит, что и со слухом у нас проблемы. Но что имеем, то имеем. Поэтому наш мозг анализирует получаемую, достаточно скудную, информацию об окружающем мире и рисует свою собственную реальность.

— Ты хочешь сказать, что это наш мозг придумывает, как выглядит этот бокал вина, а собака восприняла бы здесь волны запахов, словно колышущиеся занавески? — попытался разобраться Андрей. Он обхватил бокал ладонью, словно собирался нагреть его.

— Конечно. Все существа видят мир по-разному. Психологи создали множество тестов, показывающих, что наш мозг постоянно придумывает реальность. Мы видим на простых неподвижных рисунках движущиеся спирали, бегающие квадраты, вращающихся в разные стороны балерин.

— Я не видел, — возразил Андрей.

— А порнуху в интернете ты смотришь? — поинтересовалась Ольга.

— Конечно.

— Но ведь на экране — лишь вспышки от соударений электронов, а ты видишь обнажённую красавицу, потому что так устроены наши органы чувств. Твой кот ничего подобного не увидит.

— Именно, — поддержала София. — Современная цивилизация научилась обманывать наш мозг. Мы слышим колебания картонной мембраны и воспринимаем их как звуки симфонического оркестра. Молекулярная еда — смеси желе и жидкостей — заменяет сочный бифштекс. Единственное, что мы пока не научились подделывать в совершенстве, — запахи. Поэтому нас приучили к мысли, что естественные запахи дурны, и заменили приятными, изготовленными в лабораториях. Если куклу полить духами, она будет пахнуть девушкой.

— Лишь собаку не обмануть, — вроде бы невпопад заметила Ольга.

— Звери, птицы, насекомые видят эту реальность совсем по-другому. И это не значит, что они живут в искажённом мире, — Соня подумала, что Ольга любит животных больше, чем людей. Бобры — добры.

— Хорошо, с этим понятно. Душа — это программа, скрепляющая материю, — Вадим бессознательно потирал сжатую в кулак руку, словно он только что ударил по бетонной стене и было больно. — Где же здесь духовность, из-за которой тысячелетия ведутся религиозные войны? Где глас Божий? Откровения пророков? Мистический опыт, наконец?

— Представьте, что я — Бог и создала набор программ для игры. На экране моего компьютера — Земля, где живут люди, звери, текут реки, одним словом, идёт жизнь. Без моего вмешательства это просто декорация, где каждый участник действует строго по своей программе. Если такую программу назвать душой, то понятно, что персонаж находится на экране, а его душа — на жёстком диске. Но тут я решила поиграть. Для этого выбрала персонаж, велела взять оружие и с группой сторонников начать захватывать соседние страны. Теперь девяносто девять процентов населения действует по своим старым автономным программам, а один процент управляется лично мной. Эти люди выполняют мою волю. Переводя на язык религий, они

действуют духовно. Они услышали мой глас, получили мистический опыт, на основе которого могут сформировать новую религию и насаждать её огнём и мечом.

— Ты говоришь, что духовность — это связь с Богом? — спросил Максим, ожесточённо терзая ножом кровавый стейк.

— Это утверждают все религии. В терминах Евангелия Святой Дух, исходящий от Бога, ведёт человека. В Коране написано: «Следуйте тому, что исходит от Аллаха», в «Бхагавадгите» подчёркнуто: кроме души, существует её советник, наставник и хранитель — Высшая Душа.

— Если твой избранный один процент захватчиков несёт зло и разрушение, почему же он духовен?

— Духовность не имеет отношения к добру и злу. Духовность говорит лишь о том, что между человеком и Богом установлена прямая связь.

— Я с тобой согласен, — поддержал Вадим.

— А я нет, — заявил Максим.

— Видите, что творится, — обратился Андрей к подошедшему официанту. Поскольку тот молчал, разъяснил: — Требуется ещё вина.

— Ты говоришь про связь между человеком и Богом, — сказала Ольга. — Но связь предполагает приёмник и передатчик. Передатчик, понятно, у Бога, а где же находится приёмник?

София улыбнулась.

— Ты подошла к самому главному. Связь с Богом очень непостоянна, нельзя купить абонентскую карточку, проплатив на годы вперёд. У кого-то за всю жизнь была лишь минута, у кого-то её вообще не было. Кто-то всю жизнь на связи.

Максим кивнул:

— В комментариях на Святые Писания я прочитал, что Адам всегда был на связи с Богом, Енох — более десяти раз, Авраам — сорок два раза, Моисей — четыреста раз, Мухаммед — двадцать четыре тысячи раз.

София продолжала:

— Эти цифры спорны, но, по существу, ты прав. Недавно учёные сделали сенсационное открытие. Когда человек впадает в духовный транс и у него начинаются видения, активизирует-

ся небольшая локальная точка в мозгу. Этот участок мозга работает как приёмная антенна, получающая информацию, в результате которой к писателю приходит сюжет, к музыканту — новая мелодия, к учёному — идея.

Зона очень небольшая и активизируется лишь у некоторых людей во время духовных или творческих прозрений. В обычной жизни эта точка спит. Здесь заключена, можно сказать, спецсвязь с небесным миром. Посредством этой связи Бог или ангелы могут в ручном режиме управлять людьми. Такая связь может возникнуть в любой момент жизни у любого человека, которого выбирает Бог по неизвестному нам принципу.

— Об этом написано в Евангелие, что «Дух Святой» сходит сверху на человека, и он «рождается» в «духе», — Максим наконец покончил со стейком и удовлетворённо откинулся в кресле.

— Обратная связь тоже есть? — уточнила Ольга, убирая игривую руку Андрея со своего бедра.

— Есть, но «дозвониться» наверх очень сложно. Для обычного человека такая линия постоянно «занята», и лишь невероятное упорство способно включить соединение. Всё обстоит намного проще, если человек уже имел опыт общения с Богом. Словно на небесах есть определитель каждой взывающей души и в списке номеров расставлены приоритеты. Чем больше было звонков, тем выше приоритет. Поэтому Моисею было намного легче связаться с небесами, чем, скажем, какому-нибудь отшельнику, у которого было духовное видение лишь один раз в жизни.

Максим внимательно прислушивался к каждому слову, кивая, словно прилежный студент, и поддержал, по обыкновению, ссылками на Библию:

— Иисус объяснял это притчей о судье, который никогда не откроет простому человеку, если тот не будет без конца трезвонить под его дверью. «Царствие Божие силой берётся», а ещё «Стучите, и отворят вам».

— Поэтому все религии предлагают людям как можно чаще молиться. Теоретически любой человек может связаться с Богом.

— Это то, что мы сейчас пытаемся сделать? — спросила Ольга.

Цикады перестали стрекотать, птицы замерли, повернув голову. Эльф от перевозбуждения свалился в водопад, откуда был немедленно извлечён подругой, получив порцию сделанных шёпотом замечаний. Даже червячок, который на глубине полутора метров старательно копал неподатливую пустынную почву, почувствовал, что время разбрасывать камни закончилось. Он задрал переднюю часть своего тела, которую считал головой, пытаясь понять, что происходит. Все замерли, уставившись на Софию, словно зрители в театре перед финальной сценой.

София сделала паузу и прорекла:

— Да! Хотя вряд ли нас примет сам Бог, но может быть кто-нибудь из его ближнего круга.

Она склонила голову, принимая аплодисменты восхищённого мироздания.

Подскочивший официант убрал тарелки и аккуратно собрал крошки с белоснежных скатертей. Принесли десерт. Суфле оранжевого цвета оказалось таким нежным, что исчезало во рту, даже не касаясь вкусовых рецепторов. Только съев почти всё, София узнала манго. Ничто так не успокаивает, как прятная еда. Даже если мир — иллюзия, сейчас он выглядел очень неплохо.

Феи, похожие на больших мотыльков, продолжали феерию у светящегося водопада. Ими восхищались галантные эльфы, сидевшие на лепестках ярких цветов в щеголеватых сюртуках. Крохотные птахи, словно кабриолеты, подвозили всё новых и новых гостей, а затем быстро парковались в кустах. Длинные пальцы пальмовых листьев нежно принимали вновь прибывших в свои ладони, будто в многочисленные бальные залы. Движение воздуха мягко покачивало площадки, соединяя их. Тогда танцующие пары порхали с одной на другую. Петуньи завлекали гостей в свои приватные розовые и бордовые альковы. Цикады, будто мексиканские гитаристы, трепетно тянули нескончаемую серенаду, укутывая вечер в пелену звуков. Вдруг фонари и светильники разом поменяли свой цвет с жёлтого на голубой, отчего оазис стал ещё более волшебным. В целом мире не было такого замечательного зачарованного места.

— Наверное, так представляли себе Эдемский сад в древности, — предположил Максим.

— Днём мы бы здесь так не посидели. В середине августа — самое жаркое время, — София с удовольствием отпила вино из своего бокала. — Между прочим, раньше, до взрыва Содома и Гоморры, здесь не было пустыни. Сплошной райский оазис, питаемый водой Иордана.

— Я их понимаю. В таком месте так и хочется устроить оргию, — усмехнулась Ольга.

— Вот-вот, — очень энергично кивнул головой Максим. — Богу была неинтересна ситуация, когда созданные им души сидели в райском месте, наслаждались едой и сексом и не развивались.

— Откуда ты знаешь, что Богу было интересно, а что нет? — улыбнулась София, видя, что вдохновлённого вином Максима вновь потянуло на проповедь.

— Истинно говорю вам, что Бог развивал себя. Поэтому он отделил свою частицу, создал из неё первые души. Затем подстроил историю с яблоком. Потом родительский гнев, изгнание. Прощальное напутствие человечеству, идите, мол, зарабатывайте свой хлеб в поте лица. И,снабжённые котомкой и отеческим пинком души потопали учиться жизни в тяжёлые условия материального мира.

— Отставить муссировать перед телевизором, марш в школу, — хихикнул Андрей. — Но, по-моему, ты это уже в самолёте рассказывал. Там ещё было про зачатие души.

— «Насмешливый друг, как ярый конь, который под всяким седоком ржёт», — изрёк Максим. И невозмутимо продолжал: — Поскольку человечество всё время пыталось угнездиться на тёплом диване материального мира, Всемогущий добавил ещё несколько напутствий вдогонку: сначала Всемирный Потоп, затем разрушение Содома и Гоморры.

— Проблема умных людей, — заявил уже изрядно пьяный Андрей, — что они думают, будто другие тоже знают эти слова и понимают, о чём они говорят.

— Вы все много пьёте. Сдайте десертные ножи, — ласково проворковала Ольга.

— Можно взять за основу другие гипотезы? Например, что Бог создал людей просто из любви к ним, как мы рождаем де-

тей. И ему понравилось то, что он сделал. Сам процесс... — сообщил возлюбленный Богом Максим.

— Я же сказал, что будет про зачатие, — восхитился Андрей.

— Не перебивай старших, — строго, словно учительница, остановила его Ольга.

— «Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему», — вновь процитировал Максим что-то известное только ему одному.

Вадим, который, казалось, не принимал участия в общем веселье, наконец подал голос:

— Известна ещё одна версия: что, создавая человечество, Господь создаёт другого Бога, потому что ему было одиноко и требовался друг.

— Или подруга, — добавила Ольга.

— Почему нет: подруга, любовница, жена, — согласился Вадим, пробарабанив пальцами по столу что-то не очень оптимистическое.

— Мне по сердцу версия божественной любви, — сказала София.

— У кого есть бумага и ручка? — спросил Андрей. — Я хочу записать, что вы тут наговорили, и на досуге разобраться.

После ужина, ведомые весёлыми эльфами, они оказались в баре, где над стойкой висел плакат: «Не думайте, что вы самый умный. Здесь все евреи!» Судя по количеству народа, эльфы были в доле.

— Привет, Миша, — обратилась София к бармену, оказавшемуся её знакомым. — Давно не виделись, как у тебя дела?— Шалом, Соня, — обрадованно ответил тот. — Дела идут ужасно. Я развёлся. Похоронил двоюродную сестру, скоро будет война, и меня, наверное, уволят.

— Ты хочешь сказать, что всё идёт как обычно? — дружелюбно улыбнулась София. — А мы решили напиться. Поможешь?

— Конечно. До появления чёртиков? — уточнил Миша.

— До их исчезновения.

Сегодня ей хотелось побыть одной, без шумной компании персонажей потустороннего мира. Одна среди людей. Практи-

чески монашка в пустыне. Иногда надо сбежать в тихое место вроде этого бара, где можно забыть про ангелов, демонов и прочих призраков, которые взяли моду навещать её сознание. Шляются толпами, как туристы в Ватикане. И всем что-то надо. Существует право на отпуск, пусть даже алкогольный! Хотя бы пару-тройку часов! Если на вечер предоставить мироздание себе, с ним же ничего не случится? В конце концов, мир не ребёнок, а она — не его мама.

После недолгого периода сложного смешивания разнообразных веществ бармен вручил Софии коктейль ярко-зелёного цвета с долькой лайма на ободке. Миша сотворил чудо. После нескольких освежающих глотков потусторонний мир перестал вмешиваться в её разум. Где-то запели флейты, загудели тимпаны. Это на экране огромной плазмы, висевшей на стене, начиналось очередное музыкальное шоу. Реальность быстро заполняла бар, как вода — чайник. Соня с удовольствием вглядывалась в неповторимый израильский колорит. Кроме взрослых, вокруг оказалось довольно много детей, присутствие которых совсем не мешало их родителям.

— Аарончик! Ты измазал тёте кофточку томатным соком.

— Я больше не буду...

— А ей больше не надо!

«Дети в Израиле — привилегированная каста, — подумала Соня. — Наверное, поэтому израильтяне не увидели ничего необычного в истории Христа. Здесь каждая мама считает своего ребёнка богом, а каждый ребёнок верит в то, что его мама — девственница».

Какой-то человек пробился к стойке и настойчиво уточнял у бармена:

— Сейчас «счастливый час»? Вторая рюмка бесплатно?

— Нет.

— А через час?

— Да.

— Что «да»?

— Тоже нет...

София раскраснелась и попыталась откинуться на несуществующую спинку барного сиденья. Максим с трудом поймал

её. Из динамиков неслись стоны неприкаянных пьяных душ. В голову лезли обрывки разговоров:

— Сёма? Почему грустный? Ты же наконец оставил свою Украину и приехал на историческую родину!

— Трудно всё как-то.

— Понимаю. Обрезать — жалко, надкусить — больно...

Обстановка завораживала. Народу казалось больше, чем в действительности, поскольку каждый стремился занять максимально много места. Это достигалось благодаря темпераментной жестикуляции и маятниковых движений корпуса. Даже лица стали огромными за счёт открытых ртов, расползающихся губ, оттопыренных ушей и всклокоченных причёсок. Для того чтобы новоприбывшие могли втиснуть свои тела в разгорячённую толпу, требовался парковщик. Счастливые люди на время отложили свои заботы, и каждый совершенно точно знал, что в данный момент он бессмертен. И мир, куда запихнул их Господь, совсем не так плох.

Она украдкой разглядывала посетителей. Большинство казались славными. Но наверняка среди них были задиры, мерзавцы, убийцы, садисты, назойливые дураки и надменные тупицы. Все они — необходимое условие существования мироздания. Если бы люди были совершенны, система небесных миров, да и сам Бог, стали бы не нужны. Врач необходим больным, а не здоровым. Луч фонаря не виден в яркий солнечный день. Чтобы узреть Свет, надо оказаться в темноте. Святость любит произрастать из порока, как тыква из навозной кучи.

Она энергично кивнула бармену и получила ещё один волшебный коктейль. Почему-то он закончился очень быстро. Попав в организм, жидкость вступила в дискуссию с мозгом и пришла к приятному выводу, что ситуация вышла из-под контроля.

С каждой минутой становилось веселее. Андрей громко объяснял Ольге, что хотел бы узнать её поглубже. Ольга хохотала, называя его пьяницей. Андрей декларировал, что когда пьёт, то существует и требовал ещё коньяку для протирки струн души.

Глядя на счастливую ведьму, София подумала: «Если женщину интересует в мужчине не тело, ни его деньги, а только чистая душа, она — дьявол». Мысль показалась странной, будто

чужой. Логика вывернутая, незнакомая. Словно новая личность, поселившаяся внутри, была сильно пьяна.

— Может быть, заказать третий? — обратилась Соня к своим коленкам.

— Почему бы нет!

— Ну, нет так нет! — решительно заявила она, с помощью Максима слезая с барного табурета. — Завтра рано вставать, — объяснила друзьям.

Вернувшись в номер, долго шлёпала рукой по стене, но так и не нашла, где включать свет. В темноте предметам было легче нападать. Одержав победу в схватке с дверным косяком, наткнулась на кресло, опрокинула удачной подсечкой торшер и, после нескольких неудачных попыток, всё же нашла кровать. Сбросила туфли, отрясла с ног прах и, не раздеваясь, завалилась в огромно-безбрежную постель. Ей снилась маленькая девочка, которая разговаривала с мышью. Мышь держала в руке томик «Сказок Шахерезады» и жаловалась, что коты сбиваются в стаи, теряя рассудок. Особенно весной.

София прекрасно выспалась. Вчера отвела душу, неважно, что не помнит куда. Проснулась полная лёгкого раскаяния, но одновременно со счастливым ощущением безграничной свободы, словно младенец, у которого перерезали пуповину. Оказывается, хорошая попойка очищает мозги и прогоняет всю потустороннюю нечисть, норовившую туда забраться. И позволяет хоть на время избавиться от ответственности, которая постоянно ходит под ручку с чувством вины. Главное, не привыкнуть и не спиться.

Утро — чудесная пора неги, когда время замедляется и кажется, что мир застыл в пробеле между ночью и днём. Она ещё повалялась, будто потягивающаяся кошка. Лёгкой пушинкой порхнула в душевую, где была «окроплена иссопом», и вышла к завтраку чистой, свежей, белее снега, как сказал бы царь Давид.

После лёгкой трапезы заботы вновь закружили в привычном водовороте.

Вскоре друзья загрузились в джип и через полчаса оказались на ровной каменистой площадке, оканчивающейся почти вер-

тикальной скалистой стеной, поднимающейся вверх на десятки метров. Там, наверху, невидимая для глаз, начиналась бесконечная Иудейская пустыня, выжженная неумолимым солнцем. Но, словно длинный чёрный перст, вниз ныряла тень от странной скалы, стоявшей прямо над головой у обрыва.

— Этот столб похож на женщину, — приятно удивился Андрей.

— Окаменевшая жена Лота, — объяснил приятелю Максим.

— Брехня! — не согласилась Ольга. — Трудно поверить, что праведник жил с трёхметровой великаншей.

— Разбирайте каски, проверьте фонари, — София была настроена решительно. — Нам сюда!

Она махнула рукой на пещеру, тёмным провалом зияющую в ярких лучах утреннего солнца прямо перед ними. На фоне стены с огромным столбом наверху дыра выглядела мышиной норой. Но когда они подошли ближе, вход оказался размером с церковные врата.

— Давайте проверим, глубока ли кроличья нора, — озадаченно сказала София.

Ей с детства нравились всякие подземные ходы. Единственное, что смущало, — это непроглядная тьма. Она всегда не доверяла мраку, понимая, какие буки там водятся. Но однажды услышала фразу, которая решила проблему: «Если не бояться, то найдёшь в темноте лишь звёзды».

В пещеру входили по одному. Впереди шёл Вадим. София — за ним. Андрея поместили в середину. У него болела голова, и он время от времени интересовался, действительно ли здесь ползают зелёные тюлени, подмигивающие правым глазом. Двигались осторожно, медленными и короткими шагами, словно шли босиком по полу среди осколков стекла. Фонари бросали жёлтые блики под ноги и на стены, где время пряталось в порах и раковинах, как крохотные крабы в песке. Подземелья и пещеры загадочны по своей сути, но здесь ощущалось присутствие некой силы, которая пыталась сбить с толку, запутать и запугать. Под ногами лежал мёртвый окаменелый песок, а вокруг, в слабых лучах света, обнаруживались всевозможные выступы, которые нависали над головой под разноо-

бразными углами и норовили треснуть нежданных пришельцев. Что и происходило время от времени, судя по коротким и ёмким репликам членов экспедиции. Каски оказались очень кстати.

Воображение поражали странные сталактитовые скульптуры, созданные за века упорством воды. От движения фонарей каменные фигуры шевелились, расступаясь перед людьми и смыкаясь за спиной. Стоило пятну света передвинуться, на его место сразу же наползала тьма и там начиналась невидимая жизнь жутких образов, создаваемых подсознанием. Загадочно и тревожно пахло чем-то сухим, пыльным и пряным. Кое-где попадалась паутина, изготовленная пауками-отшельниками, которых отсутствие летающих насекомых подвигло к праведной и голодной жизни, полной размышлений и надежд на милость небес в виде залётной мухи.

В некоторых местах приходилось перебираться через завалы, перегораживающие проход. Кое-где двигались согнувшись в три погибели или даже на четвереньках.

Софию удивляла математически выверенная устойчивость всевозможных столбов и навесов. Она чувствовала себя Алисой, падающей в глубокий колодец. Успеет ли реальность приготовить все запасённые на такой случай трюки и чудеса?

«Может быть, мы пройдём через земной шар насквозь», — подумала она, краем сознания понимая, что эти мысли принадлежат девочке из детской книжки.

София ощущала, как волшебный мир затягивает. Окружающее становилось зыбким и расплывчатым. Казалось, вот-вот распахнётся занавес — и появится Страна Чудес.

И вот ожидаемое случилось. Впереди показался свет. По мере приближения он становился всё ярче, и, наконец, они остановились в огромной пещере, в центральной части которой вертикально вверх уходил колодец, откуда проникал свет. В боковых стенах виднелись пещеры поменьше. Прямо посередине, словно на освещённой сцене, сидело странное существо. На нём была надета белая рубашка с чёрной жилеткой и чёрные брюки. На голове виднелась маленькая шапочка, из-под которой, словно пейсы, свисали мохнатые ушки.

«У него наверняка часы в жилетном кармане», — подумала София.

— Ай-ай-ай, — сказал Кролик, а это наверняка был он.

София обошла Вадима и подошла к существу, сидевшему на плоском обломке скалы. В этот момент она забыла про спутников и вновь ощущала себя маленькой девочкой, попавшей в знакомую сказку.

— Я — София. А вас, наверное, зовут Раббит? — поинтересовалась она.

— Меня зовут Раби-Йося, — ответил Кролик, церемонно подав лапку.

Она пожала её, но почувствовала не мягкую шёрстку, а холодные пальцы.

— Ай-ай-ай, как бежит время, — вновь нараспев повторил тот.

— Вы наверняка опаздываете на встречу к Чёрной Герцогине?

— Вообще-то я спешу к Белой Королеве, — возразил Раби-Йося, поднял голову и внимательно взглянул в глаза девушке. — Хорошая у тебя компания: принц, волк, ведьма и... я не могу его толком разглядеть, — сказал Раби-Йося, указывая на Андрея. — На медведя похож, пожалуй.

— Он пока медвежонок, — уточнила София.

Туман, окружающий сознание, понемногу рассеивался. Она наклонилась вперёд, пытаясь лучше разглядеть незнакомца. У того были симпатичные, большие, умные и совсем не кроличьи глаза. Теперь видела, что это не кролик, а пожилой мужчина, и то, что она приняла за мохнатые ушки, — на самом деле пейсы. София не была уверена, что через секунду он снова не превратится в кролика, поэтому задала нейтральный вопрос, ответить на который мог любой из Раби-Йосей, независимо от облика.

— А что вы тут делаете?

— Молюсь, — ответил мужчина.

В этот момент в каменной пещере появились новые персонажи. Это были двое военных в камуфляже, вооружённые армейскими автоматами. Они внимательно осмотрели присутствующих, и один спросил, обращаясь почему-то к Софии:

— У вас всё в порядке?

— Да, спасибо, — улыбнулась она.

— У меня проблема с этой дамой, — заявил Андрей, указывая на Ольгу. — Много пьёт.

— Любимый, заткнись, — ласково сказала Ольга.

Солдаты понимающе переглянулись, козырнули и, освещая себе путь мощными фонариками, пошли обратно, скрывшись во тьме внешней.

София вновь повернулась к Раби-Йосе:

— Мы не мешаем вашей молитве?

— Нет, — ответил тот. — Я действительно тороплюсь к Королеве, но времени у нас с избытком.

Софии показалось, что во фразе присутствует некая нелогичность. Да и непонятно, кто, в конце концов, куда торопится: Кролик из сказки или мужчина из Израиля.

— Как зовут Королеву? — София решила понемногу распутывать клубок вопросов. Учитывая, что из всей компании только она знала иврит, пришлось параллельно выполнять обязанности переводчика.

— Шхина, — ответил мужчина.

Похоже, что Максим понял ответ без перевода.

— Вы, наверное, каббалист? — спросил он.

— Да, я учитель каббалы.

— Я ничего не понял, — сказал Андрей.

Максим заулыбался:

— В каббале считается, что Шхина — это часть Бога в нашем мире, что-то вроде его посольства в человеческой цивилизации. Представь: маленькая африканская страна, а в ней — дипломатическое представительство, например США. В такой ситуации посол могучей державы диктует местному властителю свои интересы. Так и Шхина проводит в нашей реальности политику Всевышнего и, по существу, является царицей этого мира.

Лицо Андрея по-прежнему светилось непорочной чистотой непонимания.

— Ну, представь, что ты очень богат и купил какой-нибудь своей жене...

— Какой жене? — уточнил Андрей.

— Например, третьей по счёту.

— Наташе? — Андрей в это утро соображал туго.

— Ей, — согласился Максим. — Купил Наташе магазин и поставил её там управляющей.

— Управляющей... Она была, конечно, хорошая девушка, но совсем не семи пядей во лбу. Однажды её уволили с работы с записью в трудовой книжке «дура» и разборчивой подписью начальника кадров.

— Ну, предположим, что она умная.

— Наташа? — опять недоверчиво спросил Андрей.

— Мы это предположим. Этот магазин — и есть наша планета. Тогда в нашем примере ты — Бог. А Наташа — Шхина.

Раби-Йося с интересом прислушивался к сокращённому переводу беседы, который давала ему София, и вдруг горячо поддержал Андрея:

— Нет, Наташа — не Шхина!

Максим принялся объяснять переносный смысл своей трактовки. София перестала переводить, поскольку поняла, что в пылу полемики собеседники прекрасно понимают друг друга. Мужчины горячо спорили на разных языках. Слышались лишь отдельные восклицания, где почему-то кроме слов «Шхина» и «Наташа» упоминались некоторые части женского тела.

Наконец, София решила прервать затянувшийся диспут. Она чувствовала, что упускает нечто очень важное:

— И когда у вас встреча с Королевой? Можно я так буду её называть?

Раби-Йося с сожалением прервал увлекательную беседу и ответил:

— Скоро. Обычно она приходит ко всем людям на праздник, называемый у нас в Израиле Суккот. Вот и у меня будет встреча с ней.

Неожиданно показалось, что он опять превратился в сказочного кролика в жилетке, рубашке и брюках. Кролик живо двигал носиком, словно обнюхивая что-то. Затем одним духом, словно заученный текст, произнёс:

— У Королевы есть свита, которая предварит её появление: Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, Аарон, Иосиф и Давид, — кролик закончил перечисление и уставился на Соню розовыми глазками.

— Откуда приходит Королева?

— Из своего летающего Небесного шатра. В праздник шатёр спускается с небес, королева со свитой выходит, и мы пьём чай с булочками. А какие беседы мы ведём, какие песни распеваем! — кролик мечтательно закатил глаза.

Неожиданно София поняла смысл.

— Вы знаете, что он только что сказал? — обратилась она ко всем. — Скоро «верхний» мир во главе с Королевой спустится к нам. Это же то, ради чего мы пришли! Это значит, что и мы сможем встретиться с Королевой? — повернулась она к кролику.

Но тот опять превратился в Раби-Йосю. Соню уже начала запутывать эта чехарда.

— Конечно, — спокойно ответил он. — Но встречу нужно подготовить.

— Как?

— Не торопясь, по порядку. Сначала мы встретим Новый год.

София поняла, что последнюю фразу стоит не просто перевести, но и объяснить:

— В Израиле Новый год наступает очень запутанно, каждый раз в другие даты, но всегда в начале осени или в конце лета. Это как-то специально вычисляется... — Тут она задумалась: — Честно говоря, мне казалось, что Новый год наступит лишь через несколько дней.

— Ты ошиблась. Сегодня. И мы не должны его пропустить.

Соня подумала, что в суматохе последних дней действительно могла перепутать числа. Надо позвонить поздравить маму. Странно, что никто не трезвонил со встречными поздравлениями. Конечно, здесь, в пещере, нет связи.

— Похоже, будем справлять Новый год здесь, — объявила София.

— А ёлка? — капризничал Андрей.

— Ты еще спроси про шампанское и салат оливье, — ответил ему Максим.

Неожиданно Раби-Йося принялся раскачиваться, мелко кланяясь, словно японский каратеист перед боем. Затем принялся что-то быстро говорить, иногда прерывая речь пением. Пел он,

мягко говоря, паршиво, хотя в целом действо было необычно, а слова на незнакомом языке звучали таинственно.

Живя в Израиле, София давно привыкла к своеобразным проявлениям религиозности. Чтение заунывных молитв с распеванием маловразумительных гимнов было самым невинным из подобных.

Раби-Йося закончил молитву, потом напряжённо замер. Видимо, сверху ответили.

Соня знала, что вот-вот он снова превратится в кролика, и, когда это случилось, совсем не удивилась. Праздновать Новый год в пещере, в компании с кроликом, ещё не приходилось. Из-под камня появилась таинственная корзинка. Кролик развернул полосатую ткань, прикрывающую её сверху. Сразу запахло вкусным и съестным.

— Отпразднуем чем Бог послал, — провозгласил то ли кролик, то ли Раби-Йося.

Бог послал им продуктовый набор, состоящий из моркови («Значит, всё-таки Кролик», — подумала Соня), фиников, свёклы, лука-порея, фаршированного карпа, сладких булочек с изюмом, яблок и мёда. Там же в корзине обнаружился и набор пластиковой посуды, как раз на шестерых. Все принялись сервировать камень, который был объявлен столом.

— Морковь следует нарезать тонкими кружочками, — дрожащим от усердия голосом требовал Кролик. Теперь это был, бесспорно, он. — А от рыбы отделить голову и положить на другую тарелку.

Соня знала, что в религиозных традициях не следует спрашивать «Почему?». Ответ вряд ли в полной мере устроит пытливый ум.

Трапеза начиналась с десерта — сладких булочек, окунаемых в мёд. Затем продолжилась остальной снедью. В итоге всё оказалось вкусно. Разомлевшие экспедиционные силы пытались удобнее пристроить тела среди камней пещеры.

Клонило в сон. София прикрыла глаза. В пещере было уютно. Неожиданно раздался страшный трубный звук, плачевный и яростный одновременно. Он отразился от сводов и, стократно усиленный, вновь обрушился вниз.

«Наверное, так гудят в день Страшного суда, — с ужасом подумала Соня. — Или нет, так вопит осёл, которого обманом заставили участвовать в скачках, а потом оказалось, что надо ещё и прыгать через барьеры».

Источник звука обнаружился сразу. Раби-Йося стоял на камне и с упоением дул в бараний рог. Протяжные звуки чередовались с короткими и отрывистыми.

— Похоже, дед тронулся, — сочувственно заметил Андрей. — Я видел, он грыз рыбью голову.

— Что происходит? — негромко поинтересовался Максим у Софии, понимая, что после Раби-Йоси она здесь главный авторитет в области традиций Израиля.

— В Новый год полагается трубить в рог, — вспомнила Соня.

— Что-то вроде фейерверка в России, — догадался Максим.

Оттрубив ещё минут пять, счастливый Раби-Йося сошёл с камня:

— Новый год наступил! Бог даровал нам жизни! — Он отряхнул брюки, к которым прилипло несколько кусочков моркови, воздел руки долу и провозгласил: — Грядёт Судный день. Откроем сердца Господу...

София чувствовала: происходит что-то неправильное, даже по критериям её фантастического мира. Причём совсем не вдруг. Словно безумие окружающего мира всё дальше отползало от своей нормы, стараясь делать это незаметно. Всё потихоньку менялось.

Неправильность окружала их и просачивалась изо всех щелей медленно рвущейся реальности.

ГЛАВА 2.

В КОТОРОЙ СОНЯ ВСТРЕЧАЕТ ПАРНЯ С ИГРУШЕЧНЫМ ОСЛИКОМ В КРАСНОМ ТЮРБАНЕ

Соня родилась в Израиле, куда её родители эмигрировали из СССР в начале 80-х.

Новых граждан отвезли в городок, только что выстроенный в безжизненной пустыне. Несколько десятков двухэтажных многоквартирных домов сиротливо жались друг к другу, будто они тоже растерянные эмигранты. Вокруг ни травинки, ни кустика. Ветер без конца подметал пыльные улицы, гоняя песок, обрывки обёрточной бумаги и куски верёвок с одной стороны на другую. Чужой непривычный мир настораживал только взрослых. Появившиеся довольно скоро малыши чувствовали себя здесь вполне комфортно. Они не знали, что такое мягкая зелёная трава. Они никогда не видели леса, густой пены мха в тенистом хвойнике. Зато, проехав всего двадцать минут на коленях мамы в весёлом галдящем автобусе, можно было оказаться у моря. Там добрые волны щекотали своими мокрыми поцелуями. А ветер пах не только тончайшей песчаной пылью, но и морской солью, разноцветными ракушками, спутанной бородой водорослей и стремительными стайками серебристых рыбок.

Первые слабенькие саженцы сажали все вместе — взрослые и дети. Крохотная Соня в розовых штанишках и оранжевой ру-

башечке пластиковым детским совочком с восторгом скребла каменистую субстанцию, которую здесь называли почвой. Девочка не знала, что земля бывает чёрного цвета, мягкая, рыхлая. Ей нравилась пустыня цвета мёда с молоком.

Однажды она увидела чудо. Кто-то из взрослых принёс ящики. В них сидели мясистые зелёные пальцы с яркими красными звёздами, похожими на нарисованное и раскрашенное цветными карандашами солнце. Соня осторожно дотронулась: вдруг укусит или обожжёт. Чудо было живое, нежное и мягкое.

— Это цветы, — объяснила мама, у которой почему-то текли слёзы из смеющихся глаз.

Когда Соне исполнилось три года, во дворе каждого дома уже красовались яркие клумбы и трепетали нежными веерами молодые пальмы. Жизнь налаживалась.

Даже их крохотная квартира стала огромной, потому что папа обустроил чердак. Новую комнату отдали дочке. Соне нравился запах свежих досок, уютный продавленный диван, торшер с жёлтым абажуром и, конечно, книжные полки, кренившиеся на правый бок, отчего томики норовили упасть и прилечь, будто устали от долгого стояния. Ещё бы, ведь книжки были немолоды, приехали из далёкой России, как единственное богатство мамы. Она с удовольствием читала сказки на русском языке дочурке на ночь. Иногда мама плакала, совершенно в неподходящих по смыслу местах. Тогда Соня обнимала её, и они вместе засыпали.

Девочка рано научилась чтению, и волшебная библиотека стала тропинкой в Страну Чудес.

Многие знакомые казались персонажами сказок. Например, подруга Марианна — вылитая Мальвина. У неё и воздыхатель был — маленький Яша, безнадёжно влюблённый в Марианну с трёх лет. Яша был бледный, тощий и несчастный — настоящий Пьеро.

Во снах книги оживали, но уже на особый лад.

Сестрица Алёнушка со слезами в глазах просила:

— Поговори с братцем, чтобы не пил. А то, как выпьет, сразу козлом делается. Спасу нет! В деревне уже все мужики превратились. Ведьма проклятая заклятье на них наложила.

— Что колдовство с людьми делает! — ужасалась Соня.

Часто снился поэт и любитель мёда Винни-Пух.

— Оставь в покое телефон, — просила она медвежонка.

— Почему он называется «сотовым»? — ворчал тот, пытаясь разобрать аппарат. — Кстати, написал новые стихи:

«Если снится мишка из детской книжки,
Это хорошо, ведь мишка — небольшой.
Потому что слон не пролезет в сон...»

Он стоял, опустив лапки и скромно потупив мордочку, но ушки навострил, ожидая похвалы.

— Великолепные стихи, — искренне восхищалась девочка.

Иногда сны бывали страшными. В одном из таких кошмаров она узнала, что на вопрос «Кто-кто в теремочке живёт?» иногда лучше промолчать.

Но однажды произошло невероятное. Произошло буднично, как случается большинство чудес в нашей жизни. В то утро мама затеяла уборку. Натужно гудел старенький пылесос. Его лёгкие были давно забиты пылью, и время от времени он сипло кашлял, как сосед дядя Сёма.

Соня поливала цветы, которые плотной шеренгой стояли на подоконнике в глиняных горшочках. Те благодарно кивали нарядными головками. И вдруг заметила рядом с собой девочку, одетую в не по размеру большое ситцевое платье, когда-то имевшее синий цвет, замусоленный передник и деревянные башмаки.

— Ты кто? — изумлённо спросила Соня.

— Золушка.

— Настоящая?

— Конечно.

Почему-то Соня сразу поверила странной девочке.

— Кушать хочешь? — спросила она, заметив печальный взгляд гостьи, брошенный на кухню. Там варился и благоухал петрушкой и укропом куриный суп.

— Некогда. Мачеха заругает, если заметит, что меня нет. Послушай, твоя мама засосала в пылесос своё обручальное кольцо.

— Которое уже второй день ищет? — ахнула Соня.

— Да. Вечером заскочу, поболтаем.

— С кем ты разговариваешь? — мама удивлённо глядела на дочь, устало вытирая лоб тыльной стороной руки.

Соня повернулась и восторженно объявила:

— К нам в гости пришла Золушка.

Она перевела взгляд на новую подругу. Но никого рядом не оказалось.

— Замечательно, — согласилась мама. — Может быть, она поможет тебе с уборкой. Кое-кому следует привести в порядок свою комнату. Вдвоём будет веселее...

— Но она же ушла, — разочарованно сказала Соня.

— Тогда придётся убирать одной,— в голосе мамы появилась строгость.

— Пылесос съел твоё кольцо! — отчаянно выпалила девочка.

— Откуда ты знаешь?

— Золушка сказала.

— Ну хватит, — нахмурилась мама. — Игра затянулась. Перестань фантазировать и займись уборкой.

— Ты не видела здесь другую девочку?

— Я вижу только одну, которая отчаянно отлынивает от работы.

Соня застыла. Неужели она разговаривала с выдумкой? Бред какой-то. Девочка прямо-таки остолбенела от этой мысли. Кажется, таких людей называют сумасшедшими. И их дразнят: «Псих и дурак курили табак! Спички воровали, девок целовали!» Соня поёжилась. Какая гадость — воровать спички и целовать девок. Нет! Она не сумасшедшая. Золушка действительно приходила. «Кольцо!» — вдруг вспомнила она. Вот проверка, была ли гостья на самом деле.

Главное сейчас не злить маму.

— Извини, я больше не буду, — эта волшебная фраза действовала на взрослых успокаивающе. — Сейчас же начну уборку, только я вправду видела, как что-то блестящее мелькнуло, когда ты пылесосила. Вдруг это твоё кольцо?

— Ох и фантазёрка, — причитала мама, вытряхивая пыль на подстеленную газету. Она слишком дорожила пропажей, чтобы

отмахнуться от слов дочери. И действительно: золотой ободок заметили одновременно.

— Глазастая ты у меня!

Мамины глаза сияли, и девочка засмеялась от радости, глядя на неё. Всё просто. Не надо никому ничего рассказывать о своих видениях, и не получишь прозвища «Тронутая Соня».

Счастливая мама надела кольцо и разглядывала его, словно видела первый раз.

Золушка сдержала слово и появилась, когда Соня уже засыпала. Они проболтали полночи. А потом пришельцы из сказок повалили валом, будто где-то открылась запертая дверь. К ней часто приходили Страшила и Храбрый Лев. Лев ел холодные котлеты, которые Соня таскала из холодильника, а Страшила с важным видом сидел в кресле, рассматривая папину энциклопедию.

В то лето Соня познакомилась с одной книгой в потёртом картонном переплёте, где на обложке была нарисована девочка, очень похожая на неё саму: худенькая, маленькая, с копной непослушных золотисто-рыжих волос и огромными сияющими глазами. Девочка разговаривала с кроликом, одетым в чёрную жилетку. Надпись из больших чёрных букв гласила: «Алиса в Стране чудес».

Читая книжку, Соня поражалась приятному чувству узнавания. Всё казалось знакомым, словно она сама не раз бывала в Стране чудес. А может быть, видела её во сне. Это было замечательно, так замечательно, что хотелось раскинуть руки, опрокинуться на спину и вспорхнуть невесомым телом навстречу волнам яркого света, лившегося неведомо откуда. Мир вокруг преображался. Сияли перламутром доски чердака, из голубого дыма выплывала улыбка Чеширского Кота, Синяя Гусеница курила кальян. Подружка Алиса усаживала девочку за стол, где уже пили чай Заяц и Шляпник, удобно облокотившись на спящую Мышь.

Как объяснить родителям, что не хочется ужинать, потому что уже наелась пирожков с вареньем?

В шесть лет, первый и последний раз, Соня изменила правилу никому не рассказывать о своих видениях. Она предъявила любимую книгу маме.

— Здесь всё правда. Волшебная страна существует, и я там бываю.

— Что значит бываешь? — удивилась мама. — Понарошку?

— Нет. Я там ем, сплю. Дружу с Алисой и играю в королевский крикет. Хочешь научу? Надо только взять фламинго, сунуть головой под мышку и ударить по ежу...

В лице мамы появилась неуверенность. Она заглянула дочери в глаза.

— Это нетрудно, — по-своему поняла Соня чужие сомнения, — хотя, ежи всё время норовят убежать...

Реакция была неожиданной. Сначала мама испугалась. Уложила ребёнка в постель и всунула термометр под мышку.

— Ничего не говори. Лежи, дочка, тихо, — мама прижала пальцы к вискам.

За её спиной маячила Чёрная Королева, которая, ехидно улыбаясь, молвила:

— Ну вот. Доигралась. Теперь тебе отрубят голову.

Мама достала термометр. В глазах у неё появилось выражение врача. Наконец, с сомнением произнесла:

— Температура вроде нормальная. А голова не болит?

— Нет, если, конечно, её не отрубит та злая старуха, — Соня кивнула на Королеву. Мама испуганно обернулась вслед взгляду дочери.

— Твои выдумки сведут в могилу, пора уже взрослеть.

Мама встала, зачем-то поправила одеяло и молча ушла, забрав книжку с собой.

Соня твёрдо решила, что больше никогда не будет рассказывать о волшебном мире, который с каждым днём затягивал всё глубже, как море — неосторожных детей. Скоро девочка стала проводить там почти весь день. В обычную жизнь возвращалась ненадолго, чтобы поесть, поцеловать маму на ночь и лечь спать.

Потом девочка пошла в школу, и сказочные персонажи уверенным шагом отправились вслед.

Буратино провожал Соню в школу. Он считал себя знатоком образования, поскольку когда-то имел азбуку. Оставив подопечную у классной двери, деревянный мальчик убегал в столо-

вую, которую считал лучшим местом в школе. Во время завтрака они встречались вновь.

— Какое счастье, что сюда не пускают котов и лис, — сообщал Буратино, показывая ладони, на которых лежали коричневые кексы. Его светлые берёзовые пальцы были покрыты жирными крошками. — Как думаешь, с какого начать?

Соня не знала. Собеседник мучительно размышлял. Выбор давался с трудом, то ли потому, что кексы были совершенно одинаковы, то ли он уже объелся и втиснуть ещё кусок казалось непосильной задачей. Длинный нос от возбуждения побелел, и стали заметны следы сучков, похожие на обычные прыщи.

Неожиданно под столом послышался грохот. Это, фыркая и задевая ножки тяжёлыми ботфортами, вылезал Кот в сапогах.

— Не любить котов — махровый расизм! — заявил вновь прибывший, раздражённо подрагивая хвостом.

Соня поспешно протягивала стакан молока. Кот пил манерно, держа ёмкость мохнатой лапой, отведя в сторону локоть и оттопырив когтистый мизинец. Слышалось громкое хлюпанье. Закончив, степенно облизывал побелевшие усы. Напиток действовал умиротворяюще.

Каждый день в жизни девочки появлялись всё новые персонажи. Волшебный мир расползался, словно чайное пятно на новой маминой скатерти.

Однажды она попросила умненького и немного влюблённого в неё графа Вишенку написать скучное и длинное домашнее задание, посвящённое Италии. Сама же отправилась вместе с Буратино к заросшему пруду, дразнить противного Дуремара. Кто-то, наверное, удивился бы, обнаружив девочку в безжизненной пустыне играющей с невидимыми друзьями. Но дети часто ведут себя странно. Взрослые до поры снисходительно терпят их выдумки.

Невероятное проникало в обычную жизнь и становилось реальностью. Вот и сочинение об Италии ранним утром лежало на столе. Девочка с радостным изумлением разглядывала знакомую школьную тетрадку. Странно, текст вроде был написан её почерком, хотя, может быть, лишь чуть аккуратнее. Учительница похвалила работу, однако спросила, откуда Соня знает

столько итальянских пословиц, выражений и географических названий.

— Может, тебе помогала мама? — спросила учительница.

— Я просто полазила по книгам.

С тех пор она делала уроки вместе со сказочными друзьями. Математику объяснял учёный Паганель, грамматикой занималась лично Мэри Поппинс, про животных рассказывали Айболит и Маугли. Волшебным образом она узнавала значительно больше обычной школьной программы.

В детской на чердаке становилось тесно. У окна жила семья муми-троллей, место за столом облюбовал граф Вишенка, Храбрый Лев валялся около её кровати, а Железный Дровосек охранял вход на лестницу. Мама часто изумлялась, откуда на чердаке появляется солома и комки шерсти. Соня не знала, как объяснить, что лев немного линял, а Страшила в минуты раздумий машинально вытягивал из головы одну соломинку за другой. А аккуратистка Золушка не всегда успевала прибрать комнату.

Скоро к сказочному миру книг добавился компьютерный мир виртуальной реальности. К ней стали захаживать киборги и инопланетные принцессы.

Время шло.

Пустыня вокруг городка потихоньку зеленела. Крохотные пальмы росли вместе с Соней. Яркими цветами радовали газоны. Городок оживал, превращаясь в очаровательный оазис среди выжженной солнцем каменистой равнины.

Своё первое военное задание Соня получила в десять лет. И, честно сказать, паршивое ей досталось задание. Даже генерал Кромм, когда инструктировал, в глаза не смотрел... Это ж надо так сформулировать: «Найти купца Фолка, похищенного киборгами, и освободить. В случае невозможности освобождения... действовать по обстоятельствам». Как будто она не знала, что бывает с человеком, попавшим в плен к киборгам! Нечего там спасать! Дураку ясно, что лежит сейчас бедолага Фолк на столе, и только один мозг функционирует, подключённый непосредственно к питательной аппаратуре. И что такое «действовать по обстоятельствам», прекрасно понимала — найти и пристре-

лить. И не только из гуманности, а потому, что много старина Фолк знает... Ещё бы — столько лет по всей пустыне торгует, каждая тропка к каждому бункеру ему известна. Да она сама у него боеприпасы покупала! Хороший мужик, нежадный, и в долг всегда верил, это им-то, которые до следующей встречи могут и не дожить... Жалко торговца. Чёрт его туда понёс. Небось, хотел клиентуру расширить, с киборгами торгануть... Похоже, не уважают они свободное предпринимательство.

И ещё Соня знала, что там наверняка западня. Надо быть готовой ко всему.

Если в жизни девочка была маленькой и хрупкой, то в виртуальном мире она оказывалась могучей красавицей Рыжей Соней — грозой киборгов, космических злодеев и всякой вампирской нечисти. Обтягивающий комбинезон из защитной ткани не скрывал упругих мышц. Высокие сапоги подчёркивали длину сильных ног. Тонкую талию не портил широкий пояс со всевозможными нужными в бою примочками. Невидимая силовая броня прикрывала воительницу и давала шанс спасти жизнь в случае неожиданной атаки.

И вот теперь они осторожно пробирались по улицам полуразрушенного города. Впереди Шлома, Сева и Алиса — её пулемётчики. Чуть сзади — она, командир.

Рядом с ней снайпер, Ханна. Легендарная женщина, которая не так давно спасла команду, когда они сдуру наскочили в заброшенном бункере на боевого робота. В тесном помещении их пулемётчики оказались не у дел — можно было перестрелять друг друга. И только Ханна не растерялась и сделала почти невозможный выстрел — в узенькую щель оптического сенсора. Ослеплённый робот стал лёгкой добычей — хоть ногами его пинай.

Ханна периодически вскидывала винтовку к глазам, чтобы посмотреть в оптику прицела на крыши зданий. Где-то там прятались вражеские стрелки.

Странная тишина стояла вокруг, только свистел ветер в развалинах и трещало битое стекло на мостовой под сапогами. Роботы наверняка уже знали, что они здесь, не могли не знать. Роботы ждут. Где? Думай, командир, тебе маршрут выбирать...

Тактический компьютер молчал, на его экране бушевала бессмысленная метель помех — видимо, киборги включили вторую башню-глушилку. Первую, подкравшись, разнёс в клочья из гранатомёта друг Шлома, а потом запоздавшая охрана пыталась прижать их в тупике и размазать по ржавому стальному забору. Пыталась серьёзно — три киборга с пулемётами, две «Пчелы» и здоровенный шестиногий робот «Паук»...

Сочленённое туловище «Паука» и угрожающе торчащие жала разрядников производят жуткое впечатление, но на самом деле он опасен только на близкой дистанции. Самое противное — летающие убийцы, «Пчёлы». Эти порхающие бестии размером с собаку чертовски увёртливы. Попасть в них с большой дистанции почти нереально, а их ракеты порвут кого угодно в клочья, и никакая броня не поможет. Но — отбились.

Соня приняла решение: искать и уничтожить вторую башню. Без компьютера они слепые. Начнём с неё, а там, глядишь, и до купца доберёмся. В конце концов, не так всё и плохо — в первой стычке они почти не пострадали, а Фолк... Ну, бывают же чудеса... Вдруг живой ещё?

По сведениям головастых штабных аналитиков, башня должна быть где-то справа, ближе к окраине. Ну, если они ошиблись, скорее всего, живым никто не останется.

— Командир, справа! — от печальных мыслей Соню оторвал крик Ханны, которая первой увидела киборга.

Выскочивший из-за баррикады в боковой улице, он нёсся к ним, размахивая импульсной винтовкой. Хорошо, что выскочил, а не пропустил мимо, расстреляв в спину. Синхронно развернулись пулемётчики, вскинула к плечу оружие Ханна, а Соня привычным движением сбросила с руки штурмовую винтовку. Но вдруг за спиной раздался страшный грохот...

Стоп! Это стучит в дверь мама! Мир резко потерял объём и сжался до размеров монитора, курок штурмовой винтовки (эх, как бы она сейчас ему вмазала!) превратился в клавишу мышки...

— Мама, я уже ложусь. Как полночь? Всё, сплю...

Она засыпала, чтобы проснуться через пару часов и вновь оказаться в виртуальном мире. В любимой игре Сони не было

сценария, герой мог вести себя как угодно. Бороться с жутким монстром, предводителем банды роботов, или наплевать на всё и податься в торговцы. Водить караваны по пустыне или их грабить. Пройти всю игру без единого выстрела, полагаясь только на интеллект и обаяние, или молотить всех встреченных из любого оружия. Но самое главное отличие этой игры от прочих — даже если ты убиваешь главного злодея и спасаешь мир, игра не заканчивается. Можно жить себе дальше в спасённом мире, где в каждом городке тебя приветствуют благодарные жители, и заниматься своими делами. Можно, поменяв облик на гражданский, просто бродить по людным улицам незнакомого города.

Однажды она оказалась в затерянной горной деревушке, жители которой и не знали, что где-то велась война с коварными киборгами. В другой раз попала на необитаемый остров. Там вообще никого не было, кроме компании крабов и чаек, делящих свои сферы влияния на пляже. Эта игра просто не имела конца.

Однако всё со временем приедается, и Соня решила стереть программу. Почему-то сделать это было трудно. Она несколько раз прикасалась пальчиком к клавише «Delete», но потом отводила руку, откладывая убийство ничего не подозревающего виртуального мирка и говоря себе, что сделает это завтра.

Однажды случилось невероятное событие. В тот вечер она опять не смогла очистить диск. Повинуясь странному порыву, Соня вновь вошла в программу, надев вместо бронированного комбинезона белое платье и освободив пышную гриву рыжих волос из-под стального шлема. Теперь она стала обычной девушкой, впрочем, очень красивой.

Вначале всё шло буднично и даже скучновато. На экране компьютера высветилась ночная пустыня. Кругом холмы барханов, смутно освещённые полной луной, которая огромным прожектором висела над головой. Но не луна, звёзды и барханы привлекли внимание. Прямо перед ней стоял толстоватый парень, а может, и мальчик, поскольку в руке держал игрушку. Обманчивый свет искажал его черты. Паренёк внимательно посмотрел на неё и спросил:

— Ты ведь не будешь уничтожать игру и стирать нас с жёсткого диска?

Соню просто отбросило от экрана. Выпучив глаза и пытаясь унять колотящееся сердце, она смотрела, как тот ждёт ответа от красавицы в белоснежном платье.

«Наверное, это дурная шутка программистов». Пытаясь унять дрожь пальцев, она напечатала свою реплику:

— Почему ты просишь об этом?

— Все хотят жить, — буднично и совсем не пафосно ответил он.

Теперь парень показался Соне намного старше, чем в первый момент.

— Что это у тебя? — она показала на игрушку.

Незнакомец протянул ей то, что оказалось мягким пушистым осликом с красным седлом и смешной чалмой на голове. У ослика были большие тёмные и очень печальные глаза. Казалось, он тоже расстроен возможностью исчезнуть из своего кем-то нарисованного мира.

— Я ничего не буду стирать, — серьёзно пообещала Соня, возвращая игрушку.

Выключив монитор, она ещё долго сидела перед тёмным экраном, пытаясь понять, что произошло. Но одно она знала твёрдо. Эта теперь уже поднадоевшая игра навсегда останется на винчестере. И пусть где-то там, в виртуальном мире, продолжает жить её таинственный встречный, пусть кушает свои любимые пирожки и булочки, со временем состарится, обзаведётся детьми и внуками...

Несколько раз она входила в игру заново и обшаривала весь нарисованный мир в поисках этого парня. Но больше не встретила — наверное, он был занят своей жизнью. Нарисованной жизнью нарисованного человека в нарисованном мире.

Тогда, в десять лет, Соня впервые задала себе вопрос: «Что происходит с нашими фантазиями? С мирами и персонажами, которых мы выдумываем? Может быть, сочиняя книгу, писатель создаёт новую вселенную? Впрочем, почему только писатель? Мы все постоянно что-то придумываем. И всё это начинает жить? Вдруг вокруг нас крутятся миллиарды миров, созданных нашим воображением? Они перепутались, местами слиплись и сцепились, словно пельмени в огромном па-

кете. Кое-где грань между ними совсем тонка, а иногда и порвана...»

Но были и другие, не менее, а может быть, даже более важные вопросы, занимавшие мысли десятилетней Сони. Играя в игру, свободны ли мы в своих поступках? Наверное, нет. Компьютерную игру покупают в магазине, но её кто-то придумал и написал. Этот кто-то просчитал наши реакции и сделал так, что все персонажи реагируют на действия друг друга. Мы не идём по сюжетной канве — нас ведут.

Соне всегда было интересно: что же думал киборг, который, как камикадзе, выскочил из укрытия с импульсной винтовкой наперевес и кинулся в безнадёжную атаку на пулемёты её команды? Ведь он мог спрятаться за груду металлолома, пропустить их, и остался бы жив. Он ограничен своим алгоритмом? Но ведь робот не лишён инстинкта самосохранения — пригибается, использует укрытия, переползает и прячется. У киборга был выбор. Почему он предпочёл геройское самоубийство? Зачем Ханна сразу начала стрелять? А вдруг тот мчался сообщить нечто важное, заключить перемирие? Может быть, они смогли бы поговорить, договорится? Или такая возможность не предусмотрена создателем игры, вот мы и лупим друг друга?

Да и она могла повести команду по другой улице и никогда не встретиться с тем киборгом. Чем бы он занимался, останься в живых? Тупо сидел бы в своём укрытии и ждал? Вечером пришла бы смена, а он вернулся в казарму и с досадой выслушивал рассказы тех, кто столкнулся со страшными людьми-убийцами и не уберёг башню. Выпил бы в молчании за погибших в бою друзей, которые были так близки к победе, но потерпели неудачу: «Слишком хорошо оружие чужаков, слишком тренированы эти убийцы, слишком метко стреляет снайпер, слишком плотен кинжальный огонь пулемётчиков... Ничего, мы их ещё встретим в другом городке, и тогда посмотрим, кто кого!» «Это его увлекательная игра — охота на нас».

Кто же играет? Она в игру или игра в неё?

И всё это очень похоже на настоящую жизнь. На самом деле ни у кого нет свободы выбора, поскольку рамки жизни строго

заданы. Мы не выбираем семью, в которой рождаемся, страну. Даже девочка ты или мальчик, уже решено заранее. «А вдруг кто-то поместил весь окружающий мир в свою игру? Маму, папу, наш маленький городок посреди иудейской пустыни... Причём возможно, что, в свою очередь, этот „кто-то" сам находится внутри чужого компьютера. И так до бесконечности, словно нескончаемая череда матрёшек, прячущихся друг в друге. Существует ли главная, Самая Большая Матрёшка? Если существует, тогда кто создал её?»

И вот что ещё казалось очень важным.

Рыжую Соню могли убить, но всегда была возможность оживить своего персонажа, перезагрузив игру. «Вот что отличает меня-компьютерную от других нарисованных участников — возможность перезагрузки», — поняла девочка. Соне казалось, что она открыла страшную тайну. Между ней и роботом есть одно главное отличие. Он не может записать и сохранить игру перед атакой, а она — может...

В двенадцать лет девочка нашла неожиданное подтверждение своим мыслям в детской Библии, обнаруженной в маминой библиотеке. Вновь и вновь читая книгу с красочными картинками, девочка находила ответы.

Она представила, что кто-то Всемогущий склонился над голубым монитором нашего мира и упоённо двигает своих персонажей, сталкивая их в игровых коллизиях, в азарте забыв про свои дела.

Может быть, подобравшись к компьютеру Божественного Папы, его Сын создал своего персонажа — Иисуса Христа, сына плотника, — и водил его по цветной картинке Иудеи. Было много событий, и в конце, погибнув на кресте, он увидел перед собой надпись: «Игра окончена». Но решил, что всё слишком интересно, чтобы так закончиться, и вызвал сохранённый файл? Воскрешение...

Игрок воскрес? Воистину воскрес! Игра была продолжена, хотя в этот момент к нему на чердак мог войти Всемогущий Папа и уложить спать.

В тринадцать лет Соня сама написала несколько игр и выиграла олимпиаду по программированию.

Она была убеждена, что наш мир — это гигантский компьютер Бога, а люди в нём — персонажи.

Как-то на уроке физики услышала, что всё во вселенной состоит из элементарных частиц — позитронов. Горы, реки, цветы, облака, животные и люди сложены из крохотных скоплений единых кирпичиков мироздания.

Соня даже подскочила, рассыпав тетради. Вот! Это же доказательство того, что все мы живём на экране гигантского компьютера. Каждый, даже маленький, программист знает, что в нарисованном виртуальном мире тоже есть элементарная частица. Ведь изображения на экране — совсем не домики, актёры или пейзажи, это только пиксели, из которых сложена картинка. Если персонаж игры вдруг решит изучить своё тело под микроскопом, он обнаружит лишь скопление мельчайших точек.

Ещё она подумала, что для упрощения программисты используют шаблоны. Скажем, дерево никто не будет рисовать каждый раз заново. А возьмёт готовые листья, стволы и детали веток. Лицо каждый раз не придумывают, а лишь соединяют глаза, нос, рот, волосы...

Но ведь и в окружающем мире всё устроено именно так. Вот почему мы встречаем похожие лица, пейзажи, дома. Если вокруг шаблоны, наше тело должно состоять из кирпичиков, более крупных, чем атомы и молекулы. Например, универсальных клеток. Из которых можно лепить всё что угодно — сердце, печень, кости и волосы.

Девочка решила проконсультироваться со специалистом. Неожиданно рядом на диване появился запыхающийся старичок в белом халате.

— Ну вот, — недовольно заявил он, — не успел выписать лошади очки, гиппопотам остался без микстуры, мартышки страдают от бессонницы. Зачем звала?

— Дорогой Айболит, — возбуждённо заявила Соня, — я знаю, как лечить все болезни. В человеке и в животном должны быть универсальные частицы. И из них, как из конструктора, можно сделать любой орган и заменить больную часть тела на здоровую.

Девочка с восторгом смотрела на врача, пытаясь угадать, понял ли он её. Доктор почесал затылок.

— Ты хочешь сказать, что мышке можно сделать новый хвост? Эти мышеловки словно созданы для охоты за хвостами. А мотыльку — вырастить новое крылышко? Проказники постоянно порхают над огнём.

Он говорил медленно, словно о чём-то вспоминая, и вдруг радостно закричал:

— Ура! Это — «стволовые клетки». Читал о них в научном журнале. Это и есть та самая маленькая частица организма, из которой сделано всё. — Доктор вдруг заторопился: — Мне некогда! Нельзя медлить ни минуты! Должен отправиться домой и придумать новое чудодейственное лекарство.

Он исчез, но в комнате ещё некоторое время пахло йодом и яблоками.

Соня сидела на диване, сжав виски ладонями, и втолковывала изумлённому Храброму Льву, который сочувственно смотрел на возбуждённую девочку:

— Мы все ненастоящие, выдуманы, нарисованы и помещены в огромную игральную машину.

Лев не возражал, лишь положил огромную мохнатую голову на её коленки. Соня привычно принялась заплетать его гриву в косички, а сама продолжала думать.

Следуя логике программирования, выходило, что существуют главные герои, которыми играет лично Бог. Таких наверняка мало. Чуть больше должно быть второстепенных персонажей, для которых созданы специальные автономные программы. Но большинство людей в этом случае — просто массовка, имеющая общий алгоритм поведения. Их реакции могли бы описываться простейшими формулами. Например, стремление от страдания к наслаждению, от боли к радости. И где в этой иерархии она, мама и папа?

В четырнадцать лет девочка написала игру, где можно было быть Богом, сотворить вселенную и землю, создать людей, дать им правила и свободу воли. Главный сценарий копировал Библию. Но Соня заложила ещё несколько десятков альтернативных вариантов истории: если бы Каин не убил Авеля, если бы

фараон не отпустил народ с Моисеем, если бы первородство Исаака не было куплено за чечевичную похлёбку...

Права на игру были сразу выкуплены известной компанией. Соня с нетерпением ждала, когда та появится в магазинах. Странно, но этого не происходило. Зато сразу несколько крупных фирм заказали школьнице разработку новых компьютерных игр с более привычными сюжетами, где герои без устали бегали и стреляли. Деньги, получаемые Соней, во много раз превышали доход мамы и папы. Родители гордились умной дочкой, и никто не знал, в каком невероятном мире она живёт.

ГЛАВА 3.

В КОТОРОЙ ВРЕМЯ ДЛЯ ДРУЗЕЙ, СИДЯЩИХ В ПЕЩЕРЕ, ОСТАНОВИЛОСЬ, И ПОЭТОМУ АВТОР ПЕРЕНОСИТ ЧИТАТЕЛЯ К БАРОНУ АНРИ, РАЗВИВШЕМУ БУРНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Барон Анри вот уже вторую неделю не ездил на охоту, даже утренняя часовая конная прогулка была заменена короткой пробежкой.

Боевой конь, лишённый своего верного друга, стоял в стойле и обдумывал, кто же виноват. Придя к мнению, что виноват конюх, он взял за правило нещадно кусать того. Ровно в одиннадцать часов из конюшни доносился короткий, но смачный вопль. Это стало привычным сигналом точного времени, и люди сверяли часы.

Явно выигрывала от новой ситуации баронесса. Она прекрасно выглядела, поскольку отлично высыпалась, не опасаясь утреннего явления конного барона. И была совершенно счастлива, ведь никто не ездил верхом по замку и не топтал копытами ковры. Теперь она спокойно переступала двери любой комнаты, там никто не играл в «жеребячьи прятки», внезапно появляясь из-за укрытия, с громогласным хохотом боевого коня

и фырканьем барона, с летящими от обеих пеной, слюнями и брызгами.

Конечно, Селин понимала, что многие великие люди любят почудить. И, возможно, шалости барона были лучше, чем, казалось бы, безобидная страсть сэра Н. к утиной охоте. Селин помнила признание его жены, своей старой подруги: «Если бы знала, дорогая, какую „пижамку“ мне приходится надевать на ночь...» Далее последовал жаркий шёпот на ушко. То, что она услышала, превзошло все её фантазии, и каких усилий стоило баронессе не засмеяться, глядя в припухшие от слёз глаза подруги.

Или в какие нечеловеческие страдания оборачивалась привычка маркиза М. покупать своей собаке бриллиантовые колье и каждое утро выпускать жену погулять.

Но иногда и от милых чудачеств нужен отпуск.

Поэтому баронесса наслаждалась, словно юная английская леди, впервые попавшая без мамы на Багамские острова. Конечно, скоро здесь всё наскучит и она с радостью вернётся в любимую Англию, но пока... Она совершенно свободна и оттянется по полной.

Как приятно было появление мужа в столовой в элегантном домашнем пиджаке, а не в забрызганном грязью костюме для верховой езды!

Она даже прослезилась, когда увидела на его ногах мягкие ботинки из тонкой кожи вместо обычных сапог. В тот день баронесса, женщина практичная и мало верившая в божественную доброту, пересмотрела своё мировоззрение.

Перемена в распорядке дня Анри была связана с тем обстоятельством, что он работал, много и трудно.

В кабинет барона сходились данные о ежеминутном состоянии планеты. И информация эта была паршивая. Гольфстрим сдвинулся ещё на пару километров к западу. Климат стремительно менялся, и не хотелось думать, что будет с Европой, когда покроются снегом пески Сахары. Ближний Восток сотрясали локальные войны, грозящие перейти в Третью мировую. Америка и Европа ополчились на Россию. Все, словно дворовые мальчишки, пытались доказать, кто из них круче. До глобаль-

ной драки было недалеко. В Африке появилась новая эпидемия, вызванная неизвестным вирусом, способным уничтожить половину человечества. На Японию в очередной раз обрушилось цунами и вновь утечка радиации из изрядно потрёпанных предыдущими катаклизмами ядерных станций.

В Антарктиде, под многокилометровым слоем льда, земная кора дала трещину, и никто не знает, что произойдёт, когда навстречу льду прорвётся раскалённая магма. Это будет пострашнее банального вулкана.

Ну, и на закуску, в только что принесённом докладе говорилось, что американские учёные обнаружили новый астероид, орбита которого пересекается с Землёй с вероятностью девяносто пять процентов. А это означало только одно — всем конец. Или другое — всем неминуемый конец. Или третье — всем большой и неминуемый конец!!!

Тут уже не до конных прогулок.

От того, сумеет ли посланная им группа решить поставленную задачу, действительно зависело всё.

Поэтому ежедневные сообщения Софии он воспринимал как сводки с фронта, а потом ещё долго сидел, уставившись в пустой экран, поглощённый своими мыслями. Он был весь в делах. Его разум кипел. Разговаривая с другими, разговаривал с собой.

В тот вечер, когда случилось невероятное и София не вышла на связь, барон сидел в кабинете, пил горькое пятичасовое пиво и изучал сводки новостей.

Прямо перед появлением на пороге его кабинета секретаря он читал о загадочной массовой гибели пчёл в центральных районах Франции. Поэтому поначалу, глядя на вошедшего, пытался понять, куда тот дел шелковистое полосатое брюшко и несколько лапок. Сообразив, кто стоит перед ним, барон испытал секундное замешательство:

— Как поживает ваша жена? — учтиво поинтересовался Анри, зная, что сотрудники всегда ценят внимание руководителя.

— Извините, месье, но у меня нет жены, — прошептал изумлённый секретарь.

— Она умерла? — барон был в искреннем отчаянии.

— Я никогда не был женат, — попытался уточнить секретарь, но возражать барону было всё равно что кроту рычать на экскаватор.

— Это ужасно. Я сразу заметил, как вы осунулись в последние дни, — продолжал барон. — Может, вам взять несколько дней выходных?

— Ничего, я поработаю, — выдохнул секретарь.

— Вы мужественный человек, — согласился барон. — Итак, вернёмся к делам. Наша группа в Израиле на Мёртвом море и не вышла на связь. Через два часа доложите, что у них происходит. Кстати, похороны уже были?

— Чьи похороны?

— Вашей жены.

— О боже! — воскликнул секретарь.

— Ну, идите, несчастный вы человек, — барон чувствовал, что он выполнил свой гражданский долг дружеского общения с персоналом.

Через пару часов на столе лежал доклад, в котором указывалось, что группа уехала с утра и в гостиницу не возвращалась. Датчики, находящиеся в их телах, показывали, что все живы и находятся в десяти километрах к югу от отеля. Связь по-прежнему отсутствовала.

— Подождём до завтра, — устало решил Анри.

На следующий день изменений не произошло. София опять не вышла на связь.

— Немедленно определите, где они! Почему это до сих пор не сделано?

Ещё через час доложили, что пустой джип обнаружен на площадке перед так называемой «пещерой Лота».

— Входите внутрь!

Через двадцать минут поступило сообщение, что группа обнаружена. Все сидят в центральной части и спокойно беседуют с неизвестным мужчиной. Отмечено было также белёсое свечение неизвестного происхождения, охватывающее эту зону.

— Ждём, — распорядился Анри. — Они знают что делают. И я ничего не хочу портить. Кто знает, какая магия использована ими и в каких целях.

Прошло ещё два дня. Ничего не изменилось. Увлекательная беседа в центре пещеры продолжалась, причём её участники не ели, не спали и не отходили по каким-либо естественным для людей надобностям.

Наконец Анри принял решение:

— Пусть двое под видом обычного патруля приблизятся к группе. В зону неизвестного свечения не входить. Если удастся, спросите Софию, всё ли в порядке.

Ответ показал, что София воспринимает ситуацию как нормальную.

Барон решил посоветоваться с женой. Как утверждал кто-то из великих, есть время говорить с женой, а есть время молчать. Теперь предстояло её найти. Замок был большой, и барон вспоминал ареалы обитания жены. Кажется, она водилась в музыкальной гостиной и в библиотеке. Бодрой рысцой Анри отправился туда и, лишь заслышав звуки музыки, резко притормозил.

Догадка оказалась верной. Они повстречались у рояля. Селин наигрывала какую-то мелодию и напевала меццо-сопрано. Рядом сидела горничная и вторила ей низким контральто. Барон всегда подозревал, что они спелись и поют хором.

— Дорогая, — начал барон отработанную годами безошибочную фразу, — ты сегодня великолепна!

— Что случилось? — проницательно ответила Селин. Взгляд её внимательных глаз всегда беспокоил барона. Вот и сейчас он вздрогнул, словно Голиаф, увидевший, что Давид принялся крутить свою пращу.

— Мне нужен твой совет.

Опытная горничная поспешно вышла.

— Слушаю.

— Помнишь, мы послали группу договариваться с высшими силами?

— Конечно, там ещё был этот симпатичный парень. Максим, кажется, — баронесса прошла тонкими ухоженными пальцами по клавишам рояля. Прозвучало что-то романтичное.

— Именно. Там две симпатичные девушки и два парня, — уточнил барон.

— И как у них дела?

— Сначала всё было отлично. Они носились по миру, пьянство, дебош, секс... — Барон замялся, думая, уточнять последнюю фразу или нет. Потом рассудил, что уточнять не стоит: — В Каире обкурились и плясали с богом Гором. В общем, всё как обычно. Но сейчас они уже неделю тихо сидят в пещере и беседуют с каким-то религиозным учителем... Не пьют, не курят, даже не едят. Я обеспокоен.

— Что за учитель?

— Не знаю. Не говорит, — барон подумал и, справедливости ради, добавил: — Хотя его не допрашивали. Взять и пытать? — вырулил он к знакомому руслу.

— Ну что ты. Пусть разговаривают. Чем тебя это не устраивает?

— Мир катится в тартарары. Он совсем свихнулся...

— Мир всегда был с приветом.

— Ты не представляешь, что творится сейчас.

— Представляю, — с улыбкой ответила Селин. — Сейчас ты не скачешь на лошади в столовую и не обедаешь в седле.

— Нашей цивилизации приходит конец...

— Не волнуйся, у тебя может подскочить давление.

— Я спокоен, — сказал барон, машинально жуя взятый листок с нотами.

Баронесса выдрала у него изо рта ноты, поставила их на пюпитр рояля и сказала:

— Думаю, возникла петля времени. Такое иногда случается в пещерах.

— Как это? — не понял Анри, хотя ему казалось, что он великолепно разбирается во всех видах непонятной чертовщины, творящейся на вверенной ему планете.

— Подземные аномальные зоны, — задумчиво начала объяснение баронесса. — Бывает, что в спокойной реке времени словно возникают заводи с коварными водоворотами. Явление редкое, но известное. Феномен появляется и исчезает, поэтому его сложно зафиксировать и изучить.

— Я не слышал, — удивился барон.

— В таких водоворотах время затягивает человека в бесконечную петлю, выбраться из которой можно нескоро. Известны

случаи, когда человек, проведя в такой пещере, как он полагал,пару часов, вернувшись, обнаруживал, что его уже забыли, а жена живёт с другим.

— Обычная история, — мрачно подтвердил Анри. — И как надолго в такой петле можно застрять?

— Бывает, проходят месяцы или даже годы. В 2001 году турист-японец вышел из пещеры Гулинь, проведя в ней, по его мнению, около восьми часов. Но было достоверно установлено, что он находился там без воды и питья три года.

— Если они просидят там годы, планета погибнет, — встревоженно констатировал Анри.

— Не погибнет. Они скоро выйдут оттуда. Если с ними религиозный учитель, он не пропустит праздник Рош-а-Шана и тем более праздник Суккот.

— Но это будет только через месяц.

— Вот и хорошо. Опасности для ребят нет, в их личном времени пройдёт всего пара часов.

— А планета?

— Мироздание подождёт. Я тебе обещаю, — улыбнулась баронесса. — Особенно если ты будешь каждый день надевать чистую сорочку.

Барон недоверчиво смотрел на жену. Житейская практика показывала, что её самые странные выводы и прогнозы почему-то, в противовес любой нормальной логике, оказывались верными. Он решил подождать.

Последующие за этим дни тянулись невыносимо медленно, на фоне нетерпеливо метущегося ума барона. Всё было без изменений. Мир катился в тартарары, того и гляди, случится всемирная катастрофа и он будет разлучён с Роджером и отлучён от конных прогулок.

А беседа в пещере продолжалась так же несуетно.

К концу сентября терпение Анри было на исходе. Он рявкнул на дворецкого, отчитал секретаря и дал пинка незнакомой кошке, неведомо как оказавшейся в парке и опрометчиво решившей потереться об его ноги.

Второго октября его долготерпение иссякло. Он вызвал к себе начальника отряда специального назначения.

— Пора заканчивать эти пещерные посиделки. Надо аккуратно взять моих сотрудников и доставить сюда, — сформулировал барон.

— А они захотят поехать с нами?

— Не знаю, — честно ответил барон, с повышенным интересом разглядывая завиток на деревянной крышке своего стола.

Опытный профессионал опешил.

— Вадима... Ольгу.... Максима... и Софию?.. — в простом перечислении имён звучало столько драматических оттенков, что позавидовали бы многие великие актёры. — Аккуратно?! Взять?! И... доставить?!

— Почему вы говорите отдельными словами? Попробуйте связать их в предложение, — посоветовал барон.

— Живыми??? — складывать слова в предложения начальнику спецназа по-прежнему не удавалось.

— Вы что, с ума сошли? Конечно, живыми. И невредимыми.

— Как???

— Что «как»?

— Как это сделать? — похоже, тот наконец пришёл в себя.

— Ну, не знаю. Закачайте в пещеру сонный газ.

— А они уснут?

— Вот вы и проверите это, — заявил барон. Он поднялся, показывая, что разговор окончен.

Начальник охраны козырнул и стремительно вышел из кабинета. Он хорошо знал, что взять живым опытного боевого мага вроде Вадима ещё никому не удавалось. Тем более когда тот в компании со злой ведьмой...

ГЛАВА 4.

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ О СТРАШНОМ СОБЫТИИ, СЛУЧИВШЕМСЯ НА ДИСКОТЕКЕ «ДОЛЬФИ» МНОГО ЛЕТ НАЗАД

Девушки быстро взрослеют. Тем более если они компьютерные гении, над разумом которых грозовой тучей висит страшный диагноз «шизофрения». Соня тщательно оберегала свою тайну, как разведчик в тылу врага, понимая, что в случае провала остаток дней придётся провести в психбольнице.

Между ней и другими людьми лежала пропасть. Постоянный самоконтроль стал способом существования, отчего девочка казалась окружающим тихой, вежливой и даже слегка замкнутой. В обычном мире находилась лишь крохотная часть Сони, словно она была айсбергом, скрывающим в невидимой глубине свою непостижимую громадную мощь. Удачно спрятав с раннего детства большую часть себя от посторонних, ей удалось избежать снисходительной жалости взрослых к больному ребёнку и, самое главное, лечения, которое неминуемо превратило бы девочку в тихую идиотку. Она не считала себя больной. Ущербными казались все остальные. Словно она, зрячая, попала на остров слепых, и надо притворяться, что ты ничего не видишь, чтобы не прослыть ненор-

мальной. Ведь слепцы уверены, что норма — это отсутствие зрения.

Девочка не задумывалась, что у неё с мозгом: дар или недостаток. Просто жила, воспринимая мир таким, каким он ей являлся. Случалось, что некоторые взрослые вдруг начинали с подозрением коситься, будто чуяли в ребёнке нечто чужое и оттого страшное. Но, узнав, что она вундеркинд, сразу успокаивались. Гениям позволительно быть непохожими на других.

С каждым годом притворяться становилось всё легче. Привычка. Тем более что в последние годы её занимали совсем другие вопросы. Тело расцветало, не заботясь проблемами мозга.

Девушка перестала купаться в ванной с игрушечной уточкой и изучила в интернете разнообразные формы взрослого досуга. На школьных вечеринках пару раз разрешила поцеловать себя, сделав вывод, что обычные мальчики крайне заурядны. Особенно по сравнению с отважным Джимом Хокинсом, плававшим с пиратами к Острову сокровищ. Возникнув из потусторонней реальности, он поражал страстными рассказами о невероятных приключениях. Теперь к ней на чердак частенько захаживали пылкие принцы и романтические пираты. Их взгляды окутывали и гладили, а от хрипловатого голоса кожа покрывалась мурашками.

Старые друзья приходили всё реже, и даже с подругой Золушкой случилась нелепая размолвка, когда та застала своего принца примеривающим хрустальный башмачок к Сониной ножке.

Новые гости любили балы. Приходилось соответствовать. Меры были приняты самые решительные. Соня стала мазать лицо и плечи дорогущим кремом от веснушек, гарантировавшим роскошную матовую кожу. И записалась в танцевальную студию, только что открытую на окраине городка в металлическом ангаре. Внутри имелся просторный зал, пол которого выстлали паркетной доской, а под потолком живописно висели металлические балки, провода и трубы. Вместо стульев — автомобильные покрышки, оставшиеся от прежнего владельца. Их попарно уложили друг на друга и прикрыли разноцветными тряпочками. Горожане окрестили новое заведение «Школа танго имени Соломона Бляхера».

Соня не обращала внимания на убогие крохотные раздевалки и единственный туалет в закутке под лестницей, где на антресолях располагался офис владельца студии, по совместительству бухгалтера и тренера.

В её мире зал был великолепен. В сияющем паркете отражались хрустальные люстры, а за мраморными колоннами толпилась нарядная публика. Соня, закрыв глаза, кружилась в центре. Она была нарасхват, и всё новые и новые партнёры настойчиво приглашали, склонив голову и протягивая жаждущую руку. Невидимые посторонним, с ней танцевали аргентинские tanguero — высокие, со смоляными волосами, одетые в свободные чёрные брюки и тёмные рубашки. В верхней части рубашки не застёгивались, и виднелась мускулистая, покрытая волосами загорелая грудь. Они увлекали Соню в свои объятия, шепча незнакомые щекочущие слова в её пылающие от волнения ушки.

Танго! Тело в тело, щека к щеке. Первый шаг, как падение в бездну. Ещё шаг — взрыв эмоций и рождение вселенной. И вот она летит, невесомая, лишь чуть касаясь пола в орбите могучих рук. Притяжение чужих мышц держит её стальной хваткой. Вибрирует и горит кожа, опалённая мужской энергией. Музыка околдовывает, оплетает незримой сетью. Тревожно и страстно запевает рояль, ему послушно вторит скрипка, как обезумевшие, трещат струны гитары, исступлённо вскрикивает бандонеон. И контрольный выстрел в душу — контрабас. Поворот, ещё поворот, кружение по кругу. Биение чужого сердца своим ритмом задаёт её пульс. Вдох и выдох, вдох и... полёт, парение по орбите вокруг партнёра. И да будет воля его!

Очень скоро она научилась прекрасно танцевать, удивляя тренера невесть откуда взятыми профессиональными движениями настоящего аргентинского танго. Иногда ездила в Тель-Авив на ночные дискотеки.

В ту жаркую июньскую ночь она с подругами отправилась на дискотеку, год назад открытую на набережной Тель-Авива рядом с дельфинарием и поэтому названной «Дольфи». Это место пользовалось огромной популярностью, и у входа толпилась очередь.

Несмотря на позднее время, жара обволакивала, словно ватное одеяло. Под одеялом явственно ощущалась атмосфера праздника. Горячий ночной воздух был наполнен голосами, звуками доносящейся музыки, вспышками света. Вокруг смеялись молодые парни и девчонки. Тела вибрировали, сотни глаз светились ожиданием, как будто каждый сидел на резвом жеребце, по крупу которого вот-вот ударят плетью.

Соня чувствовала, как в сердце разгорается свеча. Сначала крохотная искра на кончике фитилька, но вот огонёк метнулся вверх, пламя окрепло, и кажется, что всё тело пылает тысячью зажжённых лампад. Будто внутри неё храм. Всё приготовлено к празднику, и сейчас запоёт хор, призывая ко всем чудо любви.

И чудо пришло. Никто в толпе не заметил загадочного аргентинца, появившегося из ниоткуда рядом с девушкой и нежно обнявшего за плечи. Даже подруги считали, что она стоит одна, лишь немного неестественно перенеся тяжесть тела с одной ноги на другую, словно прижимаясь к кому-то. Они уже давно привыкли, что та иногда разговаривает сама с собой. От Диего — так звали невидимого спутника — тревожно и вкусно пахло чем-то терпким и пряным.

«Наверное, так должно пахнуть в джунглях Амазонки», — подумала девушка.

Бывают очереди, где стоять нескучно.

Рядом громко засмеялись.

— Не буду с тобой танцевать, у меня другой кавалер! — крикнула высокая черноволосая девочка. Она достала из рюкзачка плюшевого мишку и принялась отплясывать с ним на газоне. Мишка комично задирал лапки, его чёрные глаза светились, отражая отблески разнообразных ламп. Компания вновь разразилась хохотом.

Вдруг показалось, что подул прохладный, даже холодный ветер. Небо незаметно поменяло свой цвет с закатного розового на тёмно-бордовый, почти чёрный. С каждой секундой темнота подступала всё ближе, и со стороны шепчущего свою тайну моря, и от неясного пятна, минуту назад бывшего зелёным газоном. В этой мгле таилась злоба, она страшила, но одновремен-

но и притягивала. Огни небоскрёбов и машин, казалось, осторожно отступали под натиском неведомой чёрной силы. Луна где-то спряталась, а далёкие зрачки звёзд неприятно прищурились, как волк перед прыжком. Соня зябко поёжилась и прижалась к жаркому телу Диего. Стало теплее, но возникшее беспокойство не проходило.

Она с подругами была уже почти у самого входа, когда неожиданно вразвалочку подошёл невысокий и толстоватый паренёк. Выглядел он нелепо, как, впрочем, и многие. Но девушка уже давно научилась мгновенно узнавать персонажей другой реальности. Она не смогла бы объяснить, каким образом сразу выделяла их. Здесь было много факторов: отсутствие реакции окружающих, своеобразный вид пришельцев, необычная одежда и, наконец, слабое свечение вокруг.

Вот и сейчас она с интересом смотрела на парня, понимая, что никто из толпы его не видит. У него были густые, растрёпанные и совершенно рыжие волосы, похожие на парик, надеваемый на карнавал. Под стать были и жёлтые в коричневую клетку брюки, которые доходили лишь до середины щиколотки, а белая свободная рубашка почему-то сильно топорщилась сзади. Лицо паренька было одновременно плутоватое и встревоженное, словно он изо всех сил пытался быть серьёзным.

Соня подумала, что в его волосах и улыбке спрятался последний солнечный зайчик.

— Шалом, — обратился он к девушке. — Пришла позабавиться?

Диего подозрительно взглянул на пришельца и передвинулся, словно отсекая того своей широкой спиной от Сони. Похоже, рыжий ему не нравился.

«Может, это просто ревность?» — неожиданно догадалась девушка. Она с удивлением обнаружила, сколько новых чувств толкалось в разуме: беспокойство танцевало танго с манящим интересом, возбуждение боролось со страхом, и лишь безумная жажда любви сидела в одиночестве, ожидая развязки.

— Привет! — сказала она, поправляя непослушные локоны, которые норовили выбраться вперёд, чтобы показать миру, какие они красивые.

«Вот что значит взрослая жизнь, — удовлетворённо подумала она. — Ко мне уже пристают во всех мирах. Как интересно...»

— Не стоит разговаривать с этим паяцем, — тихо сказал ей Диего. — Думаю, он хулиган.

— Нам надо поговорить, — нервно сказал парень.

«Не пытайся быть кокетливой, — осадила себя девушка. — Когда один чересчур ревнив, а другой — странен, не следует усложнять ситуацию».

Словно в подтверждение мыслям, аргентинец грозно расправил плечи и, искря белоснежными зубами, велел парню отвалить.

— Спокойствие, только спокойствие — ответил тот и предостерегающе поднял руку.

Но Диего не собирался быть спокойным. Он наступал на паренька, тесня того в сторону.

— Сеньорита занята и не знакомится на улицах.

— Похоже, сейчас будет великое землетрясение, — глаза рыжего смеялись, в них плясали дьявольские искорки, а может, просто отражались огни цветных лампочек.

Диего без объявления войны молча толкнул собеседника. Парень проворно отскочил в сторону, но уходить явно не собирался.

— Берегись. Жизнь коротка, а ты недостаточно серьёзен, — заявил он.

Теперь Соня уже окончательно поняла, кого он ей напоминает.

— Я догадываюсь, кто ты!... — весело прошептала она.

— Отлично. Тогда ты знаешь, кто лучший в мире специалист по уличным дракам. И не советовал бы увальню, похожему на аргентинского пингвина, вставать у меня на пути.

— Разве в Аргентине есть пингвины? — обратилась Соня к Диего.

Пока тот раздумывал над ответом, парень уверенно перехватил инициативу:

— Вся Аргентина кишит пингвинами, — заявил он. — Когда-нибудь я завезу оттуда парочку и открою пингвинью ферму. Если захочешь потанцевать, всегда сможешь ко мне обратиться и сделать заказ...

Он не успел договорить. Диего ударил его. Соня взвизгнула. Парень, несмотря на солидные габариты, легко, словно мячик, отлетел на несколько шагов. Похоже, удар не особенно навредил ему.

Но теперь уже он был в ярости.

— Сейчас мы повеселимся! — крикнул рыжий.

Вокруг никто не обращал на происходящее внимания. Ну, ведёт себя какая-то девочка странно, размахивает руками, повизгивает, разговаривает сама с собой — здесь много таких. Соня тоже разозлилась на Диего. Никто не позволял ему так себя вести. В конце концов, она не его собственность и имеет право разговаривать с кем хочет.

— Убирайся! — тихо сказала она Диего. — До чего же ты злой. Я не хочу, чтобы кто-нибудь бил моих друзей.

— Хорошо, — сдерживая раздражение, ответил тот. — Оставайся с этим рыжим клоуном. Ты ещё слишком маленькая, чтобы дружить с настоящими мужчинами.

Аргентинец громко растаял в воздухе.

— Настоящий мужчина... — ворчал парень, подходя к Соне. — Вот настоящий, красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, — галантно заявил он, беря девочку под руку.

Он уверенно вывел Соню из очереди и повёл куда-то в сторону сияющих огней высоток на набережной.

— Ты куда? — крикнули подруги.

— Действительно, куда мы идём? — спохватилась она.

— Я всё объясню, — молодой человек продолжал настойчиво тянуть её.

— Нет, сначала объясни.

— Мне очень плохо. Я получил страшный удар и еле держусь на ногах. Надо отойти в сторону, на воздух. Прийти в себя, зализать душевные раны...

— Я сейчас вернусь! — крикнула Соня подругам. — Тебе очень больно? — обратилась она к парню.

— Ужасно. Я самый тяжёлый в мире больной. Наверняка у меня поднялась температура. Помоги мне добраться до кровати. Будь добра...

Он шёл всё быстрее, продолжая держать её под руку. Через несколько мгновений они оказались уже в полусотне метров от толпы. Здесь царила полутьма, освещаемая редкими фонарями, стоящими на дорожках, пересекающих газон.

— Какой кровати? — спросила Соня, краем сознания понимая, что опять происходит что-то странное.

— Моей, естественно. Я же не наглый тип, который норовит запрыгнуть в твою постель.

Пока девочка обдумывала эту логику, они прошли ещё десяток шагов. Парень уже практически тащил её. Он оказался довольно сильным, а может быть, сказывалась разница в весе. Соня была, наверное, вдвое легче.

— Всё. Дальше никуда не пойду. Объясни, что происходит, — она вырвала руку и остановилась.

— Я приглашаю тебя ко мне в гости. Буду лежать и болеть. Ты укутаешь меня тёплым пледом и уговоришь выпить горькое лекарство, а за это дашь печенье и гору шоколада.

— Что за ерунда! Ты наверняка будешь ко мне приставать, — с надеждой воскликнула Соня. Молодой человек ей определённо нравился.

— Мы обязательно пошалим, — весело согласился тот. — Я арендовал номер на самом верхнем этаже отеля. Выше не бывает. Тель-Авив как на ладони. Люблю смотреть на крыши домов и уверен, тебе тоже понравится. Это совсем рядом.

Неожиданно он скинул с себя рубашку. Соня с удивлением отметила, что его тело совсем не рыхлое, а сильное и массивное. Про таких говорят «поперёк себя шире». Она не стала заглядывать ему за спину, так как была уже почти уверена в том, что там увидит.

— Не бойся, — прошептал парень. — Я обниму тебя, и мы отправимся ко мне. Давай только отойдём немного, чтобы нас не видела толпа. Нового вознесения на небеса эта страна не переживёт.

Они прошли по газону ещё метров сто. Дискотека осталась сзади. Перед ними горели огни отелей и сновали машины. За спиной суетливо плясали прожектора и мигала иллюминация дискотеки.

— Я готова, — сказала Соня, поворачиваясь к парню. Её переполняло радостное возбуждение. Как жарко! Внутри она пылала. Проведи он сейчас по ней рукой, возможно, получил бы ожог.

Но она никого не увидела. Странный парень исчез, словно растворился в воздухе.

Соня изумлённо оглянулась вокруг, и тут раздался взрыв. И вспышка, и ударная волна. Там, откуда они только что ушли, истошно закричали все разом. Крики перешли в жуткий хор стонов и плача. Происходило что-то ужасное. Несколько предметов прилетели со стороны моря и упали на траву перед Соней. Два откатились к её ногам. Она наклонилась и с ужасом увидела, что это окровавленная кисть детской руки и тлеющий плюшевый мишка. Запахло дымом и чем-то горелым. Через мгновение добралось облако пыли. Глаза пришлось прищурить, на зубах противно заскрипел песок.

Соня чихнула и побежала обратно. Она несколько раз споткнулась, потом упала, поднялась, оцарапала коленки, пробежала ещё десяток метров и оказалась в аду. Там, где только что стояла весёлая толпа, лежали груды окровавленных тел. Уцелевшие помогали подняться раненым. Всюду была кровь. Навстречу ей бросилась рыдающая Мариам.

— А где Инна? — закричала Соня.

Мариам взглянула на неё и вдруг застонала, закрыв рот руками. От этого получился какой-то страшный утробный звук, и Соня поняла, что Инну больше не увидит.

Со стороны набережной выли сирены — это подъезжали армейские машины, скорая помощь, пожарные. Появилось множество людей; несли носилки, слышались короткие приказы.

— Вы не ранены? — быстро спросил их какой-то военный. Услышав отрицательный ответ, сразу потерял к ним интерес и бросился помогать кому-то в толпе.

Девчонки побрели к шоссе. Мариам рыдала, Соня, словно сомнамбула, вела её прочь из этого кошмара. Подойдя к шоссе, они увидели, что движение замерло. Люди выскакивали из машин, пытаясь понять, что происходит. Увидев двигающихся

в обнимку Соню с подругой, несколько человек бросились к ним.

— Теракт?

Соня кивнула.

— Наверное... Отвезите нас домой, — попросила она.

— Конечно, — засуетился какой-то пожилой дядька, открывая им дверь своей легковушки. — Вам чего-нибудь надо?

— Чистые трусы, — честно призналась Мариам.

Скоро Соня была дома.

А через четверть часа по телевизору сообщили, что террорист-самоубийца взорвал себя у входа на дискотеку «Дольфи».

Через пару дней к ним в квартиру пришли два серьёзных парня из полиции. Они сначала о чём-то долго разговаривали с мамой. Потом попросили Соню принять участие в беседе.

Было уже известно, что террористом оказался двадцатидвухлетний Саид Хутори, принадлежащий к организации «Палестинский исламский джихад». Он пытался проникнуть на дискотеку и под одеждой был обвязан мощным зарядом взрывчатки, сделанным в виде пояса, начинённого металлическими шариками, гвоздями и шурупами. Охранник на входе обратил внимание на его странный внешний вид и спросил, что тот собирается здесь делать, среди детей и подростков. «Танцевать», — ответил смертник и привёл в действие заряд. Двадцать один человек погиб, сто двадцать были серьёзно ранены.

Соня понимала, что не уведи её неизвестный парень, возможно, сейчас она тоже была бы среди погибших. Иной мир спас её. Почему? Соня не знала ответа на этот вопрос. Она сидела напротив офицеров полиции и думала, что, наверное, не стоит говорить им об этих странных обстоятельствах.

Вежливые полицейские рассказали, что камеры наблюдения зафиксировали, как за тридцать секунд до взрыва девочка, стоявшая у входа, почти в эпицентре будущей трагедии, неожиданно быстро ушла и осталась в живых.

— Ты ничего не хочешь рассказать нам? — спрашивали они.

— У меня разболелась голова, и я хотела выйти из толпы, пройтись по газону, — осторожно объяснила Соня.

— Ты странно вела себя, — сказал один из полицейских. — Изображение не очень чёткое, но кажется, что ты с кем-то спорила, размахивала руками.

— Не помню, как себя вела. Пришла на танцы. Хотела танцевать, потом у меня заболела голова, я прошлась по газону. Моя лучшая подруга погибла, а другая чудом осталась жива... — Соня сжала виски руками. — Почти ничего не помню...

Разговор ещё немного покрутился вокруг произошедших событий, потом полицейские извинились и ушли.

Несколько дней Соня находилась словно в бреду. Ей снились ужасные сны. Там самолёты врезались в здания небоскрёбов, которые обрушивались со страшным грохотом, поднимая тучи пыли. Бушевало пламя пожара, люди бежали по обрушивающимся межэтажным лестницам, сгорая заживо. Выли сирены скорой помощи, пожарные заливали кипящие развалины. Тысячи трупов среди дымящихся руин.

Просыпаясь, девочка думала, что ей снится новая война.

Кошмары продолжались до осени и прекратились 11 сентября 2001 года, когда реальность оказалась страшнее предчувствия.

ГЛАВА 5.

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ, КАК ДРУЗЬЯ ПРОВОДИЛИ ВРЕМЯ В ПЕЩЕРЕ И ПОПАЛИ В ЦИРК

В пещере легко дышалось. Воздух был сухой, чистый и прохладный, особенно по сравнению с раскалённой пустыней снаружи. Когда разговор замирал, тишина казалась оглушающей. Это на грани слышимости вибрировала неведомая энергия. Так бывает, когда удар грома только что отзвучал и оглушённое тело замерло в наполненном электричеством пространстве, ожидая, что через мгновение возможен ещё более мощный разряд.

София с подозрением оглядела пещеру. Странно: почему на стенах нет обычной живописи, сообщающей, кто, с кем и когда побывал здесь? И следов других людей тоже нет. Словно они первые, кто сюда забрёл. Камни на удивление чистые. Протёрли их, что ли, перед приходом?

Представилось, как странный кролик, быстро перебирая лапками, полирует бархатистой тряпкой окружающие скалы. И напевает, наверное.

Но минуты шли за минутами, а ничего необычного не происходило. Однако напряжение не отпускало. Поэтому она вздрогнула, когда Раби-Йося заговорил:

— Зачем вы хотите встретиться с Королевой?

Его голос прозвучал неожиданно громко, словно усиленный динамиками.

Эхо здесь, что ли, такое? И, действительно, зачем? Как объяснить этому странному человеку, что привело их в пещеру под землёй? Тридцать секунд на размышления. Надо соображать быстрее, пока он опять не превратился в кролика...

— Вообще-то мы хотим встретиться с Богом.

Раби-Йося хмыкнул, подавившись морковью.

— Но если ваша Королева — полномочный посол Всевышнего на земле... — София замолчала, а затем продолжила осторожно и официально: — ...передадим ей поручение нашего руководства.

Она остановилась, потому что обнаружила, что говорит с кроликом. Тот раздражённо забросил недоеденный огрызок:

— Королева принимает только личные просьбы. Петиции от организаций не рассматриваются.

— А ты откуда знаешь? — недобро встряла Ольга.

— Ой! Только не надо пыхать огнём с лица! — храбро заявил Кролик. В голосе отчётливо журчала струя сарказма. — Ты думаешь, что ведьма и всё можешь? Это мы тебя такой сделали...

— Кто это «мы»? — быстро спросила Соня.

— Я оговорился, — спохватился кролик. — Морковь с нитратами попалась. Вот меня и заносит. Конечно, имел в виду Королеву со свитой. Они решают, кому как жить, кем быть. План есть для всего сущего. — Кролик воздел лапы кверху и возопил: — Неисповедимы планы всевышние! Непостижимы дела Господни, неведомы замыслы Его!

Софии показалось, что над ними издеваются.

Пушистый проповедник только начал расходиться:

— Ольгу нельзя осуждать. Её жизненные обстоятельства были тщательно спланированы, чтобы сделать такой, какая получилась. Она не виновата, что не добрая. Каждый человек, злой и добрый, — кусочек мозаики. А конечный рисунок известен только Богу. Слишком сложные комбинации в нашей жизни устраивает Шхина, добиваясь своей цели. Человеческий мозг примитивен и не способен охватить всю картину. Тем более что люди смертны и не могут постичь за свою жизнь того, что происходит тысячелетия.

Кролик строго обвёл притихшее собрание красными глазками. Убедившись, что все слушают, продолжал:

— Обещал Господь тысячи лет назад собрать народ израильский в Святой Земле. И вот. В результате Второй мировой войны на карте появилось государство Израиль.

— Только сначала были убиты и замучены пять миллионов евреев, — не выдержала София.

Кролик закашлялся:

— Ну извини. Всякое действие имеет побочные эффекты. Так же, как любое самое хорошее лекарство.

— Горькое, выходит, лекарство.

Кролик пожал плечами:

— У неё на родине, — он кивнул на Ольгу, — существует пословица «Бьёт, значит, любит».

— Передай Всевышнему, мы не против, если бы любил поменьше. Или не бил хотя бы...

Кролик задумчиво почесал лапой за ухом, а затем произнёс, будто оправдываясь:

— Видишь ли, слишком большая разница в свойствах Творца и творения. Не всегда понятна ваша боль. Ты же подстригаешь волосы и ногти. Вообрази, они тоже орут от ужаса. Может, для этого и нужны молитвы, чтобы Всевышний получал информацию снизу...

София не стала отвечать. Что происходит? Зачем эти философские беседы с умным зайцем? Они просто теряют время. В этой мрачной пещере минуты прячутся, как мыши в норках.

Словно в ответ на её мысли кролик опять превратился в Раби-Йосю и произнёс вроде бы невпопад:

— Ребёнок, который пришёл с прогулки перепачканный по уши, получил наказание. И ему кажется, что мать поступала бессердечно, не разрешая валяться в луже. Народ погряз в грехах, как в грязи. Вот наказание и пришло...

— Вы о чём?

Собеседник наклонился и вперёд и, пристально глядя в глаза, сказал:

— Что лично вы попросили бы у Королевы? Каждый из вас...

София подумала, что на этот вопрос она не стала бы отвечать кролику. Но Раби-Йося почему-то внушал почтение. И не потому, что был религиозным учителем. Она не была сильно верующей. Неистовая вера некоторых граждан Израиля — хорошая прививка от всякого фанатизма. Она буднично воспринимала Бога, как рядовые менеджеры относятся к президенту компании. Чтобы ни было на уме большого босса, с этим следует считаться. Сейчас ей показалось, что у собеседника особые отношения с руководством. И задаёт он вопрос не из праздного любопытства. Действительно, что нужно лично ей. Счастья наверное. А что такое счастье? Жизнь интересная, ну, и чтобы быть здоровой, и богатой, и...

— Давайте начнём с меня, — неожиданно предложил Максим.

Никто не возражал. София подумала, что все, как и она, недоумевали, почему должны рассказывать о сокровенном первому встречному. И приходили к загадочному выводу, что должны... Даже Ольга затихла.

— Я бы хотел улучшить экологию планеты. Земля гибнет, а с ней человечество...

Раби-Йося обвёл всех повеселевшими глазами и, улыбаясь, спросил:

— Тебя устроит явление Господа на облаке со связкой молний под мышкой и криком страшным «Только попробуйте, твари, банку от пива в море бросить»?

— Менее экстравагантный рецепт есть?

— Конечно. Господь мыслит креативно. Но помни, любое действие имеет побочники. Ты готов мириться с повсеместной коррупцией и дурными президентами?

— Какая связь? — удивился Максим.

— Не скажи. Коррупция тормозит развитие экономики. Чиновники думают только о том, как отобрать у населения деньги. Налоги увеличивают, мелкие фирмы разоряют. Остаются только подконтрольные правительству крупные корпорации. Но и они дышат на ладан, потому что воруют все. Какой поп — такой приход, — Раби-Йося улыбнулся, дав собеседникам оценить его знание русских пословиц. И продолжал: — В итоге — всё работает, но чуть-чуть. Исчезают второстепенные заводики и фабрички,

которые сильно загрязняют природу. Ведь у их директоров нет больших средств на дорогостоящие экологические программы.

А для уцелевших «своих» предприятий выделяют деньги из бюджета, и, естественно, есть средства на очистные системы. Которые, конечно, делаются плохими, поскольку средства разворовываются. Но и производство работает вполсилы. А в таких условиях очистные системы оказываются достаточно эффективны. И ура! Экология планеты очищается.

Раби-Йося остановился.

— Обалдеть, — тихо сказал Андрей. — Я никогда не думал в таком аспекте.

Максим был несогласен:

— Я говорю о кардинальных изменениях. Быстрых и резких.

— Ты хочешь вставать в очередь, чтобы заплатить за право дать взятку? Тогда производство совсем остановится, и мы окажемся в средневековье, — Раби-Йося говорил совершенно серьёзно.

Максим замялся:

— Надо обдумать...

Неожиданно Ольга заявила:

— Почему вы считаете, что Бог так поступит?

София про себя улыбнулась. Ольга вновь говорила с собеседником на «вы».

Раби-Йося вздохнул:

— Потому что Всемогущий уже так поступает. Последние пятнадцать лет у вас в России процветает коррупция, но экология улучшилась существенно. Реки чище, воздух лучше.

Ольга задумалась.

— Ну, допустим. Предположим, у меня тоже есть желание.

— Говори, — кивнул Раби-Йося.

— Хочу сделать всех людей счастливыми!

София удивлённо посмотрела на девушку. Вот уж не думала, что та способна на альтруизм.

— Только по-настоящему злая ведьма способна такое предложить, — обрадовался Раби-Йося, потирая ладони.

— Почему? — удивился Андрей.

— Сам посуди. Отчего человек несчастлив?

Все молчали, понимая, что вопрос риторический.

— Чаще всего человек чувствует себя плохо, когда ощущает, что получает от жизни много меньше, чем то, на что он рассчитывал. Когда сравнивает себя с соседом, который глупее, а живёт лучше. Поэтому простейший способ выполнить желание Ольги — сделать так, чтобы все жили плохо, а думали, что хорошо...

— Нельзя, чтобы и жили хорошо? — встрял Максим.

— Не получится. Для производства материальных благ нужна развитая экономика. Это противоречит твоему желанию.

Итак, начнём с образования. Умный человек часто ощущает внутреннее беспокойство. Он недоволен правительством, политикой, медициной, другими людьми. Поэтому нужна система образования, которая выпускала бы тупую посредственность с низким интеллектом.

Для этого в школах, вместо обучения наукам, введём подготовку к экзаменам, где надо ставить галочку в определённый квадратик.

— Но ведь умные люди всё же требуются, — не смог не возразить Андрей. Кто будет создавать науку, изобретать новые технологии, писать книги?..

— Конечно, но их должно быть немного. Создадим привилегированные частные школы. Пусть они будут дорогие, чтобы туда было сложно попасть. Там будут готовить руководителей и элиту...

Миллиарды глупых людей будут обслуживать горстку умных, даже не догадываясь об этом. Как не гордиться своей работой, которая по душе. Каждому дадим занятие по способностям. Глуповатому мусорщику нравится гонять сор.

— Хорошо, когда работа по вкусу, — вяло согласился Максим.

— Конечно. Для недалёкого парня офисная работа — мечта. Но нельзя интеллектуала ставить на его место. «Дурацкая» работа скоро начнёт раздражать. Затем он примется воровать и будет зол на мир, который заставляет нечестно жить.

— Это известный принцип, — поддержал Вадим. — В Америке людей с высоким коэффициентом интеллекта не берут на низкооплачиваемую работу. Для каждой должности разработан свой уровень IQ.

— Но это только часть плана. Неумные люди не должны ощущать собственной ущербности. Для этого им надо внушить, что именно они наиболее правильно и хорошо живут. Их надо хорошо кормить и развлекать. Не давать возможности думать. В кино крутить комедийные сериалы, где даже смех за кадром указывал бы, когда надо смеяться. Реклама будет подсказывать, что покупать. Телевидение даст темы для разговоров. Для того чтобы щекотать нервы — снимем боевики в стиле комиксов. Книги лучше убрать совсем. Сделаем их дорогими. Заменим журналами с картинками и бесконечными возможностями телефона и интернета. Надо, чтобы интернет давал способ каждому заявить всему миру, какой он умный и крутой. Вот — фото меня с котом, вот я лежу на пляже.

Ещё людей для полного счастья надо незаметно поместить в клетку.

— Это как? — вновь спросил Андрей.

— Сначала надо обозначить человеку вожделенную цель — домик у моря, машину, лодку. Для этого показываем неких «богачей», у которых это всё есть. Объясняем, как счастливо они живут. Говорим, что ты тоже можешь жить так же счастливо. И, наконец, предоставляем «кредит». Всё, человек в клетке — он должен работать всю жизнь, чтобы расплатиться.

Но не дадим возможность зарабатывать много. А то долг выплатят слишком быстро. Для этого сократим рабочее время, например, до пяти часов в день. Объявим прогрессивную шкалу налогообложения — чем больше ты зарабатываешь, тем больше отдаёшь. Увеличим пособие по безработице, стимулируя особо «хитрых» сидеть дома.

— Но жилье у моря — совсем не плохо, — задумчиво сказал Андрей.

— Настоящих домиков на взморье на всех не хватит. Поэтому создадим иллюзию. Для этого и нужно телевидение: внушить каждому его мировоззрение. Например, построим целые городки с малюсенькими дешёвыми сараями и объясним, что это и есть вожделенные виллы у моря. Построим дешёвые многоэтажки и назовём их апартаментами. Изобретём «таунхаусы» и коттеджные посёлки. Там будут жить толпы людей, шуметь и мешать друг другу. Но мы объясним, что это и есть настоящая жизнь. Скажем,

что хороший досуг должен быть шумным и многолюдным. Например, сделаем мечтой каждого отпуск в августе — тут уж не до праздных мыслей. Надо искать парковку, место на пляже, столик в ресторане. А вечером — в клуб или на дискотеку, музыка должна быть громкой и ритмичной, так, чтобы никакая мысль даже случайно не забралась в голову. И главное, чтобы каждый при этом считал, что он живёт очень хорошо, как тот мифический «богач».

София внимательно слушала уверенные слова Раби-Йоси. Ведь он прав. Ещё полвека назад вся мировая элита приезжала на средиземноморское побережье осенью, весной и даже зимой. Лето считалось мёртвым сезоном: вредное для здоровья солнце, изнуряющая жара. Большинство респектабельных отелей летом закрывались. Теперь что-то изменилось в умах людей, все действительно стремятся в отпуск в августе. Почему?

Раби-Йося продолжал:

— И последнее — надо незаметно изолировать по-настоящему богатых людей от остального общества, чтобы не злили. Пусть живут не на виду. Места их проживания должны быть недоступны, клубы — неизвестны.

— Обалдеть, — только и мог сказать Андрей. — Вы описали то, что происходит в современном мире.

— Конечно. Это делает людей частично счастливыми. Но если злая колдунья считает, что этого мало... Усилим. Врежем. Дадим каждому по мягкому месту...

— Я должна подумать над своим желанием, — прервала Ольга. — Теперь я лучше понимаю одну свою подругу, которая сказала, что ад весь состоит из благих желаний.

— Бог креативный, но бессердечный, — тихо молвила София.

Собеседник поджал губы:

— Он не материальный, поэтому сердца нет.

— Давайте я попрошу, — предложил Вадим. — Я бы хотел, чтобы все люди на земле жили дольше. И здоровье чтобы было хорошее. Надеюсь, у такого желания нет вредных побочных эффектов?

София тёрла рукой невидимую морщинку на переносице. Она уже поняла логику Раби-Йоси и примерно представляла, что он скажет. Только почему тот говорит будто от лица Бога?

— Если мы просто улучшим медицину, наступит коллапс. Сейчас в Европе пенсионеров намного больше молодёжи. Когда старые люди перестанут умирать, кто будет работать и всех кормить? Все умрут с голода. И старые и молодые.

— Повысим пенсионный возраст? — неуверенно предположил Максим.

— Уже повышаем, — согласился Раби-Йося. — Но есть более правильное решение — улучшить генофонд. Тогда новое поколение будет более сильным. С крепким здоровьем и долголетием.

— Хорошо — поддержал Вадим, чуя подвох.

— Для этого необходимо смешать гены европейцев с африканскими и арабскими выходцами. Добавить туда крови азиатов. Новое поколение будет по-настоящему сильным. Так что нужно новое переселение народов. Устроим в Африке и на Ближнем Востоке гражданские войны. Это не трудно. Погибнут сотни тысяч, а миллионы побегут в Европу. Конечно, увеличится криминальность. Но женщины будут рожать детей с хорошей генетикой.

Раби-Йося хлопнул в ладоши, как актёр на сцене, ожидающий поддержки зрителей. Звук прозвучал оглушительно. Никто не ожидал такой короткой реплики. Возникла пауза. Все молчали. Встречных аплодисментов не намечалось. София подумала, что Богу, наверное, непросто содержать в равновесии мир, где живут миллиарды людей. Каждый лезет со своей молитвой. Каждый хочет своего счастья, не понимая, что получит его за счёт несчастья соседа. Наверное, однажды Господь пошлёт всех к матери, а сам запоёт и забудет об этом мире. Может быть, такой момент уже наступил? И бесполезно суетиться, бегать, что-то решать, кого-то уговаривать. Но... «Всех пошлёт к матери», — вспомнила София собственную мысль. Может быть, Королева и есть та самая Матерь, заступница рода человеческого? Мать никогда не бросит своё дитя, как бы то ни надоедало.

Жёлтый колеблющийся свет свечей создавал ощущение незаметно подкрадывающегося вечера. Будто за окном сгустились сумерки и в доме зажгли лампы. София вспомнила уютный чердак своего детства. Маму. Вот они лежат под стареньким мохнатым пледом, и та читает маленькой Соне. Она

чувствовала тепло, окутывающее обоих, и попробовала удобнее умоститься среди навала камней. Приятно было просто сидеть, растворяясь в мерном спокойствии. Мысли куда-то разбегались, словно и им хотелось скрыться из бодрствующего сознания. Глаза слипались.

Обычно в разговоре, когда собеседник молчит, на самом деле он обдумывает слова, которые собирается сказать. Но здесь общее молчание было безмятежным, словно каждый находился в глубокой медитации.

«В такие мгновения время течёт незаметно, — подумала Соня. — Интересно, сколько мы уже здесь сидим?»

Она очнулась, почувствовав, что Раби-Йося трогает её за плечо:

— Твоя очередь.

София давно потеряла нить беседы. Что от неё хотят? Что она скажет Королеве? Ничего не скажет, потому что та и так знает её мысли и желания. А может быть, не знает? Ведь и мама не всегда разбирается в эмоциях ребёнка, его проблемах и горестях...

— Я бы хотела понимать чувства, мечты, желания всех людей на земле. Где они бывают, что любят, с кем дружат... — неожиданно даже для себя заявила София.

— Замечательно! — удовлетворённо воскликнул Раби-Йося. — Прямо-таки божественное желание. Наверняка Господу тоже приходила эта идея... Да и решение уже найдено. Каждый уже давно носит с собой приборчик со встроенной камерой, снимающей и самого человека, и то, что он видит. Ещё там есть геолокация, сообщающая, где находится владелец прибора, куда он едет, с кем встречается.

— Планшетник? — уточнил Вадим.

— Скорее мобильник — возразил Максим.

— Раби-Йося кивнул и продолжал:

— Всех уже приучили рассказывать о своих чувствах, мыслях, эмоциях. «Фейсбук», «Инстаграмм», «Живой Журнал», «Одноклассники...» Всего-то семь миллиардов друзей — и станешь богиней.

— У Бога есть страница в социальных сетях? — заинтересовался Андрей. — Хочу к нему в друзья.

— А «лайк» — это как молитва, — развеселился вдруг Вадим.

Но Раби-Йося ответил серьёзно:

— Молятся только верующие, а в социальных сетях есть все, и атеисты тоже.

— Круто Господу получить «лайк» от атеиста, — поддержала Ольга и добавила: — Вместе с Соней доступ к нашим душам получат спецслужбы всего мира.

«Ну и пусть, — подумала София. — Порядку будет больше, и мир станет безопасней».

— Нет-нет — сказала она вслух. — Я имела в виду другое. «Фейсбук» — только маленькая частичка информации. Я же хочу жить внутри всех людей Земли. Видеть их глазами, чувствовать кожей, смеяться губами. Представляете, влюбляться с миллиардами, любоваться закатом с миллионами, рожать с сотнями тысяч, умирать, рождаться...

— Фантастика, — протянул Андрей.

— Вот и нет. Уже есть компьютерные чипы, которые могут считывать пульс, состав крови, мочи, передавать информацию и диагностировать болезни. Можно узнать эмоции... Люди уже не могут без интернета и спокойно воспринимают, что информация о них уходит куда-то в виртуальное пространство. Так что моё желание вполне осуществимо.

— Ужас, — брезгливо поморщилась Ольга. — Спецслужбы будут видеть моё УЗИ и знать количество лейкоцитов.

— Конечно, — подтвердил Раби-Йося. — Я же говорил, у всего есть побочный эффект.

— Можно моё желание? — неожиданно воодушевился протрезвевший Андрей.

— Конечно.

— Я бы сказал: «Царица Небесная! Передай Господу, чтобы оставил нас в покое. Мы уж сами как-нибудь разберёмся. Главное, не трогай нас!»

Раби-Йося наклонился, вглядываясь в глаза Андрея, и негромко сказал, но София услышала:

— У тебя будет такая возможность. — Затем продолжил уже нормальным голосом: — Пойдёмте.

— Куда? — спросила Ольга.

— Провожу вас к Царице, как вы её называете, — его умные оливковые глаза сверкали, как у кошки, попавшей в луч фонаря.

— А вы можете? — удивился Вадим.

— Он может, — подтвердила София. Она была в этом уверена.

— Ну так пойдёмте, — спохватился Максим. — Время идёт, мы и так уже сидим здесь невесть сколько.

— Твоя правда, — согласился Раби-Йося. — Мы сидим здесь невесть сколько...

— Что вы хотите сказать? — почувствовал неладное Максим.

— Только что начался праздник Суккот.

— «Праздник кущей» будет больше чем через месяц, — вспомнила София.

— Время — загадочная вещь. Оно существует, если смотреть со стороны. Но если оседлать песчинку в песочных часах, время исчезнет.

— О чём вы говорите?

— Мы сидим верхом на этой песчинке.

Раби-Йося провёл рукой по шершавой поверхности камня, затем поднял сжатую ладонь вверх и медленно разжал. Крошки-пылинки посыпались вниз...

София опешила. Горячий спазм сдавил затылок. Они вошли в пещеру девятого августа, а праздник Суккот в этом году, кажется, должен быть во второй половине сентября. Рассудок отказывался верить, но что-то в глубине сознания говорило, что время действительно сыграло шутку. Неизвестно, злую или добрую.

— У меня на часах только два, — задумчиво произнёс Вадим.

— Вспомнила, праздник — восемнадцатого сентября! Эй, что это значит?

— Время — иллюзия. Психиатры утверждают, что любой сон длится минуты, но вы переживаете события, длящиеся много часов или даже дней.

— Но мы же сейчас не спим. Или спим???

— Вы вне материального мира. Здесь времени не существует.

— Как это?

Раби-Йося прищурил умные глаза:

— София, ты любишь компьютерные игры. Приключения, которые переживает персонаж, могут быть длиною в жизнь. Но

если диск с игрой лежит у тебя в столе, то время перестаёт существовать...

— Я не понимаю, о чём вы говорите! — вскричал Андрей. — Вчера был четверг... Завтра пятница... Господи, а сейчас что?

Кажется, до всех начал доходить фантастический смысл происходящего.

Ольга принялась размышлять вслух:

— Мы что, просидели здесь почти два месяца? И сами не заметили как! — Вдруг она побледнела: — Обещала своему псу, что вернусь через неделю. Максимум через две. Этот иезуит заманил нас в ловушку? — тихо, почти шёпотом произнесла девушка. И всем стало понятно, что ничего хорошего этот тон не предвещает.

«Что с ней? — подумала София. — Так переживать о скучающей собаке? Хотя, все мы — коллекция страхов и фобий, непонятных постороннему. Может быть, она взбеленилась просто от чувства собственного бессилия. Случилось то, чего она не может контролировать...

Андрей отважно погладил дрожащую от гнева руку Ольги.

— Успокойся. Нас никто не заманивал. Сами пришли.

— Ты не понимаешь. Мы проторчали здесь целую вечность.

— Он-то здесь при чём?

Все задумались, пытаясь понять, при чём здесь Раби-Йося и почему он — иезуит.

Тот тихонько сидел поджав ноги и не пытался им помочь разобраться в ситуации.

— Превращу в серую мышь, — недобро улыбаясь, сказала Ольга. Она наклонилась вперёд, словно проверяя, насколько можно сократить расстояние между ней и Раби-Йосей.

София попыталась сгладить ситуацию:

— Не обращайте внимания. Она так шутит. Не умеет она никого превращать в мышей.

— Я научилась! — зло возразила Ольга.

Уже и Вадим держал её за руку вместе с Андреем и пытался усадить.

София подумала, что девушку надо срочно успокоить. Конечно, опасности никакой нет. Надо лишь пережить несколь-

ко первых минут, пока та не остынет. И это как раз было опасно!

— Почему Царица продержала нас здесь? — вдруг громко произнёс Максим, переключая внимание на себя. — Должна же быть какая-то логика...

— Логика у греков, — неожиданно весело откликнулся Раби-Йося, — а мы в Израиле.

— Шутники здесь все. Юмористы. — Ольга оказалась очень сильной. Усадить её, даже вдвоём, пока не удавалось. Суета вокруг разбушевавшейся ведьмы усиливалась. Сейчас она казалась значительно выше, чем была на самом деле.

София, как и прочие незадействованные в потасовке, чувствовала усиливающееся беспокойство и томление духа. Тяжёлое сопение ребят и свирепеющей девушки звучали невесёлым аккомпанементом её мыслям. Зачем их обманом продержали здесь? Что же происходило сейчас в мире?

Раби-Йося по-прежнему сидел молча, склонив голову, и, казалось, внимательно разглядывал что-то под ногами.

Воздух вокруг них звенел и искрился. Наконец Ольга села. Посторонний человек и не понял бы, сколько неведомых сил было задействовано в этой непродолжительной заминке.

В наступившей тишине раздался громкий треск. Это обломился и рассыпался один из каменных сталактитов, который был вообще ни при чём.

— Так мы идём? — как ни в чём не бывало спросил Раби-Йося, досконально изучив устройство своих ботинок.

Понимая, что других вариантов нет, экспедиция быстро собралась.

— Я два месяца не ходил в туалет, — возмущённо жаловался Андрей. — Не пил спиртное, не любил женщин.

— Ты — святой, практически Иисус, выходящий из пустыни, — подтвердил Максим.

Они двинулись к выходу из пещеры. Йося шёл спереди. В свете фонариков он опять показался Соне белым кроликом, ведущим их в волшебную страну.

Она заметила, что из темноты вынырнули и пристроились за ними в хвост ещё несколько существ. Когда луч фонарика на-

правлялся в их сторону, они проворно исчезали, но стоило наступить мраку, опять послушно шлёпали в конце шествия. Соня была уверена, что в какой-то момент разглядела пару больших уток, а может быть, гусей, а может, утку и гуся. В конце концов, она перестала их разглядывать, а те закончили игру в прятки и, судя по звуку, постоянно шли в хвосте процессии. Она уже поняла, что здесь, в пещере, всё было не тем, чем казалось.

Вот уже показался выход, обнаруживший себя появившимся вдалеке светом. Кроме того, стали раздаваться звуки, которые с каждым шагом усиливались. Похоже, снаружи было шумно. Скоро можно было уже различить многочисленные голоса, музыку, крики животных.

Они вышли. Мир перед пещерой оказался совсем не тем, каким помнился.

Пустыни с одиноким шоссе теперь не было видно. На площадке перед скалой стояли яркие шатры и палатки со снедью. Между ними сновала толпа. Люди в цветастых одеждах одновременно проталкивались в разных направлениях. Одни громогласно требовали дороги, другие пытались докричаться до безучастных небес, дружелюбных продавцов, далёких и близких родственников. Кто-то весело смеялся, где-то плакали придавленные дети, торговцы хвалили товар, покупатели, напротив, ругали, пытаясь сбавить цену. Гомон стоял невообразимый. Людское море волновалось, словно назревал шторм. Пахло специями, благовониями, жареным мясом и специфическим ароматом скопления народа, не злоупотребляющего средствами гигиены.

София взглянула на палатку рядом, откуда в ноздри назойливо лез запах сдобы и ванили. Там торговали сладостями. Рот наполнился слюной. Мозг наконец сообщил телу страшную новость: «Оказывается, мы долго голодали». — «Как! Это ужасно! Я что-то пропустил?!!» — истошно завопил желудок. Сразу захотелось шоколада, ещё лучше с орехами. И изюма. И фруктов в сахаре. И кофе с печенькой. «Возьми меня! Я хороший», — просил рогалик, щедро осыпанный сахарной пудрой. Нечто шоколадно-поджаристое в хрустящей золотистой корочке горячо шептало: «Я вся в меду. Лизни хоть разок».

Она услышала крик Раби-Йоси — тот орал, пытаясь заглушить шум толпы:

— Моя миссия кончена! Здесь вы встретитесь с патриархами и Королевой. Ухожу...

— Вы куда? — прокричала в ответ София.

— На автобус. Мне надо встретиться со своими учениками. Праздник начался...

Он сделал несколько шагов и сразу затерялся среди снующих тел.

Трудно сосредоточиться, если ты стоишь среди давки, где тебя непрерывно толкают со всех сторон. София прошла пару шагов и оказалась прижата к колючему и пыльному ковру, явно грубой выделки. Ковёр развернулся и оказался верблюдом. Он с интересом оглядел девушку. Но высказать своё мнение не успел, поскольку кто-то бесцеремонно потащил его в просвет, на секунду возникший в толпе. Последним место встречи покинул хвост, каждый сантиметр которого, включая облезлый кончик, показывал презрение к миру, где тебя запросто могут оторвать от столь перспективно завязавшегося знакомства.

Теперь перед ней стоял малый в цветастом халате и что-то настойчиво предлагал. Это «что-то» пряталось в дебрях его одежды, и София решила туда не заглядывать. Вдруг там будет именно то, о чём она подумала? Парень продолжал убеждать, но в царящем вокруг шуме его красноречие было потрачено впустую.

София оглянулась, испугавшись потерять спутников. Но те стояли рядом. На всякий случай ухватила за руку Максима.

— Я хочу есть. Купи булочку.

— Конечно.

Похоже, остальные тоже почувствовали голод. Чтобы не толкаться всем, в экспедицию за снедью до ближайшей палатки отправили мужчин. Те вернулись нагруженные добычей. Стоя, балансируя в толпе, есть неудобно. Но очень вкусно.

София с сожалением заглянула в опустевший бумажный пакет, вытерла липкие от мёда и сахара пальцы и толкнула Максима, указывая вверх. Там, прямо над толпой, возвышался красочный шатёр, на котором яркими буквами было написано: «Цирк Звёзд». Оттуда лилась громкая музыка.

Пробраться вперёд было почти невозможно. Решили двигаться вдоль скалы, в тылах торговых рядов. Здесь разукрашенные спереди палатки прятали свои бытовые тайны, стояли деревянные ящики, валялись кипы обёрточной бумаги, баки с отходами и мусором. Торговцы с подозрением оглядывались на них, полагая, что только злоумышленники шныряют по задворкам. Довольно скоро оказались на отшибе и обнаружили свой джип, который стоял там, где его оставили. Но теперь он был изрядно запылён. Как будто стоял здесь очень давно, что, в общем-то, так и было.

Джип служил барьером для базара. За машиной начиналось странное поселение, состоящее из тысяч домиков-шалашей, сложенных из веток. Горели костры. Там сидели и взрослые и дети, словно все вокруг вдруг решили поиграть в индейцев. Рядом, опять-таки отмечая границу столпотворения, высилась задняя часть циркового шатра.

Если не взрезать плотную ткань, а входить более традиционным способом, то без плавания по людскому океану всё же не обойтись. Ледоколом впереди шёл Вадим. За ним Максим. София старалась топать след в след. Сзади пыхтел Андрей с Ольгой. Через пятнадцать минут однообразных «извините» и «разрешите пройти» упёрлись в клетку со львом, с виду вполне обычным. Но она-то знала, что тот притворялся.

Вокруг клетки толпа освободила площадку, по которой ходил мужик на ходулях и громко кричал:

— Представление вот-вот начнётся. Вас ждут все наши звёзды и наше главное светило — Королева. Спешите!!!

София сжала виски руками. Всё происходило так быстро. Если бы у неё было время подумать.

— Слышите, что кричит тот клоун? Нас в цирке ждёт Королева!

Теперь идти было легче, поскольку все двигались в одном направлении — ко входу. Человек, одетый в чёрный костюм и цилиндр, осмотрел компанию, потом кивнул головой. София с изумлением увидела, что откуда-то сверху спустились огромные выпученные глаза и костяной клюв с зажатыми картонными квадратиками. Страус!!! Какой огромный!

Клюв раскрылся, и каждый взял свой билет. «Начинаются чудеса», — поняла девушка.

— Цирк! — громко восхищался Андрей. — Сто лет не был.

Рассаживались в полумраке, царившем внутри. Только они устроились, засияли огни арены, запели трубы, вспыхнули факелы. Представление началось.

Первым выступал метатель ножей, которого представили как Авраама. Он почти мгновенно кидал несколько остро отточенных кинжалов в привязанного к деревянному щиту симпатичного парня. Ножи с хрустом втыкались рядом с телом.

С каждым разом Авраам отступал на полшага, пока между ним и жертвой не оказалось более десятка метров. Остался последний нож. Музыка затихла, тревожно звучала барабанная дробь. Аврааму завязали глаза. Потом он несколько раз быстро крутанулся на месте и приготовился к броску. Но, похоже, во время поворота всё же несколько потерял ориентацию. В позе метателя ощущалась некоторая неуверенность. Он поворачивал голову с завязанными глазами, словно пытался разглядеть жертву.

София с ужасом подумала, что сейчас они станут свидетелями убийства.

Но что это? Пока Авраам неуверенно готовился, две девушки-ассистентки быстро отвязали отрока и поставили на его место белоснежного ягнёнка. Ягнёнок заблеял. Это был сигнал. Авраам метнул нож на звук. Тот воткнулся в сантиметре над головой животного. Зал выдохнул. Заиграла бравурная музыка. Артист снял повязку и поклонился. Все рукоплескали.

Следующим номером выступал Иаков — эквилибрист. Он поставил небольшую лесенку на арену, легко поднялся по ней и вставил в верхние концы новый лестничный марш. Опять забрался наверх. Ему передали с арены следующую часть. Опять укрепив её, Иаков полез вверх. Раз за разом, поднимаясь всё выше, он оказался под куполом цирка, искусно балансируя на свободно стоящей лестнице. Вокруг него появились искусно подсвеченные облака. Там на невидимых канатах летали, словно ангелы, девушки-акробаты, они трубили в трубы и приветствовали Иакова. Затем облака поглотили артистов. Свет погас.

Когда свет зажёгся снова, сцена была пуста. Но теперь она выглядела словно пустыня, засыпанная барханами с песком.

Ведущий объявил: «Моисей, знаменитый фокусник-иллюзионист, со своим бессменным ассистентом Аароном».

Появилась колоритная пара. Моисей, представительный старец в пышных парчовых одеждах, держащий в руке огромный, причудливо разукрашенный посох, и Аарон — крепкий бородач в белой тунике. Моисей взмахнул рукой, и посох превратился в огромную змею, которая, упав на землю, уползла вглубь песчаных барханов.

Зал замер. Но это было только начало. Следующий взмах руки — и часть арены вдруг оказалась водоёмом. По нему плавали белоснежные уточка и гусь — возможно, те самые, которых она видела в пещере.

Артист поднял руки, и вода расступилась. Теперь уточка плавала в одной части, а гусь — в другой. Между ними оказалась дорога, по которой Аарон неторопливо прогулялся. Затем воды сомкнулись, к радости плавающих птиц, которые горько переживали разлуку и теперь нежно ласкали друг друга клювами.

Зал гремел от оваций.

— Интересный цирк! — крикнула София в ухо Максима.

Тот только кивнул, увлечённый зрелищем.

А на сцене продолжали твориться чудеса. Вот в пустыне вырос огромный куст, затем на нём появились почки, которые превратились в листья; раскрылись сказочные бутоны неизвестных цветов. Вдруг куст охватило пламя. Уточка с гусем испуганно метнулись в зал и, к восторгу публики, устроились в первом ряду у кого-то на руках. Горящий куст исчез.

Теперь Моисей работал под несмолкающие аплодисменты. Он простёр руки вверх, и прямо над головой зрителей из воздуха появился водопад, который обрушивался в водоём на арене.

Затем вместо водопада в воздухе появились какие-то белые точки. Они медленно падали в зал, словно большие снежинки. Люди ловили их руками. Соня тоже поймала загадочный летающий объект, который оказался маленькой сладкой булочкой.

Артисты раскланялись.

Аплодировали с набитыми ртами, поскольку булочки оказались воздушными и очень вкусными.

Опять погас свет.

В темноте в луче красного света появился ведущий, который терпеливо переждал несмолкающие аплодисменты. Затем, когда зал затих, выкрикнул:

— Любимец публики, акробат и жонглёр — И-О-СИФ!!!

Красавец Иосиф появился на сцене в блестящем трико, подчёркивающем его великолепную фигуру. Со стороны женской половины зала раздался мечтательный стон.

Он действительно показывал чудеса невероятной ловкости. Его пируэты, гибкость и умение одновременно жонглировать разнообразными предметами вызвали заслуженный восторг.

«А теперь, — объявил ведущий, — борец Давид пригласит на бой любого силача из зала. Смелее. Есть в зале богатыри?»

На сцену между тем вышло десяток юношей в костюмах воинов. Они построились по периметру арены, оставив свободным центр. Под звуки фанфар в луче яркого золотого света появился Давид в набедренной повязке. Точёные мышцы рельефно перекатывались под кожей. Женская часть зала уже визжала от восторга.

«Кто хочет сразиться? — кричал между тем ведущий. — Всего один бой. Победитель получит приз — тысячу долларов».

Последний аргумент сработал. В зале появилась суета, и на сцену принялся пробираться могучий мужчина, похожий на косматого медведя. Когда он вышел на арену, то оказался просто огромным. Настоящий великан около двух метров ростом. Рядом с ним Давид казался хрупким мальчиком.

Мужчина скинул рубашку. В первый момент Софии показалось, что рубашка была надета на шубу. Потом разглядела, что тело мужчины покрыто густыми чёрными волосами.

Музыка стихла. В зале повисла тишина. Борцы кружились друг вокруг друга, полусогнувшись и вытянув руки вперёд. Чувствовалось, что незнакомец совсем не новичок в вопросах боя.

Наконец, мужчина сделал бросок навстречу Давиду. Тот легко ускользнул в сторону. Раз за разом сцена повторялась: великан пытался поймать юношу в мощные смертоносные объятия,

но тот каким-то чудом выскальзывал. Накал боя даже как-то поутих. В публике стали кричать, подбадривая борцов и призывая их к более активным действиям. Но вдруг в очередной раз, когда мужчина бросился на него, Давид не стал выскальзывать. Он проворно потянул противника на себя и вдруг мгновенным движением перекатился на спину, подставив под великана ноги. Тот, не в силах остановить своё мощное движение вперёд, пролетел над Давидом и, перевернувшись в воздухе, грохнулся спиной на арену. Шатёр содрогнулся. Давид проворно вскочил и поставил ногу на поверженного врага. Тот с трудом поднялся. Противники пожали друг другу руки.

Казалось, аплодисментам не будет конца.

Раз за разом Давиду приходилось выходить на поклон.

Наконец публика успокоилась.

— Теперь главный номер нашей программы! — ещё более восторженно объявил ведущий. — Наша Королева! Нам нужен один доброволец из зала, — добавил он.

— Я пойду, — неожиданно объявил Андрей и резво зашагал по проходу. Когда он уже почти дошёл до манежа, свет погас. София напряглась. Она подумала, что вся логика событий последних дней подвела их к этому моменту. И сейчас произойдёт то, ради чего они рисковали собой, убивали других, тратили деньги налогоплательщиков, наконец...

Свет всё не зажигался. Пауза затягивалась. Темнота сгустилась, да и тишина вокруг стояла какая-то странная. Время отсчитывало лишь удары сердца. Соне вдруг показалось, что она опять во мраке пещеры, а совсем не в цирковом шатре. Исчезли разнообразные запахи, присущие скоплению людей, вновь веяло прохладой и пахло сухой пылью. Она попыталась повернуться к Максиму, но вдруг поняла, что тело не слушается. Вокруг никого не было, лишь чёрная бездна, затягивающая в свои глубины, словно в бесконечный крутящийся водоворот.

ГЛАВА 6.

В КОТОРОЙ РАССКАЗЫВАЕТСЯ, КАК СОНЯ ДАВНЫМ-ДАВНО СЛУЖИЛА В АРМИИ

Взрыв на дискотеке «Дольфи» оставил в душе девушки рану, которая продолжала ныть. Особенно в плохую погоду, когда безумный юго-западный ветер тащил из далёких египетских пустынь грязно-жёлтую взвесь песка, стеной надвигавшуюся с моря. Окружающий мир оказался совсем не добрым. Зло таилось повсюду: в жутких телевизионных новостях, в разговорах взрослых, в газетах.

У мамы обнаружилась опухоль, и надо было делать операцию. Папа приходил с работы раздражённый. Компания, где он работал ведущим специалистом холодильных систем, оказалась втянута в какой-то скандал, и теперь доставалось всем. Он и раньше мало общался с дочкой, а теперь совсем замкнулся в своих проблемах. Соседи собирались уезжать в Америку и, оправдывая себя, ругали Израиль. Они считали, что страна погрязла в религиозном идиотизме, коррупции, в сговоре с арабами и давно растеряла чистые идеалы первых переселенцев. В школе было скучно, сверстников словно подменили. Вчерашние подруги ревновали друг друга к мальчикам. Теперь стало нормой дружить «против кого-либо», попутно рассказывая небылицы обо всех.

Спокойно было только в виртуальном мире, где жили друзья, которые любили Соню.

Там не существовало сплетен, и всё казалось безопасным и справедливым. Добро в конце всегда побеждало зло. Надо только чуть подождать этого конца.

И там она встретила Стива, высокого, красивого сильного, с прищуренными, словно от улыбки глазами.

Он был старше Сони и чем-то напоминал отца, если стереть с лица того постоянную озабоченность налоговыми проверками, выпрямить согнутый непосильными заботами позвоночник и добавить десяток-другой килограмм рельефных мышц. Но больше всего Соне нравились глаза нового друга — умные глаза мужчины, который знает о мире много разного. Но готов относиться ко всему снисходительно, потому что кто из нас без греха... Ещё он понимал, что Соня маленькая, хрупкая, и её надо защищать.

Первый раз она встретила Стива во сне. В страшном кошмаре, где горели небоскрёбы и кричали от страдания люди. Всё виделось в бордовом тумане, словно таинственный оператор закрыл стекло камеры фильтром.

— Красный цвет — это тот же прозрачно-белый, только обильно политый кровью, — услышала она объяснения невидимого оператора неизвестно кому.

Соня знала, что сейчас здания начнут падать прямо на неё. Но сил бежать не было. Как всегда бывает в кошмарах, каждый шаг давался с неимоверным трудом, словно ноги были стянуты резиной.

И тут появился Стив. Он легко поднял Соню на руки и понёс прочь от этих криков, грохота и воя.

Скоро картинка поменялась. Они оказались среди скал у небольшого озерка, питаемого журчащим ручейком, текущим в расщелине. Там была прозрачная вода, и даже на расстоянии чувствовалось, какая она холодная. Стив зачерпнул горсть и умыл ей лицо. Оператор поменял фильтр на светло-золотистый. Мир сверкал и искрился, каждая капелька отражалась солнечной искрой. Птицы пели, кузнечики сверчали.

— Не бойся. Мир не так плох, — тихо сказал Стив.

— Ты не дашь меня в обиду?

— Никогда. Обещаю! — последовал негромкий ответ.

Это был последний ночной кошмар. Страшные сны кончились, но Стив остался. Теперь он стал приходить к Соне и днём. Они гуляли к морю, туда, где дремали руины древней Кейсарии. Лучшее время для прогулок было после пяти часов, когда накопившее опыта вечернее солнце мягко ласкало кожу, а не вцеплялось с ненасытной страстью подростка.

Ветерок перебирал Сонины кудри, а старые камни крепости нежились в прощальном тепле, словно пенсионеры, лениво приглядывающие за прохожими.

Как-то новый друг предложил Соне поехать в Тель-Авив. На автобусе туда было около сорока минут езды.

— Что бы ты хотела посмотреть? — голос мужчины звучал мягко, почти нежно.

Соня задумалась. Решение пришло само.

— Я хочу в зоопарк, — немного смущённо сказала она, чувствуя, что у взрослой девушки обычно бывают другие интересы. Но знала: сейчас можно быть собой, не притворяться и не кокетничать.

Она всегда мечтала сходить в зоопарк с отцом, но тот был вечно занят. В конце концов, пришлось поехать с подругами и с завистью смотреть на девочек, которых держали за руку папы. «У каждого ребёнка в жизни должен быть зоопарк, куда его приводит именно отец», — подумала тогда Соня.

И вот она шла со взрослым мужчиной, взявшись за руки, по аллеям зоологического сада. Мороженое, которое он купил, пахло клубникой и было розовое, кислое. Язык щипало, когда она слизывала оплывающую по бокам вафельного стаканчика ароматную массу. Почти непрерывно смеялась, поскольку Стив всё время говорил что-то забавное. Но, возможно, она смеялась даже если бы он молчал. И было плевать, что некоторые прохожие оглядывались на странную девушку, которая шла в одиночестве, счастливо улыбаясь и хохоча.

Потом они купили шоколадную плюшку и кормили страуса. Тот, видимо, любил сладкое. Булочку съел и требовал ещё, пы-

таясь дотянуться клювом до Сониных рук. Он вытянул свою длинную шею в струнку и укоризненно покачал головой, когда Соня показала пустые ладони.

На специальной машинке они прокатились по дороге, идущей через саванну, где жили львы. Львы спали рыжими замшевыми холмиками. Лишь одна из львиц, возможно, назначенная дежурной, подняла голову при их приближении. Она проводила машину внимательным взглядом и, не найдя ничего подозрительного, вновь прикорнула.

Потом увидели медвежонка. Тот был маленький, грустный и сидел за стеклом. Прозрачная преграда отделяла переднюю часть вольера от зрителей. Наверное, это было сделано, чтобы посетители не просовывали руки сквозь решётку и не кормили малыша. Медвежонок прижимался к стеклу, тёрся об него спиной.

«Он хочет, чтобы его погладили, — поняла Соня. — Наверное, его никогда не ласкали ни мама, ни папа».

Медвежонок встал на задние лапки и, слегка покачиваясь, смотрел на девочку тёмными бусинками своих глаз. Они оказались почти одного роста.

— Тебе одиноко? — спросила Соня.

Медвежонок кивнул.

Соне стало обидно до слёз, что кто-то в этом мире продолжал быть один. Она отпустила руку Стива и попыталась погладить мохнатую лапу через стекло. Стекло было шершавое, пыльное и неживое.

— Ты тоже хочешь прижаться к папе? Тоже хочешь, чтобы он угостил тебя мороженым?

Медвежонок молчал, но Соня поняла ответ и без слов.

— Хочу, чтобы у него появился папа, — попросила девушка вселенную. Она сделала это так естественно, что сама не поняла, что произошло. Лишь почувствовала, что вселенная склонила голову в ответ.

Неожиданно в клетке появилась какая-то тень. Очень большая и бурая. Тень опустилась на четыре лапы и оказалась огромным медведем, которого никто из посетителей не заметил. Кроме Сони и, что было невероятно, маленького медвежонка.

Он отпрянул от стекла и с изумлением смотрел на огромного незнакомца. Тот опустил свою мощную косматую голову и лизнул малыша в нос. Медвежонок шлёпнулся на попу, смешно выставив вперёд лапки. Огромный медведь шагнул к нему и что-то шепнул на ухо. И Соне показалось, что они засмеялись, так же счастливо, как и она.

— Пойдём, — шепнула девочка Стиву. — Не будем им мешать.

Они отошли от клетки, где медвежонок укладывался спать, впервые в жизни прижавшись спиной к тёплому и такому надёжному телу отца, которого кроме него никто не видел. Но он-то этого не знал и был совершенно счастлив.

Потом они прошли на площадку сурикатов. Симпатичные маленькие зверьки с огромными умными, словно подведёнными тушью, глазами, кошачьей мордочкой и чёрными, прижатыми к голове ушками были похожи на детские игрушки. Хотелось их погладить, ведь песочного цвета шкурка наверняка мягкая и пушистая. Мамы-сурикаты о чём-то переговаривались, папы, вытянувшись в столбики, наблюдали за порядком на вверенной территории, детёныши играли и бесились. Среди каменистых холмиков пустыни с редкими былинками серой травы виднелись норки. Иногда из глубины чёрной дыры появлялся блестящий носик и горящие глазки, затем, убедившись, что опасности нет, зверёк оказывался снаружи и сразу вставал на задние лапки, придерживая себя хвостиком. Обменивался кивками с соседями: «Добрый день». — «И вам не хворать». — «Как семья? Жена, детишки?» — «Слава богу! Все здоровы». — «Сегодня отличная погода». — «Как всегда! Просто замечательная! Сухая жара и ни капли дождя».

Зверьки были счастливы в этом мире, считали его своим, поскольку жили и рождались именно тут. Но на самом деле безмятежный мир пустыни был рукотворным. Песок и камни лежали на бетонной плите. Под ней были устроены туннели в человеческий рост для посетителей зоопарка. Там можно было пройти и, высунув голову в купол из зеркального затемнённого пластика, оказаться прямо в толпе ничего не подозревающих зверушек. Они не боялись разбросанных в пустыне тёмных по-

лусфер, поскольку те стояли здесь всегда, с сотворения мира, безопасные и несъедобные.

Соня тоже просунула голову и обнаружила рядом с собой суслика, который смотрел сквозь стекло прямо на неё. Зверёк подошёл поближе. У него была золотистая шёрстка, остренькая мордочка и чёрненькие глазки-бусинки. Он был совсем рядом с Соней, лицом к лицу. Обнюхал поверхность купола и вновь застыл, пытаясь разглядеть что-то невидимое в его глубине. Затем отошёл, присоединившись к сородичам.

«Так и мы, — подумала Соня. — Бог где-то рядом, смотрит на нас. Наверное, есть люди, которые чувствуют этот взгляд. Пытаются заглянуть в темноту таинственной сферы. Что будет, если кто-то вдруг разобьёт купол и лицом к лицу столкнётся с Богом? Или хотя бы просто догадается, что за пластиком кто-то есть, просверлит дырку и крикнет туда, в загадочную темноту, чтобы принесли сладкой моркови? Может быть, на земле есть такие же места, где другой мир совсем рядом?»

Вечерним автобусом они возвращались домой. За окном мелькали огни автострады. Соня прижалась к Стиву, положила голову на плечо. Почему дети ищут любви папы? Почему в Библии говорится, что надо идти на страдание, чтобы заслужить любовь Отца? Даже Иисус чувствовал себя покинутым им. Почему мама всегда рядом, у креста своего ребёнка, а тот зовёт Отца? Может быть, здесь какая-то вселенская тайна? И всё покинутое человечество ищет Его любви?..

Соня заснула.

Время — лучший врач. Ужас, пережитый в августе, забывался. Она вновь шутила с соседями, которые так и не уехали в Америку, стала пользоваться авторитетом у подруг в школе. Те интуитивно чувствовали в ней какую-то женскую тайну и были убеждены, что у Сони есть тщательно скрываемый взрослый любовник. Она отнесла золотистые пахучие апельсины в больницу к маме, которой сделали удачную операцию. Забывшись, как-то не так поцеловала папу на ночь, отчего тот перестал ходить дома в трусах и смотрел на дочь удивлённым взглядом человека, обнаружившего, что, пока он отделял зёрна от плевел, на кухне приготовили прожаренный стейк.

А потом отец отложил свои сверхважные дела. Он купил билеты в театр и после спектакля посидел с дочкой в уютном ресторане на набережной Яффы.

В восемнадцать лет, как и положено всем гражданам Израиля, Соня пошла в армию.

В Израиле все живут на передовой. Линии фронта проходят повсеместно — не только по границам государства, но и по шоссе, отделяющем арабскую деревню от еврейской, или по углу дома, отделяющего один квартал от другого. К этому привыкли и не драматизируют ситуацию. Скорее, наоборот, живут весело, постоянно что-то празднуя.

Вот и уход в армию — праздник. А слёзы на глазах — они так, от счастья.

Честно говоря, Соня очень хотела служить.

Армия обороны Израиля не похожа ни на одну армию мира. Молодые парни и девушки служат вместе. Каждую пятницу новобранцы едут на побывку домой. Или родители могут приезжать по субботам к своим детям. Да и война здесь совсем не учебная. Получается, что вся маленькая страна — фронтовые друзья или подруги.

Шекспир не написал романа о любви на передовой. Если бы Ромео и Джульетта служили в одном батальоне, их история была бы другой. Вряд ли бы они умерли от яда. Умереть — не доблесть. Героизм — жить. Так учат в этой странной армии.

Соню зачислили в элитное подразделение внешней разведки. Здесь оказались собраны лучшие программисты страны, задачей которых было создать самый совершенный в мире электронный шпионаж за потенциальным противником. Показалось, что попала в обычный научно-исследовательский центр, где, в силу интересной работы, зачастую приходилось оставаться на ночь. Казармы практически не отличались от двухместных номеров гостиниц.

В задачу девушки входило создание компьютерной программы, способной самостоятельно выделить среди сотен миллионов телефонных разговоров закодированные переговоры террористов.

Традиционные поисковики реагировали на ключевые слова — вроде «оружие», «взрывчатка», «смерть», «неверные» и прочих. Но эти слова всем давно известны, и никакой уважающий себя преступник не будет их употреблять. Современные террористы говорят так, чтобы их разговор внешне был похож на беседу обычных граждан. Как отличить абсолютно нейтральный разговор убийцы от такой же беседы обычного человека?

Довольно скоро Соня придумала алгоритм решения.

«В чём особенность телефонных переговоров преступников? — думала она. — В интонации, пожалуй, но это не главное. Все люди имеют слишком разную эмоциональность. Для одного плохая погода и невозможность похода на пляж — трагедия. Другой к смерти знакомого отнесётся внешне вполне спокойно».

Соня прослушала сотни телефонных разговоров и наконец заметила принципиальное отличие. В переговорах обычных людей всегда больше деталей. Например, если террорист передаёт сообщение, замаскированное под заурядный разговор, он скажет: «Бабушка заболела и срочно просит тебя приехать». Может даже уточнить, куда именно надо приехать, но никогда не будет расцвечивать разговор мелкими незначительными деталями. Например, «у неё температура, она кашляет. Врачи сделали анализы. Как будто бы просто грипп. Но ты же знаешь этих врачей. У них сегодня одно, завтра другое. Помнишь, маме тоже ставили грипп? Потом оказалась пневмония...». И так далее, и тому подобное. Террорист никогда не будет затягивать разговор — это опасно. Чем дольше переговоры, тем больше вероятность, что будет вычислено место, откуда они ведутся.

Также он не должен запутывать собеседника деталями, не относящимися к делу. Поэтому их разговоры короткие и по существу. Другое дело — телефонные беседы словоохотливых израильских граждан. Конечно, следует учесть, что у кого-то садится батарейка, он торопится или просто не расположен болтать. Но все эти факторы, как правило, находят отражение в беседе.

Для того, чтобы учесть эти и другие детали, София сначала создала алгоритм, сравнивающий переговоры террористов

и обычных граждан. Компьютер отслеживал различия в длительности, количестве уточняющих слов, междометий и определений. Затем, используя полученные закономерности, она написала программу «Любопытная соседка». Теперь машина могла почти мгновенно выявлять разговоры террористов. Вероятность успеха составляла более девяноста процентов. Через полгода службы в армии София представила результат армейскому начальству.

Презентация произвела фурор.

Ещё через два месяца София познакомилась с баронессой Селин Вальмонт.

Руководитель их части, генерал, которого все звали просто Моша, представил их друг другу. Беседа проходила в гостевой комнате.

После нескольких дежурных вежливых фраз генерал вышел, оставив их наедине.

— Твоя новая программа великолепна, — начала беседу мадам Вальмонт.

Соня молчала, разглядывая эффектную, ухоженную даму, пытаясь понять, чем обернётся эта встреча. Короткие, платиновые, гладко уложенные волосы, правильные черты лица, умные глаза с зелёным отблеском, как у пантеры. Нос, пожалуй, чуть великоват, а брови словно ненастоящие. Ни морщинки, ни прыщика — как такое может быть? Сколько же ей лет? Тридцать пять? Сорок? Пятьдесят? Говорят, по коже рук можно определить возраст женщины. Соня незаметно перевела взгляд и обнаружила, что гладкие пальцы с розовыми ногтями и тыльная сторона ладоней собеседницы не говорят о прошедших годах. Зато наличие нескольких свежих царапин красноречиво сообщало... Что? Элементарно, Ватсон. У дамы живёт злая кошка, которую та обожает, потому что до сих пор не убила.

— Ты очень талантлива, — ласково добавила женщина.

— Вы говорите о «Любопытной соседке» или компьютерных играх? — уточнила польщённая Соня.

— Не только. Я говорю о твоей способности чувствовать иной мир.

Соня опешила. В глубине души она знала, что рано или поздно найдётся человек, разгадавший её тайну. И боялась этого. Вдруг поместят в больницу и начнут лечить? И сейчас за дверью прячутся санитары, которые только ждут сигнала.

«Главное, не подать вида, что напугана. Спрятать глаза, унять дрожь в пальцах. Кажется, на лбу появилась предательская испарина. Заметно ли? Почему она так смотрит? Я так просто не сдамся...»

Неожиданно рядом со столом появился новый персонаж. Он сидел на полу, потому что иначе бы не поместился в комнате. Гигантская чёрная горилла с доброй мордой, огромными клыками и блестящими, очень человеческими глазами. Зверь посмотрел на Соню, дружески кивнул, затем перевёл взгляд на баронессу и сделал красноречивый жест рукой по горлу. И вновь вопросительно взглянул на девушку.

«Господи! Только этого не хватало. Не будем менять диагнозы. Я нормальная шизофреничка, а не какой-нибудь сумасшедший параноик».

Соня неловко повернулась боком, сделала вид, что закашлялась, прикрыла рот ладонью и строго шепнула, обращаясь к огромной обезьяне:

— Уходи.

«Кинг-Конг» разочарованно треснул себя лапами по груди, так, что гул пошёл по комнате, и исчез.

Загадочная женщина с интересом смотрела на все эти манипуляции, переводя взгляд с Сони на место, где только что сидело чудовище. На её красивых, слегка подкрашенных розовой помадой губах дрогнула улыбка. Глаза смеялись. Но в лице не было ни страха, ни насмешки. Скорее, она наслаждалась ситуацией.

Неужели она видела потустороннего гостя? Не может быть!

Вдруг та произнесла:

— Реальный и потусторонний мир разделены не чертой, а пунктиром, сквозь который они смешиваются. То, что образовывается в зоне контакта, удивляет обитателей обоих миров, а ты словно живёшь на разделительной полосе.

Соня молчала, пытаясь понять, кто её странная гостья. Вроде бы не похожа на врача из психушки.

Собеседница продолжала:

— Ты умеешь говорить с Вселенной, и она слушает тебя. Мало кого она слушает. Уж не говорю про ангелов, с которым ты общаешься ежедневно.

— Вы полагаете, что я общаюсь с ангелами? — Соня аккуратно сформулировала вопрос, так, чтобы в нём не было ни подтверждения, ни отрицания. Она почувствовала интерес к гостье. Нет, явно не главврач больницы.

— Когда-то у меня был хороший друг, — задумчиво произнесла женщина. — Великий мистик, каббалист, философ. Его звали Израэль Регарди. Однажды мы сидели в уютном кафе «Де Маго» на площади Сен-Жермен, пили анисовый ликёр, разбавляя водой. Ты любишь Париж?

— Конечно, — сказала Соня. Но тут же решила уточнить: — Хотя никогда не была.

— Ещё побываешь. Обещаю, — баронесса мечтательно закрыла глаза, предаваясь воспоминаниям. Потом продолжила: — Тут как раз принесли газеты. Сообщалось, что ваша страна выиграла войну, которую назвали «Шестидневной». Все возбуждённо заговорили. Какой-то посетитель, страшно худой, с огромным носом, кричал, что Израилю помогали дьявольские силы. А старушка в смешной шляпке, сидящая за соседним столиком, возразила, что скорее ангельские. Тут мой друг сказал: «Каждый видит лишь то, что его разум способен принять».

— Этот человек работает в вашей фирме?

— Он умер, лет двадцать назад.

София быстро произвела расчёты. Сколько же ей лет? Неужели больше шестидесяти?

Тёмные густые ресницы собеседницы дрогнули, глаза широко открылись. В глубине изумрудных зрачков жила вечность. Искорками сияли звёзды, играли солнечные зайчики, луна целовалась с солнцем. А ещё там отразилась Соня, а может быть, сказочная девочка Алиса, которая сейчас ступит в зазеркалье радужной оболочки чужих глаз.

— Когда ты была маленькая, ангелы казались персонажами сказок, потом выросла, и твои гости стали взрослее. Но всё, что ты видишь, — действительно существует, только не принадле-

жит нашему миру, нашей реальности. И ты здорова, никакой шизофрении нет и в помине.

Соня замерла. Она всегда знала, что не больна. И была права. Наверное, так чувствует себя человек, который подозревал, что его утренний кашель — признак рака лёгких. Но потом появился друг и сказал, что надо просто поменять подушку. В старой могут жить микроскопические клещики, вызывающие аллергию. Подушку сменили, и кашель исчез.

Вот это да! Как здорово! Ей показалось, что в комнате замечательный воздух: пахло лесом, весенними ландышами. Наверное, это духи новой знакомой. Какой замечательный запах! Надо будет спросить название. Страх растаял, будто его и не было вовсе. Баронесса молчала, давая девушке разобраться в своих чувствах. Прошло, наверное, минуты три, пока Соня не сообразила спросить:

— Откуда вы это всё знаете?

— Моя организация ищет гениальных детей. В мире ежедневно рождается триста шестьдесят тысяч младенцев. И за всеми наблюдают. Если ребёнок начинает быть необычным, внимание усиливается. Таких, как ты, сейчас в мире всего пятьдесят.

София потёрла переносицу. Надо же было что-то делать. Теперь отчаянно зачесалось между лопаток. Прижалась к стулу и поелозила. Движения успокаивали. Хотелось вскочить и выдать какое-нибудь коленце, сплясать рок-н-ролл, что ли...

— Ты выросла и стала настоящим компьютерным гением.

— Спасибо, — чуть слышно прошептала девушка, пытаясь сдержать порывы тела и постичь размах организации, следящей за всеми необычными детьми.

— Хочу попросить тебе сделать одно исследование. На первый взгляд, оно не связано с армейскими задачами, но это не так...

— Что это?

— Новая компьютерная программа.

— Это я умею, — скромно согласилась Соня. Кажется, нервы приходили в порядок.

— Да, но такой программы ты ещё не делала. И никто не делал... — Вдруг баронесса поменяла тему, задав неожиданный

вопрос: — Знаешь, какое самое невероятное открытие сделала наша наука за последние сто лет?

— Может быть, ядерные реакции? — рискнула предположить Соня. Ей показалось, что тон собеседницы стал более мягким, словно она разговаривала с давней знакомой.

— Нет. Самое невероятное — это заявление ведущих физиков, что невозможно объяснить, почему стабильно существует материя.

— Как это?

— Вся наша вселенная висит на волоске, можно сказать, на «честном слове», и может разрушиться в секунды. Оказалось, что любой атом способен без видимой причины распасться. Это относится ко всему: и живому, и неживому.

— Почему же этого не происходит? — изумлённо спросила Соня. Она никогда не слышала о таком.

— Вот это и есть то невероятное открытие, о котором я говорю. Последние исследования в области физики доказали, что существует нечто, стабилизирующее нашу огромную Вселенную. Чья-то мощная воля держит всю неопределённую и непредсказуемую материю. Между прочим, это относится и к нам, людям.

— Я что-то подобное читала про квантовую физику, — девушка поняла направление мысли собеседницы. — Точно, вспомнила. Учёные утверждали, что за нашей вселенной кто-то приглядывает. И только это «наблюдающее» сознание способно из хаоса создать реальность. Честно говоря, не очень поняла суть, но подумала, что, в принципе, такое утверждение — доказательство существования Бога.

Баронесса одобрительно посмотрела и, улыбаясь, продолжила:

— Ты очень точно выразила главное. Современная наука считает, что вселенная — это не столько гигантская материя, сколько гигантская мысль, ежесекундно создающая реальность.

Соня замялась, а потом всё же сказала:

— Изображение на экране компьютера — тоже результат чьей-то воли. Компьютерная игра существует, пока работает программа, имеющая своего создателя.

— Точно. Мы плавно перешли к твоей епархии. Я хочу, чтобы ты взломала программу самого Бога.

Девушка опешила. Вот как! Не сидеть ли им с баронессой в одной палате? Это бы многое объясняло. Хотя собеседницу представил генерал... Вряд ли бы он притащил на встречу сумасшедшую, встреченную на трамвайной остановке: «Эй, мужчина! Вы кто, простите? Ах, генерал? А я — баронесса. Будем знакомы. Давно хотела спросить: есть ли в армии хорошие программисты? А очень хорошие? И в Господа Всемогущего, Творца Неба и Земли, веруете? Как всё удачно складывается...» Но если собеседница не с улицы? Значит, всё, что она говорит, — правда. Или почти правда?..

— А Бог позволит?

— Вот мы и попробуем. Ты знакома с астрологией?

— Представляю немного, — кивнула головой Соня.

— Хорошо. Наша вселенная — единый организм. Все знают, что картина звёздного неба влияет на реальность Земли.

Соня опять кивнула, подумав, что когда разговариваешь с этой женщиной, тоже попадаешь под её влияние и становишься болванчиком, которому только и остаётся непрерывно кивать головой.

Баронесса Селин Вальмонт продолжала:

— Но никто не говорит, что звёзды «создают» нашу реальность, а ведь «создают» — это просто очень сильно влияют.

Соня по-прежнему не понимала, куда та клонит. Поэтому решила промолчать. Мама всегда утверждала, что так легче сойти за умную.

— Помнишь первые компьютеры, где программа набивалась дырочками на листочках перфокарт? Если посмотреть её на свет — получалось много хаотично расположенных светящихся точек.

Соня привычно кивнула, прикидывая, на каком кивке отвалится голова.

— Можно сказать, что светящиеся точечки звёзд — такая перфокарта, задающая программу для гигантского компьютера, управляющую нашей реальностью.

— Старый, выходит, компьютер.

— Ну, уж какой есть. Всё-таки пятнадцать миллиардов лет назад создавался, — улыбнулась Селин.

По этой улыбке Соня поняла, что сморозила чушь. «Уж лучше буду кивать».

— Так вот, подходим к твоей теме. Существует множество современных астрологических программ. Проблема в том, что они очень неточны. Прогнозы расплывчаты, предсказания двояки. Попробуем их улучшить.

— Разве это военная задача? — удивилась девушка.

— Конечно. Победа в конфликте зависит от множества факторов. А ошибки обходятся слишком дорого. И гадание на кофейной гуще, чем занимается большинство политиков, — крайне неэффективное занятие. В древности именно астрологи предсказывали исход битвы. И, кстати, довольно точно, несмотря на примитивный математический аппарат.

Соня кивнула. Так выходило лучше.

— Современные программы сильно упрощены. Они придают значение только планетам Солнечной системы. Но жрецы ещё учитывали другие звёзды галактики, а мы удивляемся, почему у них более точные календари и прогнозы природных явлений.

— Какие звёзды?

— Например, Сириус.

— Кажется, в Коране сказано, что Аллах — бог Сириуса.

Баронесса одобрительно кивнула.

«И мы не лыком шиты», — подумала София. Ей стал нравиться разговор. Приятно, когда тебя считают гением, одной из пятидесяти избранных, и не собираются тащить в сумасшедший дом.

Селин, похоже, беседа тоже доставляла удовольствие. Во всяком случае, она удовлетворённо прищурилась и улыбнулась уже совсем по-домашнему. Словно мама дочке.

— Сириус очень загадочен. Важнейшая звезда древних египтян и персов. Многие мистики утверждают, что Сириус создаёт время и отчасти пространство.

— Я опять перестала понимать, — честно призналась Соня, чувствуя, что сейчас можно быть естественной и не пытаться казаться умней, чем на самом деле.

— Сейчас это не важно. Потом разберёшься.

Баронесса неопределённо крутанула пальцами, сделала паузу и продолжала:

— Но и это ещё не всё, что следует учесть в новой программе. Давно замечено, что географическая точка Земли, место, откуда мы смотрим на звёздное небо, тоже влияет на прогноз событий. Скажем, гороскоп детей, одновременно родившихся в Париже и Лондоне, будет разным.

— Это странно, — сообразила Соня. — Какая разница, под каким углом я смотрю на перфокарту? Я могу уйти в соседнюю комнату и вообще не видеть её. Всё равно на ней записана конкретная программа.

— Молодец. Ты сразу поняла суть. Представь, что мы находимся внутри бесконечной интернет-сети, создающей в нашем мозгу картину реальности.

— Это как раз я могу. Легко.

— Мозг каждого из нас — маленький компьютер, и он принимает информацию всего космоса.

— Так же, как наши ноутбуки ловят интернет-сигнал от спутников? — уточнила Соня. Она вдруг почувствовала воодушевление. Восторг! Мир, оказывается, именно такой, каким она его представляла — фантастический, волшебный, сказочный! С чего вообще решила, что больна? Нечего было лазить по дурацким сайтам в поисках симптомов шизофрении. Ангелы существуют, и это не галлюцинации!

Она с удовольствием вслушивалась в слова, вдруг ставшие такими понятными.

— Ты быстро схватываешь суть. Только одни имеют компьютер с телефонной карточкой, способный связаться со спутником из любой точки. У других такой карточки нет, и им приходится довольствоваться местным сигналом Wi-Fi. Отошёл подальше — и чёткость приёма пропадает. И для них приходится строить интернет-кафе или устраивать дополнительные усиливающие трансляторы. Так и у людей. У одних мозг способен принимать информацию от вселенной, для других нужны ретрансляторы на Земле.

— И тогда оказывается важным географическое положение, — догадалась Соня.

— Именно.

— Вот это да! Получается, что на земле есть ретрансляторы реальности. Где же они? — глаза Сони светились от воодушевления.

— В таких зонах, где постоянно происходят «чудеса». Ведь чудо — это искажение реальности. Антарктида, Бермудский треугольник, Стоунхендж, Лурд... Да. Более того, антенны усилители есть в теле людей. Учёные открыли, что в мозгу есть специальные участки и нервные цепи, отвечающие за связь с Богом. У кого-то они развиты лучше, у кого-то хуже. У кого-то совсем не развиты, так же, как и у животных. Возможно, это имеет генетическую основу. Поэтому каждый получает свою картину мира, сильно или слегка отличающуюся от картины мира, которую видит его сосед. Что ты сейчас видишь?

— Вас.

— А я вижу, что крохотный паучок, который ползёт по светлой стене у тебя за спиной, очень боится, что его заметят. Было темно, он спокойно полз чинить свою паутинку, но вдруг кто-то включил свет. И вот он один, беззащитный, на белой плоскости, и негде укрыться...

Соня оглянулась:

— Ну, это потому, что вы сидите напротив.

— А если бы сидела рядом?

Соня задумалась. Затем сказала:

— Мама говорит, что оптимист видит стакан наполовину полным, а пессимист — наполовину пустым.

— Верно. Ты не представляешь, насколько по-разному видят люди одну и ту же реальность. Было много разнообразных экспериментов. Расскажу об одном. Двадцать человек пригласили в комнату и попросили заполнить анкету. На выполнение отвели тридцать минут, и на полчаса дверь заперли. Все испытуемые закончили задание значительно раньше срока и почти двадцать минут просто сидели, разглядывая помещение и друг друга. Когда вышли, их попросили максимально подробно описать место, где они только что были. Результат оказался необычен. Каждый увидел совершенно другую картину окружающего

мира, словно они были в разных комнатах. Отличался даже цвет стен и количество окон.

— Да-да. Поняла. Вы хотите учитывать настройку мозга каждого человека?

— Именно. Один из моих подопечных, невероятно талантливый парень в Америке, сейчас как раз создаёт такую программу. Люди всего мира будут знакомиться друг с другом, рассказывать о себе, выкладывать фотографии, делиться мыслями, эмоциями, заполнять всевозможные анкеты... И мы сможем влезть в мозги каждого. Обязательно вас познакомлю.

— Как интересно! — девушка от изумления замерла, почти не дыша.

— Конечно, это не делается за один год. Но есть с чего начинать. Возьми сотню основных психологических типажей и попробуй учесть только крупные ретрансляторы, имеющиеся на Земле. У тебя будет карта со всеми известными аномальными зонами. Попробуй взломать программу Бога... Ты можешь дышать, — улыбаясь, заметила баронесса.

Соня шумно выдохнула. Вот что такое — затаить дыхание.

— Так лучше. Вчера я попросила одного знаменитого физика написать для тебя памятку современных представлений о мироздании. Сказала, чтобы написал максимально просто и всего несколько строк. Вот. Почитай на досуге, — Селин протянула сложенный листок бумаги. — Думаю, на сегодня информации достаточно.

После этой встречи Сонина служба в армии изменилась. Ей выделили отдельное помещение и трёх толковых ассистентов. Девушка с головой ушла в фантастический мир, открывшийся перед ней.

Прямо над своим столом она повесила листок, переданный баронессой. Теперь она знала его наизусть.

«1. Человек состоит из нескольких сущностей, пребывающих в различных мирах. Можно сказать, что человек — это матрёшка из субстанций, надетых друг на друга. Лишь одна из них в материальном мире. Другие находятся в измерениях, которые религии называют духовными.

2. Каждая из этих сущностей устроена по образу и подобию Бога, соответственно, каждая является подобием Бога и самой себя.

По мере удаления от духовных измерений и приближения к материальному миру принцип подобия все более огрубляется.

3. Законы устройства мироздания также являются отражением этого подобия. Таким образом, любое измерение (любой мир) является образом и подобием устройства Бога (и человека).

4. Все измерения (миры) взаимно влияют друг на друга. События одного мира — тень событий другого.

5. Все части одного измерения (мира) находятся в единой взаимосвязи.

6. Всё является всем».

Через год она представила свою первую программу, которую назвала «Пророк Иеремия». Программа предсказывала природные катаклизмы с удивительной точностью.

София знала, что Селин довольна результатами, поскольку вскоре была назначена научным руководителем нового исследовательского центра с особым режимом секретности. Баронесса часто приезжала к своей подопечной и её сотрудникам — всклокоченным подросткам, одетым нелепо и вызывающе. У одного — пляжные шорты и рубашка с сотней фиолетовых попугаев, у другого — сиреневые шаровары и жёлтая жилетка. Некоторые девушки щеголяли в вечерних платьях или вызывающих мини-юбках. И у всех на носу сидели очки разных видов, размеров и цветов. Что поделать — за многочасовое бдение перед мониторами приходилось расплачиваться. «Очкаризм — профессиональная болезнь гениев», — шутила София. Она очень изменилась, стала уверенной и перестала бояться, что кто-то упечёт в психушку. Здесь все были с чудинкой. Перестала закалывать волосы, оставив на свободе неукротимую яркорыжую копну. Отчего казалось, что на голове сидит лиса.

В один из своих приездов Селин сказала:

— Хочу пригласить тебя в поездку на остров Санторини.

Соня катала по столу оранжевые апельсины, которые норовили превратиться в ежей-пижонов. Она толкнула один в сто-

рону гостьи. Он покатился, потом вдруг побежал на маленьких ножках и уткнулся в ладонь собеседницы. Та осторожно погладила оранжевую шкурку с мягкими, будто резиновыми, иголками. Вот что больше всего нравилось Соне в её новой подруге. Способность уважать чужую придурь.

Ёжик фыркнул и помчался обратно.

— Санторини? Вот так так, — Соня нахмурила лоб. — Кажется, это в Греции. Помню, одно из сверханомальных мест, координаты которого введены в «Иеремию-3».

— Да, — подтвердила баронесса. — Там уже давно ведутся раскопки загадочного города, которому почти четыре тысячи лет. Попутно обнаружили невероятный геологический курьёз. На глубине двенадцати метров имеется странное переплетение кристаллов и минералов. С одной стороны, всё указывает на естественное происхождение. С другой, ничего подобного на Земле до этого не встречалось. Есть предположение, что это и есть та самая ретранслирующая реальность, антенна. Мы с тобой знали об их существовании, но никогда не видели вживую.

— Интересно. Вы хотите, чтобы я взглянула на неё? — спросила София. Её мысли забегали, как ёжики-апельсины. Почему Селин не говорила об этом раньше? Наверняка всё обнаружилось не вчера. Секреты, загадки и тайны. Сколько их вокруг! Почему сейчас рассказывает? Элементарно, Ватсон. Что-то пошло не так. И нужна помощь.

София понимающе подняла взгляд.

Но мадам Вальмонт умела удивлять.

— Нет, возможно, поездка не будет связана с раскопками и этой находкой. Вчера твоя программа выдала прогноз, что на днях ожидается мировая катастрофа. Эпицентр на острове Санторини.

София поперхнулась. Она взглянула в красивые глаза собеседницы, но та не улыбалась. Похоже, говорила серьёзно.

— Ого! А что же ещё опасного там есть?

— Все думают про вулкан, который время от времени любит просыпаться. Хотя... Впрочем, здесь все материалы на эту тему, — Селин протянула флешку. — И ещё, хочу познакомить тебя кое с кем. Уверена, вдвоём вы спасёте мир...

— Его зовут Джеймс Бонд?

— Почти. Максим Михайлов. Русский. Бывший сотрудник особого отдела КГБ. На флешке есть досье. Тебе понравится.

Соня сжала пальцы. Незнакомое русское имя звучало тревожно, но заманчиво.

— Русский — это так оригинально! Понравлюсь ли я ему?

— Ты удивишься, насколько предсказуемы реакции тела, особенно мужского, — усмехнулась Силин. — С точки зрения химика, симпатия — набор реакций на феромоны друг друга. Психолог добавит о визуальном образе идеального партнёра, заложенном в детстве. Режиссёр расскажет о влиянии романтической мизансцены. В общем-то, формула любви элементарна...

Соня заволновалась. Мадам Вальмонт в роли сводницы выступала впервые. С другой стороны, баронесса была слишком умна, чтобы говорить просто так. Так или иначе, путешествие обещало быть интересным. «Если все не погибнем...»

ГЛАВА 7.

В КОТОРОЙ МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ, И ВСЁ СКЛАДЫВАЕТСЯ НЕ ТАК, КАК ОЖИДАЛОСЬ

София очнулась в кромешной темноте, в которой таились осторожные звуки: тихий шорох, неотступный гул, бархатистый отзвук далёких ударов. Так тишина пела свою колыбельную, завораживала, уносила, мягко покачивала, убаюкивала. Но рядом, прямо за затылком, затаилась бездна, где прятался и не находил ответа мучительный вопрос «Кто я?». И был страх. И охватывал ужас от ощущения невозможности движения. Тесные оковы крепко держали, погребальные пелены не давали вздохнуть. Она задыхалась, дёргаясь в мучительной агонии, и вдруг поняла, что умеет дышать, и тихий ритмичный шорох — это звук её дыхания. Монотонные движения лёгких расталкивали спящие мышцы, как котёнок касаниями лапок будит спящую хозяйку. Сначала шевельнулись пальцы, потом рука, и вдруг чугунная тяжесть ушла, оковы и пелены спали. Впрочем, их и не было. Просто тело начало слушаться. Попробовала пошевелить ногами, ощутила стопой мягкую ласку простыни. Это наполнило душу восторгом. «Я — жива. Но кто я?»

Где-то далеко раздался странный звук, словно кто-то чуть слышно царапал струны. Двумя когтями?! «Трак-трак. Тик-тик». Это — тикают часы! Ча-сы. Какое странное слово. Будто тебе шикают, палец у сжатых губ: «Будь осторожна! Чужие рядом! Ч... ш... ч... ш...». Какие чужие?

Девушка решила открыть глаза и посмотреть, что будет.

Перед собой она увидела страшное мужское лицо. Горящие безумием фанатичные глаза. Тёмная от загара кожа, покрытая сетью глубоких морщин. Готический нос, похожий на башню собора, величественный и острый, с провалами тёмных ноздрей. Всклокоченные, длинные седые волосы, словно шкура волка, которого долго гладили против шерсти. Тонкие сжатые губы. Пасти с клыками не видно. Потому, что рот закрыт. А если откроет? Пыхнет огнём? Кто это? Что ему надо? Страх змеёй обвил шею, сжал горло. «Где я?»

Она в ужасе зажмурилась. Во всём была какая-то тайна. Мысли отчаянно метались в поисках ответов. Несколько минут лежала. Чужие клыки не впивались в тело. Тогда решила попробовать ещё раз. Осторожно приоткрыла на самую малость веки и обнаружила лишь частокол ресниц, за которыми маячил таинственный незнакомец.

«Может, я в аду? Или в раю? Но кто я?»

— Как себя чувствуешь, София? — раздался глубокий баритон.

«Господи! Да это же барон Анри Вальмонт. И он совсем не страшный. Ну, может, быть чуть-чуть, если встретить ближе к ночи. А я — София! Соня! Ничего себе соня, проспала всё на свете».

«Если снится мишка из детской книжки,
Это хорошо, мишка — небольшой.
Потому что слон не пролезет в сон...»

Память вдруг ожила, в мозг ворвались цветные картинки, и от этого возник хаос, как будто на одном экране решили показать несколько фильмов одновременно. Вот маленькая девочка читает книжку. Уютный чердак заслонили марципановые булочки, липкие пальцы, сладкие губы. Сразу возникла сцена, как она

целуется с Максимом. Сверху наложили фильм с грифом «Только для взрослых». Потом вдруг появился человек, распятый на кресте. В висках застучало, и она скривилась от боли в голове. Возвращение к реальности оказалось болезненным.

Теперь вроде бы полностью пришла в себя, но в сознании чувствовались провалы. Как она здесь очутилась? Почему ей страшно? Словно ночью бежала по лесу и вдруг увидела мрачный дом. В одном окошке мерцала свеча. За спиной в чёрной чаще шорох, треск веток, ломаемых грузными телами. Поспешно толкнула незапертую дверь и вошла в тёмную прихожую. Кто в теремочке живёт?! Какая мышка-норушка выйдет навстречу из непроглядной тьмы? Главное сейчас — быть осторожной. «От всего исходит опасность», — зажглась в мозгу красная надпись.

Почему? Что опасного в хорошо знакомом дедушке Анри? Она словно увидела себя со стороны. Сцена выглядело мило и невинно. Если бы рядом был художник и увековечил ситуацию, то картину можно было бы повесить над камином. Долгими зимними вечерами, сидя у тёплого огня, любовались бы сердобольным бароном, склонившимся над больной девушкой.

Но что-то в глубине разума шептало, что на самом деле всё не так. Мир вокруг чужой, и не знаешь, чего ожидать от его хозяев. «Что за чепуха лезет в голову? Соберись. Будь внимательна. Потом обдумаешь детали, сейчас главное не попасть впросак».

— Выпей, — Анри протянул ей стакан с зеленоватой жидкостью.

— Что это? — бдительно спросила София.

— Целебная настойка из альпийских цветов.

В мозгу опять пронеслось: «Многие были против твоего появления здесь. Мёртвая ты намного удобней». Неужели дедушка Анри хочет отравить? «А что ты о нём знаешь? Может быть, он обожает убивать девушек, попавших в лапы. Травить ядом, как крыс. Отвар из цветов? Большинство ядов делают из растений. Амигдалин — из горького миндаля. В желудке человека он сразу распадается на синильную кислоту. Десятая часть грамма — и мгновенная смерть. Пятнистый болиголов, синий борец, белена, цикута, дурман... Откуда я это знаю? Потом... Удастся справиться с этим большим и сильным мужчиной? Нет, потому что

тело хрупкое и слабое. Могла бы быть сильной, как Ольга, Вадим или Максим. Зарядку надо делать по утрам, йогу».

Попыталась отвернуться. Но с таким же успехом муха в паутине попыталась бы отвернуться от паука.

Барон легко приподнял её голову своей огромной лапищей и влил лекарство. Чтобы не задохнуться, она проглотила.

И сразу почувствовала себя лучше.

— Можешь говорить?

София кивнула.

В голове прояснилось. Боль уползла куда-то на задворки мозга. Что за чушь лезла в голову? Вальмонт-Медичи, барон-отравитель. Видимо, ещё полностью не пробудилась. Что-то неуловимое то ли спало, то ли пряталось в глубинах разума.

— Ты помнишь, что произошло в пещере? — участливо поинтересовался барон.

В пещере? Разум вновь охватила паника. Какой пещере? Там, где не счесть алмазов? Нет, это другое.

Она попыталась присесть. Отец родной, в лице барона Анри, помог ей подоткнуть подушку, так, чтобы было удобно. Затем подвинул капельницу, которая гигантским растопыренным комаром стояла в изголовье кровати. Сходство с кровососущим насекомым усиливал пластиковый мешочек с розовой жидкостью, подвешенный в районе брюшка. Оттуда шёл длинный тонкий хоботок, конец которого, заклеенный пластырем, терялся в сгибе локтя.

Память наконец встрепенулась и услужливо подсунула Раби-Йосю, чудеса со временем, «Цирк звёзд»...

— Я хорошо помню, как всё было... Проблема в том, что я совсем не понимаю, что произошло.

Барон задумался над её словами. Соня тревожно ждала.

— Спи, приходи в себя. С тобой всё нормально. Просто, когда вас вытаскивали, на всякий случай немного отравили сонным газом, чтобы Вадим с Ольгой сгоряча не устроили побоище и не положили всех, — сказал добрый барон Анри и быстро вышел. Наверное, не хотел уточнений, что такое «немножко отравили».

«Ах, вот в чём дело. Газ. Всё-таки интуиция права: меня пытались убить. И не исключено, что попытки повторятся».

С этой приятной мыслью София вновь заснула.

Следующее пробуждение существенно отличалось от предыдущего в лучшую сторону.

В комнате царил полумрак. Она чувствовала себя здоровой и хорошо отдохнувшей. Хотелось есть. Капельницы, похожей на комара, уже не было. Головокружения тоже. Тело послушно отзывалось на команды и, проверив наличие рук, ног и прочего, пришло к выводу, что всё на месте.

Оглядела комнату, похожую на больничную. Нет, она не в больнице. Об этом говорило множество деталей, которые мозг, не анализируя, зачислял в раздел «помещение не казённое».

Прежде всего, воздух был не больничный. Пахло цветами и садовой свежестью — на столике в углу стоял букетик жёлтых хризантем, а мягкие полупрозрачные занавески с неярким провансальским цветочным орнаментом слегка шевелились, тронутые дуновением из неплотно прикрытого окна.

В глубине тела раздались невероятные звуки. Тихое утробное ворчание сменилось звонким кваканьем.

«Господи, что со мной? Ах, это желудок урчит. Я — голодна».

София села в кровати. Буквально сразу зажёгся свет. Наверняка за ней наблюдали. Она инстинктивно сжала голые ноги. Ещё через мгновение дверь комнаты открылась, пропуская миловидную девушку с подносом еды.

— Где я?

— В замке барона Анри Вальмонта, — ответила та.

— Отлично себя чувствую, но очень голодна.

— Замечательно. Налью вам кофе с молоком. Кушайте.

Уговаривать не понадобилось.

София с удовольствием намазала на хрустящий тост апельсиновый джем и, сделав глоток горячего кофе, поняла, что жизнь прекрасна.

— После завтрака я провожу вас в гостиную. Одежда в шкафчике. Все уже собрались, — объяснила девушка и вышла.

Простое и элегантное белое платье, висевшее на вешалке, пришлось как раз впору, хотя не помнила такого в своём гардеробе. Поискав, нашла и расчёску. Подвести глаза было нечем. Пошла так, ненакрашенная.

Сказать, что Сонино появление в уютной гостиной барона Анри вызвало фурор, будет преувеличением. Но небольшим. Вся компания во главе с Анри и Селин приветствовала её радостными возгласами, а Максим, вскочив из-за стола, подбежал и молча обнял. От него пахло горьковатой полынью и терпкой вишней. В целом приятно.

Все, кроме барона, проявили ожидаемую деликатность и отвели глаза.

Анри Вальмонт, не знакомый с подобными чувствами, громогласно заявил:

— Заставила нас поволноваться. Почему-то организм нестандартно отреагировал на газ. Хорошо, что я догадался дать тебе волшебный эликсир, которым всегда лечу своего коня.

Похоже, он всё-таки испытывал чувство вины, поскольку несколько суетливо подвинул Софии стул, усаживая рядом с собой.

Сейчас Анри показался ей большим мальчишкой, который, заметив вожделенный чужой велосипед, сначала подерётся и лишь потом сообразит, что можно было попросить покататься.

Она села слева от барона. Максим с грохотом поставил свой стул рядом. Видимо, сильно волновался.

— Выпьем, — предложил Анри Вальмонт. — За успех операции!

Он встал, словно полководец над полем сражения. В правой руке была зажата бутыль, без сомнения, уникального вина, испуганно сжавшаяся от мощной хватки. Левой он грузно опёрся на скрипнувший стол.

«О каком успехе идёт речь?» — подумала София, но вслух ничего не сказала, пригубив бордовый напиток, учтиво налитый в бокал любезным бароном.

Вино терпкими каплями прокатилось по языку, нёбу, гортани. В желудке стало тепло. Вкусно! Она поспешно сделала ещё глоток. Второй был ещё лучше.

Почему она решила, что этот мир опасен? Совсем нет. Вокруг друзья, каждого из которых она хорошо знала. А как красиво!

Она провела пальцами по затейливой резьбе края стола. Кожа рук смаковала ощущения, чувствуя, как дерево отзывается на касание. Неожиданно показалось, что стол живой. Сбоку,

в самом углу, высовывалась деревянная морда мифического зверя, натуженно подпиравшего крышку. Зверь отдувался и скалился, и она вдруг поняла его мысли: «Кто бы помог держать эту тяжесть...»

София перевела взгляд на комнату. Окружавшие предметы тоже ожили. Она чувствовала их эмоции, знала характеры. Стол — старый, злой и раздражительный. Посуда — суетлива и тщеславна. Картины — ироничны и высокомерны.

— Дорогая, — послышался голос баронессы Селин.

Девушка подняла глаза. Как хорошо выглядит! Залюбуешься! Её никогда не травили газом в тёмном подземелье.

— Ты же ничего не знаешь. В мире всё наладилось. Гольфстрим вновь возвращается на своё место, комета прошла мимо нашей планеты, а земная кора подо льдом Антарктиды по-прежнему держится молодцом. Но главное, вновь появилась связь с высшими силами. Намечается праздник по поводу отмены конца света, где вы будете главными героями!

София опять промолчала, памятуя наставление мамы о том, как сойти за умную.

Молчать было легко. Окружающая роскошь вторгалась в сознание, вытесняя всё необъяснимое, непонятное, тревожное. Разум предпочитал думать о том, что видит.

Огромная люстра капризно кокетничала. Её хрустальные россыпи стреляли разноцветными бликами, как игривыми взглядами: «Ну, посмотрите, какая я красивая. Почему никто не задирает головы? Уткнулись в стол. Противные... »

Тяжёлые складки тёмно-вишнёвого бархата оконных гардин с усталым вздохом ловили озорные блики. «Как некультурно ведёт себя современная молодёжь! Искрит. Блещет. Мешает отдыхать».

Софию опять отвлекли. Заметно похорошевшая Ольга поднялась и громко сказала:

— Я хочу сказать тост за нового члена нашей команды — Андрея. Ведь это именно он сумел убедить Королеву сохранить человечество.

— Он молодец, — подтвердила мадам Вальмонт.

Все радостно загалдели.

Барон взглянул на Андрея с некоторым сомнением, но всё же милостиво поднял бокал.

Ошалелый Андрей восторженно смотрел то на Ольгу, то на баронессу. Казалось, он ещё до конца не осознал, что происходит.

«Хороший парень, — подумала София. — Возможно, совсем не так прост, а вид наивного, восторженного чудака — просто удачная маска, позволяющая успешно выживать в этом мире». Ей опять показалось, что видела Андрея задолго до недавней встречи в Бордо. Но где? Интересно, что же произошло у него с Королевой?

— Всё. Отдыхайте. Всем месяц отпуска. Наградные документы получите в секретариате, — распорядился барон.

Все улыбнулись, показывая, что оценили шутку.

Довольный оценкой своего остроумия, Анри Вальмонт продолжал:

— Через месяц я жду вас пятерых в гости. Обсудим, что нам делать с этим миром дальше.

— Мы прогуляемся в парке? — спросил Максим.

— Конечно, — согласился барон. Чувствовалось, что сегодня он в прекрасном расположении духа, тем более что никто не поднимал тему «захвата» своих же сотрудников. Возможно, где-то очень глубоко, в самых дальних и почти неразличимых углах сознания, он понимал, что это поспешное и малопродуманное действие чуть не сорвало успех операции. Но его собственный «символ веры», гласивший, что всё, что делал барон Анри Вальмонт, угодно Богу, позволял ему сохранять несокрушимый оптимизм.

Благословлённые, они вышли на воздух.

Облако, похожее на крокодила с открытой пастью, медленно глотало закатное солнце. От горизонта ползла ещё целая армия небесных чудовищ. Их тела вытягивались, смешивались в чёрную кучу-малу. Похоже, погода портилась.

Парк изменился, и дело было совсем не в волшебном свете неба. София видела сок, струящийся по венам деревьев, чувствовала их настроение. Под ногами галдела трава. В воздухе сновали мошки, каждую из которых она воспринимала как личность. Этот степенный жук любит философствовать, пыта-

ется постичь смысл существования и высокое предназначение насекомых. Юный комарик увлечён спортом и здоровым образом жизни. Цветы обсуждали пчёл. Роза покраснела, вспомнив нечто пикантное.

«Что со мной?» — думала девушка. Она привыкла к видениям потустороннего мира, но сейчас даже для неё ощущался явный перебор. Приходилось ступать, тщательно глядя под ноги, чтобы не задавить какую-нибудь букашку. Разве можно было обидеть поэтов и математиков, сновавших под ногами?

С каждой минутой мир открывался пугающе разнообразно. Словно в мозгу распахивались новые двери. Теперь уже и сам воздух наполнился блеском и светом, вихрем разноцветных волн.

Она шла, прислушиваясь к своим ощущениям. Поэтому пропустила начало фразы Максима:

— ...тогда этот... барон задёргался, хотя Селин сразу объяла, что в пещере существует «петля времени». По меркам внешнего мира, мы сидели там несколько недель, а в нашей жизни прошла лишь пара часов.

«Какой он симпатичный! — думала София. — Умный, сильный. В Бога верит».

— Помнишь, там в своде дыра была? — перебил Вадим. — Так они спустили камеры слежения и наблюдали за нами всё время.

— Пусть кто-нибудь один рассказывает, — попросила София.

Максим переглянулся с остальными и продолжил:

— Сначала ничего не происходило. Потом из пещеры ушёл Раби-Йося. Тут, к ужасу барона Анри, мы перестали разговаривать и сидели, уставившись в одну точку, словно в театре. Затем Андрей куда-то отправился. А мы выглядели словно мёртвые.

— В другой реальности мы были в цирке, — вспомнила София. Она чувствовала усталость. Небо затянулось тучами. Деревья, жучки и паучки готовились к дождю. Кто-то забрался под удачно свёрнутый лист, но большинство озабоченно торопились успеть завершить неотложные дела. От этого суета не ути-

хала. Вдобавок на опушке появилась группа ангелов, почтительно внимающих беседе.

На коже появилась испарина. Покоя в душе не ощущалось. Казалось, что незримые нити натягивались вокруг, толкая тело, будоража разум. Что-то надо было сделать. Она пыталась вспомнить. Но чем больше напрягалась, тем мучительнее ощущала собственную беспомощность. Похоже, разум отказывался подчиняться. Может быть, она свихнулась. Теперь уже окончательно и бесповоротно.

— Точно, — продолжал Максим. — Дедушка Анри психанул и дал команду нас вытаскивать. На всякий случай распорядился закачать в пещеру усыпляющий газ.

— Нас боялся, — оскалилась Ольга.

— Хотя наверняка знал, что бывают аллергические реакции вроде твоей, — хмуро добавил Вадим. — Случалось, подобный газ убивал спасаемых заложников. Всё могло бы закончиться плохо...

— Не будем обсуждать то, что могло бы быть. — Максим вытер рукой вспотевший лоб, затем продолжил: — Итак, нас усыпили, вытащили наружу. Потом взяли Андрея, который, как лунатик, бродил вокруг входа в пещеру. И, как рассказали солдаты, даже чего-то проповедовал... Говорят, выглядел как средней руки пророк — бородатый и невменяемый, кузнечиков грыз. Очнулись через несколько часов уже здесь, в замке, а ты валялась без сознания два дня.

— А Андрей? — спросила София. Надо же было что-то спросить. Душно, воздух парил, насекомые наконец угомонились. Деревья и кусты приготовились к помывке, расправили веточки, развернули листочки.

— Анри Вальмонт заплатил мне миллион! — сообщил Андрей. — Хорошие деньги. Что может быть лучше?

— Например, два миллиона. За спасение мира — весьма скромная плата, — предположил Максим.

Ольга строго посмотрела на обоих:

— Барон переплатил девятьсот девяносто девять тысяч.

— Так что же случилось? — опять спросила София, понимая, что те опять начнут свою обычную любовную перепалку. Ей хо-

телось побыстрее закончить с разговором, поскольку теперь и слух вдруг обострился до предела. Казалось, она слышала, что происходит в соседнем городе.

— Рассказывай, герой, — Ольга ткнула Андрея в бок.

Тот демонстративно потёр ушибленное ребро и весело начал:

— Случилось это, о достойнейшая, когда полез я, неразумный, на арену по зову коварного визиря.

Стою там, мордой торгую. И вдруг в луче сияющего света передо мной появилась женщина сказочная. Одежды сияющие, белоснежные. Волосы — золотые. Вся светится. И говорит она мне голосом почти нечеловеческим: «Все, — говорит, — час пробил. Ангел вострубил. Игра закончена. Соболь пришёл. Надоели вы мне хуже горькой редьки...»

— Какой соболь? — не поняла София.

— Песец, — перевела Ольга.

Андрей сделал драматическую паузу и продолжал:

— Услышал я эти слова и возрыдал в сердце своём. Как водится, разодрал рубаху, посыпал голову, чем было под рукой, и обратился к Богине:

«Не поступай так с нами — смиренно молвил я. — Дай нам жить и дальше, недостойным».

Подумала женщина сияющая. Взглянула ласково, наклонилась и... — Андрей опасливо посмотрел на Ольгу и быстро закончил: — Кивнула. Мол, ладно, живите пока. И сгинула. И пошёл я в пустыню безводную, молиться и каяться о делах наших скорбных. И охватил меня голод страшный. Поймал я кузнечиков несколько и смиренно начал было трапезу, как налетели слуги шайтановы и схватили меня в объятия крепкие.

Посадили в птицу железную и по небу с рёвом неслыханным отвезли в замок сей дивный.

Вот как-то так, — закончил Андрей свою повесть.

София попыталась поразмыслить. Казалось, она упустила что-то очень важное в рассказе. Но думать было сложно. Мысли путались от обилия впечатлений. Звуки, краски, запахи лились со всех сторон. Ощущения были, пожалуй, приятные, но с не-

привычки кружилась голова. Теперь и собственное тело начало посылать непрерывные сигналы в мозг.

Каждый шаг поражал ювелирной работой сотен мышц. Связки и сухожилия наслаждались проворностью и требовали питания. Сердце гнало кровь, лёгкие насыщали её кислородом. Нервы молодцевато докладывали о слаженной работе всех членов команды: «Системы работают отлично. Всё готово!»

Господи! К чему готово? Что такого должно произойти? Вопрошать собственный рассудок было нерезультативно. Но София чувствовала: что-то назревает. И скоро она получит ответы на все вопросы.

Когда информации слишком много, детали начинают теряться. Она не заметила, как Ольга ушла с Андреем. Исчез куда-то и Вадим.

Налетел шаловливый порыв ветра. Задрал юбку, погладил бока. Прохлада сменила жару. Вспотевшее тело осторожно воспринимало температурные перепады.

Знакомый запах. Сильные объятия. Губы ощутили губы Максима. Поцелуй? Мокро, но приятно! Где-то проснулось новое чувство — ощущение пола. Стало ещё лучше. «Я — женщина!» Она закрыла глаза. Поцелуй закончился, но София продолжала стоять прикрыв веки, смакуя новые чувства. Почему новые? Мы же любовники уже лет десять...

— Видишь, как я был прав, что взял Андрея с собой, — где-то на периферии сознания прозвучал голос Максима.

Мужчины постоянно нуждаются, чтобы им говорили, как здорово они поступают. Андрей! В его рассказе было нечто очень важное...

Но тут размышления опять прервал Максим. Его беспокойный ум совершил неожиданный кульбит, и без всякой подготовки он заявил:

— Поедешь со мной в Москву? В конце концов, у нас отпуск. Проведём его вместе. Можем поехать в Италию. Ты давно хотела погулять в Риме.

София задумалась. Предложение не нравилось. Не вовремя. Не вовремя? Почему?

— Так я заказываю билеты?

«Нельзя отказом обижать хорошего человека. Следует красиво встать на цыпочки, вытянувшись на одной ноге, а другую, согнув в коленке, отвести назад и, прижавшись к груди Максима, поцеловать его, нежно прошептав „Да“. Но я ведь здесь не за этим...»

Пусть идёт, действует так, как считает нужным. Сейчас всё это не главное. А что главное? Она не знала ответов на вопросы, которые задавал мозг, поэтому сказала осторожно:

— Хорошо.

— Ура. — Он взглянул на небо. — Тучи собираются, и ветер поднялся. Наверняка будет дождь. Пошли в дом.

— Иди, я следом.

— Догоняй, а то промокнешь.

Он достал мобильник и быстро пошёл к замку, разглядывая что-то на светящемся экране.

После ухода Максима София почувствовала себя одиноко. Оставлена всеми наедине с напряжённым ожиданием неизвестности. Где-то вдалеке тревожно пророкотал гром.

Времени оставалось совсем чуть-чуть. Она знала, поэтому шла по дорожке собравшись, словно актёр перед выходом на сцену, спортсмен у старта, солдат за мгновение до подвига. Ветер заметно окреп и откровенно хамил, шаря под юбкой.

Вздрогнула, когда неожиданно наткнулась на Ольгу.

— Гроза будет. Андрей пошёл собирать вещи, отвезу парня в своё логово, — сообщила та.

София опустила глаза и заметила в руке у Ольги плюшевого ослика с красным седлом и смешным тюрбаном на ушках. Обычная детская игрушка, но почему сердце беспокойно забарабанило смятенной дробью? Игрушка казалась знакомой. Даже очень...

— Откуда это? Не думала, что любишь куклы, — спросила она, мучительно роясь в чулане разума среди сваленных в кучу старых воспоминаний.

— Андрей подарил. Купил сувенир где-то в цирке и сохранил для меня...

Память ожила. Но такого просто не могло быть! Как Андрей мог существовать в компьютерной игре её детства?

Но она уже понимала, что не ошиблась. Вот почему он казался таким знакомым!

Мир вздрогнул и замер. Птицы замолкли, ветер прервал свои ухаживания. По коже побежали противные мурашки.

Вспомнился потрёпанный монитор, который занимал большую часть стола в её детской, неуклюжий ящик с окантовкой из мутно-белого пластика. В правом углу прилеплена записка мамы «В 23:00 выключай — и спать!» На клавишах стёрта половина букв. «А» и «Р» совсем не видны. На экране дрожащая в лунном свете пустыня и Андрей. Теперь уже не было сомнения, что это был именно он, комкающий в руке своего плюшевого ослика. Она помнила слова: «Не уничтожай нас. Ведь все хотят жить...»

Невероятно! Почему так странно переплелись недавние события с далёкими историями детства? Неужели старая компьютерная игра ожила и затянула каким-то непостижимым образом в себя, в дебри ненастоящего, нарисованного мира?

Показалось, что кто-то сжал её голову в ладонях, что парк с его деревьями, цветами и сладкими запахами — всё ненастоящее. Вокруг лишь картинка, созданная в клетках мозга электрическими импульсами, согласно чьей-то воле.

Тогда может произойти всё что угодно. Из-за деревьев выскочит безжалостный киборг-убийца, или барон Анри, или мать Тереза с Кончитой Вурст...

София взяла ослика в дрожащие руки. Мех был тёплый и щекотал кончики пальцев.

Гладить его было приятно.

А вдруг кто-то огромный сейчас наблюдает и наслаждается её страхом? Или, наоборот, сочувствует и пытается помочь. Неужели мы все — внутри программы? Только какой? Кстати, беготня по разным странам, опасности и приключения — типичный алгоритм игры. Неужели она заблудилась между реальностями и движется по кругу, как игрушечная принцесса в карете на детской карусели? Вокруг много раз виденные предметы, люди, пейзажи. Как такое возможно?

Она вдруг вспомнила математический парадокс, называемый «лента Мёбиуса». На обычной полоске бумаги две сто-

роны, как два разных мира, существующих совсем рядом, но разделённых тончайшей преградой. Если на одной стороне нарисовать синего человечка, а на другой — красного, то они никогда не встретятся. Но вот мы перекрутили полоску и склеили концы. И случилось чудо. Теперь синяя фигурка оказалась на той же стороне, что и красная. Две плоскости исчезли. Миры перепутались. События сплелись, и человечек из одного мира встретился с другим. «Может быть, вселенная перекрутилась, и я попала внутрь собственного компьютера?»

Показалось, что запахи зелени, свежего морского ветра исчезли. Теперь во рту ощущался лишь вкус металла и пластика.

София зажмурилась. «Я в домике», — мысленно произнесла спасительную присказку детства, скрестив пальцы. Но сейчас это не сработало. Стало ещё страшнее. Она боялась открыть глаза, потому что если вдруг увидит пустыню, это будет означать, что она живёт лишь на экране, маленькая, смешная, проворно двигающая ручками-ножками.

Нет! Всё не так. Просто случилось совпадение. Плюшевые зверьки всегда похожи друг на друга. А парня из компьютера она видела так давно, что воспоминания затёрты. Сходство лишь придумано её странным мозгом. Перестань психовать! Сумасшедшие не сходят с ума.

Она открыла глаза и обнаружила себя в парке. Это вселяло надежду.

София вновь крепко зажмурилась, так, что под сжатыми веками заплясали звёздочки, и отважно открыла глаза. Мир не изменился. Лишь день неотвратимо уходил. Распоясавшийся ветер дул со всех сторон одновременно. Как опытный картёжник, он непрерывно тасовал разлохмаченные листья, то собирая в кучу, то раскладывая в ряд. Ветки и стволы гулко и неодобрительно трещали. Вокруг быстро темнело. Дальние деревья превратились в бурые пятна, и пространство аллеи понемногу смыкалось. Там предметы ещё существовали, но быстро теряли цвет и форму. Словно дневной мир, нарисованный на чёрном листе, быстро стирался гигантским ластиком, а ветер сдувал остатки. Тени удлинились и колеблющимся

строем наступали на уцелевшие и дрожавшие от страха пятна света.

«Реальность похожа на ночную тропинку в джунглях», — подумала София. Мы освещаем её жалкими фонариками своих слабеньких органов чувств и думаем, что случайно подсмотренное и есть окружающий мир. И только споткнувшись о невидимый для нашего зрения и слуха корень или зацепившись о коварную колючку, понимаем, что вокруг много чего неподвластного нашему восприятию.

Нам кажется, что болезнь и смерть случаются внезапно и нелогично, но это потому, что мы не видим тигра, беззвучно крадущегося в темноте всего в двух шагах, или ядовитого паука, готового вот-вот упасть за шиворот.

Так мы и тащимся, проходя за целую жизнь лишь крохотный участок необъятных джунглей, и даже не представляем, насколько удивителен мир вокруг нас.

Опять же, фонарики у всех разные: у кого-то он слабо светит, кому-то достался помощнее, позволяя разглядеть ближайший ряд деревьев. А кто-то может заглянуть даже в тёмную тайну, спрятанную за ними. Но все они ошибаются, если думают, что знают, как устроена наша реальность.

Даже самые прозорливые могут понять лишь, каковы джунгли в нескольких метрах от них. Но за лесом — поле, за ним — горы и пустыня, а там и бескрайний океан. И всё это — лишь маленькая планета, затерявшаяся в невообразимой вселенной. За которой, возможно, таится ещё что-то.

Она ощущала, что с каждой минутой внутри неё разгорался удивительный волшебный свет. Белокрылые ангелы опускались с тёмного предгрозового неба. Они бесшумно приземлялись, и скоро плотная толпа крылатых существ окружила дорожку. Небесные пришельцы держались на некотором расстоянии, не приближаясь, но и не отходя. Их фигуры слабо сияли неярким золотистым отблеском. Читать при таком освещении вряд ли бы удалось. Тьма, сгустившаяся вокруг, лишь слегка подвинулась, скорее из вежливости. Ночь быстро шагала по парку, её чёрные одеяния трепетали на ветру, слуги бежали рядом, неся тёмные факелы, выжигающие дневные краски.

Но тут на аллее зажглись фонари. Будто желая помочь, вдалеке засияли огни замка. Даже светлячки отважно полыхнули крохотными искрами.

Тени, только что праздновавшие победу, оказались вновь отброшены за деревья, где разочарованно топтались, ожидая команды от своей помрачневшей хозяйки.

София вернула ослика подруге. Ольга оглянулась, наверное, почувствовала вокруг постороннее и опасное. В голосе мелькнула тревога:

— Тут что-то странное творится.

— Ничего не замечаю, — соврала София. — Кажется, гроза собирается.

Ольга озиралась, пытаясь понять, что же её встревожило, но вдруг оживилась:

— Ребята вернулись.

— Мы тут ещё кое-что обсудили, — начал было Максим, — и у Вадима версия есть, странная. Хотя, пусть лучше он расскажет.

София с интересом взглянула на Вадима.

— Я вот что подумал. Кто сказал, что все наши подвиги действительно были? — мрачно, как всегда, сказал тот. — Да и мир, скорее всего, спасать не нужно. Наша цивилизация всегда балансирует на грани жизни и смерти.

— Лучше бы ты пояснил свои мысли, — попросила София. Она чувствовала, что закрытая часть её мозга вдруг пришла в движение, словно задвижки принялись открываться.

— Хорошо, — продолжал Вадим. — Барон Анри и многие из его компании просто играют в спасителей человечества. Им так интересней жить. Все признаки Апокалипсиса, которые он перечислял, очень условны. Места силы ведут себя странно...

— Они всегда странно себя ведут, — согласился Максим.

Вадим словно не заметил поддержки:

— Святые отцы с мальчиками развратничать тоже не вчера стали. А что молитвы верующих ответа не находят... А когда они находили ответ? Третья мировая зреет? Так тоже давно... Что ещё осталось? — обвёл он глазами окружающих.

— Наши сны, — вспомнил Максим.

— Мы тут все сильные экстрасенсы. Даже Андрей. Так что наши мозги от рождения перекошены. И сны, думаю, — не самая серьёзная заморочка. Кстати, вокруг столько твердят про Апокалипсис, что даже среди обычных людей наверняка кому-то снятся сны, где пророк Илия с праотцом Моисеем конец света предрекают. Ты с психиатром никогда не разговаривал?

Ольга упрямо качнула головой.

— Ты считаешь, что то, что было на Лох-Нессе, — ерунда?

— А что там было? Мы нашли какой-то смертельно опасный артефакт, который вызвал у тебя и Андрея состояние клинической смерти. О чём это говорит? Лишь о том, что аккуратнее надо быть с магией всякой. То, что вы видели якобы в загробном мире, вообще не обсуждается. Мало ли чего люди видят в состоянии клинической смерти...

Ольга, похоже, была несогласна:

— А Каир, бог Гор?

— Там мы вообще обкуренные были. Что за наркотик подсунули в кальянах? Можно было не только с Богом, но и с дьяволом сплясать. Кстати, и в пещере нас окропили какой-то ядовитой дрянью. Вот и галлюцинации всякие.

— Предположим. Но петли времени и прочие необыкновенные события...

— Кто сказал, что вокруг нас нет таинственного и непознанного? Я вот даже в Бога верю... Ну и что? Это совсем не говорит, что мы мир спасали...

— Что же мы делали?

— Играли в игру, придуманную Анри и Селин. Мне тут шепнули, что это она совещание собирала. Даже не барон. Он до последнего момента, оказывается, не знал, что Апокалипсис при дверях. Это она ему объявила, а он нам. Правда, не знаю, зачем это нужно было... Хотя наверняка причина есть.

Все задумались. Ветер гнал прохладу. Освежающе пахло влагой. Вот-вот начнётся дождь. Бой между уходящим днём и ночью обещал быть серьёзным. Деревья и кусты замерли, крепко вцепившись в почву. Птицы и мошки давно скрылись в надёжных убежищах и замолкли. Листва чуть слышно шепталась, делясь нехорошими предчувствиями. Вокруг установилась напря-

жённая тишина, словно дирижёр поднял свою палочку. Только что звучала какофония звуков, но теперь все замерли, уставившись в одну точку. София знала, что эта точка сейчас в ней. Она чувствовала, как тело вновь покрывается испариной. Мозг пылал. Мгновение — и свет в теле взорвался, как это уже было пятнадцать миллиардов лет назад. Тогда родилась вселенная. Сейчас рождалась ОНА. Взрывная волна прокатилась по сплетениям нервов и с грохотом распахнула последние закрытые двери разума.

— Вадим хорошо всё объяснил, кроме одного, — громко заявила София. — Я пришла от Отца Небесного, пославшего меня к вам. Можно сказать, я и есть Он. Я в Отце, и Он во мне, и мы едины. Всемогущий действительно задумал страшное. Очистит виноградник свой от лозы, плода не приносящего. Соберёт ветви и бросит в огонь.

Все ошеломлённо смотрели на такую знакомую девушку. Но та сейчас была непохожа на себя. Голос гремел, лицо ярко светилось, особенно на фоне темноты деревьев и неба. Рыжие волосы превратились в вихрь. Там плясали искры. Золотистый кокон, словно нимб, обхватывал голову. Глаза ослепительно сияли. Белоснежное платье трепетало, словно от урагана.

София ощущала что-то невероятное. Оболочка её тела, такая маленькая и слабая, казалась просто шелухой. Огромная вселенная была в ней от начала веков. Теперь на все вопросы были ответы. Но это не имело никакого значения. Она подняла руки вверх, и небо осветилось яркой вспышкой. И молния расколола горизонт от края и до края. Дождь окропил землю. И звёзды пали. И было знамение...

Москва — Марсель, 2013 г.

Оглавление

Книга 1. Королева принимает по субботам 5

Пролог. Ибо положена печать, и никто не возвращается... 8

ЧАСТЬ 1. МАКСИМ 37
Глава 1. В которой Максим никуда не торопится и знакомится со странным майором 39
Глава 2. В которой приоткрываются некоторые тайны биографии Максима и выясняется, как волшебники воспитывают внуков и что из этого получается 57
Глава 3. В которой мы узнаём, что Максим успел вовремя на таинственное совещание во Францию, а баронесса Вальмонт нашла достойное занятие для мужа 130
Глава 4. В которой мы вновь отправляемся в прошлое Максима, выясняем, что за испытания преодолевал он, и узнаём, как состоялось знакомство с баронессой Селин Вальмонт 142
Глава 5. В которой в замке у барона Анри обсуждают судьбы человечества, а Максим неприлично напивается и вспоминает старую сказку деда ... 184
Глава 6. В которой мы вновь возвращаемся в прошлое (2000-е годы) и узнаём, как Максим познакомился с Софией и спас мир 209
Глава 7. В которой в замке барона Анри отмечают весёлый языческий праздник «Вэ-Дэ-Вэ», а Максим с новоприобретёнными друзьями соревнуется в богатстве фантазий 244

ЧАСТЬ 2. ОЛЬГА 255
Глава 1. В которой герои ищут знамения и обретают нового товарища 257
Глава 2. В которой рассказывается, как ещё подростком Ольга столкнулась с невероятным 279
Глава 3. В которой пытаются поймать лох-несское чудовище, Андрей видит привидение, а София рассказывает, что стало прототипом героя фильма «Чужой» 299
Глава 4. В которой рассказывается о страшном периоде в Ольгиной юности, когда она поняла, почему у вселенной есть чёрные дыры 327
Глава 5. В которой мы вновь оказываемся в Шотландии, Ольга целуется с лох-несским чудовищем, а Андрей не хочет в рай 364
Глава 6. В которой мы вновь возвращаемся в прошлое Ольги и узнаём, как она отправилась на Ямайку. И что из этого получилось 373
Глава 7. В которой мы возвращаемся в наши дни. Ольга и Андрей оживают. Все решают ехать в Каир, а шотландские кролики оказываются крайне опасными 398

ЧАСТЬ 3. ВАДИМ 417
Глава 1. В которой мы попадаем в Каир, Ольга решает встретиться с богом Гором, а Вадим ищет место с плохой репутацией 419
Глава 2. В которой оказывается, что линии судьбы, по которым нас ведут, чрезвычайно запутаны ... 434
Глава 3. В которой мы вновь в современном Каире, и внимательный читатель обнаружит сходство с пророчеством Иоанна, но автор рекомендует отвергнуть эту мысль как ересь. Нельзя же всё превращать в балаган... 456
Глава 4. В которой рассказывается, как много лет назад, бежав из России, Вадим попал в монастырь ТЭЭЭ, и что из этого получилось 485

Глава 5. В которой мы возвращаемся в настоящее время, узнаём о сне, приснившемся Вадиму в Каире, и трудном выборе, который ему пришлось делать 522
Глава 6. В которой рассказывается, как пятнадцать лет назад Вадим покинул монастырь и что из этого получилось 548
Глава 7. В которой Ольга чудо как похорошела, а Вадим развязал себе руки 567

ЧАСТЬ 4. СОФИЯ 583
Глава 1. В которой пытаются узнать, глубока ли кроличья нора 585
Глава 2. В которой Соня встречает парня с игрушечным осликом в красном тюрбане 620
Глава 3. В которой время для друзей, сидящих в пещере, остановилось, и поэтому автор переносит читателя к барону Анри, развившему бурную деятельность 637
Глава 4. В которой рассказывается о страшном событии, случившемся на дискотеке «Дольфи» много лет назад 645
Глава 5. В которой рассказывается, как друзья проводили время в пещере и попали в цирк 656
Глава 6. В которой рассказывается, как Соня давным-давно служила в армии 677
Глава 7. В которой мы возвращаемся в настоящее время, и всё складывается не так, как ожидалось 698

Литературно-художественное издание

ХАРИТ Михаил Давидович

Рыбари и Виноградари

Шеф-редактор *А. Чернова*
Ведущий редактор *А. Строчинская*
Выпускающий редактор *Л. Данкова*
Компьютерная верстка: *А. Дятлов*
В оформлении издания использованы
иллюстрации *Е. В. Хачатурян*
Художественное оформление *П. Винокурова*
Корректор *В. Хатмуллина*

16+

Знак информационной продукции
(Федеральный закон №436-ФЗ 29.12.2010 г.)

Формат 60x90/16
Гарнитура «CharterITC»
Усл. печ. л. 45,0

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

EAC

Отпечатано: Публичное акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
www.t8group.ru; info@t8print.ru
тел.: 8 (499) 332-38-30

МИХАИЛ ХАРИТ

РЫБАРИ и ВИНОГРАДАРИ

Что произойдёт, если туманные и абстрактные предсказания Апокалипсиса вдруг начнут сбываться в реальной жизни? Скорее всего, человечество не заметит. Люди привыкли жить среди постоянных проблем: то эпидемии, то войны, то землетрясения…

Заметят лишь специалисты. Но и они не впадут в религиозный экстаз, поскольку привыкли решать сугубо практические задачи. Раз есть проблема, существует её источник. И группа суперагентов получает задание: найти и обезвредить Зачинщика. Можно сказать, достать из-под земли или с того света.

«Совершено согласен! Реальность есть большая иллюзия, хотя и очень навязчивая».

Альберт Эйнштейн (учёный)

«Бывает, что книга нравится, а писатель нет. Когда читал книгу, казалось, что она разговаривает со мной».

Джонатан Свифт (писатель)

«Наконец-то хороший роман! А то всё про зайчиков да белочек».

Дед Мороз (легендарная личность)

«Приближаясь к правде, мы удаляемся от действительности».

Ежи Лец (философ)

«Не верю!»

Константин Станиславский (режиссёр)

«Мне всегда нравились новые идеи. И их авторы».

Понтий Пилат (политический деятель)

ISBN 978-5-386-09513-0

9 785386 095130

РИПОЛ КЛАССИК